Касслер Клайв

Сокровище

ПОСВЯЩАЕТСЯ ПАМЯТИ РОБЕРТА ЭСБЕНСОНА. ДАЙ БОГ КАЖДОМУ ТАКОГО ДРУГА!

Александрийская библиотека действительно существовала, и если бы она не была опустошена войнами и религиозными фанатиками, до нас дошли бы знания не только великих империй – египетской, греческой и римской, но и тех малоизвестных цивилизаций, которые возникали и гибли вдали от берегов Средиземного моря[1].

В 391 году н. э. римский император Феодосий[2] как истинный христианин приказал собрать и уничтожить все книги и произведения искусства, являющиеся, по его мнению, языческими, включая бессмертные труды греческих философов.

Считалось, что большая часть коллекции была спасена и тайно вывезена. Но что с ней стало и где она спрятана, остается тайной на протяжении шестнадцати веков.

К читателю

Автор приносит извинения за некоторые неудобства, связанные с необходимостью перевода единиц измерения. Но что делать, если в 1991 году Соединенные Штаты Америки оставались последней страной на земле, еще не перешедшей на метрическую систему.

Но это очень просто:

английская, или морская, миля = 1852 км=,

ярд = 0,91 м,

дюйм[3] 25 мм.

Вот и все.

Пролог

Предвестники

15 июля 391 года н. э.

Место действия неизвестно

Маленький мерцающий огонек плясал в непроглядной темноте тоннеля. Человек, одетый в шерстяную тунику, закрывающую колени, замедлил шаг и поднял над головой масляную лампу. В ее тусклом свете стала видна человеческая фигура, лежащая в гробу из золота и хрусталя, а на

гладкой стене за человеком в тунике выросла уродливая, фантастически огромная тень. Человек склонился над гробом и несколько секунд смотрел в невидящие глаза покойного, потом опустил лампу и отвернулся.

Он обвел внимательным взглядом длинный ряд неподвижных фигур, застывших в мрачном безмолвии; их было так много, что последние терялись во мраке пещеры, словно в бесконечности.

Юний Венатор пошел вперед. Его сандалии слегка задевали неровности пола, издавая звук, похожий на шепот. Вскоре тоннель расширился и перешел в просторную галерею. Возвышавшийся на высоте тридцати футов куполообразный потолок опирался на целый ряд арок, придававших прочность всей конструкции. Вырезанные в известняке желоба змеились по стенам, чтобы просочившаяся вода могла свободно стекать в глубокие дренажные бассейны. Стены были изрыты углублениями, наполненными тысячами очень странных круглых контейнеров, сделанных из бронзы. Если бы не большие деревянные клети, установленные в центре этого необычного помещения, то его вполне можно было принять за катакомбы, которых так много под Римом.

Венатор внимательно разглядывал медные таблички, прикрепленные к клетям, сверяя их количество с тем, что было указано в свитке, который он развернул на небольшом складном столике. Воздух в пещере был спертый и сухой, поэтому очень скоро струйки пота стали понемногу пробиваться сквозь плотный слой пыли, покрывавший его кожу. Спустя два часа, уверившись, что ничего не пропустил, он снова свернул свиток и аккуратно засунул его за пояс.

Окинув прощальным взглядом все, что находилось в галерее, Юний Венатор огорченно вздохнул. Он знал, что больше никогда этого не увидит, не сможет коснуться рукой. Устало ссутулившись, он крепко сжал в руке маленькую лампу и направился в обратный путь.

Венатор был немолод, скорее даже стар – ему уже минуло пятьдесят семь лет. Обветренное, изборожденное морщинами лицо, ввалившиеся щеки, усталая, шаркающая походка – все это выдавало в нем человека, у которого не было стимула жить дальше. И все же где-то в глубине души он ощущал тепло, которое дает сознание исполненного долга. Великий проект успешно завершен, огромная тяжесть наконец снята с его согбенных плеч. Ему осталось только преодолеть долгий путь в Рим.

Он миновал еще четыре тоннеля, прорезавших гору. Один из них был завален грудой булыжников. При обвале погибли двенадцать рабов, трудившихся внутри. Их мертвые тела все еще находились там, под камнями. Венатор почувствовал угрызения совести. Но для них было лучше погибнуть быстро и без мучений, чем долгие годы влачить

жалкое существование, работая на царских рудниках, – и только для того, чтобы все равно умереть от болезней или быть брошенными на произвол судьбы, когда иссякнут последние силы.

Он свернул в крайний левый проход и сразу же увидел впереди слабый свет. Входная шахта начиналась в небольшом гроте и имела диаметр около двух с половиной метров – достаточный, чтобы прошли самые крупные клети.

Неожиданно до него донесся отдаленный крик – звук шел снаружи. Венатор озабоченно нахмурил лоб и ускорил шаг. Выйдя на свет, он непроизвольно сощурился. Немного помедлив, он бросил взгляд на лагерь, расположенный неподалеку, на склоне горы. Группа римских легионеров окружила нескольких девушек из какого-то варварского племени. Самая молодая из них, почти девочка, снова вскрикнула и сделала попытку броситься наутек. Ей почти удалось проскочить мимо солдат, но один из них все же успел ухватить ее за длинные черные развевающиеся волосы. Он так сильно дернул ее за волосы, что девушка не устояла на ногах и рухнула на колени прямо в грязь.

Массивный, плотно сбитый мужчина, заметив Венатора, сразу подошел к нему. Этот человек был настоящим великаном – на голову выше любого в лагере, с широченными плечами и почти такими же бедрами, с руками, напоминающими дубовые бревна, длинными, достававшими до самых колен.

Галл Латиний Мацер был главным надсмотрщиком. Он приветственно махнул рукой и заговорил неожиданно высоким голосом.

– Все готово? – спросил он.

– Да, я закончил, – кивнул Венатор. – Можешь запечатывать вход.

– Считай, что это уже сделано.

– Что за суматоха в лагере?

Мацер неодобрительно взглянул холодными черными глазами на солдат и сплюнул.

– Идиотам легионерам нечего было делать, и они со скуки совершили набег на деревушку в пяти лигах[4] к северу отсюда. Устроенная ими бойня оказалась совершенно бессмысленной. Убили около сорока варваров, причем только десять мужчин, остальные – женщины и дети. И зачем? Ни золота, ни трофеев – ничего ценного, только коровий навоз. Притащили сюда несколько уродин, чтобы поразвлечься.

Лицо Венатора напряглось.

– Кто-нибудь уцелел?

– Мне сказали, что двоим мужчинам удалось бежать.

– Они поднимут тревогу во всех окрестных деревнях. Боюсь, Северус разворошил осиное гнездо.

– Северус! – Мацер не произнес, а презрительно выплюнул это имя. – Проклятый центурион! Его люди не делают ничего – только едят, спят и опустошают наши запасы вина. По моему мнению, связавшись с ними, мы лишь нажили лишнюю головную боль.

– Их наняли, чтобы нас защищать, – напомнил Венатор.

– От кого? – спросил Мацер. – От варваров, которые едят насекомых и рептилий?

– Собери рабов и быстро закрой вход. И сделай это на совесть! Варвары ни в коем случае не должны проникнуть внутрь, после того как мы покинем это место.

– Не беспокойся. Насколько я знаю, в этой проклятой глуши даже не слышали о металлообработке. – Мацер сделал паузу и указал на внушительную гору камней и земли, возвышавшуюся у входа в штольню и удерживаемую на месте крепежными стойками из гигантских бревен. – Когда это обрушится, тебя уже не будут волновать драгоценные древности. И потом, такое не раскопаешь голыми руками.

Немного успокоенный, Венатор отпустил надсмотрщика и направил свои стопы к шатру Домиция Северуса. Он прошел мимо изображенной на стенке шатра эмблемы военного соединения – бык и копье – и раздраженно оттолкнул часового, попытавшегося загородить ему дорогу.

Он обнаружил центуриона развалившимся в кресле и с удовольствием рассматривающим совершенно обнаженную, грязную девушку, которая стояла на коленях и что-то говорила на странном языке, состоявшем, как казалось, из одних гласных. Она была очень молода, – должно быть, не старше четырнадцати лет. Северус был облачен в короткую красную тунику, застегнутую на левом плече. Его голые руки были обвиты двумя бронзовыми лентами, закрепленными на бицепсах. Это были мускулистые руки солдата, привыкшие к мечу и щиту. Из-за неожиданного появления Венатора центурион не счел необходимым даже поднять глаза на вошедшего.

– Вот, значит, как ты проводишь время, Домиций, – резко заговорил Венатор. – Ты идешь против Бога, совершая насилие над ребенком варваров.

Северус медленно повернулся к Венатору и уставился на него насмешливыми серыми глазами:

– Сегодня слишком жарко, чтобы я мог выслушивать твои христианские бредни. Мой бог более терпим, чем твой.

– Да, но ты связался с язычницей.

– Ну это как посмотреть. Никто из нас не имел удовольствия встретиться лицом к лицу со своим богом, поэтому трудно сказать, кто из нас прав.

– Христос был сыном истинного Бога.

– Между прочим, – Северус явно вышел из себя, – ты вторгся в мое жилище. Говори, что тебе надо, и убирайся.

– Чтобы ты мог без помех воспользоваться этим несчастным созданием?

Северус не ответил. Он встал, схватил вопящую девочку за руку и грубо швырнул ее на койку.

– Ты хочешь присоединиться ко мне, Юний? – поинтересовался он. – Пожалуйста, я даже позволю тебе быть первым.

Венатор растерянно взглянул на центуриона. Неожиданно для самого себя он почувствовал страх. Римский центурион, командующий пехотным подразделением, вряд ли отличался милосердием. Этот человек был более безжалостным, чем первобытный дикарь.

– Наша миссия в этих местах завершена, – сказан Венатор. – Мацер и рабы готовятся закрыть вход в пещеру. Мы можем сворачивать лагерь и возвращаться на корабли.

– Прошло уже одиннадцать месяцев, с тех пор как мы покинули Египет. Один день ничего не изменит.

– Но в наши задачи не входит грабеж и убийство! Нас мало, а варваров много. Они захотят отомстить.

– Мои легионеры справятся с целой ордой варваров. Пусть только попробуют сунуться.

– Твои люди не истинные воины, а наемники!

– Но они не забыли, как надо драться, – уверенно заявил Северус.

– И умрут во славу Рима?

– Почему они должны это делать? Почему вообще кто-то из нас должен умирать во славу Рима? Расцвет империи остался в прошлом. Некогда великий город на Тибре теперь превратился в трущобы. В наших венах течет не так уж много римской крови. Большинство моих людей уроженцы провинций. Лично я испанец, а ты, Юний, насколько я знаю, грек. В наше суматошное время смешно сохранять преданность

императору, правящему далеко на востоке, в городе, который никто из нас никогда не видел. Нет, Юний, мои люди будут драться, потому что они профессионалы и им за это платят.

– Но все же лучше избегать конфликтов. Я решил: мы снимемся с места еще до темноты...

Слова Венатора были прерваны оглушительным грохотом. Земля под ногами содрогнулась. Он выскочил из шатра и посмотрел на скалу. Рабы убрали опоры, и многотонная лавина рухнула, погребя под огромной массой земли и камней вход в пещеру. Гигантское пыльное облако неторопливо поднялось вверх и зависло над местом проведения работ. Когда грохот стих, стали слышны восторженные крики рабов и легионеров.

– Хвала богам! – торжественно проговорил Венатор. Только теперь он почувствовал, как сильно устал. – Мудрость веков теперь находится в безопасности.

Северус подошел и стал рядом.

– Жаль, что этого нельзя сказать про нас.

– Чего нам бояться? – удивился Венатор. – Если, конечно, Господь позволит нам благополучно вернуться домой.

– Пыток и казни, – спокойно ответил Северус – Мы бросили вызов императору. Феодосий не так-то легко прощает своеволие. Нам не найти безопасного места в империи. Лучше уж поискать убежище на чужбине.

– Но моя жена и дочь... Они будут ждать меня на вилле в Антиохии.

– Агенты императора уже наверняка схватили их. Увы, друг мой, они или мертвы, или проданы в рабство.

– Нет, этого не может быть! – Венатор упрямо покачал головой, не в силах поверить услышанному. – У меня есть могущественные друзья! Они возьмут мою семью под защиту!

– Друзей можно купить или пригрозить им. Неожиданно глаза Венатора расширились.

– Ни одна жертва не может считаться слишком большой ради нашей великой цели. Но все будет напрасно, если мы не вернемся обратно с описью и картой.

Северус открыл было рот, чтобы ответить, но тут заметил своего заместителя Артория Норикуса, бегущего к шатру. Загорелое лицо юного легионера поблескивало от капелек пота, выступивших от полуденной жары. Он отчаянно жестикулировал на бегу, пытаясь

привлечь внимание своего командира к тому, что происходило на склоне ближайшего холма.

Венатор поднял руку, чтобы заслонить глаза от солнца, и посмотрел в указанном направлении. Его губы сжались в тонкую линию.

– Это варвары, Северус. Они пришли, чтобы отомстить за гибель своих сородичей.

Было такое впечатление, что холм покрылся муравьями. Больше тысячи варваров – мужчин и женщин – стояли и смотрели на врагов, вторгшихся на их землю. Варвары были вооружены луками, стрелами, копьями с обсидиановыми наконечниками и деревянными щитами, на которых были натянуты дубленые шкуры животных. Некоторые сжимали в руках камни с привязанными к ним короткими деревянными рукоятками. На мужчинах были только набедренные повязки.

– Еще одна большая группа варваров отрезала нам путь к кораблям, – сообщил Норикус.

Когда Венатор обернулся к Северусу, лицо центуриона было серого оттенка.

– Вот результат твоей преступной глупости, Северус! – Голос Венатора дрожал от гнева. – Ты погубил нас всех!

Он опустился на колени и принялся молиться.

– Твои молитвы не превратят варваров в послушных овец, – с сарказмом заявил Северус – Теперь дело за мечами.

Он повернулся к Норикусу и принялся отдавать команды:

– Прикажи сигнальщику трубить общий сбор. Пусть Латаний Мацер раздаст оружие рабам. Мы построим людей в боевые порядки и двинемся к кораблям.

Норикус отсалютовал и побежал к центру лагеря.

Пехотное подразделение из шестидесяти солдат построилось быстро. Строй имел форму каре. Римляне образовывали переднюю и тыловую шеренги. Сирийские лучники заняли места на флангах между вооруженными рабами. В центре каре находились Венатор и его помощники. Они были защищены со всех сторон.

Главными орудиями римских пехотинцев IV века н. э. был гладиус – обоюдоострый короткий меч и пилум – двухметровое метательное копье. На голове солдаты носили железные шлемы с пластинками, прикрывающими щеки, которые специальными ремешками связывались под подбородком (такой головной убор выглядел как

жокейская шапочка, надетая козырьком назад); латы – скрепленные внахлест металлические пластины, защищающие туловище и плечи, и специальные наголенники. Кроме того, они имели овальные щиты, сделанные из слоистого дерева.

Вместо того чтобы немедленно броситься в атаку, варвары выжидали и медленна окружали колонну римлян. Сначала они попытались сбить строй врагов, выслав вперед людей, которые выкрикивали непонятные слова и угрожающе жестикулировали. Но это не помогло.

Центурион Северус был слишком опытным воином, чтобы испытывать страх. Он вышагивал перед строем, внимательно следя за всем, что происходило вокруг.

К маневрам противника он относился с изрядной долей иронии. Ему не впервой приходилось сталкиваться с многократно превосходящим его по численности неприятелем. Северус добровольно вызвался стать легионером, когда ему было всего шестнадцать лет. Еще будучи простым солдатом, он проявил редкое для молодого человека мужество, сражаясь с готами на Дунае и с франками на Рейне. Выйдя в отставку, он стал наемником и теперь служил тому, кто платил наивысшую цену. В данном случае это был Юний Венатор.

Северус был уверен в своих людях и с гордостью взирал на их четкий строй, блестящие на солнце шлемы и обнаженные мечи. Они были настоящими бойцами, побывавшими во многих серьезных переделках, всегда оказывались победителями и не знали поражений.

Большая часть лошадей, в том числе и его собственная, пала во время тяжелейшего перехода из Египта, поэтому строй был пешим.

Вдруг варвары с диким ревом устремились вниз по выжженному солнцем склону. Первая волна была встречена градом стрел сирийских лучников и копий римских легионеров. Вторая волна понеслась вперед, разбившись о сомкнутый строй солдат. Мечи римлян окрасились кровью варваров. Подгоняемые проклятьями, выкрикиваемыми громовым голосом Латиния Мацера, рабы тоже не подвели и выдержали натиск.

Строй продвигался вперед очень медленно, поскольку варвары наседали со всех сторон, причем их число с каждой минутой увеличивалось. Иссушенный зноем склон покрылся озерами крови. Все больше и больше обнаженных тел нападавших оставалось неподвижно лежать на земле. Те, что вставали на смену павшим, были вынуждены ступать по трупам своих товарищей, калеча голые ноги о разбросанные повсюду острые обломки. Копья римлян с сокрушительной силой врезались в незащищенную плоть нападавших. Варваров было неизмеримо больше, но они не могли превзойти до зубов вооруженных, опытных и дисциплинированных римских воинов.

Сообразив, что лобовой атакой они не добьются успеха, варвары отступили и перегруппировались. Они стали забрасывать римлян стрелами и каменными копьями, а их женщины обрушили на врагов град камней.

Тогда римляне сомкнули щиты над головами, в результате чего строй стал издали напоминать гигантскую черепаху, и продолжили движение к кораблям. Теперь только сирийские лучники стреляли по варварам, нанося им серьезные потери. Для рабов щитов не хватило, и они продолжали сражаться без какой бы то ни было защиты. Они были ослаблены утомительным переходом и тяжелыми земляными работами. Многие падали, и наступающие варвары немедленно растаптывали их тела.

Северус имел большой опыт сражений такого рода. Он получил возможность хорошенько попрактиковаться в войне с бриттами. Противник, конечно, был бесстрашен, но все-таки необучен, и Северус решил пойти на хитрость. Он приказал своим воинам остановиться и бросить оружие на землю. Варвары, решив, что римляне сдаются, со всех ног устремились вперед. Они не заметили, как по знаку Северуса мечи снова оказались в руках воинов.

Римляне предприняли контратаку. Идя по-прежнему во главе колонны, центурион разил врагов налево и направо. Четверо варваров уже лежали у его ног. Еще одному он нанес сокрушительный удар шитом, а другому, особенно настырному, перерезал горло. Затем поток нападавших несколько уменьшился, а через несколько секунд и вовсе иссяк. Галдящая орда отошла на безопасное расстояние.

Северус воспользовался передышкой, чтобы посчитать потери. Двенадцать из шестидесяти солдат были мертвы, четырнадцать получили ранения разной степени тяжести. Хуже всего пришлось рабам, которых уцелело не больше половины.

Он подошел к Венатору, который перевязывал рану на руке куском ткани, оторванным от туники. Греческий мудрец больше собственной жизни оберегал свой драгоценный свиток.

– Ты все еще с нами, старина?

Венатор взглянул на центуриона – в его глазах светилась решимость, изрядно приправленная страхом.

– Ты умрешь раньше меня, Северус.

– Это угроза или пророчество?

– Какая разница? Никто из нас больше не увидит империю.

Северус не ответил. Сражение возобновилось – варвары снова обрушили на врагов град камней и стрел, от которых, казалось, потемнело небо. И командир поспешил к своему войску.

Римляне сражались яростно, но их становилось все меньше и меньше. А из сирийских лучников уже и вовсе никого не осталось. Атака продолжалась. Римлян становилось все меньше и меньше. Уцелевшие – многие из них были ранены – страдали от усталости, жары и жажды. Воины ослабли и уже не так уверенно наносили удары.

Варвары, очевидно, тоже изрядно выдохлись и к тому же понесли огромные потери, но не отступали.

У ног каждого легионера лежало по меньшей мере полдюжины трупов. Тела наемников, утыканные стрелами, напоминали подушечки для иголок. Мацер был ранен в колено и бедро. Он держатся на ногах, но не мог двигаться вперед вместе со всеми. Он отстал и очень скоро был окружен толпой из двух десятков варваров. Мацер несколько раз взмахнул мечом и при этом рассек тела троих нападавших надвое. Остальные отступили – гигантский рост и недюжинная сила Латания явно произвели впечатление. Не в силах сделать ни шагу, он кричал и размахивал руками, требуя, чтобы противники подошли поближе.

Варвары довольно быстро воспринимали урок и теперь не спешили вступать в ближний бой. Было целесообразнее привлечь к делу лучников. Уже через несколько секунд из пяти ран в теле Мацера хлынула кровь. Ухватившись за древко, он вытаскивал застрявшие в теле наконечники стрел. Один из варваров подбежал ближе и метнул копье, поразившее Мацера в горло. Гигант еще несколько секунд стоял на месте, словно не в силах сообразить, что произошло, а потом медленно опустился на землю. На него тут же набросились женщины, словно стая обезумевших волков, и забили камнями, превратив его еще недавно сильное тело в бесформенную груду мяса и костей.

Теперь от реки римлян отделял только крутой песчаный обрыв. Но небо над обрывом неожиданно изменило цвет, став из голубого оранжевым. Затем вверх поднялся столб черного дыма, а ветер донес запах горящего дерева.

Шок, на мгновение парализовавший Венатора, сменился отчаянием.

– Корабли! – воскликнул он. – Варвары атакуют корабли!

Израненные, окровавленные рабы в панике бросились к реке. Попытка оказалась самоубийственной. Варвары атаковали их с флангов. Даже те, кто бросил оружие, были безжалостно убиты. Остальные попытались оказать сопротивление, используя в качестве укрытия растущие на

склоне деревья, но и это не помогло. Варвары уничтожили всех. Пыль, взметнувшаяся ввысь, стала для убитых саваном, а сухой кустарник – последним пристанищем.

Северус и оставшиеся в живых легионеры с боем прорвались к краю обрыва и внезапно остановились, на мгновение забыв о кипящей вокруг бойне. Потрясенные, они молча взирали на происходящее внизу.

Повсюду плясали огромные языки пламени, змеились вверх струи дыма. Флот, их единственная надежда на спасение, горел. Огромные зерновые суда, нанятые ими в Египте, были обречены.

Венатор пробился вперед и встал рядом с Северусом. Центурион молчал. Его туника промокла от пота и крови. Охваченный чувством безысходности, он смотрел на море дыма и огня, на ярко вспыхивающие и распадающиеся вихрем искр огромные паруса, пытаясь смириться с ужасной реальностью поражения.

Суда стояли на якорях у берега. Их никто не защищал. Варвары, перебив немногочисленных моряков, подожгли все, что могло гореть. Только одно маленькое торговое суденышко избежало общей участи, – вероятно, команде удалось отбиться от нападающих. Четыре моряка поднимали паруса, а остальные налегали на весла, стараясь отвести судно подальше от берега.

Венатор облизнул пересохшие губы и почувствовал одновременно вкус гари и горечи поражения. Его миссия закончилась катастрофой. Небеса разгневались на него и потому окрасились в кроваво-красный цвет. Вера, сопутствовавшая ему в выполнении тщательно продуманного плана – сохранить бесценные знания прошлого, – умерла в его сердце.

Чья-то рука коснулась его плеча. Венатор обернулся и удивленно уставился на странное выражение лица Северуса, которое изображало сдержанное оживление.

– Я всегда рассчитывал, – сообщил центурион, – умереть пьяным, лежа на юной красотке.

– Только Бог может решать, когда и где человек умрет, – туманно ответствовал Венатор.

– Я предпочитаю думать, что главная роль здесь принадлежит удаче.

– Потеря! Какая чудовищная потеря!

– Но по крайней мере ваши ценности надежно спрятаны, – сказал Северус, – а оставшиеся в живых расскажут вашим ученым собратьям обо всем, что мы здесь успели сделать.

– Нет, – покачал головой Венатор. – Никто не поверит рассказам невежественных моряков. – Он бросил взгляд на удаленные холмы и тяжело вздохнул. – Решат, что это плод их фантазии.

– Ты умеешь плавать?

– Плавать? – Брови Венатора удивленно поползли вверх.

– Я дам пятерых моих лучших людей, чтобы они помогли тебе добраться до воды, если только ты сможешь доплыть до корабля.

– Я… не уверен. – Венатор растерянно посмотрел на неласковые речные воды и на постоянно увеличивающееся расстояние между берегом и кораблем.

– Ты можешь использовать какой-нибудь подходящий обломок в качестве плота, – резко сказал Северус – И поторопись, иначе мы все через несколько минут предстанем перед нашими богами.

– А как же ты?

– Этот холм ничуть не хуже любого другого места на земле, чтобы остаться здесь навсегда.

Венатор порывисто обнял центуриона:

– Да пребудет с тобой Господь!

– Пусть лучше он отправится с тобой.

Северус быстро выбрал пятерых бойцов и приказал им защищать Венатора на пути к реке. После этого он занялся переформированием жалких остатков своего отряда, чтобы приготовиться к последнему бою.

Окружив Венатора, легионеры рванулись сквозь поредевшие ряды варваров, преграждающих путь к реке. Они кричали и размахивали мечами, словно впавшие в неистовство безумцы.

Венатор устал до такой степени, что лишился способности чувствовать, но рука его оставалась крепкой, а поступь твердой. Он был ученым, ставшим разрушителем, и теперь его вело вперед только мрачное упрямство, даже страх смерти куда-то исчез.

Теперь они прорывались сквозь яростный водоворот огня. Венатор чувствован запах дыма и горящей плоти. Он рывком оторвал еще кусок туники и прикрыл нос и рот, чтобы не задохнуться.

Солдаты защищали Венатора, не щадя своих жизней. Неожиданно он почувствовал, что его ноги ступают по воде. Он рванулся вперед и нырнул, когда вода едва достигла его колен. Он успел заметить горящую

мачту, падающую с одного из судов, и поплыл к ней, не осмеливаясь оглянуться назад.

А солдаты на берегу продолжали отражать яростные атаки нападавших. Варвары теснили их со всех сторон, идя на всевозможные уловки, чтобы обнаружить слабые места в обороне римлян. Четыре раза они собирали внушительные силы и шли в атаку – и всякий раз были отброшены, но после каждой сокрушающей атаки на земле оставался еще один или два легионера. Защитники смыкали свои ряды и продолжали сражаться плечом к плечу. Поле боя было покрыто телами мертвых и умирающих, вниз по склону текли потоки крови. И все-таки римляне продолжали сопротивляться.

Сражение длилось без передышки уже больше двух часов, а варвары атаковали так же упорно, как и вначале. Они почувствовали запах победы и стремились добыть ее любой ценой.

Всякий раз, когда в истерзанную плоть Северуса попадала очередная стрела, он отламывал торчащее древко, чтобы не мешало двигаться, и продолжал драться. Вокруг него лежали горы трупов, рядом с ним осталось лишь несколько легионеров. Один за другим они падали наземь, так и не выпустив из рук оружия.

И вот Северус остался один. Он уже не держался на ногах и не мог поднять меч. Стоя на коленях, он сделал последнюю попытку встать, потом обратил глаза к небу и тихо прошептан:

– Мать, отец, я иду к вам!

И словно в ответ на его мольбу со всех сторон налетели варвары и принялись яростно избивать последнего, самого стойкого врага, пока жизнь не покинула отважного центуриона.

* * *

А Венатор тем временем с трудом подплыл к мачте, ухватился за нее и начал дрыгать ногами в отчаянной попытке догнать удаляющееся судно. Но ветер и течение относили судно все дальше и дальше.

Он громко закричал и замахал свободной рукой, стараясь привлечь внимание моряков на борту. Это ему удалось. На корме стояли матросы и девушка, державшая собаку. Они заметили пловца, но взирали на него без всякого сочувствия и не делали попыток прийти ему на помощь. Судно быстро уходило вниз по реке, словно никакого Венатора и не существовало.

Венатор понял это и почувствовал полную беспомощность. В порыве душевной муки он несколько раз стукнул кулаком по мачте и зарыдал, убежденный, что Господь покинул его. Он обернулся, чтобы бросить последний взгляд на берег, – кровавая бойня шла к концу.

Экспедиции больше не существовало. Она исчезла во мраке небытия.

Часть первая

РЕЙС №106 АВИАКОМПАНИИ «НЕБУЛА»

Аэропорт Хитроу, Лондон

12 октября 1991 года

1

Никто не обратил ни малейшего внимания на летчика, когда он проскользнул мимо толпы корреспондентов, набежавших откуда-то из недр терминала. Никто из пассажиров, ожидавших у ворот № 14, не заметил, что вместо обычного изящного портфеля летчик нес в руке большую спортивную сумку. Он шел немного наклонив голову и глядя исподлобья прямо перед собой, старательно обходя скопление телекамер, направленных на высокую, смуглую женщину со спокойным, очень привлекательным лицом и выразительными угольно-черными глазами, которая находилась в самом центре шумной толпы ВИП-пассажиров.

Летчик быстро поднялся по посадочной лестнице, где был остановлен двоими сотрудниками службы безопасности аэропорта, которые преградили ему путь на борт самолета. Он попытался было протиснуться меж ними, но тут на его плечо легла рука одного из сотрудников.

– Одну минуту, капитан.

Летчик остановился; на его темнокожем лице появилось вопросительное, но дружелюбное выражение. Казалось, его забавляет это неожиданное препятствие.

У капитана были темно-карие, проницательные глаза, которые заглядывали прямо в душу. Нос был сломан, причем не единожды, а левую щеку пересекал длинный шрам, доходивший до нижней челюсти. Судя по коротко подстриженным, уже посеребренным сединой волосам и глубоким морщинам на лице, ему уже давно перевалило за пятьдесят. Он был ростом более шести футов, имел плотное телосложение и слегка выдающийся животик. Закаленный различными передрягами, уверенный в себе, в прекрасно подогнанной по фигуре форме, он ничем не отличался от любого из десяти тысяч летчиков, работавших на международных воздушных авиалиниях.

Он извлек из кармана свое удостоверение личности и протянул агенту службы безопасности.

– В этом рейсе будут ВИП-пассажиры? – невинно поинтересовался он.

Исключительно корректный, безукоризненно одетый представитель британских спецслужб кивнул:

– В Нью-Йорк возвращается большая группа сотрудников Организации Объединенных Наций, в том числе ее новый Генеральный секретарь.

– Гала Камиль?

– Да.

– По-моему, такая работа не для женщин.

– Это никогда не мешало премьер-министру Тэтчер.

– Ну здесь особый случай.

– Госпожа Камиль – очень проницательная дама. Она справится.

– Если, конечно, мусульманские фанатики из ее же собственной страны не разорвут ее на части, – проговорил капитан с явным американским акцентом.

Англичанин удивленно взглянул на него, но воздержатся от дальнейших комментариев, а только внимательно сравнил фотографию на удостоверении со стоящим перед ним оригиналом. Имя он зачитал вслух:

– Капитан Дейл Лемке.

– Совершенно верно. Это я. Есть проблемы?

– Нет, мы просто стараемся предотвратить их возникновение.

Лемке развел руки в стороны:

– Хотите меня обыскать?

– Нет необходимости. Командир вряд ли станет подвергать опасности собственный самолет. Но мы должны проверить ваши документы, чтобы не было сомнений, что вы действительно являетесь членом экипажа.

– Я ношу эту форму на работе, а не на костюмированной вечеринке.

– Мы можем посмотреть, что у вас в сумке?

– Конечно, будьте моими гостями.

Он опустил голубую нейлоновую сумку на пол и открыл ее. Второй агент извлек оттуда судовой журнал и механический прибор неизвестного назначения с маленьким гидравлическим цилиндром.

– Не могли бы вы сказать, что это такое?

– Подвижной контакт силового привода заслонки охлаждения масла. Он застрял в положении «открыто», и наши ремонтники в аэропорту Кеннеди попросили отвезти его домой для ремонта.

Агент похлопал рукой по объемному свертку, лежащему на дне сумки.

– А это что? – Он с искренним изумлением взглянул на летчика. – С каких это пор пилоты пассажирских линий берут с собой парашюты?

Лемке рассмеялся:

– Парашютный спорт – мое хобби. Если удается выкроить время, я таким образом развлекаюсь с друзьями в Кройдоне.

– Надеюсь, вы не собираетесь прыгать с борта реактивного самолета?

– Во всяком случае, не с того, который летит со скоростью пятьсот узлов на высоте тридцать пять тысяч футов[5] над Атлантическим океаном.

Агенты обменялись понимающими взглядами. Спортивная сумка была закрыта и возвращена пилоту вместе с удостоверением.

– Извините за задержку, капитан.

– Ничего страшного, я никогда не прочь поболтать.

– Желаем вам счастливого полета.

– Благодарю.

Наклонив голову, Лемке вошел в самолет и сразу направился в кабину. Он запер за собой дверь и выключил освещение, чтобы случайный наблюдатель не смог увидеть из окон зада, чем он занимается. Отработанными движениями он опустился на колени за креслами, вытащил из кармана небольшой фонарик и поднял люк, ведущий в расположенный под кабиной отсек, начиненный электронным оборудованием. Это помещение с легкой руки неизвестного шутника с незапамятных времен называли «чертовой норой». Он сбросил вниз, в чернильную темноту, веревочную лестницу и спустился, подгоняемый доносящимися до него приглушенными голосами обслуживающего персонала, занимающегося подготовкой пассажирского салона к полету, и глухими ударами, сопровождающими погрузку багажа.

Лемке потянулся вверх, взял сумку и включил фонарик. Взглянув на часы, он убедился, что в запасе у него около пяти минут до прибытия остальных членов экипажа. Уверенно – в процессе подготовки он повторил это упражнение не менее пятидесяти раз – он извлек из сумки подвижной контакт силового привода и соединил его с миниатюрным часовым механизмом, который пронес на борт, спрятав в головном уборе. Затем он закрепил полученную конструкцию на петлях

небольшой дверцы, ведущей наружу, которой иногда пользовались механики аэропорта. После этого он выложил из сумки парашют.

Когда прибыли первый и второй пилоты, Лемке сидел в своем кресле и читал информационное сообщение аэропорта. Летчики обменялись обычными приветствиями и начали предполетную подготовку. Ни пилот, ни инженер не почувствовали, что Лемке необычно спокоен и углублен в себя.

Они наверняка обратили бы на это внимание, если в знати, что наступившая ночь должна была стать последней в их жизни.

* * *

Гада Камиль стояла в заполненном людьми зале ожидания перед великим множеством микрофонов, под объективами камер и терпеливо отвечала на бесчисленные вопросы репортеров, обладавших настойчивостью и упорством средневековых инквизиторов.

Только немногие спрашивали о ее поездке по Европе и встречах с главами государств. Большинство интересовалось ее мыслями по поводу казавшегося неминуемым свержения египетского правительства мусульманскими фундаменталистами.

Масштаб беспорядков был ей пока неизвестен. Фанатики под предводительством Ахмеда Язида, ярого приверженца ислама, разожгли религиозные страсти и повели за собой миллионы бедняков. За них были доведенные до нищеты крестьяне из многочисленных, разбросанных вдоль Нила деревушек и городская беднота. Высокопоставленные офицеры армии и военно-воздушных сил открыто сговорились с исламскими радикалами свергнуть недавно вступившего в должность президента Надава Хасана. Ситуация была в высшей степени нестабильной, постоянно менялась, и у госпожи Камиль не было последней информации о состоянии дел, поэтому она была вынуждена ограничиться общими фразами.

Гала прекрасно владела собой, ее невозмутимости мог бы позавидовать сфинкс. На вопросы она отвечала спокойно, без эмоций, но в ее душе царило смятение. Ей все время казалось, что она смотрит на себя откуда-то издалека, словно в центре вышедших из-под контроля событий находится кто-то другой и ему невозможно помочь и остается только пожалеть.

Маэстро Тутмес, глядя на нее, вполне мог бы создать тонкий и поэтичный скульптурный портрет царицы Нефертити, один из которых выставлен в Берлинском музее. Во внешности обеих женщин действительно было много общего: длинная шея, тонкие черты лица,

пристальный взгляд. Госпоже Камиль было сорок два года. Стройная, черноглазая, смуглая, с длинными иссиня-черными волосами, расчесанными на прямой пробор и свободно спадающими на плечи, при росте пять футов одиннадцать дюймов она всегда носила туфли на высоких каблуках, а ее изумительно красивый гибкий стан облегал элегантный костюм.

В разное время у Галы было четыре любовника, но она никогда не была замужем. Семья, хоть Гала и сожалела об этом, не вписывалась в ее жизнь.

Гала родилась в Каире. Ее отец был кинорежиссером, а мать – учительницей. Сама Гала каждую свободную минуту посвящала рисованию или археологическим раскопкам. После получения степени доктора философии в области египтологии Гала Камиль стала выполнять исследовательские работы по заказу Министерства культуры.

Напористая, уверенная и энергичная, она сумела побороть исламские предрассудки и со временем возглавила департамент информации. Ее заметил президент Мубарак и предложил поработать в составе египетской делегации в Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций. Спустя пять лет Гала была назначена вице-председателем делегации. Это было, когда Перес де Куэльяр подал в отставку в середине второго срока пребывания на посту Генерального секретаря ООН. Причиной послужил выход пяти мусульманских государств из состава ООН из-за разногласий, связанных с требованием религиозных реформ. После того как те, кто стоял в списке претендентов перед ней, отказались от предложенного поста, Гала Камиль была избрана Генеральным секретарем ООН. Она лелеяла надежду на то, что ей удастся заделать постоянно появляющиеся трещины в фундаменте организации...

К ней подошел помощник и тихо произнес несколько слов. Гала кивнула и подняла руку.

– Мне доложили, что самолет готов к взлету, – проговорила она. – Последний вопрос, пожалуйста.

Поднялся лес рук, и множество голосов зазвучали одновременно. Гала указала на человека, стоявшего у дверей с магнитофоном в руке.

– Ли Хант, Би-би-си. Госпожа Камиль, если демократическое правительство президента Хасана сменится исламской республикой, вы вернетесь в Египет?

– Я египтянка. Если руководители моей страны потребуют, чтобы я вернулась, я подчинюсь.

– Даже несмотря на то что Ахмед Язид назвал вас еретичкой и предательницей?

– Даже несмотря на это, – спокойно ответила Гала.

– Если он хотя бы наполовину столь же фанатичен, как аятолла Хомейни, вас может ожидать очень суровое наказание. Не хотите ли это прокомментировать?

Гала покачала головой и улыбнулась:

– Извините, мне пора. Всем большое спасибо.

В окружении телохранителей она проследовала к трапу. Ее помощники и делегация ЮНЕСКО уже разместились в самолете. Четыре представителя Всемирного банка пили у стойки бара шампанское и тихо переговаривались.

Только устроившись в кресле, Гала почувствовала, как сильно устала. Она пристегнула ремень и посмотрела в окно. По земле стелился легкий туман, и голубые огни вдоль взлетно-посадочной полосы расплывались, приобретая форму тускло светящихся, сливающихся друг с другом шаров. Гала сняла туфли, закрыла глаза и решила, что она вполне успеет немного подремать, пока стюардесса принесет коктейль.

* * *

Дождавшись своей очереди на взлет, самолет Организации Объединенных Наций, вылетавший из Лондона чартерным рейсом № 106, вырулил на взлетную полосу. Получив разрешение на взлет, Лемке выполнил необходимые манипуляции, и «Боинг 720-В», разбежавшись по мокрому бетонному покрытию, поднялся во влажный, пропитанный сыростью воздух.

Достигнув заданной высоты, Лемке включил автопилот, отстегнул ремень, удерживавший его в кресле, и встал.

– Природа зовет, – сказал он и направился к двери кабины.

Второй пилот, он же бортинженер, светловолосый человек со спокойным лицом, покрытым сеточкой морщин, улыбнулся, ни на мгновение не отрывая глаз от панели управления.

– Я подожду здесь.

Лемке выдавил короткий смешок и вышел в пассажирский, салон. Стюардессы готовились разносить еду. Капитан жестом подозвал к себе главного стюарда.

– Я могу что-нибудь для вас сделать, командир?

– Я только хотел чашечку кофе. Но не беспокойтесь, я налью сам.

– Тут нет никакого беспокойства. – Стюард отошел к столу и налил кофе.

– Да, вот еще…

– Сэр?

– Компания попросила нас принять участие в проводимой правительством программе метеорологических наблюдений. Когда мы удалимся от Лондона на двадцать восемь тысяч километров, я на десять минут снижу высоту до полутора тысяч метров, чтобы провести измерения температуры и ветра. Затем мы вернемся на заданную высоту полета.

– Трудно поверить, что компания пошла на такое. Хотел бы я, чтобы мой банковский счет увеличился на ту сумму, в какую обойдутся потери топлива.

– Не сомневаюсь, что наши менеджеры отправят счет в Вашингтон.

– Когда понадобится, я предупрежу пассажиров, чтобы никто не волновался.

– Если кто-нибудь заметит огни, можете также сказать, что это рыболовный флот, с такой высоты его будет видно.

– Не волнуйтесь, сэр, я обо всем позабочусь.

Лемке оглядел салон. Его взгляд на мгновение задержался на спящей Гале Камиль.

– Ужесточение мер безопасности в этом рейсе не вызвало недоразумений? – поинтересовался он, продолжая беседу.

– Один из репортеров сказал мне, что в Скотленд-Ярде имеются сведения о готовящемся покушении на Генерального секретаря ООН.

– Да они под каждым кустом видят террориста! Меня не пускали в самолет, пока я не показал удостоверение личности. А мою сумку обыскали.

– Ну и что? – Стюард пожал плечами. – Это же ради безопасности пассажиров, а значит, и нашей.

Лемке кивнул в сторону рядов кресел:

– По-моему, никто из них непохож на преступника.

– Если только террористы не начали одеваться в костюмы от Армани и Сен-Лорана.

– Кстати, из соображений безопасности я буду держать дверь кабины закрытой. Если потребуется, вызовете меня по переговорному устройству.

– Хорошо.

Лемке сделал глоток кофе, поставил чашку и вернулся в кабину. Его помощник смотрел на удалявшиеся огни лондонского предместья, бортинженер углубился в компьютерные подсчеты расхода топлива.

Лемке повернулся к ним спиной и достал из нагрудного кармана небольшую коробочку. В ней находился шприц, наполненный препаратом, парализующим нервную систему.

Потом он снова повернулся лицом к экипажу, сделал шаг в сторону и, словно потеряв равновесие, ухватился за плечо второго пилота:

– Извини, Фрэнк, я споткнулся о ковер.

Фрэнк Хартли имел приятное удлиненное лицо, аккуратно подстриженные светлые волосы и роскошные усы. Он не почувствовал, как тонкая игла вонзилась в его плечо. Он поднял глаза от датчиков и лампочек на панели управления и рассмеялся:

– Ты прольешь подливу, Дейл.

– Ничего, – ответил Лемке, – летать я еще пока могу, а вот ходить бывает подчас тяжело.

Хартли открыл рот, собираясь что-то добавить, но неожиданно его лицо исказилось. Он помотал головой, как будто отгоняя навязчивое видение, потом его глаза закатились, он выгнулся и замер.

Удерживая тело Хартли так, чтобы он не падал на бок, Лемке вытащил шприц и незаметно заменил его другим.

– Кажется, с Фрэнком что-то случилось!

Джерри Освальд, очень высокий, крупный человек с неправдоподобно худым, пожалуй, даже изможденным лицом, обернулся и спросил:

– Что такое?

– Лучше сам посмотри!

Освальд протиснулся между креслами и склонился над Хартли. Лемке снова воткнул иголку и надавил на поршень, но Освальд почувствовал укол.

– Что, черт возьми, это было? – воскликнул он, недоуменно озираясь. Заметив в руках Лемке шприц, он непонимающе уставился на товарища.

Наконец он понял, в чем дело, рванулся вперед и схватил Лемке за горло.

– Ты не Дейл Лемке, – прохрипел он. – Зачем тебе надо было стать похожим на него?

Человек, назвавшийся Лемке, не смог бы ответить, даже если бы очень захотел. Сильные руки, сжимавшие его горло, не давали не только говорить, но и дышать. Прижатый к переборке тяжелым телом Освальда, он тщетно пытался выдавить из себя хотя бы слово. Тогда он собрал все силы и ударил Освальда коленом в пах. Желаемой реакции не последовало – только короткое ругательство. Преступник начал терять силы – сознание медленно застилала черная пелена.

Казалось, прошла вечность, прежде чем давление ослабло и Освальд отшатнулся. Его глаза расширились от ужаса – он понял, что умирает. Освальд с яростной ненавистью взглянул на Лемке, сжат кулаки и одновременно с последним ударом сердца нанес убийце сильнейший удар в живот.

Лемке рухнул на колени. Удар вышиб из него дух, к горлу подступила тошнота. Как в тумане он увидел, что Освальд, хватаясь за спинку кресла, медленно сполз на пол. Лемке сел и несколько минут сохранял неподвижность, старясь отдышаться и унять боль.

Затем он встал и прислушался. По другую сторону двери все было тихо. В салоне, судя по всему, было спокойно. Никто из пассажиров и членов экипажа не услышат ничего необычного – все заглушат монотонный гул двигателей.

К тому моменту как ему удалось усадить Освальда в кресло и пристегнуть его тело ремнем, Лемке весь взмок. Хартли сидел в своем кресле с пристегнутым ремнем, поэтому Лемке не было нужды с ним возиться. После этого он сел и, взглянув на панель управления, занялся определением координат самолета.

Спустя сорок пять минут Лемке изменил курс. Теперь чартерный самолет Организации Объединенных Наций летел не в Нью-Йорк, а в ледяные пустыни Арктики.

2

Это одно из самых суровых и пустынных мест на земле, которые никогда не посещаются туристами. За последние сто лет здесь побывала только группа ученых и полярных исследователей. Ранней осенью температура здесь опускается до минус 73° по Фаренгейту[6]. Черная мгла прячет холодные небеса в течение долгих зимних месяцев, но даже летом на смену слепящим солнечным лучам может прийти вьюга, а за ней и мрак.

Затененное причудливыми ледяными нагромождениями, постоянно продуваемое холодными ветрами, величавое белое безмолвие на верхних подступах к Арденкапл-фьорду, что на северном побережье Гренландии, почти два тысячелетия назад было заселено охотниками. Исследования останков, извлеченных при раскопках, показали, что люди здесь жили с 200 по 400 год н. э. – краткое мгновение на часах истории. После них осталось более двух десятков жилищ, прекрасно сохранившихся в суровом климате.

По инициативе ученых университета Колорадо на место древнего поселения была доставлена по воздуху вертолетом и установлена алюминиевая конструкция заводского изготовления, предназначенная для жилья. Мощные отопительные приборы и изоляция из пеностекла слабо противостояли холоду, но они по крайней мере защищали от ледяных ветров, заунывно воющих на все лады за стенами убежища. Тем не менее укрытие давало возможность команде археологов работать даже в начале зимы.

Лили Шарп, профессор антропологии Колорадского университета, не замечала холода, проникавшего внутрь укрытия. Она стояла на коленях на полу древнего жилища и осторожно счищала мерзлую землю небольшой лопаткой. Она была одна и глубоко ушла в собственные мысли, пытаясь представить жизнь доисторических людей в самой хижине.

Они были рыболовами и охотниками и проводили долгие арктические зимы в хижинах, частично врытых в землю, с низкими каменными стенами и крышами из турфа, поддерживаемыми китовыми костями. Для обогрева они использовали масляные лампы и коротали время, вырезая миниатюрные фигурки из деревьев, приносимых волнами к берегу, а также из костей и оленьих рогов.

Эта часть Гренландии была заселена в I веке от Рождества Христова. Потом произошло необъяснимое. Когда культура охотников находилась в самом расцвете, они снялись с места и исчезли, оставив после себя множество ценных произведений культуры.

Упорство Лили было вознаграждено. Трое из археологической экспедиции предпочли остаться в помещении для послеобеденного отдыха, а она вернулась на место раскопок, чтобы продолжить работу, и сумела обнаружить рог карибу[7] с вырезанными на нем двадцатью фигурками животных, изящно изогнутую женскую расческу и каменный сосуд для приготовления пищи.

Неожиданно лопатка Лили обо что-то ударилась. Она повторила движение и прислушалась. Снова тот же звук. Он не был похож на уже ставший привычным стук лопатки о камень. В нем отчетливо слышался металлический звон.

Она выпрямилась и с удовольствием потянулась. От работы в неудобном положении спина затекала и сильно ныла. Из-под толстой шерстяной шапочки выбились пряди темно-рыжих волос, отливавших медью в свете, отбрасываемом лампой Колемана. Ее зеленые глаза со скептическим любопытством взирали на светлое пятнышко, показавшееся из-под угольно-черной земли.

– Доисторические люди, которые здесь жили, – сказала вслух Лили, – не знали ни железа, ни бронзы.

Лили изо всех сил старалась сохранить спокойствие, но не сумела справиться с волнением. Необходимо было немедленно разобраться, на что она наткнулась. Не обращая внимания на внутренний голос, настойчиво призывавший ее к осторожности, неторопливости, она начала поспешно копать. Она скребла и разрывала лопаткой неподатливый грунт, останавливаясь каждые несколько минут, чтобы аккуратно смахнуть землю кисточкой.

В конце концов Лили удалось откопать предмет, и она наклонилась, чтобы рассмотреть его поближе. С благоговейным почтением она взирала на исходившее от него желтое сияние.

Это была золотая монета.

Судя по неровным, истертым краям, монета была очень старой. В центре ее имелась маленькая дырочка, в которую были продеты полуистлевшие остатки кожаного шнурка. Очевидно, ее носили на шее как украшение или амулет.

Лили присела и глубоко вздохнула. Ей почему-то было страшно дотронуться до своей находки.

Спустя пять минут она все еще на коленях стояла над монетой. Ее ум напряженно работал в поисках приемлемого решения и не находил его. Неожиданно дверь хижины резко распахнулась – и на пороге появился очень большой, толстый человек с добродушным лицом, украшенным пышными усами. Сначала в помещение вдвинулся объемистый живот, а затем и его обладатель. Следом ворвался вихрь снежинок, и дверь захлопнулась. Вошедший шумно пыхтел, выдыхая облака белого пара. Его брови и борода были покрыты льдинками, что делало его похожим на снежного монстра из фантастического фильма. На физиономии толстяка сияла широкая белозубая улыбка.

Это был доктор Хайрем Гронквист, руководитель группы археологов, состоявшей из четверых человек.

– Извини, что помешал, Лили, но ты слишком много работаешь. Передохни. Пойдем в помещение, согреешься, выпьешь глоточек виски…

– Хайрем, – перебила его Лили, стараясь скрыть ликование, – иди сюда, я хочу тебе кое-что показать.

Гронквист сделал несколько шагов вперед и опустился на колени рядом с ней:

– Что ты нашла?

– Сам посмотри.

Гронквист извлек из кармана очки для чтения и водрузил на большой красный нос. Он низко склонился над монетой и принялся рассматривать ее с разных сторон. Через несколько минут он поднял голову и посмотрел на Лили с веселым удивлением:

– Решила надуть меня, леди?

– Боже мой, – от души расхохоталась Лили, – неужели ты считаешь, что я ее подбросила?

– А как же иначе? Такая находка – это все равно что… ну, скажем, обнаружить девственницу в борделе.

– Очень смешно.

Гронквист ободряюще похлопал Лили по коленке:

– Поздравляю, дорогая. Это действительно ценная находка.

– Как ты считаешь, откуда она тут появилась?

– Здесь в радиусе тысячи миль нигде нет золота, да и монета была отчеканена явно не доисторическими людьми. Совершенно очевидно, что монета попала сюда в более поздний период.

– А как ты объяснишь тот факт, что она находилась вместе с предметами материальной культуры, которые ты сам датировал трехсотым годом нашей эры плюс-минус век?

– Никак, – пожал плечами Гронквист. – Я просто не знаю.

– А предположения хотя бы есть?

– Ну первое, что приходит в голову, – монету завезли сюда викинги.

– Не сохранилось никаких записей о том, что викинги забирались так далеко на север вдоль восточного побережья, – сказала Лили.

– Хорошо, возможно, эскимосы, которые обменивались товарами с исландскими поселениями на юге, охотились в этой местности в более поздние эпохи?

– Ты знаешь лучше меня, Хайрем, что мы не обнаружили никаких свидетельств пребывания здесь человека после четырехсотого года нашей эры.

Гронквист раздраженно покосился на Лили:

– Никогда не сдаваться? Это твой девиз? На монете нет даты!

– Майк Грэхем – эксперт по старинным монетам. Он много работал с ними на раскопках в Средиземноморье. Возможно, он сумеет ее идентифицировать.

– Что ж, – согласно кивнул Гронквист, – тем более что это нам ничего не будет стоить. Пойдем выпьем бренди, а Майк пока осмотрит твою находку.

Лили натянула плотные меховые рукавицы, поправила капюшон парки и погасила лампу. Гронквист зажег фонарик и открыл дверь. Холод снаружи был ужасный, да к тому же ветер завывал на все лады, словно привидение на церковном дворе. Морозный воздух обхватил ледяными ладонями щеки девушки, заставив ее вздрогнуть. Каждый раз, выходя из теплого помещения, она убеждала себя, что уже привыкла к холоду, но всегда оказывалось, что это не так.

Она ухватилась за веревку, протянутую от хижины к стоянке, в которой жили археологи, и пошла, прячась от ветра за широкой спиной Гронквиста. Она посмотрела вверх. На небе не было видно ни облачка, а звезды, казалось, растаяли и растеклись, образовав огромнейший ковер, мерцающий бриллиантовым блеском, освещавшим лишенные растительности горы на западе и снежную равнину, тянущуюся вдоль фьорда к морю на востоке. Безмятежная красота Арктики завораживала. Лили подумала, что тут не обошлось без волшебства. Глядя вокруг, она понимала людей, которые, однажды побывав на Севере, влюблялись в него на всю жизнь.

Пройдя около тридцати ярдов, археологи вошли в помещение. Миновав длинный коридор, они открыли вторую дверь – и наконец оказались в жилых комнатах. Лили, проведшей много времени на холоде, показалось, что она очутилась в печке. Запах кофе ласкал обоняние лучше любых благовоний. Она торопливо сбросила парку и варежки и потянулась за чашкой.

Сэм Хоскинс, худощавый блондин с длинными волосами и усами точно такого же цвета, склонился над чертежной доской. Известный нью-йоркский архитектор, он страстно увлекался археологией и каждый год оставлял в своем напряженном расписании два свободных месяца, чтобы поучаствовать в раскопках в самых разных частях света. Он оказывал бесценную помощь археологам, вычерчивая детальные

изображения того, как могли выглядеть те или иные доисторические поселения семнадцать веков назад.

Еще один член команды, белокожий человек с уже начавшими редеть светлыми волосами, удобно расположился на койке и был занят чтением потрепанной книги в мягком переплете. Лили не могла вспомнить, чтобы когда-нибудь видела Майка Грэхема без приключенческой книги или детектива. Если он не держал книгу в руках, значит, она лежала у него в кармане, дожидаясь своей очереди. Один из ведущих специалистов страны в области археологии, мистер Майк Грэхем по натуре своей был неразговорчив и мрачен.

– Эй, Майк! – жизнерадостно заорал Гронквист. – Взгляни-ка, что откопала наша Лили!

Он с порога швырнул монету через всю комнату. У Лили от страха перехватило дыхание, но Майк ловко поймал монету и принялся с интересом ее рассматривать.

Через минуту он опустил руку и осуждающе взглянул на товарищей:

– Шутить изволите…

Гронквист от души расхохотался:

– Поверь, я тоже решил, что Лили меня разыгрывает, когда увидел монету. Но тут никаких шуток. Лили действительно выкопала эту штуковину на восьмой площадке.

Грэхем достал из-под койки портфель, порывшись в нем, извлек увеличительное стекло и занялся изучением аверса монеты, поворачивая ее под разными углами.

– И каков твой вердикт? – нетерпеливо поинтересовалась Лили.

– Потрясающе! – пробормотал Грэхем, не прекращая своего занятия. – Золотая миллиаренция. Около тринадцати с половиной грамм. Никогда не видел такой раньше. Они очень редки. Коллекционер заплатил бы за нее не меньше шести, а то и восьми тысяч долларов.

– А кто на ней изображен?

– Стоящая фигура – это Феодосий Великий, римский и византийский император. Его поза обычна для аверсов монет той эры. Если присмотреться, можно заметить пленных у его ног, а в руках он держит земной шар и лабарум.

– Лабарум?

– Да, это флаг, на который нанесены греческие буквы ХР[8], представляющие собой нечто вроде монограммы, означающей «Во имя Христа». Ее ввел еще император Константин после принятия христианства.

– А что за надписи на реверсе? – спросил Гронквист.

Глазное яблоко Грэхема, хорошо видное сквозь увеличительное стекло, которое он поднес очень близко к лицу, казалось чудовищно огромным. Несколько минут он изучал реверс монеты молча.

– Здесь три слова, – наконец заговорил он. – Первое похоже на «триумфатор». Остальные я не могу разобрать. Они почти стерлись. В соответствующих каталогах наверняка имеется описание такой монеты и латинский перевод. Придется подождать возвращения к цивилизации.

– Ты можешь отнести ее к какому-нибудь периоду?

– Насколько я помню, – сообщил он, глубокомысленно разглядывая потолок, – император Феодосий правил с триста семьдесят девятого по триста девяносто пятой годы нашей эры. Монета, очевидно, отчеканена в этот же период.

Лили взглянула на Гронквиста:

– Прямо в яблочко.

Тот энергично замотал головой:

– Было бы глупо предполагать, что эскимосы четвертого века имели контакты с Римской империей.

– Но нельзя же исключать случайность, – настаивала Лили.

– Вы только представьте, сколько появится гипотез, включая самые неправдоподобные, когда о вашей находке станет известно, – задумчиво проговорил Хоскинс, взяв в руки монету.

Гронквист сделал глоток бренди.

– Бывало, старинные монеты и раньше находили в очень странных местах. Но довольно редко удавалось найти удовлетворительное объяснение тому, как и когда они туда попали, – изрек он.

– Да, – медленно проговорил Грэхем, – я бы лично отдал свой «мерседес» с откидным верхом, чтобы узнать, как эта римская монета оказалась здесь.

Несколько минут все четверо смотрели на монету молча, каждый был погружен в собственные мысли.

Молчание нарушил Гронквист:

– Короче говоря, единственное, что мы знаем наверняка, это что у нас появилась тайна, которую хотелось бы разгадать.

3

Незадолго до полуночи самозваный командир авиалайнера приготовился покинуть самолет. Воздух был чист и прозрачен, и пятно с неровными краями – Исландия – было видно совершенно отчетливо. Остров был озарен слабым и немного жутковатым зеленоватым светом северного сияния.

Лемке не обращал внимания на мертвые тела. Он привык к их виду. Смерть и кровь были неотъемлемой частью его работы. Он был так же равнодушен к убитым им людям, как профессиональный патологоанатом.

Число убитых для него было математической величиной, не более. Ему хорошо платили. Он был наемником и убивал ради денег. Странно, но единственное, что действительно оскорбляло его, это когда его называли убийцей или террористом. Ему не нравились эти слова. Они имели политическую окраску, а он не любил политиков.

Он был человеком с тысячей личин, не признававший такие низменные методы, как стрельба по толпе или установка взрывных устройств в машинах. Это все для малолетних идиотов. Его методы были значительно более изысканными. Все операции он всегда продумывал до мелочей, понимая, что именно мелочь иногда может решить исход дела. Поэтому многие из его преступных деяний остались нераскрытыми и были отнесены к разряду несчастных случаев.

Уничтожение Галы Камиль он считал не простым убийством. Это было его долгом. Сложнейший план разрабатывался в течение пяти месяцев, после чего еще довольно много времени ушло на ожидание подходящего момента.

Да, он понимал, что Гала Камиль была удивительно красивой женщиной. Но она представляла собой угрозу, которую следовало ликвидировать.

Он плавно снизил скорость и двинул рулевую колонку вперед, начав медленно снижаться. Он был уверен, что никто, кроме опытного летчика, не сможет заметить слабое уменьшение скорости и потерю высоты.

Стюардессы его не беспокоили. Пассажиры уже наверняка поели и теперь расслабленно дремали в креслах, надеясь вот-вот заснуть глубоко и спокойно, что так редко удается во время длительных перелетов.

Он в двадцатый раз перепроверил курс и теперь вглядывался в меняющиеся цифры на бортовом компьютере, который он запрограммировал таким образом, чтобы тот показывал расстояние и время, оставшиеся до прыжка.

Через пятнадцать минут реактивный самолет пересек необитаемую область в районе южного побережья Исландии и направился в глубь острова. Ландшафт внизу представлял собой сочетание серых скал и белого снега. Он опустил закрылки и продолжат снижать скорость лайнера, доведя ее до 352 километров в час.

Он настроил автопилот на новую радиочастоту, передаваемую радиомаяком на Хофсъекуле – леднике, возвышающемся над островом на 1737 метров. Затем он установил высоту так, чтобы самолет ударился в ледник на 150 метров ниже его вершины.

Затем он методично разбил или вывел из строя все оборудование связи и навигационные приборы. Одновременно он начал сброс топлива на тот случай, если его безупречный; план на завершающем этапе не сработает из-за непредвиденной случайности.

Осталось восемь минут.

Он спустился через люк в «чертову нору». На нем уже были надеты прочные французские ботинки – такие носят десантники – с толстыми, но очень гибкими подошвами. Он поспешно вытащил из сумки комбинезон парашютиста и облачился в него. Шлем в сумку не поместился, поэтому он надел лыжную маску и вязаную облегающую шапочку. Затем настала очередь перчаток, защитных очков и альтиметра[9], который он закрепил на запястье.

Он тщательно застегнул все карабины парашютного снаряжения и проверил, хорошо ли прилегают ремни. За плечами у него находилось специальное приспособление, с помощью которого запасной парашют размещался на лопатках, а главный – на пояснице.

Он взглянул на часы. Осталась одна минута двадцать секунд. Он открыл запасной люк, и в чертову нору ворвался поток морозного воздуха. Бросив еще один взгляд на часы, он начал обратный отсчет.

Досчитав до нуля, он вытолкнул свое тело через узкое отверстие в направлении полета.

Воздушный поток с сокрушительной силой горной лавины ударил его в грудь, и парашютист едва сумел отдышаться. Самолет с оглушительным ревом пролетел мимо. Какое-то мгновение Лемке еще чувствовал тепло выхлопных газов, но очень скоро его объял ледяной холод. Парашютист камнем падал вниз.

Приняв устойчивое положение плашмя – головой вперед, руки вытянуты в стороны, спина выгнута дугой, ноги слегка согнуты, – неизвестный пристально вглядывался вниз, но не видел ничего, кроме непроглядной тьмы. Огней на земле не было.

Он предположил худшее: его люди не смогли добраться до места встречи. Не имея обозначенной зоны посадки, он не мог определить направление посадки. С учетом сильного ветра он мог приземлиться за много километров от нужного места или, что еще хуже, грохнуться в ледяные торосы, получив серьезную травму, и никогда не быть найденным.

За десять секунд он опустился на 360 метров. Стрелка на люминесцентной шкале альтиметра вплотную подползла к красной зоне. Больше ждать было нельзя. Лже-Лемке дернул за вытяжное кольцо.

Он услышат глухой звук, всегда сопровождающий раскрытие парашюта, потом ощутил рывок и принял вертикальное положение. Парашютист достал фонарь и направил луч вверх. Над ним гигантским цветком плыл купол.

Неожиданно он заметил примерно в миле справа от себя огни, образующие круг. Потом над ними взлетела сигнальная ракета, зависшая в воздухе на несколько секунд, которых, впрочем, оказалось достаточно, чтобы оценить направление ветра и скорость. Он потянул за правый управляющий строп и начал скользить к огням.

Взлетела еще одна ракета. Направление ветра было устойчивым, и он без особых усилий двигался в нужном направлении. Теперь он отчетливо видел своих людей. Они выложили еще одну цепочку огней, ведущую к кругу. Продемонстрировав неплохое умение маневрировать, он заложил крутой вираж и развернулся против ветра.

Неизвестный приготовился к соприкосновению с землей. Те, кто его встречал, правильно выбрали место. Его подошвы коснулись мягкой почвы тундры, и он приземлился на ноги в самом центре круга.

Не говоря ни слова, он отстегнул ремни, вышел за пределы освещенного круга и посмотрел в небо.

Самолет с ничего не подозревающими людьми на борту летел прямо на ледник, каждую минуту сокращая расстояние между жизнью и смертью.

Он стоял и смотрел до тех пор, пока не стих звук реактивных двигателей и навигационные огни не растаяли во мгле ночи.

Одна из стюардесс, находившихся в помещении кухни, наклонила голову и прислушалась.

– Что это за странный звук доносится из кабины?

Главный стюард Гэри Рабин тоже прислушался. До него донесся глухой продолжительный гул, напоминающий шум текущей в отдалении воды.

Через десять секунд после того, как самозваный командир покинул самолет, сработал таймер, приведший в движение ползун силового привода, – люк, ведущий в «чертову нору», закрылся. Одновременно прекратился и странный звук.

– Больше ничего не слышно, – сказал стюард.

– Как ты думаешь, что это было?

– Понятия не имею. Никогда не слышал ничего похожего. Мне на минуту показалось, что у нас произошла разгерметизация.

Загорелась лампочка вызова бортпроводника, и стюардесса, поправив роскошные светлые волосы, отправилась в салон.

– Может быть, ты поговоришь с командиром, – сказала она, – все-таки непонятно, что это было.

Рабин замер в нерешительности, вспомнив приказ Лемке не беспокоить экипаж, если не возникнет крайней необходимости. Но лучше перестраховаться, чем потом сожалеть. Да и о безопасности пассажиров следует думать в первую очередь. Он поднес к уху трубку переговорного устройства и нажал кнопку вызова кабины:

– Капитан, это главный стюард. Мы слышали странный звук, доносящийся снизу, из носовой части самолета. У нас проблемы?

Ответа не было.

Он попробовал вызвать кабину пилотов еще три раза, но с тем же результатом. Рабин в растерянности уставился на переговорное устройство, размышляя, по какой причине на его вызовы никто не отвечает. Он летал уже двенадцатый год, но такое случилось впервые.

Рабин все еще пытался разрешить неожиданно возникшую проблему, когда вбежала стюардесса и что-то взволнованно сказала. Слов он не услышал, но тревога, отчетливо прозвучавшая в ее голосе, заставила главного стюарда отвлечься от своих мыслей.

– Что? Что ты сказала?

– Мы над землей!

– Земля?

– Ну да, прямо под нами, – повторила она, растерянно глядя на него. – Мне показал пассажир.

Рабин недоуменно покачал головой:

– Но это совершенно невозможно. Мы находимся посреди океана. Наверное, он увидел огни рыболовных судов. Капитан сказал, что их будет видно, когда мы снизимся для метеорологических наблюдений.

– Посмотри сам, – взмолилась она. – Земля быстро приближается. Кажется, мы садимся.

Гэри Рабин подошел к иллюминатору и посмотрел вниз. Вместо темных вод Атлантики под ними простиралась белоснежная равнина. До ледяного поля проносившегося внизу, было не более 240 метров. Оно находилось так близко, что было видно, как кристаллы льда отражают вспышки навигационных огней. Главный стюард замер, не в силах поверить своим глазам и лихорадочно соображая, что же, черт возьми, происходит.

Если это вынужденная посадка, почему не поступило никакого сообщения от капитана? Таблички с надписями «Не курить!» и «Пристегнуть ремни!» не горели.

Почти все пассажиры бодрствовали – читали или беседовали. Только Гала Камиль крепко спала. Представители Мексики, возвращавшиеся из штаб-квартиры Всемирного банка, собрались вокруг стола и что-то обсуждали. Директор Департамента зарубежного финансирования Мигель Салазар был мрачен и говорил тихо. Атмосфера вокруг стола была невеселой. Действительно, радоваться было нечему. В Мексике разразился сильнейший экономический кризис, а на помощь извне рассчитывать не приходилось.

Охваченный ужасом и совершенно сбитый с толку, Рабин недоуменно проговорил:

– В чем, черт возьми, дело?

Стюардесса тоже была напугана. Ее глаза расширились от страха, лицо покрыла мертвенная бледность, но она старалась сохранять внешнее спокойствие:

– Нам следует начать подготовку к аварийной посадке?

– Не стоит тревожить пассажиров. По крайней мере сейчас. Сначала я должен поговорить с капитаном.

– У нас есть время?

– Откуда мне знать!

Сдерживая страх, Рабин быстро, почти бегом, зашагал по проходу между креслами к кабине пилотов. Чтобы не привлекать внимание пассажиров своей поспешностью, он по пути несколько раз нарочито зевнул. Он тщательно задернул занавеску, отделяющую пассажирский салон от служебного помещения, и дернул дверь, ведущую в кабину. Она была заперта.

Он забарабанил по двери костяшками пальцев. Реакции не последовало. Несколько секунд он молча таращился на закрытую дверь, после чего сделал шаг назад и нанес по ней сильный удар ногой.

Дверь кабины открывалась наружу, но она была хрупкой и довольно легко сломалась. Рабин переступил порог и очутился в кабине.

Растерянность, замешательство, страх, быстро сменившийся диким ужасом, обрушились на него, как поток воды на поврежденную дамбу, грозя смести все на своем пути.

Одного взгляда оказалось достаточно, чтобы оценить ситуацию: Хартли неподвижно сидел в своем кресле, уткнувшись лицом в панель управления. Освальд растянулся во весь рост на полу, его глаза безжизненно смотрели в потолок. Лемке таинственным образом исчез.

Рабин переступил через тело Освальда, опустился в пустое кресло пилота и посмотрел вперед.

Прямо по курсу «боинга» высилась массивная громада ледника Хофсъекул. До него оставалось не более десяти миль. Мерцающие огни северного сияния освещали ледяную гору, окрашивая неровную поверхность размытыми серо-зелеными пятнами.

Охваченный отчаянием и паникой, стюард вцепился в рулевую колонку и потянул штурвал на себя.

Ничего не произошло.

Колонка ему не повиновалась, но, и это было очень странно, альтиметр показал небольшое, но постоянное увеличение высоты. Рабин удвоил усилия, и на этот раз они увенчались успехом. Колонка поддалась, но только слегка. Стюард был ошеломлен. Неужели летчикам при управлении самолетом постоянно приходится применять недюжинную физическую силу?

Времени подумать спокойно не оставалось. Он был слишком неопытен, чтобы понять, что пытается бороться с автопилотом, используя грубую силу, в то время как достаточно было его просто отключить.

Из-за холодного, прозрачного воздуха казалось, что ледник совсем рядом – до него можно было дотянуться рукой. Он толкнул вперед рычаги управления дроссельными заслонками и снова потянул рулевую колонку. Она поддавалась с большим трудом, нехотя, как руль, который внезапно заклинило в несущейся на большой скорости машине.

С медлительностью, от которой впору было впасть в отчаяние, «боинг» задрал нос и пролетел над ледяным пиком на расстоянии каких-то ста футов.

* * *

А в это время внизу на леднике человек, безжалостно убивший в Лондоне настоящего Дейла Лемке и занявший его место, всматривался в ночную тьму, не отрывая глаз от бинокля. Огни северного сияния потускнели, превратившись в слабое свечение, но неровный силуэт Хофсъекула хорошо просматривался на фоне неба.

Было очень тихо, напряженное ожидание, казалось, повисло в воздухе. Два человека грузили маячки в вертолет.

Глаза Сулеймана Азиза Аммара привыкли к темноте, и он мог без труда видеть неровные гребни торосов, покрывшие шрамами ледяное поле.

Аммар стоял неподвижно, считая секунды и ожидая, когда яркая вспышка пламени возвестит о конце рейса № 106.

Но огненный шар так и не появился.

В конце концов Аммар опустил бинокль и тяжело вздохнул. Вокруг него расстилался ледник – спокойный, холодный и равнодушный ко всем человеческим проблемам. Аммар стянул с головы седой парик и с отвращением отбросил его в темноту. Затем он снял изготовленные специально для него ботинки и вытащил из них четырехдюймовые вкладыши, делавшие его выше ростом. Повернув голову, он увидел, что его помощник и друг Ибн-Тельмук стоит рядом.

– Хороший грим, Сулейман, – сказал Ибн-Тельмук, худощавый, очень смуглый человек с пышной шапкой вьющихся волос, черных как вороново крыло. – Я бы ни за что тебя не узнал.

– Оборудование погрузили? – спросил Аммар.

– Да, только что закончили. А твоя миссия увенчалась успехом?

– Не совсем. Очевидно, где-то допущен небольшой просчет. Самолет почему-то пролетел мимо вершины ледника.

– Ахмед Язид будет недоволен.

– Камиль умрет, как и было запланировано, – уверенно заявил Аммар. – У меня все под контролем.

– Но самолет все еще летит.

– Даже Аллах не сможет держать его в воздухе до бесконечности.

– Ты потерпел неудачу, – проговорил знакомый голос.

Аммар резко обернулся и наткнулся на злобный взгляд Мохаммеда Исмаила. В круглом лице египтянина странным образом сочетались злорадство и детская невинность. Блестящие глаза-бусинки смотрели пристально и недоброжелательно, но в них отсутствовал огонек проницательности. Его поведение было чистейшей бравадой, внешняя жесткость не подкреплялась внутренним содержанием. Он умел хорошо стрелять, но не более того.

У Аммара не было выбора – приходилось работать с Исмаилом. Никому ранее не известный деревенский мулла был навязан ему Ахмедом Язидом. Этот идол ислама всемерно укреплял доверие к себе, собирал его по крупицам, как самый скупой скряга, и расходовал только на тех, в ком видел высокий боевой дух и преданность законам ислама. Твердые религиозные убеждения в человеке значили для Язида больше, чем компетентность и профессионализм.

Аммар всегда громко заявлял о своей преданности исламу, но Язид относился к нему с настороженностью. Ему не нравилась манера этого профессионального убийцы обращаться с мусульманскими лидерами как с ровней. Поэтому он и настоял, чтобы Аммар выполнял свои кровавые миссии под бдительным оком Исмаила.

Аммар принял навязанного ему сторожевого пса не протестуя. Он не зря считался виртуозом хитрости и обмана. Поэтому ему не составило большого труда одурачить недалекого Исмаила, сделав его марионеткой в своих руках.

Но глупость арабов раздражала Аммара безмерно. Им были недоступны холодные аналитические рассуждения. Поэтому он устало покачал головой и объяснил Исмаилу ситуацию:

– События могут происходить и независимо от нас. Неожиданное изменение направление ветра, сбой автопилота или альтиметра, да мало ли что! Сотни разных переменных величин могли стать причиной того, что самолет пролетел мимо вершины ледника. Но все поддающиеся учету вероятности были учтены. В автопилот введен курс на полюс. Так что им осталось не больше девяноста минут.

– А если кто-нибудь обнаружит мертвецов в кабине, а среди пассажиров найдется человек, умеющий пилотировать самолет? – настаивал Исмаил.

– Я тщательно изучил досье на всех пассажиров. Ни у кого из них нет летного опыта. Кроме того, я вывел из строя все навигационные приборы и радиоаппаратуру. Любая попытка управлять этим самолетом заранее обречена на неудачу. Ни компаса, ни наземных ориентиров, по которым можно определить направление. Гала Камиль и ее сотоварищи из ООН навсегда исчезнут в холодных водах Северного Ледовитого океана.

5

Дирк Питт расслабился и сполз по спинке вращающегося кресла, одновременно вытягивая длинные ноги вперед так, что в конце концов его тело, в котором было добрых шесть футов три дюйма, приобрело почти горизонтальное положение. Затем он зевнул и взъерошил обеими руками густые черные волосы.

Худощавый и мускулистый, Питт находился в прекрасной физической форме, несмотря на то что не пробегал каждое утро по десять миль и не считал затраченные таким образом усилия и пролитый во имя бодибилдинга пот даром Всевышнему, призванным отсрочить старость. Кожа на его лице загорела и обветрилась, ясно указывая, что ее обладатель предпочитает солнце и свежий ветер искусственному освещению и кондиционированному воздуху офиса. Его глубокие опаловые глаза излучали странную смесь теплоты и жесткости! а на губах всегда играла дружелюбная улыбка.

Он был легок в общении и прекрасно чувствовал себя среди сильных мира сего, однако предпочитал компанию мужчин и женщин, которые пили пиво прямо из бутылок и не боялись испачкать руки, выполняя ту или иную работу.

Выпускник военно-воздушной академии, он имел звание майора, но был временно откомандирован в НУМА[10], где уже шесть лет работал директором Департамента специальных проектов.

Вместе со своим другом детства Албертом – или попросту Алом – Джордино он путешествовал по суше и морю, опускался в морские глубины и проникал в недра земли. Всего лишь за полдесятка лет он повидал и испытал больше, чем большинство людей могли бы увидеть за десять жизней. Он отыскал исчезнувший экспресс «Манхэттен экспресс лимитед», проплыв для этого по подземным пещерам Нью-Йорка; спас пассажирский лайнер «Владычица Ирландии», отправленный на дно реки Святого Лаврентия с тысячей душ на борту. Он нашел потерянную атомную подводную лодку «Старбак» в середине

Тихого океана и проследил путь корабля-призрака «Циклоп» до его могилы в Карибском море. И он поднял «Титаник».

Он был, как любил повторять Джордино, человеком, жаждущим открывать тайны прошлого. Очевидно, потому что родился лет на восемьдесят позже всех этих событий.

– Возможно, ты захочешь на это посмотреть, – неожиданно сказал Джордино, сидевший в другом конце помещения.

Питт отвернулся от цветного монитора, на котором был отражен рельеф морского дна на глубине ста метров под килем ледокола «Полярный исследователь». Это было новое судно, построенное специально для плавания по морям, покрытым льдом. Массивная прямоугольная надстройка, возвышающаяся над верхней палубой, напоминала пятиэтажное офисное здание, а усиленная носовая часть при поддержке двигателей мощностью восемьдесят лошадиных сил, могла пробиваться сквозь ледяной покров толщиной до полутора метров.

Питт уперся одной ногой в стойку, другую согнул в колене и оттолкнулся. Это движение было отточено долгими неделями практики и для увеличения инерции согласовывалось с плавным покачиванием судна. Верхом на вращающемся кресле он проехал три метра по наклонному полу каюты, напичканной электронным оборудованием, и плавно повернулся на 180°.

– Похоже на кратер.

Ал Джордино сидел у панели управления и изучат изображение на самописце сонара Кляйна, сканирующего поверхность. Его приземистая – всего 162 сантиметра – фигура с широченными плечами и маленькими ступнями по форме напоминала клин, и вообще он выглядел так, словно его собрали из запчастей старого бульдозера. Он имел пышную черную, слегка волнистую шевелюру – наследие итальянских предков, и если бы он надел серьгу и старую шляпу, то спокойно мог бы в свободное время подрабатывать шарманщиком. Обладающий прекрасным чувством юмора, надежный, как океанские приливы, Джордино был страховым полисом Питта против закона Мерфи.

Когда ноги Питта, вытянутые вперед в качестве бампера, со стуком уперлись в панель управления неподалеку от Ала, тем самым остановив движение кресла, Джордино не счел нужным отвлекаться от работы.

Питт внимательно посмотрел на увеличенное компьютером изображение. Стенки кратера сначала плавно поднимались вверх, а потом круто опускались внутрь и терялись в неизвестности.

– Кратер довольно глубок, – отметил Джордино.

Питт взглянул на показания эхолота.

– От ста сорока до ста восьмидесяти метров.

– Внутри даже склона нет – отвесная стена.

– Глубоко… Двести метров, и это еще не все.

– Странное образование для вулкана, – заявил Джордино. – Никаких признаков лавы.

Высокий, краснолицый мужчина с каштановыми, уже начавшими седеть волосами, которые так и норовили вырваться наружу из-под бейсбольной кепки, к тому же слегка съехавшей набок, открыл дверь и вошел в каюту.

– Эй вы, ночные совы, не желаете ли выпить и перекусить?

– Я бы не отказался от бутерброда с ореховым маслом и большой чашки черного кофе, – не оборачиваясь, сказан Питт. – Эта дыра опускается ниже отметки двести двадцать метров!

– Пару пончиков и стакан молока, – пробормотал Джордино.

Капитан военно-морского флота Байрон Найт, командир исследовательского судна, молча кивнул. Кроме Питта и Джордино он был единственным человеком из команды, имевшим доступ в их святилище. Остальные офицеры и матросы не имели права появляться здесь.

– Ваши приказания будут немедленно исполнены, господа.

– Ты замечательный парень, Байрон, – сказал Питт и ухмыльнулся, – что бы там ни говорили твои начальники и подчиненные.

– Ты когда-нибудь пробовал ореховое масло с мышьяком? – уходя, поинтересовался Найт.

Джордино внимательно наблюдал, как росла и расширялась дуга на экране.

– Диаметр почти два километра!

– Внутри гладкая осадочная порода, – сказал Питт. – Не вижу никаких разрушений.

– Должно быть, гигантский был вулкан.

– Это не вулкан.

Джордино с любопытством взглянул на Питта:

– У тебя имеется другое название?

– Как насчет места падения метеора?

– Такой глубокий кратер от метеора на дне моря? – Джордино был настроен скептически.

– Возможно, он упал тысячи или даже миллионы лет назад, а тогда уровень моря был ниже.

– Что заставило тебя пойти именно по этой улице?

– Три указателя, – объяснил Питт. – Во-первых, мы имеем четко выраженный край без сколь бы то ни было заметного склона, ведущего к нему снаружи. Во-вторых, поддонное поперечное сечение имеет форму чаши. А в-третьих, – он сделал паузу, указав на перо графопостроителя, мечущееся по бумаге, – у нашего магнитометра сердечный приступ. Внизу достаточно железа, чтобы построить флот линкоров.

Неожиданно Джордино замер:

– У нас цель.

– Далеко?

– Двести метров справа по борту, лежит перпендикулярно склону кратера. Видно плохо. Объект частично скрыт геологическими образованиями.

Питт взял телефонную трубку и позвонил на мостик:

– У нас сбой оборудования. Идем прежним курсом до конца маршрута. Если мы сможем выполнить ремонт быстро, вернемся и повторим маршрут сначала.

– Да, сэр, – ответил вахтенный офицер.

– Тебе следовало продавать змеиное масло, – улыбнулся Джордино.

– А если еще вспомнить, что у Советов везде есть уши, да еще какие огромные!

– Что показывают видеокамеры?

Питт взглянул на мониторы:

– Ничего. Пока наш объект вне поля их зрения.

Первичная картинка, изображенная самописцем сонара, показывала лишь коричневое пятно на фоне более светлой породы, составляющей стену кратера. Затем изображение прошло мимо объектива сканирующего устройства и попало в компьютер, который увеличил

детали. Окончательное изображение появилось на специальном очень большом видеомониторе с высокой разрешающей способностью. Теперь пятно приобрело вполне четкие очертания.

Используя джойстик, Питт передвинул перекрещивающиеся нити в центр изображения и щелкнул кнопкой, чтобы его увеличить.

Компьютер загудел, но все-таки выдал на экран новое, более подробное изображение. Вокруг цели автоматически появился прямоугольник с делениями, чтобы показать размеры. Одновременно принтер отпечатал изображение на листке глянцевой бумаги.

В каюту ворвался коммандер Найт. После долгих дней беспросветной скуки, когда вся работа теперь заключалась в беспрерывном прочесывании одного и того же участка – все равно что косишь траву на большой лужайке, которую до тебя уже скосили, разницы никакой, – считывании показаний бортовых сканирующих устройств и рассматривании изображений на осточертевших видеодисплеях, он был взбудоражен предчувствием перемен.

– Мне передали, что у вас сбой в работе оборудования. Есть цель?

Ни Питт, ни Джордино не произнесли ни слова, они только заулыбались – как старатели, только что обнаружившие богатую жилу. Найт несколько мгновений с ожиданием глядел на них и вдруг все понял.

– Бог мой! – воскликнул он. – Вы нашли ее! Неужели вы действительно нашли ее?

– Она хорошо замаскировалась на дне, – сказал Питт, указав на монитор и одновременно протягивая Найту фотографию. – Вот как выглядит одна из русских субмарин класса «альфа».

Найт завороженно смотрел на картинку.

– Русские обшарили здесь все вдоль и поперек. Странно, что они не нашли ее.

– Ее легко не заметить, – сказал Питт. – Когда они вели поиски, слой льда был толще и они не могли двигаться по прямой. Вероятно, они просто прошли с другой стороны, и их сонары показали только неясную тень там, где в действительности находилась субмарина. Да и необычайно высокая концентрация железа под кратером исказила магнитные измерения.

– Наши разведывательные службы будут от радости скакать по потолку, увидев это.

– Если только русские не опомнятся быстрее наших боссов, – сказал Джордино. – Вряд ли они будут спокойно ожидать повторения случая с субмариной класса «гольф».

– Ты считаешь, они не поверили нашим сказкам о том, что мы просто занимались исследованием геологии морского дна? – с глубоким сарказмом поинтересовался Питт.

Джордино окинул Питта хитрым взглядом.

– Разведка – странное занятие, – глубокомысленно изрек он. – Экипаж по другую сторону этих переборок понятия не имеет, чем мы тут занимаемся, зато советская разведка в Вашингтоне уже давно пронюхала о нашей миссии. Они до сих пор не вмешивались только потому, что наши подводные технологии лучше, поэтому они решили подождать, пока мы покажем им дорогу к их субмарине.

– Обмануть их будет непросто, – согласился Найт. – Два советских траулера следуют за нами по пятам, с тех пор как мы вышли из порта.

– Да и русские спутники-шпионы держат нас под постоянным наблюдением, – добавил Джордино.

– Поэтому я и передач на мостик просьбу дойти до конца маршрута, прежде чем познакомиться с красоткой поближе, – сказал Питт.

– Понятно, но русские все равно нас засекут, когда мы будем снова поворачивать.

– Правильно, засекут, если только мы не пройдем над субмариной по обычному маршруту, затем повернем на следующую линию и будем продолжать прочесывать район, как и прежде. Затем я радирую нашим инженерам в Вашингтоне, пожалуюсь на проблемы с оборудованием и попрошу дать дальнейшие инструкции. Каждую пару миль мы можем возвращаться, чтобы сделать обман более достоверным.

Джордино взглянул на Найта:

– На это они могут купиться, если все будет выглядеть правдоподобно.

Найт ненадолго задумался.

– Хорошо, мы не будем привлекать внимание к этому месту. Бросим последний взгляд на цель и продолжим работать, словно ничего не нашли.

– А когда мы закончим утюжить этот участок, – предложил Питт, – можно отойти и начать работы на новом, милях в тридцати отсюда, и там прикинуться, что сделали открытие.

– Да, – одобрил Джордино, – это хороший трюк. Пустим их по ложному следу.

Найт сдержанно улыбнулся:

– Что ж, вы придумали неплохой сценарий, и я его утверждаю.

Последовала небольшая качка, и палуба слегка накренилась на правый борт, когда рулевой развернул судно на обратный курс. Далеко за кормой, словно послушная собака на длинном поводке, двигался подводный робот по имени «Шерлок». Он автоматически перенастроил две кинокамеры и один фотоаппарат, одновременно продолжая посылать зондирующие волны. Названный своим создателем в честь знаменитого литературного персонажа, «Шерлок» исправно снабжал исследователей данными о морском дне, которые ранее были недоступны человеку.

Минуты тянулись с такой неторопливой тягучестью, что казались часами, но вот наконец гребень кратера попал в поле действия бортового сканера. «Полярный исследователь» направил «Шерлока» таким образом, чтобы он спустился внутрь кратера. Три пары глаз были прикованы к записывающему устройству сканера.

– Вот она! – воскликнул Джордино дрожащим от сдерживаемого волнения голосом.

Изображение советской субмарины полностью заполнило монитор левого борта. Она лежала на крутом склоне, повернутая кормой к центру кратера, а носом – к краю. Ее корпус был цел, в отличие от корпусов американских субмарин «Трешер» и «Скорпион», которые затонули в 1960-х годах, разлетевшись на сотни обломков. Она лежала, на два или три градуса накренясь на правый борт. С момента ее пропажи прошло больше десяти месяцев, но видимые детали ее корпуса не покрылись ржавчиной в холодных арктических водах.

– Нет никакого сомнения, это субмарина класса «альфа», – сказал Найт. – Ядерный реактор, титановый корпус, не подверженный намагничиванию и коррозии в соленой воде, бесшумные двигатели, самая большая скорость и глубина погружения среди субмарин Советского Союза и Соединенных Штатов Америки.

Промежуток времени между появлением графического и видеоизображения составлял около тридцати секунд. Головы присутствующих одновременно повернулись к телевизионным экранам.

В искусственном свете плавные линии субмарины, казалось, были окружены жутковатым серо-голубым ореолом. Никому не хотелось думать о том, что русское судно стало братской могилой для ста

пятидесяти человек. Она выглядела вполне мирно, как детская игрушка, забытая на дне бассейна.

– Есть увеличение радиоактивности? – поинтересовался Найт.

– Очень небольшое, – ответил Джордино, – очевидно, из-за реактора.

– Непохоже, чтобы он расплавился, – удивился Питт.

– Да и показания это не подтверждают.

Найт, глядя на мониторы, сделал краткий обзор:

– Имеются повреждения в носовой части. Сорван руль глубины левого борта. Длинная трещина в днище – около двадцати метров.

– По-моему, трещина глубокая, – добавил Питт, – повреждены балластные танки и корпус. Она, наверное, задела край кратера, который и распорол ее, словно консервную банку. Представляю, как отчаянно боролся за жизнь корабля экипаж, но поднять ее на поверхность было уже невозможно. Она принимала воду быстрее, чем ее откачивали, и постепенно уходила на глубину, пока не ударилась о склон.

В каюте воцарилась тишина. Субмарина на экранах довольно быстро смешалась в сторону кормы. Наконец вооруженный камерами «Шерлок» прошел мимо нее – и субмарина исчезла с экранов. Исследователи продолжали смотреть на мониторы, на которых отражалась мирная картина морского дна. Они думали о том, что должны были пережить люди, нашедшие свою могилу в этих неприветливых глубинах.

Никто не решатся нарушить молчание, даже дышать старались тише. Но постепенно люди избавились от кошмарных видений и отвернулись от мониторов. Немного придя в чувство, они начали обмениваться шутками, смеяться и, в общем, вели себя словно болельщики, радующиеся выигрышу любимой команды.

Питт и Джордино могли чувствовать себя свободными весь остаток рейса. Их часть исследовательского проекта была выполнена. Они нашли иголку в стоге сена и имели все основания этим гордиться. Однако очень скоро выражение лица Питта снова стало серьезным, и он задумчиво уставился прямо перед собой.

Эти симптомы были хорошо знакомы Алу. После успешного завершения очередного проекта у Питта начиналась депрессия. Его пытливому уму срочно требовалась новая загадка.

– Отличная работа, парни, – тепло улыбнулся Найт. – Вы, ребята из НУМА, превосходно знаете свое дело. Да и техника у вас на высоте. Вы

провели самую замечательную разведывательную операцию за последние двадцать лет.

– Не спеши радоваться, – сказал Питт. – Самое сложное еще впереди. Утащить субмарину из-под носа у русских будет совсем не просто. Здесь «Гломар Эксплорер»[11] уже не поможет. От больших кораблей не будет никакого толку. Всю операцию придется проводить под водой.

– А это еще что? – воскликнул Джордино, изумленно уставившись на монитор. – Похоже на большой кувшин.

– Больше на урну, – сказал Найт.

Питт несколько мгновений тоже смотрел на монитор. Потом выражение его лица изменилось: задумчивость сменилась напряженным вниманием, из покрасневших глаз исчезла усталость, они снова стали зоркими и цепкими. Странный предмет стоял на дне. Две ручки располагались с двух сторон от узкого горлышка, расширяющегося в овальную емкость, которая книзу снова сужалась и тонула в песке.

– Терракотовая амфора, – объявил Питт.

– Думаю, ты прав, – задумчиво пробормотан Найт. – Такие сосуды использовались греками и римлянами для перевозки вина и оливкового масла. Их очень часто находят на дне Средиземного моря.

– Но откуда она взялась в Гренландском море? – вопросил Джордино, не обращаясь ни к кому конкретно. – Кстати, здесь, в левом углу, еще одна.

Затем в объективы камер попало три амфоры, вслед за ними еще пять, все они были расположены по ломаной линии, идущей с юго-запада на северо-восток.

Найт повернулся к Питту:

– Ты у нас эксперт по кораблекрушениям. Что ты об этом думаешь?

Прошло добрых десять секунд, прежде чем Питт ответил. Когда он все же заговорил, его голос звучат тихо и глухо, словно доносился из соседней каюты:

– Я могу только предположить, что мы наткнулись на кораблекрушение, которого, если верить известным мне источникам, здесь быть никак не могло.

6

Рабин готов был продать душу дьяволу, лишь бы только забыть о стоящей перед ним невыполнимой задаче, убрать влажные от пота ладони с рулевой колонки, закрыть усталые глаза и ждать смерти, но

чувство ответственности за пассажиров и экипаж не позволило ему так поступить.

Даже в самых страшных ночных кошмарах он никогда не представлял себя в такой безумной ситуации. Одно неверное движение, одна крохотная ошибка – и пятьдесят человек обретут глубокую и никому не известную могилу в холодном море. Это несправедливо, мысленно восклицал он то и дело, это несправедливо!

Навигационные приборы не работали. Средства связи тоже. Ни одному из пассажиров никогда не приходилось вести самолет, даже легкий. Старший стюард был полностью деморализован и не знал, что можно сделать. Да еще стрелки указателей уровня топлива почему-то стояли на нуле. Как тут не запаниковать!

Куда делся командир? От чего умерли офицеры? Кто вверг оставшихся в живых в этот безумный кошмар?

Вопросы сменяли друг друга, но ответов не было.

Рабина утешало только то, что он был не один. Вместе с ним в кабине находился еще один человек.

Эдуардо Ибарра, член мексиканской делегации, когда-то служил механиком в военно-воздушных силах своей страны. С тех пор как он держал в руках гаечный ключ и устранял неисправности на старых турбовинтовых самолетах, прошло тридцать лет. Но когда он сел в кресло второго пилота, чтобы считывать для Рабина показания приборов и передвигать по его команде рычаги и тумблеры, то, к собственному изумлению, обнаружил, что кое-какие знания еще остались.

Ибарра был круглолиц, гладкая кожа отливала бронзой, волосы густые черные с проседью и широко расставленные темно-карие, лишенные какого бы то ни было выражения глаза. Одетый в дорогой костюм-тройку, он совершенно не вписывался в интерьер пилотской кабины «боинга». Странно, но его лоб не был покрыт капельками пота, он не снял пиджак и даже не ослабил узел галстука.

Он показал рукой на небо и произнес:

– Судя по звездам, я бы сказал, что мы летим в сторону Северного полюса.

– Возможно, мы направляемся на восток – в Россию… не знаю, – уныло протянул Рабин. – Я даже примерно не представляю, куда мы держим курс.

– Мы недавно пролетели какой-то остров.

– Думаете, это была Гренландия?

– Нет, – Ибарра покачал головой, – под нами уже несколько часов вода. Если бы это была Гренландия, мы бы находились над ледяной шапкой. Полагаю, мы пересекли Исландию.

– Боже мой! Сколько же мы уже летим на север?

– Сейчас невозможно определить, как давно автопилот изменил курс.

Рабин находился в полном смятении. Неприятности следовали нескончаемой чередой и грозили вот-вот привести к катастрофе. Шансы остаться в живых стремительно уменьшались. Он обязан был принять решение, – может быть, отчаянное, но верное.

– Я собираюсь повернуть самолет на девяносто градусов влево.

– Пожалуй, другого выхода у нас нет, – спокойно согласился Ибарра.

– Если мы сядем на землю, кто-то может и выжить. Выполнить аварийную посадку на воду в темноте и в условиях четырехбалльного волнения почти невозможно даже для опытного пилота. Если же каким-то чудом нам и удастся приводниться, ни один человек в повседневной одежде не протянет больше нескольких минут в ледяной воде.

– Возможно, мы уже опоздали. – Мексиканец кивнул на панель управления. Все сигнальные лампочки, указывающие на отсутствие топлива в баках, горели красным светом, – Боюсь, наше время в воздухе подошло к концу.

Рабин удивленно уставился на контрольные приборы. Он не мог понять, как «боинг», летящий со скоростью 370 км/час на высоте 1500 метров, смог израсходовать то же количество топлива, как при полете со скоростью более 500 километров в час на высоте 10 500 метров.

– Хорошо, будем держать курс на запад, пока сможем.

Рабин вытер вспотевшие ладони о штанины и крепко взялся за рулевую колонку. После того как ему удалось поднять самолет над вершиной ледника, он не дотрагивался до нее, доверив управление автопилоту. Теперь он глубоко вздохнул и нажал кнопку отключения автопилота на панели управления. Он был слишком неуверен в себе, чтобы использовать для маневра элероны, поэтому выполнил плавный поворот с помощью рулевого управления. Но лишь только самолет лег на новый курс, Рабин почувствовал что-то неладное.

– Падают обороты четвертого двигателя, – сообщил Ибарра с заметной дрожью в голосе. – Не хватает топлива.

– Что же теперь делать? Отключить его?

– Я не знаю, что делают в подобных случаях, – едва слышно прошептал Ибарра.

Господи, мысленно взмолился Рабин, помоги нам!

Слепой вел слепого. Альтиметр стал регистрировать снижение высоты. Скорость тоже снизилась. Рабин пытался помочь самолету удержаться в воздухе хотя бы силой воли.

Но как ни стремился он выиграть время, расстояние между самолетом и водной поверхностью неумолимо сокращалось. Неожиданно рулевая колонка завибрировала в его руках.

– Двигатели глохнут! – крикнул Ибарра, и на его лице промелькнуло выражение страха.

Рабин толкнул рулевую колонку вперед, ни минуты не сомневаясь, что приближает неизбежное.

– Опусти закрылки, чтобы увеличить подъемную силу, – приказал он Ибарре.

– Закрылки опушены, – процедил тот сквозь плотно сжатые губы.

– Хорошо, – вздохнул Рабин. – А теперь будь что будет.

В дверном проеме стояла стюардесса, прислушиваясь к разговору. Ее глаза были широко раскрыты, лицо побелело.

– Мы разобьемся? – шепотом спросила она.

– Да, черт возьми! – выкрикнул Рабин, не удосужившись даже обернуться. – Не стой здесь, лучше сядь и пристегнись!

Она покачнулась и почти бегом устремилась в салон, чтобы предупредить пассажиров и других членов экипажа. Все понимали: чему быть, того не миновать, поэтому на борту не было ни паники, ни истерик. Люди шепотом молились.

Ибарра, не вставая со своего места, повернулся и посмотрел в салон. Камиль успокаивала старика, которого била дрожь. Ее лицо казалось абсолютно спокойным, и даже более того – на нем отчетливо проступило странное выражение удовлетворения. Очень красивая женщина, подумал Ибарра. Жаль, что от ее красоты через несколько минут ничего не останется. Он вздохнул и снова повернулся к панели управления.

Альтиметр показывал уже менее двухсот метров. Ибарра пошел на риск и открыл дроссельные заслонки на трех оставшихся двигателях. Это был

бесполезный жест, рожденный отчаянием. Так двигатели быстрее сожгут последние галлоны топлива, а значит, и смерть придет скорее. Но в тот момент Ибарра не думал о логике. Он просто не мог сидеть и ничего не делать. Он чувствовал, что напоследок должен что-то предпринять, пусть даже на несколько минут ускорив собственную гибель.

Прошло еще пять томительных минут. Черное, зловещее море приближалось, чтобы поглотить самолет.

– Вижу огни! – вдруг завопил Рабин. – Прямо по курсу!

Ибарра растерянно моргнул и прищурился, глядя вперед.

– Это корабль! – закричал он. – Я вижу корабль!

Спустя мгновение самолет с ревом пролетел над «Полярным исследователем», едва не сбив его мачту, до которой оставалось меньше десяти метров.

7

Экипаж ледокола был предупрежден о приближении самолета показаниями радара. Когда авиалайнер с леденящим душу ревом пронесся над судном на запад в сторону побережья Гренландии, люди, стоявшие на мостике, инстинктивно втянули головы в плечи.

Грохот наполнил каюту исследователей. Найт ринулся на мостик, Питт и Джордино от него не отставали. Никто из офицеров, находящихся в рубке, даже не обернулся, когда в помещение ворвался капитан. Все внимательно следили за удаляющимся самолетом.

– Что, черт возьми, это было? – спросил Найт у вахтенного офицера.

– Неизвестный самолет едва не протаранил корабль, капитан.

– Военный?

– Нет, сэр. Я успел рассмотреть крылья, когда он летел. Там не было никаких опознавательных знаков.

– Самолет-шпион?

– Сомневаюсь, сэр. Во всех иллюминаторах горел свет.

– Возможно, это коммерческий авиалайнер? – подал голос Джордино.

На лице Найта явственно проступило раздражение. «Откуда взялся этот чертов самолет, подвергший риску мой корабль? – думал он. – И что он вообще здесь делает? Отсюда до коммерческих путей много сотен миль!»

– Он теряет высоту, – сказал Питт, не спуская глаз с удаляющихся огней. – Я бы сказал, он падает.

– Да поможет Бог этим несчастным, если они собираются в кромешной тьме сесть на воду.

– Странно, но посадочные огни не включены.

– Все это действительно очень странно, – сказал вахтенный офицер. – Если бы у летчиков были серьезные проблемы, они бы уже давно передачи сигнал бедствия. А мы ничего не принимали.

– Вы пытались вызвать их по радио? – спросил Найт.

– Да, сразу как только самолет появился на экране радара. Ответа не последовало.

Найт подошел к окну и несколько секунд стоял, глядя в темноту и барабаня пальцами по стеклу. Затем он обернулся к вахтенному офицеру:

– Следуйте прежним курсом. Продолжаем выполнение программы исследований.

Питт взглянул на капитана:

– Я понимаю ваше решение, но не могу сказать, что приветствую его.

– Вы находитесь на военном корабле, мистер Питт, – сухо сказал Найт. – Мы не береговая охрана. И мы выполняем задание первостепенной важности.

– Но на борту этого самолета могут быть женщины и дети.

– Почему вы считаете, что они в опасности? Самолет в воздухе. И если «Полярный исследователь» для них единственный шанс на спасение в этой части света, почему мы не слышали сигналов бедствия? Не было даже попыток передачи сигнала посадочными огнями. В общем, у меня нет оснований считать, что на борту проблемы. Ты сам летчик. Скажи, почему, если пилот в беде, он не сделал круг над кораблем?

– Возможно, он пытается приземлиться.

– Прошу прощения, капитан, – вмешался вахтенный офицер, – забыл упомянуть, что закрылки были опущены для посадки.

– Это ничего не значит. – Найт, судя по всему, решил проявить упорство.

– К дьяволу сострадание, полный вперед! – холодно проговорил Питт. – Вы забыли, капитан, что сейчас не война. Лично я не хотел бы прожить

всю оставшуюся жизнь с сознанием того, что люди погибли только потому, что я сидел сложа руки. Думаю, военно-морской флот вполне может позволить себе израсходовать несколько лишних галлонов топлива, чтобы выяснить, что случилось.

Найт кивнул головой в сторону пустой штурманской рубки, приглашая Питта и Джордино следовать за ним, и, как только они вошли, закрыл дверь.

– Мы выполняем миссию чрезвычайной важности, – спокойно проговорил он. – Если изменим курс, русские заподозрят, что мы обнаружили их субмарину, и пожалуют следом за нами в этот район.

– Что ж, – не стал спорить Питт, – это весомый аргумент. Но можно и не привлекать их внимания, задействовав в игре только меня и Джордино.

– Что вы предлагаете?

– Мы возьмем вертолет НУМА, тот, что стоит на кормовой палубе, вы дадите нам медиков и пару крепких парней, и мы отправимся следом за самолетом, в то время как «Полярный исследователь» будет продолжать утюжить район поисков.

– А русские? Какие выводы сделают их аналитики?

– Они решат, что это совпадение. Но если самолет все-таки разобьется, а я, конечно, надеюсь, что этого не случится, у вас будут законные основания изменить курс, чтобы начать спасательную операцию. Потом мы возобновим поисковые работы с того же места, где их прервали, и русские ничего не заподозрят.

– А вертолет? Русские ведь будут контролировать каждое ваше движение!

– Ал и я будем использовать общедоступный канал связи и вести диалог о поисках таинственного самолета. Возможно, это усыпит их подозрения.

Найт опустил глаза и несколько секунд пристально разглядывал пол у себя под ногами. Потом он поднял голову и вздохнул:

– Не будем терять время. Прогревайте свою птичку, а я позабочусь о медицинском персонале и отряде добровольцев.

* * *

Рабин даже не пытался сделать круг над «Полярным исследователем». На то были две причины: потеря высоты и отсутствие летного опыта. Он справедливо опасался, что при таком сложном маневре двигатели заглохнут и самолет кувырнется в воду.

Но появление корабля возродило в душах обреченных совсем было угасшую надежду. Их заметили! А значит, команда спасателей будет знать, где искать уцелевших в катастрофе. Это было небольшое утешение, но все же лучше, чем никакого.

Черные морские воды сменились ледяным покровом, который теперь с бешеной скоростью проносился под ними, освещенный навигационными огнями. Неожиданно Рабин подумал, что здесь, наверное, было бы здорово прокатиться на санях. За несколько минут до аварийной посадки, которая вполне могла окончиться катастрофой, он вспомнил, что посадочные огни так и не включены, и велел Ибарре это сделать.

Мексиканец внимательно осмотрел панель управления и щелкнул нужными тумблерами. Самолет летел над безжизненной, ледяной равниной.

– Матерь божья! – воскликнул Ибарра. – Я вижу справа по курсу холмы! Мы над землей!

В последний момент удача все-таки улыбнулась Рабину. Замеченные Ибаррой холмы на самом деле были горной цепью, изобилующей острыми вершинами, которая растянулась вдоль побережья Гренландии на много сотен миль. Рабин каким-то чудом сумел их миновать. Провидение к тому же послало встречный ветер, давший самолету дополнительную подъемную силу.

Лед был уже совсем близко. Казалось, до него можно было дотронуться рукой. Его неровная поверхность отражала и преломляла посадочные огни, создавая причудливый калейдоскоп цветов и оттенков. Прямо по курсу возвышалась какая-то темная масса. Рабин мягко надавил правую рулевую педаль, и масса скользнула влево.

– Выпустить шасси! – воскликнул Рабин.

Ибарра без слов подчинился. При нормальной процедуре аварийной посадки это было худшее, что можно было сделать, но летчики поневоле инстинктивно приняли правильное решение. После того как шасси были выпущены, самолет начал быстро терять скорость из-за резко возросшего сопротивления воздуха.

Рабин так сильно сжимал рулевую колонку, что у него побелели костяшки пальцев. Он неотрывно смотрел на несущийся навстречу лед. Его сверкающие кристаллы приближались и увеличивалось, словно тянулись к самолету.

Рабин закрыл глаза и начат молиться. Он просил Господа, чтобы тот позволил самолету удариться о мягкий снег, а не о жесткий,

неподатливый лед. Больше ни он, ни Ибарра ничего не могли сделать. Конец неумолимо приближался.

К несчастью, новоявленные пилоты не знали ужасной правды. Лед, над которым они летели, имел толщину не более метра, что было явно недостаточно, чтобы выдержать вес «Боинга 720-В».

Все лампочки на панели управления горели тревожным красным светом. У Рабина было ощущение, что он пытается прорваться сквозь черный занавес в белую пустоту. Он потянул рулевую колонку на себя, и скорость «боинга» стала падать, в то время как самолет в последний раз задрал нос вверх, словно прощаясь с небом.

Ибарра сидел, охваченный паникой. Оцепенев от ужаса, он даже забыл закрыть дроссельные заслонки. Полностью лишившись способности думать о чем бы то ни было, кроме неотвратимо надвигающегося конца, он не сообразил, что необходимо перекрыть подачу топлива и электричества.

И вот последовал удар.

Рабин и Ибарра непроизвольно прикрыли руками головы и зажмурились. Колеса шасси ударились о лед, заскользили и проделали глубокие траншеи во льду. Двигатель левого борта был сорван и, вращаясь, улетел в темноту. В то же самое время оба двигателя правого борта с диким скрежетом оторвались вместе с крылом. Система электроснабжения самолета вышла из строя, и все огни погасли.

«Боинг» двигался по льду фьорда, оставляя за собой куски металла. Вероятно, издалека это было похоже на комету, оставляющую за собой огненный хвост. Самолет врезался в крупный торос, образовавшийся при сжатии пакового льда. Носовое шасси оказалось вдавленным внутрь фюзеляжа, проникнув аж до «чертовой норы». Нос самолета не был рассчитан на продвижение сквозь толщу льда. Тонкие алюминиевые пластины рвались и корежились, их острые края проникали внутрь кабины. И вот настал момент, когда изуродованный самолет, обезображенный до неузнаваемости, завершил свой ужасный путь. Он замер в тридцати метрах от внушительной группы скал, за которыми начинался обледеневший берег.

Несколько секунд стояла мертвая тишина. Затем раздался громкий треск льда, сопровождаемый стоном сминаемого металла, и искалеченный лайнер начал медленно опускаться в ледяную воду.

8

Археологи тоже слышали, как «боинг» пролетел над фьордом.

Услышав грохот двигателей, они выскочили из хижины и успели заметить самолет. Они ясно видели освещенные иллюминаторы и выпущенные шасси. Почти сразу же донесся жуткий скрежет, и замерзшая земля под их ногами вздрогнула от удара. Огней больше не было видно, зато звук рвущегося фюзеляжа был слышен еще несколько долгих секунд. Потом снова наступила мертвая тишина, которую завывания ветра делали еще более жуткой.

Археологи замерли на месте, не в силах поверить в реальность произошедшего. Ошеломленные, испуганные, не замечающие холода, они молча стояли, всматриваясь в темноту ночи.

– Боже мой, – еле слышно прошептал Гронквист, – они разбились.

– Ужасно! – дрожащим голосом проговорила Лили. – Наверное, никто не выжил.

– Почти наверняка все погибли, особенно если самолет ушел под воду.

– Наверное. Именно поэтому мы не видим пожара, – добавил Грэхем.

– Кто-нибудь успел заметить, что это был за самолет? – спросил Хоскинс.

Грэхем покачал головой:

– Нет, все произошло слишком быстро. Но это был большой самолет. Может быть, ледовая разведка.

– Далеко отсюда до места падения?

– Не думаю… километр… максимум полтора.

– Мы должны пойти туда, – решительно заявила побледневшая Лили. – Может быть, кто-то уцелел и нуждается в помощи.

Гронквист бросил взгляд в направлении, в котором исчез самолет, и потер ладонями немеющие щеки:

– Давайте вернемся в помещение и выработаем какой-нибудь план, пока мы все не превратились в сосульки.

Лили мысленно уже готовилась к экспедиции.

– Надо собрать одеяла, – сказала она, – и медикаменты.

– Майк, включи рацию, – велел Гронквист. – Сообщи о случившемся на метеорологическую станцию в Дейнборге, а оттуда наши сведения передадут в Туле[12], где находятся наши спасательные подразделения военно-воздушных сил.

– Понял, – сказал Грэхем и первым вошел в хижину.

– Надо взять с собой инструменты, – сказал Хоскинс – Возможно, придется откапывать уцелевших людей из-под обломков.

Гронквист утвердительно кивнул и стал быстро собираться в дорогу.

– Подумай, что нам еще может понадобиться, – сказал он. – Я привяжу к одному из снегоходов сани, и мы сможем все туда сложить.

Всего лишь пять минут назад археологи спокойно спали. Теперь они энергично одевались, попутно обдумывая, что еще может пригодиться для помощи пострадавшим, и стараясь ничего не упустить. Они позабыли о загадочной византийской монете, не думали о теплых, удобных постелях. Они стремились как можно быстрее добраться до упавшего самолета и оказать помощь людям.

Снова оказавшись на улице. Гронквист пригнулся, чтобы не быть сбитым с ног сильным порывом ветра, и побежал вокруг становища к расположенному за ним небольшому ангару, где стояли два принадлежавших экспедиции снегохода. Он сбил лед, образовавшийся в нижней части двери, и распахнул ее. Внутри работал небольшой нагреватель, от которого, честно говоря, было мало толку, но он честно старался поддерживать температуру в помещении на двадцать градусов выше, чем за его пределами. Гронквист поочередно нажал на кнопки стартеров, но батареи были истощены долгими месяцами беспощадной эксплуатации, и двигатели не спешили заводиться. Окутанный паром от своего же дыхания. Гронквист, проклиная все на свете, стащил зубами рукавицы и попробован осуществить запуск вручную. Двигатель одного снегохода сдался с пятой попытки, но другой продолжат проявлять упорство. В конце концов, после тридцать второй попытки (Гронквист их считал), двигатель, кашляя, возродился к жизни. Хайрем надежно закрепил буксирную стяжку между санями и первым снегоходом, двигатель которого успел прогреться, причем завершил эту сложную операции как раз вовремя – его пальцы уже начали неметь.

Когда он вывел снегоход из ангара, все необходимое было сложено у входа в дом. Вещи были аккуратно упакованы, поэтому археологи загрузили сани доверху меньше чем за две минуты. Грэхем вручил каждому по мощному фонарю, и спасательная экспедиция была готова к отправлению.

– Если самолет ушел под лед, – прооран Хоскинс, стараясь перекричать вой ветра, – можно никуда не спешить.

– Он прав, – ответил Грэхем. – К этому времени уцелевшие уже все равно умерли от переохлаждения.

Глаза Лили за лыжной маской потемнели.

– Пессимизм еще ни разу никому не спас жизнь. Предлагаю всем замолчать и поторопиться.

Гронквист подхватил Лили за талию и подсадил в снегоход.

– Делайте, что говорит дама, парни. Там в этот самый момент умирают люди.

Он устроился на сиденье впереди Лили и, в то время как Хоскинс и Грэхем побежали в ангар за вторым снегоходом, повернул ручку газа. Выдохнув облако сизого дыма, снегоход тронулся с места. Выполнив дугообразный поворот, он взял курс к берегу. Сани за ним болтались из стороны в сторону.

Они двигались по неровному, покрытому обледеневшими камнями берегу. Путь был нелегким. Луч единственной фары, установленной между рукоятками, не освещал дорогу, а отплясывал безумный танец на фоне черных теней, в результате чего. Гронквист не мог заранее разглядеть торосы, пока не натыкался на них. Снегоход пробирался между их гребнями, словно утлая лодчонка меж высокими волнами. И даже высокое мастерство Хайрема не могло удержать на прямом курсе сани, которые то и дело норовили опрокинуться.

Лили попыталась обхватить Гронквиста за талию, но у него был слишком большой живот, и поэтому она мертвой хваткой вцепилась в его парку по бокам, закрыла глаза и уткнула лицо в его большое, крепкое плечо. Она даже попросила его снизить скорость, но Хайрем проигнорирован это явное проявление малодушия. Время от времени Лили поворачивала голову и следила за лучом фары второго снегохода, мчащегося следом.

Второй снегоход не вез груза, следовательно, никакие сани ему не мешали, поэтому Хоскинс и Грэхем довольно быстро догнали своих товарищей и промчались мимо, оставив их позади. Очень скоро Лили могла видеть только силуэты, которые казались неясными призраками в облаке поднятого снегоходом снега и выхлопного газа.

Она почувствовала, как напрягся Гронквист, когда луч фары осветил большой металлический предмет, лежащий на льду. Гронквист резко повернул рукоятки в левую сторону. Носы передних лыж зарылись в снег, и снегоход ушел, скорее даже прыгнул влево, разминувшись всего лишь на метр с куском оторванного самолетного крыла. Гронквист сделал попытку выровнять транспортное средство, но резкое изменение центробежной силы закрутило сани с тяжелой поклажей. Их занесло, бросило на снегоход, последовал сильный толчок. Передние концы полозьев саней зарылись в снег, сани выполнили замысловатый пируэт, и груз разлетелся в разные стороны, словно осколки при взрыве.

Гронквист что-то прокричал, но Лили не расслышала, что именно, поскольку в этот самый момент полозья саней с точностью, достойной лучшего применения, ударили его в плечо и выкинули из снегохода. Археолог описал широкую дугу, причем во время полета с его головы слетел капюшон, и несчастный врезался незащищенной головой в лед.

Руки Лили оказались слишком слабыми, чтобы удержать Гронквиста. Ей показалось, что ее тоже выбросит из снегохода, но сани, очевидно решив проявить милосердие к даме, не задели ее. Однако у снегохода были свои намерения. Никем не управляемый, он, сильно накренившись, остановился.

Несколько мгновений он угрожающе балансировал в этом положении, а потом медленно повалился набок, придавив ноги Лили. Она оказалась совершенно беспомощной, словно бабочка, пришпиленная к листу бумаги.

Хоскинс и Грэхем не сразу заметили, что с их товарищами произошла авария, но неприятности не миновали и их. Преодолев еще двести метров, Грэхем обернулся, влекомый больше любопытством, нежели интуицией, чтобы посмотреть, как далеко они обогнали Лили и Гронквиста. Он с удивлением заметил свет фары их снегохода довольно далеко позади, причем свет был неподвижен.

Грэхем тронул Хоскинса за плечо и прокричал ему в ухо:

– Думаю, с нашими ребятами что-то произошло!

Первоначально Хоскинс намеревался найти углубление в ледяном покрове в том месте, где самолет коснулся льда, и ехать по следу к месту катастрофы. Он напряженно всматривался в тьму, расстилавшуюся перед ним, стараясь отыскать признаки падения. Как раз в это время его и отвлек Грэхем. Его слов, заглушаемых шумом двигателя, разобрать было невозможно. Он повернул голову к Грэхему и прокричал в свою очередь:

– Ничего не слышу!

– Поворачивай! Что-то случилось!..

Хоскинс кивнул и снова сосредоточился на дороге. Но не зря говорят, что, управляя транспортом, нельзя отвлекаться. Даже малейшее ослабление внимания может стоить очень дорого. Так и получилось. Хоскинс слишком поздно, когда ничего уже нельзя было изменить, заметил глубокую трещину во льду.

Снегоход взлетел над двухметровой трещиной, на несколько мгновений превратившись в летательный аппарат. Вес двух ездоков тянул аппарат вниз, и он с громким треском врезался в противоположную стену

фьорда. Хоскинсу и Грэхему повезло. Их перебросило через край и выкинуло на ледяную поверхность, по которой их тела еще несколько мгновений скользили, словно набитые ватой куклы по навощенному паркету.

Спустя секунд тридцать оглушенный Грэхем, двигаясь с трудом, словно девяностолетний старик, заставил себя подняться на четвереньки. Он огляделся, не вполне понимая, как он очутился в столь незавидном положении. Потом его внимание привлекло странное шипение.

Хоскинс сидел на льду очень прямо, прижав руки к паху. Он раскачивался, вдыхая и выдыхая воздух сквозь стиснутые зубы и слегка подвывая.

Грэхем снял варежку и дотронулся до носа. Он вроде бы не был сломан, но кровь текла из обеих ноздрей, вынуждая его дышать ртом. Он подвигал руками и ногами и убедился, что все цело. В общем-то этому вряд ли стоило удивляться, учитывая прочность одежды. Он подполз к Хоскинсу, легкое подвывание которого уже перешло в протяжные стоны.

– Что случилось? – поинтересовался Грэхем, моментально пожалев о том, что задал такой глупый вопрос.

– Мы влетели в трещину, оставленную во льду самолетом, – сообщил Хоскинс в перерывах между стонами. – Господи, кажется, я кастрирован.

– Давай я посмотрю, – сказал Грэхем, отведя в стороны руки Хоскинса и расстегнув несколько застежек на его комбинезоне. Затем он достал фонарик и произвел тщательный осмотр. Улыбнувшись во весь рот, он заметил: – Твоей жене понадобится другая причина, чтобы тебя бросить. Не волнуйся, твое мужское достоинство в целости и сохранности.

– А где Лили… и Гронквист? – после очередного стона спросил Хоскинс.

– Примерно в двухстах метрах позади. Нам придется перебраться через трещину и выяснить, что там случилось.

Хоскинс, сделав усилие, поднялся на ноги и проковылял к краю трещины. Удивительно, но фара снегохода все еще горела, освещая пузыри, поднимавшиеся с шестиметровой глубины на поверхность. Грэхем тоже подошел и посмотрел вниз. Потом они переглянулись.

– Спасатели хреновы, – с усмешкой заметил Хоскинс – Занимались бы лучше археологией.

– Тихо! – неожиданно воскликнул Грэхем. Он приложил руки к ушам и стал поворачиваться из стороны в сторону, очевидно вообразив себя тарелкой радара. Потом он остановился и указал на огни,

приближающиеся со стороны фьорда. – Черт меня побери! Это же вертолет!

* * *

Лили то проваливалась в забытье, то вновь возвращалась к реальности.

Она никак не могла понять, почему мысли все время норовили ускользнуть от нее. Она приподняла голову и посмотрела на Гронквиста. Он лежал без движения в нескольких метрах от нее. Она кричала и звала его, но он не подавал признаков жизни. В конце концов она оставила свои попытки и впала в полузабытье, позволившее Лили не осознать, что ее ноги уже полностью потеряли чувствительность. Временами ее начинала бить крупная дрожь, но она также не осознавала, что находится в состоянии глубокого шока.

Она не сомневалась, что Грэхем и Хоскинс появятся с минуты на минуту и помогут. Но минуты шли, а никого не было. Она почувствовала, что невероятно устала, и уже была готова уснуть, когда услышала странный звук, доносившийся сверху. Потом в черном небе появился слепящий свет, и она прикрыла глаза. Лежавший на льду снег взметнулся в воздух, поднятый неожиданным вихрем, и закружил вокруг нее. Звук стих, и в нескольких шагах от себя она заметила темную фигуру, окруженную ореолом света.

Приблизившись, фигура оказалась мужчиной, одетым в меховую парку. Он моментально оценил ситуацию и сильными руками поднял упавший снегоход, освободив ноги Лили.

Он обошел вокруг лежащей женщины и поднес фонарь к своему лицу. Лили огромным усилием сфокусировала зрение и взглянула в сверкающие зеленые глаза, в которых одновременно отражались решительность, мягкость и искреннее участие. Глаза мужчины чуть-чуть сузились, когда он понял, что перед ним женщина. Все еще пребывая в полузабытьи, Лили вяло удивилась появлению незнакомца.

– Как же я рада вас видеть, – тихо проговорила она. – Кто вы?

– Меня зовут Дирк Питт, – ответил мужчина. – Если у вас нет других планов, почему бы нам не поужинать сегодня вместе?

9

Лили, нахмурившись, посмотрела на Питта, словно желая удостовериться, правильно ли она его поняла.

– Сегодня, наверное, не получится, – ответила она.

Он откинул капюшон своей парки и осторожно ощупал ноги женщины.

– Кости целы, опухолей не наблюдается, – сообщил он. – Вам больно?

– Я слишком замерзла и ничего не чувствую.

Питт вытащил пару одеял, упавших с саней, и бережно укрыл ее.

– Вы не с самолета, – утвердительно произнес он. – Как вы сюда попали?

– Я из группы археологов. Мы ведем раскопки древнего поселения эскимосов. Мы слышали, как самолет пролетел над нашими головами и, выйдя из хижины, успели заметить, что он приземлился где-то на льду фьорда. Мы как раз направлялись к месту крушения с медикаментами и одеялами, когда… – Она замолчала и повела рукой, указав на перевернутые сани и лежащего без движения Гронквиста.

– Мы?

Внимательно оглядевшись, Питт понял, что произошло. Прямой след снегохода, резкий поворот перед лежащим на снегу обломком крыла, глубокие зазубрины, сделанные полозьями потерявших управление саней, – все это поведало ему о случившемся лучше всяких слов. Потом он увидел Гронквиста и направился к нему.

Опустившись на колени, он осмотрел археолога. Тот дышал ровно.

Не дождавшись слов незнакомца, Лили с нетерпением спросила:

– Он жив?

– Да. Очевидно, сильно ударился головой, почти наверняка заработал сотрясение мозга. Возможно, есть переломы или трещины, но я сомневаюсь. Судя по внешнему виду, у него голова крепкая, как банковский сейф.

Наконец подошел Грэхем. Следом за ним довольно резво ковылял Хоскинс. Их одежда была запорошена снегом, маски на лицах заледенели от дыхания. Грэхем снял маску, явив миру свою исцарапанную физиономию, мгновение внимательно изучал Питта, потом слабо улыбнулся:

– Приветствую тебя, незнакомец. Ты подоспел удивительно вовремя.

Сидящие в вертолете люди с воздуха не видели этих двоих членов команды археологов. И Питт невольно подумал, что, возможно, во льдах фьорда затерялись и другие спасательные команды.

– Здесь раненые, – сообщил Питт, решив обойтись без формальностей. – Мужчина и женщина. Они из вашей группы?

– Что случилось? – Улыбка тотчас исчезла с лица Грэхема.

– Авария.

– Увы, у нас тоже.

– Вы видели самолет?

– Только когда он снижался. Мы не добрались до него.

Хоскинс обошел Грэхема и приблизился к Лили. Затем он поискал глазами Гронквиста.

– Они тяжело ранены?

– Пока не знаю. Надо сделать рентген.

– Мы должны им помочь!

– У меня на борту вертолета есть медики.

– Так чего же вы ждете? – возмутился Хоскинс – Зовите их сюда! – Он рванулся мимо Питта к вертолету, но был остановлен железной рукой, стиснувшей его плечо. Он непонимающе уставился в немигающие, потемневшие от сдерживаемого гнева глаза.

– Вашим друзьям придется подождать, – не допускающим возражений тоном проговорил Питт. – Первым делом мы должны отыскать упавший самолет. Если там есть уцелевшие, им наша помощь нужна в первую очередь. Как далеко отсюда ваш лагерь?

– Около километра к югу, – ответил Хоскинс.

– Этот снегоход на ходу. Вы и ваш товарищ можете уложить пострадавших в сани и отвезти их в лагерь. Только соблюдайте осторожность, у них могут быть внутренние повреждения. У вас есть радио?

– Да.

– Настройте его на частоту «тридцать два» и будьте наготове, – сказал Питт. – Если упавший самолет действительно выполнял коммерческий рейс и на его борту находились пассажиры, работы всем хватит.

– Мы будем готовы, – заверил его Грэхем.

Питт наклонился к Лили и сжал ее руку.

– Не забудьте об ужине, – сказал он.

Улыбнувшись на прощание, он натянул капюшон парки и побежал к ожидавшему его вертолету.

* * *

Рабин почувствовал, что на него со всех сторон наваливается какая-то тяжесть, словно он попал в поле действия некой непреодолимой силы,

которая влечет его в неведомом направлении. Привязные ремни сильно врезались в плечи и живот, причиняя боль. Он открыл глаза, но увидел лишь смутные, размытые силуэты. Ожидая, пока вернется острота зрения, он попытался пошевелить руками, но они остались неподвижными.

Потом ему удалось сфокусировать зрение, и он понял, почему не может пошевелиться. Сквозь разбитое стекло кабины на него обрушилась лавина снега и льда, засыпав его тело по самую грудь. Он попытался освободиться, но тщетно. Плотная масса снега и льда держала его крепко, как смирительная рубашка. Без посторонней помощи он не мог покинуть кабину.

Шок мало-помалу проходил, уступив место острой боли, которую причиняли сломанные ноги. У него было странное чувство, будто его тело по пояс погружено в воду. Поразмыслив, он сделал вывод, что это не вода, а его собственная кровь. Но Рабин ошибался. К этому моменту самолет уже опустился под лед на три метра – и вода залила кабину, поднявшись до уровня сидений.

Только потом он вспомнил об Эдуардо Ибарре. С трудом повернувшись направо, он прищурился, стараясь разглядеть что-нибудь в темноте. Правая сторона носовой части фюзеляжа была вдавлена внутрь почти до панели управления. Он смог рассмотреть только застывшую высунувшуюся из кучи снега и льда руку мексиканца.

Рабин резко отвернулся, с неожиданной болью осознав, что маленький человек, деливший с ним бремя страшного полета, теперь мертв. И еще Рабин понял, что ему самому осталось жить совсем немного. Очень скоро он замерзнет – и наступит смерть.

И он заплакал.

* * *

– Кажется, я его вижу, – сообщил Джордино, стараясь перекричать шум двигателей и винта.

Питт кивнул и стал внимательно рассматривать продолговатую воронку во льду. По краям она была густо усыпана осколками. А потом он увидел и самолет, вернее, он заметил некий предмет, явно созданный руками человека. Через несколько секунд вертолет завис прямо над этим предметом.

Потерпевший крушение самолет – зрелище всегда грустное и зловещее. Одно крыло было оторвано, а другое смято, скручено и вытянуто вдоль фюзеляжа. Хвостовая часть была согнута и торчала вверх. В общем, картина напоминала раздавленного жука на белом ковре.

– Фюзеляж провалился под лед и на две трети находится в воде, – сказал Питт.

– Он не загорелся, – отметил Джордино. – Повезло ребятам.

Он поднес руку к глазам, чтобы защититься от слепящего блеска – отраженного света прожекторов вертолета, освещавших место крушения.

– Покрытие в превосходном состоянии, – поделился своими наблюдениями Джордино. – Этот самолет хорошо обслуживали. Полагаю, это «Боинг 720-В». Ты видишь признаки жизни?

– Нет, – ответил Питт, – и это плохо.

– А как насчет опознавательных знаков?

– По фюзеляжу идут три полосы – голубая, золотая и фиолетовая.

– Я не знаю авиакомпании, имеющей такие цвета.

– Давай снизимся и осмотримся как следует, – сказал Питт. – Пока ты будешь искать посадочную площадку, я попытаюсь прочитать, что написано на фюзеляже.

Джордино сделал вираж и повел вертолет к месту крушения. На носу и в хвостовой части вертолета загорелись посадочные огни, осветив полузатопленный самолет бриллиантовым сиянием. Надпись над полосами была выполнена затейливым наклонным шрифтом вместо обычных прямых черно-белых букв, которые так легко прочитать.

– «Небула, – вслух прочитал Питт. – Воздушные линии Небула».

– Никогда о такой не слышал, – сообщил Джордино, не отрывая глаз от льда.

– Шикарная авиакомпания, в основном обслуживающая ВИП-пассажиров. Выполняет только чартерные рейсы.

– Но какого черта ее самолет занесло так далеко от обычных воздушных путей?

– Скоро мы это узнаем, если, конечно, на борту остался кто-то живой.

Питт обернулся к людям, удобно расположившимся в теплом салоне вертолета. Они были одеты в удобную одежду, предназначенную специально для Крайнего Севера. Один из них был корабельным хирургом, трое – медиками и еще четверо – опытными экспертами, специалистами по устранению повреждений. Они спокойно болтали между собой, словно совершали увеселительную поездку в Денвер. Рядом с ними на полу громоздились ящики с медикаментами и

медицинским оборудованием и тюки с одеялами. Штабель был тщательно увязан стропами и не разваливался. Между асбестовыми костюмами и ящиком с оборудованием для пожаротушения стояли носилки.

Напротив главной двери располагалось дополнительное нагревающее устройство, его подъемные кабели были протянуты к закрепленной над головами лебедке. Рядом с ним стоял компактный снегоход с закрытой кабиной и боковыми направляющими.

Седовласый человек с бородой и усами в точности такого же цвета взглянул на Питта и усмехнулся.

– Ну что, будем отрабатывать зарплату? – весело полюбопытствовал он.

Ничто не могло испортить настроения Джеку Гейлу.

– Мы садимся, – ответил Питт. – Вокруг самолета все спокойно. Признаков возгорания нет. Кабина пилотов под снегом. Фюзеляж, конечно, пострадал, но выглядит целым.

– Вот и хорошо, – пожал плечами Гейл. – Ненавижу возиться с ожогами.

– Это хорошие новости. Плохие новости заключаются в том, что салон почти на метр в воде, а мы не захватили с собой галош.

Физиономия Гейла моментально обрела серьезность.

– Да поможет Бог раненым, которые не сумели уберечься от влаги. В такой воде они не протянут и восьми минут.

– Если никто из уцелевших не сможет открыть аварийный люк, нам придется прорезать себе дорогу внутрь.

– Искры от газорезок имеют дурную привычку воспламенять разлившееся топливо, – сказал лейтенант Корк Симон, командир команды добровольцев с «Полярного исследователя». Это был уверенный человек, досконально знающий свою работу. – Лучше уж мы войдем через дверь салона. Тем более что доктору Гейлу понадобится как можно больше места, чтобы пронести носилки.

– Согласен, – сказал Питт, – но герметично закрытую дверь, к тому же прижатую или поврежденную о свои же ограничители внешним воздействием, вскрыть будет нелегко. Это займет время, и люди внутри успеют замерзнуть. Первым делом мы должны проделать достаточно большое отверстие, чтобы прошла вентиляционная труба нагревателя.

Он замолчал, поскольку в это время Джордино выполнил крутой вираж и повел вертолет на посадку. Подходящая ровная площадка нашлась в непосредственной близости от места аварии. Спасатели приготовились.

Из-за вращения винтов в воздух с поверхности был поднят снег и частички льда, что снизило видимость до нуля.

Едва колеса вертолета коснулись льда, как Питт распахнул дверь, выпрыгнул на лед и побежал к самолету. Последовавший за ним доктор Гейл начал руководить разгрузкой медицинского оборудования, а Корк Симон и его команда с помощью лебедки опустили на лед нагреватель и снегоход.

С трудом удерживаясь на ногах на скользком льду, Питт обошел вокруг самолета, стараясь не свалиться в глубокие трещины, коих вокруг было немало. В воздухе стоял неприятный и совершенно непривычный для этих мест запах топлива. Он принялся карабкаться на ледяную глыбу, навалившуюся на носовую часть самолета. Ползти по льду вверх было столь же приятно, как забираться на смазанную жиром лестницу. Он прикинул, не удастся ли пробиться в кабину, но отказался от этой идеи: потребуется не меньше часа, чтобы прорваться сквозь плотный лед. Питт соскользнул вниз и направился к уцелевшему крылу. Оно было оторвано и скручено, конец его был направлен в сторону хвоста. Крыло лежало на льду в непосредственной близости от ряда иллюминаторов. Используя крыло как платформу, позволившую ему не упасть в воду, Питт опустился на четвереньки и попытался заглянуть внутрь. Свет прожекторов вертолета, отраженный плексигласовой поверхностью, мешал видимости. Питт прикрыл глаза сбоку ладонями, чтобы заслонить от слепящего света, и придвинулся ближе к иллюминатору.

Сначала он не увидел никакого движения, только темнота и мертвая неподвижность.

Затем неожиданно по другую сторону окна появилось лицо. Оно материализовалось из темноты в нескольких сантиметрах от физиономии Питта.

Он непроизвольно отшатнулся. Неожиданное появление женщины с рассеченной бровью – струившаяся из глубокого пореза кровь заливала половину лица – и многочисленными мелкими царапинами в первый момент заставило Питта вздрогнуть.

Он быстро оправился от шока и постарался рассмотреть неповрежденную часть лица незнакомки. Высокие скулы, длинные темные волосы, большие карие глаза. Красивая женщина, подумал Питт.

– Вы можете открыть аварийный люк? – прокричал он. Неповрежденная бровь чуть приподнялась, но глаза оставались пустыми.

– Вы меня слышите?

В этот момент люди Симона включили вспомогательный генератор, и прожектора залили место крушения ярким светом. Они оперативно подсоединили обогреватель, и Симон потащил гибкий шланг по льду к самолету.

– Сюда! – махнул рукой Питт, указав на крыло, – И захватите с собой инструменты, чтобы пробиться через иллюминатор.

Команда Симона прекрасно знала свое дело, заключавшееся в устранении повреждений на судах, поэтому они действовали, не теряя ни минуты, словно спасение пассажиров потерпевшего аварию авиалайнера было для них не в новинку.

Когда Питт снова повернулся к окну, женщины не было видно.

Симон и один из его людей забрались на поврежденное крыло. Удержаться на ногах на обледеневшей поверхности и при этом не выпустить из рук шланг нагревателя было совсем не просто. Питт почувствовал дуновение теплого воздуха и удивился, как, оказывается, быстро нагревается этот жизненно необходимый прибор.

– Нам потребуется боевой топор, чтобы пробиться внутрь, – вздохнул Питт.

Симон окинул его притворно-презрительным взглядом.

– Вам придется отдать должное непревзойденному мастерству офицеров американского военно-морского флота. В своем развитии мы ушли значительно дальше вас и имеем в запасе кое-что помимо столь примитивных методов. – С этими словами он извлек из кармана довольно компактный прибор, работающий на батарейках, и включил его. Расположенное на конце прибора маленькое абразивное колесико начато вращаться. – Режет плексиглас и алюминий как масло.

– Действуйте, – сухо сказал Питт и отошел в сторону.

Моряк сказал чистую правду. Маленький резак вскрыл толстое внешнее стекло меньше чем за две минуты. На тонкое внутреннее ушло около тридцати секунд.

Питт снова опустился на колени, протянул руку в иллюминатор и зажег фонарик. Женщины не было видно. Луч фонаря осветил холодную воду фьорда, залившую пол салона. Вода уже поднялась до уровня кресел, но те, что были видны Питту, были пустыми.

Симон и Питт вставили шланг обогревателя в окно и поспешили к передней части самолета. Моряки уже успели спуститься под воду и открыть запоры главной двери, но, как и следовало ожидать, она оказалась сильно повреждена. Они быстро просверлили в ней отверстия

и вставили в них крюки из нержавеющей стати, закрепленные на кабелях, ведущих к снегоходу.

Водитель, используя только сцепление, очень медленно тронулся вперед, чтобы выбрать слабину кабелей. Потом он запустил двигатель, шипы гусениц врезались в лед, и маленький снегоход, натянув кабели, устремился вперед. Несколько томительных секунд ничего не происходило. Слышалось только рычание двигателя и скрежет гусениц по льду.

Затем к ним присоединился еще один звук – визг протестующего металла, и нижняя часть двери показалась из-под воды. После этого крюки убрали, и все члены спасательной команды навалились на дверь. Общими усилиями она была открыта.

В самолете царил зловещий мрак.

Питт наклонился над водой и заглянул внутрь, не в силах справиться с охватившим его любопытством. Его фигура отбросила тень на воду в проходе между креслами салона. В первую минуту он не увидел ничего.

Было очень тихо, и, что самое странное, нигде не было людей.

Питт заколебался и оглянулся назад. За ним стоял доктор Гейл, старающийся через его плечо тоже заглянуть внутрь.

Остальные медики тоже топтались неподалеку, а люди Симона готовились наладить освещение в салоне.

– Входим, – сказал Питт.

Он перепрыгнул через полынью и очутился в самолете, сразу же провалившись по колени в воду. Он почувствовал, как в ноги одновременно вонзились тысячи иголок. Он обошел переборку и ступил в проход между креслами пассажирского салона. Зловещая тишина настораживала, внушала смутное беспокойство. Единственным звуком, который слышал Питт, было хлюпанье его собственных шагов по воде.

Он еще немного продвинулся вперед и замер, потрясенный, не в силах поверить своим глазам. Его худшие опасения стали явью, расцвели пышным цветом, как лепестки ядовитого цветка.

Питт оказался перед группой сидевших в креслах людей. Ни один из них не двигался, не моргал, не говорил. Они просто сидели на своих местах, обратив на пришельца свои бледные лица, на которых застыло абсолютно бесстрастное выражение, присущее только смерти.

По спине Питта побежали ледяные мурашки, но вызваны они были вовсе не низкой температурой воздуха. Снаружи через иллюминаторы проникал свет, отбрасывая причудливые тени на стены этого пристанища мертвых. Он шел по проходу, внимательно всматриваясь в каждое лицо, словно ожидая, что очередной пассажир помашет ему рукой или что-нибудь скажет, но все они находились без движения, словно мумии в гробнице.

Питт склонился над молодым человеком с зачесанными назад рыжеватыми волосами, аккуратно разделенными пробором точно посередине. Его лицо не было искажено агонией. Глаза были полуоткрыты, словно он вот-вот собирается закрыть их и крепко уснуть. Губы были сжаты, а нижняя челюсть немного опустилась.

Питт взял безвольно повисшую руку и попытался нащупать пульс на внутренней стороне запястья. Биения не было. Сердце этого человека остановилось.

– Есть что-нибудь? – спросил доктор Гейл, осматривавший пассажира рядом.

– Нет. Он умер, – ответил Питт.

– Этот тоже.

– Что с ними произошло?

– Пока не могу сказать. Видимых повреждений нет. Смерть наступила недавно. Никаких признаков борьбы или сильной боли. Судя по цвету кожи, удушья не было.

– Судя по всему, да, – ответил Питт. – Кислородные маски находятся на своем месте в панели над головами пассажиров.

Гейл быстро двигался от тела к телу.

– Я буду знать больше, после того как проведу кое-какие исследования.

Он замолчал, наблюдая, как Симон и его команда переносят в самолет осветительные приборы. Последовал взмах рукой – и внутреннее помещение самолета оказалось залито ярким светом.

Питт осмотрел салон. Единственным заметным повреждением оказалась небольшая деформация потолка. Спинки всех кресел были приведены в вертикальное положение, пассажиры были пристегнуты ремнями.

– Невозможно поверить, что они сидели, погружаясь в ледяную воду, и умерли от переохлаждения, не сделав при этом ни одного движения, – сказал он, одновременно проверяя, есть ли пульс у пожилой женщины с

пышными каштановыми волосами. На ее застывшем лице не было и намека на перенесенные страдания. Она казалась спящей. С разжавшихся пальцев свисали четки.

– Очевидно, все они умерли до того, как самолет ударился о лед.

– Ценное наблюдение, – пробормотал Питт, внимательно осматривая пустые ряды кресел. Он явно кого-то искал.

– Возможно, смерть наступила от отравления токсичными парами.

– Ты что-нибудь чувствуешь?

– Нет.

– Я тоже.

– Что тогда остается?

– Яд, принятый с пищей.

Гейл замолчат и несколько минут напряженно размышлял.

– Ты имеешь в виду, что здесь произошло массовое убийство?

– Получается что-то вроде этого.

– Нам бы очень помогло, останься хотя бы один живой свидетель.

– У нас есть свидетель.

Гейл замер и быстро оглядел бледные лица:

– Ты заметил, что кто-нибудь дышит? Покажи кто!

– Прежде чем мы вошли внутрь, – объяснил Питт, – я видел в окне женское лицо. Эта женщина смотрела на меня. Здесь ее нет.

Прежде чем Гейл смог ответить, по залитому водой проходу прошлепал Симон. В его глазах светился ужас и непонимание происходящего.

– Что за черт? – вопросил он. – Они выглядят как экспонаты из музея восковых фигур.

– Или как трупы в морге, – добавил Питт.

– Они умерли? Все? Вы уверены?!

– Кто-то остался в живых, – сказал Питт, – и сейчас находится либо в кабине пилотов, либо в туалетных комнатах в хвосте самолета.

– Кто бы это ни был, он нуждается в моем внимании, – решительно сообщил Гейл.

Питт кивнул.

– Вы продолжайте осмотр здесь, все-таки существует шанс, что кто-нибудь из этих несчастных еще жив, Симон пойдет в кабину, а я проверю туалетные комнаты.

– А что с телами? – поинтересовался Симон. – Должны ли мы предупредить Найта и начать эвакуацию?

– Оставьте их пока, – спокойно ответил Питт, – и не надо пользоваться радио. Доложим Найту по прибытии на корабль. Пусть ваши люди остаются снаружи, и ваши медики, доктор, тоже. Не дотрагивайтесь ни до чего без острой необходимости. Мы пока не знаем, что здесь произошло. О катастрофе уже наверняка известно. Довольно скоро сюда понаедут всякие следственные комиссии, да и репортеры налетят как саранча. Так что лучше мы пока помолчим.

Обдумав слова Пита и признав его правоту, Симон коротко ответил:

– Понял.

– Тогда давайте поторопимся и поищем выжившего человека.

Путь до туалетных комнат в хвосте самолета оказался нелегким. В этой части салона вода поднялась значительно выше – почти до пояса. Так что вместо тридцати секунд он пробирался больше двух минут. Его ноги уже онемели, и, даже не прибегая к помощи доктора Гейла, Питт знал, что, если он не высушит их и не согреется в течение ближайших получаса, то рискует обморозиться.

Если бы самолет был полон, смерть могла бы собрать здесь и более богатый урожай. Но даже при большом количестве свободных мест Питт насчитан пятьдесят три мертвых тела.

Он остановился, чтобы осмотреть стюардессу, которая сидела у хвостовой переборки. Ее голова была наклонена вперед, светлые волосы закрыли лицо. Но и у нее пульса не было.

Питт вошел в отсек, занимаемый туалетными комнатами. На трех была видна табличка «свободно», и он, заглянув внутрь, убедился, что они пусты. На четвертой он прочитал табличку «занято». Внутри кто-то был, и дверь была заперта изнутри.

Он постучал в дверь и громко сказал:

– Вы меня слышите? Пришла помощь. Пожалуйста, попытайтесь открыть дверь.

Питт приложил ухо к двери и прислушался. Ему показалось, что он слышит сдавленное рыдание и шепот. Создавалось впечатление, что за дверью переговариваются двое.

– Отойдите! – крикнул он. – Сейчас я выбью дверь.

Он немного отступил назад и окоченевшей ногой нанес по двери удар, достаточно сильный, чтобы сломать не слишком прочную задвижку, но в то же время не настолько сокрушительный, чтобы не ушибить тех, кто стоял за дверью. Его нога соприкоснулась с дверью именно в том месте, где нужно, – над ручкой, и задвижка оказалась сорванной. Дверь приоткрылась. Легкое нажатие плечом, и она распахнулась.

В затопленном помещении на закрытом унитазе – это было самое высокое место – стояли две женщины. Они дрожали и прижимались друг к другу. Одна из них, судя по форменной одежде, была стюардессой. Она взирала на вошедшего с ужасом. Именно так, должно быть, попавшая в ловушку дичь смотрит на приближающегося охотника. Она стояла, перенеся свой вес на правую ногу и лишь слегка касаясь своей ненадежной опоры неестественно вытянутой левой ногой. Повредила колено, понял Питт.

Вторая женщина горделиво выпрямилась и смотрела на Пита с вызовом. Он ее немедленно узнал – именно это лицо мелькнуло перед ним в окне. Половина ее лица была покрыта маской из свернувшейся крови, но оба глаза были открыты и горели ненавистью. Столь откровенная враждебность потрясла Питта.

– Кто вы такой и что вам надо? – требовательно спросила она охрипшим голосом, в котором слышался легкий акцент.

Дурацкий вопрос, подумал Питт, но приписал необъяснимую враждебность женщины шоку и улыбнулся самой доверительной улыбкой, на которую был способен.

– Меня зовут Дирк Питт, – спокойно сказал он, – я член спасательной команды с американского корабля «Полярный исследователь».

– Вы можете это доказать?

– Извините, но я забыл свои водительские права дома.

Это уже переходило всякие границы. Он решил сделать еще одну попытку и, прислонившись к косяку, скрестил руки на груди:

– Пожалуйста, поверьте, я пришел вам помочь. У меня и в мыслях нет причинить вам вред.

Стюардесса на мгновение расслабилась, ее глаза посветлели, а уголки губ приподнялись в слабой улыбке, но страх очень быстро вернулся, она вздрогнула и истерически вскрикнула:

– Они все мертвые! Их убили!

– Да, я знаю, – мягко проговорил Питт. – Позвольте, я отведу вас туда, где тепло и где доктор сможет осмотреть ваши раны.

Свет из салона самолета падал на затылок Питта, и его лицо оставалось в тени. Вторая, старшая из двух женщин, не могла видеть его глаза, и это нервировало ее.

– Вы вполне можете быть одним из террористов, которые сотворили все это, – сдержанно сказала она. – Почему мы должны вам верить?

– Потому что если вы не поверите, то замерзнете насмерть.

Словесная дуэль изрядно надоела Питту. Он шагнул вперед, осторожно поднял стюардессу на руки и понес в салон. Она не оказала сопротивления, но ее тело было напряжено. Было видно, что ее одолевают самые мрачные предчувствия.

– Расслабьтесь, – сказал он. – Представьте, что вы Скарлетт О'Хара, а я Ретт Батлер, это он несет вас на руках.

– Мне трудно сейчас почувствовать себя Скарлетт. Даже думать не хочется, как ужасно я выгляжу.

– Только не для меня, – усмехнулся Питт. – Как насчет ужина сегодня вечером?

– Можно я приду с мужем?

– Если только он оплатит чек.

Питт почувствовал, что девушка расслабилась и больше не боится. Она несмело обняла его за шею и уткнулась лицом в крепкое, надежное плечо. Он замедлил шаг и обернулся к другой женщине:

– Держитесь, я сейчас же вернусь за вами.

И Гала поняла, что она в безопасности. Только тогда преграда, которую она соорудила в душе, отгородившись ею от преследовавших ее кошмаров, рухнула.

Долго сдерживаемые эмоции вырвались наружу, и она зарыдала.

* * *

Рабин знал, что покидает этот мир. Он уже не чувствовал ни боли, ни холода. Незнакомые голоса и странный свет ничуть не взволновали его.

Все это уже не имело значения. Он чувствовал себя отрешенным от всего земного. Появление посторонних звуков он счел обрывками воспоминаний, пришельцами из прошлого.

Неожиданно кабину залил яркий белый свет. Рабин удивился, неужели это свет в конце тоннеля, который видят умирающие?

Чей-то голос произнес:

– Спокойно, парень, спокойно.

Рабин попытался сфокусировать зрение и рассмотреть расплывчатую фигуру, склонившуюся над ним.

– Ты Бог?

Симон на мгновение опешил, но взял себя в руки и улыбнулся:

– Нет, всего лишь простой смертный, который случайно оказался поблизости.

– Значит, я не умер?

– Нет, и, судя по твоему возрасту, тебе придется подождать еще лет пятьдесят.

– Я не могу двигаться. Мои ноги… Их словно прикололи иголками к креслу. Кажется, они сломаны. Пожалуйста, помогите, вытащите меня отсюда.

– Я здесь именно для этого, – жизнерадостно сообщил Симон. Он руками отгреб изрядную кучу снега и льда, освободив верхнюю часть туловища и руки Рабина. – Вот так. Теперь ты можешь почесать нос, а я пока схожу за лопатой и еще кое-какими инструментами.

Симон вошел в салон как раз в тот момент, когда Питт выносил из туалетной комнаты стюардессу, чтобы передать ее ожидавшим с готовыми носилками медикам доктора Гейла.

– Эй, док, в кабине пилотов есть живой человек.

– Я уже иду.

– Мне не помешала бы и ваша помощь, – сказал Симон Питту.

Питт кивнул:

– Дайте мне пару минут, чтобы оказать помощь второй пострадавшей, и я буду в вашем распоряжении.

* * *

Гала опустилась на колени, наклонилась и взглянула в зеркало. Света было достаточно, чтобы она хорошо видела свое отражение. Лицо, отразившееся в зеркале, показалось ей вялым, тупым и невыразительным. Гала решила, что похожа на уличную проститутку, побитую своим сутенером.

Протянув руку, она достала с полки несколько бумажных полотенец, намочила их в холодной воде и аккуратно стерла с лица запекшуюся кровь и помаду, которая уже давно размазалась, образовав красноватый ореол вокруг рта. Тени и тушь тоже не остались на своем месте. Они были размазаны по лицу, как пятна на полотнах Джексона Поллока[13], что не добавило женщине привлекательности. Она смыла их тоже. Только прическа оставалась в относительном порядке, и Гала просто поправила выбившиеся пряди.

Выглядит она, конечно, далеко не лучшим образом, подумала Гала, но, когда Питт снова показался в дверях, она вымученно улыбнулась, надеясь, что немного привела себя в порядок.

Он несколько секунд пристально смотрел на преобразившуюся женщину, потом, придав физиономии нарочито почтительное выражение, изрек:

– Скажите, прелестное создание, вы здесь не видели древней, сморщенной старухи?

В глазах Галы заблестели слезы, и она, издав звук, который можно было равно принять и за сдавленный смех, и за всхлипывание, прошептала:

– Вы хороший человек, мистер Питт. Спасибо вам.

– Видит Бог, – торжественно провозгласил Питт, – я пытаюсь им быть.

Питт принес несколько одеял и укутал замерзшую женщину. Затем он осторожно поднял ее на руки и без видимых усилий понес по проходу. Но окоченевшие ноги все же дали о себе знать, и он несколько раз споткнулся.

– С вами все в порядке? – с тревогой спросила Гала.

– Ничего такого, что не мог бы излечить хороший глоток виски «Джек Дэниелс».

– Вернувшись домой, я пошлю вам целый ящик.

– А где ваш дом?

– В данный момент в Нью-Йорке.

– Когда я в следующий раз буду в городе, обязательно приглашу вас поужинать со мной.

– Почту за честь, мистер Питт.

– Я тоже, мисс Камиль.

Брови Галы удивленно поднялись.

– Неужели вы узнали меня даже в таком ужасном виде?

– Скажу правду: я узнал вас только после того, как вы привели лицо в порядок.

– Прошу вас, простите за то, что из-за меня вы оказались втянутым в этот кошмар. Ваши ноги уже, наверное, совсем замерзли.

– Ну это не слишком большая плата за право держать в своих объятиях Генерального секретаря Организации Объединенных Наций.

Как забавно порой складывается жизнь, подумал Питт. Или сегодня день особенный. Встретить трех женщин, причем очень привлекательных, в безлюдной ледяной пустыне в двух тысячах миль от цивилизации всего лишь за каких-то полчаса – это своеобразный рекорд. Это даже лучше, во всяком случае, приятнее, чем обнаружить на дне океана русскую субмарину.

* * *

Через пятнадцать минут, когда Гала, Рабин и стюардесса были с максимальными удобствами устроены в вертолете, Питт махнул рукой Джордино. Тот поднял вверх большой палец, показывая, что все в порядке, и вертолет взлетел в воздух, подняв за собой снежное облако. Выполнив поворот на 180°, он взял курс к «Полярному исследователю».

Питт поспешил к обогревателю. Он стащил пропитавшиеся ледяной водой высокие ботинки и носки и вытянул ноги, подставив их теплому воздуху. Он с наслаждением впитывал тепло и с радостью принял боль, которая всегда сопровождает восстановление кровообращения. Питт расслабился и не сразу заметил подошедшего Симона.

Тот остановился и еще раз взглянул на потерпевший крушение самолет. Он больше не казался жалким и заброшенным. Сознание того, что там находится более пяти десятков мертвых тел, придало ему вид некой усыпальницы или мавзолея.

– Все они были делегатами ООН? – спросил Симон.

– Некоторые были членами Генеральной Ассамблеи, – задумчиво ответил Питт, – остальные – директора и сотрудники

специализированных агентств ООН. По словам Камиль, все они возвращались из совместной поездки.

– Кому потребовалось их убивать?

Питт тщательно выжал мокрые носки и положил их на трубу обогревателя.

– Понятия не имею.

– Может быть, это ближневосточные террористы? – настаивал Симон.

– Никогда не слышал, чтобы они использовали яд.

– Как твои ноги?

– По-моему, постепенно оттаивают. А твои?

– На флоте нас обеспечивают непромокаемыми ботинками. Так что мои сухие и теплые.

– Аплодирую заботливым адмиралам, – усмехнулся Питт.

– Думаю, один из троих уцелевших сделал эту грязную работу.

Питт с сожалением покачал головой:

– Если это действительно окажется яд, скорее всего, он был добавлен в пиу еще до того, как продукты питания поступили на борт самолета.

– Но главный стюард или любая из стюардесс могли сделать то же самое уже на борту.

– Слишком сложно отравить пятьдесят порций еды на кухне самолета так, чтобы никто не заметил.

– А напитки? – не отставал Симон.

– В упорстве тебе не откажешь, – усмехнулся Питт.

– Мы можем строить любые гипотезы. Все равно больше делать нечего, пока нас отсюда не вывезут.

Питт потрогал носки. Они все еще были влажными.

– Вообще-то напитки – это возможный вариант, в первую очередь чай и кофе.

Симон улыбнулся. Очевидно, ему было приятно, что хотя бы одна из его теорий признана правдоподобной.

– Ну хорошо, и какой же из троих уцелевших людей кажется тебе наиболее вероятным кандидатом в отравители?

– Ни один.

– Ты хочешь сказать, что преступник добровольно принял яд и совершил самоубийство?

– Нет. Я только хочу сказать, что был еще четвертый уцелевший.

– Я насчитал только троих.

– После катастрофы. До нее было четыре.

– Ты имеешь в виду маленького мексиканца в кресле второго пилота?

– Да.

Не нужно было обладать слишком развитой наблюдательностью, чтобы заметить выражение скептицизма, появившееся на физиономии Симона.

– И как же ты пришел к столь блестящему логическому умозаключению?

– Элементарно, – усмехнулся Питт, – Убийца, согласно лучшим традициям детективов, всегда вызывает меньше всего подозрений.

11

– Кто же это сдавал, а?

Юлиус Шиллер, заместитель секретаря по политическим вопросам, внимательно изучая свои карты, состроил добродушную гримасу. Зажав в зубах незажженную сигару, он переводил с одного игрока на другого взгляд умных голубых глаз.

За покерным столом сидело еще четыре человека. Никто не курил, и Шиллер тоже не стал зажигать сигару. Несколько кедровых поленьев уютно потрескивали в старинной матросской печурке, не давая игрокам почувствовать прохладу ранней осени. Горящий кедр распространял приятный аромат по отделанному тиковыми панелями салону яхты Шиллера. Изящная тридцатипятиметровая моторно-парусная яхта стояла на якоре на реке Потомак. Судно находилось у Южного острова как раз напротив города Александрия, штат Виргиния.

Заместитель главы советской миссии Алексей Короленко, широкоплечий, коренастый мужчина, был, как обычно, весел и оживлен. Всегдашняя жизнерадостность стала его визитной карточкой в деловых кругах Вашингтона.

– Жаль, что мы не в Москве, – сказан он суровым тоном, пряча усмешку. – Я знаю прекрасное место в Сибири для такого сдающего.

– Я поддерживаю предложение, – заявил Шиллер и повернулся к мужчине, сдававшему карты, – В следующий раз, Дейл, потрудись перетасовать их.

– Если все так плохо, – проворчал Дейл Николс, специальный помощник президента, – сбрасывайте.

Сенатор Джордж Питт, возглавлявший сенатский комитет по международным отношениям, встал и снял темно-красную спортивную куртку. Небрежно бросив ее на спинку стула, он обратился к Юрию Выховскому:

– Не понимаю, на что жалуются эти парни. Мы уже неплохо выиграли.

Специальный советник советского посольства по американским делам кивнул:

– С тех пор как мы составили компанию пять лет назад, меня все устраивает.

Вечерние игры в покер по четвергам на яхте Шиллера действительно начались в 1986 году. Причем они были не просто карточными играми в кругу друзей, желавших раз в неделю развеяться вечерком. Первоначально они задумывались как маленькая брешь в стене, разделявшей две супердержавы. Присутствующие были вне досягаемости средств массовой информации. Они могли не придерживаться протокола и свободно высказывать свои мысли. Здесь обменивались идеями и делились информацией, что нередко сказывалось на советско-американских отношениях.

– Я открываюсь за пятьдесят центов, – объявил Шиллер.

– Поднимаю до доллара, – сказал Короленко.

– И они еще не понимают, почему мы им не доверяем, – простонал Николс.

Не глядя на Короленко, сенатор спросил:

– Каковы ваши прогнозы относительно открытого восстания в Египте, Алексей?

– Я даю президенту Хасану не больше тридцати дней, прежде чем его правительство будет свергнуто Ахмедом Язидом.

– Вы играете, сенатор? – спросил Николс.

– Я продолжаю.

– Юрий?

Выховский бросил на стол три монеты по пятьдесят центов.

– С тех пор как Хасан принял дела после отставки Мубарака, – сказал Шиллер, – ему удалось добиться относительной стабильности. Мне кажется, он продержится.

– Вы говорили то же самое о шахе Ирана, – съязвил Короленко.

– Людям свойственно ошибаться, – пробормотал Шиллер и скинул втемную несколько карт. – Мне две, пожалуйста.

Короленко поднял один палец и получил карту.

– Ваша помощь все равно пропадет как в бездонном колодце. Египтяне живут на грани голода. Такая ситуация питает религиозный фанатизм, который захлестнул большую часть страны. У вас так же мало шансов остановить Язида, как и Хомейни.

– А какова позиция Кремля? – спросил сенатор Питт.

– Мы ждем, – бесстрастно ответил Короленко. – Ждем, пока осядет пыль.

Шиллер еще раз посмотрел свои карты и открыл их:

– Здесь никто не выиграет.

– Это точно. Мы все проиграем. Вы можете быть сатаной в глазах исламских фундаменталистов, но коммунистов, являющихся атеистами, тоже не любят. Думаю, нет смысла говорить, что главным проигравшим будет Израиль. С более чем возможным поражением Ирака в войне с Ираном и падением Саддама Хусейна для Ирана и Сирии откроется возможность силой заставить умеренных арабов объединиться для массированного трехстороннего удара по Израилю. И тогда Израиль наверняка потерпит поражение.

Сенатор с сомнением покачал головой:

– У израильтян самая боеспособная армия на Ближнем Востоке, которая уже не раз побеждала, и я не вижу причин, почему бы ей не сделать этого снова.

– Никто не сможет устоять против атаки «человеческой волны», состоящей из двух миллионов арабов, – сказал Выховский. – Силы Хафеза Асада направятся на юг, а египтяне Язида – на север через Синай, как они делали в шестьдесят седьмом и семьдесят третьем. Только в этот раз иранская армия пройдет по Саудовской Аравии и Иордании и пересечет реку Иордан с запада. Несмотря на свою боеспособность и передовые технологии, израильтяне будут сломлены.

– Когда же бойня закончится, – с нажимом добавил Короленко, – запад окажется в состоянии глубочайшей экономической депрессии, поскольку объединенное мусульманское правительство, контролирующее пятьдесят пять процентов мировых запасов «черного золота», поднимет цены на нефть на астрономическую высоту. А они это обязательно сделают.

– Ваше слово, – сказал Николс Шиллеру.

– Два бакса.

– Поднимайте вы, – сказал Короленко.

Выховский бросил карты на стол:

– Это бесполезно.

Сенатор мгновение помедлил:

– Четыре и еще четыре.

– Акулы плавают кругами, – с напряженной улыбкой заметил Николс. – Меня можно исключить.

– Давайте не будем обманывать сами себя, – сказал сенатор. – Уже давно не секрет, что израильтяне обладают небольшим арсеналом ядерного оружия. Проиграв все, они не колеблясь пустят его в ход.

Шиллер глубоко вздохнул:

– Я не хочу даже думать о последствиях. – Он сделал паузу и вопросительно взглянул на капитана яхты, который, нерешительно постучавшись, вошел в салон.

– Извините, что помешал, мистер Шиллер, но… важный звонок.

Шиллер подтолкнул свои карты Николсу.

– С такими картами нет смысла продлевать агонию. Извините меня, господа.

Одним из основных правил еженедельных встреч по четвергам было отсутствие любых телефонных звонков, за исключением, разумеется, жизненно необходимых и касающихся всех сидящих за столом. Игра продолжалась, но мужчины играли автоматически, любопытство было сильнее карточных страстей.

– Ваша очередь, Алексей, – сказал сенатор.

– Еще четыре доллара к вашим.

– Принимаю.

Короленко пожал плечами и безропотно открыл карты. У него оказалась только пара четверок.

Сенатор криво усмехнулся и тоже открыл карты. Он выиграл с двумя шестерками.

– Боже правый, – простонал Николс. – Я вышел с парой королей.

– Похоже, ты проиграл деньги, которые тебе дали на обед, Алексей, – рассмеялся Выховский.

– Итак, это был обоюдный блеф, – подвел итог Короленко. – Теперь я точно знаю, почему никогда не куплю подержанную машину у американского политика.

Сенатор откинулся на спинку кресла и пригладил рукой посеребренную сединой шевелюру.

– Между прочим, я оплачивал свою учебу в школе права, продавая машины. Прекрасный тренинг для работы в сенате.

Шиллер вернулся в комнату и сел за стол.

– Извините, что был вынужден вас покинуть, но мне только что сообщили, что чартерный самолет Организации Объединенных Наций потерпел аварию на северном побережье Гренландии. Более пятидесяти погибших. Об уцелевших пока информации нет.

– На борту были советские представители? – спросил Выховский.

– Список пассажиров еще не передали.

– Террористический акт?

– Пока рано делать выводы, но, похоже, это не несчастный случай.

– Куда летел самолет? – спросил Николс.

– Из Лондона в Нью-Йорк.

– Северная Гренландия? – удивился Николс. – Получается, они отклонились от курса больше чем на тысячу миль!

– Похоже на угон, – предположил Выховский.

– Спасательные подразделения уже прибыли на место аварии. В течение часа мы получим всю необходимую информацию.

Лицо сенатора Питта потемнело.

– Подозреваю, на борту этого самолета находилась Гала Камиль. Она должна была вернуться в нью-йоркскую штаб-квартиру из Европы,

потому что на следующей неделе начинается очередная сессия Генеральной Ассамблеи.

– Полагаю, Джордж прав, – сказал Выховский. – С ней находились два советских делегата.

– Безумие, – сказал Шиллер, – форменное безумие! Кому понадобилось убивать сотрудников ООН? Кто от этого выиграет?

В первый момент никто не ответил. Затянувшееся молчание прерван Короленко. Глядя отсутствующим взглядом куда-то в центр стола, он спокойно проговорил:

– Ахмед Язид.

Сенатор посмотрел русскому прямо в глаза:

– Вы знали!

– Догадался.

– Вы считаете, Язид приказан убить Галу Камиль?

– Я только знаю, что наша разведка сообщила о существовании исламской группировки в Каире, которая планировала покушение на нее.

– И вы все это время молчали? Значит, из-за вас погибло пятьдесят человек!

– Вы не правы, – заметил Короленко. – Мы не знали, кто, когда и где предпримет покушение. Предполагалось, что жизнь Камиль будет в опасности, только если она вернется в Египет, причем угрожать ей будет не лично Язид, а его фанатичные приверженцы. Язид никогда не участвовал в террористических актах лично. Ваши специалисты, так же как и наши, составили его психологический портрет. Думаю, там написано одно и то же. Кристально чистый человек, считающий себя мусульманским Ганди.

– В этом вопросе КГБ и ЦРУ пошли по одному и тому же пути, – откровенно сказал Выховский.

– Еще один классический пример, как эксперты разведки могут попасть под влияние хорошо организованной кампании по формированию общественного мнения, – вздохнул сенатор. – Это человек совсем другого масштаба.

Шиллер согласно закивал:

– Именно Язид, скорее всего, несет ответственность за трагедию. Его приверженцы никогда не рискнули бы совершить нечто подобное без его благословения.

– У него и мотив есть, – сказал Николс. – Камиль – яркая и очень обаятельная женщина. Ее популярность во всех кругах намного больше, чем у президента Хасана. Она сильный противник. Если она погибла, в Египте уже через несколько часов будет новое правительство во главе с религиозными экстремистами.

– Если правительство Хасана падет, – медленно начал Короленко, – какова будет позиция Белого дома?

Шиллер и Николс обменялись понимающими взглядами.

– В точности такая же, как у Кремля. Мы подождем, пока осядет пыль.

Улыбка исчезла с лица Короленко.

– Точнее говоря, когда объединенные арабские нации нападут на Израиль?

– Мы поддержим Израиль, как и раньше.

– Вы отправите американские войска?

– Вероятно, нет.

– Арабские лидеры были бы менее осторожны, знай они это.

– Бога ради. Только помните, Алексей, на сей раз мы не станем использовать свои рычаги, чтобы не дать израильтянам захватить Каир, Бейрут и Дамаск.

– Вы считаете, президент не станет мешать, если Израиль прибегнет к ядерному оружию?

– Что-то вроде этого, – с нарочитым безразличием сказал Шиллер и повернулся к Николсу: – Кто сдает?

– Кажется, я, – ответил сенатор, стараясь, чтобы его голос звучал как обычно. Этот поворот в ближневосточной политике президента стал для него новостью. – Ставим пятьдесят центов?

Но русские не были намерены менять тему разговора.

– Это меня очень беспокоит, – сообщил Выховский.

– Иногда положение меняется, – вздохнул Николс. – По последним оценкам запасы нефти в Соединенных Штатах колеблются на уровне восьмидесяти миллионов баррелей. При цене, перевалившей за пятьдесят долларов за баррель, наши нефтяные компании могут

позволить себе проводить обширные исследовательские программы. И конечно, мы можем всегда рассчитывать на запасы нефти Мексики и Южной Америки. Я хочу сказать, что мы не зависим всецело от ближневосточной нефти. Поэтому и не хотим больше забрасывать наживку. Если советское правительство желает получить в наследство арабскую неразбериху, можете считать, что это наш вам подарок.

Короленко не мог поверить своим ушам. Укоренившаяся осторожность заставляла его относиться ко всему скептически. Но он слишком хорошо знал этих американцев, чтобы заподозрить их в обмане такого масштаба.

У сенатора Питта тоже были сомнения по поводу игры, которую президент затеял с советскими представителями. Существовала высокая вероятность того, что нефть не потечет через Рио-Гранде, когда она понадобится Америке. Мексика находилась на грани революции, не хватало только искры, чтобы это пламя зажечь.

Средневековые фанатики вроде Язида были страшным бичом для Египта. Но и в Мексике имелся свой безумец – Топильцин, новоявленный мессия, намеревавшийся вернуться к религиозному государству, основанному на культуре ацтеков. Как и Язида, его поддерживаю многомиллионное беднейшее население страны, и он даже намеревался свергнуть существующее правительство.

Откуда берутся такие психи, недоумевал сенатор, кто порождает подобных дьяволов? Сделав над собой усилие, он все-таки начал сдавать карты, следя, чтобы руки не дрожали.

– Пять карт, джентльмены, джокер заменяет любую.

12

Огромные фигуры возвышались над всем окружающим в зловещем безмолвии ночи. Они глядели пустыми глазами на безжизненный пейзаж, словно ожидали появления кого-то неведомого, способного возродить их к жизни. Суровые, неподвижные идолы были высотой с двухэтажный дом, их застывшие, лишенные всякого выражения лица освещались только лунным светом.

Тысячу лет назад они поддерживали крышу храма, стоявшего на вершине пятиступенчатой пирамиды Кецалькоатля в Туле[14], городе тольтеков[15]. Храм разрушился, но остатки пирамиды сохранились и были реконструированы археологами. Руины тянулись вдоль всего длинного хребта. В период расцвета города в нем жило более шестидесяти тысяч человек.

Здесь редко бывали туристы, а те, кто проявлял упорство и все же добирался сюда, неизменно чувствовали почтительное благоговение перед безмолвием, населенным тенями давно ушедших предков.

Луна заливала мертвый город молочно-белым, безжизненным светом. Мрачные руины отбрасывали бесформенные, призрачные тени, скрывая человека, который карабкался по ступеням пирамиды к каменным статуям на вершине. Он был одет в костюм и галстук и нес в руке кожаный портфель.

На каждой из пяти террас он на несколько минут останавливался и рассматривал довольно мрачные рельефные фризы, украшавшие стены. Человеческие лица высовывались из пасти змей, орлы разрывали своими крепкими клювами человеческие сердца. Другие картины были не менее жуткими. Незнакомец минован алтарь, украшенный черепами и скрещенными костями – символами, бывшими в ходу в более поздние века у пиратов Карибского моря.

Добравшись до вершины пирамиды, он огляделся. Он был здесь не один. Две фигуры выступили из тени и молча обыскали его. Потом они указали на портфель. Человек послушно открыл его, и охранники тщательно проверили содержимое. Не обнаружив оружия, они так же молча отошли в сторону.

Ривас – так звали незнакомца – расслабился и нажал маленькую, почти незаметную кнопку на ручке портфеля. Спрятанный в крышке магнитофон начат работать.

Прошло не более минуты, как из тени гигантских каменных изваяний появился еще один человек. Он был одет в просторный и длинный, доходящий до пола, белый балахон. У него были длинные волосы, схваченные на затылке в хвост, очень напоминающий петушиный. Его ноги были скрыты под одеянием, а на руках сверкали золотые браслеты, украшенные бирюзой.

Он был небольшого роста, гладкое овальное лицо указывало на наличие индейской крови. Его темные глаза внимательно рассматривали высокого, худощавого мужчину, стоящего перед ним, одетого в совершенно неподходящий для этого места костюм. Длинноволосый скрестил руки на груди и звучным голосом проговорил:

– Я Топильцин[16].

– Меня зовут Гай Ривас. Я специальный представитель президента Соединенных Штатов Америки.

Ривас ожидал, что человек, с которым ему предстояло встретиться, будет старше. Было трудно определить возраст мексиканца, но выглядел он лет на тридцать, не больше.

Топильцин указал в сторону низкой стены:

– Может быть, присядем?

– Спасибо, – кивнул Ривас и сел. – Вы выбрали довольно необычные декорации.

– Да, я считаю Тулу подходящим местом. – В его голосе неожиданно появились презрительные нотки. – Ваш президент побоялся говорить со мной открыто. Он не захотел тревожить своих друзей в Мехико.

Ривас был готов к разговору и не дал поймать себя в ловушку.

– Президент попросил меня выразить вам благодарность за согласие побеседовать со мной.

– Я ожидал кого-нибудь рангом повыше.

– Вы сами выдвинули условие, что будете говорить только с одним человеком. Это означаю, что мы не могли рассчитывать на помощь переводчика. А поскольку вы отказались вести переговоры на испанском или английском языках, я оказался единственным правительственным чиновником, владеющим науатлем – языком ацтеков.

– Вы хорошо говорите на нашем языке.

– Мои родители эмигрировали в Америку из города Эскампо. Они научили меня языку, когда я был еще ребенком.

– Я хорошо знаю Эскампо: маленькая деревенька, населенная гордыми людьми, которые отчаянно борются за выживание.

– Вы заявили, что покончите с бедностью в Мексике. Президент чрезвычайно интересуется вашими программами в этом направлении.

– Поэтому он и послал вас сюда? – полюбопытствовал Топильцин.

Ривас кивнул.

– Он хотел бы установить контакт с вами.

Последовала пауза. Физиономия Топильцина скривилась в мрачной усмешке.

– Он проницательный человек. Зная, что наша страна находится в тисках тяжелейшего экономического кризиса, он понимает, что я могу легко разделаться с Революционно-патриотическим союзом. Поэтому он опасается резких изменений в отношениях США и Мексики.

– Я не могу читать мысли президента.

– Очень скоро он узнает, что подавляющее большинство мексиканцев перестали быть половыми тряпками, о которые вытирают ноги правящие классы и богачи. Народ Мексики устал от политического надувательства и коррупции. Они не хотят кормиться отбросами и жить в трущобах. Они больше не будут страдать.

– Каким образом? Строя воздушные замки на костях?

– Любая нация только выигрывает, возвращаясь к обычаям предков.

– Ацтеки были самыми безжалостными палачами в обеих Америках. Лепить современное правительство по образу и подобию древних варваров – это... – Ривас сделал паузу. Он хотел употребить слово «идиотство», но счел его грубым и после мучительных раздумий добавил: – Наивно.

Лицо Топильцина напряглось, ладони инстинктивно сжались в кулаки.

– Вы забыли, что наших общих предков уничтожили испанские конкистадоры.

– Испанцы могли бы сказать то же самое о маврах, но это ни в коей мере не оправдывает возврат к инквизиции.

– Чего хочет от меня ваш президент?

– Он желает только мира и процветания Мексики, – ответил Ривас – И еще он бы хотел заручиться обещанием, что ваш курс не будет направлен на построение коммунизма.

– Я не марксист, – высокомерно заявил Топильцин, – и ненавижу коммунизм столь же сильно, как и он. Среди моих приверженцев нет вооруженной герильи. Должен также сказать, что в наших рядах нет сторонников герильи[17].

– Президент будет искренне рад это слышать.

– Наша новая ацтекская нация достигнет величия, после того как богатеи, нажившие состояние неправедным путем, коррумпированные чиновники, существующее правительство и армейские лидеры будут сметены и уничтожены.

Ривас решил, что ослышался.

– Если я правильно понял, вы говорите о казни многих тысяч ваших сограждан?

– Нет, мистер Ривас. Я говорю о жертвоприношении богам, которых мы почитаем: Кецалькоатлю, Уицилопочитлю, Тескатлипоке[18].

Ривас непонимающе смотрел на своего собеседника, все еще не в силах осознать услышанное.

– Жертвоприношение? – переспросил он.

Топильцин не ответил.

Глядя на его застывшее в экстазе лицо, Ривас наконец понял, что мексиканец не шутит.

– Нет, – воскликнул он, – вы говорите это не серьезно!

– Наша столица будет называться старым ацтекским именем – Теночтитлан[19], – бесстрастно продолжал Топильцин. – Это будет религиозное государство, в котором государственным языком станет науатль. Мы будем управлять жестко, и население, безусловно, будет повиноваться. Иностранные предприятия станут собственностью государства. Только ацтекам по рождению будет позволено жить в пределах его границ. Все остальные будут выдворены из страны.

Ривас был потрясен. Сильно побледнев, он слушал, не пытаясь вставить ни слова.

А Топильцин продолжал:

– Мы не будем закупать в Соединенных Штатах товары и не станем продавать вам нашу нефть. Наши долги международным банкам будут объявлены недействительными, все иностранное имущество будет конфисковано. Я также намерен потребовать возврата наших территорий в Калифорнии. Техасе, Нью-Мексико и Аризоне. Чтобы обеспечить этот процесс, я собираюсь провести многие тысячи своих сторонников через границу с США.

Угрозы Топильцина не могли не произвести впечатление. Находившийся в полном смятении Ривас уже представлял катастрофические последствия.

– Безумие! – в отчаянии воскликнул он. – Президент меня и слушать не станет! Ваши требования абсурдны. Они невыполнимы!

– Он мне не поверит?

– Ни один человек, находящийся в здравом рассудке, не поверит в это.

Подстегиваемый искренней тревогой. Ривас преступил границы дипломатического диалога.

Топильцин медленно встал, окинул американского посланника немигающим взглядом, опустил голову и бесстрастно проговорил:

– Что ж, тогда я отправлю ему послание, которое, я надеюсь, он поймет и оценит по достоинству.

Он поднял руки над головой и простер их к темному небу. В ту же секунду из тьмы возникло четверо индейцев в белых накидках. Они приблизились со всех сторон, повалили впавшего в ступор Риваса и понесли к каменному алтарю, украшенному черепами и костями. Они опустили его спиной на камень, держа за руки и за ноги.

В первый момент Ривас не понял намерений Топильцина, да и в любом случае он был слишком ошарашен, чтобы протестовать. Когда же наконец он осознал, что происходит, было уже слишком поздно.

– Господи! Нет! Нет! – в отчаянии воскликнул он.

Топильцин проигнорировал вопли охваченного ужасом американца. Он приблизился к алтарю и важно кивнул. По этому сигналу один из его людей разорвал рубашку на груди Риваса.

– Пожалуйста, не делайте этого! – молил тот.

Острый, как бритва, обсидиановый нож, казалось, возник в руке Топильцина как по мановению волшебной палочки. Блестящая, отполированная поверхность ножа отражала лунный свет.

Ривас вскрикнул – нож опустился.

Древние статуи взирали на кровавую трагедию с холодным безразличием. Они уже неоднократно были свидетелями столь нечеловеческой жестокости, – правда, происходило это сотни лет назад. Поэтому в их каменных глазах не мелькнуло ни искры сострадания, когда живое, еще трепещущее сердце Риваса было вырвано из его груди.

13

Несмотря на обилие людей и царящую вокруг него суету, Питт был пленен своеобразной красотой холодного севера. Спокойствие казалось таким полным и всеобъемлющим, что его не нарушали ни голоса, ни грохот машин. Питт чувствовал себя так, словно он один-одинешенек находится в ледяной пустыне в каком-то затерянном мире.

Наступило утро, иначе говоря, все вокруг покрылось серой, полупрозрачной пеленой, в которой даже теней не было видно. Ближе к полудню солнце разогнало ледяную дымку – и небо стало оранжево-белым. Освещенные нереальным, неземным светом скалы по берегам фьорда стали похожи на гигантские могильные камни кладбища, покрытого снегом.

Картина, развернувшаяся на месте крушения «боинга», теперь больше всего напоминала военное вторжение. Первыми прибыли пять

вертолетов военно-воздушных сил, доставивших целую армию сил специального назначения. Вооруженные и экипированные по последнему слову техники, сосредоточенные молодые люди немедленно оцепили самолет и организовали патрулирование всего района. Вслед за ними прибыла большая группа следователей федеральной авиации, которые начали оперативно готовить обломки к вывозу. Далее настала очередь медиков-патологоанатомов, извлекавших тела погибших из самолета и переносивших их в вертолеты, которые сразу же поднимались в воздух и увозили трупы в морг военно-воздушной базы в Туле.

Военно-морской флот был представлен капитаном Найтом. «Полярный исследователь» подошел совершенно неожиданно. Люди на минуту прекратили свои занятия и повернули головы к морю, услышав серию гудков корабельной сирены, гулким эхом отразившихся от скалистых берегов фьорда.

Уклоняясь от недавно образовавшихся льдин, плывущих по воде низкими плотиками матового оттенка, а также первых зимних айсбергов, напоминавших руины готических замков, «Полярный исследователь» медленно приблизился и вошел во фьорд. Некоторое время по его бортам и за кормой плескалась серо-голубая вода, но ее поверхность быстро затягивалась белой ледяной пленкой.

Мощный ледокол упорно пробивался сквозь толстый слой льда, и, только оказавшись в пятидесяти метрах от места крушения, Найт застопорил машины, лично спустился на лед и предложил специалистам – медикам, следователям и военным – использовать ледокол в профессиональных целях. Предложение было принято с благодарностью.

Меры безопасности произвели впечатление даже на видавшего виды Питта. Завеса секретности пока еще не была поднята. В аэропорту Кеннеди было объявлено, что самолет с делегацией ООН на борту задерживается. Но через час-другой шустрые корреспонденты обязательно что-нибудь пронюхают.

– Мне кажется, у меня глазные яблоки примерзли к векам, – озабоченно сообщил Джордино. Он сидел в кресле пилота вертолета НУМА и пытался допить кофе раньше, чем он замерзнет. – Господи, как же здесь холодно!

Питт с сомнением покосился на приятеля:

– Тебе-то откуда знать? Ты же ни разу не вылез наружу!

– Я могу замерзнуть, даже глядя на кубики льда в стакане виски, – заявил Джордино. Он вытянул вперед руку и растопырил пальцы. – Вот

смотри, у меня настолько окоченели руки, что я не могу сжать пальцы в кулак.

Питт выглянул в боковое окно и увидел, что к ним направляется Байрон Найт. Дирк встал и открыл дверь как раз в тот момент, когда Найт подошел к трапу. Джордино даже застонал от жалости к самому себе, глядя, как драгоценное тепло уходит из кабины, а ему на смену снаружи проникает леденящий холод.

Найт поприветствовал друзей и поднялся в кабину вертолета, выдыхая густые облака белого пара. Откуда-то из недр парки он извлек фляжку в кожаном чехле и протянул Питту:

– Медики вам кое-что передали. Это коньяк. Не знаю, зачем он вам, но, думаю, вы найдете ему применение.

– Только что вы отправили Джордино прямиком в рай, – засмеялся Питт.

– Я бы предпочел ад, – пробормотал Джордино. Он потянулся за фляжкой и, не теряя времени, сделал изрядный глоток. Потом замер, прислушиваясь к своим ощущениям, и наконец объявил: – Кажется, я выздоровел.

– Это кстати, – сказал Найт, – потому что нам приказано оставаться на месте в течение ближайших двадцати четырех часов. Скорее всего, мы пробудем здесь, пока работы не завершатся.

– Как себя чувствуют уцелевшие? – поинтересовался Питт.

– Мисс Камиль отдыхает. Кстати, она хотела тебя видеть. Ей надо было что-то уточнить относительно вашего совместного ужина в Нью-Йорке.

– Ужина? – невинно переспросил Питт.

– Забавная вещь получается, – продолжил Найт, явно наслаждаясь ситуацией, – когда доктор Гейл, употребив все свое мастерство хирурга, ремонтировал стюардессе поврежденное колено, она тоже что-то говорила об ужине, причем не с ним, а с тобой.

Взгляд Питта, обращенный на капитана ледокола, был чист и незамутнен, как только что выпавший снег.

– Может быть, они голодны, – предположил он.

Джордино закатил глаза и снова приложился к фляжке.

– Кажется, эту песню я уже где-то слышал.

– А как стюард?

– С ним дела обстоят хуже, но доктор считает, что парень справится, – ответил Найт. – Его зовут Рабин. Когда ему дали наркоз, он рассказал фантастическую историю о командире авиалайнера, убившем второго пилота и бортинженера и исчезнувшем в неизвестном направлении.

– Может быть, история не такая уж и фантастическая, – задумчиво проговорил Питт. – Ведь тело командира пока не найдено.

– Ну это уже не мои проблемы, – раздраженно отмахнулся Найт. – Мне есть о чем беспокоиться, и я не желаю быть втянутым в неразгаданные тайны воздушных катастроф.

– А что решили с русской субмариной?

– Придержим нашу находку для доклада лично главе Пентагона. Мы не можем доверять такие сообщения линиям связи. Как бы там ни было, эта катастрофа для нас как нельзя кстати. Теперь у нас есть причина свернуть работы и отправиться домой в Портсмут. Будем надеяться, что неожиданная диверсия сбила со следа советскую разведку.

– Я бы не стал на это рассчитывать, – сказал Джордино. Его физиономия уже начала краснеть. – Если у русских имеется хотя бы малейшее подозрение, они вполне могут предположить, что эта катастрофа подстроена специально. Они пустят за нами по пятам все свои силы и не успокоятся до тех пор, пока не обнаружат субмарину, не поднимут ее и не отбуксируют на базу в Североморске, на Кольском полуострове.

– Или взорвут, – вставил Питт.

– Взорвут? Но зачем?

– У русских нет хороших судоподъемных технологий. Их первоочередная цель – сделать все, чтобы субмарина не попала в чужие руки.

Джордино передал фляжку с коньяком Питту.

– Нет никакого смысла обсуждать здесь вопросы «холодной войны». Почему бы нам не вернуться на корабль? Там хорошо и тепло.

– Не возражаю, – сказал Найт. – Вы двое уже сделали куда больше, чем можно было ожидать.

Питт потянулся и начал застегивать парку.

– Думаю, я пойду погуляю.

– Ты не хочешь присоединиться к нам?

– Я скоро вернусь. Хочу проверить, как дела у археологов.

– Зря. Один из докторов как раз недавно вернулся. Все они в полном порядке. Отделались ушибами и царапинами.

– Мне интересно посмотреть, что они выкопали, – заупрямился Питт.

Джордино давно дружил с Питтом и легко угадывал, что у того на уме.

– Хочешь спросить, не откопали ли они здесь в округе парочку греческих амфор?

– Вот-вот.

Найт в упор, без улыбки взглянул на Питта.

– Только думай, что говоришь.

– Я буду беседовать исключительно на археологические темы.

– Что ты им скажешь о самолете и пассажирах?

– Скажу, что они не смогли выбраться наружу и умерли от переохлаждения.

– Полагаю, он неплохо подготовлен, – подвел итог Джордино.

– Ладно, – кивнул Найт. – Но еще раз прошу: не говори ничего, что им знать не следует.

Питт открыл грузовой люк и помахал рукой.

– Не ждите меня, – сказал он и шагнул в холод.

– Упрямый парень, – пробормотал Найт. – Не знал, что Питт увлекается археологией.

Джордино некоторое время следил, как Питт удаляется по льду фьорда, а потом тяжело вздохнул и произнес:

– До сего дня он и сам об этом не знал.

* * *

Ледяное поле было ровным и крепким, поэтому Питт шел довольно быстро. При этом он не забывал озабоченно следить за зловещей темно-серой тучей, наползавшей с северо-запада. Ясная, солнечная погода в этих краях могла всего лишь за какое-то мгновение смениться слепящей метелью, способной уничтожить все ориентиры. Питту вовсе не хотелось заблудиться в ледяной пустыне, не имея даже компаса, поэтому он ускорил шаги.

Над ним парили два белых кречета. Эти невосприимчивые к морозу птицы остаются на севере даже во время суровой зимы.

Двигаясь строго на юг, Питт пересек береговую линию и продолжал держать курс на отчетливо различимый дымок, поднимавшийся над домом археологов. Вдалеке уже можно было различить маленькое, неясное пятнышко, как если бы в бинокль заглянуть с противоположного конца.

Питт находился в десяти минутах ходьбы от лагеря археологов, когда началась метель. Видимость заметно уменьшилась с двадцати километров до пяти метров.

Он перешел на бег, отчаянно надеясь, что продолжает двигаться по траектории, хотя бы отчасти напоминающей прямую линию. Летевший почти горизонтально снег бил его в левое плечо, и Питт старался держаться чуть левее, чтобы компенсировать возможный уклон.

Ветер быстро усиливался и вскоре достиг ураганной силы. Под его напором Питт едва мог держаться на ногах. Он вслепую пробирался вперед, глядя вниз, на ноги, и считая шаги. Он отлично знал, что невозможно идти по прямой, не видя ничего вокруг, рано или поздно начнешь двигаться по кругу. И кроме того, не приходилось сомневаться, что он может пройти в нескольких метрах от жилища археологов, не заметив его, и будет брести дальше и дальше, пока не упадет от усталости.

Несмотря на пронизывающий ветер, Питт не чувствовал холода – одежда хорошо его защищала. Сердце работало ритмично, иначе говоря, он был в хорошей физической форме, и до полного изнеможения еще было далеко.

Посчитав, что он находится в непосредственной близости от цели своего путешествия, Питт остановился. Затем он сделал еще тридцать шагов и снова остановился.

Повернув направо, он прошел около трех метров и увидел свои следы, идущие во встречном направлении, которые быстро заносило снегом. Тогда он пошел параллельно своим первоначальным следам – начал «косить лужайку», так же как когда-то искал затонувший объект на дне моря. Он успел пройти не более шестидесяти шагов, прежде чем старые следы исчезли под слоем снега.

Он прошел пять параллельных отрезков, прежде чем снова повернул направо и продолжил действовать по той же схеме, пока не уверился, что вернулся к уже стертой снегом центральной линии. Тогда он продолжил методично «вычерчивать» решетку по другую сторону от нее. На третьем отрезке он споткнулся о сугроб и ударился в металлическую стену.

Питт пошел вдоль стены и, обогнув два угла, наткнулся на канат, ведущий к двери. Облегченно вздохнув, Питт распахнул дверь, с удовольствием подумав о том, что он снова сумел выйти победителем из поединка со смертью. Он вошел внутрь строения и остановился.

Это был большой сборный дом из гофрированного железа, который служил укрытием для археологов. Температура внутри была не намного выше, чем снаружи, но Питт был рад хотя бы тому, что здесь не было ураганного ветра.

В тусклом свете лампы почти ничего нельзя было рассмотреть. И в первый момент Питт подумал, что в помещении никого нет. Но потом он заметил, как из траншеи в земле поднялась сначала голова, потом показались и плечи. Человек в траншее стоял на коленях спиной к Питту и был поглощен тем, что счищал землю с небольшого выступа. Питт подошел поближе и заглянул в траншею.

– Вы готовы? – спросил он.

Не столько испуганная, сколько удивленная Лили резко обернулась. Свет лампы бил ей в глаза, и она не видела лица вошедшего, только очертания фигуры.

– Готова к чему? – переспросила она.

– Пойти поужинать.

Только теперь Лили догадалась, кто перед ней. Она взяла лампу и медленно поднялась на ноги. Взглянув в лицо Питта, она не могла не почувствовать обаяния его внимательных, ласковых глаз, а он в свою очередь потрясенно взирал на пышную копну рыжих волос, блестящих и переливающихся всеми оттенками бронзы в свете издававшей тихое шипение лампы.

– Мистер Питт… это вы? – Она сняла правую перчатку и протянула нежданному гостю руку.

Он тоже снял перчатку и ответил на ее крепкое рукопожатие.

– Я предпочитаю, чтобы привлекательные женщины называли меня Дирк.

Лили смутилась, как застенчивая маленькая девочка, очень разозлилась на себя за то, что поленилась наложить макияж и понадеялась, что Дирк не заметит грубые мозоли на руках. Неожиданно для самой себя она поняла, что краснеет.

– Меня зовут Лили, – с трудом выдавила она. – Лили Шарп. Мои друзья и я надеялись, что сможем поблагодарить вас за все, что вы сделали

прошлой ночью, но не знали, где вас найти. Я думала, вы пошутили насчет ужина, и не рассчитывала увидеть вас снова.

– Как вы можете слышать, – он махнул головой в сторону двери, за которой на все лады завывал ветер, – даже ураган не смог меня остановить.

– Вы, должно быть, безумец.

– Нет, просто самонадеянный глупец, возомнивший, что сумеет справиться с арктическим ураганом.

Оба рассмеялись, и напряжение сразу исчезло. Лили начала выбираться из траншеи. Питт протянул руку, чтобы ей помочь.

– Вы, наверное, должны еще лежать в постели.

Лили игриво улыбнулась:

– Я очень замерзла и заработала множество больших и маленьких синяков, которые ни в коем случае не стану вам демонстрировать, но, судя по всему, жить буду.

Питт поднял лампу и с интересом огляделся:

– Ну-ка посмотрим, чем вы тут занимаетесь…

– Раскапываем древнюю эскимосскую деревню. Здесь жили люди примерно с сотого по пятисотый годы нашей эры.

– У нее есть название?

– Мы называем ее деревней Гронквист-Бей в честь доктора Хайрема Гронквиста, открывшего ее пять лет назад.

– Это один из троих мужчин, которых я видел ночью?

– Да, тот, что был без сознания.

– Как он себя чувствует?

– У него огромная шишка на лбу, но он утверждает, что ни головных болей, ни тошноты нет. Когда я шла сюда, он как раз жарил индейку.

– Индейку? – удивился Питт. – Вас, очевидно, неплохо снабжают.

– Самолет с продуктами и снаряжением прилетает сюда из Туле раз в две недели.

– Я считал, что раскопки на Крайнем Севере ведутся только в середине лета, когда земля оттаивает.

– Да, это так. Но, имея обогреваемое укрытие вроде этого, мы можем работать с апреля по ноябрь.

– Вы, случаем, не находили ничего необычного, какого-нибудь предмета, которого здесь не должен быть?

Лили с изумлением уставилась на Питта:

– Почему вы спрашиваете?

– Любопытство.

– Мы откопали сотни интереснейших артефактов, иллюстрирующих образ жизни и деятельности древней арктической расы монголоидов. Они в доме. Если хотите, можете все осмотреть.

– А каковы шансы не только осмотреть их, но и попробовать индейку?

– Я ваш гарант. А доктор Гронквист – изумительный повар.

– Я собирался пригласить вас всех поужинать на корабле, но погода нарушила мои планы.

– Мы всегда рады гостям.

– Но вы же нашли что-то необычное, не так ли? – настойчиво спросил Питт, не сводя изучающего взгляда с лица женщины.

Глаза Лили стали круглыми от удивления.

– Откуда вы знаете?

– Греция или Рим?

– Римская империя. Если точнее, Византия.

– Что именно вы нашли? – Питт больше не улыбался, глаза потемнели, лицо стало напряженным, почти пугающим. – Возраст?

– Золотую монету конца четвертого века.

Питт, казалось, немного расслабился. Он сделал глубокий вдох и очень медленно выдохнул. Лили наблюдала за ним с удивлением, к которому примешивалась малая толика раздражения.

– Вы удовлетворены? – ехидно полюбопытствовала она.

– А что, если я вам скажу, – начал Питт, – что по дну фьорда разбросаны амфоры и образованная ими цепочка ведет во фьорд?

– Амфоры? – переспросила потрясенная Лили.

– Их зафиксировали наши подводные камеры.

– Они здесь были, – словно в трансе проговорила Лили. – Они действительно пересекли Атлантику! Римляне ступили на землю Гренландии раньше викингов!

– Во всяком случае, наши находки указывают именно на это. – Питт обнял Лили за талию и легонько подтолкнул в сторону двери. – Хотелось бы знать, мы обречены находиться здесь, пока не кончится непогода, или канат, который натянут снаружи, ведет в ваш дом?

Лили кивнула:

– Да, канат протянут между двумя зданиями именно на случай непогоды. – Она сделана паузу и посмотрела в ту часть траншеи, где нашла монету. – Греческий мореплаватель Питеас[20] в триста пятидесятом году до нашей эры предпринял грандиозное путешествие. Легенда гласит, что он вышел в Атлантику, отправился на север и достиг берегов Исландии. Странно, но не существует никаких легенд о путешествиях римлян в эти края.

– Питеасу повезло. Он вернулся домой и смог рассказать о своем путешествии.

– Вы считаете, что римляне, добравшиеся сюда, погибли на обратном пути?

– Нет, я полагаю, они все еще здесь, – усмехнулся Питт. – А это значит, что вы, милая леди, и я обязательно их отыщем.

Часть вторая

«SERAPIS»

Вашингтон, округ Колумбия

14 октября 1991 года

14

Холодный, моросящий дождь окутал американскую столицу мутной пеленой. Перед входом в одно из правительственных зданий, расположенного на углу Семидесятой улицы и Пенсильвания-авеню, остановилось такси. Из него вышел человек, одетый в форму посыльного, и попросил водителя подождать. Он взял лежавший на сиденье сверток, завернутый в красный шелк, сделал несколько шагов по тротуару и поднялся по ступенькам к двери, ведущей в офис, где осуществлялся прием корреспонденции.

– Для президента, – проговорил он с сильным испанским акцентом.

Приемщик сделал запись о доставке, не забыв указать время. Потом он взглянул на посыльного и улыбнулся:

– Все еще идет дождь?

– Скорее моросит.

– Этого достаточно, чтобы сделать жизнь не слишком приятной.

– Да еще пробки на дорогах, – вздохнул посыльный.

– Как бы то ни было, желаю вам хорошо провести день.

– Вам тоже.

Посыльный ушел, а приемщик взял сверток и поместил его под флюороскоп. Сделав шаг в сторону, он с интересом уставился на экран, на котором появилось изображение предмета, обнаруженного рентгеновскими лучами внутри упаковки.

Он легко идентифицировал его как довольно обычную коробку, но то, что находилось внутри, показалось ему удивительным. Там не было ни папок с бумагами, ни других твердых предметов с четко выраженными очертаниями – в общем, ничего даже отдаленно напоминающего взрывчатку. Приемщик был опытным человеком и давно работал на рентгеновских установках, но на этот раз содержимое коробки привело его в замешательство.

Он поднял телефонную трубку и сделал соответствующий запрос. Не прошло и двух минут, как в помещении появился агент службы безопасности со специально обученной собакой.

– Есть что-нибудь для Свитпи? – спросил агент.

Приемщик кивнул и положил странную посылку на пол.

– Не могу понять, что это такое.

Свитпи ничем не напоминала свою кличку[21]. Помесь бигля и таксы, она имела огромные карие глаза и маленькое толстое тело, поддерживаемое короткими, кривыми лапами. Зато она была хорошо обучена и могла обнаружить любые виды взрывчатки от обычных до самых экзотических. Мужчины внимательно наблюдали, как собака обошла вокруг коробки, при этом ее нос подрагивал, как у престарелой аристократки, выбирающей духи у прилавка с косметикой.

Неожиданно собака замерла, шерсть на загривке вздыбилась, и она попятилась назад. Подняв вверх мордочку, на которой явственно проступило выражение отвращения, она неожиданно завыла.

Охранник очень удивился.

– Впервые вижу такую реакцию, – признался он.

– Там что-то странное, – сказал приемщик, указывая на посылку.

– Кому она адресована?

– Лично президенту.

Агент службы безопасности подошел к телефону и набрал номер:

– Пусть сюда спустится Джим Герхарт.

Специальный агент Герхарт, начальник службы безопасности Белого дома, сидел за ланчем, но, услышав сообщение, тут же встал из-за стола и немедленно отправился в комнату приема корреспонденции.

Он проследил за реакцией собаки и внимательно осмотрел посылку под флюороскопом.

– Это не взрывное устройство, – сказал он, растягивая слова, что выдавало в нем уроженца штата Джорджия.

– Да, это не бомба, – согласился приемщик.

– Хорошо, тогда откроем и посмотрим.

Герхарт аккуратно развернул красную шелковую обертку, под которой действительно оказалась ничем не примечательная коробка. На ней отсутствовала маркировка, не было даже названия фирмы-изготовителя и номера модели. Кодового замка тоже не было, обе защелки имели отверстия для ключей.

Герхарт тронул защелки, и они сразу открылись.

– Момент истины, – пробормотал он, по привычке стараясь не делать резких движений.

Он взялся за крышку и начал медленно ее поднимать, пока содержимое не стало видно всем присутствующим.

– Господи! – только и смог произнести Герхарт.

Служащий охраны, пришедший с собакой, смертельно побледнел и отвернулся. Приемщик издал булькающий звук и, зажав рот руками, устремился в сторону туалета.

Герхарт поспешно захлопнул крышку.

– Доставьте это в госпиталь университета Джорджа Вашингтона, – сказал он.

Агент службы безопасности в первый момент не мог говорить. Он старался проглотить комок, поднявшийся откуда-то из недр желудка. Закашлявшись и ощутив во рту мерзкий кислый вкус, он поморщился и выдавил:

– Эта штука настоящая или это чей-то розыгрыш?

– Настоящая, – мрачно ответствовал Герхарт. – И поверь мне, это не розыгрыш.

* * *

Находившийся в своем кабинете в Белом доме Дейл Николс поправил сползшие на нос очки для чтения и в десятый раз начал штудировать толстую подборку документов, переданную ему Армандо Лопесом, начальником отдела президентской администрации по Латинской Америке.

Николс имел вид университетского профессора, которым, собственно, и являлся, до того как президент уговорил его сменить спокойные аудитории Станфорда на вашингтонскую клоаку. Его первоначальное нежелание менять работу перешло в удивление, когда он обнаружил, что обладает скрытым талантом манипулировать бюрократической машиной Белого дома.

Его густая шевелюра цвета кофе с молоком была разделена аккуратным пробором. Старомодные очки с маленькими круглыми линзами в тонкой проволочной оправе явно принадлежали упорному труженику, человеку, способному забыть обо всем, кроме своего дела. Обязательные в академических клише галстук-бабочка и трубка довершали облик.

Он зажег трубку, не отрываясь от чтения статей, вырезанных из мексиканских газет и журналов, касающихся только одной темы: Топильцин.

В подборку были включены интервью, данные новоявленным мессией официальным лицам, представляющим страны Центральной и Южной Америки. Но он наотрез отказался беседовать с американскими журналистами и представителями правительства: ни один из них так и не смог пробиться сквозь многочисленную армию его телохранителей.

Николс выучил испанский язык во время двухлетнего пребывание в Перу в Корпусе мира, поэтому газеты читал без затруднений. Он взял лист бумаги и начат составлять список основных фактов и требований, которые вытекали из интервью.

* * *

1. Топильцин говорит о себе как о представителе беднейших слоев общества, утверждает, что родился в трущобах на окраине Мехико и ему с раннего детства приходилось копаться в мусоре на свалках, не имея

представления о происходящих вокруг событиях. Несмотря на тяжелейшие условия, ему удалось выжить, и он хорошо знает на собственном опыте, какова жизнь среди зловонных отбросов и что такое быть голодным и бездомным.

2. Утверждает, что не получил образования. Неизвестно, чем занимался с детства и до того момента, как появился на политической сцене уже зрелым человеком, проповедником старой религии ацтеков.

3. Утверждает, что является реинкарнацией Топильцина, правившего в X веке тольтеками, который идентифицировал себя с легендарным божеством Кецалькоатлем.

4. Политическая философия – безумная смесь древней культуры и религии с автократическим единовластным правлением. Игнорирует вопросы о восстановлении экономики. Отказывается обсуждать методы реорганизации правительства в случае своего прихода к власти.

5. Превосходный оратор. Очень быстро налаживает контакт с аудиторией. Говорит только на языке древних ацтеков, пользуется услугами переводчика. Этот язык до сей поры используется многими индейцами в Центральной Мексике.

6. Подавляющее большинство его приверженцев – фанатики. Его популярность в полном смысле захлестнула страну. Политические аналитики заявляют, что он имеет все шансы победить на выборах. Однако он отказывается принимать участие в свободных выборах, утверждая, причем не без оснований, что в них победит коррупция. Рассчитывает, что народ провозгласит его единовластным правителем.

* * *

Николс положил трубку на край пепельницы, запрокинул голову и некоторое время сидел, уставившись в потолок. Потом он снова начал писать.

Выводы: Топильцин или абсолютно невежественный, или высокоодаренный человек. Невежественный, если он есть то, что говорит о себе. Одаренный, если в его безумии есть система, если у него есть цель, понятная только ему одному.

Беда, беда, беда.

Николс все еще просматривал статьи, пытаясь отыскать ключ к характеру Топильцина, когда зазвонил телефон. Он взял трубку.

– На первой линии президент, – сказана секретарша.

Николс нажал первую кнопку:

– Слушаю, господин президент.

– Есть новости о Гае Ривасе?

– Нет, господин президент.

Президент несколько секунд молчал. Потом, тяжело вздохнув, снова заговорил:

– Он должен был прибыть два часа назад. Я беспокоюсь. Если он столкнулся с проблемами, его пилот уже сообщил бы нам.

– Он не полетел в Мексику на нашем самолете, – объяснил Николс. – Из соображений секретности он заказал билет на коммерческий авиарейс и полетел туристским классом.

– Понимаю, – сказал президент. – Если президент Де Лоренцо узнает, что я послал своего представителя, чтобы за его спиной договориться с оппозицией, он, безусловно, воспримет это как оскорбление и не прибудет на конференцию в Аризоне на следующей неделе.

– Обеспечение секретности – наша первоочередная задача, – заверил Николс.

– Вы знаете подробности о катастрофе самолета с делегацией ООН?

– Нет, сэр. Мне только сообщили, что Гала Камиль жива.

– Она и еще два члена экипажа. Остальные умерли от яда.

– Яда? – удивился Николс.

– Так мне сообщили. Следователи считают, что пилот сделал попытку отравить всех на борту, после чего выпрыгнул с парашютом над Исландией.

– Пилот был самозванцем?

– Это станет известно, только когда его найдут, живого или мертвого.

– Боже милостивый, у какой из террористических группировок имеется мотив убить пятьдесят членов ООН?

– Пока никто не взял на себя ответственность за это злодеяние. Мартин Броган из ЦРУ считает, что если это работа террористов, то они отступили от своих обычных правил.

– Возможно, мишенью является Гала Камиль, – предположил Николс – Ведь Ахмед Язид поклялся уничтожить ее.

– Мы не можем отрицать такую возможность, – согласился президент.

– Средствам массовой информации уже сообщили?

– В течение ближайшего часа им все станет известно. Я не вижу смысла скрывать эту информацию.

– Что я должен делать, господин президент?

– Я бы попросил вас, Дейл, проследить за реакцией окружения президента Де Лоренцо. На борту самолета было одиннадцать мексиканских делегатов. Передайте от моего имени соболезнования и предложите любое разумное сотрудничество в расследовании этого дела. Да, и держите в курсе Юлиуса Шиллера из Госдепартамента, чтобы мы могли координировать свои действия.

– Я сейчас же дам указания своим людям.

– И дайте мне знать, если появится информация о Ривасе.

– Да, господин президент.

Николс положил трубку и вернулся к чтению. Он подумал, что Топильцин может быть как-то связан с убийством делегатов ООН, и начат снова просматривать вырезки, желая найти подтверждение своим подозрениям.

Николс не был детективом. Он не обладал даром скрупулезно анализировать действия подозреваемого, не умел под внешним лоском и напускной бравадой разглядеть, чем живет человек. Его академической специальностью был анализ международных политических движений и контроль за их деятельностью, а также за лидерами этих движений.

Топильцин был для него загадкой. Гитлер руководствовался идеей о превосходстве арийской расы. Охваченный религиозной страстью, Хомейни стремился вернуть Ближний Восток к мусульманским обычаям средних веков. Ленин мечтал о победе мирового коммунизма.

Но какова цель Топильцина?

Мексика для ацтеков? Возврат к прошлому? Ни одно современное общество не сможет жить по таким архаичным законам. Мексике не подходили донкихотские фантазии. Топильцина должна подталкивать другая движущая сила. Николс строил догадки на пустом месте. Топильцин ему представлялся всего лишь карикатурой, злодеем из мультфильма.

В кабинет вошла секретарша и положила на стол еще одну папку:

– Это отчет ЦРУ, который вы просили. И еще вам звонок по третьей линии.

– Кто там?

– Джеймс Герхарт, – ответила она.

– Служба безопасности? – удивился Николс – Он сказал, что ему нужно?

– Только то, что вопрос очень срочный.

Николс взял трубку:

– Дейл Николс слушает.

– Это Джим Герхарт, сэр, специальный агент…

– Да, я знаю, – перебил Николс. – В чем дело?

– Думаю, вам надо срочно приехать в патологоанатомическую лабораторию университета Джорджа Вашингтона.

– В университетский госпиталь?

– Да, сэр.

– Какого черта я там забыл?

– Боюсь, я не могу объяснить это по телефону.

– Я очень занят, мистер Герхарт, так что вам придется высказаться более определенно.

Последовала короткая пауза.

– Это касается вас и президента. Больше я ничего сказать не могу.

– Но намекните по крайней мере!

Последнюю фразу Герхарт вообще проигнорировал.

– Один из моих людей ожидает вас возле офиса. Он отвезет вас в лабораторию, а я здесь буду вас встречать.

– Послушайте, Герхарт, – раздраженно начал Николс, но в трубке раздались короткие гудки.

* * *

Изморось сменилась довольно сильным дождем, что отнюдь не улучшило настроения Николса, пока он шел по двору университетского госпиталя к лаборатории патологоанатома. К тому же он ненавидел больничные запахи.

Герхарт, как и обещал, ждал его в приемной. Мужчины знали друг друга в лицо и по имени, но им ни разу не приходилось разговаривать. Герхарт, увидев Николса, пошел ему на встречу, но первым не протянул руку высокому гостю.

– Спасибо, что нашли время прийти, – сказал он.

– Зачем вы меня вызвали? – высокомерно произнес Николс.

– Для опознания.

Николс почувствовал, как по спине побежала струйка холодного пота.

– Кто?

– Я бы хотел, чтобы именно вы мне это сказали.

– У меня слишком слабый желудок, чтобы смотреть на мертвые тела.

– Для того что вам предстоит увидеть, действительно придется взять себя в руки.

Николс пожал плечами:

– Хорошо. Давайте быстрее покончим с этим.

Герхарт открыл перед Николсом дверь и провел его по длинному коридору в комнату, стены и пол которой были выложены белой плиткой. Пол был сделан немного наклонным, со стоком в центре. Рядом находился стол из нержавеющей стали. Белая клеенка прикрывала некий продолговатый объект, возвышавшийся не больше чем на дюйм над поверхностью стола.

Николс непонимающе взглянул на Герхарта:

– Ну и что я должен опознать?

Не говоря ни слова, Герхарт сдернул со стола клеенку и отбросил ее в сторону. Она упала на пол бесформенным комком.

Николс непонимающе уставился на то, что лежало на столе. В первый момент он подумал, что видит бумажный контур человеческой фигуры. Когда же он понял, что находится перед ним, то едва успел наклониться к стоку, и его вывернуло наизнанку.

Герхарт поспешно вышел из комнаты и тут же вернулся со складным стулом и полотенцем.

Он усадил Николса на стул, протянул ему полотенце и участливо сказал:

– Возьмите это.

Почти две минуты Николс сидел, прижав полотенце к лицу и содрогаясь, от позывов к рвоте. В конце концов он пришел в себя, поднял глаза на Герхарта и потрясенно пробормотал:

– Боже милостивый, это же…

– Кожа, – закончил фразу Герхарт. – Содранная человеческая кожа.

Николс заставил себя посмотреть на то, что лежало на столе.

Это напоминало лопнувший воздушный шарик, – пожалуй, именно такое сравнение было наиболее точным. Вероятно, сначала был сделан разрез от затылка до щиколоток, а потом кожу содрали, как шкуру с животного. На груди был еще один длинный вертикальный надрез, который потом довольно неаккуратно зашили. Глаз не было, но вся кожа была в сохранности, даже на руках и на ногах.

– Не могли бы вы мне сказать, – мягко начал Герхарт, – кто, по-вашему, это может быть?

Николс сделал над собой усилие и внимательно посмотрел на то, что лежало на столе, но изуродованные черты лица ничего ему не говорили. Только волосы казались смутно знакомыми. Да, он не ошибся.

– Гай Ривас, – едва слышно прошептал он.

Герхарт ничего не сказал. Взяв Николса за руку, он вывел его в другую комнату, где была удобная мебель и пыхтела кофеварка. Он налил чашку кофе и протянул ее Николсу:

– Выпейте это, я вернусь через минуту.

Николс двигался как зомби, не в силах забыть кошмарное зрелище. Он попытался представить себе ужасную смерть Риваса, но благоразумно решил этого не делать.

Герхарт вернулся, держа в руке зловещую коробку.

– Это было доставлено с почтой. Кожа была аккуратно свернута и уложена. Сначала я решил, что все это дело рук маньяка, но, тщательно осмотрев посылку, обнаружил миниатюрный магнитофон, спрятанный под подкладкой.

– Вы прослушали запись?

– Да, но с тем же успехом мог этого не делать. Похоже на беседу между двумя мужчинами на совершенно незнакомом языке, – возможно, использовался какой-то код.

– Как вы проследили связь Риваса со мной?

– В кожу было завернуто удостоверение Риваса, из которого явствовало, что он правительственный чиновник. Кто бы ни убил его, негодяй хотел быть уверен, что мы установим его личность. Я отправился в офис Риваса и побеседовал с его секретаршей. Мне удалось узнать, что за два часа до отъезда в аэропорт он встречался с вами и президентом. После

этого он улетел в неизвестном направлении. Мне показалось странным, что секретарша не знает, куда уехал ее босс, а значит, он был отправлен с какой-то особой миссией. Вот почему я обратился прежде всего к вам.

Николс пристально взглянул на Герхарта.

– Вы сказали, на пленке записана беседа?

Герхарт кивнул и отвел глаза.

– И еще крик Риваса, когда его убивали.

Николс зажмурился, пытаясь избавиться от страшного видения.

– Необходимо уведомить его ближайших родственников, – деловито сказал Герхарт. – У него была жена?

– И четверо детей.

– Вы хорошо его знали?

– Гай Ривас был отличным парнем, одним из немногих честных людей, с которыми мне приходилось сталкиваться после переезда в Вашингтон. Мы вместе работали над целым рядом дипломатических вопросов.

Лицо Герхарта утратило официальное выражение.

– Мне очень жаль.

Но Николс уже его не слышал. Его глаза стали холодными и жесткими. Кошмар больше не преследовал его. Он не чувствовал тошноты, ладони не были мокрыми от пота. Варварская жестокость, проявленная по отношению к хорошо знакомому ему человеку, вызвала волну негодования, захлестнувшую его целиком. Николс и не подозревал, что способен на столь сильные чувства.

Больше не было буквоеда-профессора, чья власть, была ограничена пределами университетской аудитории. Ему на смену пришел человек, близкий к президенту, член очень немногочисленной группы вашингтонских политиков, имеющих возможность влиять на события в самых разных частях земного шара.

Николс не знал, сможет ли он использовать средства, которые имелись теперь в его распоряжении, и будут ли его действия одобрены президентом. Так или иначе, он был намерен отомстить за страшную смерть Риваса. Топильцин должен умереть.

15

Небольшой правительственный самолет пошел на снижение при подлете к частному аэродрому, находящемуся в двадцати километрах к

югу от египетского города Александрия. Прошло несколько минут, и шасси, издав в первый момент протестующий визг, покатили по взлетно-посадочной полосе. Меньше чем через минуту после того, как самолет вырулил к месту стоянки рядом с зеленым «вольво», на дверцах которого по-английски было написано слово «такси», рев двигателей смолк, и открылся пассажирский люк.

Человек, спрыгнувший на землю, был одет в белый костюм и такого же цвета галстук, выделявшийся на фоне темно-синей рубашки. Ростом около шести футов, худощавый и подтянутый, он вытер лоб белоснежным платком, затем с самодовольным видом провел указательным пальцем по пышным черным усам. Его глаза были скрыты под темными очками, а на руках надеты тонкие кожаные перчатки.

Сулейман Азиз Аммар внешне ничем не напоминал летчика, в свое время поднявшегося на борт рейса № 106 в Лондоне.

Он подошел к такси и поздоровался с мускулистым коротышкой-водителем:

– Доброе утро, Ибн-Тельмук. Были какие-нибудь проблемы после возвращения?

– Ваши дела в полном порядке, – ответил тот, открывая заднюю дверь и не делая попыток спрятать пистолет-пулемет в наплечной кобуре.

– Отвези меня к Язиду.

Ибн-Тельмук молча кивнул, и Аммар стал устраиваться на заднем сиденье. Внешний вид такси был столь же обманчив, как облик Аммара, имевшего множество личин. Тонированные стекла и боковые дверцы были пуленепробиваемыми. В салоне перед удобным кожаным креслом, в которое сел Аммар, располагалась панель со всей необходимой офисной аппаратурой, которая могла понадобиться в пути. Здесь было два телефона, компьютер, радиопередатчик и телевизор. Здесь также были бар и стойка с двумя автоматическими винтовками.

Пока машина кружила по забитой транспортом центральной части Александрии, чтобы выехать на Эль-Джейш-Бич-роуд, Аммар занимался изучением состояния своих дел с долгосрочными капиталовложениями. Его состояние, размеры которого знал только он один, было поистине огромным. Финансовых успехов он чаще всего добивался благодаря своей безжалостности, а не проницательности. Если на пути к выгодной сделке стоял кто-либо, будь то коллега по бизнесу или правительственный чиновник, Аммар попросту убирал конкурента.

Преодолев расстояние двадцать километров, такси замедлило скорость и остановилось у ворот, ведущих к небольшой вилле, которая расположилась на невысоком холме, поднимавшемся над обширным песчаным пляжем.

Аммар выключил компьютер и вышел из машины. Его тотчас окружили четверо охранников и тщательно обыскали. В конце процедуры ему предложили пройти через металлоискатель.

Только после этого его провели мимо непрезентабельных бетонных сооружений, в которых обитала небольшая армия телохранителей хозяина, к каменной лестнице, ведущей на виллу. Аммар улыбнулся, когда они, вместо того чтобы войти в изысканно украшенный сводчатый портал для почетных гостей, прошли в неприметную боковую дверь. Он решил не обращать на это внимания, зная, что недалекий Язид старается таким образом унизить тех, кто делает для него грязную работу, но не входит в круг его лизоблюдов и низкопоклонников.

Аммара проводили в пустую комнату, где из мебели был только один деревянный стул, а на стене висел огромный персидский ковер. Внутри было жарко, душно и темно. В комнате не было окон, а свет проникал сквозь единственный люк в потолке. Не говоря ни слова, охранники удалились, закрыв за собой дверь.

Аммар зевнул, взглянул на наручные часы, потом снял темные очки и потер глаза. Отработанные жесты позволили ему точно установить расположение объектива камеры, довольно удачно замаскированного узором ковра. Не показывая, что он заметил камеру, Аммар стал ждать.

Он томился почти час, прежде чем в комнате появился Язид.

Духовный лидер египетских мусульман был молод – ему было не больше тридцати пяти лет. Он был невысокого роста, и потому ему приходилось смотреть на Аммара снизу вверх. Его лицо не имело точных, явно выраженных черт, характерных для большинства египтян, скулы и подбородок были округлыми. Голова покрыта белой узорчатой тканью, свернутой наподобие тюрбана, а тощее, словно ручка от швабры, тело было облачено в белый восточный халат. Когда он вышел из тени, его глаза, казалось, изменили цвет, став из черных карими.

В качестве знака уважения Аммар слегка поклонился Язиду, но не посмотрел ему в глаза.

– А, это вы, мой друг, – сказал Язид. – Рад, что вы вернулись.

Аммар поднял глаза, улыбнулся и начал игру:

– Для меня большая честь стоять рядом с вами, Ахмед Язид.

– Садитесь, прошу вас, – сказал Язид, причем в его голосе слышалось не столько приглашение, сколько приказ.

Аммар подчинился и опустился на единственный стул. Теперь Язид мог взирать на него сверху вниз. Чтобы еще больше унизить собеседника, Язид прошелся по комнате и без промедления заговорил, вынудив собеседника повернуться на стуле.

– Каждая неделя приближает конец власти президента Хасана. От окончательного падения его уберегает только лояльность военных. Он все еще может рассчитывать на поддержку трехсотпятидесятитысячной армии. Недавно министр обороны Абу Хамид заявил, что готов перейти на нашу сторону. Он заверил меня, что поддержит наше движение за исламскую республику, но только если мы выиграем национальный референдум без кровопролития.

– Разве это плохо? – поинтересовался Аммар с невинным выражением лица.

Язид одарил его холодным, презрительным взглядом.

– Этот человек – прозападный политикан. Он слишком труслив, чтобы отказаться от помощи американцев. Для него важны только его драгоценные самолеты, вертолеты, канонерки и танки. Он боится, что Египет пойдет по пути Ирана. Этот идиот настаивает на организованной, упорядоченной смене правительства, чтобы продолжали поступать займы Всемирного банка и финансовая помощь американцев.

Он сделал паузу и несколько секунд пристально смотрел прямо в глаза Аммара, словно призывая наемного убийцу возразить ему. Аммар не проронил ни слова. Он предпочел слушать.

– Абу Хамид также требует обещания, что Гала Камиль останется Генеральным секретарем ООН, – добавил Язид.

– И тем не менее вы приказали мне ее убрать? – удивился Аммар.

Язид кивнул:

– Да, я желал, чтобы эта сучка была мертва, потому что она, будучи Генеральным секретарем ООН, находится в открытой оппозиции нашему движению и тем самым настраивает мировое общественное мнение против нас. Однако Абу Хамид, не колеблясь, захлопнул бы дверь перед моим носом, если бы она была убита наемным убийцей, именно поэтому я рассчитывал на тебя, Сулейман. Ты должен был представить все дело как несчастный случай. Но ты потерпел неудачу. Тебе удалось убить всех на борту этого проклятого самолета, кроме Галы Камиль.

Последние слова прозвучали для Аммара как удар грома. От его внешнего спокойствия не осталось и следа. Не в силах поверить своим ушам, он переспросил:

– Она жива?

Глаза Язида, и без того холодные, стали ледяными.

– Эту новость мне сообщили меньше часа назад. Самолет потерпел аварию в Гренландии. Все пассажиры, кроме Камиль и еще двоих членов экипажа, были найдены умершими от яда.

– Яда? – недоверчиво пробормотал Аммар.

– Оплачиваемые нами источники в американских средствах массовой информации подтверждают сообщение. О чем ты думал, Сулейман? Ты же заверил меня, что самолет исчезнет в море.

– Как самолет достиг Гренландии?

– Какой-то стюард случайно обнаружил тела летчиков. Он взял управление на себя и с помощью одного из членов мексиканской делегации довел самолет до побережья Гренландии, где он рухнул на лед фьорда. Камиль вполне могла умереть от переохлаждения, но, как на зло, рядом оказался американский военный корабль, уж не знаю, что он там делал. Американцы среагировали быстро и спасли ей жизнь.

Аммар был потрясен. Он не привык к неудачам. Убийца никак не мог понять, каким образом его тщательно продуманный, отработанный до мелочей план все-таки сорвался. Закрыв глаза, он представил самолет, пролетающий над вершиной ледника. Его мозг напряженно заработал – он начал сопоставлять детали, строить различные гипотезы развития событий.

Выждав немного, Язид нарушил молчание:

– Ты, конечно, понимаешь, что в катастрофе обвинят меня.

– Нет никаких улик, – твердо заявил Аммар, – связывающих меня с крушением или меня с вами.

– Возможно, но я все равно окажусь виноватым, потому что у меня есть мотив. Во всяком случае, западные средства массовой информации обвинят именно меня. А это не может не повлиять на общественное мнение. Мне следовало бы тебя казнить.

Аммар взял себя в руки и безразлично пожал плечами:

– Это была бы потеря для вас. Я все еще остаюсь самым лучшим ликвидатором на Ближнем Востоке.

– И самым высокооплачиваемым.

– Я не беру плату за незаконченную работу.

– Надеюсь, – язвительно заявил Язид. Он резко повернулся и зашагал к скрытой за ковром двери. Открыв ее, он через плечо бросил Аммару: – Мне необходимо подготовиться к молитве. Ты можешь идти, Сулейман Азиз Аммар.

– А как же Гала Камиль? Работа не выполнена!

– Я передаю ее Мохаммеду Исмаилу.

– Исмаилу? – возмутился Аммар. – Этот человек кретин!

– Ему можно доверять.

– Ну это смотря что. Чистить сортиры – возможно.

Холодные глаза Язида уставились на Аммара с неприкрытой угрозой.

– Камиль больше не твоя забота. Оставайся пока здесь, в Египте. У меня и моих преданных советников имеются на тебя виды. У тебя еще будет шанс оправдаться в глазах Аллаха.

Прежде чем Язид вышел из комнаты, Аммар поспешно спросил:

– А тот мексиканец, что помогал управлять самолетом, он тоже отравлен?

Язид остановился и отрицательно покачал головой:

– Сообщают, что он погиб во время крушения.

С этими словами он покинул комнату. Ковер упал, скрыв за собой потайную дверь.

Аммар снова опустился на стул и задумался. Очень скоро разрозненные части стали складываться в целостную картину. Странно, но он вовсе не был зол. Даже наоборот, его губы скривились в улыбке, которую можно было назвать веселой.

– Так, значит, нас было двое, – вслух проговорил он. – И второй отравил пищу, поданную пассажирам. – Он покачал головой и снова улыбнулся. – Яд в веллингтонской говядине… Как, черт возьми, оригинально!

16

В первый момент никто не обратил внимания на небольшую кляксу, которая проползла по внешнему краю распечатки, выданной самописцем бортового сканера.

За шесть часов поиска было найдено несколько предметов, созданных руками человека. Части падавшего самолета, которые предстояло достать, затонувший рыболовецкий траулер, куски канатов и прочий хлам, выброшенный с рыболовецких судов, заходивших в разное время во фьорд в поисках убежища от непогоды, – все это было точно идентифицировано видеокамерами и больше не принималось во внимание.

Последний предмет спокойно лежал на дне фьорда, ожидая, пока его заметят. Он находился в небольшой впадине, окруженной острыми камнями. Только одна его часть была видна в чистой воде, остальное было погребено под слоем льда.

Питт был первым, кто оценил важность находки. Он сидел перед самописцем в окружении Джордино, Найта и всей группы археологов. Именно Питт сказал в переговорное устройство:

– Поворачивайте «рыбку», пеленг один пять ноль градусов.

«Полярный исследователь» все еще находился в покрытом льдом фьорде. Снаружи на льду в это время находилась бригада под командованием Корка Симона. Его люди периодически бурили лед и опускали в воду сенсорный датчик. Затем они очень медленно поворачивали «рыбку», так с любовью называли датчик, сканирующий находящиеся вокруг предметы. Обследовав один участок, они отматывали кабель и делали следующий заброс несколько дальше от корабля.

Симон, услышав команду Питта, начал поворачивать прибор до тех пор, пока сонары «рыбки» не повернулись в направлении 150°.

– Так нормально? – поинтересовался он.

– Смотрите прямо на цель, – ответил Питт с корабля.

Под таким углом предмет был виден достаточно отчетливо. Питт обвел кляксу черным фломастером:

– Думаю, у нас кое-что есть.

Гронквист подвинулся ближе и кивнул:

– Да, но все же недостаточно хорошо видно, чтобы идентифицировать. Как вы считаете, что это?

– Пока точно не знаю, – ответил Питт. – Большая часть объекта покрыта льдом, придется пустить в ход воображение. Однако, судя по тому, что мы видим, это может быть деревянный корабль. По-моему, перед нами часть высокого ахтерштевня[22].

– Да, – в восторге подхватила Лили, – это высокий и очень изящный ахтерштевень, типичный для торговых судов четвертого века.

– Не увлекайтесь, – посоветовал Найт. – Это может быть вполне современное рыболовное судно.

– Возможно, – задумчиво согласился Джордино, – но, если мне не изменяет память, датчане, исландцы и норвежцы, которые традиционно рыбачили в этих водах, плавали на значительно более узких двуконечных судах.

– Ты прав, – добавил Питт. – Острый нос и корма достались им по наследству от викингов. То, что мы видим, тоже может быть двуконечным судном, но с более широкими обводами.

– Так невозможно получить более четкую картину, поскольку значительная часть корпуса покрыта льдом, – сказал Гронквист, – но мы можем опустить камеру в свободную ото льда воду со стороны кормы, тогда, может быть, удастся провести более точную идентификацию.

Джордино усомнился в целесообразности предложенного мероприятия:

– Камера поможет рассмотреть кормовую часть затонувшего судна, и ничего больше.

– На корабле полно сильных мужчин, – сказала Лили. – Мы можем пробиться сверху сквозь лед и рассмотреть все собственными глазами.

Гронквист взял бинокль и вышел из каюты исследователей на мостик. Через полминуты он вернулся.

– По моим подсчетам получается, что ледяной покров над судном имеет толщину не менее трех метров. Чтобы его преодолеть, потребуется по крайней мере двое суток.

– Боюсь, вам придется этим заниматься без нас, – сообщил Найт, – У меня приказ уходить не позднее восемнадцати ноль-ноль. У нас не осталось времени для длительных раскопок.

Гронквист был неприятно удивлен.

– Так осталось меньше пяти часов! – с детской обидой воскликнул он.

Найт развел руками, показывая, что в данном случае он бессилен.

– Мне очень жаль, – сказал он.

Питт несколько минут внимательно изучал темное пятно на бумаге, после чего обратился к Найту с вопросом:

– Если я докажу, что там внизу римское судно четвертого века, ты сумеешь убедить командование североатлантического флота, что нам необходимо здесь задержаться на сутки или двое?

Найт заметил, что у Питта загорелись глаза, и насторожился:

– Что ты задумал?

– Так да или нет? – не отставал Питт.

– Да, – твердо ответствовал Найт, – но только если не останется и тени сомнения, что подо льдом действительно римское судно, которому больше тысячи лет.

– Идет!

– И как ты собираешься это сделать?

– Очень просто, – улыбнулся Питт. – Я намерен нырнуть под лед и проникнуть на корабль.

* * *

Корк Симон и его люди довольно быстро проделали отверстие в метровом слое льда с использованием цепных пил. Сначала они прорезали несколько отверстий и в конце концов достигли нижнего слоя, который пробили кувалдой, закрепленной на длинной трубе, затем удалили крупные фрагменты льда кошками, создав условия для безопасного погружения водолаза.

Убедившись, что поверхность воды в отверстии свободна ото льда, Симон вошел в расположенную неподалеку палатку. Там было тепло и полно народу. Рядом с обогревателем пыхтел компрессор, выхлопная труба которого была выведена наружу.

Лили и остальные археологи сидели у стола, делали наброски и обсуждали их с Питтом, который готовился к погружению.

– Все готово, – доложил Симон.

– Еще пять минут, – сказал Джордино, занятый проверкой клапанов и регуляторов на маске аквалангиста.

Питт натянул специальный костюм на нижнее белье, сотканное из толстых нейлоновых нитей для обеспечения термоизоляции. Затем он надел капюшон и специальный пояс для придания снаряжению дополнительного веса. Одновременно он постигал основы строительства древних судов.

– На первых торговых судах, – вещал Гронквист, – на обшивку обычно шел кедр, кипарис, часто сосна. Для киля использовали дуб.

– Я не смогу отличить одну древесину от другой, – признался Питт.

– Тогда как следует осмотри корпус. Доски обшивки плотно соединялись между собой шипами. У многих судов к подводной части корпуса крепились свинцовые пластины. Детали такелажа могут быть железными или медными.

– А как насчет руля? – поинтересовался Питт.

– На палубе руля как такового быть не должно, – сказал Сэм Хоскинс. – Рулевые колеса появились только спустя восемь веков. На первых средиземноморских торговых судах рулем служили сдвоенные гребные весла, или правила, которые вставлялись в специальные отверстия на корме судна.

– Ты возьмешь дополнительный запас воздуха? – вмешался Джордино.

Питт мотнул головой:

– При погружении на малые глубины в этом нет необходимости. К тому же ко мне прикрепят спасательный леер.

Джордино взял маску и помог Питту ее надеть. Он проверил пломбу, поправил и подтянул все стяжки. Включили подачу воздуха, и, когда Питт дал сигнал, что поток воздуха стабильный, Джордино прикрепил к маске трос для связи.

Пока один из матросов разматывал шланг подачи воздуха и трос связи, Джордино обвязал вокруг пояса Питта спасательный леер. Он выполнил все необходимые проверочные процедуры и включил микрофон.

– Ты хорошо меня слышишь? – спросил он.

– Ясно, но слабовато, – ответил Питт. – Включи громкость на максимум.

– Так лучше?

– Намного.

– Как ты себя чувствуешь?

– Вполне уютно. Как-никак я дышу теплым воздухом.

– Готов?

Питт знаком показал, что все в порядке. В это время к его поясу прикрепили фонарь, предназначенный для работы под водой.

Лили обошла водолаза и заглянула сквозь стекло маски.

– Желаю успеха, – сказала она, – и будь осторожен.

Он подмигнул ей в ответ.

Питт повернулся и в сопровождении двоих матросов, поддерживающих шланг и тросы, вышел из палатки на холод.

Джордино двинулся следом, но Лили остановила его, схватив за руку.

– Мы сможем его слышать? – обеспокоенно поинтересовалась она.

– Да, я присоединил к маске микрофон. Вы и доктор Гронквист лучше оставайтесь здесь, в тепле, и слушайте. Если же захотите что-нибудь ему передать, скажите мне, и я это сделаю.

Питт подошел к полынье и присел. Температура воздуха упала до нуля. Был ясный ноябрьский день, мороз сопровождался ветром скоростью всего лишь десять миль в час – это была большая любезность со стороны арктического климата.

Прежде чем погрузиться в воду, Питт обвел взглядом отвесные берега фьорда. Тонны снега и льда, прильнувшие к острым скалам, выглядели так, словно готовы вот-вот обрушиться. Он посмотрел в другую сторону – там протягивал к морю свои холодные руки ледник. И только потом Питт взглянул вниз.

Вода в полынье выглядела неприветливой и очень холодной.

Подошел капитан Найт и положил руку на плечо Питта. Он не мог видеть выражение лица водолаза – только его сосредоточенные зеленые глаза. Он заговорил громко, чтобы Питт услышал:

– Остался один час двадцать три минуты. Я подумал, ты должен это знать.

Питт ничего не ответил. Он только поднял большой палец вверх и скользнул в зеленую глубину.

Он медленно проследовал мимо окружавших его белых стен. Создавалось впечатление, что он погружается в колодец. Проникнув под толщу льда, он был ослеплен сверкающим калейдоскопом красок, создаваемых солнечными лучами. Нижняя сторона ледяного покрова была неровной, покрытой небольшими висящими сталактитами. Они образовались в результате охлаждения пресной воды, стекающей с ледников океана.

Видимость под водой была хорошая – примерно восемь метров по горизонтали. Он взглянул вниз и увидел небольшую колонию водорослей на каменистом дне. Вокруг него деловито сновали небольшие существа, похожие на креветок.

Огромный трехметровый бородатый тюлень с любопытством уставился на непрошеного гостя, предпочитая при этом сохранять дистанцию. Из его морды торчали пучки жесткой щетины. Питт помахал ему рукой, и зверь величественно удалился, окинув на прощанье аквалангиста настороженным взглядом.

Питт коснулся ногами дна и остановился, чтобы организм привык к давлению. Нырять под лед в спасательном жилете компенсационного типа было опасно, поэтому Питт его не надел. Он почувствовал, что его вес несколько больше необходимого, поэтому вынул из пояса и выбросил несколько свинцовых грузил. Воздух, который нагнетался компрессором, проходил через фильтр и затем подавался в маску, был теплым и чистым.

Питт взглянул вверх, чтобы сориентироваться по светлому пятну над головой, и проверил компас. Он не брал с собой глубиномер. Зачем? Ему предстояло работать на глубине не более четырех метров.

– Поговори со мной, – раздался в наушниках голос Джордино.

– Я на дне, – сказал Питт. – Все нормально.

Питт определил нужное направление и медленно поплыл.

– Корабль примерно в десяти метрах к северу от меня. Направляюсь к нему. Ослабьте шланг и канаты.

Он двигался очень медленно, внимательно следя, чтобы канаты не задевали острые камни. Он начал чувствовать холод. Слава богу, Джордино позаботился о том, чтобы воздух, которым он дышал, был теплым и сухим.

Перед глазами Питта появилась корма судна. Борта заросли водорослями. Он очистил рукой в перчатке небольшой участок, подняв облако зеленой мути. Дождавшись, пока облачко рассеется, он с интересом уставился на открывшуюся перед ним поверхность борта.

– Скажи Лили и Гронквисту, что я вижу деревянный корпус без кормового руля, но и без каких-либо признаков рулевых весел.

– Принято, – отозвался Джордино.

Питт извлек нож, закрепленный на голени правой ноги, и слегка поскреб поверхность внизу над килем. Под слоем водорослей оказался мягкий металл.

– Подводная поверхность обшита свинцовыми пластинами, – объявил он.

– Звучит заманчиво, – сказал Джордино. – Док желает знать, есть ли какой-нибудь орнамент на ахтерштевне.

– Минуточку.

Питт аккуратно убрал растительность с небольшого участка ахтерштевня рядом с тем местом, где он уходил в лед, и стал ждать, пока рассеется очередное зеленое облако.

– В ахтерштевень вделана табличка из какой-то твердой древесины. Здесь буквы и чье-то лицо.

– Лицо?

– С волнистыми волосами и бородой.

– А что там написано?

– Извините, но я не читаю по-гречески.

– Это не латынь? – проявил скептицизм Джордино.

В тусклом свете проникающих сквозь лед солнечных лучей было очень трудно разобрать надпись. Питт придвигался ближе до тех пор, пока стекло маски не коснулось таблички.

– Греческий, – уверенно сказал Питт.

– Это точно?

– Я целый месяц встречался с девушкой, у которой прабабушка была гречанкой.

– Продолжай. Наши собиратели костей уже в экстазе.

Прошло две минуты, и в наушниках снова зазвучал голос Джордино:

– Гронквист считает, что у тебя галлюцинации. А Майк Грэхем говорит, что изучал греческий язык в колледже. Он спрашивает, можешь ли ты описать буквы.

– Первая буква напоминает S, изображенную, как удар молнии. Потом идет A без правой ноги. Далее следует P, затем еще одна покалеченная A, после нее нечто, похожее на виселицу или перевернутую букву L. После этого идет буква I, а в конце снова S в виде молнии. Лучшего описания я дать не могу. Воображения не хватает.

Слушая Питта, Грэхем пытался изобразить надпись на листке из блокнота. У него получилось следующее:

SARAPIS

Полюбовавшись на дело рук своих, он понял, что в чем-то ошибся. Но в чем? Ему пришлось изрядно поднапрячь память, прежде чем он сообразил, в чем дело. Буквы были из классического алфавита восточных греков.

Задумчивое выражение его лица сменилось скептическим. Он написал короткое слово, вырвал листок и передал коллегам. Там было написано: «Sarapis».

Лили вопросительно взглянула на Грэхема:

– Это что-нибудь значит?

– Думаю, это имя греко-египетского бога, – сказал Гронквист.

– Да, – согласился Хоскинс, – это весьма популярное божество на Средиземноморье. Современное написание этого имени – Serapis.

– Итак, наш корабль называется «Серапис», – прошептала Лили.

Тут вмешался Найт:

– Насколько я понял, перед нами остатки римского, греческого или египетского корабля. Какого именно?

– Это за пределами нашей компетенции, – вздохнул Гронквист. – Чтобы ответить на ваш вопрос, необходима консультация морского археолога, специалиста по судоходству на Средиземноморье в первые века нашей эры.

А в это время находившийся подо льдом Питт медленно продвигался вдоль правого борта затонувшего судна. Добравшись до места, где начиналась ледяная стена, он поплыл обратно и, обогнув ахтерштевень, приблизился к левому борту. Здесь обшивка покоробилась и вздулась. Несколько ударов кулаком – и он увидел участок борта, продавленный льдом.

Он очистил пробоину и просунул голову внутрь. Ничего не было видно – только неясные, размытые силуэты. Протянув руку, он нащупал что-то круглое и твердое. Прикинув расстояние между сломанными досками обшивки, он понял, что протиснуться в него не удастся.

Он схватил верхнюю доску, уперся ногой в корпус судна и сильно дернул. Дерево гнулось, но не поддавалось. Питт уперся обеими ногами и потянул изо всех сил. Доска стояла насмерть. Он уже совсем было

собрался признать свое поражение, когда пропитанная водой доска все-таки оторвалось, отбросив Пита назад на большой острый камень.

Любой уважающий себя морской археолог (и не только морской) заработал бы сердечный приступ, глядя на такое варварское отношение к древним артефактам. Но Питт не чувствовал угрызений совести. Ему было холодно, причем с каждой минутой становилось все холоднее, у него болело плечо от удара о камень – короче, все указывало на то, что очень скоро придется подниматься на поверхность.

– Я нашел пробоину в корпусе, – сообщил он. – Давайте камеру.

– Понял, – ответствовал Джордино. – Возвращайся, я тебе ее передам.

Питт вернулся к полынье и, догоняя пузырьки воздуха, всплыл на поверхность. Джордино лежал на животе на льду. Заметив Питта, он сполз вниз и передал ему подводную камеру.

– Испорти пару метров пленки и поднимайся, – сказал он. – Ты уже сделал более чем достаточно.

– Что говорит мистер Найт?

– Тверд, как всегда. Он сам хочет с тобой поговорить.

В наушниках послышатся голос Найта:

– Дирк?

– Да, Байрон.

– Ты на сто процентов уверен, что обнаружил судно, возраст которого более тысячи лет?

– Все признаки указывают на это.

– Мне нужно что-то существенное, чтобы убедить командование оставить нас здесь еще на сорок восемь часов.

– Подожди немного, и я передам им пламенный привет и поцелуй.

– Любой идентифицируемый артефакт меня устроит.

Питт отмахнулся и скрылся из вида.

Но он не сразу ринулся в пробоину. И не мог сказать, как долго плавал рядом с ней – минуту, может быть, две. Он не знал, что заставляло его медлить. Возможно, он ждал приглашающего жеста от высунувшегося из пробоины скелета, а может быть, боялся, что не найдет внутри ничего, кроме обломков исландской рыболовной шхуны восьмидесяти лет от роду. Хотя, вероятнее всего, он опасался, что это место может стать его могилой.

В конце концов он опустил голову, приготовился и поплыл к пробоине.

Перед ним открылась черная неизвестность.

17

Проскользнув внутрь, Питт несколько мгновений помедлил. Он опустился на колени, прислушиваясь к биению своего сердца и наблюдая за цепочкой пузырьков выдыхаемого им воздуха. Питт ждал, пока глаза привыкнут к подводному мраку.

Он не знал, что именно ожидает обнаружить, но нашел множество терракотовых сосудов, кувшинов, чашек и тарелок, аккуратно сложенных на стеллажах у переборок. Круглый предмет, который он нащупал, впервые заглянув в пробоину, оказался большим медным тазом, стенки которого почернели.

В первый момент он подумал, что стоит на твердом покрытии палубы. Но вскоре обнаружил, что его колени опираются на выложенную черепицей поверхность очага. Он поднял голову и увидел плавающие и лопающиеся на поверхности пузырьки. Тогда он выпрямился, и его голова оказалась над поверхностью воды.

– Я в судовом камбузе, – уведомил он заждавшихся слушателей. – Его верхняя часть над водой. Снимаю.

– Принято, – кратко сказал Джордино.

Следующие несколько минут Питт снимал пространство внутри камбуза над поверхностью воды и под ней, стараясь ничего не пропустить. Одновременно он вслух комментировал увиденное. Он обнаружил открытый шкаф, где стояли изящные стеклянные сосуды. Он взял один из них и заглянул внутрь. Сосуд был доверху наполнен монетами. Питт взял монету и потер ее пальцами одной руки, другой продолжая держать камеру. Очищенная поверхность монеты блеснула золотом.

Помимо воли на Питта нахлынули дурные предчувствия. Он поспешно оглянулся, словно ожидал увидеть членов экипажа, надвигающихся на него со всех сторон, дабы покарать за воровство. Но вокруг никого не было. Он был один и с благоговением прикасался к предметам, принадлежавшим людям, которые ходили по этой самой палубе, готовили пищу, ели и которые умерли шестнадцать веков назад.

Он начал думать, что могло с ними произойти. Как они попали сюда, на Крайний Север, учитывая, что о подобном путешествии не сохранилось никаких записей. Возможно, они умерли от переохлаждения, но где останки?

– Тебе лучше возвращаться, – сказал Джордино. – Ты находишься внутри судна уже полчаса.

– Еще рано, – ответил Питт.

«Как быстро пролетели тридцать минут!» – подумал он.

Ему показалось, что прошло не более пяти. Время стремительно летело, а холод чувствовался все сильнее. Питт бросил монету в сосуд и продолжил осмотр.

Потолок камбуза поднимался на полметра выше палубы, и маленькое полукруглое окно в верхней части носовой переборки было задраено. Питт заглянул в небольшую щелочку, но увидел лишь стену льда.

Он произвел предварительные замеры и обнаружил, что уровень воды в кормовой части камбуза был выше. По мнению Пита, это доказывало, что нос и центральная часть корпуса находились на покатом склоне берега.

– Что-нибудь еще? – Джордино сгорал от любопытства.

– Что тебя интересует?

– Ну останки экипажа, к примеру.

– Извини, костей нигде не вижу. – Питт снова опустил голову под воду и внимательно осмотрел палубу, чтобы быть уверенным.

– Возможно, они поддались панике и покинули корабль еще в море? – предположил Джордино.

– Здесь ничего не указывает на панику, – сказал Питт. – В камбузе идеальный порядок.

– Ты можешь проникнуть в другие помещения?

– В носовой переборке имеется люк. Я хочу посмотреть, что находится с той стороны.

Питт наклонился и нырнул в узкое отверстие, не забыв потянуть за собой воздушный шланг и канаты. Темнота действовала угнетающе.

Он снял с пояса фонарь и осветил очень маленькое помещение.

– Сейчас я нахожусь в помещении, похожем на склад, – заговорил он. – Воды здесь немного, не выше, чем по колени. Вижу инструменты, да, это наверняка инструменты судового плотника, запасные якоря, большой безмен…

– Безмен? – вмешался Джордино.

– Балансирные весы на крюке.

– Понял.

– Здесь также есть всякие топоры, свинцовые грузила и рыболовные сети. Сейчас посмотрю дальше.

Узкий деревянный трап вел наверх, к люку в верхней палубе. Питт все заснял, потом проверил ступеньки и с удивлением убедился, что они достаточно крепкие, чтобы выдержать его вес.

Питт осторожно поднялся по трапу и заглянул в то, что осталось от рубки. Он почти ничего не увидел – только бесформенные обломки, придавленные глыбами льда. Лед почти полностью раздавил это палубное помещение.

Не желая бессмысленно рисковать, Питт снова спустился вниз и направился к другому люку, который вел в грузовой трюм. Он осветил помещение фонарем и остолбенел.

Это был не просто грузовой трюм.

Это был склеп.

Мороз превратил сухой трюм в криогенную камеру. Восемь прекрасно сохранившихся тел окружили маленькую железную печурку, установленную возле носовой переборки. Все они были покрыты ледяным саваном, и создавалось впечатление, что кто-то обернул каждое тело прозрачным пластиком.

На их лицах читалось умиротворение, глаза были открыты. Словно манекены в витрине магазина, они сидели и стояли в разных позах, как будто некто неведомый изрядно потрудился, создавая нужную ему картину. Четверо сидели за столом и ели. Трое склонились над тарелками, один застыл с поднесенной ко рту чашкой. Двое сидели, облокотившись о стенку, и читали, в руках у них были свитки, – во всяком случае, так решил Питт. Один склонился над деревянным сундуком – Питт поневоле подумал, что он так шестнадцать веков и простоял в этой позе, – а последний что-то писал.

У Питта появилось ощущение, что он попал в машину времени. Он никак не мог поверить, что смотрит на людей, живших во времена Римской империи. Перед ним были древние мореплаватели, заходившие в порты, которых сотни лет нет на картах, предки, которые давно исчезли с лица земли.

Они не были готовы к встрече с арктическими морозами, не имели теплой одежды и поэтому кутались в одеяла. Все они были небольшого роста, не менее чем на голову ниже Питта. Один был лыс, только щеки и

подбородок покрывала курчавая седая растительность. Второй имел ярко-рыжие волосы и большую окладистую бороду. Остальные были чисто выбриты. Насколько Питт смог рассмотреть их лица под ледяным саваном, самому младшему было не больше восемнадцати, старшему – немного за сорок.

У моряка, который писал, ноги были замотаны шерстяными тряпками, на голову натянута кожаная шапка. Он склонился над небольшой стопкой вощеных дощечек, лежавших на складном столике. В правой руке он сжимал перо.

Эти люди не выглядели так, будто медленно умерли от холода и голода. Смерть настигла их внезапно и совершенно неожиданно.

Питт догадывался, почему это произошло. Чтобы сохранить тепло, все люки были плотно задраены. Единственное вентиляционное отверстие было закрыто льдом. Котлы с пищей стояли на печи. Дым не мог выйти наружу. В результате в грузовом трюме образовалась смертельная концентрация окиси углерода. Смерть настигла этих людей неожиданно, прервав их занятия.

Стараясь передвигаться бесшумно, как будто он боялся разбудить давно умерших моряков, Питт осторожно взял со стола вощеные дощечки и аккуратно освободил их ото льда. Потом он расстегнул костюм и убрал их во внутренний карман.

Питт уже не замечал холода, нервное напряжение заставило его вспотеть. Он был полностью поглощен увиденным и не сразу услышал требовательный голос Джордино в наушниках.

– Ты еще с нами? – повторял встревоженный голос друга. – Ответь же, черт бы тебя побрал!

Питт пробормотал что-то неразборчивое.

– Повтори! Тебе нужна помощь?

Голос Джордино в конце концов все-таки вывел Питта из транса.

– Сообщи Найту, что его худшие опасения подтвердились, – уже вполне внятно ответил Питт. – Это действительно античное судно. Если же нужны доказательства, – монотонным голосом продолжил он, – я могу ему предъявить всю команду этого корабля.

18

– Тебя к телефону! – крикнула из окна кухни жена Юлиуса Шиллера мужу.

Шиллер, занятый приготовлением барбекю на заднем дворе своего уютного, утопающего в тени деревьев домика в Чеви-Чейз, вздохнул:

– Кто там?

– Он не представился, но, по-моему, это Дейл Николс.

Шиллер снова вздохнул и пошел в дом.

– Выйди посмотри, чтобы мясо не сгорело.

Встретившись с мужем на пороге, миссис Шиллер чмокнула его в щеку. Он вошел в кабинет, плотно закрыл дверь, сел за стол и взял трубку.

– Я слушаю.

– Здравствуй, Юлиус, это Дейл.

– Что случилось?

– Извини, что звоню в воскресенье. Я оторвал тебя от чего-то важного?

– Я готовил барбекю.

– Ты смелый человек. На улице только сорок пять градусов.

– Заодно мусор можно сжечь из гаража.

– Моя любимая еда – стейки и яйца.

Шиллер правильно понял упоминание о яйцах и включил шифратор[23].

– Ладно, Дейл, что у тебя?

– Я хотел сообщить о Гале Камиль. Замена прошла гладко.

– Ее двойник в госпитале Уолтера Рида? – спросил Шиллер.

– Да, под надежной охраной.

– Кто взялся за эту роль?

– Актриса Тери Руни. Грим, я бы сказал, великолепный. Ее невозможно отличить от Генерального секретаря, не столкнувшись нос к носу. В качестве необходимого фона мы организовали пресс-конференцию с врачами. Они ярко обрисовали, насколько тяжело ее положение.

– А Камиль?

– Она оставалась на самолете ВВС, который доставил ее из Гренландии. После дозаправки он вылетел в Бакли-Филд, это около Денвера. Оттуда ее отправили вертолетом в Брекенридж.

– Это лыжный курорт в Колорадо?

– Да. Она там отдыхает в шале сенатора Питта, расположенном недалеко от города. У нее никаких ранений, кроме нескольких царапин и легкого обморожения.

– Как она отнеслась к этим вынужденным мерам?

– Пока никак. Во время перевозки из госпиталя в Туле ее накачали успокаивающими препаратами. Но она все узнает, когда мы познакомим ее с разработанным нами планом операции по безопасной доставке ее в Нью-Йорк на открытие сессии Генеральной Ассамблеи. Близкий к ней источник сообщает, что она планирует обвинить Язида, разоблачить его как религиозного фанатика и представить доказательства его террористической деятельности.

– Я читал доклад этого источника, – сообщил Шиллер.

– До открытия сессии осталось пять дней. Язид использует все доступные ему средства, чтобы устранить ее.

– Придется держать ее во льдах, пока не наступит время выйти на сцену, – без малейшего намека на шутку заявил Шиллер.

– В настоящий момент она в безопасности, – заверил Николс. – У тебя есть свежая информация от египетского правительства?

– Президент Хасан готов к любому сотрудничеству с нами, во всяком случае, когда речь идет о Камиль. Он пользуется каждым часом, который может купить или украсть, чтобы запустить новые экономические реформы, и заменяет военных лидеров людьми, которым может доверять. Гала Камиль – единственный человек, мешающий Язиду предпринять немедленную попытку свержения египетского правительства. Если убийцы Язида сумеют остановить Камиль раньше, чем ее речь пройдет по каналам мировых информационных агентств и станет доступной средствам массовой информации, существует реальная опасность, что Египет станет вторым Ираном еще до конца текущего месяца.

– Не волнуйся, – заверил Николс, – Язид ни о чем не догадается, а потом будет слишком поздно.

– Полагаю, она под надежной охраной?

– В Колорадо направили лучшую команду агентов секретной службы. Президент лично руководит операцией.

В дверь постучала жена Шиллера и громко сообщила, не открывая дверь:

– Стейки готовы, Юлиус.

– Я приду через минуту, – ответил он.

Николс услышал разговор.

– Это все, что я хотел сообщить. Можешь спокойно отправляться есть мясо.

– Я бы чувствовал себя спокойнее, если бы в деле участвовало ФБР.

– Служба безопасности Белого дома предусмотрела все. Президент решил максимально сузить круг посвященных.

Шиллер на минуту задумался:

– Ох, что-то мне неспокойно, Дейл.

– Поверь мне, волноваться не о чем. Гала Камиль прибудет в нью-йоркскую штаб-квартиру ООН в полной боевой готовности.

– Дал бы Бог!

Шиллер положил телефонную трубку. Его не покидали опасения и самые дурные предчувствия. Он искренне надеялся, что служба безопасности Белого дома знает, что делает.

* * *

А на другой стороне улицы в фургоне «форда» с надписью «Слесарно-водопроводные работы. Круглосуточное обслуживание» сидело три человека. Фургон был до отказа набит электронной прослушивающей аппаратурой.

Они заступили на пост пять часов назад и с тех пор отчаянно скучали. Наблюдение, должно быть, самая скучная работа после поиска ржавчины на рельсах. Они были злы и раздражены. Один из мужчин курил, двое других мучились от духоты. Все трое замерзли и не имели возможности размяться. Бывшие агенты, специалисты по контршпионажу, они вышли в отставку и теперь работали по контрактам.

Многие агенты в отставке периодически выполняли работы для правительства, но эти трое были исключением. Они больше уважали деньги, чем патриотический долг, и продавали информацию, которую им удавалось добыть, тем, кто больше заплатит.

Один из них, тощий, лохматый блондин, не отрываясь смотрел в бинокль на закрашенное окно кабинета Шиллера.

– Он уходит, – проговорил бывший агент.

Тучный мужчина в наушниках, склонившийся над магнитофоном, кивнул:

– Он закончил разговор.

Третий, имевший роскошные напомаженные усы, манипулировал лазерным параболическим микрофоном, обладавшим сверхвысокой чувствительностью, и мог улавливать звуки голосов в комнате благодаря создаваемой ими вибрации оконного стекла. Колебания усиливались с помощью оптоволоконной техники и записывались на обычный магнитофон.

– Что-нибудь интересное? – полюбопытствовал взъерошенный блондин.

Толстый агент снял наушники и вытер пот со лба:

– Думаю, на свою долю от продажи этой бомбы я куплю лодку.

– Мне тоже нравятся денежки.

– Эта информация стоит больших денег, только надо знать, кому ее продать.

– Кого ты имеешь в виду? – спросил человек с усами.

Толстый улыбнулся как сытый койот:

– Богатенького дельца, который страстно желает договориться с Ахмедом Язидом.

19

Президент поднялся из-за стола и кивнул вошедшему в Овальный кабинет директору ЦРУ Мартину Брогану. С некоторых пор брифинг проводился каждое утро.

Формальный обмен рукопожатиями между двоими мужчинами, занимавшими самое высокое положение в стране, прекратился почти сразу же после того, как их встречи стали ежедневными. Худощавый и неизменно учтивый Мартин Броган против этого ничуть не возражал. Его узкие, с тонкими, длинными пальцами музыканта руки изрядно страдали от медвежьих пожатий президента, вес которого перевалил за двести фунтов.

Броган дождался, пока президент сел, и только после этого сам опустился на удобный кожаный стул. Согласно установленному ритуалу, президент налил кофе в большую кружку, добавил ложку сахару и передал Брогану.

Затем он провел рукой по своей посеребренной сединой шевелюре и внимательно взглянул на Брогана:

– Итак, какие секреты стали вам известны сегодня утром?

Броган пожал плечами и передач президенту тонкую кожаную папку.

– В девять часов утра по московскому времени советский президент Георгий Антонов по дороге в Кремль трахнул свою любовницу на заднем сиденье лимузина.

– Я могу только позавидовать такому способу начинать рабочий день, – ухмыльнулся президент.

– Он также сделал два телефонных звонка из машины. Один – Сергею Корнилову, руководителю советской программы космических исследований, другой – своему сыну, работающему в коммерческом отделе советского посольства в Мексике. Запись разговоров на страницах четыре и пять.

Президент открыл папку, нацепил на нос очки для чтения и пробежал глазами указанные страницы, как всегда удивляясь расторопности работы разведки.

– А как провел господин Антонов остаток дня?

– В основном он занимался внутренними делами. Вы бы вряд ли захотели оказаться на его месте. Состояние советской экономики день ото дня ухудшается. Реформы не работают. А старая гвардия в Политбюро вовсю копает под него. Военные также недовольны его предложениями по вооружениям и предпринимают шаги для сближения с оппозицией. Население также начало высказывать возмущение, тем более что очереди в магазинах становятся все длиннее, а продуктов – все меньше. Наши оперативники докладывают, что на стенах домов все чаще появляются написанные краской лозунги, призывающие к свержению режима. Объем промышленного производства снизился еще на два процента. Существует высокая вероятность того, что Антонов будет отстранен от власти еще до наступления следующего лета.

– Если мы не справимся с бюджетным дефицитом, я могу оказаться в одной лодке с ним, – невесело усмехнулся президент.

Броган промолчал. Да от него никто и не ждал ответной реплики.

– Каковы последние новости из Египта?

– Президент Хасан в полном смысле висит на волоске. Военно-воздушные силы пока за него, но армейские генералы уже близки к тому, чтобы объединиться с Язидом. Министр обороны Абу Хамид имел тайную встречу с Язидом в Порт-Саиде. Наши информаторы сообщают, что президент Хасан не изменит своей позиции. Он не желает попасть под диктат фанатиков Язида, и ему нужна помощь.

– Думаете, Язид сдастся?

Броган, не задумываясь, покачал головой:

– Конечно нет. Он не намерен делиться властью. Хамид явно недооценил наглую целеустремленность Язида. Мы как раз раскрыли заговор, имевший целью установить взрывчатое устройство в личный самолет Хамида.

– Вы его предупредили?

– Мне нужна была ваша санкция.

– Считайте, что вы ее получили, – сказал президент. – Только учтите, что Хамид подозрителен. Он может подумать, что это наша уловка, чтобы окончательно оторвать его от Язида.

– Мы дадим ему имена киллеров, и Хамид может удостовериться сам, если ему нужны доказательства.

Президент откинулся на спинку кресла и несколько секунд смотрел в потолок.

– Мы можем связать Язида с катастрофой самолета, на котором находилась Гала Камиль?

– Существуют только косвенные улики, – признан Броган. – Мы не сможем сделать никаких конкретных выводов, пока следственная комиссия не закончит свою работу. Пока обнаружено только несколько фактов. Точно известно, что настоящий летчик был убит. Его тело обнаружено в машине, припаркованной неподалеку от аэропорта Хитроу.

– Похоже на действия мафии.

– Да, за исключением того, что убийца великолепно загримировался, фактически превратившись в двойника пилота. После взлета он убил второго пилота и бортинженера, введя им высокотоксичное вещество. Затем он изменил курс самолета и покинул его над Исландией.

– Думаю, он работал с командой отлично обученных профессионалов, – сказал президент, поневоле восхищенный тщательно продуманным планом.

– У нас есть все основания считать, что он действовал один, – сказал Броган.

– Один? – недоверчиво переспросил президент. – Тогда этот сукин сын чертовски умен и изворотлив.

– Изощренное хитроумие – визитная карточка известного нам Сулеймана Азиза Аммара.

– Террорист?

– Ну… не в полном смысле этого слова. Аммар – один из самых умных убийц, с которыми мне доводилось сталкиваться. Жаль, что он играет против нас.

– Никогда не повторяйте ничего подобного в присутствии либералов из конгресса, – криво усмехнулся президент.

– И представителей средств массовой информации, – добавил Броган.

– У вас есть на него досье?

– В метр толщиной! Он настоящий король маскировки. Хороший мусульманин, не слишком интересующийся политикой, наемник, не замеченный в связях с исламскими фанатиками. Аммар запрашивает за работу огромные суммы и всегда их получает. Успешно занимается бизнесом. Его состояние оценивается в шестьдесят миллионов долларов. Он никогда не действует по установившимся правилам и редко повторяется. Он сам тщательно продумывает и разрабатывает свои планы до мельчайших, несущественных деталей и сам их выполняет. Все они выглядят как несчастные случаи. Он не оставляет улик, которые могли бы связать его с выполненными им операциями. Если Аммар идет к цели, невинные жертвы для него ровным счетом ничего не значат. По нашим предположениям, на его счету более сотни смертей за последние десять лет. Если будет доказано, что он пытался убить Галу Камиль, это будет его первый известный провал.

Президент поправил очки и снова вернулся к отчету о катастрофе:

– Я, должно быть, что-то пропустил. Если он планировал, что самолет исчезнет в океане, зачем ему было травить пассажиров?

– В том-то все и дело, – объяснил Броган. – Мои аналитики считают, что Аммар не убивал пассажиров.

Президент не сумел скрыть удивления:

– Вы меня совсем запутали, Мартин. Что, черт возьми, вы имеете в виду?

– В Туле вылетели патологоанатомы из лабораторий ФБР, чтобы произвести аутопсию трупов. В телах пилотов была обнаружена гигантская доза зарина. Одной пятидесятой части ее было достаточно, чтобы убить человека. Но пассажиры умерли от манцинеллы[24], добавленной в пищу.

Броган сделал паузу, чтобы выпить несколько глотков кофе. Президент нетерпеливо ждал, постукивая карандашом по настольному календарю.

– Манцинелла, или ядовитая гуайява, растет по берегам Карибского моря и Мексиканского залива, – продолжил Броган. – Это дерево со смертоносными, но тем не менее сладкими плодами, похожими на яблоки. Карибские индейцы используют сок ядовитой гуайявы, чтобы отравить наконечники стрел. Отведав ядовитых плодов, умирали и древние мореплаватели, и современные туристы.

– Ваши аналитики считают, что убийцы такого калибра, как Аммар, не станут связываться с манцинеллой?

– Что-то вроде этого, – согласился Броган. – У Аммара достаточно обширные связи, чтобы купить или украсть зарин в Европе. Манцинелла – это нечто другое. Ее нельзя взять с полки. Да и действует она далеко не сразу, а Аммару надо было убить быстро. В общем, я тоже нахожу маловероятным, что Аммар стал бы связываться с ядом.

– Если не араб, тогда кто?

– Мы не знаем, – ответил Броган. – Совершенно точно, это ни один из троих уцелевших. Единственный след, да и то слабый, ведет к мексиканскому делегату по имени Эдуардо Ибарра. Это единственный пассажир, кроме Галы Камиль, кто ничего в самолете не ел.

– Здесь сказано, что он погиб при крушении. – Президент снова начал просматривать текст. – Как он мог добавить в пищу яд так, чтобы никто не заметил?

– Мы полагаем, что это было сделано еще при упаковке продуктов на складе компании, которая поставляет провизию для авиалиний. Британские следователи сейчас проверяют этот след.

– Может быть, Ибарра невиновен, а не ел по какой-то другой причине, связанной с состоянием его здоровья?

– Как сообщила уцелевшая стюардесса, Тала ужин проспала, а Ибарра жаловался на расстройство желудка.

– Вполне возможно, он сказал правду.

– Но потом стюардесса заметила, что он ест сэндвич, который достал из портфеля.

– Тогда он знал, что пища отравлена.

– Похоже на то.

– Почему же он рискнул подняться на борт, если знал, что все, кроме него, умрут?

– На всякий случай. Вдруг он собирался убрать всю мексиканскую делегацию.

Президент снова оторвался от чтения и проявил интерес к потолку.

– Понятно, что Камиль – заноза в заднице Язида. Он платит Аммару за ее уничтожение. Тот небрежно выполняет работу, и самолет не падает в океан, как было запланировано, а производит посадку в Гренландии. Итак, это тайна номер один. Назовем ее египетской связью. Тайна номер два – мексиканская связь. Она куда более туманна. Нет ни одной видимой причины массового убийства, а единственный подозреваемый мертв. Будь я судьей, я бы отклонил дело за недостаточностью улик.

– Позвольте, я продолжу, – сказал Броган. – У нас нет сведений о террористических движениях, действующих в Мексике.

– Вы забыли о Топильцине, – неожиданно заявил президент.

– Мы не забыли ни о Топильцине, – заверил его Броган, – ни о том, что он сделал с Гаем Ривасом. С ним мы можем разобраться в любой момент. Вам достаточно только сказать.

Президент горестно вздохнул и ссутулился в кресле.

– Если бы все было так просто! Щелкнул пальцами – и ЦРУ убирает лидера оппозиции иностранного государства. Риск слишком велик. Кеннеди это понял и оставил мысль о попытке устранить Кастро.

– Рейган не возражал против попыток достать Муамара Каддафи.

– Да, – устало согласился президент, – он же не знал, что Каддафи надует всех и умрет от рака.

– С Топильцином нет смысла рассчитывать на такое везение. Судя по сообщениям медиков, он здоров как бык.

– Этот человек безумен. Если он придет к власти в Мексике, для нас это будет катастрофа.

– Вы прослушали запись, сделанную Ривасом?

– Четырежды, – вздохнул президент, – этого достаточно, чтобы начали сниться кошмары.

– А если Топильцин все-таки сумеет свалить теперешнее правительство и выполнит свою угрозу послать миллионы мексиканцев через нашу границу захватить юго-восточные районы Америки? – осторожно поинтересовался Броган.

Президент ответил до странности мягко и спокойно:

– Тогда у меня не будет другого выхода – и я прикажу своим вооруженным силам считать эту орду нелегалов иностранными захватчиками.

* * *

Вернувшись в штаб-квартиру ЦРУ в Лэнгли, Броган обнаружил, что его ожидает помощник военно-морского министра Элмер Шоу.

– Извините, что помешал, – сказал Шоу. – Я знаю, как вы заняты, но у меня есть новости, которые, я уверен, вас заинтересуют.

– Должно быть, это важные новости, раз вы пришли лично.

– Они действительно важные.

– Проходите и садитесь. Ваши новости хорошие или плохие?

– Очень хорошие.

– Тогда все остальное может подождать, – объявил Броган. – Буду счастлив услышать для разнообразия что-нибудь хорошее.

– Наш научно-исследовательский корабль «Полярный исследователь» вел поиски пропавшей советской субмарины класса «альфа».

– Я знаю, – перебил его Броган.

– Так вот, она найдена.

Глаза Брогана на мгновение удивленно расширились, после чего он, довольно улыбнувшись, стукнул кулаком по столу. Шоу не смог вспомнить, доводилось ли ему когда-нибудь видеть такое довольное выражение лица директора ЦРУ.

– Мои поздравления. Субмарины класса «альфа» – лучшие в обоих флотах. Ваши люди сработали мастерски.

– Ну лодка-то пока еще не наша, – сказал Шоу.

Глаза Брогана снова сузились.

– А что русские? Они знают о нашем открытии?

– Не думаю. Вскоре после обнаружения затопленной субмарины наш корабль сошел с намеченного курса и принял участие в спасательной операции на месте крушения самолета с делегацией ООН. Получилась превосходная дымовая завеса. Наши агенты в ВМФ России подтверждают, что там все спокойно. Фотографии флота русских в Северной Атлантике, сделанные со спутника, подтверждают, что ни один корабль не изменил курс и не пошел в район поиска.

– Странно, – задумчиво протянул Броган, – почему они не послали свой корабль по следу «Полярного исследователя».

– Они послали, – объяснил Шоу. – И вообще они довольно внимательно следили за нашими операциями. Они не мешали, справедливо считая, что наши более совершенные подводные поисковые технологии помогут нам справиться там, где они потерпели бы неудачу. Кроме того, они рассчитывали, что, обнаружив субмарину, наши моряки как-нибудь себя выдадут.

– Но они этого не сделали.

– Нет, – уверенно заявил Шоу. – Правила безопасности соблюдались самым строгим образом. Об истинной цели поиска знал только капитан и два специалиста из НУМА, которые непосредственно вели поиск. Остальные члены команды были уверены, что цель исследований – перемещение айсбергов и геология дна. Доклад об успешном завершении поисков был доставлен мне лично помощником капитана «Полярного исследователя», так что у русских не было возможности прослушать наши линии связи.

– Хорошо. Что мы теперь будем делать? – спросил Броган. – Не сомневаюсь, что русские не допустят повторения инцидента с «Гломар эксплорер». И район, где исчезла субмарина, будет постоянно патрулироваться их кораблями.

– Мы думаем о подводной спасательной операции, – сказал Шоу.

– Когда?

– Если мы начнем подготовку немедленно и произведем некоторую модификацию существующего подводного оборудования, сможем приступить к операции через десять месяцев.

– Итак, пока мы игнорируем субмарину?

– Совершенно верно, – ответил Шоу. – Кстати, произошло еще одно событие, которое поможет нам запутать Советы. И здесь флоту необходима ваша помощь.

– Слушаю.

– Во время спасательных операций и расследования причин авиакатастрофы люди из НУМА, участвовавшие в поисковых работах, неожиданно наткнулись на затонувшее судно, которое вполне может оказаться древним римским кораблем, которому уже более десяти веков.

Броган покосился на Шоу с изрядной долей скептицизма.

– В Гренландии?

Шоу кивнул.

– По предварительным заключениям экспертов это действительно так.

– Что же может сделать ЦРУ, чтобы помочь флоту разобраться с обломками древнего корабля?

– Организовать небольшую дезинформацию. Было бы очень кстати, если в русские поверили, что «Полярный исследователь» был занят поисками именно этого корабля.

Броган заметил на своем интеркоме мигающую лампочку.

– Неплохая идея. Будем разбрасывать крошки хлеба по ложной дорожке и в то же время готовиться захватить их новейшую субмарину.

– Что-то вроде этого.

– А что вы будете делать с римскими обломками?

– Начнем разработку нового археологического проекта, который станет прикрытием действительной операции. «Полярный исследователь» останется на месте раскопок, и команда примет в них непосредственное участие.

– Субмарина находится близко к этому месту?

– Около десяти миль.

– Есть данные о ее состоянии?

– Обнаружены некоторые механические повреждения, вызванные столкновением с возвышением на дне, но в основном она цела.

– А римское судно?

– Наши люди утверждают, что нашли отлично сохранившиеся тела экипажа.

Броган встал из-за стола и проводил Шоу к двери.

– Невероятно, – восхищенно пробормотал он, после чего задорно усмехнулся. – Интересно, там обнаружатся какие-нибудь древние государственные секреты?

Шоу тоже вежливо улыбнулся.

– Лучше бы тайник с сокровищами.

Собеседники еще не знали, что в течение ближайших сорока восьми часов им предстоит вспомнить эти шутливые фразы, которыми они обменялись напоследок.

20

Команда «Полярного исследователя» под руководством археологов прорубала дорогу к попавшему в ледяной плен судну. Слой за слоем они убирали лед, и вскоре верхняя палуба оказалась очищенной от форштевня[25] до ахтерштевня.

Всех работавших на льду фьорда неодолимое любопытство влекло к месту раскопок. Только Питт и Лили не участвовали в работах. Они оставались на борту ледокола и занимались изучением вощеных дощечек.

Моряки и археологи, летчики и следователи, изучавшие причины авиакатастрофы, подходя к месту раскопок, поневоле замолкали. Люди смотрели на частично очищенное ото льда судно, испытывая почтительное благоговение перед хранимыми им тайнами веков.

Хоскинс и Грэхем измерили корпус. Длина судна составляла около двадцати метров, ширина – восемь метров. От мачты остался обломок в два метра от основания, и верхняя часть пока не была найдена. Остатки бегучего такелажа[26] змеились по палубе, словно были сброшены с высоты. От некогда больших парусов остались только обрывки полотна.

Покрытие палубы было проверено на прочность. Оказалось, что оно осталось таким же прочным, как в тот день, когда судно покинуло уже давно забытую древнюю средиземноморскую судоверфь. Артефакты, находившиеся на палубе, были осмотрены, сфотографированы, затем осторожно подняты и перевезены на борт «Полярного исследователя» для полной очистки и составления каталога. После обработки все найденные предметы были уложены в холодильные камеры, чтобы не допустить их разрушения до ввоза в страну, которой еще не существовало, когда древнее торговое судно вышло в свой последний рейс.

Гронквист, Хоскинс и Грэхем не разбирали то, что осталось от рубки, и не заглядывали в камбуз. Очень медленно, пожалуй, даже нежно, они приоткрыли крышку люка, ведущего в грузовой трюм. Гронквист лег на живот и просунул голову и плечи в образовавшееся отверстие. Он сползал вниз до тех пор, пока балки перекрытия не перестали загораживать ему обзор.

– Они там? – взволнованно спросил Грэхем. – Они именно такие, как описывал Питт?

Гронквист долго смотрел на ужасные белые лица, превратившиеся в посмертные маски. Ему на секунду показалось, что, если он спустится вниз, соскребет лед и как следует встряхнет этих людей, они откроют глаза и вернутся к жизни.

Он немного помедлил, прежде чем ответить. Дневной свет позволял ему хорошо видеть весь трюм, и он заметил две фигуры, прижавшиеся друг к другу в самом дальнем углу, которых не видел Питт.

– Они именно такие, как говорил Питт, – хрипло проговорил он. – Только здесь есть еще девочка и собака.

* * *

Питт стоял возле палубного крана и наблюдал, как Джордино разворачивает вертолет НУМА над кормой «Полярного исследователя». Спустя пятнадцать секунд шасси коснулось нарисованного на палубе центра посадки, рев турбин стих, и винты мало-помалу остановились.

Правая дверца открылась, и на палубу спрыгнул очень высокий человек в коричневой вельветовой куртке, брюках такого же цвета и ботинках. Куртка была расстегнута на груди, открывая высокий ворот зеленого свитера. Человек огляделся, словно не сразу понял, где находится, потом заметил Питта, помахал ему рукой и пошел навстречу. Он двигался мягкой кошачьей походкой, съежившись и глубоко засунув руки в карманы. Судя по всему, он не был привычен к арктическому холоду.

Питт сделал шаг навстречу гостю и сразу провел его в теплую каюту.

– Доктор Редферн?

– А вы Дирк Питт?

– Совершенно верно, я Питт.

– Наслышан о ваших подвигах.

– Благодарю за то, что выкроили время приехать сюда. Я знаю, насколько вы загружены работой.

– Смеетесь? – расхохотался Редферн, глядя на Питта горящими энтузиазмом глазами. – Да я не задумываясь бросил все свои дела! Не существует археолога, который не отдал бы все на свете, чтобы очутиться на моем месте. Когда я смогу взглянуть на ваши находки?

– Через десять минут стемнеет. Думаю, будет лучше, если вы пока побеседуете с доктором Гронквистом, археологом, который руководит раскопками. Он покажет вам предметы, найденные на верхней палубе. А завтра с первыми лучами солнца вы сможете увидеть все своими глазами.

– Звучит заманчиво.

– У вас есть багаж? – спросил Питт.

– Предпочитаю путешествовать налегке. У меня с собой только портфель и небольшая сумка.

– Ал Джордино…

– Пилот вертолета?

– Да. Он проследит, чтобы ваши веши отнесли в комнату, где вы будете жить. А сейчас, если вы последуете за мной, я обеспечу вас какой-нибудь согревающей жидкостью и пищей для ума.

Доктор Мел Редферн был человеком очень высокого роста. Он заметно возвышался над Питтом и был вынужден согнуться чуть ли не вдвое, чтобы пройти через низкий дверной проем. Его светлые волосы начали редеть и росли на лбу треугольным выступом, за стеклами очков в тонкой оправе живо поблескивали внимательные серо-голубые глаза. Его длинное тело было достаточно подтянутым для человека, которому перевалило за сорок, но небольшой живот уже был заметен даже при не слишком внимательном взгляде.

В прошлом звезда баскетбольной команды колледжа, он потом стал играть за профессионалов. Получив степень доктора антропологии, Редферн обнаружил незаурядный талант в области подводных исследований и со временем стал одним из ведущих экспертов в классической подводной археологии. Его имя было известно во всем мире.

– Как прошел перелет из Афин в Рейкьявик? – поинтересовался Питт.

– Превосходно. Я в основном спал, – бодро ответил Редферн. – А вот пока военный самолет летел от Исландии до эскимосского поселения, расположенного в сотне миль отсюда, я едва не превратился в ледышку. Надеюсь, здесь можно будет раздобыть теплую одежду? У меня с собой ничего нет! Я собирался на теплые греческие острова и не планировал оказаться за полярным кругом.

– Командир нашего корабля Байрон Найт обо всем позаботится, – заверил гостя Питт. – Если не секрет, над чем вы работали в Греции?

– Греческое судно второго века до нашей эры, затонувшее с грузом мраморных скульптур, – ответил Редферн и, не в силах больше сдерживать одолевавшее его любопытство, приступил к расспросам: – Кстати, в радиограмме не было указано, какой груз перевозило ваше судно.

– В трюме я обнаружил только членов экипажа, никакого груза там не было.

– Жаль, конечно, но ничего не поделаешь, – философски заметил Реферн. – Нельзя получить все и сразу, но ведь хочется... Но вы сказали, что оно в основном целое?

– Совершенно верно. Заделать небольшую пробоину, восстановить мачту и такелаж, заменить весла – и можно отправляться в нью-йоркскую гавань.

– Это потрясающе! Доктор Гронквист сумел отнести его к определенному периоду?

– Да, по найденным монетам. Их чеканили примерно в триста девяностом году нашей эры. Мы знаем и название. «Серапис». Оно было написано по-гречески на ахтерштевне.

– Не могу поверить! Полностью сохранившееся византийское торговое судно четвертого столетия! – в восхищении пробормотал Редферн. – Это будет археологическое открытие века! Не могу дождаться, чтобы увидеть все собственными глазами.

Питт привел Редферна в офицерскую кают-компанию, где за столом сидела Лили и копировала надписи с вощеных табличек на бумагу. Питт представил археологов друг другу:

– Доктор Лили Шарп, доктор Мел Редферн.

Лили встала и протянула руку гостю:

– Это для меня большая честь, доктор. Хотя моя специализация – сухопутная археология, я была вашей страстной поклонницей и с интересом следила за вашими подводными работами с тех самых пор, как окончила школу.

– Очень рад нашему знакомству, – вежливо ответил Редферн. – Давайте отбросим церемонии и сразу перейдем на «ты».

– Чем тебя угостить? – спросил Питт.

– Тарелка супа и галлон горячего шоколада оказались бы сейчас весьма кстати.

Питт передач заказ стюарду.

– Да, а о какой пище для ума ты говорил? – спросил Редферн с любопытством ребенка, вскакивающего с постели рождественским утром.

Питт взглянул на гостя и улыбнулся:

– Как у тебя с латынью, Мел?

– Более или менее. Но мне казалось, ты говорил, что судно греческое.

– Оно действительно греческое, – сказала Лили, – но капитан вел журнал на латыни. Мы обнаружили шесть вощеных дощечек с текстом. На седьмой – линии, похоже на карту. Дирк обнаружил их при первом погружении. Я перенесла надписи на бумагу, так что теперь с них можно будет снять копии. Кроме того, я перерисовала карту. Правда, пока нам не удалось определить место – там нет никаких названий.

Редферн опустился на стул и взял в руки одну из табличек. Несколько минут он молча рассматривал ее, причем на его лице было написано почтение, граничащее с благоговением. Потом он отложил в сторону табличку, взял бумаги Лили и начат читать.

Стюард принес гигантскую кружку горячего шоколада и тарелку бостонской похлебки из моллюсков, но Редферн настолько увлекся чтением, что лишился аппетита. Он наугад протянул руку, нащупал кружку и принялся размеренно подносить ее ко рту, делая большие глотки, но при этом не отрывал глаз от бумаг. Спустя десять минут он встал и забегал по кают-компании, бормоча себе под нос латинские фразы и, казалось, совершенно позабыл о своей восхищенной аудитории. Питт и Лили сидели молча, боясь нарушить ход мыслей ученого, но с любопытством наблюдая за его действиями. Редферн остановился, метнулся к столу и снова уставился в бумаги. Нетерпеливое ожидание повисло в воздухе.

Прошло еще несколько минут, и Редферн наконец опустил бумаги на стол, причем его руки заметно дрожали. Потом он сел и невидящими глазами воззрился в пространство перед собой. Его глаза затуманились.

– Вы выглядите так, словно нашли священный Грааль, – не выдержал Питт.

– Что там? – подала голос Лили. – Что вы обнаружили?

Голос Редферна был так тих, что они с трудом расслышали ответ. Он опустил голову и был поглощен собственными мыслями.

– Существует вероятность того, что ваша случайная находка откроет двери к величайшей коллекции сокровищ литературы и искусства, которая когда-либо была известна человечеству.

21

– Теперь, когда вы целиком завладели нашим вниманием, быть может, вы поделитесь своими открытиями? – сухо поинтересовался Питт.

Редферн помотал головой, словно хотел стряхнуть наваждение.

– История, вернее, сага, – по-моему, это слово наиболее подходящее – воистину удивительна. Я сам не в состоянии ее постичь.

Лили спросила:

– На этих табличках объясняется, почему греко-римское судно оказалось так далеко от родных берегов?

– Не греко-римское, – поправил Редферн, – а византийское. Когда «Серапис» вышел в плавание, столица империи была перенесена Константином Великим[27] из Рима на Босфор, где находился греческий город Византии.

– Который позднее стал Константинополем, – добавил Питт.

– А затем Стамбулом, – продолжил Редферн, обращаясь к Лили. – Извини, что сразу не дал прямого ответа. Да, на табличках сказано, почему судно пришло сюда. Чтобы понять это, необходимо вспомнить, что в триста двадцать третьем году до нашей эры в Вавилоне умер Александр Великий. Его империя была разделена генералами. Один из них, Птолемей, стал царем Египта. Он заполучил и тело Александра, поместив его в саркофаг, сделанный из золота и хрусталя. Позднее он воздвиг красивый мавзолей, вокруг которого построил великолепный город, по роскоши превзошедший Афины. В честь бывшего царя город был назван Александрией.

– Какое все это имеет отношение к нашему кораблю? – не поняла Лили.

– Потерпите немного, – сказал Редферн. – Сейчас вы все поймете. Птолемей также создал музей и собрал огромную библиотеку. Его преемники, в том числе и Клеопатра, и более поздние, продолжали пополнять музей ценными манускриптами и предметами искусства, так что со временем музей и в первую очередь библиотека стали величайшим хранилищем литературы и искусства из всех, доселе существовавших. Так продолжалось до триста девяносто первого года нашей эры. В том году император Феодосий и александрийский патриарх Теофилий, человек очень религиозный, решили, что почитание чего бы то ни было, кроме только что возникших христианских догм, есть язычество. Именно они явились вдохновителями уничтожения библиотеки. Статуи, произведения искусства из мрамора и бронзы, золота и кости, картины и гобелены, книги в кожаных и папирусных свитках и даже тело Александра – все это должно было быть сожжено.

– О каких количествах идет речь?

– Только книг нам были десятки тысяч.

Лили покачала головой:

– Какая ужасная потеря!

– Остаться должны были только библейские и церковные письмена, – продолжил рассказ Редферн. – Библиотека и музей в конечном счете были стерты с лица земли арабскими и исламскими армиями примерно в шестьсот сорок шестом году нашей эры.

– Шедевры, которые накапливались веками, – сказал Питт, – были безвозвратно утрачены.

– Да, – согласился Редферн. – Так считалось до сегодняшнего дня. Но если то, что я сейчас прочитал, окажется правдой, самая ценная часть коллекции вовсе не потеряна. Она спрятана.

– Вы хотите сказать, что она существует до сих пор? – переспросила ошарашенная Лили. – Ее не сожгли? Погрузили на судно? Вывезли?

– Во всяком случае, именно это написано на дощечках.

На физиономии Питта явственно отразилось сомнение.

– Но ведь «Серапис» мог вывезти только незначительную часть коллекции. Судно слишком маленькое, его грузоподъемность не более сорока тонн. Экипаж мог разместить в грузовом трюме пару статуй и несколько тысяч свитков, но в нашем случае и речи быть не может о тех количествах произведений искусства, о которых ты говорил.

Редферн покосился на Питта с уважением.

– А ты, однако, проницателен, – сказал он, – и хорошо знаешь морское дело.

– Давай вернемся к нашему судну, – поторопил профессора Питт, – и к тому, как оно оказалось в Гренландии.

Редферн взял листочки с текстом и разложил их в нужном порядке.

– Я не буду дословно переводить латынь четвертого века, – сказал он. – Тогда язык был сухим и формальным. Я постараюсь на английском передать суть того, что здесь написано. Первая запись датирована третьим апреля триста девяносто первого года по юлианскому календарю. Начинается она примерно так: «Я, Кассий Руфинус, капитан судна „Серапис“, состоящий на службе у греческого купца Никиаса в портовом городе Родос, дал согласие перевезти груз для Юния Венатора из Александрии. Рейс предстоит длительный и напряженный. Венатор не называет пункта назначения. В этот рейс со мной отправляется моя дочь Ипатия, и ее мать очень обеспокоена предстоящей долгой разлукой. Но Венатор платит в двадцать раз больше наших обычных ставок, это хороший доход и для Никиаса, и для нас. Груз был доставлен на борт ночью под усиленной охраной. Все было окутано тайной. Во

время погрузки мне и экипажу было предписано оставаться на берегу. На судне осталось четыре солдата под командованием центуриона Домиция Северуса. Они отправятся с нами в рейс. Мне все это чрезвычайно не нравится, но Венатор полностью расплатился с нами, и я не могу нарушить условия контракта».

– Честный человек, – заметил Питт. – Трудно поверить, что он так ничего и не выяснил о характере груза.

– Он узнал правду слишком поздно. Следующие строки – это записи о ходе путешествия. Он также упоминает о происхождении названия своего судна. Я сразу перейду к тому месту, где он говорит о первом заходе в порт.

"Я не устаю благодарить нашего бога Сераписа[28], даровавшего нам спокойное и необременительное путешествие продолжительностью четырнадцать дней до Картаго-Нова, где мы смогли отдохнуть в течение пяти дней и принять на борт четырехкратный по сравнению с обычным запас продовольствия. Здесь мы присоединились к другим кораблям Юния Венатора. Это преимущественно большие суда грузоподъемностью двести тонн. Всего флот Юния Венатора состоит из шестнадцати кораблей, включая флагманский, на котором находится сам Венатор. Наш «Серапис» – самый маленький из них".

– Целый флот! – воскликнула Лили. Не усидев на месте, она вскочила, словно намеревалась немедленно бежать на поиски этого флота. – Они действительно спасли коллекцию!

Редферн, улыбаясь, кивнул.

– Во всяком случае, есть шанс, что им это удалось. Суда грузоподъемностью двести – триста тонн были самыми крупными для той эпохи. Предположим, два судна были загружены продовольствием. Даже если считать грузоподъемность остальных ровно двести тонн, мы имеем общий тоннаж флота две тысячи восемьсот тонн. Этого достаточно, чтобы перевезти как минимум треть сокровищ библиотеки и значительную часть музейной коллекции.

Питт попросил сделать небольшой перерыв. Он взял у стюарда две чашки кофе и поставил одну перед Лили. Потом, подумав, он сходил на камбуз еще раз и принес тарелку с пончиками. Сам он принялся медленно расхаживать между столами, временами прихлебывая кофе: так ему лучше думалось.

– Пока, насколько я понимаю, похищение библиотеки является вашей теорией, – сказал он. – Лично я еще не услышал никаких фактов, ее подтверждающих.

– Об этом сказано далее, – пояснил Редферн. – Описание груза, находившегося на судне, приведено в конце журнала.

Питт окинул морского археолога взглядом, полным нетерпения, и снова сел.

– На следующих табличках Руфинус упоминает о небольших поломках, выполнении ряда ремонтных работ, слухах, дошедших до него в доках, и многочисленных зеваках, посещающих причалы Картаго-Нова. Думаю, вы знаете, что сегодня это порт Картахена. Странно, но он больше ничего не пищет о тревогах в связи с предстоящим путешествием. Он даже не указал дату, когда флот покинул порт. Но самое удивительное – это цензура. Послушайте следующий параграф. «Мы вышли в море. Быстроходные суда берут на буксир тихоходные. Я больше не могу писать. Солдаты следят за всеми моими действиями. По строжайшему приказу Венатора мы не должны делать никаких записей во время этого путешествия».

– Мы собрали вместе кое-какие кусочки головоломки, но главные ее фрагменты отсутствуют, – пробормотал Питт.

– Там должно быть что-то еще, – сказала Лили. – Я точно знаю, я же переписывала текст с табличек.

– Совершенно верно, – согласился Редферн, перелистывая страницы. – Вот что Руфинус пишет спустя одиннадцать месяцев: «Теперь я могу свободно писать все, что захочу, о нашем ужасном путешествии, не опасаясь наказания. Венатор и его армия рабов, Северус и легионеры, а также все судовые команды уничтожены варварами. Флот сожжен. „Серапис“ уцелел, потому что мой страх перед Венатором сделал меня осторожным. Я узнал, что за груз мы перевозили, и запомнил место, где его спрятали. Такие секреты должны держаться в тайне от простых смертных. Я подозревал, что Венатор и Северус планировали убить всех, за исключением самых верных солдат и экипажа одного из кораблей, который обеспечил бы их возвращение домой. Я опасался за жизнь дочери, поэтому вооружил своих людей и приказал им оставаться поблизости от корабли, чтобы мы могли отплыть при первых же признаках опасности. Но варвары нанесли удар первыми. Они убили рабов Венатора и легионеров Северуса. Наши стражники погибли в бою, после чего мы подняли якорь и отвели судно от берега. Венатор пытался спастись и поплыл за нами. Я не мог рисковать жизнями Ипатии и команды и не повернул назад. Учитывая направление течения, такая попытка была бы самоубийственной».

Редферн сделал паузу и пояснил:

– В этом месте Руфинус возвращается назад, к моменту выхода флота из Картахены. «Путешествие из Испании к месту назначения заняло

пятьдесят восемь дней. Погода благоприятствовала, ветер был попутным. За эту милость Серапис потребовал жертву. Два члена команды умерли от неизвестной болезни».

– Должно быть, он имеет в виду цингу, – сказала Лили.

– Древние мореплаватели очень редко совершали долгие рейды без захода в порт, – пояснил Питт. – Цинга стала известна только во время длительных путешествий испанцев. Хотя это ничего не значит, они могли умереть и по другим причинам.

Лили взглянула на Редферна и нерешительно улыбнулась:

– Извини, что перебила. Продолжай, пожалуйста.

– «Сначала мы подошли к острову, населенному варварами, похожими на скифов, но с более темной кожей. Они проявили дружелюбие и с радостью помогли нам пополнить запасы продовольствия и воды. Мы видели вокруг много островов, но флагманский корабль двигался вперед. Только Венатор знал, куда мы направляемся. Наконец мы увидели пустынный, лишенный растительности берег и приблизились к широкому руслу реки. Мы стояли там пять дней и пять ночей, дожидаясь попутного ветра. Затем мы вошли в реку и двинулись вверх по течению, причем временами были вынуждены грести, пока не достигли холмов Рима».

– Холмов Рима? – удивленно воскликнула Лили. – Но этого не может быть!

– Очевидно, это было просто сравнение, – предположил Питт.

– Нелегкая задачка, – согласился Редферн.

– «Рабы, ведомые надсмотрщиком Латинием Мацером, долго вели земляные работы в холмах над рекой. Восемь месяцев спустя груз, доставленный флотом, был выгружен с судов и спрятан под землей».

– Он описал, где именно был спрятан груз? – спросил Питт.

Редферн взял одну из табличек и сравнил ее с копией Лили.

– Некоторые слова написаны неразборчиво. Мне придется как следует поработать, чтобы с максимальной точностью восстановить текст. «Итак, секрет секретов спрятан в холмах в огромной пещере, выкопанной рабами. Этого места не видно с берега из-за острых скал. После того как все работы были завершены, с холмов налетела орда варваров. Я не знаю, успели ли Венатор и его люди вовремя замуровать пещеру, поскольку я был занят – помогал экипажу отвести судно от берега».

– Руфинус не фиксировал расстояния, – разочарованно протянул Питт, – и никогда не указывал направление. К тому же есть шанс, и немалый, что варвары, кто бы они ни были, давно разграбили хранилище.

– Я все-таки не думаю, что случилось худшее, – оптимистично заявила Лили. – Огромная коллекция не могла пропасть бесследно, словно ее никогда не существовало. Какие-нибудь ее части или хотя бы отдельные предметы непременно всплыли бы где-нибудь.

– Все зависит от района, где происходило действие, – сказал Питт. – За пятьдесят восемь дней при средней скорости примерно три с половиной узла суда могли пройти более четырех тысяч морских миль.

– Если они шли по прямой, – вмешался Редферн, – что маловероятно. Руфинус только утверждал, что за пятьдесят восемь суток они ни разу не пристали к берегу. Путешествуя в незнакомых водах, они наверняка были вынуждены держаться невдалеке от береговой линии.

– Но в каком направлении они двигались? – спросила Лили.

– Наиболее логично предположить, что к южному побережью Западной Африки, – сообщил Редферн. – Финикийское судно обошло по часовой стрелке вокруг Африки еще в пятом веке до нашей эры. Карты этого маршрута уже существовали во времена Руфинуса. Здравый смысл подсказывает, что Венатор после прохождения Гибралтарского пролива повернул свой флот на юг.

– Ну я бы не был столь категоричен, – сказал Питт. – Руфинус описывает острова.

– Это могут быть Мадейра, Канары или острова Кейп-Верде.

– Все равно не получается. Невозможно объяснить, каким образом «Серапис» оказался в другом конце земного шара, преодолев расстояние от юга Африки до Гренландии. Это все же более восьми тысяч миль.

– Ты прав. Это меня тоже смущает.

– Лично я голосую за северное направление, – с энтузиазмом заявила Лили. – Почему это не могут быть Шетландские или Фарерские острова? Раскопки при этом придется вести вдоль побережья Норвегии, а может быть, и Исландии.

– Я согласен с точкой зрения Лили, – сообщил Питт. – Эта теория прекрасно объясняет, как «Серапис» оказался в Гренландии.

– Руфинус описал, как им удалось спастись от варваров? – спросила Лили.

Редферн залпом допил свой шоколад, уже, к сожалению, остывший, и продолжил:

– «Мы вышли в открытое море. Процесс плавания был нелегким. Звезды занимали другое положение, да и солнце было не на своем обычном месте. С юга то и дело налетали яростные штормы. На десятый день один из наших людей был смыт за борт. Нас сносило в северном направлении. На тридцать первый день наш бог привел нас в спокойную бухту. Мы смогли выполнить необходимый ремонт и запастись продовольствием. Также мы увеличили балласт. Недалеко от берега виднелось бескрайнее море карликовых сосен. Почва была насыщена влагой. Достаточно было воткнуть в песок палку, и из него начинала сочиться пресная вода. После шести дней плавания последовало еще одно потрясение, гораздо хуже, чем предыдущее. Теперь наши паруса бесполезны. Страшный шторм сломал мачту и унес рулевые весла. Много дней мы дрейфовали, оставаясь совершенно беспомощными, отдавшись на волю ветра и волн. Я потерял счет дням. Спать было невозможно. Вода была очень холодной. На палубе стал намерзать лед. Судно лишилось остойчивости. Я приказал своему измученному и окоченевшему экипажу сбросить кувшины с водой и вином за борт»... Вот откуда взялись амфоры, найденные вами на дне при подходе к фьорду, – сказал Редферн и продолжал: – "Вскоре после того как нас занесло в длинный, узкий залив, мы сумели подвести судно к берегу и тут же провалились в глубокий сон, длившийся два дня и две ночи. Серапис – недобрый бог. Наступила зима, и лед сковал судно. У нас не было выбора, оставалось только попытаться пережить зиму в ожидании теплых дней. На противоположном берегу залива мы обнаружили поселение варваров. Оказалось, что они готовы торговать с нами. Мы покупали у «их еду. Они использовали наши золотые монеты в качестве украшений, не имея понятия об их стоимости. Они показали нам, как можно согреться, сжигая жир гигантских рыб. Мы сыты и, я надеюсь, выживем. У меня появилось много свободного времени, и я решил каждый день вести записи. Сегодня я опишу груз, который рабы Венатора выгрузили из трюма моего судна. Никто не видел, что я наблюдал за процессом выгрузки из камбуза и даже вел некоторые записи. При виде одного большого предмета все упали на колени, всем своим видом выражая почтение».

– Что он имеет в виду? – спросила Лили.

– Терпение, – ответил Редферн. – Слушайте. «Триста двадцать медных труб с маркировкой Геологические карты. Шестьдесят три крупных гобелена. Они были обернуты вокруг большого, изготовленного из золота и хрусталя саркофага, в котором находился прах Александра. Мои колени задрожали. Я видел его глаза сквозь...» К сожалению, на этом текст обрывается, – грустно сказал Редферн. – Он не окончил

фразу. На последней табличке изображена конфигурация береговой линии и направление течения реки.

– Саркофаг с телом Александра Великого, – взволнованно прошептала Лили. – Неужели он так и лежит в какой-то пещере?

– Вместе с другими сокровищами Александрийской библиотеки, – добавил Редферн. – Увы, мы можем только уповать на это, но сделать, к сожалению, не можем ничего.

Реакция Питта была совершенно другой. Он казался совершенно уверенным в себе, когда заявил:

– Надежда – это для мечтателей. А я человек действия и утверждаю, что смогу найти эту античную реликвию за тридцать, нет, пожалуй, даже за двадцать дней.

Глаза Лили и Редферна удивленно округлились. Они взирали на Питта с подозрением, каким обычно взирают на политика, обещающего снизить налоги. Иными словами, они ему не поверили.

– Заливаешь, – вздохнула Лили.

Но Питт был воплощением искренности:

– Давайте взглянем на карту.

Редферн передал ему копию, которую Лили сделала с рисунка на дощечке, увеличив его. В общем-то там нечего было рассматривать – только набор волнистых линий, расположенных, казалось бы, абсолютно произвольно.

– Она нам ничего не даст, – сказал ученый, – здесь нет никаких названий.

– Этого вполне достаточно, – заявил Питт сухим и уверенным тоном, – чтобы привести нас к цели.

В четыре часа утра Питт проснулся. Он автоматически перевернулся на другой бок, чтобы снова провалиться в сон, но тут до него дошло, что он в каюте не один. Кто-то включил свет и разговаривает с ним:

– Извини, дружок, но тебе придется встать.

Питт зевнул, приоткрыл один глаз и мрачно уставился на серьезное лицо Байрона Найта.

– Какого черта?

– Приказ с самого верха. Ты должен немедленно отправляться в Вашингтон.

– Они сказали тебе – зачем?

– Если ты еще не понял, поясняю: они – это Пентагон. А теперь отвечаю: нет, они не снизошли до объяснений.

Питт сел и спустил босые ноги на пол.

– А я, признаюсь, надеялся подольше побыть здесь и понаблюдать за раскопками.

– Значит, тебе не повезло, – резюмировал Найт. – Ты, Джордино и доктор Шарп должны вылететь не позднее, чем через час.

– Лили тоже? – Питт встал и направился к туалетному зеркалу. – Понимаю, большие боссы желают расспросить меня и Ала насчет советской субмарины, но Лили-то здесь при чем?

– Хозяева не откровенничают с рабами, – усмехнулся Найт. – Я ничего не знаю.

– А что с транспортом?

– Полетите тем же путем, что Редферн. Вертолетом до эскимосской деревни, оттуда военным самолетом на Исландию, там пересядете на бомбардировщик «Б-52», который возвращается в Штаты на ремонт.

– Мне это не нравится, – сообщил Питт, едва не подавившись зубной пастой. – Если они хотят со мной сотрудничать, почему не прислали личный самолет?

– Ты очень сообразителен для столь раннего часа.

– Если меня вытаскивают из постели еще до рассвета, мне ничего не стоит сказать всем объединенным начальникам штабов, вместе взятым, куда засунуть свои желания.

– Туда же отправится и мое очередное звание, – простонал Найт. – Я буду виновен заодно с тобой.

– Наоборот, держись за меня – и станешь адмиралом.

– Хотелось бы верить.

Питт вытащил изо рта зубную щетку, тщательно вымыл ее и постучал ею Найта по голове:

– Ты имеешь дело с гением и никогда не забывай этого. Отправь радиограмму. Мы полетим на вертолете НУМА прямо на базу ВВС в Туле, а там нас пусть ждет правительственный самолет, который и доставит нас в столицу.

– А может быть, лучше не дразнить голодного добермана, который наконец дождался своей законной миски с мясом?

Питт картинно воздел руки к небу:

– Ну почему здесь никто не верит в мои творческие возможности?

22

Ясный, безоблачный день клонился к закату. Вашингтон готовился к окончанию рабочего дня. Опускающееся солнце заливало холодным светом белый гранит правительственных зданий, превращая его в золотистый мрамор. По голубому небу плыли ватные клочковатые облака, которые с борта приземляющегося «Гольфстрима IV» выглядели как вполне твердая субстанция.

Самолет мог принять на борт девятнадцать пассажиров, но Питт, Джордино и Лили были одни в пассажирском салоне. Самолет еще рулил по взлетной полосе военно-воздушной базы в Туле, а Джордино уже спал и с тех пор ни разу не открыл глаза. Лили то засыпала, то снова просыпалась и в периоды бодрствования читала «Порог» Марлиса Милхайзера.

Питт в течение всего перелета бодрствовал. Он что-то напряженно обдумывал, иногда делал записи в блокноте. Временами он отвлекался и смотрел в окно. Длинные вереницы машин тянулись из центра Вашингтона в жилые районы, сверху они напоминали шевелящиеся щупальца.

Мысленно он снова и снова возвращался к замерзшему экипажу древнего судна, капитану Руфинусу и его дочери Ипатии. Питт искренне сожалел, что не заметил девочку в темноте трюма, хотя камера зафиксировала ее вполне ясно. Девочка лежала в дальнем углу, прижимая к себе маленькую длинношерстную собаку.

Описывая ее, Гронквист вытирал слезы. Питт подумал, что не пожелал бы ей превратиться в музейный экспонат, на который будут глазеть бесконечные вереницы любопытных.

Глядя вниз на Вашингтонскую аллею, которая была отлично видна, когда «Гольфстрим» заходил на посадку, Питт на время отбросил мысли о погребенном подо льдом судне и вернулся к размышлениям о поиске сокровищ Александрийской библиотеки. Он точно знал, что намерен делать. Ему пришлось основывать всю стратегию поиска на тех нескольких линиях, что были нацарапаны на вощеной дощечке рукой умирающего человека. Закон Мерфи, гласящий, что если что-то может пойти неправильно, обязательно так и пойдет, уже начал работать против него.

Линии на карте могут не совпасть с известными географическими очертаниями по целому ряду причин: воск мог деформироваться из-за быстрого перепада температур от очень низкой на погибшем судне до высокой на борту «Полярного исследователя». Руфинус вполне мог ошибиться в масштабе и неточно показать изгибы береговой линии и реки. Но хуже всего было другое: землетрясения и прочие природные катаклизмы, процесс формирования и эрозия грунта, а также перемена климата за прошедшие шестнадцать веков могли неузнаваемо изменить ландшафт.

Питт чувствовал, что в нем загорается дух состязательности. Он чуял запах вызова. Для людей беспокойных, тонко чувствующих вечных мятежников этот запах является чем-то средним между ароматом возбужденной женщины и свежескошенной травы. Он искушает и манит, пока тот, кому брошен вызов, не забывает об опасности и возможности провала. Волнение, всегда связанное с погоней, поиском, значило для Питта ничуть не меньше, чем действительный успех. Когда же он на самом деле достигал почти невозможного, неизбежно наступало разочарование.

Первым препятствием был недостаток времени на поиски. Вторым – советская субмарина. Он и Джордино были обязаны осуществлять надзор за подводной спасательной операцией.

Размышления Питта прервал раздавшийся в динамиках голос пилота, предлагающий пристегнуть ремни. Он видел, как маленькая тень самолета постепенно увеличивается на фоне приближающихся деревьев, уже уронивших листву. Бурая, пожухлая трава мелькнула за окном и сменилась сероватым бетонным покрытием. Пилот вырулил с главной взлетно-посадочной полосы военно-воздушной базы Эндрюс и остановился на площадке возле внушительных размеров фургона «форд-таурус».

Питт помог Лили спуститься по трапу. Потом он вместе с Джордино вынес багаж и положил возле фургона. Водитель, очень молодой юноша – школьников они уже набирают, что ли? – стоял в стороне, словно боялся вмешиваться. Два очень крутых, судя по внешнему виду, молодчика молча уложили багаж в машину.

– Каков наш план? – поинтересовался Питт у водителя, усаживаясь в машину.

– Ужин с адмиралом Сэндекером в его клубе.

– Каким адмиралом? – переспросила Лили.

– Сэндекером, – ответил Джордино. – Это руководитель НУМА. Должно быть, мы сделали что-то хорошее. Это большая редкость – быть приглашенным к нему на ужин.

– Не говоря уже о том, что ужин состоится в клубе Джона Пола Джонса, – добавил Питт.

– Это что-то эксклюзивное?

– Более чем, – кивнул Джордино. – Это хранилище для старых, заржавевших военно-морских офицеров, у которых в жилах течет не кровь, а трюмные воды.

Когда «форд» въехал на тихую узкую улочку Джорджтауна, было уже совсем темно. Миновав пять домов, водитель свернул на посыпанную гравием подъездную аллею и через несколько мгновений остановил машину под портиком особняка из красного кирпича, выстроенного в викторианском стиле. В холле они увидели человека, нетерпеливо расхаживающего взад-вперед по пушистому ковру. Его костюм явно был сшит у очень хорошего портного, но это не добавило ему солидности. Внешне адмирал был очень похож на бойцового петуха. Его физиономия, казалось, состояла из одних острых углов, что всегда наводило Питта на мысль о сидящих на скалах грифах. Ярко-рыжая шевелюра переходила в тщательно подстриженную бородку клинышком.

Адмирал Джеймс Сэндекер не умел спокойно входить в помещение. Он всегда брал его штурмом.

– Очень рад снова видеть вас, парни, – заявил он, но тон его был не столько дружеский, сколько официальный. – Я слышал, что найденное вами древнее судно заставит ученых переписывать учебники по истории. Средства массовой информации уделяют вашей находке большое внимание.

– Нам сопутствовала удача, – ответил Питт. – Позвольте представить вам доктора Лили Шарп. Лили, адмирал Джеймс Сэндекер.

Находясь в обществе привлекательной женщины, адмирал неизменно сиял как маяк. Вот и теперь он устремился к Лили, лучась от счастья:

– Доктор, вы самая прекрасная женщина, которую когда-либо видели эти стены.

– Я рада, что ваш клуб не грешит женской дискриминацией.

– Но вовсе не потому, что его члены не имеют предубеждений в этом вопросе, – ухмыльнулся Джордино. – Ни одна нормальная женщина не в состоянии вынести рассуждений этих изгоев общества о войне.

Сэндекер одарил Джордино испепеляющим взглядом, но промолчал.

Лили, изрядно удивленная, молча смотрела на мужчин. Ей показалось, что между ними существует старая и острая вражда.

Питт не рассмеялся, за что сразу себя очень зауважал, но сдержать улыбку все-таки не сумел. Он наблюдал за подобными перепалками уже десять лет и все же, как выяснилось, так к ним и не привык. Все близкие им люди отлично знали, что и Сэндекер и Джордино – лучшие друзья.

Лили решила, что наилучший выход в создавшейся ситуации – тактическое отступление.

– Если кто-нибудь из вас, джентльмены, покажет мне, где дамская комната, я освежусь с дороги.

Сэндекер махнул рукой в дальний конец зала.

– Первая дверь направо. И, пожалуйста, не торопитесь.

Как только дама удалилась, адмирал провел Питта и Джордино в маленькую гостиную и плотно закрыл дверь.

– Через час я ухожу на совещание к командующему, поэтому другой возможности поговорить наедине у нас не будет. Я вкратце изложу вам все, что хотел сказать, пока не вернулась доктор Шарп. Прежде всего я должен вас поздравить. Вы чертовски хорошо поработали, сначала обнаружив советскую субмарину, а потом захлопнув над ней крышку. Президент был очень доволен и просил меня поблагодарить вас.

– Когда начинаем? – спросил Джордино.

– Что начинаем?

– Подводную спасательную операцию с субмариной.

– Наши разведывательные подразделения считают, что необходимо некоторое время выждать. Они хотят подкинуть советским агентам дезинформацию. Пусть станет очевидным, что мы сочли продолжение поисков ненужной тратой денег налогоплательщиков и отказались от продолжения работ.

– Сколько будем ждать? – спросил Питт.

– Может быть, год. Точно не знаю. В любом случае это время будет потрачено на разработку проекта и подготовку оборудования.

– У меня такое чувство, – начал Питт, подозрительно глядя на адмирала, – что мы не будем включены.

– Совершенно верно, – не стал спорить адмирал. – Тут вы вне игры.

– Могу я спросить – почему?

– У меня есть для вас более интересная работа.

– Что может быть более интересным, чем раскрыть секреты самой современной подводной лодки Советов? – сдержанно поинтересовался Питт.

– Прогулка на лыжный курорт, – ответил Сэндекер. – У вас появилась редкая возможность насладиться свежим воздухом и пушистым снегом Скалистых гор. Вам заказаны билеты в Денвер на завтра. Вылет в десять сорок пять. Доктор Шарп будет вас сопровождать.

Питт взглянул на Джордино, тот пожал плечами. Тогда Питт снова повернулся к адмиралу и спросил:

– Это награда или ссылка?

– Считайте это рабочей поездкой. Сенатор Питт объяснит вам подробности.

– Мой отец?

– Он ждет вас сегодня вечером дома. – Сэндекер извлек из жилетного кармана большие золотые часы и внимательно посмотрел на циферблат. – Мы не должны заставлять ждать прекрасную даму.

Сэндекер направился к двери, но Питт и Джордино не двинулись с места. Казалось, они оба приросли к ковру.

– Не торопитесь, адмирал! – Голос Питта был сух и резок. – Или вы будете играть в открытую, или никто на этом свете не заставит меня подняться на борт самолета завтра утром.

– Я тоже вряд ли смогу участвовать в поездке, – подал голос Джордино. – Чувствую приближение очередного приступа. И все из-за грибка, который я по вашей милости подхватил в джунглях Борнео.

Сэндекер на полдороге остановился, резко обернулся и в упор уставился на Питта:

– Вам не удастся обмануть меня, мистер Питт. Вам в высшей степени наплевать на советскую субмарину. Просто вам так хочется найти Александрийскую библиотеку, что вы не желаете думать ни о чем другом.

Питт спокойно ответил, мысленно похвалив себя за выдержку и терпение:

– Вы проницательны как всегда, адмирал. И у вас, конечно, есть собственные каналы связи, которым вы доверяете больше, чем нам. Я

намеревался по возвращении в Вашингтон передать вам записи из журнала «Сераписа». Судя по всему, кто-то меня опередил.

– Капитан Найт. Он передал перевод, выполненный доктором Редферном, в министерство военно-морского флота, откуда он был передан в Комитет национальной безопасности и президенту. Я прочитал копию еще до того, как вы вылетели из Исландии. Вы открыли ящик Пандоры и даже не заметили этого. Если сокровище существует и будет найдено, это может вызвать политический переворот. Но я не намерен углубляться в это. Работа, которой вам предстоит заняться, поручена твоему отцу по причинам, которые он объяснит тебе лучше меня.

– А при чем здесь Лили?

– Она – главное ваше прикрытие. Всегда существует вероятность, что произойдет утечка информации или КГБ заподозрит, что мы все-таки обнаружили субмарину. Мартин Броган хочет, чтобы вы работали открыто над археологическим проектом. Вот почему я встречаюсь с вами в этом клубе, а твой отец проинструктирует вас у себя дома. Ваши перемещения не должны выглядеть подозрительно, если за вами будут следить.

– Для меня это слишком сложно.

– Тайны бюрократии нам неподвластны, – вздохнул Джордино. – Интересно, смогу я достать билет на матч «Денвер» – «Бронко»?

– Я рад, что мы поговорили с глазу на глаз, – сказал Сэндекер. – А теперь давайте отыщем наш столик. Я умираю с голоду.

* * *

Питт и Джордино доставили Лили к отелю Джефферсона. Она пожала руки обоим мужчинам и вошла в вестибюль. За ней следован швейцар с чемоданами. Питт и Джордино приказали водителю ехать к десятиэтажному зданию из стекла и бетона – штаб квартире Национального морского и подводного агентства.

Джордино направился прямо в свой офис, располагавшийся на четвертом этаже, а Питт поехал в лифте на десятый этаж в узел связи. Он достал из портфеля конверт и положил в карман, а портфель оставил у секретаря.

Он долго шел вдоль бесконечных рядов всевозможного электронного оборудования и компьютеров, пока не обнаружил человека, сидевшего скрестив ноги на выложенном плиткой полу, созерцая миниатюрный магнитофон, только что извлеченный из большого игрушечного кенгуру.

– Эта зверюга фальшивит, когда поет «Танцующую Матильду»? – поинтересовался Питт.

– Откуда ты знаешь?

– Просто предположил.

Хайрем Йегер взглянул на Питта снизу вверх и ухмыльнулся. У него было кукольное лицо и очень светлые, абсолютно прямые волосы, для удобства заплетенные на затылке в косичку. Его кудрявая борода спускалась на грудь аккуратными колечками, вызывая у посторонних неудержимое желание дернуть за нее, чтобы проверить ее подлинность. На мир он взирал сквозь старые бабушкины очки и был одет как разорившийся участник родео – в старые джинсы, потрепанную рубашку и ботинки, которыми побрезговал бы даже старьевщик.

Сэндекер переманил Йегера из компьютерной компании в Силиконовой долине и дат ему зеленую улицу, поручив обеспечение защиты всей информации НУМА. Союз человеческого гения и совершенной компьютерной техники оказался весьма плодотворным. Йегер собрат обширнейший банк данных, содержащий всю когда-либо опубликованную информацию, касающуюся Мирового океана.

Йегер еще несколько секунд повертел в руках магнитофон и динамик и отложил их в сторону.

– Я бы придумал лучшую систему, даже имея в своем распоряжении только кухонную утварь.

– Ты сможешь починить это?

– Не знаю, может быть, и нет.

Питт недоверчиво покачал головой и обвел рукой огромный компьютерный зал:

– Ты создал все это и не сумеешь отремонтировать простенький кассетный магнитофон? Ни за что не поверю!

– У меня не лежит к этому душа, – сообщил Йегер. Он встал, прошел в офис и поставил кенгуру на угол своего рабочего стола. – Возможно, когда-нибудь, если у меня появится настроение, я переделаю его в говорящую лампу.

Питт преследован за ним и закрыл дверь.

– А для более экзотической работы у тебя есть настроение?

– В какой области?

– Исследование.

– Покажи!

Питт вынул из кармана конверт и передал Йегеру. Компьютерный гений НУМА сгорбился на стуле, открыл конверт и вытряхнул содержимое. Быстро просмотрев отпечатанный текст, он нахмурился, вернулся к началу и прочитан более внимательно. Последовала долгая пауза. Потом Йегер тяжело вздохнул и поверх очков уставился на Питта:

– Это со старого корабля, который вы нашли?

– Ты знаешь о нем?

– Нужно быть слепым и глухим, чтобы не знать. О нем пишут все газеты, да и телевидение не обделяет его своим вниманием.

Питт кивнул на бумаги, которые Йегер держал в руках.

– Это перевод с латыни записей судового журнала.

– От меня-то ты чего хочешь?

– Взгляни на листок с картой.

Йегер достал нужный лист и мрачно уставился на хитросплетение линий.

– Ты хочешь, чтобы я нашел этот участок на современной географической карте?

– Если можешь, конечно.

– Всего-то? Для начала скажи, что это.

– Береговая линия и река.

– Когда это нарисовано?

– В триста девяносто первом году нашей эры.

Йегер изумленно воззрился на Питта:

– С таким же успехом ты мог бы попросить меня перечислить названия улиц Атлантиды.

– Запрограммируй своих электронных приятелей на прокладку курса после выхода флота из Картахены. Ты также можешь попробовать действовать в обратном порядке, я имею в виду от места гибели судна в Гренландии. Я его отметил.

– Ты понимаешь, что этой реки, скорее всего, уже не существует?

– Догадываюсь.

– Мне необходимо разрешение адмирала.

– Получишь завтра утром.

– Ладно, – угрюмо согласился Йегер, – посмотрю, что тут можно сделать. Сколько у меня времени?

– Занимайся этим, пока не получишь результат, – сказал Питт. – Мне придется ненадолго уехать из города. Послезавтра вернусь и приду полюбопытствовать, как идут дела.

– Можно я задам один вопрос?

– Конечно.

– Это действительно важно?

– Да, – торжественно сказал Питт. – Думаю, очень важно. Возможно, это дело намного важнее, чем мы с тобой можем представить.

23

Когда отец Питта открыл дверь своего выстроенного в колониальном стиле дома на Массачусетс-авеню в Бетезда-Мэриленд, на нем были выцветшие брюки цвета хаки и потертый свитер. Сенатский Сократ был известен своими неизменно дорогими и модными костюмами, всегда украшенными золотой головкой калифорнийского мака на лацкане. Но не на публике он одевался как владелец ранчо за работой.

– Дирк! – радостно воскликнул он и крепко пожат сыну руку. – В последнее время мы, к сожалению, очень редко видимся.

Питт обнял отца за плечи, и они вместе прошли в рабочий кабинет сенатора, основной достопримечательностью которого были книжные полки, закрывавшие стены от пола до потолка. В изящно украшенном камине лениво колыхались язычки пламени.

Сенатор предложил сыну располагаться где ему будет удобно и направился к бару:

– Тебе, как всегда, джин и мартини?

– Для джина, пожалуй, сейчас слишком холодно. Может быть, «Джек Дэниелс»?

– Как хочешь. Каждый человек волен травиться, чем пожелает.

– Как мама?

– Она на каком-то новомодном курорте в Калифорнии. В очередной раз пытается похудеть. Вернется послезавтра на два фунта тяжелее.

– Ну если ей это нравится…

Сенатор передал Питту бурбон, после чего плеснул в свой стакан портвейна.

– Давай выпьем за удачную поездку в Колорадо!

Питт не стал пить.

– Могу я узнать, кому принадлежала блестящая идея отправить меня покататься на лыжах?

– Мне.

Питт сделан глоток «Джека Дэниелса» и уставился на отца тяжелым взглядом.

– Какая здесь связь с сокровищами Александрийской библиотеки?

– Очень тесная, если, конечно, сокровища существуют.

– Ты говоришь как частное лицо или как бюрократ?

– Как патриот.

– Ладно, – вздохнул Питт. – Тогда просвети меня, а то я, признаться, этой связи не усматриваю. Почему произведения классического искусства и литературы, а также саркофаг Александра Великого вдруг стали жизненно важными для государственных интересов Соединенных Штатов?

– Не совсем так, – сказал сенатор. – Прежде всего нас интересуют карты, показывающие геологические ресурсы древнего мира. Затерянные золотые рудники фараонов, шахты, где добывались изумруды для царицы Клеопатры, окутанная множеством легенд таинственная земля Пунт[29], известная залежами серебра, сурьмы и золота необычного зеленоватого цвета. Эти места были хорошо известны две-три тысячи лет назад, но теперь забыты, погребены под толщей времени. Еще существовала сказочная земля Офир, богатая ценными полезными ископаемыми. Ее местонахождение и сегодня волнует ученых. Копи царя Соломона, вавилонского Навуходоносора и Шебы, королевы Сабы[30], чья сказочная земля осталась только в библейских преданиях. А сколько богатств скрыто под песками Ближнего Востока!

– Ну предположим, все это нашли, и что дальше? Какое дело нашему правительству до карты месторождений полезных ископаемых, принадлежащих другим странам?

– Это отнюдь не лишний аргумент при заключении разного рода сделок, – ответил сенатор. – Если мы найдем дорогу к сокровищам,

можно вести переговоры о совместных поисках. У нас появится тема для разговора с лидерами разных стран, а значит, и возможность улучшить международные отношения.

Питт покачал головой и заявил:

– Для меня новость, что конгресс теперь стремится к улучшению международных отношений. Нет, здесь должно быть что-то еще.

Сенатор кивнул, втайне восхищенный проницательностью сына.

– Ты прав. Скажи, тебе знаком термин "стратиграфическая[31] ловушка"?

– Должен быть знаком, – ухмыльнулся Питт. – Я нашел одну такую несколько лет назад в Лабрадорском море в районе провинции Квебек.

– Да, проект «Дудлбаг», я помню.

– Стратиграфическая ловушка – это нефтяное месторождение, которое почти невозможно обнаружить. Обычные сейсмические исследования результата не дают. А такие месторождения нередко оказываются очень богатыми.

– Известно, что битум, углеводородная смола или асфальт использовались в Месопотамии еще пять тысяч лет назад для гидроизоляции зданий, каналов, глиняных дренажных труб и для конопачения лодок. В более поздние периоды греки упоминали о родниках, бьющих на побережье Северной Африки, покрытых пятнами нефти. Римляне писали о некой местности в Синае, которую называли Нефтяной горой. А в Библии говорится о том, что Бог приказал Иакову выкачать нефть из горы, и описана долина Сидим, покрытая илистыми ямами, которые вполне могли быть залежами смолы[32].

– Разве эти области не были установлены и в них не производилось бурение?

– Производилось, конечно, но ничего существенного пока не было обнаружено. Геологи, к примеру, утверждают, что с вероятностью девяносто процентов только в Израиле имеются месторождения сырой нефти объемом до пятисот миллионов баррелей. К сожалению, местонахождение древних залеганий неизвестно, все-таки за много веков произошли и землетрясения, и сдвиги земной коры.

– Значит, наша главная цель – найти нефтяное золотое дно в Израиле?

– Ты не можешь не признать, что это решило бы множество проблем.

– Я и не спорю.

Несколько минут сенатор и Питт сидели молча, глядя на огонь в камине. Если Йегер ничего не найдет в своих банках данных, шансов на успех нет. Неожиданно Питт разозлился, осознав, что обитатели Белого дома и конгресса куда больше заинтересованы в нефти и золоте, чем в сокровищах литературы и искусства, которые могли пополнить знания человечества об истории.

Что ж, подумал он, такова реальность, бороться с этим бесполезно.

Молчание нарушил телефонный звонок. Сенатор подошел к столу и взял трубку. Он не произнес ни слова, только несколько секунд слушал, после чего вернул трубку на место.

– Сомневаюсь, что в Колорадо я смогу найти потерянную библиотеку, – сухо сказан Питт.

– Я был бы удивлен, если бы тебе это удалось, – заметил сенатор. – Мои сотрудники организовали для тебя встречу с ведущими специалистами в этой области. Доктор Бертрам Ротберг всю свою жизнь занимается поисками Александрийской библиотеки. Он сообщит тебе информацию, которая, безусловно, поможет в работе.

– Почему я должен ехать к нему? Полагаю, было бы целесообразнее привезти его в Вашингтон.

– Ты встречался с адмиралом Сэндекером?

– Да.

– Тогда ты знаешь, как важно держать тебя и Ала Джордино подальше от обнаружения советской субмарины. Только что звонил агент ФБР, который следил за агентом КГБ, а тот в свою очередь шел по пятам за тобой.

– Приятно, что я пользуюсь такой популярностью.

– Ты не должен делать ничего, что могло бы вызвать подозрения.

Питт согласился:

– Прекрасно, я все понял. Но что, если русские заинтересуются моей миссией? Они ведь тоже могут пожелать получить информацию об Александрийской библиотеке.

– Такая вероятность существует, – признал Сенатор, – но она невелика. Мы приняли все необходимые меры предосторожности, чтобы текст с найденных тобой вощеных дощечек остался в секрете.

– Еще один вопрос.

– Давай.

– За мной следят, ты мне сам об этом сообщил, – сказал Питт. – Тогда что помешает агентам КГБ проследовать за мной до порога доктора Ротберга?

– Ничего, – ответил Сенатор. – В этом мы не сможем им помешать. Пусть делают свою работу.

– Итак, мы запускаем очередное шоу.

– Точно.

– Но почему я?

– Из-за твоего автомобиля «Л-29 Корд».

– При чем тут мой «корд»?

– Человек, которого ты нанял для ремонта, звонил сюда на прошлой неделе и сообщил, что закончил работу и машина выглядит превосходно.

– Значит, я поеду в Колорадо при свете прожекторов, чтобы забрать коллекционную машину, покататься на лыжах и приятно провести время с доктором Шарп?

– Точно, – повторил сенатор. – Вы остановитесь в отеле «Брекенридж». Там вас будет ждать сообщение, где и когда вы встретитесь с доктором Ротбергом.

– Напомни мне, чтобы я никогда не покупал у тебя лошадей.

Сенатор рассмеялся:

– Ты бы лучше сам никогда не вмешивался во всякие хитроумные комбинации.

Питт допил бурбон и поставил стакан на стол:

– Не возражаешь, если я поселюсь в нашем семейном домике?

– Я бы предпочел, чтобы ты держался от него подальше.

– Но ведь все мое лыжное снаряжение там, в гараже!

– Ты можешь взять все необходимое напрокат.

– Это глупо!

– Вовсе нет, – ровным голосом сказал сенатор. – Дело в том, что, как только ты откроешь дверь, тебя пристрелят.

* * *

– Ты уверен, парень, что тебе надо именно сюда? – спросил шофер такси, остановившись возле строения, по внешнему виду напоминавшего заброшенный ангар в дальнем углу Вашингтонского международного аэропорта.

– Вполне, – ответствовал Питт.

Шофер с опаской посмотрел по сторонам. Вокруг было темно и пустынно. Как бы чего не вышло, подумал шофер и на всякий случай нащупал под сиденьем кусок трубы, который припрятал для подобных случаев. Он настороженно глядел в зеркало заднего вида на Питта. Заметив, что он достал из внутреннего кармана бумажник, шофер немного расслабился. Да и лицо пассажира не было похоже на физиономию грабителя.

– Сколько с меня?

– На счетчике восемь шестьдесят.

Питт расплатился, добавив разумные, по его мнению, чаевые, вышел из машины и остановился, ожидая, когда водитель откроет багажник и достанет багаж.

– Здесь плохое место, – пробормотал таксист.

– Ничего себе. Меня здесь ждут.

Питт дождался, пока огни машины скроются в темноте, и только после этого с помощью карманного передатчика отключил сигнализацию и вошел внутрь ангара. Он нажал несколько кнопок на передатчике, и помещение озарилось ярким светом.

Это был дом Питта. На первом этаже рядами стояли всевозможные машины – коллекция хозяина. Здесь также был старый пульмановский железнодорожный вагон и трехмоторный самолет «форд». Самым странным экспонатом была чугунная ванна с закрепленным снаружи двигателем.

Он направился в свои апартаменты, расположенные на втором этаже. Туда вела украшенная замысловатой решеткой металлическая винтовая лестница. Дверь вела в гостиную, к которой с одной стороны примыкали просторная спальня и кабинет, а с другой – столовая и кухня.

Питт распаковал вещи и направился в душ. Он открыл горячую воду и лег на спину. Через пару минут задремал.

Спустя полчаса Питт уже сидел перед телевизором. Он как раз собирался разогреть кастрюльку с техасским чили, когда заработал зуммер переговорного устройства. Он нажал на кнопку, управляющую

установленным на входной двери динамиком, уверенный, что услышит голос Джордино:

– Да?

– Доставка продуктов из Гренландии, – ответил женский голос.

Питт рассмеялся и нажал другую кнопку, открывающую боковую дверь. После этого он вышел на балкон и стал смотреть вниз.

В ангар вошла Лили с большой корзинкой для пикника в руках. Несколько минут она изумленно оглядывалась, ослепленная ярким светом, отражавшимся от хромированных и отлично отполированных поверхностей машин.

– Адмирал Сэндекер описал мне твое жилище, – сказала она, – но он был не вполне объективен.

Питт спустился вниз, чтобы встретить гостью. Он галантно взял у нее из рук корзинку и едва не уронил ее.

– Эта штуковина весит не меньше тонны! Что там?

– Там наш ужин. По дороге я остановилась у магазина, торгующего холодными закусками, и кое-что купила.

– Пахнет восхитительно.

– Мы начнем с копченой лососины. Затем будет грибной суп, салат из шпината с фазаном и грецкими орехами, а также рыба в устричном соусе и белом вине. К этому прилагается бутылка «Принцесса Гави». На десерт у нас шоколадный бисквит, пропитанный кофейным ликером и залитый взбитыми сливками.

Питт с улыбкой взглянул на Лили и замер в восхищении. Ее милое личико было оживлено, глаза блестели. Она была полна нежного, трепетного очарования, которого он раньше не замечал. Ее длинные пушистые волосы были аккуратно расчесаны. На ней было обтягивающее шелковое платье с блестками, которые вспыхивали, пока она шла, запитая светом. Изящное платье оставляло открытой стройную спину. На ней не было тяжелых одежд, к которым Питт привык в Гренландии, и теперь он смотрел на знакомую женщину и не узнавал ее. В вечернем платье ее грудь казалась больше, а бедра, наоборот, более узкими. Ноги длинные, стройные и настолько воспламеняли воображение, что Питту пришлось собрать в кулак всю свою волю, чтобы перестать на них пялиться. Она двигалась сексуальной походкой, слегка покачивая бедрами.

Войдя в комнату, Питт поставил корзинку на стул и взял Лили за руку.

– Мы могли бы поесть позже, – тихо сказал он.

Смутившись, Лили опустила глаза. Казалось, прошла целая вечность, прежде чем она, словно подчиняясь неодолимой силе, подняла голову и их взгляды встретились. Зеленые глаза Питта лучились нежностью. Лили почувствовала, что ноги отказываются ее держать, а руки предательски дрожат. Она покраснела.

Боже мой, как глупо, раздраженно подумала Лили. Она спокойно и тщательно продумала сцену совращения, причем до мельчайших деталей, включая выбор вина, платья и кружевного нижнего белья. А теперь стоит перед ним, не в силах вымолвить ни слова, как девчонка, охваченная смущением и сомнениями. Она не ожидала, что все получится так быстро.

Не говоря ни слова, Питт спустил бретельки платья с точеных плеч Лили. Легкое платье упало, окутав ее маленькие ножки на высоких каблуках сверкающим облачком. Он нежно поднял девушку на руки и понес в спальню.

Словно пытаясь избавиться от смущения, она уткнулась лицом ему в грудь.

– Я чувствую себя бесстыдной шлюхой, – чуть слышно прошептала она.

Питт аккуратно опустил ее на кровать. Вид хрупкого обнаженного тела зажег в нем огонь.

– Ты лучше не чувствуй себя ею, – хрипло пробормотал он, – а действуй как она.

24

Язид вошел в просторную столовую виллы. На мгновение остановившись на пороге, он скользнул глазами по длинному столу, сервированному к ужину. Тарелки, столовые приборы, блюда, бокалы – все было выдержано в разных оттенках бронзового цвета. Удовлетворенно кинув, он проговорил:

– Надеюсь, моим друзьям понравится ужин.

Мохаммед аль-Хаким, мулла, ставший тенью Язида, отодвинул стул и встал:

– Все великолепно, как всегда. Но нам очень не хватало вашего присутствия, Ахмед.

– Аллах не открывает мне своих желаний, – доверительно сообщил Язид, – если мой желудок полон.

Он с улыбкой окинул взглядом каждого из пятерых мужчин, которые при его появлении встали и, признавая его власть, старательно выказывали уважение – кто как мог.

Все были одеты по-разному. Полковник Нахиб Башир, лидер подпольной организации поддерживающих Язида офицеров, носил просторный балахон с длинными рукавами и капюшоном, при необходимости отлично скрывавшим лицо. На голове у аль-Хакима причудливой глыбой громоздился тюрбан, а его тщедушное тело было прикрыто не слишком чистым и изрядно поношенным халатом из черного хлопка. Муса Мохейдин, писатель и журналист, ставший главным пропагандистом Язида, был одет в слаксы и спортивную рубашку, расстегнутую на шее, а молодой турок Халед Фаузи, самый воинственный представитель революционного комитета, облачился в видавшую виды военную форму. Только Сулейман Аммар предпочел скромный, но сшитый у хорошего портного костюм для сафари.

– Вы все, должно быть, недоумеваете, зачем я так срочно призвал вас, – начат Язид, – поэтому не буду терять время. Аллах подсказал мне план избавления от президента Хасана и окружающей его шайки коррумпированных воров с помощью всего лишь одного удара. А сейчас, пожалуйста, садитесь и выпейте кофе.

Язид подошел к стене и повернул выключатель. По стене медленно опустилась большая карта. Аммар увидел, что это обычная карта Южной Америки, какая приводится в школьных учебниках. Точка, отмечающая уругвайский город Пунта-дель-Эсте, была обведена красным. К нижней части карты была прикреплена фотография роскошного круизного лайнера.

Мужчины снова сели за стол, их лица оставались бесстрастными. Они тщательно скрывали свой интерес, если таковой присутствовал, и спокойно ждали, пока религиозный лидер изложит откровения Аллаха, которые снизошли на него.

Только Аммар позволил себе выказать некоторый скептицизм. Он был чересчур реалистом, чтобы верить в религиозные бредни.

– Через шесть дней, – начал Язид, – в курортном городе Пунта-дель-Эсте начнется встреча на высшем уровне, посвященная международному валютному кризису. Ранее именно там проводилась конференция Всеамериканского экономического и социального совета, которая провозгласила создание Союза ради прогресса. Должники, за исключением Египта, объединились, чтобы отвертеться от всех займов и тем самым аннулировать свои долги. За этим последует разорение многих банков в Соединенных Штатах и Европе. Западные банкиры и национальные финансовые эксперты стран Союза высказали намерение встретиться за столом переговоров, чтобы сделать последнюю попытку

избежать надвигающейся экономической катастрофы. Наш президент Хасан, лижущий ботинки империалистам, единственная помеха. Он хочет посетить переговоры и разрушить единство наших исламских братьев и друзей из стран третьего мира, попросив у Запада еще денег, которые помогли бы ему держать Египет в кулаке. Этого мы ему позволить не можем. С помощью Аллаха мы воспользуемся ситуацией, чтобы создать в нашей стране настоящее исламское правительство.

– Убьем тирана, и все дела! – завопил Халед Фаузи. Он был молод, невежествен и бестактен. Его нетерпение уже стоило жизни тридцати студентам при неудачном революционном выступлении. Его темные глаза метали молнии. – Один удачно выпущенный снаряд по самолету президента Хасана, когда он отправится в Уругвай, – и мы избавимся и от него самого, и от коррумпированного режима.

– И откроем дорогу для министра обороны Абу Хамида, который объявит себя диктатором раньше, чем мы сможем что-то предпринять, – закончил мысль Муса Мохейдин.

Этому известному египетскому писателю было немногим более шестидесяти. Он был разумным, учтивым человеком и всегда четко выражал свои мысли. Мохейдин был единственным из присутствующих за столом, кого Аммар искренне уважал.

Язид повернулся к Баширу:

– Это предсказание соответствует действительности, полковник?

Башир кивнул. Тщеславный и не слишком умный, он был ярким примером ограниченного солдафона.

– Муса прав. Абу Хамид болтает о поддержке вашего движения, выжидая, пока вы получите голоса большинства народа. Но на него полагаться нельзя. Хамид крайне амбициозен и не упустит момент использовать армию, чтобы самому стать президентом.

– Все правильно, – заявил Фаузи. – Один из его ближайших помощников – член нашего движения. Он раскрыл планы Хамида стать президентом и упрочить свое положение, женившись на Гале Камиль, поскольку она очень популярна в народе.

Язид злорадно улыбнулся:

– Он строит замки на песке. Гала Камиль не сможет участвовать в свадебной церемонии.

– Это точно? – переспросил Аммар.

– Да, – напыщенно провозгласил Язид. – Аллах повелел, чтобы она не дожила до следующего новолуния.

– Просим тебя, Ахмед, поделись своими откровениями, – подал голос аль-Хаким.

В отличие от других смуглокожих людей, сидевших рядом с ним, аль-Хаким выглядел так, словно провел полжизни в подземелье. Его бледная кожа казалась прозрачной, а глаза, увеличенные толстыми линзами очков, горели непоколебимой убежденностью.

Язид кивнул:

– Мои источники в Мехико передали, что из-за неожиданного наплыва туристов в Пунта-дель-Эсте наблюдается нехватка апартаментов в отелях и дворцовых резиденций. Чтобы выйти из положения, правительство Уругвая приняло решение разместить глав иностранных государств и других официальных лиц на борту зафрахтованных роскошных круизных лайнеров, стоящих в порту. Президент Хасан и египетская делегация будут находиться на борту британского теплохода «Леди Флэмборо». Президент Де Лоренцо и его свита будут жить там же.

Язид сделал паузу и обвел глазами своих приближенных. Потом он торжественно изрек:

– Аллах явился ко мне в видениях и приказал захватить это судно.

– Слава Аллаху! – закричат Фаули.

Остальные недоверчиво переглянулись. Но затем они снова обратили все внимание на Язида, ожидая, как будут развиваться события дальше.

– Я вижу по выражению ваших лиц, друзья мои, что вас точит червь сомнения.

– Никогда! – высокопарно заявил аль-Хаким. – Но возможно, вы ошибочно истолковали приказ Аллаха.

– Нет, он был вполне ясен и однозначен: судно с президентом Хасаном и его министрами должно быть захвачено.

– С какой целью? – полюбопытствовал Муса Мохейдин.

– Чтобы изолировать Хасана и не дать ему вернуться в Каир, до тех пор пока наши сторонники не возьмут власть в свои руки:

– Абу Хамид поднимет армию, – предостерег полковник Башир. – Я это точно знаю.

– Хамид не сможет остановить революционное движение, – напыщенно проговорил Язид. – Народные волнения нарастают и вскоре достигнут наивысшей точки. Люди сыты по горло политикой строгой экономии,

проводимой из-за необходимости платежей по займам. Египет может спасти только восстановление чистоты и строгости исламских законов.

Халед Фаузи вскочил и сжал ладони в кулаки.

– Только прикажи, Ахмед, и я выведу на улицы миллион людей.

Язид сдержал себя: все-таки открытое проявление религиозного рвения бывает порой чрезвычайно утомительным. Потом он сказал:

– Люди пойдут впереди, а я последую за ними.

Выражение лица аль-Хакима было донельзя мрачным.

– Должен признаться, – сказал он, – у меня дурные предчувствия.

– Ты трус! – выкрикнул Фаузи.

– Мохаммед аль-Хаким старше и мудрее тебя, – спокойно сказал Мохейдин. – Я знаю, что он имеет в виду. Он не хочет повторения истории с «Ахилле Лауро» в тысяча девятьсот восемьдесят пятом году, когда палестинцы захватили итальянский круизный лайнер и убили старого еврея, который передвигался в инвалидной коляске.

Снова заговорил Башир:

– Терроризм и убийство не помогут нашему делу.

– Ты хочешь пойти против воли Аллаха? – спросил Язид, уже изрядно раздосадованный.

И тут все заговорили одновременно. Ожесточенно жестикулируя, они метались по комнате и старались перекричать друг друга. Все свидетельствовало о нешуточном накале страстей.

Только Аммар не присоединился к беснующимся фанатикам. Ну что за идиоты, раздраженно думал он, сборище кретинов! Он постарался отгородиться от общего шума и стал внимательно всматриваться в фотографию лайнера. В его голове уже начал складываться план.

– Мы не только египтяне, – кричал Башир, – мы арабы. Если мы убьем своих государственных деятелей, а заодно и нескольких иностранных, которые попадутся под руку, другие арабские народы от нас отвернутся. Они не воспримут это событие как подарок Аллаха, а сочтут террористическим заговором.

Мохейдин указан на юного Фаузи:

– Халед правильно говорит. Лучше убить президента Хасана дома, чем устраивать кровавую бойню на борту судна, которое является

территорией другого государства, где будет еще президент Мексики со своей свитой.

– Мы не можем себе позволить акт массового терроризма, – сказал аль-Хаким. – Негативные последствия для нашего нового правительства будут катастрофическими.

– Вы все червяки, ползающие у ног Хасана! – взвизгнул Фаузи. – Я голосую за атаку на корабль и за демонстрацию всему миру нашей силы!

– Ты же понимаешь, Ахмед, – воззван к гласу рассудка Башир, – что нам не справиться со службой безопасности Пунта-дель-Эсте. Уругвайских патрульных катеров там будет больше, чем саранчи. Каждое судно, на борту которого обоснуются главы государств, будет охраняться. Как зеница ока. Здесь нужна армия десантников, готовых пойти на смерть. Мы ничего не сможем сделать.

– Мы получим помощь от источника, который должен пока оставаться в тайне, – сказал Язид. Повернувшись к Аммару, он спросил: – А что скажешь ты, Сулейман? Ты лучший специалист по проведению подобных операций. Если команда наших лучших бойцов проникнет незамеченной на борт «Леди Флэмборо», она сможет захватить судно и удерживать его до тех пор, пока мы здесь сформируем исламское правительство?

– Да, – ответил Аммар, не отрывая глаз от фотографии. Его голос был спокоен и проникнут уверенностью в своих силах. – Потребуется шесть дней на подготовку, после чего судно может удерживаться силами десяти бойцов и пяти моряков, причем без кровопролития, если будет обеспечена внезапность.

Глаза Язида вспыхнули торжеством.

– Прекрасно! Я знал, что могу на тебя положиться!

– Невозможно! – завопил Башир. – Вам ни за что не удастся провезти стольких людей на территорию Уругвая, не вызвав подозрения. Если же каким-то чудом вы сможете захватить судно и подчинить себе команду, туда в течение суток слетятся все силы специального назначения Запада. Причем их не остановит угроза убить заложников. Вам повезет, если сможете продержаться хотя бы пару часов.

– Я захвачу и буду удерживать «Леди Флэмборо» в течение двух недель.

Башир пожат плечами.

– Мечтать не вредно.

– Как это возможно? – спросил Мохейдин. – Мне очень интересно, как ты собираешься справиться с армией высокопрофессиональных агентов

службы безопасности и при этом не погибнуть в неизбежной стычке с ними.

– Я вовсе не собираюсь драться.

– Но это невозможно! – вскричал наконец и сам Язид.

– Почему? – удивился Аммар. – Просто надо знать некоторые фокусы.

– Фокусы?

– Ну да, – улыбнулся Аммар. – Я планирую сделать так, что лайнер «Леди Флэмборо», его команда и пассажиры… исчезнут.

25

– Мой визит носит неофициальный характер, – сказал Юлиус Шиллер госпоже Камиль, войдя в гостиную лыжного домика сенатора Питта. – Помощники прикрывают меня. Для всех я в данный момент ловлю рыбу в Ки-Уэст.

– Понимаю, – улыбнулась Гала Камиль, – и очень рада возможности поговорить с кем-нибудь кроме повара и агентов службы безопасности.

Она встретила гостя в пушистом исландском шерстяном свитере и гармонирующих с ним по цвету брюках. Шиллер не смог скрыть удивления-, что госпожа Генеральный секретарь выглядит очень молодо. В их предыдущую встречу она показалась ему намного старше.

Дорогой деловой костюм, белоснежная сорочка, начищенные до блеска туфли и кожаный портфель в руке выглядели неуместно на лыжном курорте, и Шиллер чувствовал это.

– Могу я сделать что-нибудь, чтобы ваше пребывание здесь стало не только безопасным, но и более приятным?

– Нет, благодарю вас. Меня угнетает вынужденное бездействие, когда впереди столько дел.

– Ничего, еще несколько дней – и все закончится, – улыбнулся Шиллер.

– Я не ожидала увидеть вас здесь, Юлиус.

– Произошло нечто имеющее прямое отношение к Египту. Наш президент решил, что было бы благоразумно проконсультироваться с вами.

Гала удобно устроилась в кресле и сделала глоток чаю.

– Мне следует чувствовать себя польщенной?

– Скажем так, он будет весьма признателен за сотрудничество.

– В отношении чего?

Шиллер открыл портфель, вынул папку с бумагами, передал ее собеседнице, после чего тоже сел и взял чашку. Он видел, как по мере прочтения ее красивое лицо становилось все более серьезным. Закончив чтение, она отложила папку и обратила на гостя внимательный взгляд.

– Общественность в курсе дела?

Шиллер кивнул.

– Об обнаружении судна будет объявлено сегодня вечером. Но мы пока придерживаем информацию о сокровищах Александрийской библиотеки.

Гала задумчиво взглянула в окно.

– Утрата Александрийской библиотеки шестнадцать столетий назад сравнима с тем, – она на секунду задумалась, – если б, к примеру, ваш президент приказал одновременно сжечь здание Государственного архива в Вашингтоне, Смитсоновский институт и Национальную галерею.

– Точнее не скажешь, – отозвался Шиллер.

– Есть ли хотя бы малейший шанс, что сокровища будут найдены?

– Пока неизвестно. Вощеные таблички, найденные на судне, дали лишь несколько намеков. Место хранения библиотеки может быть где угодно между Исландией и Южной Африкой.

– Но вы намерены организовать поиски? – Интерес Галы Камиль к разговору явно возрастал.

– Мы рассматриваем такую возможность.

– Кто еще знает об этом?

– Только президент, я и еще несколько доверенных членов правительства. Теперь еще и вы.

– Почему вы включили в число доверенных лиц меня, а не президента Хасана?

Шиллер встал и прошелся по комнате. Потом он снова обернулся к госпоже Камиль:

– Судя по всему, ваш президент не останется у руля надолго. А по нашему мнению, информация о библиотеке слишком важна, чтобы ее можно было доверить ненадежным людям.

– Ахмед Язид?

– Откровенно говоря, да.

– Вашему правительству рано или поздно придется иметь с ним дело, – произнесла Гала. – Если сокровища будут найдены, Язид потребует, чтобы все это было возвращено Египту.

– Мы понимаем, – вздохнул Шиллер. – Собственно говоря, поэтому я и прибыл в Брекенридж. Президент хочет, чтобы вы объявили об открытии на сессии Генеральной Ассамблеи.

Гала мгновение задумчиво разглядывала Шиллера, потом отвела глаза, а в голосе зазвучал гнев:

– Как я могу сказать, что открытие уже сделано, если поиски могут занять многие годы и завершиться неудачей? Мне очень неприятно, что президент и его советники хотят дать миру ложную информацию, используя для этой цели меня. Что это такое, Юлиус? Очередная игра, затеянная вашими политиками на Ближнем Востоке? Последняя авантюра, направленная на удержание у власти президента Хасана и подрыв авторитета Ахмеда Язида? А я инструмент, с помощью которого можно заставить египетский народ поверить, что в нашей стране в самом ближайшем будущем будут открыты богатейшие месторождения, что возродит находящуюся в упадке экономику и позволит избежать нищеты?

Шиллер сидел молча и даже не пытался оправдываться.

– Вы пришли не к тому человеку, Юлиус, – сказала в заключение Гада Камиль. – Я скорее увижу, как падет мое правительство, и приму смерть от палачей Язида, чем стану обманывать мой народ, дав ему ложную надежду.

– Благородные чувства – это всегда прекрасно, – сказал Шиллер. – Я восхищен вашей верностью принципам, однако убежден, что наш план вполне надежен.

– Риск слишком велик. Если президент США не сумеет вернуть человечеству величайшие сокровища Александрийской библиотеки, это будет грандиозный политический кризис. Язид получит преимущества и развяжет пропагандистскую кампанию, которая сделает его намного сильнее, чем могут себе представить ваши эксперты по Египту. И уже в который раз американские внешнеполитические эксперты покажут себя жалкими любителями в глазах мирового сообщества.

– Ошибаться могут все, – не стал спорить Шиллер.

– Если в только вы не вмешивались в наши дела!

– Я приехал сюда вовсе не затем, чтобы обсуждать с вами нашу политику на Востоке, Гала. Я приехал просить вас о помощи.

Она покачала головой и отвернулась:

– Извините, но я не стану лгать.

Шиллер взглянул на нее с явным сочувствием. Он решил, что лучше не торопить события, а отступить.

– Я передам ваш ответ президенту, – сказал он, взял портфель и направился к двери. – Он будет очень разочарован.

– Подождите!

Шиллер обернулся и вопросительно взглянул на Галу.

– Представьте мне неоспоримые доказательства, что у ваших людей есть конкретные нити, ведущие к Александрийской библиотеке, а не туманные прогнозы, и я сделаю то, что хочет Белый дом.

– Вы выступите с заявлением?

– Да.

– Четыре дня, оставшиеся до вашего выступления, очень короткий срок.

– Это мое условие, – решительно сказала Гала.

– Принято, – кивнул Шиллер, попрощался и вышел.

* * *

Мохаммед Исмаил видел, как лимузин Шиллера свернул с частной дороги, ведущей к дому сенатора Питта, и выехал на шоссе номер девять, ведущее в Брекенридж. Он не видел, кто сидел в машине, да это его и не интересовало.

Он видел машину государственного чиновника, людей, патрулирующих площадку вокруг дома и через равные промежутки времени переговаривающихся по рации, а также двоих вооруженных охранников в машине на дороге. Этого было достаточно, чтобы подтвердить информацию, полученную, а вернее сказать, купленную агентами Язида в Вашингтоне.

Исмаил стоял рядом с большим «мерседесом», загораживая собой человека, сидящего на заднем сиденье и рассматривающего через приоткрытое окно дом в сильный бинокль. На багажнике машины были закреплены лыжи. Исмаил был одет в белый лыжный костюм, искривленное злобной гримасой лицо прикрывала лыжная маска.

– Ты видел достаточно? – спросил он, делая вид, что поправляет лыжи на багажнике.

– Еще минуту, – ответил наблюдатель, не отводя бинокля от виднеющегося между деревьями дома. Лицо этого человека закрывали руки, сжимавшие бинокль. Виднелась только копна нечесаных волос и внушительная черная борода.

– Поторопись, я здесь замерзаю.

– Потерпи еще минуту.

– Что тебе удалось разглядеть?

– Там не более пяти человек. Трое в доме, двое в машине. Вокруг дома они патрулируют по одному и меняются каждые тридцать минут. Наружное дежурство не затягивают – холодно. Они ходят по одной дорожке, протоптанной в снегу. Камер слежения не вижу, но это в общем-то не значит, что их нет.

– Пойдем двумя группами, – сказал Исмаил. – Одна войдет в дом, другая уничтожит охранника на улице и людей в машине, приблизившись к последним с тыла, откуда они не ждут нападения.

Наблюдатель опустил бинокль.

– Ты планируешь операцию сегодня ночью, Мохаммед?

– Нет, – ответил Исмаил, – завтра утром, когда американские свиньи будут набивать свои нечестивые рты пищей.

– Дневной рейд более опасен.

– Мы не будем красться в темноте как женщины.

– Но ведь наш единственный путь отхода к аэропорту проходит через центр города, – запротестовал наблюдатель, – на улицах будет полно лыжников и транспорта. Сулейман Аммар не стал бы так рисковать.

Исмаил рванулся к открытому окну и схватил наблюдателя за воротник.

– Здесь я главный! – прошипел он. – А Сулейман – шакал, возомнивший о себе невесть что. Не смей упоминать его имя в моем присутствии.

Исмаил был уверен, что сидящий в машине человек испугается, отшатнется, быть может, попросит прощения, но этого не произошло.

– Ты нас всех убьешь, – спокойно сказал он, и его темные глаза полыхнули ненавистью.

– Значит, на то воля Аллаха, – холодно проговорил Исмаил. – Если за то, чтобы умерла Гала Камиль. Аллах потребует наши жизни, цена не будет слишком высока.

26

– Превосходно, – сказал Питт.

– Великолепно! – восхитилась Лили. – Волшебно.

Джордино согласился:

– Просто блеск!

Они находились в магазине, где продавались старые автомобили, устремив свои восхищенные взгляды на «Л-29 Корд» 1930 года выпуска. В этой модели переднее сиденье для водителя было открытым. Кузов выкрашен в сочный цвет красного бургундского вина, крылья были желтовато-коричневые, сочетающиеся по цвету с кожаным верхом над пассажирскими сиденьями. Очень элегантная, длинная и грациозная машина имела привод на передние колеса и приземистый силуэт. Изготовитель увеличил ходовую часть, и автомобиль теперь имел в длину пять с половиной метров от переднего до заднего бампера. До середины его закрывал откидной решетчатый верх, заканчивающийся ветровым стеклом.

Автомобиль был большим и блестящим. Часть эпохи, почитаемой людьми старшего поколения и почти незнакомой молодежи.

Человек, который обнаружил эту машину стоящей в старом гараже под грузом всякого хлама, восстановил ее, не побоявшись внешней непрезентабельности, и был по праву горд своей работой. Роберт Эсбенсон, высокий мужчина со сморщенным лицом и ясными голубыми глазами, любовно провел по верху машины мягкой тряпочкой, стирая несуществующую пыль, и взглянул на Питта:

– Жаль расставаться с такой красавицей.

– Ваша работа выше всяких похвал, – сказал Питт.

– Отправите ее домой?

– Не сразу. Хочу покататься пару дней здесь.

– Я как раз отрегулировал карбюратор и распределитель зажигания для нашей высокогорной местности. Потом возвращайтесь ко мне – и я подготовлю ее к транспортировке судном в Вашингтон.

– Можно я поведу ее? – робко спросила Лили.

– В Брекенридже, моя дорогая, – ответил Питт и вопросительно взглянул на Джордино: – Ты с нами, Ал?

– Почему бы и нет? Мы можем оставить взятую напрокат машину здесь на стоянке.

Они уложили багаж, и спустя десять минут Питт уже вывел «корд» на Семидесятое шоссе и направил к предгорьям, за которыми виднелись покрытые снежными шапками вершины Скалистых гор.

Лили и Ал удобно расположились на пассажирском сиденье. От Питта их отделяло толстое стекло. Питт не стал поднимать верх, защищающий место водителя, он сидел на открытом воздухе в теплом меховом полушубке, и с наслаждением подставлял лицо холодному ветру.

Несколько минут он был полностью поглощен управлением машиной. Следовало проверить приборы и убедиться, что шестидесятилетняя старушка действительно обрела вторую молодость. Поэтому он держался в правом ряду и не обращал внимания на пролетающие мимо машины.

Питт любил водить машины. Вот и теперь, сидя за рулем, он был оживлен и с удовольствием прислушивался к мерному урчанию восьмицилиндрового двигателя. Временами у него создавалось впечатление, что он управляет живым существом.

Если бы Питт мог предположить, какие опасности их ожидают впереди, он бы сразу развернул машину и поехал прямо в Денвер.

* * *

На Скалистые горы уже опустилась темнота, когда «корд» въехал в город Колорадо – известный лыжный курорт. Питт не спеша вел машину по главной улице, старые здания которой сохранили свой неповторимый облик. Тротуары были заполнены лыжниками, возвращающимися после катания на склонах.

Питт припарковал машину у входа в отель «Брекенридж». Он расписался в регистрационной книге и взял у портье две записки, содержащие телефонные сообщения. Прочитав обе, он опустил листки в карман.

– Он доктора Ротберга? – спросила Лили.

– Да, приглашает нас на ужин. Он живет через дорогу от отеля.

– В котором часу? – поинтересовался Джордино.

– В семь тридцать.

Лили взглянула на часы:

– У меня осталось только сорок минут на то, чтобы принять душ и привести в порядок прическу. Придется мне поторопиться.

Питт протянул ей ключ от комнаты:

– Ты будешь жить в комнате номер двадцать два. Наши комнаты двадцать первая и двадцать третья.

Лили скрылась в лифте, а Питт и Джордино прошли в бар. Дождавшись, пока официантка примет заказ и удалится, Питт протянул Джордино вторую записку.

Джордино негромко прочитал ее вслух:

– «Проект, связанный с библиотекой, получил высший приоритет. Чрезвычайно важно, чтобы вы нашли постоянный адрес Алекса в течение ближайших четырех дней. Удачи. Отец». – Ал удивленно поднял глаза на Питта. – Я правильно понял? У нас всего четыре дня на определение местонахождения?

Питт утвердительно кивнул:

– Между строк явственно ощущается паника. В высших вашингтонских кругах определенно что-то происходит.

– С таким же успехом они могли предложить нам разработать в этот срок единую вакцину для лечения герпеса, СПИДа и прыщей, – хмыкнул Джордино. – Катание на лыжах, похоже, накрылось.

– Мы останемся здесь, – решительно заявил Питт. – Нам все равно нечего делать, пока Йегер не отыщет чего-либо. – Питт поднялся со стула. – Кстати о Йегере, надо бы ему позвонить.

Он отыскал в холле телефон и позвонил, воспользовавшись своей кредитной карточкой. После четырех длинных гудков трубку сняли, и Питт услышал сначала долгий зевок, а потом знакомый голос:

– Йегер слушает.

– Хайрем, это Дирк. Как идут поиски?

– Идут.

– Есть что-нибудь конкретное?

– Мои малышки просеяли сквозь мелкое сито всю геологическую информацию, имеющуюся в их маленьких банках данных, о территории от Касабланки до Занзибара. У побережья Африки они не нашли ничего похожего на твой рисунок. Было три очень отдаленных подобия, но, когда я запустил программу на сдвиги земной коры, которые могли произойти за шестнадцать веков, тревога оказалась ложной. Извини.

– Что ты теперь намерен предпринять?

– Я уже двигаюсь на север. Это потребует времени из-за большой протяженности береговой линии Британских островов, Балтийского моря и Скандинавии.

– Ты сможешь завершить работу за четыре дня?

– Если будешь настаивать, чтобы я перешел на двадцатичетырехчасовой режим.

– Я настаиваю, – сказал Питт. – Мы только что получили информацию, что этот проект имеет высший приоритет.

– Что ж, мы постараемся, – сказал Йегер, причем его голос звучал скорее легкомысленно, чем серьезно.

– Я нахожусь в Брекенридже, штат Колорадо. Если что-нибудь найдешь, немедленно звони мне сюда. – Питт дал Йегеру телефон отеля и сообщил номер своей комнаты.

Йегер повторил цифры.

– Хорошо.

– Судя по голосу, у тебя неплохое настроение.

– Почему бы и нет? Мы проделали колоссальную работу.

– Какую? Вы же до сих пор не знаете, где находится наша река!

– Ну да! – жизнерадостно подтвердил Йегер. – Зато мы совершенно точно знаем, где ее нет.

* * *

В воздухе тихо кружили крупные, похожие на кукурузные хлопья снежинки. Двое мужчин и женщина быстро пересекли проезжую часть и подошли к двухэтажному, окруженному высокими кедрами дому. Освещенная вывеска информировала, что сие строение носит название «Лыжная королева». Они поднялись по лестнице и постучали в дверь комнаты 22в.

Бертрам Ротберг встретил гостей приветливой улыбкой. Самыми примечательными деталями его внешности были голубые, горящие молодым задором глаза, окладистая седая борода и воинственно торчащие уши, пробившие себе дорогу сквозь густую шевелюру. Он был одет в вельветовые брюки и красную клетчатую рубашку, плотно облегавшие его коренастую, мускулистую фигуру. Дай ему в одну руку топор, а в другую пилу – получится готовый дровосек.

Проигнорировав обязательную процедуру знакомства, он тепло пожал руки вошедшим, словно знал каждого уже много лет, и провел их по узкому коридору в гостиную – просторную комнату с высоким потолком, со встроенными фонарями, через которые проникал дневной свет.

– Как вы отнесетесь к галлону не самого лучшего бургундского перед ужином? – с усмешкой поинтересовался он.

– Я в игре, – рассмеялась Лили.

Джордино с нарочитым безразличием пожал плечами.

– Лично мне все равно, что пить – любая влага во благо.

– А вы, Дирк?

– Звучит заманчиво.

Питт не стал спрашивать Ротберга, откуда он узнал, кто есть кто. Отец наверняка снабдил ученого подробным описанием каждого. Следовало признать, что Ротберг вел свою партию безупречно, и Питт предположил, что историк в молодости работал на какое-нибудь из многочисленных правительственных разведывательных учреждений и все происходящее было ему не в диковинку.

Ротберг направился на кухню, чтобы налить вина. Лили пошла за ним.

– Могу я вам помочь? – На пороге она остановилась, удивленная видом пустых столов и холодной плиты.

Ученый заметил ее удивленный взгляд.

– Я очень плохой и донельзя ленивый повар, поэтому еду нам доставят. Я заказал ужин на восемь. – Он сделал приглашающий жест в сторону большого углового дивана в гостиной. – Пожалуйста, располагайтесь у камина.

Он передал гостям стаканы, опустился на стул и провозгласил тост:

– За успех поисков!

– За успех! – Лили тоже подняла стакан.

Питт сделал большой глоток и сказал:

– Отец рассказывал, что Александрийская библиотека – дело всей вашей жизни.

– Тридцать два года! – вздохнул ученый. – Возможно, мне следовало жениться, а не корпеть всю молодость над пыльными томами и древними манускриптами. Но этот предмет поисков с самого начала завладел мною безраздельно, заменив мне все – семью, жену,

любовницу. Александрийская библиотека стала для меня желанней любых мирских благ. В нее, и только в нее, я влюблен всю свою жизнь.

– Мне понятна ваша привязанность, – улыбнулась Лили.

– Как археолог вы обязаны меня понимать.

Он встал и поворошил кочергой угли в камине. Убедившись, что поленья горят ровно, он снова сел и продолжил говорить:

– Да, Александрийская библиотека – предмет во всех отношениях достойный самого тщательного изучения. Это было одно из чудес древнего мира, в котором сосредоточились основные достижения цивилизации. – Ротберг вещал, словно погрузившись в транс. Казалось, он видел перед собой не гостей, в числе которых находилась весьма привлекательная, молодая женщина, а безмолвные тени прошлого. – Там были собраны величайшие произведения литературы греков, египтян и римлян, священные писания евреев, сосредоточена мудрость самых одаренных людей мира – ученых, врачей, философов, музыкантов. В общем, это было самое крупное хранилище материальных и духовных ценностей древнего мира.

– Она была открыта для публики? – спросил Джордино.

– Во всяком случае, не для каждого нищего с улицы, – ответил Ротберг. – Но исследователи и ученые там работали постоянно. Они изучали экспонаты, переводили, редактировали, составляли каталоги, публиковали результаты своих исследований. Понимаете, сама библиотека и прилегающий к ней музей были не просто хранилищами. В их залах находились результаты научных исследований в самых разных областях знаний, они были кладезем чистой науки. А сама библиотека была первым обширнейшим справочником в нашем понимании этого слова, книги в ней были систематизированы и каталогизированы. Кстати, весь комплекс называли обителью муз.

Ротберг сделал паузу и проверил стаканы гостей.

– Похоже, ваш стакан пора наполнить. Ал.

– Я никогда еще не отказывался от дармовой выпивки, – улыбнулся Джордино.

– Лили? Дирк?

– По-моему, я забыла попробовать вино, – сказала Лили.

Питт тоже помотал головой:

– Мой стакан почти полон.

Ротберг налил вина Джордино и себе и продолжил рассказ:

– В более поздние века пополнение Александрийской библиотеки продолжилось. Плиний, самый знаменитый римлянин первого века до нашей эры, создал первую в мире энциклопедию. Аристофан[33], возглавивший библиотеку за два столетия до Рождества Христова, был отцом современного словаря. Каллимах[34] составил первый из известных справочников «Кто есть кто». Там работал величайший математик древности Евклид. Дионисий Галикарнасский[35] создал из хаоса историю Рима с мифических времен до 204 года до нашей эры. Эти люди, а также тысячи и тысячи других творили в Александрийской библиотеке.

– Да это был настоящий университет! – заметил Питт.

– Совершенно верно. Библиотека и музей считались университетом античного мира. В грандиозных мраморных залах располагались картинные галереи, залы скульптуры, театры, со сцены которых звучали выдающиеся поэтические творения своего времени и читались лекции по различным отраслям науки. Кроме того, там были общежития, столовые, галереи и залы для прогулок и размышлений, зоологический парк и ботанический сад. В десяти гигантских залах хранились различные книги и манускрипты. Их были сотни тысяч, причем многие были написаны вручную на папирусе или пергаменте, затем скатаны в свитки и помешены в бронзовые трубки.

– Разве есть разница между папирусом и пергаментом? – спросил Джордино.

– Безусловно. Папирус – тропическое растение. Из его стеблей египтяне делали похожий на бумагу материал для письма. Пергамент изготавливали из кожи животных, главным образом молодых телят и ягнят.

– Неужели они могли сохраниться через столько лет? – спросил Питт.

– Пергамент должен храниться дольше, чем папирус, – сказал Ротберг. – Их состояние по прошествии шестнадцати веков зависит от условий хранения. Во всяком случае, папирусные свитки, извлеченные из египетских гробниц, до сих пор читаемы, хотя им от роду более трех тысяч лет.

– Теплая и сухая атмосфера?

– Да.

– А если свитки хранились где-то на северном побережье Швеции или России?

Ротберг склонил голову и глубоко задумался:

– Полагаю, зимний холод сохранял их, но в период летнего таяния и повышенной влажности они могли разрушаться.

Питт ощутил запах поражения. Надежда найти библиотечные манускрипты в целости быстро таяла.

Лили не разделяла пессимизма спутников. Ее лицо разрумянилось от возбуждения.

– Скажите, доктор Ротберг, если бы вы были на месте Юния Венатора, какие книги вы стали бы спасать в первую очередь.

– Сложный вопрос – Ротберг растерянно заморгал. – Я могу только предположить, что он первым делом постарался бы спасти работы Софокла, Еврипида, Аристотеля и Платона. И, конечно, Гомера. Этот великий грек написал двадцать четыре книги, но только некоторые дошли до нас. Думаю, Венатор должен был спасти пятьдесят тысяч томов по греческой, римской, этрусской и египетской истории – примерно столько мог увезти его флот. Египетская литература представляет особый интерес, поскольку огромное количество томов, а также религиозных и научных материалов утрачено. Мы почти ничего не знаем об этрусках, а Клавдий написал их подробную историю, которая хранилась на полках Александрийской библиотеки. Я бы непременно прихватил работы по древнееврейским и христианским законам и традициям. Информация, содержащаяся в этих свитках, вероятно, потрясла бы современных исследователей Библии.

– Книги по науке? – добавил Джордино.

– Ну это само собой разумеется.

– Не забудьте о кулинарных книгах, – вмешалась Лили.

Ротберг расхохотался.

– Венатор знал свое дело. Полагаю, он спас самые распространенные знания и материалы, в том числе книги по кулинарии и домоводству. Можно сказать, понемногу обо всем и для всех.

– И сведения по античной геологии, – сказал Питт.

– Их, конечно, тоже, – согласился Ротберг.

– Что-нибудь известно о том, что это был за человек? – поинтересовалась Лили.

– Венатор?

– Да.

– Он был величайшим интеллектуалом своего времени. Известнейший ученый и педагог, он покинул одно из ведущих учебных заведений Афин, чтобы стать последним хранителем Александрийской библиотеки. Он написал более сотни книг, изобразив политическую и социальную картину мира на протяжении четырех тысячелетий. К сожалению, ни одна из них не дошла до наших дней.

– Археологи дорого бы дали за возможность ознакомиться с информацией, которой владел этот человек, и теми сокровищами, которые ему удалось собрать, – сказала Лили.

– Что мы еще о нем знаем? – спросил Питт.

– Немногое. У Венатора было много учеников, впоследствии ставших известными писателями и учеными. Один из них, некто Диокл из Антиохии, упоминал о нем в своих очерках. Он писал о Венаторе как о смелом, прогрессивном человеке, который не боялся углубиться в те отрасли знаний, куда опасались сунуться другие ученые. Будучи христианином, он относился к религии как к социальной науке. Это и было основной причиной трений, возникших между Венатором и христианским фанатиком Теофилием, патриархом Александрии. Теофилий преследовал Венатора, проклинал его, утверждая, что музей и библиотека – рассадники язычества. В конце концов, он убедил императора Феодосия, который также был крайне религиозен, уничтожить «очаг заразы». До сих пор считалось, что Венатор был убит по приказу Теофилия.

– Теперь мы знаем, – сказала Лили, – что он спасся сам и спас главную часть коллекции.

– Когда сенатор Питт рассказал мне о вашем открытии, я почувствовал себя уличным мусорщиком, выигравшим в расшибалочку миллион долларов, – улыбнулся Ротберг.

– У вас есть какие-нибудь идеи относительно того, где Венатор мог спрятать сокровища? – спросил Питт.

Ротберг надолго задумался.

– Юний Венатор был необычным человеком, – медленно начал он. – Он всегда шел своим путем. Он имел доступ к огромному кладезю знаний, недоступных простым смертным. Его маршрут наверняка был научно обоснован; все, что можно было учесть, было учтено. Он ни за что не стал бы полагаться на волю случая, хотя, конечно, делал скидку на непредвиденные факторы. И он отлично выполнил свою работу, раз сокровища пролежали в сохранности шестнадцать веков. – Ротберг тяжело вздохнул и поднял руки вверх, как бы признавая свое поражение. – Нет, к несчастью, я не могу дать вам ключ к поискам. О

Венаторе известно слишком мало, чтобы можно было предугадать ход его мыслей.

– Но должны же быть у вас хоть какие-нибудь идеи! – настаивал Питт.

Ротберг долго смотрел на пляшущие в камине языки пламени, после чего сказал:

– Единственное, что я могу утверждать с полной определенностью, – тайник Венатора находится там, где никому не придет в голову его искать.

27

Часы Исмаила показывали 7.58. Прячась за стволом ветвистой ели, он не сводил глаз с дома. Из одной трубы в небо поднимался дымок. Камиль, Исмаил это знал, была ранней пташкой и любила готовить. Поэтому он не без оснований пришел к выводу, что она уже на ногах и готовит завтрак для себя и своих охранников.

Он был сыном пустыни, не привычным к ледяному холоду, схватившему его в безжалостные объятия. Ему была невыносима вынужденная неподвижность. Очень хотелось сделать несколько энергичных движений, потопать ногами. Исмаил уже не чувствовал пальцев на ногах, а пальцы на руках занемели, несмотря на толстые перчатки. Холод проникал в глубь его существа, замораживал душу, притуплял чувствительность, замедлял реакцию. Неожиданно его охватил страх. Он понял, что очень боится провалить работу и погибнуть ни за грош.

Неопытность Исмаила проявилась сейчас, как говорится, по полной программе. В решающий момент операции он почувствовал, что не готов к ней. Он не мог отделаться от мысли, что ненавистные американцы каким-то образом узнали о его приближении и готовы к отпору. Нервозность и страх отнюдь не способствовали принятию быстрых и правильных решений.

7.59. Он бросил взгляд на фургон, стоявший у въезда на дорогу. Охранники сменялись каждые четыре часа. Отсидев свою смену в холодной машине, они отправлялись в теплое помещение и продолжали дежурство там. Таким образом, на стометровой подъездной дороге могли одновременно находиться два человека, идущие к дому или из дома.

Исмаил сфокусировал внимание на охраннике, патрулирующем вокруг дома. Он как раз приближался к дереву, за которым прятался Исмаил. Выдыхаемый парнем воздух превращался в пар, который белым облачком висел у его лица. Взгляд был спокойным и уверенным. Он внимательно смотрел по сторонам.

Монотонная работа и лютый холод не ослабили внимания агента секретной службы. Его глаза сканировали окрестности как радар. Меньше чем через минуту он заметит следы Исмаила на снегу.

Тот тихонько выругался и постарался вжаться в снег. Он понимал, что находится на виду. Сосновые иголки, которыми он был присыпан сверху, не смогут остановить пули.

8.00. Дверь дома открылась, и из нее вышли двое. На них были шерстяные шапки и лыжные костюмы. Осмотрев местность, они пошли по дороге к фургону, ведя неторопливую беседу.

Исмаил ждал. Он хотел, чтобы пришедшие на смену охранники добрались до машины, чтобы застигнуть сразу всех четверых. Но он просчитался и занял позицию слишком рано. Охранники успели пройти по заснеженной дороге только пятьдесят метров, когда агент, обходивший дом, заметил следы Исмаила.

Он остановился и поднес к губам рацию. Его слова были прерваны громким треском автомата Исмаила. У него было мощное и очень шумное оружие – «Кехлер и Кох MP5».

Итак, любительский план Исмаила начался не слишком удачно. Профи снял бы охранника одним выстрелом из бесшумной полуавтоматической винтовки, послав тому пулю между глаз. Исмаил же послал в грудь охранника десять пуль, еще не меньше двадцати угодили в деревья, растущие рядом.

Один из налетчиков принялся беспорядочно швырять одну за другой гранаты в припаркованный фургон. Остальные полизали его очередями из автоматов. Сложные, точно выверенные планы нападения на объекты были выше понимания многих террористов. Хитроумие и расчет были им чужды. Их единственной надеждой была удача. Одна из гранат влетела в кабину через ветровое стекло и взорвалась. Причем внешне картина была совсем не такой эффектной, как в кино. Машина отнюдь не превратилась в огненный шар. Фургон вздулся и раскололся, словно консервная банка.

Оба его обитателя были убиты.

Возбужденные видом крови убийцы, которым не исполнилось еще и двадцати лет, вместо того чтобы перенести все свое внимание на охранников, оставшихся на дороге, продолжали поливать искореженные остатки машины очередями, пока не опустошили магазины автоматов. А опытные спецагенты успели вовремя укрыться за деревьями и открыли меткий огонь из «узи», заставивший нападавших залечь.

Правильно рассудив, что товарищам в машине уже ничем не поможешь, они начали отступать к дому, двигаясь перебежками и прикрывая друг

друга. Одновременно они отстреливались от Исмаила, нашедшего укрытие за большим камнем.

Все шло не так, как хотелось Исмаилу.

Десять человек из команды террористов должны были, как только услышат выстрелы, ворваться в дом через заднюю дверь. Но они потеряли время, пробираясь через глубокий снег. Засевшие в доме агенты успели подготовиться, и атака террористов была отбита.

Один из арабов сумел подобраться к северной стене дома, где оказался недосягаемым для выстрелов. Он выдернул чеку из ручной гранаты и швырнул ее в большое раздвижное окно. Но он недооценил крепость двойных рам. Стекло не разбилось, и граната отлетела назад. Араб не успел даже испугаться, когда его взрывом разорвало на куски.

Два агента добрались до дома и взбежали на крыльцо. Бешеный огонь, открытый арабами, не позволил им беспрепятственно проникнуть внутрь. Один из агентов был ранен в спину и упал прямо в дверном проеме – только ноги высовывались наружу. Его быстро втащили внутрь, и дверь захлопнулась, но уже в следующую минуту несколько пулеметных очередей и взрыв гранаты разнес ее в щепки.

Окна рассыпались дождем осколков, но толстые бревенчатые стены оказались удивительно прочными. Агентам удалось снять еще двоих террористов, однако остальные подходили ближе, используя в качестве прикрытия деревья и камни. Оказавшись на расстоянии двадцати метров от дома, арабы начали забрасывать его гранатами.

В это время в доме один из агентов довольно невежливо запихнул Галу внутрь остывшего камина. Он как раз придвигал к нему письменный стол, чтобы загородить им очаг и защитить женщину от пуль, летевших из окна и рикошетом отскакивавших от каменной облицовки, когда сразу три пули ударили ему в плечо и шею. Гала ничего не видела, но слышала глухой стук, когда его тело рухнуло на деревянный пол.

Теперь гранаты стали все чаще рваться внутри дома. Единственное, что могло защитить агентов охраны, это меткая стрельба. Но они не рассчитывали на столь массированную атаку, и у них заканчивались боеприпасы.

Просьба о помощи была передана сразу же, как только раздались первые выстрелы, но сообщение пошло в Денвер, много ценного времени было потеряно, пока было уведомлено местное ведомство шерифа и пока он организовывал своих людей.

Одна граната взорвалась в кладовке и подожгла канистру с краской. Потом взорвался газ, обычно используемый для заправки роторного

снегоочистителя. В результате одна сторона дома оказалась во власти пламени.

Увидев, что огонь быстро распространяется, арабы прекратили огонь. Они начали медленно сжимать кольцо вокруг дома, при этом все автоматы были направлены на двери и окна. Террористы терпеливо ждали, когда уцелевшие обитатели дома начнут выскакивать наружу, спасаясь от нестерпимого жара.

К этому времени только два агента секретной службы оставались на ногах. Остальные лежали в крови среди обломков мебели. Огонь уже вовсю полыхал на кухне и, добравшись до задней лестницы, охватил спальни наверху. Надежда на спасение таяла с каждой минутой. Жар становился нестерпимым и грозил вот-вот поджарить заживо защитников, остававшихся на первом этаже.

Вдалеке послышались звуки сирен. Со стороны города приближались полицейские автомобили.

Один из агентов отодвинул стол, защищавший сидевшую в камине Галу, и, заставив ее опуститься на четвереньки, провел к низкому окну.

– К нам идет помощь. Скоро здесь будут помощники местного шерифа. Как только они отбросят террористов, выскакиваем наружу, пока нас здесь не поджарило.

Гала молча кивнула в ответ. Говорить она не могла, да и с трудом слышала обращенные к ней слова. У нее уже давно заложило уши от оглушительного грохота взрывов, глаза были полны слез. Она прижимала к носу и рту носовой платок, чтобы не задохнуться в дыму.

Исмаил лежал на снегу, сжимая в руке автомат. Он мучительно размышлял, что делать дальше. Дом был охвачен пламенем. Если там еще остался кто-то живой, он должен выскочить в течение ближайших нескольких секунд, чтобы не сгореть.

Но Исмаил не мог ждать. Он уже видел между деревьями красно-синие полицейские мигалки. Приближались машины шерифа.

Из двенадцати человек, начинавших штурм, в живых осталось только семь, включая его. Раненых, если таковые имелись, следовало добить, чтобы они не попали на допрос к американским разведчикам. Он прокричал своим людям команду, и они начали отходить от горящего дома и двигаться в сторону подъездной дороги.

Первые представители шерифа, прибывшие на место, заблокировали дорогу к дому. Пока один докладывал по радио, второй, соблюдая максимальную осторожность, приоткрыл дверь, чтобы осмотреть взорванный фургон и горящий дом. При этом он держал пистолет

наготове. Они должны были только наблюдать, докладывать обстановку и ждать подкрепления.

Это была вполне разумная тактика при столкновении с вооруженными и опасными преступниками. Но, к сожалению, она себя не оправдала при столкновении с группой террористов, которые неожиданно открыли ураганный огонь, изрешетивший патрульную машину и убивший обоих помощников шерифа раньше, чем они успели что-либо предпринять.

По сигналу одного из охранников Гала была бесцеремонно выброшена из окна, агенты подхватили ее под руки и побежали, проваливаясь в снег, по направлению к шоссе.

Они успели пробежать только тридцать шагов, когда их заметили террористы. Вокруг них засвистели пули, сбивая ветки с растущих вокруг деревьев. Один из двоих уцелевших агентов внезапно вскинул руки вверх, сделал несколько неуверенных шагов и рухнул в снег лицом вниз.

– Они пытаются отрезать нас от шоссе! – крикнул госпоже Камиль оставшийся в живых агент. – Попытайтесь все-таки добежать. Я задержу их.

Гала начала что-то говорить, но агент развернул ее в нужном направлении и слегка подтолкнул:

– Да беги же ты, черт бы тебя побрал!

Шансов на спасение было немного. Выбравшись из горящего дома, они взяли неправильное направление и теперь бежали прямо к двум припаркованным среди деревьев «мерседесам». Озарение пришло слишком поздно: это были машины террористов. Охранник понимал, что расправиться с террористами он, конечно, не сможет, но по крайней мере сумеет их задержать. Понимая, что совершает самоубийство, агент поднялся и побежал прямо на террористов, не отрывая пальца от спускового крючка «узи». Для пущего эффекта он выкрикивал все ругательства, которые в последнюю минуту своей жизни смог вспомнить.

Исмаил и его люди в первый момент остолбенели, увидев несущегося на них человека в дымящейся одежде. Они решили, что это демон. В течение двух секунд они колебались, но потом все же вышли из ступора и открыли огонь, оборвавший жизнь храбреца.

Но прежде он успел убить троих террористов.

Гада тоже заметила машины. Выстрелы не смолкали. Она задыхалась и хватала ртом воздух, понимая, что бешеная гонка вот-вот закончится.

Она провалилась в небольшую траншею, на четвереньках выбралась из нее с другой стороны и почувствовала под собой твердую поверхность.

Гала с трудом подняла голову и обнаружила, что смотрит на черный асфальт. Она снова вскочила и побежала, понимая, что лишь оттягивает неизбежное, понимая с ужасающей определенностью, что через несколько минут ей предстоит умереть.

28

«Корд», тихо урча, плавно катился по дороге из Брекенриджа. Утреннее солнце заливало ярким светом свежевыкрашенный кузов, заставляя его весело искриться и вспыхивать радужными бликами на блестящих хромированных поверхностях. Лыжники, направляющиеся к подъемнику, приветливо махали вслед элегантной шестидесятилетней машине, к которой пришла вторая молодость. Джордино дремал на закрытом заднем сиденье, а Лили, одевшись потеплее, сидела на открытом переднем сиденье рядом с Питтом.

Проснувшись утром, Питт почувствовал, что его упрямство берет верх над осторожностью. Он не видел причин кататься на лыжах, взятых напрокат, если его собственные американские «Олин-921» лежали в сарае в каких-то трех милях от отеля. К тому же, уговаривал себя Питт, это значительно сэкономит время. Лучше уж заехать за собственными лыжами и отправиться кататься, чем провести несколько часов в очереди в пункте проката.

Питт не обратил особого внимания на предупреждение отца держаться подальше от принадлежавшего их семейству лыжного домика, он попросту отмахнулся от его слов как от очередной бюрократической препоны. Наверное, сенатор произвел бы такое же впечатление на Халка Хогана, предложив тому подставить щеку противнику, только что нанесшему ему удар в пах.

– Кто это пускает фейерверки так рано утром? – вслух удивилась Лили.

– Это не фейерверки, – сказал Питт, прислушиваясь к отрывистому треску выстрелов и взрывам ручных гранат. – Такое впечатление, словно где-то там идет бой.

– Звуки доносятся из леса, – показала Лили, – справа от дороги.

Радужное настроение, все утро не покидавшее Питта, испарилось, словно по мановению волшебной палочки. Лицо напряглось. Он резко увеличил скорость и постучал по стеклу, закрывающему сиденье пассажира. Джордино проснулся и опустил стекло.

– Ты разбудил меня на самом интересном месте, – отчаянно зевая, сообщил он, – вот-вот должна была начаться оргия.

– Слушай, – резко приказал Питт.

Джордино поморщился, поскольку поток холодного воздуха быстро выстудил его теплое гнездышко, и прислушался. Через несколько секунд на его физиономии отразилось полнейшее недоумение.

– Здесь высадились русские, – предположил он.

– Смотрите! – взволнованно воскликнула Лили. – Там впереди лесной пожар.

Джордино, увидев столб черного дыма, поднимавшийся над верхушками деревьев в окружении языков пламени, быстро оценил ситуацию.

– Это не лесной пожар, огонь явно сконцентрирован в одном месте, – отметил он. – Горит какое-то строение, дом, я думаю.

Питт ни на минуту не усомнился в словах друга. Выругавшись, он еще больше увеличил скорость. Он заподозрил, причем это подозрение очень скоро перешло в уверенность, что горит дом, принадлежащий его семье.

Он сказал:

– Нет никакого смысла останавливаться и напрашиваться на неприятности. Мы проедем мимо и посмотрим, что там происходит. Ал, пересаживайся вперед. Лили, перебирайся назад и пригни голову. Не хочу, чтобы ты пострадала.

– А как насчет меня? – Джордино изобразил праведное негодование. – Я для тебя уже ничего не значу? Назови мне хоть одну причину, по которой я должен сидеть рядом с тобой, подвергая опасности свою драгоценную жизнь!

– Чтобы защитить твоего постоянного шофера от неприятностей – и плохих парней.

– Это не слишком весомая причина.

– Да, я забыл, – усмехнулся Питт, – кажется, я брал у тебя в Панаме взаймы пятьдесят баксов, да так и не вернул.

– Плюс интерес.

– Плюс интерес, – повторил Питт.

– На что только не приходится идти, – заявил Джордино с отчаянием в голосе, – чтобы защитить свои мизерные доходы!

Он перебрался на переднее сиденье, поменявшись местами с Лили. Немного дальше по шоссе, примерно в полумиле перед поворотом к дому Питта, стояло несколько машин. Люди топтались рядом, глазея на поднимающийся в небо дым и прислушиваясь к выстрелам. Питт удивился, не увидев рядом полицейских машин, когда заметил расстрелянную патрульную машину, загородившую подъездную дорогу к дому.

Все внимание Питта было обращено на правую сторону дороги, и поэтому он сразу уловил какое-то движение среди деревьев. Кто-то бежал к дороге, явно стараясь догнать его «корд».

Питт ударил по тормозам и резко вывернул руль вправо, заставив «корд» повернуть на девяносто градусов. Машину занесло, и она, описав дугу, стала носом к обочине, перегородив проезжую часть всего лишь в метре от женщины, бессильно опустившейся на снег.

Сердце Питта забилось в два раза быстрее, когда он узнал эту измученную женщину. Он видел, как ужас в ее глазах уступил место выражению недоверия.

– Вы… – прошептала она. – Это действительно вы?

Питт смотрел на нее, не в силах поверить собственным глазам:

– Мисс Камиль?!

– Это не мисс Камиль, – заявил Джордино. – Это дежа-вю.

– Слава богу, это вы, – выдохнула Гала. – Помогите мне, пожалуйста. Все мертвы. Они пришли убить меня.

Питт выскочил из машины одновременно с Лили, и они помогли госпоже Камиль устроиться на заднем сиденье.

– Кто они? – спросил Питт.

– Наемные убийцы Язида. Они убили охранявших меня агентов секретной службы. Мы должны уехать отсюда. Они будут здесь через несколько секунд.

– Успокойтесь, – Лили погладила Галу по плечу, с ужасом глядя на почерневшую от копоти кожу, на лохмотья одежды и спутанные волосы, – мы отвезем вас в больницу.

– Нет времени, – воскликнула Гала, указав дрожащей рукой в сторону леса, – поторопитесь, или они убьют вас тоже.

Питт поднял глаза как раз вовремя, чтобы увидеть два черных «мерса», вылетевших из лесополосы на шоссе. В следующую секунду он уже был

за рулем. Включив скорость и вдавив в пол педаль акселератора, он повел «корд» в единственном открытом для него направлении – обратно в Брекенридж.

Он взглянул в зеркало заднего вида, закрепленное на установленном сбоку запасном колесе. Между «кордом» и машинами террористов было не менее трехсот метров. Больше у него не было возможности смотреть в зеркало, потому что оно уже в следующую минуту оказалось разбитым пулей. – На пол! – крикнул он женщинам.

На «корде» нет приводного вала, поэтому они смогли вполне комфортно устроиться на плоском полу. Гала, глядя на перепуганное лицо Лили, начала непроизвольно дрожать. Пришлось Лили сделать над собой усилие и выдавить улыбку.

– Только без паники, – сказала она, стараясь, чтобы ее голос не дрожал. – Добравшись до города, мы будем в безопасности.

– Нет, – пробормотала Гала, все еще пребывающая в шоке. – Мы нигде не будем в безопасности.

Сидя на переднем сиденье, Джордино опустился как можно ниже, чтобы уберечься от пуль и ледяного ветра, но это плохо помогало.

– Как быстро эта штука может ездить? – поинтересовался он светским тоном.

– Наибольшая скорость, зарегистрированная у этой модели, семьдесят семь.

– Миль или километров?

– Миль.

– Меня не оставляет чувство, что мы побили все рекорды, – сказал Джордино, но его шутка не была оценена по достоинству. Слова заглушал рев двигателя.

– Против кого мы выступаем?

Джордино осторожно высунулся в окно и попытался рассмотреть машины преследователей.

– Не могу сказать, какой модели эти «мерсы» – по передку не определишь. Но, по-моему, там не меньше трехсот лошадей.

– Дизеля?

– Дизеля с турбонаддувом, если быть точным. А это значит, что максимальная скорость двести двадцать километров в час.

– Догоняют?

– Как тигры раненую лань, – уныло сообщил Джордино. – Они сожрут наши задницы намного раньше, чем мы доберемся до шерифа.

Питт дернул рычаг и включил третью скорость.

– Лучше бы нам держаться подальше от людных мест. Эти ублюдки не остановятся ни перед чем, даже перед убийством сотни ни в чем не повинных граждан, чтобы добраться до госпожи Камиль.

Джордин снова посмотрел назад: – Кажется, я вижу белки их глаз.

Исмаил выкрикнул очередное ругательство – его автомат дал осечку. В сердцах он выбросил его из окна «мерседеса» на дорогу и выхватил автомат из рук своего помощника, сидевшего на заднем сиденье. Он высунулся из окна и выпустил очередь в сторону «корда». Выплюнув пять пуль, автомат дернулся и замолчал – кончились патроны. Он снова выругался и полез в карман за очередным рожком. Там было пусто.

– Не нервничай, – спокойно сказал водитель, – мы догоним их на следующем километре. Я обойду машину слева, а Омар и его люди во второй машине – справа. Перекрестный огонь с близкого расстояния – надежная штука.

– Я хочу убить мерзавца, спутавшего мне карты! – взвизгнул Исмаил.

– Убьешь. Имей терпение.

Как капризный ребенок, которому не дают поступить по-своему, Исмаил надулся и с ненавистью уставился на несущуюся впереди машину.

Исмаил был худшим из убийц, если такое вообще может быть: он никогда и ни при каких обстоятельствах не ощущал угрызений совести. Киллеры высокого класса всячески стремятся усовершенствовать свое мастерство, чтобы выполнить задачу и при этом не пострадали посторонние. Исмаил не вел счет трупам. Он не утруждал себя предварительной подготовкой и планированием операции, дважды путал намеченные жертвы – убирал не тех, кого надо. Это делало фанатиков, подобных Исмаилу, еще более опасными. Непредсказуемый, как акула, он наносил удар, невзирая на лица, никогда не проявляя милосердия к невинным жертвам, которые оказались на его пути. Он оправдывал свои кровавые деяния религиозными мотивами, но, если бы таковых не имелось, он безусловно стал бы серийным убийцей, убивая ради забавы.

Он сидел в машине, поглаживая автомат, словно это было живое существо, и выжидал момент, чтобы обрушить смертоносную ярость

огня на головы неверных, которые посмели прямо из-под носа украсть у него дичь.

* * *

– Должно быть, они экономят патроны, – задумчиво сказал Джордино.

– Только до того момента, пока не возьмут нас в коробочку, – ответил Питт.

Он не сводил глаз с дороги, одновременно прокручивая в уме множество вариантов спасения и не находя ни одного реального.

– Сюда бы противотанковое реактивное ружье! – Джордино иногда позволял себе помечтать.

– Кстати, ты мне напомнил: сегодня утром, садясь в машину, я наткнулся на что-то твердое под сиденьем. Посмотри, что там.

Джордино наклонился и пошарил под сиденьем Питта. Он нащупал холодный твердый предмет и поднял его.

– Это всего лишь гаечный ключ, – разочарованно сообщил он. – Пользы от него в данной ситуации никакой.

– Здесь есть узкая дорожка, проложенная джипом, ведущая наверх, туда, где начинаются лыжные трассы. Ее иногда используют для доставки инструментов и ремонтного оборудования на вершину. Она даст нам пусть мизерный, но все-таки шанс оторваться от них в лесу или где-нибудь в лощине. Оставшись на шоссе, мы найдем верную смерть.

– Далеко до нее?

– Она за следующим поворотом.

– Мы там проедем?

– Сейчас узнаем.

Джордино в очередной раз обернулся:

– До наших задниц осталось семьдесят пять метров.

– Близко, слишком близко. Надо заставить их снизить скорость.

– Я могу корчить им уродливые рожи, делать непристойные жесты, – предложил находчивый Джордино.

– Они только еще более разозлятся. Придется следовать плану номер один.

– Я, должно быть, пропустил инструктаж, – ухмыльнулся Джордино.

– Ты давно не бросал мячик?

Джордино понимающе кивнул.

– Держи эту старую калошу по прямой, и блестящий игрок Джордино покажет класс.

Открытая городская машина – весьма удобная платформа. Джордино развернулся и встал на колени, его плечи и голова показались над крышей. Прицелившись, он запустил гаечный ключ в сторону настигавшего их «мерса».

В первый момент Джордино показалось, что он промахнулся. Мысль была крайне неприятной и заставила сердце тоскливо сжаться. Он слегка не рассчитал расстояние, и ключ упал на капот. Но, стукнувшись о капот, ключ подпрыгнул и аккуратно разбил ветровое стекло.

Водитель-араб заметил, что Джордино что-то бросил. Он отреагировал, но недостаточно быстро. Он резко затормозил и вывернул руль, чтобы убраться с дороги следовавшего по пятам второго «мерса». Но в тот же самый момент стекло разлетелось на тысячи мельчайших осколков, дождем хлынувших ему в лицо. Гаечный ключ, ударившись в рулевую колонку, угодил Исмаилу в колено.

Водитель второго «мерседеса» держался вплотную за машиной Исмаила и поэтому не мог наблюдать полет гаечного ключа. Вспыхнувшие прямо перед его глазами тормозные огни явились для него полнейшей неожиданностью. Ему оставалось только беспомощно наблюдать, как его машина таранит впереди идущую, которая от удара потеряла управление, ее развернуло и выбросило на полосу встречного движения.

– Ты это имел в виду? – весело поинтересовался Джордино.

– Именно, – ответил Питт. – Ты, как всегда, оказался на высоте. А теперь, внимание, мы приближаемся к повороту.

Питт снизил скорость и повернул «корд» на узкую заснеженную дорогу, которая, правда, на некоторых участках больше напоминала американские горки, но вела к вершине горы.

Двигатель с восемью установленными в ряд цилиндрами мощностью сто пятнадцать лошадиных сил натужно ревел, пока тяжелая машина продвигалась вперед по скользкой, неровной дороге. Жесткая подвеска подбрасывала всех сидящих в машине как теннисные мячики в стиральной машине. Более легкая задняя часть виляла из стороны в сторону. Искусно маневрируя, Питт старался компенсировать недостатки трассы, удерживая машину строго по оси дороги, больше напоминающей тропу для пешего туристического маршрута высшей категории сложности.

Лили и Гала уже перебрались с пола на сиденье. Они упирались руками и ногами во все, до чего могли дотянуться, чтобы хоть немного облегчить себе жизнь.

Через шесть минут деревья остались позади. Выше были только скалы, снег и лед. Теперь дорога бежала между крутыми склонами, покрытыми острыми камнями и глубоким снегом. Первоначально у Питта была идея бросить «корд» и спасаться пешком, используя камни и деревья в качестве укрытия, но глубина рыхлого снега, прославившего Колорадо на всю страну, которая к тому же с высотой резко возрастала, делала передвижение пешим ходом невозможным. У Питта остался только один выход – добраться до вершины, имея запас времени, достаточный для того, чтобы спуститься по канатной дороге с горы и затеряться в толпе.

– Мы кипим, – поделился наблюдением Джордино.

Питту не надо было смотреть на струйки пара, поднимавшиеся над радиатором, чтобы понять: двигатель перегрелся. Он уже давно с тревогой следил за стрелкой датчика температуры, которая медленно, но верно заползала на красную отметку.

– Двигатель только что перебрали с минимальными допусками, – сказал Питт. – А мы с ходу дали ему слишком большую нагрузку без надлежащей обкатки.

– Что мы станем делать, когда дорога закончится?

– План номер два. Сядем в кресла и спустимся вниз до ближайшего кафе.

– Твой план мне нравится, но война еще не закончена, – сообщил Джордино. – Наши друзья вернулись.

Питт был слишком занят тем, чтобы удержать громоздкую машину на скользкой дороге, и не следил за преследователями. А те, придя в себя после дорожно-транспортного происшествия, устремились вверх по склону горы в погоню за «кордом». Прежде чем он успел оглянуться, три пули пробили заднее стекло как раз между головами Лили и Галы и вылетели наружу, пробив ветровое стекло и оставив после себя след – три аккуратных отверстия. Женщины не стали ждать повторения. Они по собственной инициативе поспешили вжаться в пол.

– Думаю, они рассердились на нас из-за гаечного ключа, – предположил Джордино.

– В любом случае им до меня далеко. Я испытываю в сто раз большую злость из-за того, что они уродуют мою новую машину.

Питт уверенно преодолел очередную горку. Когда же дорога снова пошла прямо, он бросил быстрый взгляд на преследователей. Угроза была нешуточной.

Оба «мерса» быстро катили по заснеженной дороге. Их преимущество в скорости на такой трассе ощущаюсь меньше, оно частично компенсировалось передним приводом «корда». Питт ощутимо отрывался от преследователей на крутых поворотах, зато террористы сокращали разрыв на прямых участках.

Питт успел заметить, что водитель «мерседеса», идущего впереди, похоже, от злости потерял голову. Он выкручивал руль, не думая об осторожности, как маньяк, создавая немалые трудности водителю второй машины. Из каждого поворота он выходил, едва не врезавшись в снег.

Питт был удивлен. На «мерседесах» не было знаков, указывающих на установку специальных шин, предназначенных для передвижения по снегу. Он не мог знать, что террористы вели свои машины из Мексики через границу, чтобы запутать следы. Зарегистрированные как собственность несуществующей текстильной компании в Матаморосе, они должны были быть брошены сразу после убийства Галы Камиль.

Увиденное Питту не понравилось. Мощные «мерсы» неуклонно приближались. Теперь их с «кордом» разделяло всего пятьдесят метров. Не вселял оптимизма и вид человека, целящегося в «корд» через разбитое ветровое стекло.

– А вот и посылка! – заорал Дирк и скользнул под рулевое колесо. – Все вниз!

В тот же самый момент по кузову «корда» застучали пули. Одна очередь вспорола закрепленное на правом крыле запасное колесо, другая искромсала кожаное покрытие крыши.

Питт сделал попытку опуститься еще ниже, поскольку левая сторона машины оказалась вскрыта, словно атакованная целой армией консервных ножей. С задней двери были сбиты петли, она распахнулась, несколько секунд поболталась и, в конце концов, оказалась оторванной при вынужденном контакте «корда» с деревом. Дождем летели осколки стекла. Одна из женщин пронзительно вскрикнула, но Питт не понял, кто именно. Он заметил пятна крови на приборной панели. Одна из пуль оставила глубокую борозду на ухе Джордино. Но выносливый, маленький итальянец не издал ни звука.

Джордино без видимых эмоций ощупал рану, словно кровоточащее ухо принадлежало вовсе не ему, и сообщил Питту:

– Похоже, вчера вечером я выпил слишком много вина. Видишь, выливается?

– Рана серьезная? – спросил Питт.

– Ничего такого, с чем не справится пластический хирург за две тысячи долларов. Что с женщинами?

Не оборачиваясь, Питт прокричал:

– Лили, вы с Галой в порядке?

– Несколько царапин, – игриво ответила Лили. – Здесь летает чересчур много стекляшек. Но ничего серьезного.

Питт понял, что девушка, конечно, напугана, но до паники дело еще не дошло.

Пар из перегревшегося радиатора «корда» теперь бил струей, как если бы его выпускали под высоким давлением. Питт чувствовал, что обороты двигателя постепенно падают. Старой машине осталось совсем немного. Питт ощущал себя жокеем, изо всех сил погоняющим старую, усталую клячу, которой не надо было ничего, кроме сочной травы на пастбище.

Он сосредоточился и уверенно повел машину на последнюю перед вершиной «американскую горку». Что ж, следовало признать, что он эту ставку проиграл. Ему так и не удалось уйти от убийц. Их первая машина ехала вплотную за «кордом», словно на буксире.

Двигатель «корда» уже давно дребезжал, протестуя против перегрузки. Еще одна очередь искорежила левое заднее крыло и порвала второе запасное колесо. Питт прилагал все усилия, чтобы вести машину ровно, удержать на шестидесятиградусном уклоне и не дать съехать на обочину, покрытую большими остроконечными валунами.

«Корд» умирал. Из-под капота сочился зловещий голубоватый дымок. Из двигателя вытекало масло – маслопровод был пробит острым камнем, объехать который не представилось возможности. Датчик давления масла показывал ноль. Шансы обрести хотя бы временную безопасность на вершине таяли с каждым движением поршней в цилиндрах.

Ведущий «мерс» занесло на повороте, но водитель справился с управлением и снова сел на хвост «корду». Питт в отчаянии стиснул руль. Он представил себе выражение торжества на физиономиях преследователей, отлично понимающих, что через несколько секунд добыча будет у них в руках.

Он не видел возможности спасения. Даже если бросить машину, деваться было некуда. Они были зажаты на узкой дороге, с одной стороны которой был крутой обрыв, а с другой – не менее крутой подъем. Скрыться было негде, оставалось только двигаться вперед, пока двигатель старой машины не умрет.

Питт вжал в пол педаль акселератора и прошептал короткую молитву.

Удивительно, но оказалось, что силы восстановленного умелыми руками мастера коллекционного раритета еще не исчерпаны. Создавалось впечатление, что бездушный механизм обладал собственным разумом, который дремал где-то в недрах хитросплетения железных и стальных деталей, и внезапно пробудился, чтобы заставить машину сделать последний, решающий рывок. Обороты двигателя неожиданно возросли, передние колеса взрыли снег, и «корд» устремился по последнему подъему к вершине. Минутой позже, оставляя за собой облака белого пара и голубого дыма, он вылетел на ровную площадку на горном хребте.

В ста метрах от них виднелся подъемник. В первый момент Питт посчитал странным, что никто не катается по склону, расположенному прямо под «кордом». Люди выпрыгивали из кресел и шли к другому склону.

Затем он увидел, что на этой части склона установлено ограждение и предупреждающие знаки, запрещающие катание из-за опасных ледовых условий.

– Конец пути, – торжественно объявил Джордино.

Питт расстроенно кивнул:

– Мы не сможем прорваться к подъемнику. Нас подстрелят на первых же десяти метрах.

– Можно забросать их снежками или же сдаться на милость победителя.

– А почему бы не попробовать план номер три?

Джордино с любопытством воззрился на Питта:

– Что ж, он в любом случае не может быть хуже, чем первые два, хотя бы потому, что хуже некуда. – Потом его глаза округлились, и он простонал: – Ты! Нет… только не это!

«Мерседесы» были уже так близко, что до них можно было без труда доплюнуть. Но когда они начали обходить «корд», чтобы взять его в клещи, Питт выкрутил руль и направил машину вниз по лыжной трассе.

– Да поможет нам Аллах! – пробормотал водитель Исмаила. – Мы не сможем остановить этих психов.

– Держись за ними! – истерически завопил Исмаил. – Не дай им уйти!

– Они все равно погибнут. Ни одна машина не сможет спуститься по крутому склону горы.

Исмаил повернулся и ткнул водителя в ухо дулом автомата.

– Я сказал, догони этих свиней! – яростно зашипел он. – Иначе ты встретишься с Аллахом раньше, чем думаешь.

Водитель несколько секунд помедлил, здраво рассудив, что в любом случае погибнет, но сдался и направил «мерс» вниз по крутому склону.

– Аллах, направь меня по верному пути! – прошептал он.

Исмаил убрал оружие и снова выставил дуло вперед:

– Успокойся и следи за дорогой.

Приспешник Исмаила, ведущий вторую машину, не колебался ни минуты, и второй «мерседес» устремился вслед за первым.

* * *

«Корд» с шумом несся по утрамбованному снегу как сошедший с рельсов грузовой поезд, с пугающей быстротой набирая скорость. Замедлить движение тяжелой машины было невозможно. Питт управлял ею, легонько касаясь руля и тормозов, опасаясь ненароком стать причиной неуправляемого заноса. Боковое скольжение по крутому склону могло привести только к тому, что машина опрокинется и начнет кувыркаться. Результат последнего был очевиден – груда искореженного металла и четыре мертвых тела у подножия горы.

– Как ты считаешь, сейчас уместно поднять вопрос о привязных ремнях? – поинтересовался Джордино, изо всех сил упираясь ногами в приборную панель.

Питт покачал головой:

– В тысяча девятьсот тридцатом году еще не было дополнительного оборудования.

Очередная пуля попала в заднее колесо, из которого с шипением вышел воздух. Питт почувствовал, что удача еще не совсем отвернулась от него. Острые края обода, вгрызаясь в ледяную поверхность и веером разбрасывая вокруг мелкие частицы льда, немного облегчали управление.

Спидометр показывал шестьдесят, когда Питт увидел впереди участок со стоящими в ряд толстыми ледяными столбами, покрытыми снежными шапками. Опытные лыжники любили здесь практиковаться в преодолении препятствий. Питту это тоже нравилось, но только когда он катался на лыжах, а не несся вниз по склону на практически неуправляемой машине, весящей более двух тонн.

Слегка повернув руль, он повел машину сбоку от полосы препятствий. Но с другой стороны таким же рядом стояли деревья. У Питта появилось ощущение, что ему придется проскочить в игольное ушко. Он непроизвольно напрягся, ожидая удара: он отлично понимал, что любое неверное движение приведет к тому, что машина на огромной скорости врежется в дерево и ее пассажиры станут окровавленной мертвой плотью.

Но столкновения не произошло. Машина вихрем пронеслась по узкому желобу, с одной стороны от которого высились столбы, а с другой – деревья, не задев ни то, ни другое.

Оказавшись на широкой трассе без препятствий, Питт позволил себе обернуться и полюбопытствовать, как дела у преследователей.

Водитель ведущего «мерса», безусловно, обладал здравым смыслом. Следуя по колее, оставленной «кордом,» он миновал и столбы, и деревья. Второй водитель то ли не заметил препятствие, то ли не счел его опасным. Ошибку он понял слишком поздно и теперь яростно выкручивал руль, в тщетной попытке избежать столкновения с ледяными столбами метровой высоты.

Ему удалось миновать четыре столбика, прежде чем он врезался в пятый. Нос машины зарылся в ледяное крошево, а задняя часть поднялась вверх, и машина на некоторое время застыла в таком положении. Прошло несколько томительных мгновений, и она покатилась по склону вниз. При каждом ударе о твердую поверхность окрестности оглашались резким скрежетом рвущегося металла и бьющегося стекла.

Убийцы могли бы выжить, но им не повезло. После серии страшных ударов у «мерседеса» сорвало двери, и машина начата разваливаться. Сорванный с места двигатель взмыл в воздух и, описав замысловатый кульбит, улетел в лесополосу. Колеса, передняя подвеска, задний мост – все это было достаточно надежным для езды по дороге, но не было приспособлено для столь разрушительных нагрузок. Части кувыркающейся по склону машины отрывались одна за другой и в бешеной круговерти разлетались в стороны.

Питт не мог терять времени, наблюдая за последней поездкой «мерса», который закончил свой путь грудой металла на дне неглубокого ущелья.

– Надеюсь, я не покажусь вам грубым, – Джордино в третий раз после начала гонки вниз по склону открыл рот, – если скажу: один уже накрылся.

– Лучше бы ты подыскан другой термин, – сквозь зубы пробормотал Питт. Он на мгновение оторвал от руля одну руку и указал вперед: – Счет может скоро увеличиться.

Джордино взглянул в указанном направлении и замер, увидев, что лыжная трасса разветвляется и сливается с другой трассой, где катается множество людей в ярких спортивных костюмах. Вцепившись в остатки рамы ветрового стекла, он встал, принялся размахивать руками и орать, пытаясь прогнать людей с дороги, а Питт вовсю жал на клаксон «корда».

Ничего не подозревающие лыжники оборачивались на шум и потрясенно созерцали две машины, несущиеся вниз с горы по лыжной трассе. Хорошо еще, инстинкт самосохранения никого не подвел – и люди вовремя успели отскочить, пропустив автотранспорт.

Впереди показался лыжный трамплин. Он поднимался над трассой и снова спускался по склону. Питт едва успел рассмотреть заснеженную плоскость трамплина, сливающуюся со склоном горы. Ни минуты не колеблясь, он направил машину к точке старта.

– Ты же этого не сделаешь, правда? – с надеждой в голосе спросил Джордино.

– План номер четыре, – сообщил Питт, – Держитесь кто за что может. Я могу потерять управление.

– А-а, я понял: наша поездка проходит слишком спокойно.

Небольших размеров, намного меньше, чем сооружения для олимпийских соревнований, этот трамплин использовался только для показательных трюков. Его плоскость была достаточно широкой, чтобы на ней поместился «корд». Трамплин имел длину около тридцати метров и обрывался в двадцати метрах над поверхностью земли.

Питт повел машину к стартовым воротам, при этом массивная громада «корда» загородила трамплин от обитателей «мерседеса». Успех плана Питта зависел от точного расчета времени и мастерства водителя. В последнее мгновение, когда передние колеса уже пересекали линию старта, Питт рванул руль, заставив «корд» спрыгнуть с трамплина на трассу. Водитель «мерседеса», озадаченный этим маневром, тоже выкрутил руль, чтобы избежать столкновения, и въехал точно в стартовые ворота.

Пока Питт сражался с «кордом», пытаясь вернуть его на прямую дорогу, Джордино наблюдал за «мерсом». На физиономии итальянца застыло

странное выражение – смесь страха и ярости. Потом оно исчезло, уступив место задумчивости. Машина террористов вылетела на крутой трамплин и потеряла управление. В какой-то момент показалось, что она взлетит в воздух, словно неуклюжая птица, не имеющая крыльев. Но она не полетела, а заскользила вниз, причем за несколько метров до конца трамплина правые колеса съехали с наклонной плоскости, и машина полетела по воздуху как хорошо закрученный мяч.

В момент отрыва от поверхности скорость «мерса» была не меньше ста двадцати километров в час. Под воздействием крутящего момента огромной силы, он несколько раз перевернулся в воздухе и рухнул на снег на все четыре колеса одновременно. Затем подпрыгнул и, словно в замедленной съемке, постепенно набирая скорость, заскользил к росшей неподалеку гигантской сосне, в ствол которой и врезался.

Воздух наполнился грохотом и отвратительным скрежетом. Кузов и ходовая часть «мерседеса» обернулись вокруг дерева, при этом передний и задний бамперы почти уткнулись друг в друга. Стекла разлетелись, словно россыпь конфетти, а тела пассажиров оказались расплющены, как мухи под мухобойкой.

Джордино замотал головой, будто прогоняя кошмарное видение:

– Ничего ужаснее я в жизни не видел.

– То ли еще будет, – обнадежил Питт, стараясь остановить бешеное скольжение «корда». Однако скорость не снижалась. Тормоза уже давно сгорели, а рулевая тяга погнулась и висела на нитке. «Корд» двигался по вполне определенной трассе. Он направлялся к большому лыжному комплексу, построенному у входа на подъемник, где был ресторан, пункт проката лыжного снаряжения и некоторые другие службы.

Лили и Гала наблюдали за гибелью последнего «мерса» с болезненным любопытством и чувством облегчения. Но, обернувшись, они увидели стремительно приближающееся здание.

– Сделайте же что-нибудь! – воскликнула Гала.

– Что именно? – любезно осведомился Питт. – Я весь к вашим услугам.

Он был спокоен, поскольку только что очень удачно разминулся с целым выводком детишек, идущих на прогулку. Основная масса лыжников на склоне или видела аварию, или слышала душераздирающие звуки, поэтому вид несущегося «корда» не вводил их в ступор, а наоборот заставлял поторапливаться, чтобы уступить ему дорогу.

Предупреждение о необычном слаломе на автомобилях было передано по трассе, и инструкторы быстро освободили от лыжников значительную часть территории. Питт знал, что справа от лыжного

центра находится неглубокий замерзший пруд, и надеялся направить машину туда. Выехав на лед, тяжелая машина должна была его проломить и начать тонуть, иначе говоря, только таким образом ее можно было остановить. Единственная проблема заключалась в том, что кругом было полно зевак, которые выстроились, образовав живой коридор, ведущий в сторону ресторана.

– Не думаю, что у тебя есть план номер пять, – сказал Джордино, приготовившись к столкновению.

– Извини, – вздохнул Питт. – Я иссяк.

Лили и Гала со страхом наблюдали за происходящим. Обе понимали, что ничего сделать нельзя. Они спрятались за сиденьем водителя, закрыли глаза и прижались друг к другу.

Питт негромко выругался, когда они врезались в стеллажи, на которых стояли лыжи и палки. Лыжи, словно под действием нешуточного заряда взрывчатки, взмыли в воздух как зубочистки и посыпались обратно. На несколько мгновений «корд» оказался засыпанным лыжами и палками, но они быстро слетели в стороны. «Корд» слегка задел массивную бетонную лестницу, благодаря чему не въехал в ресторан, а немного изменил направление и, пробив деревянную стену, оказался в курзале, где уставшие после лыжной прогулки отдыхающие обычно вкушали коктейли. В помещении не было никого, кроме пианиста, застывшего за своим инструментом, и бармена, который не стал наблюдать, как «корд» прокладывает себе дорогу сквозь море столиков и стульев, а спрятался под барной стойкой.

«Корд» почти проломил и следующую стену, после чего ему пришлось бы лететь с высоты второго этажа, но момент инерции уже был погашен, и машина остановилась, а за периметр стены высунулся лишь ее изрядно изуродованный бампер. Курзал выглядел так, словно только что подвергся артиллерийскому обстрелу.

Кругом воцарилась тишина, которую нарушало только шипение радиатора и щелканье перегретого двигателя. Питт без сил откинулся на водительском сиденье, его лицо было залито кровью, которая текла из глубокого пореза на лбу. Он скосил глаза на Джордино: маленький итальянец сидел совершенно неподвижно, словно превратившись в камень, и бестолково таращился в стену перед собой. Питт сделал над собой усилие и оглянулся на женщин. Их лица выражали совершеннейшее недоумение тем, что они все еще живы, но ничего серьезного с ними определенно не произошло.

Бармен так и не покинул своего убежища за стойкой, а пианист, судя по всему, обратился в статую, поскольку ни разу не шелохнулся, сидя на своем вертящемся табурете. На голове у служителя муз был котелок, а из

уголка рта свисала сигарета, с которой вот-вот должен был упасть пепел. Его руки застыли над клавиатурой, тело замерло. Он вроде бы даже забыл, что пора восстановить дыхание. Потрясенный, он не моргая взирал на окровавленное видение с гривой спутанных волос, которое неожиданно улыбнулось и вежливо проговорило:

– Не могли бы вы сыграть нам «Увези меня на Луну»?

Часть третья

«ЛЕДИ ФЛЭМБОРО»

Уксмал, Юкатан

19 октября 1991 года

30

Величественное сооружение на вершине каменной громады, освещенное разноцветными прожекторами, казалось, и само испускало странное неземное сияние. Стены огромной пирамиды были залиты голубым светом, а храм Мага – оранжевым. По широкой лестнице метались пятна красного цвета, создавая иллюзию льющейся по ступеням крови. На самом верху, на крыше храма, стояла худощавая фигура, облаченная в белые одежды. Топильцин простер руки с открытыми ладонями перед собой, что должно было изображать некий божественный жест, и взглянул на людей, окруживших пирамиду в Уксмале, старинном городе индейцев майя на полуострове Юкатан. Людей было очень много, должно быть, несколько сотен тысяч, и все лица были обращены к нему, Топильцину. Он закончил свою речь, как обычно, напевом на мелодичном языке ацтеков. Огромная аудитория подхватывала фразы и повторяла их.

– Сила и мужество нашего народа заключается в нас, которые никогда не будут великими или богатыми. Мы голодаем, мы в поте лица своего работаем на хозяев, которые менее благородны и честны, чем мы. Мексика не достигнет величия и славы, пока не будет предано смерти зажравшееся правительство. Мы не будем больше терпеть рабство. Боги собираются, чтобы принести в жертву коррупцию ради порядочности. Их дар – новая цивилизация. Мы должны принять его.

Когда Топильцин замолчал, яркий свет стал медленно тускнеть – и вскоре разноцветные прожекторы погасли. Только фигура Топильцина в белых одеждах оставалась освещенной. Потом погас и белый свет. Наместник ацтекских богов на земле исчез.

Были разожжены большие костры, и людям начали раздавать коробки с провизией, доставленные сюда на грузовиках. В каждой коробке было одинаковое количество муки и консервов, а также брошюра с большим

количеством иллюстраций, напоминающих сценки из мультфильмов, и почти без текста. Президент Де Лоренцо и его министры были изображены демонами, которых изгоняет из Мексики в распростертые объятия злобного Дяди Сэма Топильцин и четыре главных ацтекских бога.

Брошюра также содержала перечень инструкций, описывающих мирные, но эффективные способы подрыва влияния правительства.

Во время раздачи продовольствия в толпе активно работали специально подготовленные мужчины и женщины, вербуя новых членов армии последователей Топильцина. Да и вообще весь спектакль был поставлен с профессионализмом организаторов рок-концертов. Уксмал был только первой остановкой в грандиозном турне Топильцина, предпринятом с целью проведения кампании по свержению правительства в Мехико.

Топильцин обращался к массам только в известных исторических местах: Теотихуакане, Монте-Альбане, Туле и Чичен-Ице[36]. Он никогда не появлялся в современных мексиканских городах.

Толпа продолжала славословить, выкрикивать его имя. Но он больше ничего не слышал. Лишь только погасли прожекторы, телохранители провели его по лестнице с тыльной стороны пирамиды и усадили в автобус-салон на платформе, ведомой трейлером. Заработал двигатель – и автобус в сопровождении двух легковых автомобилей, один впереди, другой сзади, медленно двинулся сквозь толпу. Добравшись до шоссе, кортеж повернул к Мериде, столице штата Юкатан, и увеличил скорость.

Интерьер автобуса отличался пышным убранством, которое стоило немалых денег. Помещение было разделено на две части: комната для совещании и личные апартаменты Топильцина.

Коротко обсудив распорядок следующего дня со своими помощниками, Топильцин отпустил уставших людей. Кортеж остановился, приближенные Топильцина расселись по машинам и направились в отели Мериды.

Закрыв дверь, Топильцин отгородился от одного мира и вошел в другой.

Он снял головной убор из перьев и избавился от белого одеяния, под которым оказались довольно дорогие слаксы и модная спортивная рубашка. Он открыл свой кабинет, достал из холодильника бутылку игристого вина «Шрамсберг Блэнк де Блэнк» и аккуратно вытащил пробку. Первый стакан осушил залпом, чтобы утолить жажду, и вторым уже можно было насладиться, почувствовать его изысканный вкус.

Расслабившись, Топильцин вошел в кабинку, где находилось самое современное оборудование связи, набрал номер на голографическом телефоне и повернулся так, чтобы видеть середину комнаты. Он

медленно потягивал калифорнийское шампанское и терпеливо ждал. Вскоре в комнате начала медленно появляться трехмерная фигура. Топильцин знал, что его изображение появилось также за много миль от Мексики.

Когда фигура материализовалась, Топильцин увидел сидящего на диване человека. Он был смугл, а зачесанные назад черные волосы масляно блестели. Человек в упор смотрел на Топильцина, его черные глаза мрачно поблескивали. На нем был пестрый шелковый халат, наброшенный поверх пижамы. Он внимательно осмотрел одежду Топильцина и неодобрительно скривился, заметив в его руке стакан.

– Ты подвергаешь себя опасности, – сухо сказал он на американском сленге. – Импортные шмотки, шампанское – дальше появятся женщины.

Топильцин искренне расхохотался:

– Не искушай меня. Вести себя как поп и носить шутовской наряд в течение восемнадцати часов в день – это достаточно утомительно и без целибата[37].

– Я испытываю те же неудобства.

– Каждый из нас несет свой крест, – скучным голосом проговорил Топильцин.

– Смотри не допусти оплошности. Мы ведь так близки к успеху.

– Не беспокойся. Никто из моих людей не осмелится нарушить мое уединение. Они верят, что, оставаясь в одиночестве, я общаюсь с богами.

Собеседник Топильцина улыбнулся:

– Мне это знакомо.

– Перейдем к делу? – спросил Топильцин.

– Хорошо.

– Приготовления завершены. В нужный момент все будут на своих местах. Я заплатил больше десяти миллионов песо в качестве взяток, чтобы все устроить. Когда те, кто их взял, сделают свою работу, они будут принесены в жертву не только для того, чтобы гарантировать их молчание, но также в качестве предупреждения тем, кому предстоит выполнить наши инструкции.

– Мои поздравления. Ты очень скрупулезен.

– А ты у нас очень умен.

Последовало недолгое молчание. Оба собеседника были погружены в мысли. Затем голографический абонент Топильцина хитро усмехнулся и извлек откуда-то из недр своего халата бокал, наполовину наполненный бренди.

– За твое здоровье.

Топильцин рассмеялся и поднял свой бокал:

– За успех нашего предприятия.

Виртуальный посетитель сделал паузу:

– Да, за успех нашего предприятия, за то, чтобы все прошло гладко. – Он сделал еще более длительную паузу и задумчиво проговорил: – Все же интересно посмотреть, как наши действия изменят будущее.

31

Рев двигателей стал тише, и самолет без опознавательных знаков, взлетевший с аэродрома Бакли, расположенного неподалеку от Денвера, набрал высоту и взял курс на Великие равнины. Покрытые снежными шапками Скалистые горы быстро остались позади.

– Президент шлет вам пожелания скорейшего выздоровления, – сказал Дейл Николс. – Он был очень расстроен, узнав о переделке, в которой вам пришлось побывать.

– Точнее сказать, он был в бешенстве, – вмешался Шиллер.

– Скажем так, он был недоволен, – продолжил Николс. – Он просил меня передать вам свои глубокие извинения, за то что не сумел принять должные меры безопасности. Он просил сказать, что сделает все от него зависящее, чтобы вы чувствовали себя спокойно во время пребывания в Нью-Йорке.

– Передайте ему мою признательность, – ответила госпожа Камиль, – и попросите от моего имени позаботиться о семьях агентов секретной службы, которые погибли, защищая мою жизнь.

– Будет сделано, – заверил ее Николс.

Гала лежала на кровати. На ней был белый велюровый костюм в зеленую полоску с вязаным воротником. Правая щиколотка была забинтована. Она посмотрела на Николса, потом перевела взгляд на Юлиуса Шиллера и сенатора Питта. Все они сидели напротив ее кровати.

– Для меня большая честь, – сказала она, – что три столь занятых джентльмена нашли время прилететь в Колорадо только для того, чтобы сопровождать меня в Нью-Йорк.

– Если мы можем что-нибудь для вас сделать…

– Вы уже сделали для меня намного больше, чем можно было ожидать.

– У вас несколько жизней, как у кошки, – сказал сенатор Питт.

– Двумя из них я обязана вашему сыну. Он обладает удивительной способностью появляться в нужном месте в нужное время.

– Я видел старую машину Дирка. Это чудо, что вы уцелели.

– Замечательная машина, – вздохнула Гала. – Жаль, что она уничтожена.

Николс откашлялся:

– Если бы мы могли поговорить о вашем завтрашнем обращении к Организации Объединенных Наций…

– Вашим людям удалось получить какую-нибудь надежную информацию, указывающую на местонахождение Александрийской библиотеки? – сухо спросила Гала.

Николс взглянул на сенатора Питта и главу ЦРУ с видом человека, неожиданно попавшего в зыбучие пески. Сенатор бросил им спасительный канат, ответив за обоих:

– У нас не было времени провести широкомасштабные поиски, – честно сказал он. – Сегодня мы знаем немногим больше, чем четыре дня назад.

– Президент… – неуверенно начал Николс, – он надеялся…

– Я сэкономлю вам время, мистер Николс, – сказала Гала и подняла глаза на Шиллера: – И вы расслабьтесь, Юлиус. В моей завтрашней речи прозвучит намек на поиски сокровищ Александрийской библиотеки, которые в ближайшем будущем должны дать результаты.

– Я рад, что вы изменили свое мнение.

– Учитывая последние события, я слишком многим обязана вашему правительству.

Было видно, что Николс испытывает немалое облегчение.

– Ваше сообщение даст президенту Хасану весомое политическое преимуществу над Ахмедом Язидом и прекрасную возможность вашим соотечественникам поставить национальные чувства выше религиозных.

– Не стоит ожидать слишком многого, – сказал сенатор. – Пока мы только заделываем трещины в разрушающемся здании.

Губы Шиллера скривились в холодной усмешке.

– Я бы отдал месячное жалованье за то, чтобы увидеть физиономию Язида, когда он поймет, что остался в дураках, – сказал он. – Но, боюсь, тогда он уж точно не успокоится, пока не отомстит госпоже Камиль.

– Не думаю, – возразил Николс – Если ФБР сумеет установить его связь с убитыми террористами и с тем, кто ответствен за катастрофу самолета, в которой погибло более шестидесяти человек, многие умеренные египтяне, не жалующие терроризм, пересмотрят свои взгляды и перестанут поддерживать его движение. Имея на своем счету широко освещенный средствами массовой информации международный террористический акт, он трижды подумает, прежде чем предпримет новую попытку покушения на жизнь мисс Камиль.

– Мистер Николс совершенно прав в одном, – произнесла Гала, – большинство египтян придерживаются умеренных взглядов и не поддерживают кровавые выходки подобного рода. Египтяне предпочитают эволюционный подход, когда власть органично постепенно переходит от демократического правительства к религиозным лидерам. Они не примут методов Язида, связанных с кровопролитием. – Гала сделала паузу и через мгновение продолжила: – Но я не согласна со вторым утверждением мистера Николса. Язид действительно не успокоится, пока не устранит меня. Он слишком фанатичен, чтобы признать свое поражение. И возможно, в эту самую минуту он планирует новое покушение.

– Вы правы, госпожа Камиль, – сказал сенатор. – Мы не должны спускать глаз с Язида.

– Каковы ваши планы после обращения к ООН? – спросил Шиллер.

– Сегодня утром перед уходом из госпиталя атташе нашего посольства в Вашингтоне передал мне послание от президента Хасана. Он желает со мной встретиться.

– Если вы окажетесь за пределами страны, мы не сможем гарантировать вашу безопасность, – предупредил Николс.

– Я понимаю, – ответила она, – но у меня нет причин тревожиться. После убийства президента Садата египетская служба безопасности стала весьма и весьма эффективной.

– Могу я поинтересоваться, где состоится встреча, – спросил Шиллер, – или я переступаю границы…

– Здесь нет никакой тайны, и это, я полагаю, скоро будет передано средствами массовой информации, – сообщила Гала. – Президент Хасан и я будем вести переговоры во время предстоящего экономического форума в Пунта-дель-Эсте, в Уругвае.

* * *

Помятый и пробитый пулями «корд» одиноко стоял в центре пустой площадки в магазине. Эсбенсон ходил вокруг машины и качал головой:

– Не припомню случая, когда мне приходилось восстанавливать старую машину всего лишь через два дня, после того как я выполнил эту работу.

– У нас был неудачный день, – объяснил Джордино. У него на шее был фиксирующий воротник, одна рука на перевязи, раненое ухо забинтовано. – Это чудо, что мы живы!

У Питта не было видимых повреждений. Несколько глубоких порезов, которые пришлось зашивать, были скрыты волосами. Он сочувственно погладил погнутый радиатор, словно жалел раненое животное.

– Нам повезло, что машина оказалась такой надежной, – вздохнул он.

К мужчинам подошла Лили. Она заметно хромала, левая щека был исцарапана, а правый глаз заплыл.

– Звонит Хайрем Йегер, – объявила она.

Питт кивнул и обнял Эсбенсона за плечи.

– Сделайте ее лучше, чем она была, я вас очень прошу, – с улыбкой сказал он.

– Это обойдется вам в целую кучу баксов и займет не менее шести месяцев, – сообщил Эсбенсон.

– Время не проблема, деньги тоже, – сказал Питт и неожиданно ухмыльнулся. – Полагаю, на этот раз ваш счет оплатит правительство. – Он быстро прошел в офис и взял трубку: – Хайрем, у тебя есть для нас что-нибудь интересное?

– Очередной отчет о состоянии дел, – сказал Йегер. – Мы обследовали Балтийское море и побережье Норвегии.

– И ничего подходящего?

– Ничего. Мы не обнаружили ни совпадения геологических контуров, ни географических описаний, приведенных в журнале «Сераписа». Варвары, о которых упоминает Руфинус, не имеют ничего общего с первыми викингами. Он писал о людях, напоминающих скифов, но с более темной кожей.

– Это меня тоже беспокоит, – согласился Питт. – Скифы пришли из Центральной Азии. Маловероятно, чтобы они были белокожими блондинами.

– Я не вижу смысла продолжать компьютерный поиск в Норвегии и на северном побережье России.

– Согласен. А как насчет Исландии? Викингов там не было еще пятьсот лет. Быть может, Руфинус имел в виду эскимосов?

– Не получается, – сказал Йегер. – Я проверил. Эскимосы никогда не переселялись на Исландию. И не забывай, что ты говоришь о шестисотмильном путешествии через самое суровое в мире море. Исторические морские хроники довольно точны. Римские капитаны почти никогда не уходили за пределы видимости берега. Путешествие при самых идеальных условиях заняло бы у судна четвертого века четверо с половиной или пятеро суток.

– Итак, в каком направлении ты намерен искать дальше?

– Я еще раз пройдусь вдоль побережья Западной Африки. Возможно, мы что-то упустили. Темнокожие африканцы и теплый климат кажутся мне более приемлемыми для решения, чем северные страны, особенно для жителей Средиземноморья.

– У нас все еще нет объяснения, как «Серапис» попал в Гренландию.

– Возможно, нам что-нибудь подскажет конструирование направления морских течений и ветра?

– Вечером я лечу в Вашингтон, – сообщил Питт, – и завтра утром загляну к тебе.

– Возможно, к тому времени у меня уже что-нибудь будет, – предположил Йегер, впрочем, его тон был далек от оптимизма.

Питт повесил трубку и вышел из офиса. Лили взглянула на него с надеждой, но ничего, кроме разочарования, на его лице не обнаружила.

– Хороших новостей нет? – на всякий случай спросила она.

Он пожал плечами и отрицательно покачал головой:

– Нет. А ведь, кажется, мы уже все проверили.

Лили взяла его за руку.

– Не переживай, Йегер обязательно найдет разгадку, – сказала она.

– Он не волшебник и не может творить чудеса.

Джордино посмотрел на часы, надетые на здоровую руку:

– У нас осталось не так много времени до вылета, надо ехать.

Питт подошел к Эсбенсону, который все еще сокрушенно покачивал головой, глядя на изуродованную машину, пожал ему руку и улыбнулся.

– Сделайте ее опять красивой, – попросил он. – Эта машина спасла нам жизнь.

Эсбенсон усмехнулся:

– Только если вы мне пообещаете беречь ее от пуль и не ездить по склонам для лыжников.

– Идет!

Проводив молодых людей, Эсбенсон открыл заднюю дверь «корда». Ручка осталась у него в руке.

– Господи! – скорбно сказал он. – Ну что за груда металлолома!

32

Когда Гала Камиль, решительно отказавшись от помощи и опираясь на костыли, медленно пошла на сцену, в зале заседаний и на галереях для гостей раздались громкие аплодисменты. Она стояла на сцене, высоко подняв голову, и говорила сильным, решительным голосом. В ней не было ничего театрального, она вела себя совершенно естественно. Она обращалась к аудитории с призывом прекратить убийства невинных людей во имя религии. И лишь когда она заговорила о недоверии правительствам, которые не обращают внимания на деятельность террористических организаций, некоторые делегаты почувствовали себя неуютно.

Сообщение о возможном обнаружении сокровищ Александрийской библиотеки было встречено недоверчивым шепотом. Но бурной реакции не последовало. Людям требовалось время, чтобы осознать все значение такой новости. Затем Гала заговорила об Ахмеде Язиде, открыто обвинив его в покушениях на свою жизнь.

В заключение она твердо заявила, что никакие угрозы не вынудят ее покинуть занимаемый ею пост. Она будет исполнять обязанности Генерального секретаря до тех пор, пока ее коллеги-делегаты не потребуют ее отставки.

В ответ раздались настоящие овации. Делегаты аплодировали стоя. Когда же она уходила со сцены и все присутствующие снова увидели костыли и гипсовую повязку на ноге, овации стали громовыми.

* * *

– Потрясающая женщина! – восхищенно сказал президент. – Я бы многое дал, чтобы иметь возможность работать с нею! – Он нажал кнопку на пульте дистанционного управления, и телевизионный экран погас.

– Превосходная речь, – согласился сенатор Питт. – Она влепила славную пощечину Язиду и дала хороший повод для поисков Александрийской библиотеки.

Президент кивнул:

– Да, она нам очень помогла в обоих вопросах.

– Вы, конечно, знаете, что она уезжает в Уругвай на встречу с президентом Хасаном.

– Да, – сказал президент. Он сидел за своим рабочим столом в Овальном кабинете. – Дейл Николс рассказал мне о вашей беседе в самолете. Кстати, как идут поиски?

– Задействованы все компьютерные мощности НУМА.

– Они уже близки к разгадке?

Сенатор покачал головой:

– Не ближе, чем были четыре дня назад.

– Мы можем как-то ускорить процесс? Подумайте, не привлечь ли нам другие правительственные агентства? Или университеты?

На лице сенатора Питта отразилось сомнение.

– НУМА располагает лучшей в мире компьютерной базой данных по океанам, рекам и озерам. Если там не найдут места нахождения египетского флота, его не найдет никто.

– А как насчет археологических и исторических записей? – поинтересовался президент. – Возможно, в прошлом уже было найдено что-то, что может дать ключ к направлению поисков?

– Это стоит попробовать. Я знаю подходящего человека в университете Пенн-Стейт. К завтрашнему дню он сможет отправить в наши и европейские архивы человек тридцать своих сотрудников.

– Прекрасно. Обеспечьте их необходимыми документами.

– Теперь, когда новость об Александрийской библиотеке благодаря госпоже Камиль прошла по каналам информационных агентств, – сказал сенатор, – половина правительств и множество искателей приключений начнут собственные поиски.

– Я предусмотрел такую возможность, – сказал президент. – Но поддержать президента Хасана – дело первостепенной важности. Если нам удастся сделать открытие первыми, а потом отступить с занятых позиций, после того как Хасан устроит драматическое шоу с требованием вернуть артефакты обратно в Египет, его популярность в своей стране возрастет до небес. Он станет национальным героем Египта.

– И устранит угрозу захвата власти Язидом и его приспешниками, – добавил сенатор. – Все это так, господин президент, но существует одна проблема. Это сам Язид. Этот человек абсолютно непредсказуем. Наши лучшие эксперты по странам Востока не могут его раскусить. Он вполне может вытащить из шляпы кролика в самый неподходящий момент.

Президент удивленно взглянул на сенатора:

– Не вижу проблемы. После передачи артефактов президенту Хасану для Язида на политической сцене не останется места.

– Я на вашей стороне, господин президент, но недооценивать Язида чрезвычайно опасно.

– Не думаю, что он всевидящ и неуязвим.

– Конечно, но, в отличие от аятоллы Хомейни, Ахмед Язид обладает блестящим интеллектом и хорошо понимает, что делает.

– В области политики – возможно, но не в том, что касается убийств и терактов.

Сенатор пожал плечами и ухмыльнулся:

– Я не сомневаюсь, что планы Язида были нарушены по вине его фанатичных приверженцев. Как президент, вы знаете лучше, чем кто бы то ни было, как легко помощник или советник может погубить даже самый простой проект.

Президент также улыбнулся и принялся вертеть в пальцах авторучку.

– Мы чертовски мало знаем об этом человеке. Откуда, черт возьми, он взялся и чем живет?

– Он утверждает, что провел первые тридцать лет своей жизни, скитаясь по Синайской пустыне и беседуя с Аллахом.

– Значит, эту страницу биографии он позаимствовал у Иисуса Христа. Что еще у нас есть на него?

– Вы можете поговорить с Дейлом Николсом, – ответил сенатор. – Насколько мне известно, он вместе с ЦРУ работает над составлением психологического портрета Язида и воссозданием его биографии.

– Давайте посмотрим, что есть у них. – Президент нажал кнопку интеркома. – Дейл, вы можете зайти на минуту?

– Уже иду, – ответил голос Николса в динамике.

Пятнадцать секунд, которые потребовались Николсу, чтобы дойти до Овального кабинета, президент и сенатор провели в молчании. Негромко постучав, Николс открыл дверь и вошел.

– Мы говорили об Ахмеде Язиде, – сказал президент. – Удалось ли Брогану и его людям раскопать что-нибудь о его прошлом?

– Я разговаривал с Мартином час назад, – сообщил Николс. – Он сказал, что его аналитики сведут все данные воедино через день или два.

– Я хочу видеть файл, как только он будет закончен, – сказал президент.

– Между прочим, – вмешался сенатор Питт, – разве не должен кто-нибудь проинформировать президента Хасана о наших планах на случай, если коллекция Александрийской библиотеки будет найдена?

Президент кивнул:

– Конечно, – и взглянул на сенатора. – Полагаю, вы сможете потратить сорок восемь часов на это дело, Джордж?

– Иначе говоря, вы хотите, чтобы я встретился с президентом Хасаном в Уругвае. – Это был не вопрос, а утверждение.

– Вы против?

– Это работа для Дата Оутса и Госдепартамента. Он и Джо Арнолд из министерства финансов уже находятся в Кингстоне и проводят предварительные встречи с зарубежными экономическими лидерами. Вы считаете, стоит действовать за спиной госсекретаря?

– Обычно мы так не поступаем. Но вы лучше информированы о поисках, уже неоднократно встречались с президентом Хасаном и, кроме того, вы в дружеских отношениях с Галой Камиль. В данный момент вы – наиболее подходящая кандидатура для выполнения этого поручения.

Сенатор поднял руки, показывая, что сдается.

– В сенате сейчас не происходит ничего серьезного. Мои сотрудники справятся и без меня. Если вы прикажете выделить мне правительственный самолет, я могу вылететь утром во вторник, вечером

того же дня встретиться с Хасаном, а на следующий день доложить вам, как прошел разговор.

– Спасибо, Джордж, я знал, что на вас можно положиться. – Президент на мгновение задумался и добавил: – Но есть еще одна вещь.

– Вот так всегда, – вздохнул сенатор.

– Я хочу, чтобы вы сообщили президенту Хасану в личной беседе и при условии соблюдения строжайшей секретности, что я готов всемерно сотрудничать с ним, в случае если он решит устранить Язида.

Сенатор был крайне удивлен, если не сказать шокирован.

– С каких это пор Белый дом занимается политическими убийствами? Умоляю вас, господин президент, не бросайте тень на себя и свой кабинет.

– Если бы кто-нибудь догадался прикончить Хомейни двенадцать лет назад, на Востоке сейчас было бы гораздо спокойнее.

– Король Георг* мог сказать то же самое в тысяча семьсот семьдесят восьмом году относительно Джорджа Вашингтона и восставших колоний.

* Имеется в виду английский король Георг III (1738-1820). Один из вдохновителей английской колониальной политики и борьбы с восставшими северо-американскими колониями.

– Хватит, Джордж, иначе мы потратим весь день, подыскивая исторические аналогии. Решение должен принять Хасан. Это его право и обязанность.

– Все равно это неудачная идея, – решительно заявил сенатор. – У меня имеются серьезные сомнения относительно такого предложения. Если слухи об этом просочатся в прессу, ваше президентство может оказаться под угрозой импичмента.

– Я очень уважаю ваши советы, вашу честность и прямоту. Вот почему вы единственный человек, которому я могу доверить это поручение.

Сенатору пришлось уступить.

– Я сделаю то, что вы просите, и с радостью проинформирую Хасана обо всем, касающемся Александрийской библиотеки. Но не ждите, что я стану убеждать его в необходимости физического устранения Язида, даже если этот последний и заслуживает смерти.

– Полагаю, мне следует позаботиться о том, – дипломатично вмешался Дейл Николс, – чтобы Хасану сообщили о вашем прибытии.

Президент встал, давая понять, что совещание окончено и пожал руку сенатору.

– Я вам очень благодарен, мой друг, и с нетерпением жду вашего доклада в среду вечером. Мы сможем вместе поужинать.

– Увидимся в среду, господин президент.

– Желаю успешного полета.

Выходя из Овального кабинета, сенатор Питт был мрачен. У него появилось смутное опасение, что президент, скорее всего, в среду будет ужинать в одиночестве.

33

Теплоход «Леди Флэмборо» вошел в маленькую гавань Пунта-дель-Эсте за несколько минут до того, как восходящее солнце осветило первыми, еще прохладными, лучами западную часть берега. Легкий южный ветерок заставлял Юнион Джека[38] развеваться на корме.

Это было красивое круизное судно, с элегантными обводами и обтекаемой формой надстройки. В случае с «Леди флэмборо» была нарушена британская традиция окрашивать корпуса судов в черный цвет, а палубные сооружения – в белый. Этот лайнер был окрашен в сочный голубой цвет, а наклонная труба сияла полосами цвета королевского пурпура и бургундского вина.

Будучи одним из первых представителей новой серии небольших круизных судов, теплоход «Леди Флэмборо» был скорее похож на роскошную яхту. Его изящный, более чем стометровый корпус содержал все, что может понадобиться для шикарного отдыха. Там находилось всего пятьдесят больших кают, в которых размещалось до ста пассажиров. Их обслуживало такое же количество членов экипажа.

В этом рейсе из порта приписки Сан-Хуан судно шло без пассажиров.

– Два градуса лево руля, – произнес темнокожий лоцман.

– Есть, два градуса лево руля, – повторил рулевой.

Одетый в свободную рубашку цвета хаки и шорты, лоцман не сводил глаз с выдающейся в море косы до тех пор, пока она не оказалась за кормой «Леди Флэмборо».

– Начинай поворот право руля и держись на ноль восемь ноль.

Рулевой повторил команду – и судно стало разворачиваться на новый курс.

Гавань была заполнена яхтами и круизными судами, на которых развевались стайки ярких вымпелов. Некоторые из судов были зафрахтованы под плавучие отели для участников экономической конференции, другие перевозили обычных туристов.

За полкилометра до места стоянки лоцман отдал приказ «стоп машина». Роскошное судно заскользило по спокойной воде под действием инерции. Очень скоро «Леди Флэмборо» остановилась.

Удовлетворенный своей работой лоцман сказал в переговорное устройство:

– Мы на месте. Подработай корму и бросай крючок.

Якорь, громыхая цепью, устремился в чистую, прозрачную воду, и судно слегка отошло назад. Когда же лапы якоря зарылись в донный грунт, слабину выбрали и двигатели заглушили.

Облаченный в белую морскую форму капитан Оливер Коллинз, высокий, худощавый человек, всегда державшийся очень прямо, будто у него вместо позвоночника был отвес, с уважением протянул руку лоцману.

– Как всегда, прекрасная работа, мистер Кампос – Капитан Коллинз знал лоцмана уже почти двадцать лет, но он никогда и ни к кому, даже к самым близким друзьям, не обращался по имени.

– Если бы ваша красавица была длиннее на тридцать метров, я бы не сумел ее втиснуть, – улыбнулся Гарри Кампос, продемонстрировав ряд ровных, но пожелтевших от табака зубов. Его акцент был скорее ирландским, чем испанским. – Жаль, что вы не стали к причалу, капитан, но я получил приказ, чтобы вы бросили якорь на рейде.

– Надо полагать, из соображений безопасности, – улыбнулся Коллинз.

Кампос раскурил остаток сигары.

– Встреча больших шишек перевернула весь остров вверх тормашками. Агенты безопасности совершенно озверели. Похоже, они считают, что на каждой пальме сидит по снайперу.

Коллинз взглянул из окна на популярное в Соединенных Штатах место отдыха.

– Нет, я, в общем, не жалуюсь. На этом судне будут жить президенты Египта и Мексики.

– Это точно? – спросил Кампос – Тогда понятно, почему вас держат на рейде.

– Могу я предложить вам что-нибудь выпить в моей каюте? Или, учитывая время, быть может, вы окажете мне честь поужинать со мной?

Кампос покачан головой:

– Спасибо за приглашение, капитан, но у меня очень много работы. – Он показал в сторону судов, снующих по гавани. – Возможно, как-нибудь в другой раз.

Кампос заполнил платежный документ и отдал на подпись капитану Коллинзу. Потом он обвел взглядом сверкающие чистотой палубы корабля.

– В ближайшем будущем я планирую взять отпуск и тогда с удовольствием буду вашим пассажиром.

– Обязательно дайте мне знать. Тогда я позабочусь, чтобы компания взяла на себя все расходы.

– Я вам очень признателен. Передам жене, и, уверен, она не успокоится, пока мы не окажемся на палубе вашего корабля.

– Вы доставите мне большое удовольствие, мистер Кампос. Выбирайте любое время. Достаточно одного вашего слова.

Подошел лоцманский катер, и Кампос сбежал по трапу. На прощание он помахал рукой, и катер направился к очередному судну, ожидающему прохода в гавань.

– Замечательный рейс, – сказал старший помощник капитана Майкл Фини. – Экипаж в полном составе – и ни одного пассажира. На протяжении шести дней я думал, что умер и попал в рай.

Согласно распоряжению компании, судовые офицеры должны были тратить на обеспечение пассажиров всем необходимым, в том числе и своим присутствием, почти столько же времени, сколько на управление судном. Эту обязанность Фини ненавидел всей душой. Отличный моряк, он всячески старался держаться подальше от пассажирского салона, предпочитая обедать и ужинать со своими коллегами-офицерами, а в свободное время выполнять работы по техническому обслуживанию судна.

Фини и внешне не был похож на весельчака, который является душой любой компании. Он был очень большим, причем его было настолько много, что форменная одежда постоянно трещала по швам.

– А я считал, – с откровенным сарказмом заметил Коллинз, – что тебе не хватает общения в высшем обществе и содержательных бесед.

Фини недовольно скривился:

– Все можно было бы вытерпеть, если бы они не задавала постоянно одни и те же идиотские вопросы.

– Предупредительность и уважение – вот главные правила общения с пассажирами, мистер Фини, – высокопарно заявил Коллинз. – Кстати, вам следует последить за своими манерами в течение ближайших нескольких дней. У нас будут высокопоставленные гости.

Финн не ответил. Он задумчиво разглядывал современные многоэтажные здания, возвышающиеся над прибрежными шале.

– Всякий раз когда я смотрю на панораму старого города, – задумчиво сказал он, – оказывается, что там появился еще один отель.

– Ах да, вы же из Уругвая.

– Родился к западу от Монтевидео. Мой отец был торговым представителем машиностроительной компании из Белфаста.

– Должно быть, вы рады возвращению домой.

– Не сказал бы. Я нанялся на панамский рудовоз, когда мне было шестнадцать лет. Родителей уже нет в живых, и здесь не осталось ни родственников, ни друзей, – Он замолчал и показал на приближающийся катер: – К нам пожаловала таможня и иммиграционная инспекция.

– Поскольку пассажиров у нас нет, а экипаж на берег не сойдет, таможня должна обойтись резиновым штампом. Это не займет много времени.

– Зато от санитарной инспекции одна только головная боль.

– Уведомьте ответственного за пассажиров, мистер Фини, а потом проводите гостей в мою каюту.

– Прошу прощения, сэр, но это уже слишком! Я имею в виду: зачем вести простых таможенников в капитанскую каюту.

– Возможно, вы правы, но я хочу не иметь никаких проблем с местной бюрократией, пока мы в гавани. Никогда не знаешь, что может случиться.

– Да, сэр.

Уже темнело, когда катер представителей уругвайской таможни и иммиграционной службы подошел к борту «Леди Флэмборо» и группа мужчин поднялась на борт. Как раз в это время было включено освещение, и верхние палубы и надстройки оказались залитыми ярким светом. Стоя на якоре среди других судов, «Леди Флэмборо» сверкала как бриллиант в шкатулке с бижутерией.

Уругвайские официальные лица проследовали за Фини к открытой двери капитанской каюты. Коллинз внимательно оглядел пятерых мужчин, идущих вслед за старшим помощником. Он был очень наблюдательным человеком и сразу же заметил нечто странное в одном из них. На одном визитере была широкополая соломенная шляпа, надвинутая на глаза, и мешковатый комбинезон, остальные были одеты в обычную форму, которую носят официальные лица на всех карибских островах.

Мужчина, о котором шла речь, шагал, не поднимая глаз. Его взгляд был устремлен на каблуки ботинок идущего впереди. Когда они подошли к двери, Фини вежливо отошел в сторону, предлагая гостям войти первыми.

Коллинз сделал шаг вперед:

– Добрый вечер, господа. Добро пожаловать на борт «Леди Флэмборо». Я капитан судна Оливер Коллинз.

Визитеры хранили молчание. Коллинз и Фини обменялись удивленными взглядами, не зная, что предпринять. Потом человек в мешковатом комбинезоне вышел вперед, медленно расстегнул свое одеяние, под которым оказалась белая форма с золотыми галунами – точная копия той, которую носил сам капитан Коллинз. Затем он снял соломенную шляпу и надел фуражку – такую же, как у капитана.

Обычно невозмутимый Коллинз был ошарашен. У него появилось ощущение, что он смотрит в зеркало. Незнакомец оказался его близнецом.

– Кто вы? – требовательно спросил Коллинз. – Что здесь происходит?

– Не будем называть имен, да еще так громко, – ответил Сулейман Азиз Аммар с обезоруживающей улыбкой. – Вам достаточно знать, что я принимаю командование судном на себя.

34

Внезапность – ключ к успеху любой тайной операции. А внезапность при захвате «Леди Флэмборо» оказалась полной. Кроме капитана Коллинза, старшего помощника Фини и впавшего в ступор ответственного за пассажиров, которых связали, заклеили им рты и заперли в каюте Фини, никто и не подозревал, что судно захвачено.

Аммар точно рассчитал время. Настоящие инспекторы уругвайской таможни появились только спустя двенадцать минут. Он тепло, как старых знакомых, поприветствовал их, и никто не распознал в нем поддельного Коллинза. Определенно в искусстве грима и перевоплощения он достиг немалых высот. Сообщники, которых он

выбрал на роль Фини и второго помощника, старались держаться в тени. Оба были опытными судоходами и внешне напоминали настоящих офицеров «Леди Флэмборо». Чтобы заметить разницу, надо было подойти к ним вплотную, но члены экипажа не приближались к старшим офицерам ближе чем на три метра.

Уругвайские таможенники закончили свою работу и отбыли восвояси. После этого Аммар вызвал второго и третьего помощника Коллинза к себе в каюту. Это должно было стать первой, и самой опасной, проверкой. Если он пройдет ее, не вызвав подозрений, офицеры «Леди Флэмборо» станут для него воистину бесценным подспорьем и, сами того не подозревая, помогут выполнить в течение следующих двадцати четырех часов разработанный им сложный план.

Загримироваться под Дейла Лемке, пилота рейса № 106 авиакомпании «Небула», было несложно. Убив Лемке, Аммар сделал слепок его лица. В случае же с капитаном «Леди Флэмборо» террористу пришлось изрядно потрудиться, имея только восемь фотографий Коллинза, сделанных по его поручению в Британии одним из агентов. Вместе с фотографиями Аммар получил пленку с записью голоса Коллинза, и ему пришлось впрыснуть себе вещество, сделавшее его голос выше. Он нанял профессионального художника, который сделал скульптурное изображение лица Коллинза по фотографиям. Затем с этого скульптурного изображения были сделаны шаблоны. Далее настала очередь натурального латекса, который был окрашен под цвет кожи капитана Коллинза, нанесен на шаблоны и оставлен до застывания. Последним этапом стала сушка в печи. Затем Аммар с помощью гуммозного клея произвел требуемые изменения в структуре своего лица и надел готовую маску.

Протезы из пенопласта сделали нос и уши Аммара такими же, как у Коллинза, а грим довершил превращение. Надев специально изготовленный, окрашенный и должным образом причесанный парик, контактные линзы и накладки на зубы, Аммар превратился в точную копию капитана теплохода «Леди Флэмборо».

У террориста не было времени изучить привычки и манеры капитана. Поэтому он пытался в общих чертах выполнять его обязанности, так как он это себе представлял, и попутно запоминать лица и имена судовых офицеров. У него не было выбора, поэтому пришлось блефовать, не без оснований рассчитывая на то, что у членов экипажа не будет ни малейших оснований слишком уж пристально присматриваться к капитану. И когда офицеры зашли в каюту, он первым делом принял меры к тому, чтобы склонить чашу весов в свою пользу:

– Прошу извинить, джентльмены, за мой, должно быть, необычный внешний вид, но я немного простудился.

– Послать за доктором, капитан? – спросил второй помощник Герберт Паркер – пышущий здоровьем, загорелый молодой человек с круглым мальчишеским лицом, настолько гладким, что необходимость в бритье возникала у него не чаще раза в неделю.

Едва не ошибся, подумал Аммар. Доктор наверняка хорошо знает Коллинза и моментально обнаружил бы подмену.

– Нет, спасибо. Он уже выдал мне такое количество таблеток, что можно слона поставить на ноги. Я чувствую себя достаточно хорошо, чтобы выполнять свои обязанности.

Третий помощник, шотландец с абсолютно нешотландским именем Исаак Джонс, отбросил с высокого лба густую прядь рыжих волос и спросил:

– Можем мы что-нибудь сделать, сэр?

– Совершенно верно, мистер Джонс, – ответил Аммар. – Завтра прибудут наши ВИП-пассажиры. Вы организуете встречу. Нам не слишком часто выпадает честь принимать двоих президентов, и компания ожидает от нас проведения церемонии на самом высоком уровне.

– Да, сэр, – сказал Джонс, – вы можете на нас положиться.

– Мистер Паркер!

– Капитан?

– Примерно через час подойдет баржа с грузом для компании. Поручаю вам проследить за погрузкой. Кроме того, сегодня на борт прибудут представители службы безопасности. Позаботьтесь, чтобы их разместили подобающим образом.

– Непонятно, почему нас так поздно уведомили насчет груза, сэр? И потом, я был уверен, что египетские и мексиканские агенты службы безопасности пожалуют только завтра утром.

– Какими соображениями руководствуются директора нашей компании – тайна, покрытая мраком, – философски заметил Аммар. – Что же касается наших вооруженных до зубов гостей, компания хочет, чтобы на борту находились ее собственные агенты. Мало ли какие могут возникнуть проблемы.

– Получается, что одна команда агентов будет надзирать за другой?

– Что-то вроде этого. Полагаю, Ллойд[39] потребовал дополнительных гарантий, иначе страховые выплаты взлетели бы до небес.

– Понимаю.

– Еще вопросы, джентльмены?

Вопросов не было, и офицеры направились к выходу.

– Да, Герберт, еще одна просьба, – сказал ему в спину Аммар. – Постарайтесь, чтобы погрузка прошла как можно быстрее и с соблюдением максимальной осторожности.

– Конечно, сэр.

Выйдя на палубу, Паркер повернулся к Джонсу:

– Ты слышал? Он обратился ко мне по имени. Впервые за все время моего пребывания на этом судне. Тебе не кажется это странным?

Джонс безразлично пожал плечами:

– Должно быть, он болен серьезнее, чем думает.

* * *

К борту «Леди Флэмборо» подошла баржа, и на палубе был оперативно установлен небольшой грузовой кран. Погрузка прошла без происшествий. Одетые в строгие деловые костюмы, люди Аммара также прибыли на борт и были размешены в свободных каютах.

К полуночи работы были закончены, баржа отошла и исчезла в темноте, грузовой кран был убран в трюм, а погрузочные люки закрыты.

Аммар постучал условным стуком в дверь каюты Фини. Через несколько секунд дверь приоткрылась, и охранник отошел в сторону. Аммар оглянулся и, убедившись, что покрытый пушистой ковровой дорожкой коридор пуст, вошел в каюту.

Он молча указал на капитана, и охранник, подойдя к нему, сорвал липкую ленту с лица Коллинза.

– Мне очень жаль, что пришлось доставить вам некоторые неудобства, капитан, но я думаю, вы не дадите мне слово чести, что не попытаетесь бежать или как-нибудь иначе предупредить команду.

Коллинз сидел на стуле со скованными руками и ногами, но глаза его пылали ненавистью.

– Ты самый мерзкий, отвратительный негодяй, каких мне доводилось встречать. Твое место в канализации.

– Вы, британцы, так образно выражаете свое негодование, что это даже забавно. Американец употребил бы всего одно слово, сказав, по сути то, же самое.

– Мои офицеры не станут вам помогать.

– Даже если я прикажу своим людям перерезать глотки всей женской половине экипажа и бросить их на корм акулам?

Фини попытался прыгнуть на Аммара, но не потерявший бдительности охранник сделал быстрое движение и ударил помощника прикладом пленника в пах. Тот рухнул на стул, скорчившись от боли.

Коллинз не сводил ненавидящего взгляда с Аммара.

– Все правильно, чего же еще можно ожидать от банды потерявших человеческий облик террористов?

– Мы вовсе не невежественные подростки и не мясники, – спокойно объяснил Аммар. – Мы профессионалы высокого класса. Злосчастный эпизод с «Ахилле Лауро» больше не повторится. Мы не намерены никого убивать. Наша цель – задержать здесь на некоторое время президентов Хасана и Де Лоренцо и их людей. Если вы не будете нам мешать, мы выполним свою задачу и уйдем.

Коллинз всматривался в лицо своего двойника, стараясь заметить признаки лжи, но глаза Аммара излучали кристальную честность. Капитан не знал, как хорошо владеет араб мастерством лицедейства.

– Иначе вы не задумываясь перебьете мою команду?

– И вас тоже, разумеется.

– Что вы хотите от меня?

– Практически ничего. Мистер Паркер и мистер Джонс уже приняли меня за Оливера Коллинза. Теперь мне нужна помощь старшего помощника Финн. Вы прикажете ему подчиняться мне.

– Почему именно Фини?

– Я воспользовался компьютером в вашей каюте и прочитал информацию об офицерах. Фини хорошо знает эти воды.

– Ну и что?

– Мы не можем позволить себе рисковать, вызывая лоцмана, – объяснил Аммар. – Поэтому завтра после наступления темноты Фини примет на себя управление судном и выведет его в открытое море.

Коллинз немного подумал и отрицательно покачал головой:

– Когда портовые власти поймут, в чем дело, они заблокируют вход в порт и не выпустят вас, даже если это грозит гибелью всем, кто находится на борту.

– Небольшое судно без огней темной ночью вполне сможет выскользнуть из гавани, – заверил его Аммар.

– Как далеко вы собираетесь идти? При свете дня за вами будут охотиться все патрульные катера в радиусе ста миль.

– Они нас не найдут.

Коллинз откровенно удивился:

– Вы сумасшедший? Такое судно, как «Леди Флэмборо», нелегко спрятать.

– Вы правы, – спокойно сказал Аммар, и его губы искривила холодная улыбка. – Но его можно сделать невидимым.

Джонс сидел за столом в своей каюте и делал заметки относительно предстоящей церемонии встречи. В это время раздался стук в дверь – и в каюту вошел Паркер. Он выглядел усталым, и его форма была покрыта темными пятнами пота.

Джонс с улыбкой взглянул на коллегу:

– Погрузка закончена?

– Да, слава богу.

– Как насчет стаканчика на сон грядущий?

– Не откажусь от глотка твоего прекрасного шотландского солодового виски.

Джонс встал и достал из шкафа бутылку. Он наполнил два стакана и протянул один Паркеру.

– Смотри на жизнь с оптимизмом, – улыбнулся он. – Зато тебя освободили от утренней вахты.

– Лучше уж утренняя вахта, чем погрузка, – устало вздохнул Паркер. – А ты чем занят?

– Только что закончил подготовку к завтрашнему мероприятию.

– Я бы не стал тебя тревожить, но увидел свет в твоей каюте.

– Решил как следует подготовиться сегодня, чтобы завтра все прошло гладко.

– Фини нигде не видно, а мне хотелось с кем-нибудь поделиться.

Только теперь Джонс заметил смятение в глазах Паркера.

– Что случилось? Тебя что-то тревожит?

Паркер одним глотком допил виски и задумчиво уставился в пустой стакан.

– Мы только что взяли на борт самый странный груз, который мне приходилось видеть на круизном лайнере.

– Что погрузили? – заинтересовался Джонс.

Паркер устало вздохнул:

– Оборудование для окраски. Воздушные компрессоры, кисти, валики и пятьдесят бочек, наверное с краской.

– Какого цвета? – удивленно поинтересовался Джонс.

Паркер пожал плечами:

– Понятия не имею. На бочках испанская маркировка.

– Ничего странного в этом нет. Компания, должно быть, хочет, чтобы все было готово, когда судно пойдет в ремонт.

– Это еще не все. Мы погрузили огромные рулоны пластика.

– Пластика?

– И гигантские листы фиброкартона, – продолжил Паркер. – Мы погрузили километры этой ерунды. Все это едва вместилось в трюм Мы потратили три часа только на укладку.

Джонс задумался.

– Как ты думаешь, зачем компании все это понадобилось?

– Я тоже довольно долго ломал голову над этой загадкой, – ухмыльнулся Джонс, – и ничего не придумал.

35

Египетские и мексиканские агенты поднялись на борт судна вскоре после восхода солнца и приступили к тщательному осмотру, целью которого было обнаружение взрывчатых веществ, если таковые имелись. Они также производили проверку сведений о членах экипажа с целью выявления потенциальных террористов. За исключением нескольких индусов и пакистанцев, все члены команды были англичанами и не имели оснований строить коварные замыслы против египетского или мексиканского правительства.

Все террористы Аммара говорили на хорошем английском и проявили готовность к сотрудничеству. Они по первому требованию продемонстрировали свои фальшивые британские паспорта и прочие документы и предложили оказать помощь в осмотре судна.

Президент Де Лоренцо прибыл тем же утром, только немного позднее. Он был физически крепким человеком невысокого роста с непослушными седыми волосами, жалобным взглядом больших темных глаз и скорбным выражением лица интеллектуала, обреченного всю жизнь заниматься научной работой. Ему было немногим больше шестидесяти лет.

Его встретил Аммар в облике капитана Коллинза. Судовой оркестр исполнил мексиканский национальный гимн, после чего глава мексиканского государства и его свита были препровождены в свои апартаменты, расположенные по правому борту «Леди Флэмборо».

Во второй половине дня к борту судна подошла яхта одного из египетских промышленников, на которой прибыл президент Хасан. Египетский лидер был полной противоположностью своего мексиканского коллеги. Он был моложе – недавно отметил пятидесятичетырехлетие. Высокий и стройный, он двигался неуверенно, как больной человек, а его черные как смоль волосы уже заметно поредели. Влажные черные глаза взирали на весь мир с подозрением.

Церемония встречи повторилась, после чего президент Хасан и его приближенные водворились в апартаментах по левому борту теплохода.

На экономический саммит в Пунта-дель-Эсте прибыло более пятидесяти глав государств стран третьего мира. Некоторые из них предпочли остановиться в поместьях, принадлежащих богатым гражданам своих стран или в эксклюзивном отеле «Кантегрил кантри клаб». Другие предпочли спокойное пребывание на круизных судах.

Улицы, отели и рестораны наводнили дипломаты и журналисты. Уругвайские официальные лица не без оснований беспокоились, сумеют ли они справиться с таким наплывом важных иностранцев в дополнение к обычному потоку туристов. Полиция страны с помощью военных делала все возможное, чтобы справиться с ситуацией, но довольно скоро они были сметены людским потоком, который тек по улицам города. Поэтому полиция оставила попытки навести порядок на улицах, сосредоточившись на охране участников саммита.

Аммар стоял на мостике и обозревал город в бинокль. На минуту опустив бинокль, он взглянул на часы.

Стоящий рядом Ибн-Тельмук спросил:

– Считаешь минуты до наступления ночи, не так ли, Сулейман Азиз?

– Заход солнца через сорок три минуты, – не оборачиваясь, сказал Аммар.

– В порту довольно людно, – заметил Ибн-Тельмук, кивнув на снующие вокруг маленькие катера и яхты, на палубах которых толпились журналисты, жаждущие получить эксклюзивное интервью, и туристы, желающие поглазеть на знаменитостей.

– Никому не разрешайте подниматься на борт, кроме членов мексиканской и египетской делегаций.

– А если кто-нибудь из них пожелает сойти на берег?

– Пусть идут. Порядки на судне должны оставаться прежними. А беспорядки в городе нам только на руку. Нас никто не хватится, а потом будет слишком поздно.

– В полиции и охране дураков нет. Когда с наступлением темноты они не обнаружат наших огней, начнется расследование.

– Их уведомят, что наш главный генератор находится в ремонте. – Аммар указал на другое круизное судно, стоявшее дальше от берега, между «Леди Флэмборо» и песчаной косой, ограничивающей гавань. – С берега его огни можно будет принять за наши.

– Если никому не придет в голову присмотреться повнимательнее.

Аммар пожат плечами:

– Нам нужен всего один час, чтобы выйти в море. Уругвайские власти все равно не начнут поиски за пределами бухты до рассвета.

– Если есть необходимость устранить египетских и мексиканских агентов безопасности, – сказал Ибн-Тельмук, – то сейчас самое время.

– Глушители у всех есть?

– Выстрелы будут не громче, чем хлопок в ладоши. Аммар окинул Ибн-Тельмука проницательным взглядом:

– Хитрость и спокойствие, мой друг. Используйте любой обман, чтобы изолировать их и уничтожить. Нельзя допустить ни возгласа. Если хотя бы одному из них удастся спрыгнуть за борт и предупредить силы безопасности на берегу, мы все умрем. Убедись, что все наши люди это понимают.

– Нам придется изрядно потрудиться этой ночью.

– Что ж, пора отработать наши деньги и сделать Язида правителем Египта.

* * *

Первыми убрали египетских охранников. Не имея никаких оснований не доверять лжеагентам Аммара, они спокойно шли в свободные пассажирские каюты, где их ждала смерть.

Для обмана использовались любые предлоги, на первый взгляд похожие на правду. К примеру, ни у одного из охранников не вызвала сомнений ложь, что один из их высокопоставленных членов делегации слег с пищевым отравлением и капитан просит агента срочно прибыть на место происшествия.

Как только очередной египетский охранник входил в каюту, за ним закрывали дверь, и террорист, исполнявший роль палача, хладнокровно посылал ему пулю в сердце. Затем тела складывали в спальне, а кровь быстро смывали.

Когда подошла очередь мексиканцев, у двоих охранников Де Лоренцо возникли подозрения – и они отказались входить в каюту. Справиться с ними в темном коридоре было делом нескольких секунд. Ни один из несчастных не успел поднять тревогу.

Так один за другим были уничтожены все агенты египетской и мексиканской службы безопасности, всего двенадцать человек. Осталось только два египтянина и три мексиканца, которые стояли у дверей кают своих лидеров.

Темнота быстро сгущалась. Аммар снял капитанскую форму и натянул черный хлопковый костюм. Затем он стянул латексную личину и надел на лицо маску клоуна.

Он как раз затягивал на поясе тяжелый ремень с двумя автоматическими пистолетами и радиопередатчиком, когда в дверь, предварительно постучавшись, вошел Ибн-Тельмук.

– Осталось пятеро, – доложил он, – их можно взять только открытым штурмом.

– Хорошая работа, – сказал Аммар. – Больше нет смысла прятаться. Уберите их, но предупреди наших людей, чтобы соблюдали осторожность. Не хочу, чтобы Хасан или Де Лоренцо случайно пострадали.

Ибн-Тельмук кивнул и отдал распоряжения террористу, ожидающему за дверью. Потом он снова взглянул на Аммара и уверенно улыбнулся:

– Все будет в порядке.

Аммар махнул рукой в сторону большого медного хронометра, висящего над столом капитана Коллинза.

– Уходим через тридцать семь минут. Соберите всех пассажиров и членов экипажа, кроме судовых механиков. Позаботьтесь, чтобы в машинном отделении все были на своих местах, когда я отдам приказ. Остальные пусть сидят в пассажирском салоне. Пора нам открыться и выдвинуть требования.

Ибн-Тельмук не ответил. Он стоял не двигаясь, лишь по его физиономии медленно расползалась улыбка, обнажая все имеющиеся в наличии зубы.

– Аллах уготовил нам великое будущее, – изрек он.

Аммар не смог скрыть иронии:

– Мы будем лучше знать это по прошествии пяти дней.

– Он уже послал нам хороший знак. Она здесь.

– Она? О ком ты говоришь?

– Гала Камиль.

Сначала Аммар не понял, в следующий момент не поверил.

– Камиль? Она здесь, на судне?

– Она поднялась на борт менее десяти минут назад, – ответил сияющий Ибн-Тельмук. – Я поместил ее в одну из кают, предназначенных для женской части экипажа, и приставил охрану.

– Аллах воистину благосклонен к нам, – молвил Аммар.

– Да, он направил муху прямо в сеть к пауку, – добавил Ибн-Тельмук, – и дал тебе второй шанс убить ее от имени Ахмеда Язида.

* * *

В сгущающихся сумерках прошел короткий тропический дождь. Небо очистилось, дождевые тучи уплыли на север. На улицах Пунта-дель-Эсте и на судах в гавани снова засверкали огни, отбрасывая на воду разноцветные блики.

К борту судна сенатора Питта доставил легкий катер. Ему показалось странным отсутствие огней на «Леди Флэмборо». Судно выглядело темным и пустынным, особенно по сравнению с ярко освещенными судами по соседству.

Держа в руках портфель, сенатор спрыгнул на узкую полосу трапа. Не успел он сделать и двух шагов по палубе, когда катер уже отвалил от судна и заторопился к причалу. Сенатор огляделся и обнаружил, что находится в полном одиночестве. Во всем этом было нечто странное. В первый момент сенатор было подумал, что перепутал судно.

Единственным звуком, единственным признаком жизни, донесшимся до озадаченного гостя, был мерный шум генераторов из недр корпуса, да еще чей-то голос, неразборчиво вешавший по судовой связи в помещениях надстройки.

Он обернулся, чтобы вернуть катер, но тот уже успел отойти слишком далеко. Кричать было бесполезно. Потом из тени возникла фигура, державшая в руках автоматическую винтовку, направленную в грудь сенатора.

– Это «Леди Флэмборо»? – раздраженно спросил сенатор.

– Кто вы? – Последние слова по непонятной причине были произнесены шепотом. – Что вы здесь делаете? – Охранник вел себя довольно странно, и сенатор счел необходимым назвать себя и объяснить свое присутствие. – Говорите, вы сенатор Джордж Питт? Американец? Вас не ждали.

– Президент Хасан был проинформирован о моем прибытии, – нетерпеливо пояснил сенатор. – Пожалуйста, опустите оружие и проводите меня в его апартаменты.

Охранник подозрительно осмотрелся:

– С вами прибыл еще кто-нибудь?

– Нет, я один.

– Вы должны немедленно вернуться на берег.

Сенатор показал на удаляющийся катер:

– Увы, мой транспорт уже ушел.

Охранник напряженно что-то обдумывал. В конце концов он решился, опустил винтовку, спустился на палубу и подошел к двери. Свободную руку он протянул к портфелю.

– Сюда, пожалуйста, – тем же таинственным шепотом проговорил он, словно делился с сенатором важным секретом. – Дайте мне ваш портфель.

– Здесь официальные документы, – решительно заявил сенатор и, для верности прижав к себе портфель обеими руками, прошел мимо охранника.

Он откинул тяжелую черную занавеску и оказался в просторном салоне, площадью около двухсот квадратных метров. Обширное помещение было отделано дубовыми панелями и стилизовано под гостиную английского родового замка. Здесь были люди: одни – одетые в деловые

костюмы, другие – в форму членов экипажа. Все они с напряженным вниманием уставились на вошедшего, словно он был мячом в решающем футбольном поединке.

У стен салона молча стояли девять человек, одетых в одинаковые черные костюмы, напоминающие спортивные, и мягкие туфли. На плече у каждого висел автомат. Медленно водя дулами автоматов из стороны в сторону, эти люди контролировали аудиторию.

– Добро пожаловать, – сказал усиленный динамиками голос. Он принадлежал человеку, внешне не отличимому от остальных, стоящих перед микрофоном. Единственное, что выделяло его среди собравшихся, – маска клоуна, закрывавшая верхнюю часть лица. – Будьте добры, представьтесь.

Сенатор Питт в полном недоумении смотрел по сторонам:

– Что здесь происходит?

– Я пока не получил ответа на свой вопрос, – сказал Аммар с ледяной вежливостью.

– Сенатор Джордж Питт. Я прибыл для встречи с президентом Хасаном. Мне сообщили, что он находится здесь, на борту этого судна.

– Президент Хасан сидит в первом ряду кресел.

– Но почему эти люди держат всех под прицелом?

Аммар вздохнул, демонстрируя притворную усталость:

– По-моему, сенатор, все совершенно очевидно. Вы по недоразумению попали на захваченное судно.

Сенатор силился поверить в очевидное, но его разум не желал мириться с абсурдностью происходящего. И еще он почувствовал страх, который помимо воли закрался в душу и грозил овладеть всем его существом. Словно под гипнозом, он двинулся вперед, прошел мимо капитана Коллинза и его офицеров, увидел знакомые, но очень бледные лица президентов Хасана и Де Лоренцо и, словно споткнувшись, остановился, встретившись взглядом с Галой Камиль.

В этот момент он понял, что эти люди вскоре умрут.

Он молча обнял Галу за плечи и, взглянув в ее горящие гневом глаза, почувствовал, что страх покинул его, уступив место ненависти.

– Ради бога, – воскликнул он, – вы понимаете, что делаете?

– Я отлично понимаю, что делаю, – ответил Аммар. – Аллах благословил каждую деталь моего плана. Выражаясь вашим языком, он

повысил наши ставки, неожиданно послав нам Генерального секретаря ООН и американского сенатора. На ваше прибытие мы, откровенно говоря, не рассчитывали.

– Вы совершаете непоправимую ошибку, – мрачно изрек сенатор. – Вы не сумеете выйти живыми из капкана, в который сами же и угодили.

– Что вы, сенатор! Я сумею выбраться из этого, как вы изволили сказать, капкана живым, и обязательно сделаю это.

– Невозможно.

– Вовсе нет, – тихо проговорил Аммар, и на его физиономии появилась угрожающая улыбка. – И очень скоро вы сами в этом убедитесь.

36

Николс уже надел пальто и укладывал бумаги в портфель, собираясь отправиться домой, когда в комнату заглянула секретарша:

– К вам господин из Лэнгли, сэр.

– Пусть заходит.

Агент ЦРУ, которого Николс хорошо знал, вошел в комнату, держа в руке старомодный кожаный портфель, который делал его похожим на бухгалтера.

– Ты застал меня как раз вовремя, Кейт, – сказал Николс – Я уже собрался домой.

Кейт Фаркер был обладателем роскошных пышных усов, густой копны каштановых волос и очков в роговой оправе. Этот неизменно серьезный немногословный человек с задумчивыми глазами был превосходным работником. Именно такие люди, подумал Николс, являются основой основ Центрального разведывательного управления.

Не дожидаясь приглашения, Фаркер уселся на стул для посетителей, положил портфель на колени и набрал комбинацию цифр на кодовом замке, которая открыла защелку и отключила небольшое взрывное устройство, приводившееся в действие при несанкционированном доступе. Он извлек из портфеля тонкую папку и положил на стол перед Николсом.

– Мистер Броган поручил сказать вам, что информация об Ахмеде Язиде очень неполная. Биографических данных, касающихся рождения, родителей, образования, семьи, детей, так же как упоминаний об участии в судебных разбирательствах, уголовных или гражданских, не существует. Нашим экспертам по Востоку пришлось работать только с описаниями знавших Язида людей. К сожалению, все они по той или

иной причине стали врагами Язида, поэтому излагали свое мнение, с определенным предубеждением.

– А как насчет психологического портрета?

– Наши психологи составили предварительный проект. В душу Язида так же сложно проникнуть, как в сердце песчаной бури. Он принял строжайшие меры безопасности и окружил себя покровом тайны, который трудно сорвать. Если журналистам и удавалось взять интервью у кого-то из окружения Язида, они состояли в основном из недомолвок и туманных фраз.

– Что лишь добавляло таинственности образу. Не человек, а мираж!

Фаркер улыбнулся:

– Мистер Броган сказал: ускользающий мираж.

– Спасибо тебе за то, что принес документы, – сказал Николс, – и спасибо всем, кто собирал информацию.

– Все к услугам клиента, – усмехнулся Фаркер. Он защелкнул замок, встал и направился к двери. – Приятного вечера.

– Вам тоже.

Николс вызвал секретаршу. Она вошла, уже одетая в пальто, и с опаской спросила:

– Могу я еще что-нибудь сделать до ухода? – Женщина явно боялась, что ей придется третий вечер подряд работать сверхурочно.

– Будьте добры, позвоните моей жене. Скажите, чтобы она не волновалась, я обязательно приду к ужину, просто задержусь на полчаса.

Секретарша облегченно вздохнула:

– Да, сэр. Я сейчас позвоню, сэр. Всего хорошего.

– До свидания.

Николс зажал в зубах трубку, но закуривать не стат. Отложив портфель, он сел за стол и углубился в чтение Фаркер не преувеличил. Данные были крайне скудными. И хотя на протяжении последних шести лет о Язиде много писали, сведения о его жизни до необыкновенно быстрого взлета из небытия заняли всего лишь один небольшой параграф. Его имя впервые появилось в средствах массовой информации, когда он был арестован египетской полицией во время сидячей забастовки в поддержку голодающих Каира, организованной в вестибюле шикарного отеля. Затем он стал ездить с проповедями по самым отдаленным уголкам страны.

Ахмед Язид утверждал, что родился в трущобах среди грязи и нищеты, что его детство прошло на мусорных свалках Каира. Семья долгое время жила на грани голодной смерти, и в конце концов его отец и две сестры умерли от болезни, вызванной голодом и антисанитарными условиями.

Он не получил образования, но всю свою молодость учился у святых людей, проповедников ислама. Правда, ни один из последних не был найден, чтобы подтвердить это заявление. Язид утверждал, что его устами говорит сам пророк Магомед, передавая божественные откровения верующим и требуя, чтобы Египет вновь стал исламским государством.

Язид отработал и речь, и манеру поведения и знал все ораторские и актерские приемы, чтобы подчинить себе толпу слушателей, вначале завладев ее вниманием, а в конце доведя до экстаза. Он утверждал, что западная философия неспособна решить социально-экономические проблемы Египта. Он вещал, что все египтяне принадлежат к потерянному поколению, которое должно обрести себя посредством духовного прозрения.

Существовали свидетельства того, что он не гнушается использованием террористических методов для достижения своих целей, хотя он категорически это отрицал. Расследование пяти отдельных инцидентов привело прямиком к Язиду. Среди терактов было убийство высокопоставленного чиновника Военно-воздушных сил США, взрыв грузовика возле советского посольства, обставленное как казнь социализма, убийство четверых университетских преподавателей, которые выступали за западный образ жизни, привело именно к Язиду. Прямых доказательств его причастности к этим преступлениям не существовало, но, основываясь на обрывочной информации, полученной ЦРУ от мусульманских информаторов, аналитики сделали вывод, что Язид планирует некий ловкий ход, направленный на свержение президента Хасана и захват власти на волне народного одобрения.

Николс отложил папку и, не удержавшись, все-таки закурил трубку. Где-то в самом отдаленном уголке памяти возникла смутная, неоформившаяся пока мыслишка, которая, однако, тревожила, не давала покоя.

Что-то в отчете, который он только что внимательно прочитал, показалось ему знакомым. Он взял в руки глянцевую фотографию Язида и стал задумчиво рассматривать его самоуверенное, недоброе лицо.

Ответ пришел внезапно. Он был простым и крайне шокирующим одновременно.

Николс нетерпеливо схватил телефонную трубку и набрал номер телефона, известный только очень ограниченному кругу лиц. В ожидании ответа он нервно барабанил пальцами по столу.

– Броган слушает.

– Мартин! Слава богу, вы на месте!

– Что я могу для вас сделать, Дейл? – спросил директор ЦРУ. – Вы получили документы по Язиду?

– Да, спасибо, – ответил Николс – Я уже все прочитал и обнаружил кое-что, в чем вы можете мне помочь.

– Конечно, рассчитывайте на меня.

– Мне необходимы образцы крови двоих персонажей и отпечатки пальцев.

– Отпечатки пальцев?

– Именно.

– В наши дни пользуются генетическими кодами и анализами ДНК, – снисходительно объяснил Броган. – Что вы задумали?

Николс помолчал, собираясь с мыслями.

– Если я скажу, то, боюсь, вы первый потребуете, чтобы на меня надели смирительную рубашку.

Йегер снял свои стариковские очки, засунул их в карман хлопчатобумажной рабочей куртки, переворошил, а потом снова сложил в аккуратную стопку компьютерные распечатки. Потом он открыл банку диетической колы и сделал изрядный глоток.

– Черт, – скорее грустно, чем злобно помянул нечистого компьютерный гений. – Все напрасно. Чтобы найти след, оставленный тысяча шестьсот лет назад, нужна более полная информация, чем та, что у нас есть. Компьютер не может отправиться в путешествие во времени, а потом рассказать, как все было.

– Быть может, доктор Гронквист сможет точнее определить, в какой местности «Серапис» подходил к берегу, когда закончит изучение найденных артефактов, – предположила Лили.

Питт сидел двумя рядами ниже в амфитеатре конференц-зала НУМА.

– Я разговаривал с ним по радио всего лишь час назад. Он не нашел ничего, кроме предметов из Средиземноморья.

Экран над сценой заполнило трехмерное изображение Атлантического океана, показывающее складки земли и неровности морского дна. Взгляды всех присутствующих были прикованы к экрану.

Всех, кроме одного. Адмирал Джеймс Сэндекер подозрительно рассматривал Ала Джордино, а если точнее – толстую сигару, свисавшую из уголка рта заместителя директора департамента специальных проектов НУМА.

– Когда, интересно, ты начал покупать продукцию фирмы «Хойо де Монтеррей экскалибур»?

Джордино невинно взглянул на адмирала:

– Это вы мне, адмирал?

– А кому же еще? Если мне не изменяет зрение, из всех присутствующих только вы и я курим «экскалибур», и потом, я не имею обыкновения беседовать сам с собой.

– Великолепные сигары! Запах просто божественный, – сказал Джордино, глубоко затянувшись и выдохнув облачко голубого дыма. – Отдаю должное вашему изысканному вкусу, адмирал.

– Где вы ее взяли?

– Купил в маленьком магазинчике в Балтиморе. Не помню названия.

Сэндекер не был обманут ни этой очевидной ложью, ни невинным выражением лица собеседника. Джордино уже много лет таскал у него сигары, но больше всего адмирала бесил не сам факт воровства, а то, что он никак не мог понять, как это удается коротышке итальянцу. Не имело значения, как надежно он запирал коробку с сигарами. Все равно еженедельный подсчет неизменно выявлял, что двух штук не хватает.

Джордино свято хранил секрет, не посвящая в него даже Питта. Его лучший друг ни при каких обстоятельствах не стал бы лгать, если бы его спросили, как это было сделано. Только сам Джордино и его старый кореш из ВВС, который был профессиональным взломщиком и работал на одно из разведывательных агентств, был в курсе деталей операции «Сигара».

– Я испытываю большое искушение потребовать у тебя чек, – сообщил Сэндекер.

– Мы подошли к вопросу под неверным углом, – сказал Питт, решив вернуть собравшихся к теме беседы.

– Какой другой угол ты имеешь в виду? – поинтересовался Йегер. – Нам доступен лишь один подход – логический.

– Не имея никаких указаний на направление, эта работа с самого начала была обречена на провал, – вздохнула Лили.

– Во всем виновата халатность Руфинуса, – вмешался Сэндекер, решив блеснуть остроумием. – Он обязан был ежедневно заносить в журнал свои координаты и пройденное расстояние.

– Он имел строгий приказ не вести никаких записей.

– А они умели в те времена определять свое местонахождение? – спросил Джордино.

Лили кивнула:

– Гиппарх[40] определял положение наземных ориентиров, высчитывая их широту и долготу еще за сто с лишним лет до нашей эры.

Сэндекер сложил руки на животе и с любопытством взглянул на Питта поверх очков для чтения.

– Мне знаком этот отсутствующий взгляд. У тебя определенно появилась какая-то идея, – сказал он.

Питт сгорбился на стуле.

– Мы оценивали факты и строили предположения, не учитывая личность человека, составившего план вывоза сокровищ Александрийской библиотеки.

– Юния Венатора?

– Это был блестящий ум, – продолжал Питт, – современники характеризовали его как смелого экспериментатора, не боявшегося вторгаться в те отрасли, которые другие ученые считали запретными. Мы упустили один момент. Надо было поставить вопрос следующим образом, где бы мы спрятали величайшую коллекцию сокровищ литературы и искусства своего времени, будь мы на месте Венатора.

Первым подал голос Йегер:

– Лично я продолжаю считать наиболее вероятным вариантом Африку, за Кейптауном вдоль восточного побережья обязательно найдется подходящая река.

– Тем не менее твои компьютеры ничего не обнаружили.

– Да, – признал Йегер, – ни одного совпадения. Но ведь одному Господу известно, как изменился материк за шестнадцать веков.

– А разве не мог Венатор повести флот на северо-восток в Черное море? – спросила Лили.

– Руфинус вполне определенно говорил о путешествии продолжительностью пятьдесят восемь дней, – возразил Джордино.

Сэндекер, попыхивая сигарой, кивнул:

– Да, но если его флот был застигнут непогодой или был вынужден сражаться со встречными ветрами, тогда за этот срок они могли одолеть менее тысячи миль.

– Адмирал хочет сказать, – уступил Йегер, – что древние суда были сконструированы таким образом, чтобы плыть по воле волн и ветра. Их парусное оснащение было недостаточно эффективным для плавания против ветра. Неблагоприятные погодные условия вполне могли снизить скорость их передвижения на восемьдесят процентов.

– Не забывайте, – вмешался Питт, – что Венатор погрузил на свои суда четырехкратный запас продовольствия.

– Он с самого начала планировал длительное путешествие, – сказала увлекшаяся рассуждениями Лили. – Венатор не собирался каждые несколько дней причаливать к берегу, чтобы пополнить запасы продовольствия.

– Иначе говоря, – сказал Сэндекер, – если Венатор хотел сохранить свое путешествие в секрете, он должен был держаться подальше от берега, чтобы не оставлять следов.

Питт покачал головой:

– Как только суда миновали Гибралтарский пролив, необходимость в соблюдении секретности исчезла. Венатор вышел в открытое море и волен был плыть в любую сторону. Византийские военные суда, отправленные за ним в погоню, так же как и мы, оказались бы сбитыми со следа.

Йегер заинтересованно уставился на Питта:

– Итак, мы пытаемся примерить на себя туфли Венатора[41], или его сандалии, уж не знаю, что носили в ту эпоху. Каков же наш план?

– Доктор Ротберг, сам того не подозревая, дал нам ключ к разгадке, – объяснил Питт. – Он сказал, что Венатор наверняка спрятал сокровища там, где никому из его современников не пришло бы в голову их искать.

Йегер нахмурился:

– Это может быть любое место древнего мира.

– Или за пределами этого мира, каким его знали римляне.

– Географические карты того времени охватывали только Северную Африку, восточную часть Черного моря и Персидский залив, не более того, – сказала Лили.

– Этого мы точно не знаем, – возразил Питт. – У Юния Венатора был доступ к знаниям, которые накапливались человечеством на протяжении четырех тысяч лет. Он знал о существовании Африканского континента и обширных степей России. Он должен был знать о торговле с Индией и экспорте товаров из Китая. И он изучал записи о путешествиях, значительно более продолжительных, чем обычные римско-византийские торговые пути.

– Мы знаем, что в Александрийской библиотеке был целый раздел, посвященный географии, – сказала Лили. – Венатор мог работать с картами, составленными в более ранние времена.

– И что же он там нашел, как вы думаете? – спросил Сэндекер.

– Направление, – ответствовал Питт.

Питту удалось разжечь всеобщее любопытство и привлечь к себе внимание. И он не разочаровал слушателей. Выйдя на сцену, он взял световую указку и отметил небольшую стрелку на трехмерном изображении.

– Остался единственный вопрос, – сказал Джордино, – куда повернули корабли: на север или на юг.

– В том-то и дело, что никуда. – Питт переместил светящуюся стрелку через Гибралтарский пролив и далее через Атлантику. – Венатор повел свои суда к Америкам.

Его заявление было встречено недоверчивым молчанием.

– Нет никаких свидетельств, подтверждающих версию контакта с Америками в доколумбову эпоху, – уверенно заявила Лили.

– «Серапис» – прекрасное доказательство возможности такого путешествия, – задумчиво протянул Сэндекер.

– Конечно, тут существует противоречие, – признал Питт, – но, согласитесь, в искусстве и культуре майя слишком много сходства с европейской и азиатской культурой, чтобы этот факт можно было игнорировать. Вполне возможно, Америка в древности не была изолирована от Европы и Азии, как мы считали раньше.

– Мне нравится ход твоих мыслей, – снова воодушевился Йегер. – Я покупаю эту идею! Могу даже поспорить на мою коллекцию пластинок Вилли Нельсона, что финикийцы, египтяне, греки, римляне и викинги –

все они ступали по земле Америк – и Северной, и Южной – еще до Колумба.

– Ни один уважающий себя археолог не станет даже рассматривать такую возможность, – сухо сообщила Лили.

Джордино довольно ухмыльнулся:

– Это потому, что они не ставят на кон свою репутацию.

Сэндекер взглянул на Йегера:

– Ну что, попробуем еще раз?

Йегер в свою очередь обратил свой взор на Питта:

– Какие береговые линии ты хочешь исследовать?

Питт почесал подбородок. Только сейчас он понял, как давно не брился.

– Начни с гренландского фьорда и двигайся на юг до Панамы. – Он еще раз взглянул на трехмерное изображение и добавил: – Это должно быть где-то там.

37

Капитан Оливер Коллинз постучал костяшками пальцев по установленному на мостике барометру. Покосившись на стрелку, едва различимую из-за моря огней на берегу, он тихо выругался. Погода стояла превосходная, и ожидать в ближайшее время перемен не было никаких оснований. Если бы только налетел шторм, судно не смогло бы покинуть гавань, с тоской подумал он. Капитан Коллинз был первоклассным моряком, но в части психологии террористов был несилен.

Сулейман Азиз Аммар приказал бы выводить «Леди Флэмборо» в море даже в условиях жесточайшего урагана. Он напряженно замер в капитанском кресле на мостике и лишь временами вытирал платком пот, струйками стекавший на шею с подбородка.

Во влажном климате маска стала настоящим бедствием, так же как и перчатки, которые он не снимал ни на минуту. Террорист переносил дискомфорт стоически. Даже если захват судна в конечном счете окажется неудачным, он не сомневался, что сумеет спастись, и спецслужбы никогда не смогут установить его личность, поскольку он не оставит им ни отпечатков пальцев, ни описания внешности.

Один из его людей стоял у штурвала и вопросительно поглядывал на командира. Еще двое охраняли вход на мостик, их винтовки были

нацелены на Коллинза и старшего помощника Фини, стоящего рядом с рулевым Аммара.

Начался прилив, постепенно развернувший судно на якоре, и теперь нос «Леди Флэмборо» был направлен к выходу из гавани. Аммар еще раз внимательно оглядел в бинокль акваторию и махнул рукой Фини, продолжая говорить в маленький радиопередатчик.

– Пора, – сказал он. – Прикажите своим людям, чтобы начинали работать.

Физиономия Фини скривилась от бессильной ярости. Он с надеждой взглянул на капитана, но тот лишь пожал плечами, и старший помощник неохотно приказал поднять якорь.

Через две минуты якорь, взметнув облако илистой мути, показался из воды и был надежно закреплен в клюзе. Рулевой стоял у штурвала, но не брался за рукояти. На современных кораблях ручное управление используется только в случае ненастной погоды или когда за штурвал встает лоцман при входе или выходе из порта. Фини вел корабль и регулировал скорость при помощи панели, соединенной по каналу оптоволоконной связи с автоматизированной системой управления судном. В процессе работы он не упускал из поля зрения экран радара.

Крадучись, словно призрак в ночи, «Леди Флэмборо», никем не замеченная, проскользнула меж судов. Ее изящный силуэт можно было обнаружить, только когда темный корпус на минуту заслонял яркие огни на берегу, но этого не произошло. Дизели круизного лайнера работали очень тихо, да и большие, перемалывающие воду гребные винты почти не создавали шума.

Как привидение из леденящего душу ужастика, путешествующее среди памятников и могильных плит кладбища, «Леди Флэмборо» обошла стоящие на рейде суда и повернула к узкому проходу, ведущему в открытое море.

Аммар взял телефонную трубку и вызвал радиорубку.

– Что там? – коротко поинтересовался он.

– Пока ничего, – ответил террорист, прослушивающий радиочастоту уругвайских военных патрульных катеров.

– Если что услышишь, немедленно дай знать на мостик.

– Понял.

– Прямо по курсу небольшой катер, – сообщил Фини. – Мы должны уступить дорогу.

Аммар приставил дуло пистолета к затылку Фини:

– Курс и скорость прежние.

– Но мы же идем на столкновение! – запротестовал Фини. – Наше судно без огней, они нас не видят!

Вместо ответа дуло пистолета лишь сильнее уперлось в затылок моряка.

Все, кто был на мостике, видели приближающееся судно. Это была моторная яхта. Коллинз машинально прикинул, что ее длина около сорока метров, а ширина метров восемь. Она была красива, элегантна и ярко освещена. На борту, похоже, была вечеринка. Люди прогуливались по палубе, беседовали и танцевали. Коллинз с ужасом увидел, что антенна радара неподвижна.

– Дайте сигнал! – взмолился он. – Предупредите их! Они еще могут уйти от столкновения!

Аммар проигнорировал просьбу капитана.

Секунды бежали быстро и неумолимо, и вскоре столкновение стало неизбежным. Веселящиеся на яхте пассажиры и ее рулевой не подозревали о надвигающемся на них из темноты стальном монстре.

– Бесчеловечно! – воскликнул Коллинз. – Это преступление!

Форштевень круизного лайнера врезался в правый борт маленькой яхты. Сильного удара не было, не было слышно и душераздирающего скрежета рвущегося металла. Люди на мостике «Леди Флэмборо» почувствовали только слабый толчок, когда махина высотой с четырехэтажный дом подмяла под себя маленькую яхту и разрезала ее непрочный корпус пополам.

Впечатление было такое, словно по детской игрушке ударили кувалдой.

Глядя на последствия катастрофы, Коллинз в ужасе сжал кулаки. Он ясно слышал женский крик и звуки глухих ударов – это носовая и кормовая части яхты, прежде чем затонуть, несколько раз ударились о борта «Леди Флэмборо». Теперь за круизным лайнером по воде тянулся след из обломков и тел.

Некоторых пассажиров просто сбросило с палубы в воду, и они сразу поплыли подальше от места аварии. Но было много раненых, которые не имели возможности плыть и теперь хватались за крупные обломки, которые могли помочь несчастным удержаться на воде. Прошло совсем немного времени, и судно оставило их далеко позади.

Ярость и горечь, овладевшие Фини, требовали выхода.

– Проклятый убийца! – крикнул он и плюнул Аммару в лицо.

– Только Аллаху ведомо непредвиденное, – сказал Аммар. Его голос был равнодушен и безразличен. Он медленно опустил пистолет, все еще упиравшийся в затылок Фини. – После выхода из канала ложитесь на курс один пять пять по магнитному компасу и включайте автопилот.

Даже тропический загар не мог скрыть мертвенной бледности, покрывшей лицо Коллинза.

– Ради бога, – сказал он Аммару, – радируйте уругвайским спасателям! Иначе все эти люди погибнут.

– Нет.

– Они не узнают, откуда поступило сообщение.

Аммар отрицательно покачал головой:

– Менее чем через час, после того как местные власти узнают об инциденте, расследованием займется служба безопасности. А это значит, что будет обнаружено наше отсутствие и организовано преследование. Мне жаль вас разочаровывать, капитан, но каждая морская миля, отделяющая нас от Пунта-дель-Эсте, может иметь решающее значение. Поэтому мой ответ – нет.

Коллинз внимательно посмотрел в глаза Аммару. Капитан был совершенно сбит с толку и отчаянно пытался сориентироваться в этой непростой и, главное, незнакомой для него ситуации.

– Какая сумма должна быть выплачена, прежде чем вы освободите мое судно?

– Если вы и ваша команда будете выполнять приказы, вам никто не причинит вреда.

– А что будет с пассажирами? Какие у вас планы относительно президентов Хасана и Де Лоренцо?

– Со временем они будут освобождены.

Коллинз чувствовал полную беспомощность, но прилагал все усилия, чтобы его голос звучал спокойно.

– Не собираетесь же вы задерживать их в качестве заложников с целью получения выкупа.

– Похоже, в свободное от работы время вы увлекаетесь чтением мыслей на расстоянии, – усмехнулся Аммар.

– Не надо быть антропологом, чтобы заметить: ваши люди – выходцы с Ближнего Востока. Полагаю, вы собираетесь убить египтян.

Аммар улыбнулся, но его глаза оставались холодными и пустыми.

– Жизнь и смерть человека в руках Аллаха. А я только выполняю приказы.

– Чьи приказы?

Прежде чем Аммар смог ответить, в динамиках раздался голос радиста:

– Рандеву ориентировочно в ноль два тридцать, командир.

Аммар подтвердил, что понял сообщение, и снова поднял глаза на Коллинза.

– Очень жаль, капитан, но у меня нет времени продолжать нашу содержательную беседу. До рассвета еще очень многое надо сделать.

– Но скажите по крайней мере, какие у вас планы относительно моего судна? – спросил Коллинз. – Уж такую информацию вы должны мне сообщить.

– Пожалуйста, – пробормотал Аммар, причем было видно, что его мысли уже заняты совершенно другими вопросами. – Завтра в это же время все мировые информационные агентства сообщат, что теплоход «Леди Флэмборо» пропал без вести, предположительно затонул на глубине двухсот морских саженей[42].

38

– Ты что-нибудь слышал, Карлос? – спросил старый рыбак, сжимая потертые рукояти штурвала старой рыбачьей шхуны.

Его сын прислушался и весело произнес:

– У тебя слух лучше, отец. Я слышу только стук нашего двигателя.

– Мне показалось, вроде бы женщина звала на помощь.

Молодой человек снова прислушался и пожат плечами:

– Я ничего не слышу, отец.

– Крик донеся оттуда, – сказал Луис Чавес. Он потеребил свою седую, клочковатую бороду и заглушил двигатель. – Мне же не могло это присниться!

У Чавеса было хорошее настроение: улов оказался неплохим. И хотя трюмы были полны только наполовину, разнообразие извлеченной из морских недр рыбы было настолько высоко, что гарантировало славные

барыши. Да и содержимое шести бутылочек пива, плескавшееся в желудке старого рыбака, настраивало его на благодушный лад.

– Папа, я что-то вижу в воде.

– Где?

– Вон там! – Карлос показал рукой в темноту. – Слева по борту. Похоже на обломки лодки.

Зрение старого рыбака с возрастом утратило остроту, и ночью он видел не так хорошо, как раньше. Он прищурился и стал пристально вглядываться в направлении, указанном сыном. Действительно, на поверхности воды виднелись какие-то обломки. Судя по яркой белой краске и обилию лакировки, это была яхта. «Взрыв или столкновение?» – подумал Луис. Скорее всего, столкновение. До берега было недалеко. Порт сиял огнями в каких-то двух километрах. Взрыв бы уже давно и заметили, и услышали. А вокруг почему-то не было видно никаких признаков спасательных судов.

Рыбачья лодка качалась среди обломков, когда ухо старого рыбака снова уловило странный звук. На этот раз ему показалось, что он слышит не крик, а рыдание, причем совсем рядом.

– Позови из камбуза Рауля, Джустино и Мануэля. Поторопись! Скажи, чтобы приготовились нырять в воду за уцелевшими людьми.

Мальчик побежал выполнять приказ, а старый рыбак вышел из рубки, включил прожектор и осветил близлежащее водное пространство. Почти сразу он заметил фигуры двоих людей, лежащих на обломке тиковой панели метрах в двадцати от лодки. Мужчина не двигался, а женщина, оказавшись в луче прожектора, начала отчаянно размахивать руками. Потом она истерически взвизгнула и принялась молотить по воле руками и ногами.

– Спокойно! – крикнул Чавес – Не паникуйте, мы уже рядом.

Он обернулся, услышав за спиной топот ног. Экипаж в полном составе высыпал на палубу.

– Что здесь?

– Двое уцелевших цепляются за какой-то деревянный обломок. Приготовьтесь поднять их на борт. Одному из вас придется отправиться в воду и оказать и помощь.

– Ни один из нас не полезет в воду, – отозвался Джустино, побелев как мел.

Чавес услышат пронзительный крик женщины, резко обернулся и с ужасом увидел острый плавник, потом уродливую голову и челюсти с бесчисленным количеством зубов, смыкающиеся вокруг ног женщины.

– Пресвятая Мария, Матерь Божья! – пробормотал Луис и начат быстро креститься.

Он с замиранием сердца следил, как акула тащит женщину вглубь. Вокруг уже кружили другие акулы, привлеченные кровью. Они наскакивали на импровизированный плот до тех пор, пока тело мужчины не скатилось в воду. Один из рыбаков перегнулся через борт, и его вырвало.

Крики женщины стихли, и вокруг снова воцарилась тишина.

* * *

Менее чем через час главный координатор сил безопасности Уругвая полковник Хосе Рохас, поигрывая стеком, стоял перед группой офицеров в военной форме. После окончания военного училища в своей стране он проходил дальнейшее обучение в британском гвардейском гренадерском полку и перенял у своих иностранных коллег старомодную манеру всегда носить с собой офицерскую тросточку.

Он стоял возле стола, на котором располагалась диорама примыкающей к берегу части Пунта-дель-Эсте, и готовился произнести речь.

– Мы организуем три команды для патрулирования портового района. Они будут меняться каждые восемь часов, – заговорил он, для достижения драматического эффекта похлопывая тростью по ладони. – Наша задача – находиться в постоянной боевой готовности и оказать поддержку тем, кто подвергнется нападению террористов. Прошу вас держаться незаметно, чтобы не распугать туристов и дать им повод подумать, что в Уругвае власть принадлежит военным. Вопросы есть?

Руку поднял лейтенант Эдуардо Васкес:

– Полковник!

– Васкес?

– Что нам делать, если мы увидим подозрительную личность?

– Немедленно доложите об этом. Вполне возможно, что это агент безопасности другого государства или Интерпола.

– А если он будет вооружен?

Рохас вздохнул:

– Тогда вы будете точно знать, что он агент службы безопасности. Оставьте международные инциденты для дипломатов. Все ясно?

Больше вопросов не было.

Рохас отпустил людей и пошел в свой временный кабинет в здании начальника порта. Полковник как раз стоял у кофейного автомата, ожидая, пока пластиковый стаканчик наполнится кофе, когда подошел его заместитель.

– Капитан Флорес из военно-морского департамента спрашивает, можете ли вы спуститься вниз.

– Он сказал, что ему нужно?

– Нет, только несколько раз повторил, что это срочно.

Чтобы не пролить кофе, Рохас не пошел по лестнице, а дождался лифта. Флорес, безупречно выглядевший в белой военно-морской форме, встретил его на первом этаже и, ничего не объясняя, предложил пройти в большой ангар, расположенный на противоположной стороне улицы. Там размещались спасательные катера. Внутри помещения небольшая группа людей внимательно изучала обломки. Рохасу показалось, что это были обломки лодки.

Капитан Флорес представил ему Чавеса и его сына.

– Эти рыбаки только что доставили сюда эти обломки, обнаруженные ими во входе в гавань, – объяснил он. – Они говорят, что, судя по всему, прогулочная яхта столкнулась с большим судном.

– Почему несчастный случай с яхтой должен интересовать силы безопасности? – не понял Рохас.

На этот вопрос ответил капитан порта, мужчина средних лет с густой шевелюрой и ощетинившимся ежиком усов.

– Потому что эта катастрофа может бросить тень на экономический саммит. – Вздохнув, он добавил: – На месте трагедии сейчас работают спасатели. Пока уцелевших людей не обнаружили.

– Вы опознали яхту?

– На одном из обломков, доставленных мистером Чавесом, было название. Судно называлось «Лола».

Рохас покачал головой:

– Я плохо знаю названия многочисленных развлекательных посудин. Это название должно мне что-то говорить?

– Яхта была названа в честь супруги Виктора Риверы, – ответил Флорес – Вы его знаете?

Рохас замер:

– Разумеется, я знаком со спикером палаты депутатов. Так это была его яхта?

– Во всяком случае, она была зарегистрирована на его имя, – кивнул Флорес – Мы уже связались с его секретаршей. Конечно, ничего ей не сообщили, просто поинтересовались местонахождением мистера Риверы. Она сказала, что он принимает на борту своей яхты аргентинских и бразильских дипломатов.

– Сколько? – Голос Риверы поневоле дрогнул, а в душе начала подниматься мутная волна страха.

– Ривера и его жена, еще двадцать три пассажира и пять членов команды. Всего тридцать человек.

– Имена?

– У секретарши не было списка гостей, ведь мы звонили ей домой. Я уже отправил человека в офис Риверы за списком.

– Думаю, будет лучше, если с этого момента я сам возглавлю расследование, – заявил Рохас официальным тоном.

– Военно-морской флот готов оказать вам любую необходимую помощь, – сказал Флорес, не скрывая радости, что счастливо избавился от ответственности.

Рохас повернулся к капитану порта:

– Какое судно столкнулось с яхтой?

– Непонятно. За последние десять часов ни одно судно не прибыло и не вышло из порта.

– Судно может войти в порт без вашего ведома?

– Для этого капитан должен по крайней мере сойти с ума.

– Но это возможно? – настаивал Рохас.

– Нет, – твердо сказал капитан порта. – Ни одно океанское судно не может пришвартоваться к причалу или бросить якорь на рейде без моего ведома.

Уверенный тон капитана порта понравился Рохасу.

– А выйти из порта?

Капитан порта в течение нескольких секунд обдумывал вопрос, потом кивнул:

– От причала практически невозможно отойти незамеченным. Но если судно стоит на рейде, если капитан или офицеры знают канал и если оно пойдет без огней, то, пожалуй, сможет тайно покинуть акваторию. Но я бы сказал, что это маловероятно.

– Вы можете снабдить капитана Флореса списком судов, стоящих на рейде?

– Я передам ему копию через десять минут.

– Капитан Флорес!

– Полковник?

– Я бы хотел, чтобы вы возглавили поиски пропавшего судна.

– С радостью, полковник. Приступаю немедленно.

Рохас окинул задумчивым взглядом лежащие на полу обломки яхты.

– Страшно подумать, – пробормотал он, – что здесь начнется еще до рассвета.

* * *

Незадолго до полуночи, закончив поиски в акватории гавани, капитан Флорес уведомил Рохаса, что не обнаружено только одно судна – «Леди Флэмборо».

Прочитав список ВИП-пассажиров «Леди Флэмборо», полковник Рохас почувствовал себя совсем плохо. Он был настолько потрясен, что приказал немедленно начать поиски на берегу, теша себя напрасной надеждой, что, быть может, египетский и мексиканский президенты предпочли воспользоваться апартаментами на суше. И только когда стало совершенно очевидно, что президенты исчезли вместе с судном, пришлось признать, что имеет место террористический акт.

На рассвете начались широкомасштабные поиски пропавшего судна, в которых участвовали все самолеты объединенных воздушных сил Уругвая, Аргентины и Бразилии. Они обследовали почти четыреста тысяч квадратных километров территории Южной Атлантики.

«Леди Флэмборо» обнаружить не удалось.

Создавалось впечатление, что ее поглотило море.

Чьи-то руки расстегнули ворот его рубашки и нежно, но настойчиво поглаживали шею и плечи. Он сделал усилие, чтобы вырваться из объятий сна. Тем более что его сон иначе как кошмаром назвать было нельзя. Ему снилось, что он находится на большой глубине и изо всех сил рвется вверх, к дрожащим на поверхности солнечным бликам, хотя понимает, что все равно не успеет. Он протер глаза, приоткрыл их и увидел, что лежит на диване в своем кабинете, а в нескольких сантиметрах от его глаз находится пара симпатичных стройных ножек.

Питт сел и уставился в смеющиеся глаза Лили. Он посмотрел на запястье и сообразил, что снял часы и положил их на стол вместе с ключами, бумажником и мелочью.

– Который час? – хриплым голосом поинтересовался он.

– Половина шестого, – ответила Лили и вновь принялась массировать плечи и шею Питта.

– Утра или вечера?

– Вечера. Ты спишь больше трех часов.

– А разве ты никогда не спишь?

– Мне, знаешь ли, хватает четырех часов в сутки.

Питт сладко зевнул и пробормотал:

– Я очень сочувствую твоему будущему мужу.

– Я принесла тебе кофе, – сообщила Лили и присела на краешек стола.

Питт надел туфли и поправил выбившуюся рубашку.

– Йегер что-нибудь нашел?

– Да.

– Неужели реку?

– Пока нет. Хайрем что-то темнит, но утверждает, что ты прав: Юний Венатор переплыл Атлантику до викингов и Колумба.

Питт сделал глоток кофе и скривился:

– Тут же нет кофе, один сахар!

Лили состроила удивленную рожицу:

– Алберт сказал, что ты всегда кладешь четыре ложки сахара.

– Ал врет. Я предпочитаю вообще без сахара.

– Значит, я была злодейски обманута.

– Не ты первая, не ты последняя.

Джордино сидел, пристроив ноги на столе Йегера. Он с наслаждением уплетал последний кусок пиццы, одновременно внимательно изучая топографическую карту береговой линии.

Йегер не сводил покрасневших глаз с монитора и не глядя что-то черкал в блокноте. Он мог и не оборачиваться, когда в кабинет вошли Лили и Питт. Их отражения были видны на экране.

– Нам удалось сделать прорыв, – заявил он с чувством глубокого удовлетворения.

– Что ты имеешь в виду?

– Вместо того чтобы изучать каждую щель к югу от могилы «Сераписа» в Гренландии, я перепрыгнул сразу в Мэн и начал там искать соответствия описаниям.

– Сработало? – нетерпеливо спросил Питт.

– Да! Если помнишь, Руфинус писал, что, после того как они оставили Венатора, судно в течение тридцати одних суток трепал шторм с юга, после чего они сумели отыскать безопасную гавань и отремонтировать судно. На следующем этапе путешествия очередной шторм сорвал паруса и унес рулевые весла. После этого судно дрейфовало какое-то количество дней и в конце концов нашло свой конец в гренландском фьорде.

Йегер замолчал и вывел на экран карту американского побережья Северной Атлантики. Его пальцы быстро забегали по клавиатуре. На экране появилась тонкая линия, которая потянулась от восточного берега Гренландии на юг, зигзагом обошла вокруг Ньюфаундленда, мимо Новой Шотландии и Новой Англии и закончилась в точке, расположенной чуть выше Атлантик-Сити.

– Нью-Джерси? – озадаченно протянул Питт.

– Залив Барнегат, если быть точным, – сказал Джордино. Он принес топографическую карту, положил на стол и обвел нужный участок красным маркером.

– Залив Барнегат, Нью-Джерси? – повторил Питт.

– Форма береговой линии в триста девяносто первом году была совсем другой, – вещал Йегер, словно читая лекцию студентам. – Она была более изломанной, а залив – глубже и защищен со всех сторон.

– Как ты пришел к выводу, что это и есть искомое место? – спросил Питт.

– В описании бухты Руфинус упомянул об огромном море карликовых сосен и пресной воде, которая сочилась из песка, стоило только проткнуть его палкой. Это место называется Пальмовая равнина. Она тянется по южной части штата и на востоке доходит до берега. Уровень грунтовых вод там очень высок, можно сказать они выходят на поверхность. Во время весеннего половодья или после сильного дождя там действительно можно проткнуть палкой дыру в песчаном грунте и набирать воду.

– Выглядит многообещающе, – признал Питт. – Но ведь Руфинус утверждал, что добавил груз каменного балласта.

– Это меня тоже смутило. Поэтому я призвал на помощь знакомого геолога. Он и обнаружил каменоломню как раз в том месте, где, как я считаю, пристал к берегу «Серапис».

– Прекрасная работа, – не мог не признать Питт – Тебе удалось взять нужное направление.

– Что мы теперь будем делать? – спросила Лили.

– Я продолжу двигаться на юг, – ответил Йегер, – а мои люди займутся вычислением примерного курса Венатора к западу от Испании. Кажется очевидным, что острова, на которые сделал первый заход флот Венатора после выхода из Средиземного моря, – это Вест-Индия. Продолжая маршрут «Сераписа» от Нью-Джерси и проектируя курс Венатора к Америкам, мы получим ориентировочную точку пересечения в радиусе пятисот миль от подходящей реки.

Лили скептически улыбнулась.

– Я никак не могу понять, как ты собираешься проследить курс Венатора, если он запретил ведение всех записей и нам ничего не известно о направлениях, течениях, ветрах и расстояниях.

– Ну для этого большого ума не надо, – сухо пояснил Йегер. – Я возьму данные из судовых журналов Колумба во время его путешествия в Новый Свет, рассчитаю его курс и сделаю поправки на разницу в конструкции корпуса, сопротивлении воды, такелажа и площади парусов между флотом Колумба и византийскими судами, построенными на тысячу лет раньше.

– Когда ты говоришь, все кажется простым.

– Ну, честно говоря, не совсем. Можно точно знать направление на цель, но при этом потратить довольно много усилий, чтобы до нее добраться.

Усталость и бесконечные часы нудной, кропотливой работы были позабыты. Покрасневшие глаза Йегера горели решимостью. Лили тоже была полна энергии. Оба ждали выстрела стартового пистолета.

– Сделай это, – сказал Питт. – Найди Александрийскую библиотеку.

* * *

Питт думал, что Сэндекер послал за ним, желая получить отчет о состоянии дел с поисками, но, увидев обеспокоенное выражение лица адмирала, сразу понял, что возникли новые проблемы. Больше всего встревожили Питта мягкие, почти нежные глаза адмирала. Обычно они были холодными и жесткими, как кремень.

Когда же Сэндекер вскочил из-за стола, подошел к Питту, взял его за руку, довел до дивана и сам сел рядом, Питт уже не сомневался: проблемы серьезные.

– Я только что получил тревожные новости из Белого дома, – начал Сэндекер. – Круизное судно, на котором находились президенты Де Лоренцо и Хасан, прибывшие для участие в экономическом саммите, судя по всему, захвачено и уведено в неизвестном направлении.

– Жаль, конечно, но при чем тут НУМА?

– На борту находилась Гала Камиль.

– Черт!

– И сенатор.

– Мой отец? – удивился Питт. – Я с ним позавчера разговаривал по телефону, и он не сказал, что собирается в Уругвай. Как он туда попал?

– Отправился со специальным поручением президента. Питт встал и принялся нервно ходить взад-вперед по кабинету.

– Какова ситуация в настоящий момент?

– Судно «Леди Флэмборо», так называется британский круизный лайнер, исчезло из порта Пунта-дель-Эсте прошлой ночью.

– Где оно в данный момент?

– В настоящее время ведутся масштабные поиски с воздуха. Уругвайские власти склоняются к тому, что оно находится на дне моря.

– Насколько я понял, доказательств нет, поэтому я не могу принять эту версию.

– Я полностью с тобой согласен, мой мальчик.

– Погодные условия?

– Если верить сводке, в том районе стоит превосходная погода.

– Суда исчезают во время шторма, – сказал Питт, – но не на спокойной воде.

Сэндекер сокрушенно развел руками:

– Пока не поступят новые данные, мы можем только строить гипотезы.

Питт не мог поверить, что его отец мертв. То, что он услышал, было слишком неубедительным.

– Что собирается предпринять Белый дом?

– У президента связаны руки.

– Это более чем странно, – сухо сказал Питт. – Он мог приказать всем кораблям военно-морских сил в этом районе принять участие в поисках.

– В том-то и загвоздка, – вздохнул Сэндекер. – Военно-морской флот Соединенных Штатов не несет постоянного дежурства в Южной Атлантике. Там иногда проводятся учения, но сейчас в том районе нет ни одного нашего корабля.

Питт подошел к окну. Вечерний Вашингтон был красиво освещен.

– Иными словами, вы хотите сказать, что правительство США не участвует в поисках?

– Похоже на то.

– А что мешает НУМА принять в них участие?

– В общем, ничего, просто у нас нет флота судов береговой охраны и авианосца.

– Зато у нас есть «Саундер».

Сэндекер на несколько секунд задумался.

– Конечно! Как это я не подумал о наших исследовательских судах?

– Насколько я помню, оно занимается картографическими работами где-то в районе Бразилии?

Сэндекер кивнул.

– Ладно, предположим, ты окажешься там. Но ведь «Саундер» слишком тихоходен, чтобы быть полезным в поисках на больших водных пространствах. Что ты намерен сделать?

– Если судно моего отца не найдено на воде, я поищу его под водой.

– Ты сможешь проверить тысячу квадратных миль, может быть, чуть больше.

– Сонары «Саундера» могут охватить полосу шириной две мили. А в дополнение к этому там есть подводный аппарат. Мне необходимо только ваше разрешение принять командование.

– Тебе потребуется помощь.

– Я возьму с собой Джордино и Руди Ганна. Мы хорошая команда.

– Руди сейчас занят в глубоководных операциях на Канарских островах.

– Он может быть в Уругвае через восемнадцать часов.

Сэндекер сцепил руки над головой и уставился в потолок. Он чувствовал, что Питт, конечно, беспокоится, но не сомневается в ответе адмирала.

– Ладно, сынок, попробуй, – тихо сказал Сэндекер. – Я постараюсь помочь.

– Спасибо, адмирал, – сказал Питт, – я вам очень благодарен.

– Да, а как дела с поисками Александрийской библиотеки?

– Йегер и доктор Шарп уже близки к разгадке. На данном этапе работы Джордино и я не нужны, мы только путаемся под ногами.

Сэндекер встал и положил руки на плечи Питта:

– Помни, вполне возможно, что твой отец жив.

– Лучше бы ему быть живым, – невесело усмехнулся Питт. – Иначе я никогда его не прощу.

40

– Черт побери, Мартин, – раздраженно воскликнул президент, – неужели ваши эксперты по Ближнему Востоку просмотрели этот заговор?!

Директор ЦРУ Мартин Броган устало пожал плечами. Он уже привык, что его обвиняли во всех террористических актах, в ходе которых американцев либо убивали, либо брали в заложники. Успехи ЦРУ отмечались крайне редко, а ошибки являлись объектами пристального внимания конгресса и средств массовой информации.

– Судно с командой и пассажирами на борту было уведено из-под носа у лучших в мире агентов безопасности, – вздохнул он. – Кто бы ни придумал и ни осуществил столь безумный план, это серьезный и достойный противник. В этом теракте нет ничего общего с обычными

приемами террористов. В свете этого я не удивляюсь тому, что наша антитеррористическая сеть не обнаружила его заранее.

Алан Мерсьер, национальный советник по безопасности, снял очки и принялся тщательно протирать стекла носовым платком.

– Мы тоже не сидели без дела, – сказал он, желая поддержать Брогана. – Анализ материалов, полученных по системам прослушивания, не выявил и намека на готовящийся захват круизного лайнера и похищение двоих президентов.

– Получается, что, отправив Джорджа Питта к президенту Хасану, я послал старого друга на смерть, – грустно сказал президент.

– Это не ваша вина, – возразил Мерсьер.

Президент со злостью стукнул кулаком по столу:

– Сенатор, Гала Камиль, Де Лоренцо и Хасан! Не могу себе представить, что всех их уже нет в живых.

– Мы этого точно не знаем, – осторожно напомнил Мерсьер.

Президент неприязненно уставился на советника.

– Невозможно спрятать круизное судно с командой и пассажирами на борту, Алан, – язвительно сообщил он. – Это понимает даже такой тупой политик, как я.

– Но шанс все-таки есть.

– Какой, к дьяволу, шанс? Это была миссия террористов-смертников! Все вышло до боли просто. Людей закрыли в каютах, а судно затопили. Террористы и не думали спасаться. Они тоже пошли на дно.

– Нам еще не известны все факты, – не согласился Мерсьер.

– А что мы знаем?

– Наши эксперты сейчас находятся в Пунта-дель-Эсте. Они работают вместе с уругвайской службой безопасности, – сказал Броган. – Пока мы располагаем только предварительными выводами. Первое: захват осуществила группа арабов. Есть два свидетеля, которые находились на проходящем катере и видели, как на «Леди Флэмборо» с баржи что-то грузили. Они слышали, что члены экипажей обоих судов переговаривались между собой по-арабски. Баржу не нашли. Видимо, она уже на дне морском.

– Есть сведения о грузе? – поинтересовался Мерсьер.

– Свидетели смогли вспомнить, что видели какие-то барабаны. Больше ничего, – сказал Броган. – Второе: в офис капитана порта поступило ложное сообщение, вроде бы с «Леди Флэмборо», о поломке главного генератора, поэтому на судне не будет освещения, кроме навигационных огней, до завершения ремонтных работ. Когда стемнело, неосвещенное судно подняло якорь и выскользнуло из гавани, на выходе протаранив яхту, на борту которой находились высокопоставленные южноамериканские бизнесмены и дипломаты. Это единственная неувязка в безупречно выполненном плане. Потом судно исчезло.

– Тонкая работа, – отметил Мерсьер. – Совсем не похоже на топорное покушение на Галу Камиль. Я имею в виду второе покушение.

– Другая группа, – добавил Броган.

Впервые в разговор вступил Дейл Николс:

– Да. Те люди, которые пытались убить Галу Камиль, были не слишком осторожны. На телах мы обнаружили египетские паспорта. Их предводителем был мулла, один из самых фанатичных последователей Язида.

– Вы считаете, что за похищение судна ответствен Язид?

– Во всяком случае, у него определенно есть мотивы, – сказал Броган. – Убрав с дороги президента Хасана, он имеет все шансы взять власть в Египте в свои руки.

– То же самое можно сказать о президенте Де Лоренцо, Топильцине и Мексике, – добавил Николс.

– Интересная связка, – сказал Мерсьер.

– Мы, конечно, отправим специалистов ЦРУ по борьбе с терроризмом в Уругвай, – сказал президент, – но что еще можно сделать? Какими мы располагаем возможностями для помощи в поиске «Леди Флэмборо»?

– На первый ваш вопрос я могу ответить одно, – сказал Броган, – сделать мы можем немного. Следствие находится в хороших руках. Уругвайские полицейские и разведчики обучались у нас и в Англии. Они знают свое дело и плотно сотрудничают с нашими экспертами. – Он сделал паузу и, старательно избегая взгляда президента, продолжил: – На второй вопрос я могу ответить то же самое: наши возможности невелики. Наших кораблей в Южной Атлантике нет. Ближайший к этому району корабль – это атомная подводная лодка, проводящая маневры в Антарктике. Наши латиноамериканские друзья прекрасно обходятся без нас. Более восьмидесяти военных и коммерческих самолетов и по крайней мере четырнадцать кораблей из Аргентины,

Бразилии и Уругвая с рассвета прочесывают морское пространство в районе Пунта-дель-Эсте.

– И не могут найти ничего, что проливало бы свет на судьбу «Леди Флэмборо», – отметил президент. Он уже лишился остатков оптимизма и постепенно впадал в уныние.

– Найдут, – коротко сказал Мерсьер.

– Наиболее вероятно, они найдут обломки и тела, – откровенно признал Броган. – Ни одно судно такого размера не может исчезнуть, не оставив следов.

– Прессе уже известно о случившемся? – спросил президент.

– Мне сообщили, что новость прошла по телеграфным каналам час назад, – сообщил Николс.

Президент сжат кулаки.

– Представляю, какой шум поднимут в сенате, когда станет ясно, что их коллега пал жертвой террористического акта. Даже не представляю, какие требования они выдвинут.

– Одной только информации о миссии сенатора достаточно для грандиозного скандала, – сказал Николс, – если это также просочится в прессу.

– Вам не кажется странным, – возбужденно заговорил президент, – что террористы могут убивать глав государств и дипломатов, походя отправляя на тот свет толпы невинных жертв, а когда их арестовывают, отделываются несколькими годами тюрьмы. Когда же мы начинаем играть по их правилам и применяем оружие, нас во всеуслышание объявляют кровожадными разбойниками и мстителями, забывшими о морали. Средства массовой информации не оставят нас в покое, да и конгресс потребует расследования.

Николс встал и прошелся по комнате:

– Не думаю, что нам стоит беспокоиться. Никаких записей не велось. Только те, кто находится в этой комнате, знали, зачем сенатор Питт отправился в Пунта-дель-Эсте на встречу с президентом Хасаном.

– Дейл прав, – сказал Мерсьер, – мы можем найти множество вполне правдоподобных объяснений его поездке.

Президент разжал кулаки и потер усталые глаза:

– Сенатор Питт мертв меньше суток, а мы уже думаем, как прикрыть наши задницы.

– Эта проблема представляется сущей ерундой по сравнению с политическими катастрофами в Мексике и Египте, – вздохнул Николс. – Если Хасан и Де Лоренцо мертвы, Египет пойдет по пути Ирана и будет безвозвратно потерян для Запада. Что же касается Мексики… – он мгновение помедлил, – у нас появится бомба замедленного действия в непосредственной близости от границы.

– И какие же меры мы должны принять, по вашему мнению?

Николс почувствовал болезненные колики в животе и учащенное сердцебиение. Президент и два профессиональных разведчика смотрели на него в упор. Николсу неожиданно стало интересно, что именно вызвало у него столь сильный стресс: необходимость дать ответ столь серьезным собеседникам или же мысли о грядущих катастрофах.

– Я предлагаю дождаться доказательств гибели «Леди Флэмборо» и ее пассажиров.

– А если доказательства так и не будут получены? – требовательно вопросил президент. – Должны ли мы ждать, пока в Египте и Мексике, президенты которых пропали без вести и считаются мертвыми, власть захватят Ахмед Язид и Топильцин, два безумца, одолеваемых манией величия? Как тогда быть? Что мы должны делать, чтобы остановить их, пока не станет слишком поздно?

– Исключая убийства, ничего. – Николс начал непроизвольно массировать рукой живот, стараясь унять боль. – Мы можем только готовиться к худшему.

– Что вы имеете в виду?

– Попрощаться с Египтом, – угрюмо заявил Николс, – и ввести войска в Мексику.

41

Сильный ливень неустанно поливал потоками прохладной воды уругвайскую столицу Монтевидео, когда из низких облаков над аэропортом вынырнул маленький самолетик и пошел на посадку. Лихо прокатившись по посадочной полосе, он свернул в сторону от коммерческого терминала и направился в противоположный конец летного поля, где стояло несколько ангаров, а рядом – боевые истребители. Появившийся неизвестно откуда «седан-форд» с военными номерами проводил самолетик к месту стоянки для ВИП-рейсов.

Полковник Рохас стоял в ангаре и смотрел сквозь залитое дождем стекло на поле. Когда самолет подкатил ближе, он увидел на фюзеляже крупные буквы: «НУМА». Шум двигателей стих, и из самолета вышли

три человека. Они поспешили забраться в «форд», который доставил их внутрь ангара.

Полковник подошел к двери своего кабинета и, пока молодой лейтенант – его помощник – вел гостей по обширному помещению ангара, внимательно изучал прибывших.

Коротышка с кудрявыми черными волосами, широкими плечами и грудью как у боевого линкора был, судя по виду, чрезвычайно силен. Таким рукам позавидовал бы и медведь. Его глаза хмурились, но губы кривились в веселой усмешке, обнажавшей ровные, белые зубы.

Худощавый человек в очках в роговой оправе выглядел как аудитор, прибывший для проверки финансовой деятельности компании. В одной руке у него был портфель, в другой – две книги. Он тоже улыбался, но его улыбка казалась не просто веселой, а какой-то задорной, озорной. Рохас решил, что это, должно быть, приятный человек, легкий в общении и чрезвычайно компетентный.

Высокий человек, шедший последним, имел очень густые черные вьющиеся волосы и такие же густые брови. Его лицо было загорелым и скуластым. Он выглядел безразличным ко всему происходящему, и создавалось впечатление, что ему совершенно все равно, где провести очередной отпуск – в тюремной камере или на Таити. Но Рохас не обманулся насчет него. Этого человека выдавали умные, проницательные глаза. Пока двое других с любопытством осматривали ангар, он нашел глазами Рохаса и теперь сверлил его взглядом, словно пытался заглянуть в душу.

Рохас сделал несколько шагов навстречу и поприветствовал гостей:

– Добро пожаловать в Уругвай, джентльмены. Полковник Хосе Рохас к вашим услугам. – Затем он взглянул на высокого человека и на хорошем английском с легким налетом кокни, который он усвоил в Британии, сказал: – Очень рад с вами познакомиться, после нашего телефонного разговора я с нетерпением ждал встречи, мистер Питт.

Питт вышел вперед и пожал руку полковнику:

– Спасибо, что нашли время встретиться с нами, мистер Рохас – Указав на человека в очках, он сказал: – Это Руди Ганн, а столь похожая на преступника личность справа от меня – Алберт Джордино.

Рохас слегка наклонил голову и лениво похлопал тросточкой по ноге.

– Прошу извинить, что принимаю вас в этой неуютной обстановке, но после похищения судна нашу страну наводнила армия журналистов со всего света. Они налетели как саранча, от которой нет спасения. Я

решил, что будет удобнее поговорить вдали от этой алчущей сенсаций орды.

– Разумно, – согласился Питт.

– Вы бы не хотели немного отдохнуть после долгого и утомительного перелета и поужинать в клубе летчиков?

– Спасибо за приглашение, полковник, – вежливо сказал Питт, – но если вы не возражаете, мы бы хотели перейти прямо к делу.

– Тогда, если вы пройдете за мной, я введу вас в курс.

В кабинете полковник представил гостям капитана Игнасио Флореса, который координировал поиски на море и с воздуха. Потом он пригласил американцев пройти к большому столу, заваленному морскими картами и фотографиями со спутников.

Прежде чем начать инструктаж, Рохас взглянул на Питта.

– Мне очень жаль, что ваш отец оказался среди пассажиров этого судна. Вы не упомянули об этом по телефону.

– Вы хорошо информированы, – сухо ответил Питт.

– Час назад я разговаривал с советником по безопасности вашего президента.

– Вероятно, вам будет приятно узнать, что наши разведчики высоко ценят ваш опыт и результативность работы.

Официальность Рохаса дала трещину. Он не ожидал такого комплимента. У него даже голос изменился, стал мягче, приветливее.

– Мне жаль также, – уже с откровенной приязнью сказал он, – что я не могу сообщить вам ничего обнадеживающего. С тех пор как вы покинули Соединенные Штаты, у нас не появилось никаких новых данных. Единственное, что я могу сделать в данный момент, это предложить вам глоток лучшего уругвайского бренди.

– Лично мне такое предложение представляется чрезвычайно заманчивым, – тут же ответил Джордино, – особенно учитывая дождливую погоду.

Рохас обернулся к помощнику:

– Лейтенант, окажите любезность. – Потом он склонился над столом и сдвинул вместе несколько увеличенных черно-белых спутниковых снимков так, чтобы получилось изображение водной поверхности на расстоянии трехсот километров от берега. – Полагаю, все присутствующие знакомы с этими фотографиями?

Руди Ганн кивнул:

– В настоящее время НУМА занимается тремя спутниковыми океанографическими программами, исследующими течения, приливно-отливные явления, направления ветров и перемещения ледовых полей.

– Но ни одна из них не затрагивает этот район Атлантики, – сказал Рохас – Основные географические исследования ведутся на севере.

– Да, вы правы. – Ганн поправил очки и стал рассматривать снимки. – Я вижу, вы использовали спутник системы «Ландсат».

– Совершенно верно.

– И вы использовали его графические возможности, чтобы показать суда в море.

– Нам повезло, – улыбнулся Рохас. – Полярная орбита спутника проходит над водным пространством в районе Уругвая только один раз в шестнадцать день. Спутник подоспел как раз кстати.

– «Ландсат» в первую очередь используется для геологических исследований, – сказал Руди Ганн. – Обычно, когда спутник проходит над океанами, камеры выключают, чтобы экономить энергию. Как вам удалось получить изображения?

– Как только был отдан приказ о начале поисков, – объяснил Рохас, – метеорологи получили команду обеспечить сообщение прогноза погоды патрульным кораблям и самолетам. Один из метеорологов по наитию проверил орбиту спутника «Ландсат» и выяснил, что он вот-вот пройдет над районом поисков. Был направлен срочный запрос вашему правительству. Камеры включили, а сигналы пошли на приемную станцию в Буэнос-Айресе.

– На снимках с «Ландсата» можно увидеть объект таких размеров, как «Леди Флэмборо»?

– Ты не увидишь деталей, как на снимках с высокой разрешающей способностью, которые делают разведывательные спутники министерства обороны, – ответил Питт, – но такой объект будет обозначен точкой.

– Вы правы, – сказал Рохас – Можете посмотреть сами. Он установил объектив с подсветкой над нужным участком и отошел в сторону.

Питт склонился над объективом первым.

– Я вижу два, нет, три судна.

– Мы идентифицировали все три.

Рохас сделал знак капитану Флоресу, который начат зачитывать данные с листка бумаги. При этом он так старался правильно выговаривать английские слова, что стал похож на первоклассника на уроке чтения.

– Самое большое судно – это чилийский рудовоз «Кабо Каллегос». Он идет из Пунта-Аренас в Дакар с грузом угля.

– Вы говорите об идущем на север судне на нижнем краю изображения? – спросил Питт.

– Да, – согласился Флорес – Это и есть «Кабо Каллегос». Хо судно, что видно на верхнем краю, идет на юг. Это мексиканский контейнеровоз «Генерал Браво». Везет снабженческие грузы и буровое оборудование в Сан-Пабло.

– Где это? – полюбопытствовал Джордино.

– Сан-Пабло – это небольшой портовый город в Аргентине, – сказал Рохас – В прошлом году там была забастовка нефтяников.

– Судно между ними – это «Леди Флэмборо», – чуть ли не торжественно произнес Флорес.

Вошел лейтенант с бутылкой бренди и пятью стаканами. Полковник поднял свой стакан:

– За встречу!

– За встречу, – ответили нестройным хором американцы.

Питт сделал большой глоток – позже он признался, что проклятое уругвайское бренди сожгло его горло дотла, он вроде бы даже почувствовал привкус гари – потом еще несколько секунд разглядывал изображение и уступил место у объектива Ганну.

– Я не могу определить, куда идет «Леди Флэмборо».

– После выхода из Пунта-дель-Эсте она шла прямо на восток, не меняя курса.

– Вы установили контакт с другими судами?

– Конечно, – кивнул Флорес, – ее никто не видел.

– Когда спутник проходил над этим районом?

– Ровно в три часа десять минут.

– Изображение инфракрасное?

– Да.

– Парню, который сообразил использовать «Ландсат», следует дать медаль, – сказал Джордино, заглянув в объектив.

– Представление уже направлено, – улыбнулся Рохас.

– В котором часу взлетели самолеты?

– Наши самолеты начали поиски при первых лучах рассвета. К полудню мы получили и проанализировали изображения с «Ландсата». Тогда мы смогли вычислить курс и скорость «Леди Флэмборо» и направили корабли и самолеты в точку встречи.

– Но там никого не оказалось.

– Совершенно верно.

– А обломки?

Заговорил капитан Флорес:

– Наши патрульные корабли нашли какие-то обломки.

– Они были идентифицированы?

– Нет. Их подняли на борт и выяснили, что они принадлежат скорее грузовому судну, чем роскошному круизному лайнеру.

– Какие именно обломки были найдены?

Флорес открыл портфель и извлек тонкую пластиковую папку:

– У меня есть список, полученный от капитана поискового корабля. Там был изношенный стул, два разорванных спасательных жилета не менее пятнадцати лет от роду с инструкцией по эксплуатации на испанском языке, несколько немаркированных деревянных ящиков, матрас, продовольственные контейнеры, три газеты – одна мексиканская, две бразильские…

– Даты? – переспросил Питт.

Флорес мгновение вопросительно смотрел на Питта, потом отвел глаза:

– Капитан их не указал.

– Недочет, который немедленно будет исправлен, – сухо сказал полковник Рохас, уловив ход мыслей Питта.

– Если еще не поздно. – Флорес пожал плечами. – Согласитесь, полковник, это больше похоже на мусор, чем на обломки корабля.

– Вы можете нанести на карту координаты кораблей так, как они показаны на спутниковом фото? – спросил Питт.

Флорес кивнул и начал наносить координаты на морскую карту.

– Еще бренди, господа? – предложил Рохас.

– Оригинальный вкус, – сказал Ганн, передавая свой стакан лейтенанту. – Я чувствую очень слабый аромат кофе.

– Я вижу, вы знаток, мистер Ганн, – улыбнулся Рохас – Вы совершенно правы, мой дядя перегоняет его на своей кофейной плантации.

– На мой взгляд, слишком сладкий, – сказал Джордино. – Напоминает вкус лакрицы.

– Там еще содержится анис, – пояснил Рохас и обернулся к Питту: – А вы, мистер Питт, как находите этот напиток?

Питт поднял стакан и посмотрел сквозь него на свет:

– Мне кажется, что он раза в два крепче, чем обычный.

Североамериканцы никогда не переставали удивлять Рохаса. Непостижимым для него образом они умудрялись заниматься всеми делами одновременно, да еще с постоянными шуточками. Как, интересно, они сумели построить свою супердержаву?

Питт заразительно расхохотался:

– Шучу. Скажите вашему дяде, что, если он захочет экспортировать этот продукт в США, я буду первым в очереди желающих его распространять.

Флорес отложил в сторону карандаш, измеритель и показал точку на карте.

– Вчера в три десять они были в этом месте.

Все снова придвинулись к столу и склонились над картой.

– Все три судна шли встречными курсами, – отметил Руди Ганн. Он вытащил из кармана маленький калькулятор и принялся быстро нажимать на кнопки. – Если считать скорость «Леди Флэмборо», скажем, равной тридцати узлам, «Кабо Каллегоса» – восемнадцати узлам, а «Генерала Браво» – двадцати двум… – Его бормотание стало неразборчивым. Производя вычисления, он делал карандашом пометки на полях карты. Через несколько мгновений он выпрямился. – Неудивительно, что у чилийского рудовоза не было визуального контакта. Он прошел в шестидесяти четырех километрах к востоку от «Леди Флэмборо».

Питт задумчиво смотрел на карту.

– А вот мексиканский контейнеровоз должен был заметить круизный лайнер. Они, похоже, разошлись всего лишь в трех-четырех километрах друг от друга.

– Вряд ли, – сказал Рохас – «Леди Флэмборо» шла без огней.

Питт взглянул на Флореса:

– Фаза луны, капитан?

– Между новолунием и первой четвертью, молодой месяц.

Джордино покачал головой:

– Недостаточно светло. Разве что часы на мостике были повернуты в нужном направлении.

– Насколько я понимаю, – сказал Питт, – вы начали поиски именно из этой точки.

Флорес кивнул.

– Да, самолеты облетели по сетке двести миль к востоку, северу и югу.

– И не обнаружили никаких следов «Леди Флэмборо».

– Никаких. Только рудовоз и контейнеровоз.

– Она могла повернуть назад, а потом на север или на юг, – предположил Ганн.

– Мы подумали об этом, – сказал Флорес – Когда самолеты возвращались для дозаправки, они проверили западные подходы к берегу.

– Если верить фактам, – резюмировал Ганн, – единственное место, где может находиться «Леди Флэмборо», – это морское дно.

– Зафиксируй ее последнее положение, Руди, и прикинь, как далеко она могла уйти до прибытия поисковых самолетов.

Рохас с интересом взглянул на Питта.

– Могу я поинтересоваться, что вы намерены делать? Продолжать поиски бессмысленно. Мы прочесали весь район, где исчезло судно.

Питт смотрел сквозь Рохаса, будто полковник внезапно стал прозрачным.

– Мой коллега только что сказал, что «Леди Флэмборо» может находиться только на дне моря. Именно там я и хочу ее поискать.

– Чем я могу помочь?

– «Саундер», корабль НУМА, предназначенный для глубоководных исследований, прибудет в район поисков сегодня вечером. Мы будем благодарны, если вы выделите вертолет, чтобы доставить нас на борт.

Рохас кивнул:

– Я распоряжусь, чтобы один вертолет находился в готовности к вылету. – Помедлив, он добавил: – Надеюсь, вы понимаете, что хотите поймать небольшую рыбку на десяти тысячах квадратных километрах моря. На это может не хватить целой жизни.

– Нет, – уверенно ответил Питт. – Двадцать часов максимум.

Рохас был прагматичным человеком и не имел привычки принимать желаемое за действительное. Он искоса взглянул на Джордино и Ганна, ожидая увидеть на их лицах скептические улыбки, но таковых не обнаружил.

– Вы же не можете говорить серьезно, называя такие сроки, – все же не выдержал он.

Джордино поднял руку и стал с преувеличенным вниманием разглядывать абсолютно чистые ногти.

– Исходя из моего опыта, – сказал он, – думаю, Дирк действительно слегка загнул. Мы справимся гораздо быстрее.

42

Ровно через четырнадцать часов сорок две минуты после посадки уругвайского вертолета на палубу «Саундера» они обнаружили обломки судна таких же размеров, как «Леди Флэмборо», на глубине 1020 метров.

Цель была видна в форме маленькой темной крапинки на плоской равнине, расположенной ниже континентального уклона. Когда «Саундер» подошел ближе, оператор сонара уменьшил регистрирующее расстояние, и вскоре уже можно было различить размытые очертания судна.

На «Саундере» не было дорогостоящего видеооборудования, как на «Полярном исследователе». Цветовые подводные видеокамеры и высокочувствительные датчики здесь не были нужны. Задачей работающих на борту «Саундера» океанографов было составление крупномасштабной карты морского дна. Электронное оборудование судна было настроено на большие расстояния и не предназначалось для детального изучения затопленных предметов, сделанных руками человека.

– Конфигурация та же, это точно, – сказал Ганн, – хотя видно, конечно, плохо. По-моему, на кормовой надстройке располагается наклоненная назад труба. Борта высокие и прямые. Сидит на дне почти прямо, с наклоном не более десяти градусов.

– Для точной идентификации нужно навести на него камеры, – добавил Джордино.

Питт молчал. Он продолжал внимательно следить за показаниями сонара, даже когда цель осталась далеко за кормой «Саундера». Надежда отыскать отца живым таяла с каждой минутой. Он чувствовал себя так, будто смотрел на гроб, на который бросают комья земли.

– Хорошая работа, парень, – сказал Джордино. – Ты вывел нас прямо на цель.

– Откуда вы узнали, где надо искать? – спросил Фрэнк Стюарт, капитан «Саундера».

– Я предположил, что «Леди Флэмборо» не изменила направления, после того как пересеклась с курсом «Генерала Браво», – объяснил Питт. – А поскольку ее не обнаружили поисковые самолеты за границей курса «Кабо Каллегоса», я решил, что следует сосредоточить усилия на отрезке к востоку от точки ее последнего местонахождения, отмеченной «Ландсатом».

– Другими словами, в узком коридоре между «Генералом Браво» и «Кабо Каллегосом», – сказан Джордино.

– Именно так, – подтвердил Питт.

Ганн грустно взглянул на друга:

– Мне очень жаль, но повода радоваться нет.

– Вы хотите отправить вниз РОВ[43]? – спросил Стюарт.

– Мы могли бы сэкономить время, – ответил Питт, – миновав стадию осмотра с применением видеооборудования и перейдя сразу к подводным работам. К тому же манипуляторы подводного аппарата могут оказаться полезными, если понадобится что-нибудь поднять на поверхность.

– Команда может подготовить «Дип ровер» к спуску через полчаса. Вы сами поведете его?

Питт кивнул:

– Конечно.

– Тысяча метров – это для него почти предельная глубина погружения.

– Беспокоиться не о чем, – вмешался Руди Ганн, – коэффициент безопасности на этой глубине у «Дип ровера» четыре к одному.

– Я бы скорее отправился через Ниагарский водопад в «фольксвагене», чем опустился на тысячу метров под воду в пластиковом пузыре, – признался капитан.

Стюарт, невысокий, узкоплечий человек с довольно длинными гладкими волосами цвета подгоревшего хлеба, внешне был похож на владельца магазинчика в небольшом провинциальном городке или администратора средней руки. Опытный моряк, он боялся глубины и всегда наотрез отказывался нырять. Он выполнял требования ученых, касающиеся их океанографических проектов, поскольку это входило в его профессиональные обязанности, однако его прерогативой было управление судном.

– Пластиковый пузырь, – терпеливо заметил Питт, – это акриловая сфера толщиной более двенадцати сантиметров.

– Очень хорошо. Но я лучше посижу на палубе и буду приветственно махать рукой любому, кто решит погрузиться на глубину в этом, с позволения сказать, аппарате, – пробормотал Стюарт и вышел.

– Мне он нравится, – жизнерадостно заявил Джордино. – Совершенно не умеет держать себя в обществе, но ему это даже к лицу.

– В этом вы со Стюартом похожи, – усмехнулся Питт.

Ганн в это время остановил изображение на экране и задумчиво его рассматривал. Он сдвинул очки на лоб и снова уставился на экран.

– Корпус выглядит совершенно целым, – сказал он. – Не видно ни одной пробоины. Почему судно затонуло? Не понимаю.

– Возможно, произошло смещение груза? – предположил Джордино.

Питт тоже взглянул на замершее изображение.

– Вы помните «Циклопа»? – спросил он. – Это судно тоже исчезло без следа.

– Как же мы можем его забыть, – картинно простонал Джордино. – Раны до сих пор ноют.

Ганн с удивлением взглянул на друзей:

– Вы же не можете всерьез сравнивать старое и кое-как загруженное судно, построенное на рубеже столетий, с современным круизным лайнером, при строительстве которого вопросам обеспечения

безопасности уделялось самое серьезное внимание. Может быть, случайная волна?

– Или какой-нибудь песчаный монстр поднялся со дна и утащил «Леди Флэмборо» за собой?

– Очень скоро мы все узнаем, – сказал Питт. – Не пройдет и двух часов, как мы будем находиться на главной палубе затонувшего судна.

* * *

При первом взгляде на «Дип ровер» всегда казалось, что он лучше чувствовал бы себя на космической орбите, чем в глубинах океана. Его форма могла бы понравиться разве только марсианину. 240-сантиметровая сфера была опоясана большим кольцом и опиралась на квадратные подставки, в которых находились 120-вольтовые батареи. Внутри виднелись разнообразные устройства: упоры и двигатели, кислородные цилиндры и емкости для углекислого газа, камеры и гидроакустическое оборудование. В передней части располагались манипуляторы, причем настолько совершенной конструкции, что любой уважающий себя робот при виде их позеленел бы от зависти. Если не применять научные термины, это были механические руки, снабженные ладонями, которые могли делать все, что и руки из плоти и крови. Система датчиков обратной связи давала возможность управлять движением манипуляторов с точностью до тысячной доли сантиметра, а сила их была такова, что они с одинаковой легкостью удерживали и фарфоровую чашку с блюдцем, и чугунную плиту.

Пока два инженера суетились вокруг «Дип ровера», Питт и Джордино стояли рядом. Аппарат покоился на специальной подставке, помешенной в губчатую камеру, прозванной «лунной лужей». Платформа, на которую опиралась подставка, являлась подвижной частью корпуса «Саундера» и могла опускаться под воду на глубину двадцать футов.

Наконец один из инженеров объявил:

– Аппарат готов. Теперь ваш черед.

Питт хлопнул Джордино по спине:

– Только после вас.

– Ладно, – весело сказал Джордино, – мое дело – манипуляторы и камеры, твое – вождение этого драндулета. Только будь осторожнее в часы пик.

– Скажите ему, – крикнул Стюарт откуда-то сверху, и его зычный голос эхом прокатился по камере, – чтобы вернул транспорт в целости. Тогда я сам лично его расцелую.

– А меня? – завопил Джордино.

– Вас тоже.

– Могу я вынуть свои зубные протезы?

– Вы можете вынуть все что хотите.

– Вы всерьез считаете это стимулом? – сухо полюбопытствовал Питт. Он был искренне признателен капитану за попытку отвлечь его от испытания, которое, вполне вероятно, ожидало его на дне. – Тогда я скорее сбегу в Африку, чем вернусь сюда.

– Вам потребуется дополнительный запас кислорода, – сказал Стюарт.

Подошедший Ганн не ведал о шутливой перепалке. На нем были наушники, провод от которых свисал сбоку.

Он изо всех сил старался говорить официально, но в голосе Руди помимо воли звучало сострадание.

– Я буду на связи. Как только увидите дно, начинайте поворот на триста шестьдесят градусов, пока ваш сонар не обнаружит судно. После этого сообщите мне направление. Полагаю, вы должны докладывать о каждом этапе работ.

Питт пожал Ганну руку:

– Не волнуйся, мы будем в постоянном контакте.

Ганн нерешительно взглянул на своего старого друга.

– Ты уверен, что хочешь сам отправиться вниз? Может быть, лучше пойду я, а ты останешься наверху?

– Я должен все увидеть собственными глазами.

– Что ж, удачи, – пробормотал Ганн, резко отвернулся и почти побежал к трапу, ведущему наверх из «лунной лужи».

Питт и Джордино устроились в креслах, стоявших рядом, которые ничем не отличались от авиационных. Инженеры опустили верхнюю часть сферы и закрепили ее.

Джордино начал обычную процедуру предстартовой проверки.

– Энергия?

– Включена, – подтвердил Питт.

– Радио?

– Ты слышишь нас, Руди?

– Слышимость прекрасная, – сказал Ганн.

– Кислород?

– Двадцать один и пять десятых процента.

Затем Джордино проинформировал:

– Мы готовы, «Саундер». Ваша очередь.

– Можете отправляться, «Дип ровер», – сообщил Стюарт. – Не забудьте доставить к ужину лобстера.

Платформа начала опускаться. Рядом с аппаратом находились два водолаза в полном снаряжении. Вода начала подниматься вокруг «Дип ровера» и вскоре закрыла его целиком. Подняв голову, Питт увидел, что в «лунной луже» собралось довольно много народа. Океанографы и экипаж пришли проводить исследователей, отправившихся навстречу неизвестности. Питт почувствовал себя рыбой, выставленной в аквариуме на всеобщее обозрение.

Приблизились водолазы и открепили подводный аппарат от опоры. Один из них поднял руку и сделал знак, что все в порядке. Питт улыбнулся, махнул рукой в ответ и сосредоточился на управлении «Дип ровером».

Рукоятки на концах ручек кресел направляли манипуляторы, а сами ручки управляли четырьмя движителями. Питт вел «Дип ровер», как будто это был подводный вертолет. Легкое нажатие локтями – и аппарат поднялся над платформой. Потом Питт подвинул руки вперед, и горизонтальные движители увлекли «Дип ровер» именно в этом направлении.

Питт отвел аппарат примерно на тридцать метров от края платформы и остановился, чтобы определить направление по компасу. Затем он включил вертикальные движители и начат погружение.

Вниз, вниз, вниз… «Дип ровер» падал в бездну. По мере продвижения вглубь вода становилась все темнее, а видневшаяся вверху зелено-голубая, покрытая рябью поверхность вскоре стала серой. Небольшая, длиной не более метра, голубая акула подплыла к субмарине, немного покружила, не нашла ничего привлекательного и продолжила свое одинокое плавание в жидком тумане.

Движения не чувствовалось. Был слышен только треск радио и звяканье сигналов локатора. Вода окружала «Дип ровер» непроглядной, черной завесой.

– Прошли четыреста метров, – спокойно сообщил Питт, словно летчик, докладывающий о высоте полета.

– Четыреста метров, – повторил Ганн.

В обычной ситуации друзья коротали бы время, упражняясь в остроумии, но в этом рейсе Питт и Джордино были необычно молчаливы. Они только обменивались краткими репликами, ничего больше.

– Посмотри, какая милашка, – сказал Джордино, показывая вперед.

Питт увидел создание, привлекшее внимание его друга, почти в ту же секунду. Это был один из самых уродливых обитателей морских глубин. Длинное, похожее на толстую веревку туловище по краям излучало люминесцентное свечение, как неоновая вывеска. Застывшие разинутые челюсти всегда оставались приоткрытыми. Им не давали сомкнуться длинные кривые зубы, которые служили больше для того, чтобы поймать добычу, а не прожевать ее. Один глаз злобно горел, а трубка, торчащая из светящейся бороды, раскачивалась под нижней челюстью в поисках очередной жертвы.

– Тебе бы хотелось протянуть руку к этой твари? – спросил Питт.

Прежде чем Джордино успел ответить, послышался голос Руди Ганна:

– Один из ученых хочет знать, что вы увидели.

– Рыбу-дракона, – ответил Питт.

– Он хочет получить описание.

– Скажи, что мы нарисуем ее во всех деталях, когда вернемся домой, – буркнул Питт.

– Я передам.

– Прошли восемьсот метров, – сообщил Питт.

– Соблюдайте осторожность, когда будете шлепаться на дно, – предупредил Ганн.

– Что бы мы делали без твоих советов! Мы обязательно будем держать ушки на макушке. Уверяю тебя, ни один из нас не жаждет совершить путешествие в один конец.

– Береженого Бог бережет! Кстати, как у вас с кислородом?

– В порядке.

– Вы, должно быть, уже близко.

Питт снизил скорость погружения, а Джордино опустил голову и уставился вниз, опасаясь вот-вот увидеть подводные скалы. Питт мог

поклясться, что его приятель на протяжении следующих восьми минут, которые потребовались, чтобы увидеть морское дно, ни разу не моргнул.

– Мы внизу, – объявил Джордино. – Глубина одна тысяча пятнадцать метров.

Постепенно замедляя спуск, Питт наконец полностью остановил подводный аппарат в трех метрах от морского дна. Питт открыл клапан одного из балластных резервуаров и, не сводя глаз с датчика давления, наполнил его воздухом в количестве, обеспечивающем нейтральную плавучесть.

– Приступаем к поиску, – уведомил он Ганна.

– Судно должно находиться примерно в направлении один один ноль градусов, – сообщил голос Ганна.

– Я полностью с тобой согласен, – сказал Питт. – Наш сонар засек цель в двухстах двадцати метрах отсюда, направление один один два градуса.

– Записываю, «Дип ровер».

Питт обернулся к Джордино:

– Что ж, давай посмотрим на то, что нам положено увидеть.

Он включил горизонтальные движители и медленно тронул аппарат с места, глядя прямо перед собой, а Джордино направлял движение, считывая показания компаса.

– Возьми чуть левее. Я же сказал – чуть! Вот так, хорошо, теперь держи прямо.

Глаза Питта оставались абсолютно бесстрастными, даже самый внимательный наблюдатель не обнаружил бы в них и намека на эмоции. Его лицо застыло. Он с нарастающим ужасом думал о том, что увидит через несколько секунд.

Он вспомнил историю о водолазе, работавшем на пароме, который затонул в результате столкновения. Водолаз работал на глубине тридцати метров, когда кто-то похлопал его по плечу. Обернувшись, он увидел тело красивой девушки, которая смотрела на него невидящим взглядом. Одна рука утопленницы была протянута вперед – она и коснулась водолаза. Много лет после этого несчастного парня одолевали ночные кошмары.

Питту уже доводилось видеть мертвые тела. Одни были замерзшими, как экипаж судна «Серапис», другие – раздувшимися и страшными, как команда президентской яхты «Игл». А еще были полуразложившиеся

трупы в упавших в воду самолетах в районе Исландии и в высокогорном озере в Скалистых горах. Закрыв глаза, он мог вспомнить их все.

Питт надеялся, что Бог не позволит ему увидеть своего отца в виде плавающего трупа. Он на мгновение зажмурился, и «Дип ровер» едва не врезался в дно. Питту хотелось помнить сенатора живым, здоровым, жизнерадостным, а вовсе не утопленником и не разукрашенным манекеном в гробу.

– Объект на дне справа по курсу, – сообщил Джордино, заставив Питта отвлечься от мрачных мыслей.

Питт подался вперед:

– Вижу двухсотлитровый барабан. Еще три штуки слева.

– Они все в одном месте, – сказал Джордино. – Своеобразная подводная свалка.

– Видите маркировку?

– Только какая-то надпись на испанском языке. Похоже, информация о весе или объеме.

– Я подойду ближе к тому, что прямо по курсу. Остатки его содержимого до сих пор поднимаются тонкой струйкой к поверхности.

Питт подвел «Дип ровер» к затопленному барабану. Прожектора высветили темное вещество, сочащееся из отверстия.

– Масло? – спросил Джордино.

Питт помотал головой:

– Цвет какой-то странный, похож на ржавчину. Хотя нет, погоди, он красный! Точно! Это же красная масляная краска.

– Там рядом еще один цилиндрический предмет.

– Можешь разобрать, что это?

– Я бы сказал, большой рулон пластиковой пленки.

– Скорее всего, что ты прав.

– Думаю, стоит взять его на борт «Саундера» для осмотра. Держи аппарат. Я возьму его манипуляторами.

Питт кивнул и стал удерживать «Дип ровер» в одном положении, чтобы его не отнесло придонным течением. Джордино взялся за рукоятки, и механические руки надежно ухватили рулон.

– Порядок, – сообщил он. – Поднимись немного вверх, чтобы вытянуть рулон из грунта.

Питт выполнил команду, и «Дип ровер» послушно переместился чуть-чуть ввысь, поднимая за собой рулон. Вслед за ним потянулось облако илистой мути. В течение нескольких минут ничего не было видно. Затем Питт со всей осторожностью передвинул подводный аппарат вперед, и они снова оказались в чистой воде.

– Мы совсем рядом, – сказал Джордино, – Сонар регистрирует массивный объект справа по курсу.

– Вы рядом с ним, – подтвердил Ганн.

Из темноты выплыло лежащее на дне судно, словно привидение из темного зеркала. Оно казалось неправдоподобно огромным и страшным.

– У нас визуальный контакт, – сообщил Джордино.

Питт замедлил движение подводного аппарата и остановил его в семи метрах от затонувшего судна. Потом он поднял «Дип ровер» на уровень палубы.

– Какого черта! – неожиданно воскликнул Питт. – Руди! В какой цвет был выкрашен корпус «Леди Флэмборо»?

– Минутку! – сказал Руди и замолчал. Не прошло и десяти секунд, как он уверенно сообщил: – Голубой корпус и надстройка.

– У этого судна красный корпус и белая надстройка.

Ганн ответил не сразу. Когда же он снова заговорил, его голос казался старым и усталым:

– Мне очень жаль, Дирк. Мы, должно быть, наткнулись на одно из судов, затопленных немецкой подводной лодкой во время Второй мировой войны.

– Не может быть, – пробормотал Джордино. – Судно совсем чистое. Никаких признаков обрастания или коррозии. Вижу, как выливается нефть и поднимаются воздушные пузырьки. Оно затонуло не более чем неделю назад.

– Это маловероятно, – вмешался капитан Стюарт. – Единственное пропавшее судно в этой части Атлантического океана за последние шесть месяцев – ваш круизный лайнер.

– Но это не круизный лайнер, – немедленно ответствовал Джордино.

– Подожди минутку. Я обойду его с кормы. Возможно, тогда мы сумеем провести точную идентификацию.

Он повел «Дип ровер» параллельно борту затонувшего судна. Достигнув кормы, он остановил подводный аппарат. «Дип ровер» неподвижно завис всего лишь в метре от написанного на корме названия судна.

– Боже мой! – воскликнул Джордино, не в силах поверить своим глазам. – Нас провели!

Питт расхохотался как безумный. Загадка еще была далека от разрешения, но самые важные ее части уже встали на свои места. Вовсе не «Леди Флэмборо» было написано белами буквами на красных стальных пластинах.

Там было написано «Генерал Браво».

43

На расстоянии четырехсот метров ни проектанты, ни строители ни за что бы не узнали «Леди Флэмборо». Очертания трубы были изменены, после чего она была перекрашена. Чтобы довершить изменение внешнего облика, корпус был покрыт пятнами, имитирующими ржавчину.

Роскошная надстройка, высокие окна кают и прогулочная палуба были скрыты большими листам и фиброкартона, чтобы создать впечатление палубного груза, состоящего из контейнеров.

Поскольку современные плавные очертания мостика спрятать было невозможно, их изменили с помощью деревянных каркасов и полотна. На полотне были также нарисованы фальшивые грузовые люки и иллюминаторы.

Огни Пунта-дель-Эсте еще не успели скрыться за кормой, а все пассажиры и члены экипажа уже были разбиты на рабочие бригады, которые приступили к работе под руководством надсмотрщиков Аммара. Судовые офицеры, директоры круиза, стюарды, горничные и матросы – все были заняты сооружением фальшивых контейнеров и полотняно-деревянных частей судна.

Даже ВИП-пассажиры не были освобождены от работы. Сенатор Питт и Гала Камиль, президенты Хасан и Де Лоренцо вместе с членами своих кабинетов и многочисленными помощниками переквалифицировались в маляров и плотников.

К моменту встречи в море с «Генералом Браво» малярно-строительные работы были в основном завершены, и «Леди Флэмборо» стала почти точной копией контейнеровоза.

Выше ватерлинии заметить разницу было почти невозможно. При осмотре с воздуха лишь очень внимательный взгляд мог выявить некоторые несовпадения, да и то мелкие. И только при ближайшем рассмотрении с моря становились видны существенные отличия.

Капитан Хуан Мачадо и восемнадцать членов экипажа перешли на круизный лайнер, предварительно открыв все кингстоны и грузовые люки «Генерала Браво» и взорвав несколько зарядов, заложенных в стратегически важных местах судна. После серии глухих взрывов контейнеровоз ушел под воду, выпустив лишь несколько пузырей, должно быть, в знак протеста.

Когда небо на востоке посветлело в ожидании восхода солнца, загримированная «Леди Флэмборо» на всех парах шла на юг к заявленному порту назначения «Генерала Браво». Но круизный лайнер не зашел в аргентинский порт Сан-Пабло. Оставив его справа по борту, судно проследовало дальше на юг.

Искусный план Аммара сработал. Прошло уже трое суток, а мир продолжал верить, что «Леди Флэмборо» и ее пассажиры пребывают на дне моря.

Аммар сел за стол и нанес на карту координаты судна. Потом он провел прямую линию до точки назначения, обозначив ее буквой «икс». Очень довольный собой, он закурил сигарету и выдохнул дым прямо на карту, покрыв ее полосой тумана.

Шестнадцать часов, подумал он, осталось всего шестнадцать часов беспрепятственного плавания, и судно будет надежно спрятано в таком месте, где не будет ни единого шанса обнаружить его.

В рубку вошел капитан Мачадо с небольшим подносом в руке.

– Не хотите ли чашку чаю и круассан? – спросил он на хорошем английском языке.

– Большое спасибо, капитан. Мне действительно пора подкрепиться. Я ничего не ел с тех пор, как мы покинули Пунта-дель-Эсте.

Мачадо поставил поднос на стол и налил чай:

– Вы и не спали, – во всяком случае с тех пор, как я и мой экипаж поднялись на борт.

– Еще так много надо успеть!

– Возможно, для начала нам следует познакомиться?

– Я знаю, кто вы, – безразлично сказал Аммар, – или, скажем так, имя, которым вы в настоящий момент пользуетесь. Ваша подробная биография меня не интересует.

– Ах так?

– Да.

– Быть может, вы хотя бы введете меня в курс ваших планов? – поинтересовался Мачадо. – Меня проинформировали только о необходимости затопления контейнеровоза и переходе на ваше судно. Мне бы очень хотелось знать, что мы будем делать дальше, и в первую очередь, как наш объединенный экипаж намеревается покинуть судно, избежав при этом ареста.

– Извините, я был слишком занят, чтобы просветить вас на этот счет.

– Что ж, сейчас, по-моему, время вполне подходящее.

Аммар спокойно допил чай и съел круассан. Только после этого он поднял глаза на собеседника.

– Я пока не собираюсь покидать судно, – спокойно проговорил он. – В соответствии с инструкциями, полученными от моего и вашего лидеров, мы должны потянуть время и отложить уничтожение «Леди Флэмборо», до тех пор пока они не сумеют воспользоваться ситуацией в своих целях.

Мачадо немного расслабился. Взглянув сквозь прорези маски в темные холодные глаза египтянина, он понял, что этот человек владеет ситуацией.

– Что ж, нет проблем. – Он поднял чайник. – Еще чаю?

Аммар протянул чашку.

– Чем вы занимаетесь, когда не топите суда?

– Я специализируюсь на политических убийствах, – светским тоном сообщил Мачадо, – так же как и вы, Сулейман Азиз Аммар.

Мачадо не мог видеть хмурой настороженности, промелькнувшей на лице Аммара, но не сомневался, что так оно и было.

– Вас послали меня убить? – поинтересовался Аммар, аккуратно стряхивая пепел в хрустальную пепельницу. В это же время в другой его руке, словно по мановению волшебной палочки, появился револьвер.

Мачадо улыбнулся и скрестил руки на груди так, чтобы египтянин мог их видеть.

– Не беспокойтесь. Я получил приказ действовать в сотрудничестве с вами.

Аммар снова убрал револьвер в правый рукав.

– Откуда вы узнали мое имя?

Проклятый Язид, со злостью подумал Аммар. Он меня предал! Аммар ни на мгновение не поверил наивной лжи Мачадо. Как только президент Хасан будет убран с дороги, у нового земного воплощения пророка Магомета уже не будет необходимости в наемном убийце. Аммар вовсе не собирался посвящать мексиканца в планы собственного спасения. Он отлично понимал, что его «коллеге» на данном этапе необходимо установить союзнические отношения хотя бы из соображений целесообразности. Аммар чувствовал себя уверенно, понимая, что может убить Мачадо в любое время, а мексиканцу придется ждать, пока он не получит гарантии безопасности.

Аммар чувствовал твердость своей позиции.

Он поднял чашку:

– За здоровье Ахмеда Язида!

– За здоровье Топильцина!

* * *

Гала и сенатор были заперты в апартаментах вместе с президентом Хасаном. Они были перепачканы краской и слишком устали, чтобы спать. У них саднило ладони, ныли руки и ноги. Сказывалось отсутствие привычки к физической работе. А еще они были очень голодны.

После бешеной гонки по переделке круизного лайнера в контейнеровоз пассажирам не давали никакой еды. Они могли только пить воду из крана в ванной. Чтобы еще больше усилить страдания пленников, отопление не включили, когда температура наружного воздуха начала быстро падать.

Президент Хасан, распластавшись на одной из кроватей, чувствовал себя совершенно несчастным. Он страдал от хронических болей в спине, которые после десятичасовой физической работы стали стократ сильнее. Он стоически терпел и не беспокоил жалобами своих товарищей по несчастью.

Гала и сенатор пребывали в неподвижности, настолько полной, что казались деревянными статуями. Гала сидела за столом, опустив голову на руки. Даже грязная и растрепанная, она была поразительно красива.

Сенатор растянулся на кушетке, уставившись на замысловатый светильник, укрепленный на потолке. Только движение век – он

периодически все-таки моргал – указывало на то, что этот человек еще жив.

Гала подняла голову и вопросительно взглянула на сенатора.

– Если бы мы могли хотя бы что-то сделать! – прошептала она.

Сенатор поднялся и неловко сел. Для своего возраста он находился в весьма неплохой физической форме. У него болело все, что могло болеть, от макушки до пяток, но сердце билось так же ровно, как двадцать лет назад.

– Этот дьявол в клоунской маске все предусмотрел, – сказал он. – Он не будет нас кормить, – значит, мы с каждым днем будем слабее. Нас заперли в разных каютах, и мы не имеем возможности устроить заговор. Ни он, ни террористы не беспокоили нас уже двое суток. Короче говоря, делается все, чтобы мы чувствовали безысходность своего положения.

– Мы можем хотя бы попытаться выйти отсюда?

– Скорее всего, в коридоре стоит охранник, который не колеблясь пустит пулю в голову каждому, кто выйдет за дверь. Но даже если бы нам удалось выбраться из каюты, куда мы пойдем?

– Возможно, нам удастся раздобыть спасательную шлюпку, – предположила Гала.

Сенатор покачал головой и устало улыбнулся.

– Слишком поздно. Нет смысла даже пытаться. Не забывайте, что число террористов удвоилось после появления на борту команды мексиканского корабля.

– А если мы разобьем иллюминатор и будем выбрасывать за борт мебель, постельное белье – в общем, все, что найдем, может быть, нас по этому следу найдут? – Гала никак не могла успокоиться.

– Можно еще бросать за борт бутылки с записками внутри. Только зачем? Течение унесет их за сотни километров отсюда. – Он сделал паузу и покачан головой: – Нет, спасатели их не найдут.

– Вы, сенатор, знаете не хуже меня, что нас никто не ищет. Весь мир уверен, что наше судно затонуло и все погибли. Поиски уже, наверное, давно прекращены.

– Я знаю одного человека, который никогда не сдастся.

– Кто же это? – удивилась Гала.

– Мой сын Дирк.

Гала поднялась, прихрамывая, подошла к окну и уставилась пустыми глазами на лист фиброкартона, закрывающий от нее море.

– Вы можете им гордиться. Он мужественный и изобретательный человек, но всего лишь человек. Никто не сможет распознать столь изощренный обман. – Она замолчала и заглянула в маленькую трещинку, сквозь которую можно было разглядеть воду. – Мимо судна что-то плывет.

Сенатор подошел и стал рядом с ней. Довольно быстро он разглядел на голубой поверхности моря белые бесформенные предметы.

– Это же лед, – догадался он. – Вот почему так холодно. Мы, надо полагать, плывем в Антарктику.

Гала обернулась и уткнулась лицом в грудь сенатора.

– Нас никогда не спасут, – беспомощно прошептала она. – Никому не придет в голову искать нас здесь.

44

Никто и не подозревал, что «Саундер» может идти так быстро. От вибрации работающих на пределе двигателей сотрясался корпус и дрожали палубы.

Судно было построено в 1961 году на одной из судоверфей Бостона. После этого оно почти три десятилетия работало на самые разные океанографические организации, занимавшиеся глубоководными исследованиями, и побывало во всех морях и океанах планеты. В 1990 году оно было приобретено НУМА и подверглось полному переоборудованию. Новый двигатель мощностью четыре тысячи лошадиных сил должен был обеспечивать максимальную скорость четырнадцать узлов, но Стюарту и механикам удалось выжать семнадцать.

«Саундер» был единственным судном, идущим по следу «Леди Флэмборо», и у него было столько же шансов сократить разрыв между ними, сколько у бассета догнать леопарда. Аргентинские военные корабли, а также подразделения британского флота на Фолклендских островах могли перехватить судно, но они не были вовремя предупреждены.

После получения адмиралом Сэндекером шифровки Питта об обнаружении на дне «Генерала Браво» вместо «Леди Флэмборо» объединенный комитет начальников штабов США и все имеющие отношение к делу советники Белого Дома рекомендовали президенту не предавать сообщение гласности. Следовало подождать, пока

американские силы специального назначения прибудут на место, чтобы организовать спасательную операцию.

Поэтому старый «Саундер» и оказался в море один без каких бы то ни было официальных полномочий. Но его команда и находящиеся на борту ученые – все были захвачены азартом погони.

Питт и Джордино, сидя в кают-компании, были заняты изучением карты южной части Атлантического океана, которую Ганн развернул на столе и придавил по краям кофейными чашками.

– Ты уверен, что они пошли на юг? – спросил Руди Ганн Дирка Питта.

– Да. Поворот на север вернул бы лайнер обратно в район поисков, – сказал Питт. – А поворачивать на запад к берегу Аргентины им нет никакого резона.

– Они могли отправиться в открытое море.

– И, учитывая трехдневную фору, могут находиться на полпути к Африке, – добавил Джордино.

– Слишком рискованно, – сказал Питт. – Кто бы ни был режиссером этого шоу, у него хватает серого вещества. Направив судно на восток через океан, он бы подверг его риску обнаружения поисковыми самолетами и проходящими судами. Нет, единственная возможность не вызвать никаких подозрений – идти заявленным курсом «Генерала Браво» в Сан-Пабло на Тьерра-дель-Фуэго.

– Но ведь портовые власти наверняка подняли тревогу, когда контейнеровоз не прибыл в порт, – настаивал Джордино.

– Не стоит недооценивать этого парня. На что хочешь спорю, он отправил радиограмму начальнику порта Сан-Пабло о том, что «Генерал Браво» опаздывает из-за какой-либо поломки.

– Хороший ход, – согласился Джордино. – Таким образом, он без труда получил в свое распоряжение сорок восемь часов.

– Ладно, – вмешался Ганн. – Что мы планируем делать дальше? Куда он идет? В районе Магелланова пролива множество необитаемых островков.

– Или, – предположил Джордино, – он мог направиться в Антарктику, где, как он, очевидно, уверен, ни одному нормальному человеку не придет в голову его искать.

– А может быть, – вздохнул Питт, – «Леди Флэмборо»уже бросила якорь в какой-нибудь скрытой от посторонних глаз бухте.

– Мы теперь хотя бы знаем, чего от него можно ждать, – сказал Ганн.

Джордино взглянул на Питта в ожидании ответной реплики, но тот молчал, погруженный в невеселые мысли. Джордино успел изучить привычки своего старого друга лучше, чем свои собственные, и отлично знал, когда его нельзя тревожить.

Питт в это время был далеко от «Саундера». Он находился на мостике «Леди Флэмборо» и старался проникнуть в мысли своего противника, узнать его планы. Задача была не из легких. Человек, не остановившийся перед захватом судна, был серьезным соперником, с такими, пожалуй, Питту еще не приходилось сталкиваться.

– Он знает об этом, – наконец произнес Питт.

– Знает о чем? – не понял Ганн.

– О том, что может быть обнаружен спутником.

– Тогда он понимает, что может бежать, но не может спрятаться.

– Полагаю, он может.

– Хотелось бы знать как.

Питт встал и потянулся:

– Пойду прогуляюсь.

– Ты не ответил на мой вопрос – Ганн не скрывал своего нетерпения.

Балансируя и покачиваясь, чтобы попасть в такт качке, Питт через плечо ухмыльнулся.

– На его месте, – сказал он, – я бы заставил судно исчезнуть во второй раз.

Ганн разинул рот и на какое-то время забыл, что его следует закрыть. Джордино тоже выглядел озадаченным. Но Питт не дал возможности друзьям продолжить расспросы и вышел из кают-компании.

Питт прошел в корму и сбросил трап в «лунную лужу». Он обошел «Дип ровер» и остановился возле рулона пленки, который они подняли со дна. Рулон стоял на торце и был надежно привязан к пиллерсу.

В течение пяти долгих минут Питт не отрываясь смотрел на рулон, потом глубоко вздохнул и похлопал по нему рукой. Интуиция постепенно переросла в уверенность, и глаза Питта задорно заблестели.

Он выдохнул только одно слово, прозвучавшее настолько тихо, что инженер, работавший в нескольких метрах от Питта, ничего не услышат.

– Понял!

45

Поток информации, касающийся «кризиса Флэмборо» – так окрестили журналисты этот казус, – захлестнул линии связи Пентагона и Государственного департамента.

Поступающая в оперативные центры информация тут же анализировалась, обобщалась и, снабженная рекомендациями, направлялась в Белый дом.

Президент, одетый в слаксы и шерстяной свитер, пошел в зал совещаний и занял место в конце длинного стола. Ознакомившись с ситуацией, он обратился за комментариями к советникам по соответствующим вопросам. Решения он всегда принимал сам, но предварительно выслушивал мнения специалистов, чья работа заключалась в поисках политического консенсуса и которые выполняли решение президента, несмотря на расхождения во взглядах.

Разведывательные сообщения из Египта были плачевными. В стране воцарилась анархия. Причем ситуация ухудшалась с каждым часом. Полиция и военные не вмешивались, а тысячи и тысячи приспешников Ахмеда Язида устраивали забастовки и выступления по всей стране. Единственная хорошая новость заключалась в том, что демонстрации не сопровождались насилием.

Государственный секретарь Дуглас Оутс бегло просмотрел отчет, положенный перед ним на стол.

– Это как раз то, что нам нужно, – пробормотал он.

Президент взглянул на него, ожидая продолжения.

– Мусульманские бунтовщики организовали штурм и захватили главную телевизионную станцию Каира.

– Язид появлялся на экране?

– Пока прячется. – Директор ЦРУ Броган отошел от одного из компьютерных мониторов. – По данным разведки он сидит на своей вилле в окрестностях Александрии и ждет, когда его призовут создавать новое правительство.

– Похоже, ему осталось ждать недолго, – устало вздохнул президент. – Какую позицию занимают израильские министры?

Оутс аккуратно поправил стопку бумаги, лежащую на столе, и лишь потом заговорил:

– Они выжидают. Думаю, они не считают Язида прямой угрозой.

– Они быстро изменят свое мнение, когда он разорвет Кемп-Дэвидское соглашение. – Президент холодно посмотрел прямо в глаза Брогану. – Мы можем вывести его из игры?

– Да.

– Как?

– Господин президент, полагаю, вам лучше не знать, чтобы это никоим образом не затронуло администрацию.

Президент, соглашаясь, слегка наклонил голову:

– Вероятно, вы правы. Но в любом случае вы не должны ничего предпринимать без моего приказа.

– Я категорически настаиваю, – вмешался Оутс, – чтобы вы не прибегали к убийству.

– Даг Оутс прав, – сказал Юлиус Шиллер. – Это бумеранг, который в нас же и ударит. Если информация просочится в прессу, вас приравняют к лидерам ближневосточных террористов. А газетчики разорвут вас на части.

Президент подумал, потом снова кивнул:

– Хорошо. Пока Язид ненавидит русского премьера Антонова так же сильно, как меня, можно подождать. Вдруг наш русский друг окажется быстрее. Но помните, господа, я не намерен дожидаться, пока Язид поступит со мной так же, как Хомейни с моими предшественниками.

Броган нахмурился, но Шиллер и Оутс обменялись понимающими взглядами, в которых явно проступило облегчение. А Николс продолжат спокойно попыхивать трубкой.

Актеры, участвующие в этой драме, имели вполне определенные, часто не совпадающие взгляды. В их столкновении рождалась истина.

Президент перешел к следующему пункту повестки дня:

– Какие новости из Мексики?

– Ситуация настолько спокойная, что это вызывает недоумение, – ответил Броган. – Ни демонстраций, ни бунтов. Топильцин, похоже, выжидает, как и его брат.

Президент удивился:

– Я правильно расслышал? Вы сказали «брат»?

Броган кивнул в сторону Николса:

– Дейл провел хорошую работу. Язид и Топильцин – братья, причем они не египтяне и не мексиканцы по рождению.

– У вас есть доказательства их родства? – вмешался озадаченный Шиллер.

– Наши оперативники получили и сравнили их генетические коды.

– Почему я слышу об этом только сейчас? – спросил президент. – Вы должны были проинформировать меня немедленно.

– Материалы все еще анализируются и в самое ближайшее время прибудут из Лэнгли. Прошу прошения, господин президент, даже рискуя показаться излишне осторожным, я все же не хотел сообщать столь шокирующую информацию, не имея веских доказательств.

– Как, черт возьми, вам удалось получить их генетические коды? – полюбопытствовал Николс.

– Оба парня очень тщеславны, – пояснил Броган. – Мы послали Язиду Коран, а Топильцину его фотографию в полном ацтекском облачении с просьбой написать короткую молитву и вернуть. Просьба исходила от хорошо известных им обоим восторженных почитателей, имеющих большое политическое или же финансовое влияние. Признаюсь, было нелегко раздобыть образцы почерков этих людей, но все получилось. Ни Язид, ни Топильцин ничего не заподозрили. Затем нам удалось перехватить почту раньше, чем она попала к правильному адресату. Следующей проблемой стало отсеивание ненужных отпечатков пальцев, присутствовавших на каждом предмете, – секретарей, помощников, случайных людей. Один отпечаток большого пальца на Коране совпал с отпечатком Язида, имеющимся в египетской полиции, которая арестовывала его несколько лет назад. А по жировым пятнам на отпечатке мы установили генетический код. С Топильцином все было сложнее. Его отпечатков в мексиканской полиции не было. Но в нашей лаборатории определили генетические коды по всем отпечаткам на фотографии и сопоставили с кодом брата. Нам также помогла случайная находка в файлах Интерпола. И все стало на свои места. Мы наткнулись на сведения о семейной организации, преступной династии, появившейся после Второй мировой войны. Во главе богатейшей криминальной империи стояли отец, мать, три брата и сестра. Им помогали многочисленные тети, дяди, племянники и прочие родственники, объединенные узами крови и брака. Проникнуть в этот преступный клан Интерпол не смог.

В комнате воцарилось молчание. Было слышно только щелканье телетайпов и приглушенный говор операторов. Броган тоже молчал,

переводя взгляд с Николса на Шиллера, потом на Оутса, президента и опять на Николса.

– Имя! – не выдержал президент.

– Капестерре, – ответил Броган. – Отец и мать – это Роланд и Джозефина Капестерре. Их старшего сына зовут Роберт. Его мы знаем как Топильцина. Второй по старшинству – Пол.

– Это Язид?

– Да.

– Полагаю, нам будет интересно услышать все, что вы о них знаете, – сказал президент.

– Как я уже говорил, – продолжил Броган, – всеми фактами я пока не располагаю. Я не знаю, где сейчас находятся Карл и Мэри, младший брат и сестра, неизвестны мне и имена ближайших родственников. Мы только начали работу и еще не успели копнуть глубже. Насколько мне известно, Капестерре – придерживающийся традиций преступный клан, начало которому положил дедушка, который восемьдесят лет назад эмигрировал из Франции на Карибы и занялся контрабандой, переправляя краденые товары и спиртные напитки в США во время сухого закона. Сначала он обосновался в Тринидаде, и его суда уходили из Порт-оф-Спейна. Когда же криминальная империя начала процветать, он приобрел небольшой остров, который и стал столицей империи. Роланд стал ее главой после смерти старика и, не теряя времени, расширил бизнес, включив в него торговлю наркотиками. Говорят, что истинным мозговым центром империи является его жена Джозефина. Первым делом супруги сделали свой остров банановой плантацией, с которой получали вполне законный и довольно высокий доход. Затем они проявили смекалку и стали выращивать на одной плантации две культуры: марихуана росла под банановыми деревьями, где ее практически не было видно. Потом на острове появилась лаборатория. Картина достаточно ясна?

– Да, – медленно сказал президент. – Теперь нам, пожалуй, все ясно. Спасибо, Мартин.

– Они все предусмотрели, – пробормотал Шиллер. – Одна семья выращивала соответствующие растения, производила наркотики и переправляла их потребителю.

– И продавала, – добавил Броган. – Но что интересно, они не торговали своей продукцией в Соединенных Штатах. Только в Европе и на Дальнем Востоке.

– Они и сегодня в этом бизнесе? – спросил Николс.

– Нет, – покачал головой Броган. – Через информаторов до семьи дошли слухи, что на остров готовится налет объединенных сил безопасности Вест-Индии. Урожай марихуаны был сожжен, лаборатория уничтожена, а семья начала приобретать контрольные пакеты акций корпораций, испытывающих финансовые трудности. В этом деле им снова сопутствовал успех и колоссальные доходы. Видимо, сказались несколько необычные методы менеджмента.

Николс заглотнул крючок:

– О чем это вы?

Броган ухмыльнулся:

– Семья Капестерре в первую очередь полагается на шантаж, вымогательства и убийства. Всякий раз, когда на их пути возникает конкурирующая компания, ее руководящие сотрудники по непонятной причине затевают переговоры об объединении, которые неизменно приводят к обогащению семьи Капестерре. Все ее противники, причем на любом уровне, включая высокопоставленных политиков, как-то уж очень быстро усваивают, что им следует дружить с семьей Капестерре. В противном случае их жены и дети очень легко могут стать жертвами несчастных случаев, а дома сгореть дотла из-за неисправной электропроводки или взлететь на воздух ну, скажем, в результате утечки газа.

– Это все равно что мафия, управляющая «Дженерал моторе» или «Галф энд Вестерн».

– Удачное сравнение, – вежливо согласился Броган и продолжил: – Сейчас семья контролирует конгломерат промышленных и финансовых предприятий по всему миру, ориентировочная стоимость которого двенадцать биллионов долларов.

– Биллион – это тот, что начинается с буквы "б"? Я не ослышался? – потрясенно прошептал Оутс – Кажется, я больше никогда не пойду в церковь.

Шиллер пожал плечами:

– Давно известно, что преступления могут быть выгодным бизнесом.

– Неудивительно, что они так вольготно себя чувствуют в Египте и Мексике, – сказал Оутс. – Шантаж, подкуп и оружие открыли им путь и в правительственные, и в военные круги.

– Я начинаю понимать смысл их действий, – задумчиво проговорил президент, – но для меня остается тайной, каким образом один сын

сумел выдать себя за урожденного египтянина, а другой – за мексиканца. Никто не может обмануть несколько миллионов человек.

– Их мать вела свое происхождение от черных рабов. – Броган вновь терпеливо пустился в объяснения. – Этим, вероятно, объясняется их темная кожа. Об их прошлом мы можем только строить предположения. Роланд и Джозефина вполне могли начать подготовку лет сорок назад. Сразу после рождения детей они, видимо, стали делать из них граждан другой страны. Пол, к примеру, стал учить арабский раньше, чем ходить, а Роберта с такого же раннего возраста обучали древнему языку ацтеков. Став старше, мальчики, наверное, посещали школы в Мексике и Египте под вымышленными именами.

– Грандиозный план, – уважительно протянул Оутс.

– Я бы назвал его дьявольским, – поморщился Николс.

– А я согласен с Дагом, – сказал президент, кивнув Оутсу. – Воистину всеобъемлющий план. Никому пока еще не приходило в голову с рождения готовить детей для захвата власти в другой стране. У этих людей уж точно нет недостатка в упорстве и терпении.

– Этим ублюдкам следует отдать должное, – признал Шиллер. – Они точно следовали сценарию и добились именно такого развития событий, которое могло принести им максимальную выгоду. Теперь их отделяет каких-нибудь несколько минут от захвата власти в двух ведущих странах третьего мира.

– Мы не можем допустить, чтобы это произошло, – продолжал упорствовать президент. – Если брат в Мексике станет главой государства и выполнит угрозу направить два миллиона своих соотечественников через наши границы, я не вижу другого выхода, как ввести туда войска.

– Я обязан предостеречь вас против агрессивных действий, – сказал Оутс. В нем заговорил госсекретарь. – Опыт истории показывает, что агрессия редко приводит к положительным результатам. Устранение Язида и Топильцина, или как там их зовут, и военный поход на Мехико не решит глобальных проблем.

– Возможно, и нет, – буркнул президент, – но даст нам время разрядить ситуацию.

– Есть другое решение, – вмешался Николс, – использовать Капестерре против самих себя.

– Я устал, – повысил голос президент. Только тогда присутствующие обратили внимание на его покрасневшие глаза и глубокие морщины вокруг глаз. – Избавьте меня, пожалуйста, от загадок.

Николс взглянул на Брогана в поисках поддержки.

– Эти люди занимались перевозкой наркотиков, правильно? Значит, они могут находиться в розыске как преступники.

– На первый вопрос я отвечу «да», а на второй – «нет», – подал голос Броган. – Это же не мелкие уличные торговцы. Вся семья находилась под следствием годами, но никто ничего так и не смог доказать. Ни одного ареста, ни одного обвинения. К тому же у них имеется обширный штат высококлассных юристов, способных посрамить любую вашингтонскую юридическую контору. У них есть связи в крупнейших правительствах мира. И вы мечтаете таких людей отдать под суд? Лучше уж попытайтесь снести египетские пирамиды при помощи ледоруба.

– Ну тогда можно открыть всему миру их истинное лицо, – настаивал Николс.

– Не выйдет, – вздохнул президент. – Любая попытка будет немедленно объявлена грязным пропагандистским трюком.

– А я считаю, что Николс мыслит в верном направлении, – спокойно сказал Шиллер. Он всегда больше слушал, чем говорил. – Нам нужно лишь нащупать фундамент – и мы разобьем его вдребезги.

Президент взглянул на Шиллера с недоверчивым любопытством:

– К чему вы ведете, Юлиус?

– «Леди Флэмборо», – ответил Шиллер. Его лицо хранило задумчивое выражение. – Надо найти неопровержимые доказательства того, что за похищением судна стоит Язид, и мы проделаем немало трещин в несокрушимой стене, возведенной семьей Капестерре.

Броган кивнул:

– Большой скандал, конечно, поможет сбросить с Язида и Топильцина мистические покровы и приоткрыть дверь к криминальной деятельности семейства.

– Не забывайте также о средствах массовой информации. Стоит им почувствовать запах кровавого прошлого семьи Капестерре, и они начнут безумствовать почище акул, – высказался Николс.

– Вы все упускаете из виду один важный факт, – сказал Шиллер, испустив глубокий и протяжный вздох. – В настоящий момент связь между исчезновением судна и семьей Капестерре – наше предположение. Она прослеживается лишь косвенно.

– У кого еще были мотивы, – возмутился Николс, – отделаться одним махом от президентов Де Лоренцо, Хасана и Генерального секретаря ООН?

– Ни у кого, – согласился Броган.

– Подождите, – воззвал к спокойствию президент, – Юлиус прав в одном. Действия похитителей нетипичны для ближневосточных террористов. Им еще надо заявить о себе. Они пока не выдвинули требований и не высказали угроз. И даже не объявили о намерении использовать заложников для международного шантажа. В создавшейся ситуации мне нестыдно признать, что я боюсь. Их молчание предвещает нечто кошмарное.

– На этот раз мы столкнулись с другой породой террористов, – сказал Броган. – Члены семьи Капестерре выжидают, надеясь, что правительства Хасана и Де Лоренцо падут без их участия.

– Что известно о круизном лайнере после того, как сын сенатора Питта обнаружил подмену? – спросил Оутс, стараясь предотвратить накал страстей.

– Оно находится где-то в районе Тьерра-дель-Фуэго, – ответил Шиллер, – и продолжает двигаться на юг. Завтра к вечеру мы увидим его через спутник.

Последнее сообщение не воодушевило президента:

– К этому времени они могут убить всех людей на борту.

– Если уже этого не сделали, – сказал Броган.

– Какими мы располагаем силами в том районе?

– Практически никакими, господин президент, – ответил Николс. – Не было необходимости в нашем присутствии так далеко на юге. За исключением нескольких грузовых самолетов, доставляющих снабжение на наши полярные станции, единственным американским транспортным средством в непосредственной близости от «Леди Флэмборо» является «Саундер» – исследовательское судно НУМА.

– То самое, на котором находится Дирк Питт?

– Да, сэр.

– А наши силы специального назначения?

– Двадцать минут назад я разговаривал по телефону с генералом Кейтом из Пентагона, – сказал Шиллер. – Элитная команда взлетела на С-40 около часа назад. Их сопровождают истребители.

Президент откинулся на спинку стула и положил руки на колени.

– Где у них будет командный пункт?

Броган вывел на гигантский настенный экран карту Южной Америки и показал точку.

– Если не появится новая информация, которая изменит наш первоначальный план, – сказал он, – они приземлятся на аэродроме в районе чилийского городка Пунта-Аренас на полуостров Брунсвик. Там и будет располагаться база для дальнейших операций.

– Долгий перелет, – констатировал президент. – Когда они прибудут на место?

– Через пятнадцать часов.

Президент взглянул на Оутса:

– Даг, полагаю, ты решишь все технические вопросы с правительствами Аргентины и Чили.

– Я позабочусь об этом.

– «Леди Флэмборо» необходимо обнаружить раньше, чем силы специального назначения начнут операцию, – отметил Шиллер. В логике ему отказать было невозможно.

– Слишком много сложностей, – пожаловался Броган. – Ближайший авианосец американского флота находится в пяти тысячах миль от нужного района. Невозможно провести полномасштабный поиск совместными усилиями флота и авиации.

Шиллер задумчиво смотрел в стол прямо перед собой.

– Спасательная операция может затянуться на недели, если похитители спрячут «Леди Флэмборо» в одной из скрытых бухт, каких немало вдоль береговой линии Антарктики. Туман и низкая облачность – тоже плохие помощники.

– Единственный инструмент, который мог бы нам помочь, – спутник, – решительно заявил Николс – Плохо то, что у нас нет спутников-шпионов, ведущих наблюдение за тем регионом.

– Дейл, к сожалению, прав, – подтвердил Шиллер. – Моря крайнего юга никогда не являлись объектами нашего пристального внимания по причине их малого стратегического значения. Если бы речь шла о Северном полушарии, с помощью имеющейся здесь аппаратуры мы могли бы записать беседу на мостике судна и прочитать газету, забытую на палубе.

– Что же остается? – спросил президент.

– «Ландсат», – ответил Броган, – несколько метеорологических спутников министерства обороны и «Сисат», используемый НУМА для исследования антарктических льдов и морских течений. Но больше всего надежды мы возлагаем на «СР-90 Каспер».

– Разве у нас есть разведывательные самолеты СР-90 в Латинской Америке?

– Только в Техасе на строго секретном аэродроме.

– Сколько времени займет его рейс туда и обратно?

– «Каспер» может развивать скорость до пяти тысяч километров в час. Он может слетать в Антарктику, сделать снимки и вернуться обратно в течение пяти часов.

Президент не скрыл своей тревоги.

– Может быть, кто-нибудь объяснит мне, почему правительство Соединенных Штатов всегда оказывается застигнутым со спущенными штанами? Почему мы вечно сидим по горло в дерьме? Мы строим самые сложные системы обнаружения в мире, но, когда возникает необходимость их использовать, выясняется, что все они сконцентрированы где-то в другом месте.

Все остальные молчали. Никто не шевелился. Ближайшие советники президента только отводили глаза, проявляя внезапный интерес к стенам, потолку, столу или бумагам, но ничто не могло их заставить взглянуть президенту в глаза.

Затянувшееся молчание нарушил Николс.

– Мы найдем судно, господин президент, – уверенно заявил он. – Если кто-то и может вызволить заложников, то это наш спецназ.

– Конечно, – согласился президент. – Они настоящие профессионалы. Их специально учили, чтобы успешно проводить подобные операции. Единственный вопрос, который меня беспокоит: будет ли кого спасать. Возможно, наши бравые десантники найдут судно, полное трупов.

46

Полковник Мортон Холлис был крайне недоволен тем, что ему пришлось покинуть семью во время празднования дня рождения жены. Понимание, светившееся в ее глазах, заставило его сердце тоскливо заныть. Ведь за ее сдержанность он должен будет заплатить высокую цену. Тут уже красным коралловым ожерельем не обойдешься. Придется

раскошелиться на пятидневный круиз на Багамы, о котором она уже давно мечтала.

Холлис сидел за столом в небольшом офисном отсеке транспортного самолета С-140, летящего над Венесуэлой к югу. Он с удовольствием попыхивал толстой гаванской сигарой. Именно такие он всегда покупал в магазинчике на военной базе после снятия эмбарго на экспорт кубинских товаров.

Он внимательно изучал только что полученную сводку погоды над Антарктикой и фотографии изрезанной заснеженной береговой линии. После взлета он уже дюжину раз прокрутил в уме возможные трудности предстоящей операции. За свою недолгую историю недавно созданные силы специального назначения уже успели зарекомендовать себя с самой лучшей стороны. Но им впервые предстояло принять участие в операции такого масштаба.

Силы специального назначения – нелюбимое дитя Пентагона – не были сформированы как единая команда до осени 1989 года. Именно в этот период армейское подразделение «Дельта», в котором были собраны лучшие бойцы элитных подразделений рейнджеров и «зеленых беретов», а также секретный авиационный отряд, известный под названием «Оперативная группа 160», слились с отрядом «Морских котиков 6» и отрядом специального назначения ВВС.

С этого момента в объединенных силах специального назначения прекратилось межведомственное соперничество. Они стали отдельной службой, насчитывающей около двенадцати тысяч человек со штабом на секретной базе в Виргинии. Спецназовцев обучали тактике партизанской войны, прыжкам с парашютом, подводному плаванию. Они овладевали навыками выживания в любых условиях и учились штурмовать здания, морские суда и самолеты в рамках проведения спасательных операций.

Холлис был невысок, ниже всех своих подчиненных, но имел ширину плеч почти такую же, как рост. Ему уже исполнилось сорок лет, и энергия била из него ключом. Он без особого труда пережил тяжелейшую трехнедельную учебную партизанскую войну во флоридских болотах и сразу отправился на другое задание. Его коротко остриженные каштановые волосы уже начали редеть и седеть, а глаза у него были зелено-голубые.

Умный и проницательный человек, он всегда старался заглянуть вперед, планировал все, что поддавалось планированию, и всячески избегал случайностей. Выдохнув еще одно кольцо дыма, он почувствовал приятное возбуждение и душевный подъем. Он был командиром лучшего в мире отряда, элиты элит. Команда из восьмидесяти человек, называвших себя «ловцами демонов», была выбрана по той причине,

что она участвовала в учебном штурме корабля, захваченного «террористами с заложниками на борту», причем учения проводились в зимнее время у побережья Норвегии. Сорок человек были «стрелками», остальные – «группой поддержки». Заместитель Холлиса, майор Джон Диллинджер, предварительно постучав, просунул голову в дверь.

– Ты занят, Морт? – спросил он с явно выраженным, несколько гнусавым техасским выговором.

Холлис призывно махнул рукой.

– Мой кабинет – твой кабинет, – весело заверил он Диллинджера. – Заходи и располагайся на моей новой кожаной кушетке. Ручная работа, между прочим.

Диллинджер, худощавый, жилистый человек с узким лицом и проницательными глазами, с сомнением взглянул на стул, намертво привинченный к полу, и осторожно сел. Тот факт, что он был тезкой легендарного грабителя банков, не помешал ему стать непревзойденным мастером тактического планирования. Для него не существовало оборонительных укреплений, за которые нельзя было проникнуть.

– Чем занимаемся? – спросил он Холлиса.

– Просматриваю метеосводки, изучаю ледовые условия и ландшафт.

– Что-нибудь увидел в хрустальном шаре?

– Еще слишком рано. – Холлис приподнял одну бровь. – А какие планы формируются в твоем извращенном мозгу?

– Я могу рассказать и показать шесть различных способов проникновения на борт судна. Я уже ознакомился с конструкцией и планировкой «Леди Флэмборо», но, поскольку неизвестно, откуда мы будем подходить – с моря, с воздуха или с берега, – все планы остаются приблизительными.

Холлис торжественно кивнул:

– На борту судна находится около сотни невинных людей, среди которых два президента и Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций. Да поможет нам Бог, если кто-то из них случайно окажется на линии огня.

– Мы не можем идти туда без оружия.

– Конечно, но в то же время не можем и прыгать с шумных вертолетов, открыв огонь еще в воздухе. Мы должны проникнуть на судно тайно, раньше, чем террористы поймут, что произошло. Внезапность – ключ к успеху.

– Тогда придется прыгать ночью.

– Возможно, – не стал отрицать Холлис.

Диллинджер поерзал на неудобном стуле:

– Ночные прыжки опасны уже сами по себе, а прыгать вслепую на судно, идущее без огней, может оказаться самоубийственным. Ты знаешь это так же хорошо, как и я. Из сорока человек пятнадцать не попадут на судно и окажутся в море. Еще двадцать получат ранения при ударе об острые выступающие детали. Нам повезет, если в строю останутся пять человек.

– И все равно ночное десантирование нельзя исключать.

– Давай подождем, пока появится дополнительная информация, – предложил Диллинджер. – Все зависит от того, где будет обнаружено судно. Тот факт, стоит оно на якоре или плывет полным ходом, имеет решающее значение. Как только мы это узнаем, я составлю план захвата и передам его тебе для утверждения.

– Разумно, – признал Холлис – Как там ребята?

– Выполняют домашнее задание. К моменту приземления на Пунта-Аренас они смогут бегать по палубам «Леди Флэмборо» с завязанными глазами.

– От них очень многое зависит.

– Они сделают свою работу. Самое сложное – доставить их на борт в целости.

– Тут есть еще один момент, – сказал Холлис, и на его лице отразилась глубочайшая озабоченность, – Только что я получил из Пентагона сведения о возможных силах террористов. Так по крайней мере считают эксперты.

– Ну и о каком количестве этих ублюдков идет речь? Пять, десять, может быть, двадцать?

Холлис мгновение помедлил:

– Учитывая, что экипаж мексиканского судна, перешедший на борт круизного судна, также вооружен, всего их может оказаться человек сорок.

Диллинджер в изумлении уставился на командира:

– Боже правый, мы идем против равного нам числа террористов?

Холлис мрачно кивнул:

– Похоже на то.

Диллинджер покачал головой и вытер ладонью лоб. Когда он вновь взглянул на командира, его глаза пылали возмущением.

– Так и хочется набить кому-то морду, – с отвращением сказал он.

* * *

Глубоко под землей в бетонном бункере, расположенном в одном из холмов в окрестностях Вашингтона, округ Колумбия, лейтенант Сэмюел Т. Джонс вбежал в большую комнату, задыхаясь, словно после спринтерского забега на двести метров. Собственно говоря, расстояние от узла связи до офиса фотоаналитиков было ненамного меньше.

Раскрасневшийся от возбуждения, он держал в вытянутых руках увеличенные фотографии.

Джонсу нередко приходилось бегать по коридорам во время тренировочных упражнений, но он, так же как и еще три сотни мужчин и женщин, работавших в штабе сил специального назначения, до сих пор просто выполнял свою работу, не вкладывая в нее душу. На учениях, сколь бы близкими к реальности они ни были, не происходит такого выброса в кровь адреналина, как в случае настоящей чрезвычайной ситуации. Поэтому после получения информации о похищении «Леди Флэмборо» сотрудники штаба словно очнулись от зимней спячки.

Силы специального назначения возглавлял генерал-майор Фрэнк Додж. Он и еще несколько членов штаба с нетерпением ждали поступления последних спутниковых снимков водного пространства к югу от Тьерра-дель-Фуэго. К ним-то и ворвался лейтенант Джонс.

– Есть! – радостно завопил он.

Додж строго воззрился на юного офицера, взглядом укоряя его за несдержанность.

– Они должны были лежать у меня на столе еще восемь минут назад, – недовольно буркнул он.

– Это моя вина, генерал. Я взял на себя смелость подровнять внешний периметр и увеличить изображение района непосредственных поисков, прежде чем подвергнуть все данные целиком компьютерной обработке.

Недовольное выражение лица Доджа слегка смягчилось.

– Хорошая мысль, лейтенант.

Джонс облегченно вздохнул и быстро прикрепил только что полученные со спутника фотографии на доску, освещенную рядом ламп. Предыдущее изображение находилось рядом. На нем красным

маркером было обведено последнее зафиксированное местонахождение «Леди Флэмборо». Известный курс был показан зеленым цветом, а предполагаемый – оранжевым.

Когда генерал Додж и его офицеры столпились вокруг снимков, выискивая маленькую точку, обозначающую судно, лейтенант предусмотрительно отошел в сторону.

– Судя по последним спутниковым данным, судно находилось примерно в ста километрах южнее мыса Горн, – сказал майор и отметил курс на карте, – сейчас оно уже могло войти в пролив Дрейка и приближаться к островам вблизи Антарктического полуострова.

После почти минутного размышления генерал Додж обратился к Джонсу:

– Вы внимательно изучили фото, лейтенант?

– Нет, сэр. У меня не было на это времени. Я постарался как можно быстрее доставить его вам.

– Но вы уверены, что это последние данные?

– Конечно. – Джонс выглядел удивленным и озадаченным.

– Ошибка исключена?

– Абсолютно, – ни минуты не раздумывая, ответил лейтенант. – Спутник НУМА «Сисат» произвел съемку местности с использованием цифровых электронных импульсов, которые были немедленно отправлены на наземные приемные станции. Вы видите изображение, которому не более шести минут.

– Когда поступят следующие данные?

– Через сорок минут над этим районом пройдет «Ландсат».

– А что с «каспером»?

Джонс взглянул на часы:

– Если он вернется по расписанию, мы увидим пленки через четыре часа.

– Доставьте их мне немедленно по получении.

– Да, сэр.

Додж повернулся к своим офицерам:

– Что ж, господа, Белому дому это определенно не понравится.

Он вернулся к столу и поднял телефонную трубку:

– Соедините меня с Аланом Мерсьером.

Не прошло и двадцати секунд, как генерал услышал голос советника по национальной безопасности:

– Надеюсь, у тебя хорошие новости, Фрэнк.

– Боюсь, что нет, – бесстрастно ответил Додж. – По нашим данным, круизное судно...

– Оно затонуло? – перебил его Мерсьер.

– Мы не можем утверждать это определенно.

– Тогда что вы можете утверждать?

Додж набрал в легкие воздуха и выговорил:

– Пожалуйста, проинформируйте президента, что «Леди Флэмборо» снова исчезла.

47

К началу девяностых годов оборудование для пересылки фотографий или графических изображений по всему миру при помощи микроволн через спутник или по городу с использованием оптоволоконной связи стало таким же обычным делом, как копировальные устройства. Сканированное лазером изображение передавалось на лазерный приемник и воспроизводилось почти моментально, в цвете и до мельчайших деталей.

Поэтому не прошло и десяти минут после звонка генерала Доджа, как президент и Дейл Николс склонились над столом в Овальном кабинете, изучая переданное «Сисатом» изображение водных пространств в районе южной оконечности Южной Америки.

– На этот раз «Леди Флэмборо» действительно может быть на дне, – сказал Николс. Он чувствовал себя усталым и сбитым с толку.

– Не верю, – возразил президент, изо всех сил стараясь сдержать гнев. – Похитители могли уничтожить судно, не уходя так далеко от Пунта-дель-Эсте и спокойно перейти на борт «Генерала Браво». Зачем же топить его сейчас?

– Возможно, они запланировали уход на субмарине.

Президент, казалось, ничего не слышал.

– Наша неспособность справиться с кризисом не может не настораживать. Наша реакция до неприличия замедленна.

– Мы не были готовы к подобному развитию событий, – промямлил Николс, чтобы что-то сказать. – Да и необходимого оборудования не оказалось под рукой.

– Слишком часто именно так и получается! – взорвался президент. Его глаза полыхали яростным огнем. – Я отказываюсь списывать этих людей со счетов. Я многим обязан Джорджу Питту. Без его поддержки я бы не сидел здесь, в Овальном кабинете. – Он сделал паузу и уверенно закончил: – Мы больше не пойдем по ложному следу.

* * *

Сид Грин тоже изучат спутниковые изображения. Это было его непосредственной обязанностью как специалиста Агентства национальной безопасности по работе с фотографическими данными. В своем кабинете в Форт-Мейере он вывел на один экран две спутниковые фотографии. Крайне заинтригованный, он проигнорировал последнее фото, на котором не было «Леди Флэмборо», и сосредоточился на предыдущем. Он максимально увеличил участок снимка, на котором располагалось крохотное пятнышко – «Леди Флэмборо».

Очертания были расплывчатыми, смазанными, позволявшими понять только, что на снимке судно, больше ничего. Он повернулся к компьютеру, стоящему слева от него, и ввел ряд команд. Изображение стало яснее, появились некоторые детали, доселе скрытые от глаз. Теперь он различил очертания дымовой трубы, надстройки и части верхней палубы.

Сид Грин продолжал работать на клавиатуре, стараясь сделать изображение круизного лайнера более четким. Примерно через час он откинулся на спинку стула, заложил руки за голову и с чувством выполненного долга взглянул на экран.

Открылась дверь, и в полутемную комнату вошел Вик Паттон, начальник Грина. Он остановился за спиной Сида и с интересом уставился на экран.

– Это все равно что пытаться прочитать газету на уличном лотке с крыши Международного торгового центра, – заметил он.

Грин, не поворачиваясь, ответил:

– Полоса обзора семьдесят на сто тридцать километров не дает достаточного разрешения даже при максимальном увеличении.

– А что на последнем снимке?

– Ни намека на судно.

– Жаль, что мы не можем запустить наших птичек-шпионов так низко.

– На KH-15 картинка получилась бы приличная.

– Ситуация на Ближнем Востоке снова накалилась. Я не могу снять ни одну из них с орбиты, пока пыль не осядет.

– Тогда надо отправить «каспера».

– Один уже летит. К ланчу мы сможем узнать, какого цвета глаза у террористов.

Грин махнул рукой в сторону увеличенного изображения на экране:

– Посмотри и скажи, тебе ничего не кажется странным?

Паттон некоторое время изучал изображение, потом недовольно пробормотал:

– Все слишком размыто, чтобы можно было разобрать детали. Я что-то пропустил?

– Обрати внимание на носовую часть.

– Как, черт возьми, ты отличаешь нос от задницы?

– По волне за кормой, – терпеливо пояснил Грин.

– Понял. Палуба в носовой части почти невидна, как будто чем-то укрыта.

– Молодец! Я тоже обратил на это внимание.

– Что они задумали? – в полном недоумении спросил Паттон.

– Узнаем, когда получим пленку с «каспера».

* * *

А в это время на борту С-140, летящего над Боливией, царило уныние и разочарование. Спутниковое изображение, на котором отсутствовало круизное судно, вызвало в крошечном командном пункте такой же накал страстей, как в президентских кругах.

– Куда, к черту, оно могло подеваться? – бушевал Холлис.

Более сдержанный Диллинджер только тихо бормотал:

– Оно не могло исчезнуть.

– Но оно исчезло! Посмотри сам!

– Смотрю. И вижу не больше чем ты.

– Бьюсь об заклад, дело в недостоверной информации, плохой погоде или поломке оборудования. И теперь наша цель играет с нами в прятки.

– «Леди Флэмборо» затонула, – сказал Диллинджер. – Я не вижу другого объяснения.

– Не могу поверить, чтобы сорок террористов совершили коллективное самоубийство!

– Ну и что теперь?

– Я могу только запросить новые инструкции, больше ничего.

– Мы не прервем полет?

– Только если получим приказ.

– Тогда летим дальше.

Холлис удрученно кивнул:

– Летим на юг, пока не получим другой приказ.

* * *

Последним узнал Питт. Когда Руди Ганн вошел в каюту и принялся будить его, Питт спал мертвым сном.

– Оживай скорее, – нетерпеливо сказал Ганн, – у нас большая проблема.

Питт открыл глаза и первым делом посмотрел на часы.

– Что случилось? Мы перенеслись к Пунта-Аренас на ковре-самолете?

Ганн покосился на Пита с подозрением. Если человек, насильственно выдернутый из глубокого сна, приходит в хорошее настроение и моментально начинает сыпать плоскими шутками, с ним явно не все в порядке.

– Судно войдет в гавань не раньше чем через час.

– Ну и ладно, значит, я могу еще часок покемарить.

– Приди в себя! – сердито закричал Ганн. – Мы получили последнюю спутниковую фотографию. «Леди Флэмборо» снова исчезла.

– Ее действительно нет?

– Сколько ни увеличивали, не нашли ни намека. Я только что разговаривал по телефону с адмиралом Сэндекером. Белый дом и Пентагон выплевывают приказы как свихнувшиеся игровые автоматы. Спасательная команда спецназа находится в пути, только теперь выходит, что ей некуда лететь. В дополнение ко всему, сюда послали самолет-разведчик, который должен сделать качественные снимки.

– Попроси адмирала устроить мне встречу с командиром группы спецназа после их приземления.

– А почему ты сам не можешь его попросить?

– Потому что я намерен еще немного вздремнуть, – с протяжным зевком сообщил Питт.

Ганн не знал, что и думать.

– На этом проклятом судне твой отец. Неужели это тебя нисколько не трогает?

– Да трогает это меня, трогает, – отмахнулся Питт, но глаза его странно вспыхнули, – просто я не вижу, что можно сделать прямо сейчас.

Ганн отступил:

– Что-нибудь еще передать адмиралу?

Питт натянул на себя одеяло, повернулся к стене и сказал:

– Да. Передай, что я знаю, как именно исчезла «Леди Флэмборо», и догадываюсь, где ее прячут.

Если бы эти слова произнес любой другой человек, Ганн без колебаний счел бы его наглым лжецом. Но Питту он поверил сразу:

– Может быть, ты дашь мне ключ?

Питт обернулся:

– Ты же у нас коллекционер, Руди, собираешь произведения искусства, разве не так?

– Моя маленькая коллекция произведений абстрактного искусства не может сравниться с фондами Нью-йоркского музея современного искусства, но все же она довольно известна. – Он снова с удивлением и любопытством посмотрел на товарища. – Ну и что из этого?

– Если я прав, мы тоже сможем приобщиться к искусству.

– Мы говорим на одном языке?

– Кристо, – сказал Питт и снова повернулся к переборке. – Нам предстоит вспомнить его вдохновенные скульптуры.

48

Пронизывающий ветер засыпал самый южный город планеты отвратительной ледяной крупой. До того как был построен Панамский канал, в Пунта-Аренас часто заходили суда. Потом город постепенно

зачах. Со временем он снова возродился как центр овцеводства, а когда вблизи были найдены нефтяные месторождения, он начал процветать.

Холлис и Диллинджер стояли на причале, ожидая возможности попасть на борт «Саундера». Температура опустилась ниже нуля, было ветрено и очень холодно. Они чувствовали себя верблюдами, по недоразумению попавшими в Арктику. Благодаря сотрудничеству с чилийскими властями они сумели раздобыть более или менее теплую одежду и сменили военную форму на форму офицеров иммиграционной службы.

В соответствии с расписанием их самолет приземлился на военном аэродроме еще затемно. Непогода снизила видимость до нескольких сот метров и помогла скрыть прибытие самолетов. Чилийское военное командование проявило максимальную готовность к сотрудничеству и выделило достаточно места в ангарах, чтобы убрать самолеты с глаз долой.

Они отошли от ангара, за которым прятались от ветра, только когда исследовательское судно пришвартовалось у причала и был спущен трап. Ощутив очередной удар ледяного ветра, оба мужчины непроизвольно отшатнулись, потом совершенно синхронно поежились и втянули головы в плечи.

На мостике появился высокий человек с загорелым, обветренным лицом, на котором блуждала дружелюбная улыбка. На нем была лыжная куртка, которая, впрочем, вряд ли хорошо защищала от холода. Он сложил ладони рупором у рта и громко, стараясь перекричать завывание ветра, крикнул:

– Сеньор Лопес?

– Да, – прокричал в ответ Холлис.

– А кто ваш друг?

– Это сеньор Джонс, – по-испански ответил Холлис, кивнув на Диллинджера.

– Я слышал лучший испанский даже в китайском ресторане, – пробормотал Диллинджер.

– Пожалуйста, поднимайтесь на борт. Выйдя на главную палубу, идите по правой стороне прямо на мостик.

– Gracias[44].

Два офицера элитного американского боевого подразделения послушно направились по указанному маршруту. Холлис сгорал от любопытства. За час до приземления в Пунта-Аренас он получил шифровку от генерала Доджа, предписывающую ему тайно встретить «Саундер», как

только тот зайдет в порт. Никаких объяснений, никаких инструкций. Он только уяснил из краткого инструктажа перед вылетом из Виргинии, что именно экипажу исследовательского судна удалось раскрыть обман с подменой «Генерала Браво» лайнером «Леди Флэмборо». Больше ничего. Холлиса чрезвычайно интересовало, с какой стати судно оказалось в Пунта-Аренас в то же время, что и его команда.

Полковник не любил, когда им манипулировали втемную, поэтому пребывал в весьма воинственном настроении.

Человек, кричавший им с мостика, стоял на том же месте. Холлис взглянул в его проницательные зеленые глаза и поспешно отвел взгляд; ему показалось, что этот человек наделен некой гипнотической силой. Человек был высок и широкоплеч, а в его неприкрытых головным убором волосах застряли мелкие льдинки. В течение пяти секунд он внимательно смотрел на офицеров, – очевидно, этого времени ему хватило, чтобы составить о них собственное мнение, потом он вытащил из кармана правую руку и протянул ее полковнику:

– Полковник Холлис, майор Диллинджер, меня зовут Дирк Питт.

– Похоже, вы знаете о нас больше, чем мы о вас, мистер Питт.

– Ну это мы быстро исправим, – жизнерадостно заявил Питт. – Пожалуйста, следуйте за мной в каюту капитана. Кофе уже должен быть готов, так что мы поговорим в тепле и уюте. Там нам никто не помешает.

Замерзшие гости не могли не встретить это предложение с благодарностью. Они прошли за Питтом во внутренние помещения корабля и спустились на палубу ниже в каюту Стюарта. Войдя, Питт представил Ганна, Джордино и капитана Стюарта. Офицеры спецназа пожали всем руки и с жадностью схватили чашки с горячим кофе.

– Садитесь, пожалуйста, – предложил вежливый Стюарт.

Диллинджер не заставил себя долго упрашивать и опустился на стул, но Холлис упрямо замотал головой:

– Спасибо, но я лучше постою. – Он обвел вопросительным взглядом четверых сотрудников НУМА и настойчиво вопросил: – Может быть, кто-нибудь потрудится мне объяснить, что за чертовщина здесь происходит?

– Речь пойдет, как вы понимаете, о «Леди Флэмборо», – спокойно ответил Питт.

– Не понимаю, что здесь можно обсуждать. Ее террористы потопили.

– Уверяю вас, судно в целости и сохранности и находится на плаву, – заверил полковника Питт.

– У меня нет ни одного факта, говорящего в пользу этого, – отрезал Холлис. – На спутниковых фото судна нет.

– Поверьте мне на слово.

– Я никому не верю на слово. Представьте доказательства.

– Но вы же не повернули назад, не правда ли?

– Мои люди и я летели сюда, чтобы спасать жизни, – резко ответил Холлис – Никто, даже мои командиры, не утверждал, что людей на борту еще можно спасти.

– Вы должны понять, полковник, – начал Питт, причем его голос лишился обычного дружелюбия, теперь он говорил короткими, четкими фразами, звучавшими как удары хлыста, – что имеете дело не с обычными террористами. Их командир чрезвычайно изобретателен. До сих пор ему удавалось перехитрить лучшие умы из наших сил безопасности, и он продолжает это делать.

– Тем не менее кое-кого ему не удалось перехитрить, – сказал полковник, отпустив весьма неуклюжий комплимент.

– Нам повезло. Если бы «Саундер» не находился поблизости, могли уйти месяцы, чтобы распознать обман. А так у террористов в запасе остался только день или два.

Воинственный пессимизм Холлиса начал таять. Нет, этот человек и не думал сдаваться. Просто он начал понимать, что после всего спасательная операция может все-таки состояться.

– Где судно? – прямо спросил он.

– Мы не знаем, – так же прямо ответствовал Ганн.

– А хотя бы примерное местонахождение?

– Лучшее, что мы можем предложить, это его местонахождение по экспертной оценке, – дипломатично сообщил Джордино.

– Основанной на чем?

Ганн бросил взгляд на Питта, тот улыбнулся и принял подачу:

– На интуиции.

Надежды Холлиса снова начали рушиться.

– Позвольте полюбопытствовать, вы пользуетесь картами Таро или хрустальным шаром? – язвительно поинтересовался он.

– Предпочитаю кофейную гущу. – Питт не любил оставаться в долгу.

Последовало молчание, долгое и холодное, как погода за окном. Холлис сообразил, что его агрессивные нападки ни к чему хорошему не приведут. Он одним глотком допил кофе и стал нервно вертеть чашку в руке:

– Ладно, господа, мне жаль, что я был излишне резок. Извините, но я не привык иметь дело с гражданскими лицами.

На лице Питта не было и намека на злость. Казалось, все происходящее его искренне забавляет.

– Если вам так будет удобнее, примите к сведению, что я имею звание майора военно-воздушных сил.

– Тогда какого черта вы делает в НУМА? – фыркнул Холлис.

– Будем считать, что я туда временно откомандирован. А вообще, это долгая история, пересказывать которую нет времени.

До Диллинджера наконец дошло. Он должен был понять сразу, как только Питт назвал свое имя, но теснившиеся в его голове вопросы не оставляли места для всего остального.

– Вы случайно не родственник сенатора Джорджа Питта? – спросил Диллинджер.

– Это мой отец.

Небольшая часть завесы приподнялась, и оба офицера наконец увидели проблеск света. Холлис подвинул к себе стул и сел:

– Хорошо, мистер Питт, расскажите, пожалуйста, что у вас есть.

Вмешался Диллинджер:

– По последним данным «Леди Флэмборо» направлялась в Антарктику. Вы утверждаете, что судно не затонуло и остается на плаву. Тогда на новых фотографиях оно будет отлично видно среди льдов.

– Если вы ставите на «каспера», – быстро сказал Питт, – поберегите деньги.

Диллинджер бросил унылый взгляд на командира. Ситуация была более чем странной. Похоже, эти океанологи тоже не обладали дополнительной информацией, но по непонятной причине изъяснялись загадками.

– «Каспер» может с расстояния сотни тысяч километров сфотографировать трехмерный объект настолько четко, что вы прочтете этикетку на футбольном мяче, – сказал Холлис.

– Не сомневаюсь. Ну а если мяч будет замаскирован под камень?

– Я все-таки не понимаю…

– Думаю, вы все поймете, если увидите своими глазами, – сказал Питт. – Пойдемте, на палубе мы приготовили все необходимое для демонстрации.

* * *

Палуба на корме была застелена большим непрозрачным покрывалом из белого пластика, хорошо закрепленного, чтобы пластик оставался неподвижным и не вздувался от ветра.

Капитан Стюарт остановился немного поодаль с двумя матросами, державшими пожарный шланг.

– В процессе осмотра района вокруг затопленного «Генерала Браво» был обнаружен рулон этого самого пластика, – начал рассказывать Питт. – Полагаю, он упал с палубы «Леди Флэмборо» случайно. Он находился на дне среди пустых бочек краски, которую террористы использовали для переоборудования круизного лайнера в мексиканский контейнеровоз. Понимаю, что вы вряд ли сочтете это убедительным свидетельством, но тут уж ничего не поделаешь. Придется вам поверить мне на слово. Здесь все указывает на подготовку еще к одной маскировке. На последней спутниковой фотографии ничего не было обнаружено по единственной причине: все искали судно. А «Леди Флэмборо» больше таковым не выглядит. Лидер террористов, должно быть, разбирается в современном искусстве и увлекается весьма спорными работами Кристо, известного своими скульптурами из пластика на открытом воздухе. Он покрывает этим материалом здания и целые острова. Он повесил чудовищный занавес в Рифл-Гэп, Колорадо, и создал протянувшийся на много миль забор в Марин-Каунти, Калифорния. Наш террорист решил от него не отставать. Он надумал целиком завернуть в пластик круизный лайнер. Судно, в общем, не слишком большое. Основные очертания корпуса легко изменить с помощью всевозможных накладок. При соответствующей предварительной подготовке сотня похитителей и заложников совместными усилиями могли выполнить работу часов за десять. Когда над судном прошел «Ландсат», они как раз работали. Увеличения было недостаточно, чтобы рассмотреть детали. Когда же спустя двенадцать часов над тем же районом прошел «Сисат», не было обнаружено ничего даже отдаленно напоминающего судно. Я не слишком быстро говорю?

– Нет, – ошеломленно пробормотал Холлис, – но все это полнейшая бессмыслица.

– Он, должно быть, с Миссури, – скривился Джордино, указывая на Холлиса. – Может, лучше показать ему? Мне кажется, он быстрее поймет.

Питт кивнул капитану Стюарту.

– Хорошо, парни, давайте еще раз, потихоньку, – велел он матросам с пожарным шлангом.

Один из них повернул кран, другой направил шланг в нужном направлении. На пластик полетел дождь мелких брызг. В первый момент ветер унес почти весь искусственный дождик за борт. Матрос направил шланг под другим углом, и очень скоро пластик оказался покрытым водяной пленкой.

Прошла минута, и вода превратилась в лед.

Холлис внимательно наблюдал за превращениями. Затем он подошел к Питту, протянул ему руку и с чувством проговорил:

– Примите мои заверения в искреннем уважении, сэр, у вас светлая голова.

Диллинджер несколько мгновений взирал на происходящее с видом деревенщины, которого обвели вокруг пальца на ярмарке.

– Айсберг, – пробормотал он. – Эти ублюдки превратили судно в айсберг!

49

Под утро Гала очень замерзла и проснулась. Уже светало, но в каюте было темно. Стенки фальшивых контейнеров и непрозрачная пленка, окутавшая круизный лайнер, почти не пропускали света. Но все же его было достаточно, чтобы разглядеть фигуры президентов Хасана и Де Лоренцо на соседней кровати. Укрытые одним тоненьким одеялом, они жались друг к другу, чтобы согреться, а их дыхание в холоде каюты сразу превращалось в пар, который сначала зависал белесым облаком над их головами, а потом замерзал на стенках каюты.

Холод еще можно было терпеть, но повышенная влажность делала низкую температуру в помещениях невыносимой. Положение пленников с каждым часом усугублялось тем, что после выхода из Пунта-дель-Эсте их ни разу не кормили. Похитителей не заботили такие мелочи, как питание пассажиров и членов экипажа. Бесчеловечная жестокость Аммара сделала свое дело. Холод и страх перед неизвестным медленно, но верно лишали несчастных мужества.

В первые дни людям помогала выжить вода, которая постоянно текла из кранов в ванных и душевых кабинах. Но по мере понижения

температуры трубы замерзли, и теперь к мукам голода прибавилась пытка жаждой.

Круизный лайнер «Леди Флэмборо» был предназначен для плавания в тропических морях, поэтому одеял на нем было немного. Все пассажиры, поднявшиеся на борт в Пуэрто-Рико и Пунта-дель-Эсте, планировали находиться в теплом климате и не брали с собой зимней одежды. Пленники напяливали на себя все что можно: на них постоянно было несколько пар легких рубашек, шорт и носков. Чтобы сохранить тепло тела, они заворачивали головы в полотенца. Больше всего людям не хватало перчаток.

Тепла не было нигде. Аммар ответил решительным отказом на все просьбы обогреть помещения. Такого он просто не мог себе позволить. Тепло растопило бы ледяную пленку, тем самым сведя на нет его гениальный план.

Гала была не единственной пленницей, которой не спалось. Большинство пассажиров обнаружили, что при такой температуре глубокий сон невозможен. Они лежали погруженные в нечто похожее на гипнотический транс, осознавая, где они находятся, но не в силах даже рукой пошевелить. О сопротивлении террористам уже никто и не помышлял. Капитан Коллинз и его люди теперь были заняты борьбой за выживание в пронизывающем холоде.

Когда сенатор Питт вошел в комнату, Гала приподнялась на локтях.

На общем фоне он выглядел странно, оставаясь в сером деловом костюме и тонкой голубой рубашке. Он ободряюще улыбнулся госпоже Камиль, хотя и понимал тщетность таких попыток. Усталость последних пяти суток сказалась и на неизменно подтянутом сенаторе. Он больше не казался моложавым и сильным, а выглядел измученным пожилым человеком.

– Как дела? – спросил он.

– Я бы отдала правую руку за чашку горячего чая, – пытаясь улыбнуться, сообщила Гала.

– Что касается меня, я бы отдал не только руку.

Президент Де Лоренцо сел и спустил ноги на пол.

– Кто-то говорил о горячем чае? Я не ослышался?

– Мы просто мечтали, господин президент, – ответил сенатор.

– Никогда не думал, что можно замерзнуть и умереть от голода на роскошном круизном лайнере.

– Я тоже.

Президент Хасан пошевелился, негромко застонал и поднял голову.

– Вас опять беспокоит спина? – участливо спросил Де Лоренцо.

– Мне так холодно, – ответил Хасан, – что я даже боли не чувствую.

– Могу я помочь вам подняться?

– Нет, спасибо, лучше я останусь здесь и сохраню остаток сил. – Хасан взглянул на президента Де Лоренцо и слабо улыбнулся. – Жаль, что мы не встретились при более благоприятных обстоятельствах.

– Я слышал, американцы говорят, что политика загоняет в одну постель самых разных людей. Мы с вами – прямой тому пример.

– Когда выберемся из этой истории, вы должны быть моим гостем в Египте.

Де Лоренцо кивнул:

– Благодарю вас. Но и вы тоже должны посетить Мексику.

– Это для меня большая честь.

Два президента торжественно пожали друг другу руки. В этот момент они были не главами государств, а обычными людьми, попавшими в ситуацию, которой не могли управлять, и желавшими выйти из нее с почетом, каким бы ни был исход.

– Двигатели остановились, – неожиданно сказала Гала. Сенатор Питт кивнул:

– Только что бросили якоря. Мы стоим, поэтому и двигатели молчат.

– Должно быть, мы недалеко от земли.

– К сожалению, невозможно выглянуть в окно и посмотреть.

– Плохо быть слепым.

– Если кто-то из вас покараулит дверь, я попробую обеспечить для нас обзор, – сказал Питт. – Если удастся разбить стекло, не привлекая внимания охранника, я смогу прорезать отверстие в фиброкартоне. При определенной доле везения мы сможем увидеть, где находимся.

– Я послушаю у двери, – вызвалась Гала.

– Мы и так замерзаем, зачем же впускать холод снаружи? – уныло протянул Де Лоренцо.

– В каюте температура такая же, как на улице, – ответил сенатор.

Он не был намерен терять время на дебаты и направился прямо к стеклянному окну в гостиной. Оно было довольно большое – примерно два метра на метр. Снаружи под окнами не было прогулочной палубы. Двери всех апартаментов выходили к центру судна, а окна возвышались прямо над бортами.

Террористы патрулировали только верхние палубы, а также открытые части главной палубы на носу и корме.

Сенатор постучал по стеклу костяшками пальцев. Послышался глухой звук. Стекло было толстым. Оно должно было выдерживать удары волн и напор ураганного ветра.

– У кого-нибудь есть кольцо с бриллиантом?

Гала вытащила руки из карманов легкого плаща, протянула их вперед и, пошевелив пальцами, продемонстрировала два небольших колечка с бирюзой и опалами.

– Мусульманские поклонники не балуют своих женщин дорогими подарками, – сказала она.

– А мне нужен целый карат.

Президент Хасан снял с тонкого пальца массивное кольцо:

– Здесь три карата.

Сенатор осмотрел кольцо:

– То, что нужно! Спасибо.

Он работал быстро, но осторожно, стараясь производить как можно меньше шума. Первым делом следовало проделать отверстие такой величины, чтобы в него пролез палец. Работу приходилось периодически прерывать, чтобы согреть дыханием руки. Когда же пальцы совсем теряли чувствительность, он держал их под мышками до тех пор, пока они снова не обретали подвижность.

Сенатор не думал о том, что сделают с ним террористы, если поймают. И даже без особых эмоций представлял свой пробитый пулями труп, плывущий по течению.

Он прочертил кружок вокруг маленькой дырочки в центре, потом несколько раз провел брильянтом по тому же месту, постепенно усиливая нажим. Драгоценный камень вгрызался в стекло все глубже и глубже. Самое сложное было не дать вырезанному стеклу упасть. Звон бьющегося о стальной корпус стекла наверняка будет услышан.

Сенатор осторожно просунул палец в отверстие в центре и потянул на себя. Стекло поддалось. Он медленно вынул стеклянный кружочек и опустил его на ковер. Неплохо. Теперь в стекле появилось отверстие достаточно большое, чтобы в него можно было просунуть голову.

Фиброкартонные щиты, являющиеся стенками фальшивых контейнеров, располагались на расстоянии половины вытянутой руки от окна и закрывали всю надстройку. Сенатор осторожно просунул голову в окно, понимая: края отверстия настолько острые, что он легко может остаться без ушей. Оглядевшись, он увидел только узкую щель между контейнерами и стальными бортами судна. Сверху постулат свет – там виднелся небольшой участок неба, но он был тусклым, словно проходил сквозь полосу тумана. Внизу он ожидал увидеть воду, но вместо нее сенатор увидел огромный кусок пластика, закрепленный на уровне ватерлинии. Он с удивлением уставился на новое украшение, искренне недоумевая, зачем оно понадобилось.

Сенатор чувствовал себя в безопасности. Он вернулся в спальню и стал рыться в портфеле.

– Что вы ищете? – спросила Гала.

Сенатор достал и показал большой швейцарский армейский нож.

– Я всегда вожу его вместе с принадлежностями для бритья, – сообщил он. – Правда, до сих пор из всех его приспособлений мне приходилось пользоваться только штопором.

Сенатор Питт помедлил, чтобы как следует согреть руки, и только потом продолжил. Он крепко взялся за красную рукоятку, просунул руку в отверстие в стекле и принялся за работу. Сначала он, поворачивая нож, использовал маленькое лезвие как сверло, а потом большим лезвием срезал края, увеличивая площадь круга.

Процесс шел мучительно медленно. Он старался, чтобы кончик ножа не высовывался за уровень фиброкартона, справедливо опасаясь, что привлеченные шумом охранники могут заметить блеск металла. Он действовал очень осторожно и, справившись с одним слоем фиброкартона, переходил к следующему.

Его рука уже почти ничего не чувствовала, но он не хотел прерываться, чтобы согреться. Ладонь сенатора, казалось, примерзла к красной рукоятке, а нож стал продолжением руки.

В конце концов сенатору удалось проделать достаточно большое отверстие в картоне, чтобы можно было видеть море. Он снова просунул голову сквозь дыру в стекле и приник к глазку.

Что-то мешало, загораживало обзор. Он ткнул в глазок пальцем и коснулся пластиковой поверхности. Оказалось, что пластик закрывает не только корпус, но и контейнеры.

Сенатор тихо выругался. Оказалось, что в принятых им мерах предосторожности не было нужды. Он вполне мог смелее пробиваться сквозь картон: все равно никто не заметил бы лезвия. Забыв об осторожности, он несколькими движениями прорезал щель в непрозрачном материале и потом, уже не скрываясь, выглянул.

Он не увидел моря, но не увидел и береговой линии.

Все, что он видел, – это нависший над судном ледяной утес, казавшийся бесконечным. Блестящая стена была так близко, что до него можно было бы дотянуться зонтиком.

Сенатор услышат глухой звук, который постепенно стих. Это было похоже на гул небольшого землетрясения.

Он отошел от окна и попытался осмыслить увиденное.

Гага заметила, что его настроение изменилось, и обеспокоенно спросила:

– Что там? Что вы увидели?

Сенатор обернулся и тупо взглянул в ее сторону. Его глаза были пустыми, губы двигались, но безмолвно. Лишь по прошествии нескольких секунд к нему вернулась способность членораздельно говорить.

– Они поставили судно на якорь у огромного ледника, – наконец выговорил он. – Ледяная стена может рухнуть в любой момент и раздавить «Леди Флэмборо», словно бумажный кораблик.

50

В двадцати километрах над Антарктическим полуостровом разведывательный самолет с треугольными крыльями скользил в разреженном воздухе со скоростью 3200 км/час. Он мог лететь в два раза выше и в два раза быстрее, но летчик использовал мощность двигателей только на сорок процентов, – во-первых, из экономии топлива, а во-вторых, чтобы камеры сделали более четкие снимки.

В отличие от своего предшественника СР-71, «черной птицы», титановый фюзеляж и крылья которой были выкрашены в цвет индиго, более совершенный СР-90 имел серовато-белый фюзеляж из высокопрочной пластмассы. Прозванный «каспером» по имени привидения из детского мультфильма, этот самолет невозможно было заметить невооруженным глазом, да и радаром тоже.

Его пять камер могли охватить половину Соединенных Штатов в течение часа всего лишь за один пролет. Совершенная фототехника, позволяющая получать черно-белые, цветные, инфракрасные и трехмерные изображения, была неизвестна в повседневности.

Подполковник Джеймс Слейд изнывал от скуки. Во время долгого полета с базы, расположенной в калифорнийской пустыне Мохаве, ему совершенно нечего было делать. Он единственный раз во время дозаправки управлял самолетом вручную. Двигатели «каспера» потребляли много топлива, и прием топлива от воздушных заправщиков уже давно стал делом привычным.

Слейд внимательно осмотрел панель управления. «Каспер» был новым самолетом, и его нрав пока не был хорошо изучен. Убедившись, что показания всех приборов находятся в пределах нормы, летчик вздохнул и вынул из кармана летного комбинезона электронную игру. Он начат с увлечением нажимать кнопки под дисплеем, стараясь провести маленького водолаза мимо гигантского осьминога, преграждавшего вход в пещеру с сокровищами.

Через несколько минут игра ему надоела, и он стал смотреть в окна. Под крыльями самолета в ледяном молчании раскинулась Антарктика. Далеко внизу поблескивали под хрустально чистым небом изогнутый палец Антарктического полуострова и многочисленные острова.

Величественный пейзаж, созданный скатами, льдом и морем, был завораживающим и даже отчасти пугающим. Собственно говоря, с высоты двадцати километров вид мог показаться весьма привлекательным, но Слейд знал, что происходит там, внизу, не понаслышке. Он однажды доставлял припасы на научно-исследовательскую станцию на Южном полюсе и, прибыв туда, быстро усвоил, что красота и враждебность в этом царстве вечного холода ходят рука об руку.

Он хорошо помнил холод, пробирающий до самых костей. Он никогда бы не поверил, если бы ни убедился сам, что плевок может замерзнуть, не долетев до земли. И еще он знал, что до гробовой доски не забудет ярость ветров, свирепствующих на самом холодном из континентов.

Слейд не мог постичь, почему некоторые люди влюбляются в этот ледяной ад. Тогда, после возвращения на базу, он подумал, что, если обратиться к туристическому агенту и потребовать забронировать место в хорошем отеле в районе полюса, это будет удачной шуткой.

Неожиданно в одном из трех динамиков кабины раздался женский голос:

– Прошу внимания, вы близки к пересечению внешней границы вашего полетного коридора, расположенной в точке с координатами семьдесят градусов широты и семьдесят градусов долготы. Отключите автопилот и выполните разворот на сто восемьдесят градусов. Начинайте, пожалуйста. Обратный курс заложен в ваш компьютер. Введите соответствующий код. Желаю вам счастливого полета.

Слейд последовал инструкциям и выполнил медленный поворот. Убедившись, что компьютер показывает обратный курс, он снова включил автопилот и поудобнее устроился в кресле.

Как и многие другие мужчины, вынужденные долгое время проводить в одиночестве, он начал представлять себе внешность говорившей. Ходили слухи, что ей было шестьдесят лет, она бабушка двенадцати внуков и весит триста фунтов, но ни один пилот с мало-мальски развитым воображением не допускал, что это правда. Ее образ не мог быть таким приземленным. Она обязана была выглядеть как Сигурни Уивер. А может быть, это действительно была Сигурни Уивер… Слейд решил по прибытии домой непременно разгадать эту интригующую тайну.

Затем он снова проверил показания приборов и расслабился. Покрытая льдом и снегом земля быстро удалялась. Когда же самолет снова оказался над морем, Слейд вернулся к электронной игре.

Он не видел смысла смотреть вниз, тем более что после Тьерра-дель-Фуэго землю скрыло одеяло угольно-черных облаков. Он и так знал, что пролетает над областью постоянных ветров, снега и дождей.

Слейд был признателен облакам за то, что они лишили его возможности разглядывать монотонный пейзаж. Эту миссию он доверил инфракрасным камерам. Они должны были проникнуть сквозь облачность и запечатлеть унылую картину.

* * *

Капитан Коллинз смотрел в лицо Аммара, вернее, на его маску и был вынужден сделать над собой определенное усилие, чтобы не отвести взгляд. В глазах лидера террористов было что-то дьявольское, больше роднившее его с обитателями преисподней, чем с нормальными людьми.

– Я требую ответа, – заявил капитан Коллинз, – когда вы намерены освободить мое судно.

Аммар поставил чашку на блюдце, промокнул губы салфеткой и светским тоном предложил:

– Чашечку чаю?

– Нет, – спокойно ответил Коллинз, – если вы не дадите чаю моим пассажирам и команде. – Он стоял перед террористом очень прямо, одетый все в ту же белую форму. Он настолько замерз, что не мог скрыть крупную дрожь, сотрясавшую его тело.

– Такого ответа я и ожидал, – удовлетворенно сообщил Аммар и перевернул свою чашку вверх дном. – Должно быть, вам будет приятно услышать, что мои люди и я планируем покинуть вас завтра вечером. Если дадите слово, что не будет никаких глупых попыток захватить судно или сбежать на расположенный неподалеку берег до нашего ухода, никто не пострадает и вы сможете снова принять командование.

– Вы должны немедленно обогреть судно и накормить людей. У нас нет теплой одежды и одеял, поэтому мы не можем бороться с холодом. Мы не ели уже много дней. Трубы замерзли, и люди страдают от жажды. Кроме того, возникли проблемы с канализацией.

– Что ж, – философски заметил Аммар, – страдания очищают душу.

– Что за чушь!

– Ну если вы так считаете… – пожал плечами Аммар.

– Боже мой, вы же человек! Неужели вам безразлично, что на судне мучаются и умирают люди!

– Я сомневаюсь, – сухо сказал Аммар, – что до нашего отъезда кто-то из пассажиров или команды умрет от голода или переохлаждения. Людям придется потерпеть всего лишь тридцать часов, после чего вы сможете запустить двигатели и обогреть судно.

– Все это может уже не понадобиться, если стена ледника обрушится.

– Она выглядит достаточно прочной.

– Вы просто не понимаете опасности. Ледяная плита может обрушиться в любой момент. Ее вес расплющит «Леди Флэмборо», как рухнувшее десятиэтажное здание раздавит стоящий рядом автомобиль. Вы должны отвести судно подальше.

– Совсем без риска, к сожалению, не обойтись. Ледяная пленка на пластике растает и выдаст наше местонахождение, а инфракрасные камеры спутника засекут выделяемое тепло.

Лицо Коллинза исказилось от бессильной ярости.

– Вы или глупец, или безумец. Зачем вам все это надо? Какой доход вы намерены получить? Зачем вы нас держите? Вы хотите получить выкуп? Или захватили заложников, чтобы ваших коллег-террористов

выпустили из какой-нибудь тюрьмы? Если вы просто покинете судно и оставите нас здесь, я не понимаю ваших целей!

– Вы чересчур любопытны, капитан, но ваша твердость мне нравится. Вы довольно скоро узнаете ответы на все вопросы. – Аммар встал и кивнул охраннику, стоявшему за спиной Коллинза. – Проводите капитана в его каюту.

Коллинз не двинулся с места:

– Почему вы не хотите дать людям горячий чай, кофе, суп – словом, хоть что-нибудь способное облегчить их страдания?

Аммар досадливо поморщился и вышел из салона:

– Прощайте, капитан. Больше мы не встретимся.

Террорист отправился прямо в узел связи. Там находился Ибн-Тельмук, отслеживающий последние новости. Здесь же сидел радист, прослушивающий сообщения в эфире. Радио и телетайп приводились в действие переносным генератором. Ибн-Тельмук обернулся, кивнул, показывая, что узнал Аммара, и оторван длинный кусок телетайпной ленты.

– Международные агентства новостей до сих пор сообщают о гибели «Леди Флэмборо», – доложил он. – Для организации подводных поисков в Уругвай начали прибывать спасательные суда. Мои поздравления, Сулейман. Тебе удалось обмануть весь мир. Прежде чем Запад разберется, что произошло, мы уже будем в Каире.

– Какие новости из Египта? – спросил Аммар.

– Пока ничего радостного. Кабинет министров Хасана все еще контролирует ситуацию. Они упрямо хватаются за власть и повели себя удачно, не став применять силу для разгона демонстраций. Единственный случай кровопролития был спровоцирован нашими братьями фундаменталистами, по ошибке взорвавшими автобус с алжирскими пожарными, прибывшими на съезд в Камре. По непонятной причине было решено, что автобус – часть правительственного полицейского эскорта. Каирские информационные агентства утверждают, что движение Ахмеда Язида – авангард иранских фанатиков. Многие наши сторонники колеблются, и массы не выдвигают требования распустить правительство.

– За взрывом автобуса наверняка стоит этот идиот Халед Фаузи, – фыркнул Аммар. – А как обстоят дела с военными? Какую позицию занимает армия?

– Министр обороны Абу Хамид не перейдет открыто на нашу сторону, пока не увидит собственными глазами тела президента Хасана и Галы Камиль.

– Значит, Ахмеду Язиду все еще предстоит взять власть. Ибн кивнул и нахмурился:

– Новости сообщают еще кое-что. Язид объявил, что команда круизного лайнера и его пассажиры все еще живы и он будет лично вести переговоры с террористами, чтобы обеспечить освобождение всех заложников. Он дошел до того, что предложил свою жизнь в обмен на возврат сенатора Джорджа Питта. Язид знает, как произвести впечатление на американцев.

Аммар оцепенел, охваченный безудержной волной ярости. Дикая злоба обострила его чувства, заставила мысли напряженно заработать в поисках выхода. Через несколько мгновений он взял себя в руки и взглянул на Ибн-Тельмука.

– Иуда! – сквозь зубы процедил он. – Язид нас предал.

Ибн-Тельмук согласно кивнул:

– Язид использовал тебя и предал.

– Вот почему он не отдал приказ убить Хасана, Камиль и всех остальных. Он хотел, чтобы заложники оставались невредимыми до тех пор, пока Мачадо и его головорезы не уберут тебя, меня и наших людей.

– Что выигрывают Язид и Топильцин, сохраняя заложникам жизнь?

– Выступив спасителями двоих президентов, Генерального секретаря ООН и важного американского политика, Язид и Топильцин завоюют симпатии лидеров иностранных государств. Так они автоматически становятся сильнее, а их противники уступают свои позиции. Это помогает им в конечном счете прийти к власти мирным путем и создать себе исключительно положительный имидж в глазах международной общественности.

Ибн-Тельмук понуро склонил голову:

– А нас, выходит, бросили на съедение хищникам.

Аммар кивнул:

– Язид с самого начала планировал избавиться от нас. Физическое устранение лучшая гарантия молчания об этом и других заданиях, которые мы для него выполняли.

– Как ты думаешь, что ждет капитана Мачадо и его людей? Что с ними станет после того, как они нас устранят?

– Полагаю, Топильцин позаботится и об их бесследном исчезновении, после того как они вернутся в Мексику.

– Им еще надо выбраться отсюда.

– Да, – задумчиво протянул Аммар и нервно зашагал взад-вперед по комнате. – Похоже, я недооценил коварство Язида. Я был вполне спокоен, считая, что Мачадо бессилен, поскольку не знает о наших планах отхода на безопасный аэродром в Аргентине. Но, судя по действиям Язида, у нашего мексиканского коллеги имеется собственный план.

– Тогда почему он до сих пор не попытался нас убрать?

– Потому что Язид и Топильцин не дадут ему соответствующий приказ, пока не будут готовы начать бутафорские переговоры об освобождении заложников. – Неожиданно Аммар резко остановился, словно наткнулся на невидимое препятствие, и схватил за плечо радиста, который сразу сбросил наушники. – Ты не получал никаких необычных посланий?

Египетский радист искренне удивился:

– Странно, что ты спросил. Наши друзья латиносы были здесь десять минут назад и задавали тот же самый вопрос. Я счел их не слишком умными. Любая прямая передача была бы сразу же перехвачена американцами или европейцами. После этого потребуются секунды, чтобы определить наши координаты.

– Иными словами, ты не слышал ничего необычного?

Араб покачал головой:

– Даже если и слышал, все сообщения были шифрованными.

– Выключи оборудование. Пусть мексиканцы думают, что ты продолжаешь слушать эфир. Если они спросят о поступивших сообщениях, отвечай, что ничего не слышал.

Ибн-Тельмук вопросительно взглянул на Сулеймана:

– Какие будут инструкции для меня?

– Не своди глаз с мексиканцев. Сбей их с толку самым искренним дружелюбием, на какое ты способен. Открой бар и пригласи их выпить. Назначь на самые тяжелые вахты наших людей, чтобы латиносы немного расслабились. Пусть потеряют бдительность.

– Мы убьем их раньше, чем они убьют нас?

– Нет, – сказал Аммар, и на его физиономии расплылась садистская улыбка. – Мы предоставим эту грязную работу леднику.

51

– Там небось не меньше миллиона айсбергов, – уныло сказал Джордино. – Это все равно что искать дерево в лесу. Потребуется черт знает сколько времени.

У полковника Холлиса настроение было не лучше.

– Должен найтись айсберг, соответствующий «Леди Флэмборо» по размерам и очертаниям. Будем искать.

– Имейте в виду, – сказал Джордино, – что антарктические айсберги обычно плоские. А надстройка под пластиковым покровом должна придать айсбергу, в который превратили «Леди Флэмборо», сложную форму.

Глаз Диллинджера сквозь увеличительное стекло казался в четыре раза больше.

– Резкость просто удивительная, – сказал он. – Будет еще лучше, когда мы увидим, что находится по ту сторону этих облаков.

Все они собрались в маленькой рубке связи «Саундера» и внимательно изучали только что полученное цветное фото с «каспера». Данные аэрофотосъемки, доставленные самолетом-разведчиком, поступили на «Саундер» через сорок минут после его приземления.

На хороших, четких снимках было видно море айсбергов, расположившихся в районе шельфового ледника Ларсена с восточной стороны полуострова, и ничуть не меньшее их количество возле ледников Земли Грэхема.

Питт не принимал участия в обсуждении снимков. Он сидел в стороне и самым внимательным образом изучал лежавшую у него на коленях морскую карту. Иногда он отрывался от карты и прислушивался к беседе, но хранил молчание.

Холлис обернулся к капитану Стюарту, стоявшему рядом с приемником. На капитане были наушники с микрофоном.

– Когда мы сможем получить инфракрасные фото «каспера»?

Стюарт поднял руку, показывая, чтобы ему не мешали, и поправил наушники, прислушиваясь к голосу эксперта ЦРУ в Вашингтоне. Потом кивнул Холлису:

– В Лэнгли сказали, что начнут передачу через полминуты.

Холлис мерил шагами тесную каюту, как кот, прислушивающийся к звуку открываемой консервной банки. Остановившись, он с любопытством покосился на Питта, который, вооружившись циркулем-измерителем, сосредоточенно проводил какие-то измерения на карте.

За прошедшие несколько часов полковник довольно много узнал об этом сотруднике НУМА – не от самого Питта, конечно, а от матросов и ученых-океанологов на корабле. О нем говорили с благоговением и восторгом, как о живой легенде.

– Идет, – объявил Стюарт.

Он снял наушники и подошел к приемному устройству, из которого уже показался край снимка газетного формата. Как только лист появился на свет целиком, он взял его и положил на стол. Собравшиеся в рубке снова склонились над столом.

– Специалисты фотолаборатории ЦРУ с помощью компьютера преобразовали специальную высокочувствительную пленку в термограмму, – пояснил Стюарт. – Разница инфракрасного излучения проявляется различными цветами. Черный – это самые низкие температуры. Темно-синий, голубой, зеленый, желтый, красный показывают постепенное повышение температуры. Белый цвет – это самые высокие температуры.

– Какими цветами, по вашему мнению, должна быть обозначена «Леди Флэмборо»? – поинтересовался Диллинджер.

– Где-нибудь в верхней части шкалы, между желтым и красным.

– Ближе к темно-синему, – подал голос Питт.

Все взгляды устремились на него, словно он громко чихнул во время шахматного матча.

– Так она ничем не выделится, – вскинулся Холлис, – и мы ее никогда не найдем.

– Ты забываешь о тепловом излучении двигателей и генераторов, – искренне возмутился Ганн.

– Его не будет, если двигатели остановлены, – отвечал Дирк.

– Вы же не имеете в виду мертвое судно, – не в силах поверить услышанному, сказал Диллинджер.

Питт молча кивнул. Он смотрел на собравшихся каким-то странным, пожалуй, даже безразличным взглядом. Если бы он выплеснул на них ведро воды, эффект вряд ли был бы таким полным.

Наконец Питт улыбнулся и сказал:

– Все что нам нужно, это переиграть тренера другой команды.

Пятеро мужчин переглянулись, после чего молча воззрились на Питта, ожидая хотя бы каких-то объяснений.

Питт отложил в сторону карты и встал. Подойдя к столу, он взял инфракрасное фотоизображение и сложил его пополам так, что была видна только самая южная оконечность Чили.

– Вы заметили, – снова заговорил Питт, – что всякий раз, когда судно изменяет внешность или курс, это происходит сразу же после прохождения над ним одного из наших спутников.

– Еще один пример отличного планирования, – сказал Ганн. – За орбитами спутников, собирающих научные данные, следит половина стран мира. Информацию об их местонахождении так же легко получить, как сведения о фазах луны.

– Хорошо. Лидер террористов располагал полетным расписанием спутников и мог догадаться, когда на него будут нацелены камеры, – вмешался Холлис – Ну и что из этого?

– В нужное время он полностью обесточивает судно, чтобы избежать обнаружения на инфракрасных фотографиях. И что еще более важно, отсутствие тепла не дает растаять ледяной пленке на пластиковом покрытии.

Четверо из пятерых присутствующих нашли теорию Питта безупречной. Но Руди Ганн не был скор на похвалы. Обладая чрезвычайно острым умом, он видел допущенные ошибки раньше, чем кто-либо другой.

– Ты забываешь о низких температурах в районе полуострова, – сказал Ганн. – Без электроэнергии и тепла все на судне замерзнут насмерть в течение нескольких часов. Получается, что похитители стремились не только убить заложников, но и совершить коллективное самоубийство.

– Руди правильно говорит, – вмешался Джордино. – Они не смогли бы выжить без какого-либо обогрева.

Питт довольно рассмеялся, словно только что узнал о собственном крупном выигрыше в лотерею.

– Я на сто процентов согласен с Руди.

– Вы все время ходите кругами, – раздраженно заявил Холлис – Поясните, что вы хотите сказать.

– Ничего сложного. «Леди Флэмборо» не входила в Антарктику.

– «Не входила в Антарктику», – механически повторил Холлис – Вы явно не желаете считаться с фактами. Последняя спутниковая фотография показала судно на полпути между мысом Горн и оконечностью полуострова, причем оно на всех парах шло на юг.

– Ему больше некуда деться, – вставил Диллинджер.

Питт показал пальцем на большую группу островов в районе Магелланова пролива.

– Хотите поспорить?

Холлис несколько мгновений озадаченно глазел на карту, но потом уловил мысль Питта. Сомнения рассеялись. Он все понял.

– Они пошли обратным курсом, – сказал он.

– Ключ к разгадке дал Руди, – признал Питт, – когда сказал, что похитители вряд ли задумали самоубийство и к тому же должны были избежать обнаружения на инфракрасных фотографиях. Они никогда не собирались идти в район паковых льдов. Вместо этого они направились на северо-запад и обошли пустынные острова в районе мыса Горн.

Ганн всем своим видом выразил облегчение.

– Там температуры куда более высокие, чем у Тьерра-дель-Фуэго. Людям на борту будет чертовски неуютно, они будут отчаянно мерзнуть, но выживут.

– Зачем тогда маскироваться под айсберг? – полюбопытствовал Джордино.

– Чтобы создать видимость отрыва от массива.

– Я не понял, кто и от чего оторвался, – сообщил Джордино.

– От большого массива льда, то есть ледника, могут откалываться айсберги, – объяснил Ганн.

Джордино внимательно посмотрел на инфракрасные фотографии.

– Ледники так далеко на север?

– Некоторые из них спускаются с гор и встречаются с морем в каких-то восьмистах километрах от места нашей теперешней стоянки в Пунта-Аренас.

– Где, по вашим расчетам, находится судно? – спросил Холлис.

Питт взял карту, на которой были изображены безжизненные острова, окаймляющие западную часть Тьерра-дель-Фуэго.

– Принимая во внимание расстояние, которое могла пройти «Леди Флэмборо», после того как ее в последний раз засек спутник, существуют две возможности. – Он поставил крестики возле двух названий на карте: – Вот здесь ледники сходят с гор Италия и Сармиенто.

– Это достаточно далеко от коммерческих морских путей, – сказал Холлис.

– Но слишком близко к нефтяным месторождениям, – добавил Питт. – С низко летящего самолета, каких немало у нефтяных компаний, можно заметить фальшивый айсберг. Лично я на месте командира террористов прошел бы еще сто шестьдесят километров на северо-запад и привел судно к леднику на острове Санта-Инес.

Диллинджер внимательно изучил неровную береговую линию на карте. Потом взглянул на цветное фото, но южная оконечность Чили была скрыта за облаками. Он отодвинул фотографию в сторону и приник к увеличительному стеклу, направив его на верхнюю часть инфракрасного фото, которое Питт сложил пополам, чтобы сузить район поисков.

Спустя несколько секунд он обрадованно воскликнул:

– Если матушка-природа не научилась создавать айсберги с острым носом и круглой кормой, думаю, мы нашли корабль-призрак.

Холлис оттеснил подчиненного и принялся сам изучать продолговатую фигуру на снимке.

– Контуры такие, как надо, – изрек он. – И, как и предвидел Питт, никакого теплового излучения. На снимке судно почти такое же холодное, как ледник. Не черный цвет, но темно-синий.

Ганн наклонился к столу:

– Да, я вижу. Ледник спускается во фьорд, который впадает в залив, где полно мелких островов. Один или два крупных айсберга откололись от стены ледника. Поверхность воды в основном свободна ото льда. – Он секунду помолчал, потом его глаза за стеклами очков сузились. – Интересно, почему они поставили «Леди Флэмборо» прямо под стеной ледника?

Благодушное выражение моментально исчезло с лица Питта.

– Дай-ка я посмотрю. – Он втиснулся между Диллинджером и Ганном и приник к увеличительному стеклу. Когда он снова поднял голову, его глаза полыхали ненавистью.

– Что вы увидели? – спросил капитан Стюарт.

– Они собираются всех убить.

Стюарт был явно озадачен.

– Откуда он знает? – спросил он у Джордино и Ганна.

– Когда кусок льда отделится от ледника, – с каменным выражением лица ответствовал Джордино, – он упадет на судно и потопит. Никто и никогда не найдет следов «Леди Флэмборо».

Диллинджер с тревогой взглянул на Питта:

– Неужели вы думаете, что террористы именно сейчас намерены уничтожить пассажиров и членов экипажа? У них уже было достаточно возможностей это сделать.

– Да, я так думаю.

– Но почему они не сделали это раньше?

– Полагаю, тянули время. У того, кто отдал приказ о похищении, были причины оставить на некоторое время в живых президентов Хасана и Де Лоренцо. Какие именно причины, я не знаю.

– Я знаю, – сказал Холлис – Организатор этого мероприятия – Ахмед Язид. Он планировал, после того как будет объявлено о похищении и предположительном убийстве президента Хасана и Генерального секретаря ООН, прийти к власти в Египте. После того как он и его ближайшие сподвижники обрели бы достаточную силу, он бы заявил, что его агенты обнаружили судно, и продемонстрировал всему миру добрую волю, начав переговоры с террористами об освобождении заложников.

– Хитрый ублюдок, – пробормотал Джордино. – Только за спасение президента Де Лоренцо и сенатора Питта он мог бы претендовать на Нобелевскую премию мира.

– Понятно, что Язид позаботился бы, чтобы с президентом Хасаном и Галой Камиль по возвращении в Египет произошел бы несчастный случай.

– А сам он остался бы белым и пушистым, как только что выпавший снег, – добавил Джордино.

– Грандиозная мысль, – признал Питт. – И все же, судя по последним новостям, военные в Египте пока сохраняют нейтралитет, да и кабинет Хасана отказался подать в отставку.

Холлис кивнул:

– Тем самым сведя на нет все усилия Язида.

– Получается, что он сам загнан себя в угол, – сказал Питт. – Больше нет смысла тянуть время и устраивать маскарад. Теперь он обязан заставить «Леди Флэмборо» кануть в небытие, иначе рискует, что разведывательные организации докопаются до его роли в заговоре.

– Это верно, – согласился Холлис.

– Таким образом, пока мы находимся здесь, лидер террористов играет в русскую рулетку с ледником, – тихо сказал Ганн. – Он и его люди вполне могли уже покинуть судно и скрыться на катере или вертолете, оставив пассажиров и экипаж в ожидании смерти.

– А катер мы вполне могли не заметить, – признал Диллинджер.

Холлис не поддался пессимистическому настроению. Он написал на листке бумаги несколько цифр и протянул капитану Стюарту:

– Капитан, передайте, пожалуйста, на этой частоте моему связисту, что майор и я возвращаемся на аэродром. К нашему прибытию все должны собраться дня инструктажа.

– Мы пойдем с вами, – спокойно заявил Питт.

Холлис решительно покачал головой:

– Ни при каких обстоятельствах. Вы гражданские лица и не имеете нужной подготовки. Ваше требование не может быть выполнено.

– На судне находится мой отец.

– Мне очень жаль, – последовал ответ.

Питт устремил на Холлиса взгляд, полный холодного презрения.

– Надеюсь, вы понимаете, что одного моего звонка в Вашингтон будет достаточно, чтобы вы попрощались с мечтами о служебной карьере.

Губы Холлиса сжались в тонкую ниточку.

– Ах, вот вы как, мистер Питт. – Он сделал шаг вперед. – Но вы забыли, что мы не в игрушки играем. Вполне возможно, что в течение следующих двенадцати часов палуба «Леди Флэмборо» покроется телами моих людей. Если же нам удастся выполнить свою работу так, как нас учили, можете хоть телефон оборвать, на моей карьере это никак не отразится. Мне тоже знакомы грязные трюки, можете не сомневаться, только несколько иного порядка. – Он сделан еще один шаг вперед. – Я бы мог прямо сейчас вырвать вам кишки голыми руками…

Никто в комнате не успел заметить, как и откуда в руке Питта возник револьвер. До этого он спокойно стоял опустив руки, а в следующий момент он уже упирал дуло кольта сорок пятого калибра в пах Холлису.

Диллинджер изготовился к прыжку, но дальше этого дело не пошло. Материализовавшийся сзади Джордино обхватил майора железной хваткой, лишив его возможности двигаться.

– Я не буду досаждать вам чтением наших послужных списков, – спокойно продолжил Питт. – Поверьте мне на слово, что Руди, Ал и я обладаем достаточным опытом, чтобы не быть помехой в боевой операции. Обещаю, мы не будем вмешиваться. Вы будете проводить операцию против «Леди Флэмборо» с воздуха и с воды, а мы зайдем со стороны суши.

Холлис был далек от испуга, но зато изрядно раздосадован. Он тоже не заметил, откуда в руке Питта появилось крупнокалиберное оружие. Больно уж он шустр для ученого, раздраженно подумал полковник.

– Дирк просит о немногом, – спокойно проговорил Ганн. – Предлагаю всем разойтись с миром.

– Я ни на секунду не поверил, что вы меня убьете, – криво усмехнулся Холлис.

– А я и не собирался, – с такой же невеселой усмешкой ответил Питт. – Но я мог бы вам гарантировать в будущем большие проблемы с сексом.

– Кто вы, парни? Из управления?

– Вы имеете в виду ЦРУ? – уточнил Джордино. – Что вы! Для этого мы рылом не вышли. Вместо этого нас взяли в НУМА.

– Не понимаю, – потряс головой Холлис.

– И не надо, – засмеялся Питт. – Ну что, договорились?

Если Холлис и размышлял, то какую-то долю секунды. Он наклонился вперед, так что почти ткнулся носом в нос Питта и заговорил тоном инструктора, обращающегося к необученному новобранцу:

– Я позабочусь, чтобы вас выбросили за десять километров от судна. Не ближе, иначе мы лишимся элемента неожиданности. Оттуда можете шлепать пешком. Если мне повезет, все будет кончено раньше, чем вы доберетесь до берега.

– Это справедливо, – согласился Питт.

Тогда Холлис обернулся к Джордино и с преувеличенной вежливостью произнес:

– Я буду вам чрезвычайно признателен, если вы отпустите наконец моего заместителя.

Затем он снова посмотрел на Питта:

– Мы отбываем немедленно. Если вы не пойдете с нами сейчас, то не будете принимать участие в операции, поскольку ровно через пять минут моя команда будет уже в воздухе.

Питт убран револьвер и сказал:

– Мы следуем за вами.

– Я, пожалуй, пойду с майором, – широко улыбнулся Джордино и дружески похлопал Диллинджера по спине. – Великие умы часто следуют одним и тем же путем.

Диллинджер хмуро покосился на весельчака, но ничего не сказал.

В течение пятнадцати секунд помещение опустело. Питт забежал в свою каюту, схватил небольшой саквояж, потом поднялся на мостик.

– Сколько времени потребуется «Саундеру», – спросил он у капитана Стюарта, – чтобы добраться до Санта-Инес?

Стюарт взглянул на карту и быстро произвел расчеты:

– Если выжать из машин максимум, мы сможем быть там уже через девять или десять часов.

– Сделайте это, – сказал Питт. – Мы будем ждать вас там на рассвете.

Стюарт крепко пожат Питту руку:

– Берегите себя.

– Обязательно, – усмехнулся Питт. – Постараюсь не промочить ноги.

К Питту нерешительно приблизился один из ученых. Он был небольшого роста и не слишком внушительного телосложения, зато его лицо хранило настолько суровое выражение, что казалось высеченным из камня. Его звали Клейтон Финдли, и вещал он сочным, звучным басом.

– Извините, что я невольно подслушал ваш разговор, господа, но могу поклясться, вы упоминали Санта-Инес.

Питт кивнул:

– Да, а что?

– Там недалеко от ледника есть старый цинковый рудник. Его закрыли, когда правительство Чили прекратило субсидировать промышленность.

– Вы знакомы с островом? – удивился Питт.

– Да. Я был главным геологом в Аризонской добывающей компании, которая считала, что сможет сделать шахту эффективной. Меня и еще двоих инженеров послали провести обследование. Мы провели в этой чертовой дыре три месяца и выяснили, что рудник почти выработан. Вскоре после этого шахта была закрыта, а оборудование брошено.

– Вы умеете обращаться с оружием?

– Я охотился, но не очень много.

Питт с чувством пожал ученому руку.

– Клейтон, мой друг, вы сущий дар небес.

52

Клейтон Финдли действительно оказался послан самим Господом Богом.

Пока Холлис инструктировал своих людей в заброшенном ангаре, Питт, Ганн и Джордино помогли Финдли сделать макет острова Санта-Инес из влажной земли, которую набрали рядом со взлетной полосой. Макет установили на старом столе для пинг-понга. Некоторые забытые факты ученый вспомнил, глядя на морские карты Питта.

Он подсушил миниатюрный ландшафт при помощи переносного нагревателя и даже раскрасил его, воспользовавшись баллончиками с краской, которые нашлись у запасливых людей Холлиса. Скалы были серыми, снег белым, а лед исполнял роль собственно ледника. Финдли даже вылепил модель «Леди Флэмборо» и установил ее у подножия ледника. Наконец он отошел в сторону, чтобы оценить свою работу.

– Да, – уверенно сказал он, – это Санта-Инес.

Холлис прервал инструктаж и подвел людей к столу. Несколько минут все молча рассматривали диораму.

Остров имел форму картинки-головоломки, которую искромсал на кусочки пьяный резчик. Неровная береговая линия представляла собой форменный кошмар из ответвлений и зазубрин, глубоких, извилистых фьордов и кривых бухт. С востока его омывал Магелланов пролив, а с запада – Тихий океан. Над этим каменистым островом длиной 95 километров и шириной 65 километров возвышалась гора Вартон высотой 1320 метров.

Здесь практически не было ровных участков. По берегам тоже стояли горы, напоминающие окаменевшие суда, которые подставляли свои склоны-борта холодному, неласковому морю.

Старый ледник тянулся через весь остров. Его образование стало результатом холода и повышенной влажности в летние месяцы, в результате чего лед не таял. Лишенные всякой растительности скалы окружали замерзшую массу воды. Словно молчаливые часовые, они охраняли покой рвущегося к морю ледника. Добравшись до воды, он откалывал от себя кусок за куском.

Немного на земле найдется участков, столь же враждебных человеку. Вся цепь островов, окружающих Магелланов пролив, была необитаема. На протяжении веков люди приходили сюда и вновь покидали негостеприимную землю, оставляя после себя злобные названия: полуостров Сломанной Шеи, остров Обмана, залив Несчастья, остров Одиночества и порт Голода. Это было суровое, неприветливое место. Единственной растительностью, которая выжила в этой местности, были низкорослые, искривленные вечнозеленые растения, больше всего похожие на уродливые карликовые кустарники.

Финдли провел рукой над моделью:

– Сей безжизненный ландшафт, составленный из комбинации камней, снега и льда, и есть остров Санта-Инес. В действительности он именно таков.

Холлис кивнул:

– Большое спасибо, мистер Финдли. Мы вам очень благодарны за сотрудничество.

– Всегда рад помочь.

– Прекрасно, а теперь вернемся к нашим баранам. Майор Диллинджер возглавит воздушный десант, а я – пловцов.

Холлис сделал паузу и быстро оглядел лица людей. Это были суровые, исключительно целеустремленные парни, одетые в черное. Все они были настоящими бойцами, прошедшими сложнейшее обучение и честно заслужившие право называться элитной командой. Чертовски славные ребята, с гордостью подумал Холлис. Лучшие в мире.

– Мы долго и упорно учились захватывать суда в ночное время, – сказал Холлис, – и многого добились. Но еще никогда у противника не было стольких преимуществ. У нас нет разведывательной информации, погодные условия, мягко говоря, оставляют желать лучшего, к тому же нам предстоит действовать в непосредственной близости от ледника, стена которого может обрушиться в любой момент. Иначе говоря, на пути к успеху нам предстоит преодолеть много трудностей. Через несколько часов начнется операция. Если у вас есть конструктивные предложения или вы заметили какие бы то ни было упущения, я готов вас выслушать. Да, и если есть вопросы, задавайте сейчас.

– Обитатели острова? – спросил Диллинджер у Клейтона Финдли.

– После закрытия шахты остров необитаем.

– Погодные условия?

– Почти постоянно идет дождь. Это одно из самых влажных мест на планете. Солнца здесь никогда не видно. В это время года температура обычно составляет несколько градусов ниже нуля. Ветры также дуют постоянно, причем периодически могут достигать ураганной силы. Два фактора – ветер и дождь – бич здешних мест.

Диллинджер мрачно покосился на Холлиса:

– И в таких условиях можно говорить о точности приземления? Придется использовать наши мини-вертолеты и спускаться на канатах.

– Вы привезли с собой вертолеты? – с недоверием полюбопытствовал Ганн. – Я думал, что их скорость и дальность полета не позволяет…

– Летать так далеко и так быстро? – договорил за него Холлис – Военное название этих птичек включает в себя слишком много букв и цифр, чтобы их запомнить. Мы называем их «голубками». Маленькие и компактные, они перевозят пилота в закрытой кабине и двоих человек снаружи. Они снабжены инфракрасными датчиками и бесшумными хвостовыми винтами. В одном только нашем С-140 вмещается шесть птичек.

– Здесь возникает другая проблема, – сказал Питт.

– Говорите.

– Навигационный радар «Леди Флэмборо» может быть настроен на воздушный транспорт. Ваши «голубки» могут быть незаметными, но радар их все равно засечет, и террористы успеют подготовиться к встрече.

– Да, внезапного нападения с воздуха не получится, – вздохнул Диллинджер.

Холлис вопросительно взглянул на Финдли:

– О каких неблагоприятных условиях мы должны знать при атаке с воды?

Финдли слабо усмехнулся:

– Вам должно быть легче, чем майору. У вас будет преимущество морозной дымки.

– Это еще что такое?

– Напоминающие туман облака, образующиеся при контакте холодного воздуха с более теплой водой у стены ледника. Могут подниматься на высоту от двух до десяти метров. А в сочетании с дождем ваши пловцы получат достаточно надежное укрытие с момента, когда приблизятся к судну, и до подъема на палубу.

– Хоть кому-то из нас будет легче, – философски заметил Диллинджер.

Холлис задумчиво потер подбородок.

– Мы имеем дело не с операцией из учебника, – сказал он. – Все может обернуться очень серьезно, если воздушный десант попадет в патовую ситуацию. Мы лишимся преимущества внезапности, без которого команда пловцов, в которой всего двадцать человек, недостаточно сильна, чтобы без поддержки противостоять сорока террористам.

– Если прыжок прямо на палубу судна для ваших людей может оказаться самоубийственным, почему не сбросить их на леднике? – спросил Питт. – Оттуда они смогут подобраться к краю и по канатам спуститься на судно.

– Да, скорее всего, нам придется поступить именно так, – согласился Диллинджер. – Ледяная стена нависает непосредственно над надстройкой судна и располагается достаточно близко к нему.

Холлис кивнул:

– Да, мне это тоже приходило в голову. У кого-нибудь имеются возражения против этой тактики?

– Насколько я понимаю, – сказал Ганн, – в этом случае самую большую опасность таит сам ледник. Он представляет собой бесконечный лабиринт глубоких трещин, покрытых предательским снежным настом, не выдерживающим вес человека. Вашим людям придется быть чертовски осторожными, передвигаясь по нему в темноте.

– Еще замечания? – Таковых не оказалось. Холлис покосился на Диллинджера: – Сколько времени вам потребуется с момента высадки десанта до готовности к атаке?

– Было бы желательно знать скорость и направление ветра.

– Девять дней из десяти ветер дует с юго-востока, – ответил Финдли. – Средняя скорость ветра около десяти километров в час, но может очень быстро увеличиться до сотни.

Диллинджер оглядел маленькие горки, возвышающиеся на макете за ледником. Он постарался представить себе, как все это выглядит в реальности, причем глубокой ночью, почувствовать бешеные порывы ветра. Произведя в уме необходимые подсчеты, он уверенно заявил:

– С момента выброски десанта до его готовности к атаке пройдет сорок – сорок пять минут.

– Прошу прощения за то, что вмешиваюсь в вашу работу, майор, – сказал Питт, – но вы недооцениваете серьезность ситуации.

– Совершенно с вами согласен. – Финдли энергично закивал головой. – Мне неоднократно приходилось ходить по леднику. Там много ледяных хребтов, чрезвычайно затрудняющих передвижение.

В полном молчании Диллинджер извлек из ножен на поясе длинный, угрожающего вида охотничий нож с лезвием, расположенным под углом к рукоятке, и использовал заостренный конец в качестве указки.

– Насколько я понимаю, мы спрыгнем вот здесь, у подножия горы справа от ледника. Только здесь наш С-140 будет скрыт от судового радара. Используя – дал бы бог! – попутный ветер и наше умение управлять парашютами, мы сможем пролететь семь километров вокруг горы и приземлиться примерно в километре от стены ледника. Время с момента высадки до общего сбора, по моим оценкам, составит восемнадцать минут. Еще двадцать минут уйдет на продвижение к краю ледника. Шесть минут потребуется на подготовку к спуску. Итого, сорок четыре минуты.

– На вашем месте я бы удвоил это время, – неодобрительно заявил Джордино. – Вдруг кто-то из ваших людей, к примеру, провалится в трещину. При этом команда пловцов не будет знать о задержке.

Холлис одарил Джордино взглядом, каким обычно смотрел на демонстрантов, выступающих против войны.

– Это не Первая мировая война, мистер Джордино. У нас нет необходимости сверять часы перед началом операции. У каждого члена команды в ухе миниатюрный радиопередатчик, а в лыжную маску вмонтирован микрофон. И если мои пловцы прибудут раньше или десантники майора Диллинджера задержатся, мы всегда сможем синхронизировать свои действия, потому что постоянно находимся на связи.

– Еще одно, – вмешался Питт. – Я надеюсь, у вас оружие с глушителями?

– Да, – сказал Холлис – А что?

– Одна очередь из автомата без глушителя может обрушить стену ледника.

– Но я не могу поручиться за террористов.

– Тогда вам лучше побыстрее их перестрелять, – пробормотан Джордино.

– Нас не учили брать террористов в плен, – сообщил Холлис с зловещей, пожалуй, даже угрожающей улыбкой. – Ну а теперь, если наши гости покончили с критикой, какие есть вопросы у членов команды?

Поднял руку командир боевых пловцов Ричард Беннинг.

– Беннинг? Слушаю вас.

– Мы будем приближаться к судну под водой или по поверхности?

Холлис, в отличие от Диллинджера, использовал в качестве указки самую обычную шариковую ручку и ткнул ею в небольшой островок внутри фьорда, который находился за выдающимся вперед мысом и не был виден с судна.

– «Голубки» переправят нашу команду на этот остров. Отсюда до «Леди Флэмборо» около трех километров. Вода там слишком холодная для заплыва на такое расстояние, поэтому мы будем двигаться дальше в резиновых лодках. Если мистер Финдли не ошибся относительно морозной дымки, мы сможем приблизиться, не будучи обнаруженными. Если же туман рассеется, мы нырнем в двухстах метрах от судна и оставшееся расстояние преодолеем под водой.

– Много яиц превратится в ледяные шарики, если нам придется долго ждать появления майора Диллинджера и его людей.

По ангару прокатилась волна смеха.

Холлис глубоко вздохнул и тоже рассмеялся:

– Лично я свои морозить не намерен. Мы дадим фору мистеру Диллинджеру.

Ганн поднял руку.

– Да, мистер Ганн, – устало сказал Холлис. – Я что-то упустил?

– Нет, что вы, просто я не могу справиться с собственным любопытством. Как вы узнаете, если террористы все же пронюхают о вашем приближении и подготовят ловушку?

– Один из наших самолетов, мистер Ганн, набит самым современным электронным оборудованием для слежения. Он будет описывать круги в семи милях над «Леди Флэмборо» и засечет любую передачу террористов своим друзьям за пределами региона. Уверяю вас, если террористы почувствуют, что силы специального назначения смыкают вокруг кольцо, они начнут визжать как свиньи. А наши связисты,

переводчики и дешифровальшики перехватят их передачи и заблаговременно уведомят нас.

Тут поднял руку Питт.

– Слушаю вас, мистер Питт.

– Вы не забыли о группе НУМА?

Холлис приподнял бровь:

– Разумеется, нет. Как о вас забудешь? – Он повернулся к геологу: – Мистер Финдли, где, вы сказали, расположена заброшенная шахта?

– На макете я ее не показал, – сообщил геолог. – Но раз уж вас это интересует... – Он мгновение подумал и положил спичечный коробок на склон небольшой горки, выходящей на ледник и фьорд. – Она находится здесь, примерно в двух с половиной километрах от передней стены ледника и от корабля.

Холлис кивнул Питту.

– Вас доставят именно сюда, – любезно сообщил он. – С вашей помощью у нас появится наблюдательный пункт.

– Мы обязательно будем наблюдать, – буркнул Джордино. – Другой вопрос, что мы увидим при такой погоде, да еще ночью.

– Зато мы будем в безопасности, – провозгласил Питт. – Сможем разжечь костер и устроить пикник.

– Этим и займитесь, – с явным удовлетворением сказал Холлис и обвел взглядом своих бойцов. – Парни, я не буду надоедать вам долгими напутственными речами. Давайте просто сделаем свою работу и спасем человеческие жизни.

– Надо же, как трогательно, – пробормотал Джордино.

– Что вы сказали?

– Он сказал, – поспешил вмешаться Питт, – какая высокая честь быть частью элитной боевой команды.

Холлис одарил Джордино взглядом, который вполне мог бы испепелить чугунную сковородку.

– Силы специального назначения не раздают почетных званий. Вы, гражданские лица, будете находиться в стороне. – Холлис покосился на Диллинджера и продолжил: – Если кто-нибудь из людей НУМА попробует подняться на борт судна раньше моего распоряжения, пристрели их. Это приказ.

– С удовольствием. – Диллинджер обнажил в хищной улыбке все имеющиеся в наличии зубы. Со стороны казалось, что их у него куда больше, чем у нормального человека.

Джордино пожал плечами:

– Эти парни умеют наживать себе… друзей.

Питт не разделял язвительного настроения Джордино. Он хорошо понимал позицию Холлиса. Его люди были профессионалами, слаженной командой. Он украдкой обвел взглядом бойцов. Большие, сильные, спокойные. Ни одному из них не было больше двадцати пяти лет.

Глядя на их сосредоточенные лица, Питт не мог не думать, что кому-то из них через несколько часов предстоит умереть.

53

– Сколько еще ждать? – спросил Хуан Мачадо развалившегося на диванчике Аммара.

В отсутствие электропитания судна каюта капитана освещалась четырьмя тусклыми фонарями, подвешенными к потолку, из тактических соображений. Аммар, не отрываясь от чтения Корана, безразлично пожал плечами:

– Вы проводите больше времени в радиорубке, чем я. Вот вы мне и скажите.

Мачадо раздраженно сплюнул:

– Я и говорю: надо перестрелять их, ко всем чертям, и сматываться отсюда. Меня уже тошнит от бесплодного сидения в этом аду.

Аммар с любопытством взглянул на своего «коллегу». Мачадо по натуре был человеком неряшливым. Его давно не мытые волосы висели жирными сосульками, под ногтями виднелись полукружия черноты. Когда же он сел рядом, стало ясно, что он не утруждает себя купанием. Аммар уважат Мачадо как опасного противника, но во всем остальном этот человек не вызывал у него никаких чувств, кроме омерзения.

Мачадо вскочил с дивана и нервно забегал по каюте. Набегавшись, он опустился на стул.

– Мы должны были получить инструкции еще двадцать четыре часа тому назад, – сказал он. – Топильцин никогда не колеблется и всегда точен.

– Ахмед Язид тоже, – сообщил Аммар, не отрывая глаз от Корана. – Он и Аллах непременно обеспечат нас...

– Чем обеспечат? Вертолетом? Судном? Подводной лодкой? Нас же вот-вот обнаружат! Вы это знаете не хуже меня, мой дорогой друг, и тем не менее сидите спокойно, как сфинкс.

Аммар перевернул очередную страницу, так и не подняв глаз на своего собеседника.

– Завтра в это время вы и ваши люди будете в Мексике в полной безопасности.

– Вы можете дать гарантию, что мы все не будем принесены в жертву ради неведомых нам целей Язида и Топильцина?

– Они не пойдут на риск обнаружения «Леди Флэмборо» международными силами, – устало сказал Аммар, – хотя бы потому, что не могут позволить нам заговорить. Они же понимают, что их надеждам на захват власти придет конец, если будет обнаружена их связь с этим похищением. Поверьте мне, они позаботились о нашем спасении. Проявите терпение – и все будет хорошо.

– Как позаботились?

– Вы узнаете эту часть плана, как только мы получим инструкции о судьбе заложников.

Плотно сплетенные нити в паутине лжи начале рваться по краям. В любой момент Мачадо мог увидеть и все понять. Пока в радиорубке сидел человек Аммара, ни одно сообщение не могло быть получено, потому что рация была настроена на неверную частоту. Язиду и, скорее всего, Топильцину, злорадно думал Аммар, пришлось пережить немало неприятных минут, считая, что он, Аммар, проигнорирован первоначальный план и убил заложников, вместо того чтобы сохранить им жизнь ради пропагандистских целей.

– Почему бы нам не поступить по-своему, запереть всех внизу, затопить судно и покончить с этим? – Мачадо был так зол, что едва сдерживался.

– Убить британский экипаж, американского сенатора и других было бы крайне неразумно. Возможно, вам, капитан, нравится находиться в постоянном напряжении, скрываться и переезжать с места на место, являясь объектом преследования международной полиции, но лично я предпочитаю жить спокойно и с удобствами.

– Но это же глупо – оставлять свидетелей!

Этот идиот даже не представляет, насколько он прав, подумал Аммар, вздохнул и отложил Коран.

– Ваша забота – президент Де Лоренцо. Моя – президент Хасан и Гала Камиль. На этом наши взаимоотношения заканчиваются.

Мачадо встал, быстрыми шагами пересек каюту и распахнул дверь.

– Лучше бы нам побыстрее получить какую-нибудь информацию, – с угрозой в голосе пробормотал он. – Я не смогу долго сдерживать своих людей. Они уже начали требовать, чтобы я взял на себя руководство операцией.

Аммар дружелюбно улыбнулся:

– Если мы не получим приказа от наших лидеров в полдень, я передам командование вам.

Глаза Мачадо на мгновение подозрительно расширились:

– Вы согласитесь отступить на второй план и признать мою главенствующую роль?

– А почему нет? Я брался захватить президента Хасана и выполнил свою работу. С удовольствием уступлю остальную головную боль вам.

Физиономия Мачадо расплылась в дьявольской улыбке.

– Я заставлю тебя выполнить это обещание, египтянин. И тогда увижу наконец твое лицо под маской. – С этими словами он вышел.

Лишь только щелкнула дверная защелка, Аммар вытащил из кармана миниатюрную рацию и нажал на кнопку.

– Ибн-Тельмук?

– Да, Сулейман Азиз.

– Где ты?

– На корме.

– Сколько на берегу?

– Шестеро переправлены на причал у старой шахты. На борту нас осталось пятнадцать человек, включая тебя. Перевозка движется медленно, в нашем распоряжении только маленькая лодка на троих человек. Большая разбита и не подлежит ремонту.

– Саботаж?

– Это может быть делом рук только людей Мачадо.

– Еще существуют какие-нибудь проблемы из-за них?

– Пока нет. Они плохо переносят холод, поэтому редко показываются на палубе. Большинство из них накачиваются текилой в баре. А кто не пьет, тот спит. Ты был прав, приказав нашим людям проявлять к ним максимум дружелюбия. Они, похоже, совершенно позабыли о дисциплине.

– Заряды?

– Вся взрывчатка размещена в трещине, которая тянется вдоль передней стенки ледника. После взрыва стена рухнет и погребет под собой судно.

– Сколько еще потребуется времени на эвакуацию?

– Использование весел очень замедляет работу. Мы же не можем включить двигатель, чтобы не насторожить людей Мачадо. Думаю, нам потребуется еще минут сорок пять.

– Мы должны быть в полной безопасности до рассвета.

– Люди делают все что могут, Сулейман Азиз.

– Ты можешь на некоторое время уйти?

– Конечно.

– Тогда возьми одного человека и встречай меня у каюты Хасана.

– Мы их убьем?

– Нет, – ответил Аммар, – мы возьмем их с собой.

Аммар выключил рацию и положил в карман Коран. Предательство Ахмеда Язида требовало отмщения. Жаль, что такой превосходный, тонкий план заканчивается столь банально. Но Аммар не собирался продолжать действовать по первоначальной схеме, зная, что рядом находится человек, специально нанятый, чтобы его убить. Честно признаться, его больше разозлила потеря денег, которые он должен был получить за операцию, чем нанесенный ему в спину удар.

Поэтому он решил, что целесообразно сохранить жизнь, по крайней мере временно, Хасану и госпожа Камиль. Да, и Де Лоренцо тоже. Они станут предметом торга. И вполне может получиться, что Аммар возместит свои убытки, сбросив все бремя вины на Язида и Топильцина.

Ему требовалось время подумать и разработать новый план. Но это все.

Прежде всего надо увезти заложников с судна, пока Мачадо и его разношерстная команда не прознали о его хитроумном плане.

* * *

Когда дверь каюты открылась и на пороге появился лидер похитителей, у Галы предательски заныло сердце. Она видела только глаза в прорезях уродливой маски и с истинно женским любопытством старалась представить, как выглядит этот мужчина и как себя ведет в разных жизненных обстоятельствах.

Он вошел и заговорил спокойным, но угрожающим тоном:

– Вы все пойдете со мной.

Гала вздрогнула и опустила глаза, страшно разозлившись на себя за то, что не сумела скрыть страх.

Испугать сенатора Питта было сложнее. Он вскочил, в три шага пересек каюту и остановился рядом с Аммаром.

– Куда вы нас ведете и зачем? – потребовал ответа он.

– Вы что-то перепутали, сенатор. Мы не в сенатской комиссии и я не собираюсь отвечать на ваши вопросы. Так что не трудитесь подвергать меня допросу, – холодно проговорил Аммар.

– Мы имеем право знать, – настаивал сенатор.

– Вы не имеете никаких прав, – раздраженно проговорил Аммар, грубо оттолкнул сенатора и прошел в комнату. Лица двоих президентов и Генерального секретаря ООН, обращенные к нему, были бледны до синевы.

– Мы отправляемся на небольшую лодочную прогулку, – любезно сообщил он, – далее последует поездка на поезде. На улице прохладно, поэтому мои люди принесут вам одеяла.

Спорить и возражать никто не стал.

Охваченная чувством полной безнадежности, Гала помогла президенту Хасану подняться на ноги. Она устала находиться в постоянном страхе. С некоторым удивлением она поняла, что ей, пожалуй, уже все равно.

И все же какая-то искорка воли к жизни еще тлела в глубине ее души.

Гала больше не чувствовала страха. Ее охватило бесстрашие солдата перед боем, понимающего, что умрет, и поэтому не имеющего другого выхода, кроме как драться до конца. С отчаяннием обреченности она решила, что должна выжить.

* * *

Капитан Мачадо вошел в радиорубку и обнаружил ее пустой. Сначала он решил, что радист Аммара отлучился, так сказать, по зову природы. Но, заглянув в туалет, Мачадо убедился, что тот тоже пуст.

Мачадо несколько мгновений смотрел на панель красными от недосыпа глазами. Он был явно озадачен. Так ничего и не решив, он вышел на мостик и подошел к одному из своих людей, наблюдавшему за экраном радара.

– Где радист? – спросил он.

Оператор радара пожал плечами:

– Я его не видел, капитан. Разве он не в рубке?

– Нет, там пусто.

– Может быть, я пойду и спрошу у их командира?

Мачадо медленно покачал головой, пока еще не в силах понять, что означает исчезновение радиста.

– Найди Йорга Дельгадо и приведи сюда. Он когда-то работал радистом. Лучше мы сами будем следить за связью, чем эти тупые арабы.

За разговором никто из них не заметил большую точку, появившуюся на экране радара. Это был самолет, пролетевший над центральной точкой острова.

Но даже если бы они его заметили, парашютисты, уже скользившие в ночном небе по направлению к леднику, были невидимы для радара.

54

Питт сидел в чреве совершенно не приспособленного для перевозки пассажиров «оспри». Имеющий форму пули, летательный аппарат взлетал с земли как вертолет, но летел как самолет со скоростью свыше шестисот километров в час. Несмотря на усталость, Питт не спал. Только мертвый мог бы спать, сидя на алюминиевом стуле. Да еще двигатели ревели так, что никакая звукоизоляция не могла помочь… даже если бы она была. В общем, спать мог только мертвый или Джордино. Он был больше всего похож на шарик, из которого спустили воздух, оставив ровно столько, чтобы сохранялась видимость формы. Каждые несколько минут, словно в его мозг был вживлен автоматический таймер, он менял положение, не открывая при этом глаз.

– Как он это делает? – изумленно полюбопытствовал Финдли.

– Гены, – ответил Питт.

Ганн покачал головой, в немом восхищении взирая на друга.

– Я видел его спящим в самых жутких условиях и в самых ужасных местах, но всякий раз мне бывает трудно поверить своим глазам.

Очень молодой второй пилот, обернувшись, предположил:

– Может быть, на него так действует стресс?

Питт и Ганн дружно рассмеялись. В самолете, несмотря на все неудобства, было тепло, и не хотелось думать о выходе из его грохочущего уюта в морозную, ненастную ночь. Питт постарался расслабиться и отдохнуть. Он имел все основания чувствовать удовлетворение. Пусть его не включили в штурмовую группу – такое дело действительно лучше всего поручить подготовленным профессионалам, однако он вполне мог успеть принять участие в захвате и намеревался последовать за людьми Диллинджера.

Питта не одолевали дурные предчувствия, он ни секунды не сомневался, что его отец жив. Он не мог объяснить этого даже самому себе, но он чувствовал присутствие сенатора. Их связь с отцом была очень прочной. Они понимали друг друга без слов.

– Мы будем на месте через шесть минут, – с жизнерадостностью, заставившей Питта поежиться, сообщил летчик.

Паренька, похоже, нисколько не волновало то, что он ведет самолет над зазубренными горными вершинами, которые были скрыты от него тьмой. Было видно только, как блестит снежная крупа, бьющаяся о стекло.

– Откуда вы знаете, где мы находимся? – не выдержал Питт.

Летчик – копия Берта Рейнолдса[45] – пожал плечами.

– Все под контролем.

Питт наклонился вперед и взглянул на летчика через плечо. Тот даже не касался панели управления. Он сидел сложа руки и взирая на небольшой экран, выглядевший как дисплей видеоигры. На нижнем краю графического дисплея был виден нос «оспри», а мигающая картинка представляла собой нагромождение гор и долин, проносившихся под ним. В верхнем углу виднелись цифры – расстояния и высоты.

– Обходится без человека, – пробормотал Питт. – Компьютер заменил всех и везде.

– Слава богу, – рассмеялся летчик, – в вопросе взаимоотношения между полами компьютер пока не применяется. – Он протянул руку и нажал какую-то маленькую кнопочку. – Инфракрасные и радарные сканеры считывают информацию с земли, а компьютер преобразовывает ее в трехмерную модель. Я включаю автопилот и, пока самолет кружит между горами, имею возможность обдумывать такие занимательные

проблемы, как бюджет США на будущий год или внешнюю политику Государственного департамента.

– Это для меня новость, – криво усмехнулся второй пилот.

– Без нашего маленького электронного гида, – бесстрастно продолжил летчик, – мы бы все еще оставались на земле в Пунта-Аренас, ожидая улучшения погоды. – Со стороны экрана раздался мелодичный звон, и летчик сразу же стал серьезным. – Мы приближаемся к месту посадки. Приготовьтесь.

– Полковник Холлис дат вам инструкции относительно нас?

– Мне приказано оставить вас на горе у шахты. Дальше вам предстоит топать на своих двоих.

Питт взглянул на Финдли:

– Есть проблемы?

Финдли улыбнулся:

– Я знаю эту гору лучше, чем задницу своей жены. Мне здесь знаком каждый пригорок и каждая расселина. Вершина находится километрах в трех от входа в шахту. Спуск – просто легкая прогулка. Я бы мог совершить ее с завязанными глазами.

– Учитывая погоду, – вздохнул Питт, – боюсь, именно это вам и предстоит сделать.

* * *

Когда команда НУМА через грузовой люк выбралась из самолета, рев двигателей «оспри» сменился пронзительными завываниями ветра. Время было дорого, поэтому Питт и его товарищи без лишних слов, лишь помахав пилотам на прощание, спрыгнули в чернильную тьму. Все четверо мужчин были налегке, лишь двое держали в руках небольшие сумки. Пригибаясь под ударами ветра, они направились по каменистому склону к вершине.

Финдли шел первым. Видимость на земле была ничуть не лучше, чем в воздухе. Фонарик в руке Финдли был почти бесполезен. В летящем навстречу снежно-водяном крошеве луч узкой полоской освещал неровную поверхность всего в метре впереди.

Парни из НУМА никоим образом не напоминали элитную команду спецназа. У них не было оружия, – во всяком случае, его не было видно. Да и одеты они были кто во что горазд. На Питте был серый лыжный костюм, на Джордино – темно-синий. Ганн утонул в оранжевом костюме, который был минимум на два размера больше, чем требовалось. Финдли был экипирован как канадский лесоруб, а самой

приметной деталью его одежды была толстая шерстяная баскская шапочка, которую он натянул на уши и на лоб почти до самых глаз. Единственное, что было у всех троих одинаково, это лыжные маски с желтыми защитными стеклами.

Скорость ветра достигала двадцати километров в час. Питт решил, что это неприятно, но терпимо. Неровная каменистая поверхность была очень скользкой. Мужчины шли медленно, но все равно постоянно скользили, спотыкались и часто падали.

Каждые несколько минут приходилось стирать мокрый снег, налипавший на маски. Ветер дул в лицо, и очень скоро их одежда спереди стала белой и влажной от снега, а сзади оставалась совершенно сухой.

Финдли шарил по земле лучом фонарика, который вырывал из темноты массивные валуны и редкие уродливые, покрытые снегом кусты. Когда же он ступил на голые камни, а удар ветра едва не свалил его с ног, стало ясно: вершина достигнута.

– Дальше не полезем, – сообщил он, стараясь перекричать вой ветра. – Теперь дорога пойдет вниз.

– Очень жаль, что нельзя взять напрокат санки, – не к месту пошутил Джордино.

Питт стянул перчатку и посмотрел на свои старые часы со светящимся циферблатом. Им уже было много лет, но они его никогда не подводили. Атака была назначена на пять часов утра. Иначе говоря, до нее оставалось двадцать восемь минут. Они опаздывали.

– Давайте поторопимся, – крикнул он. – Я не хочу пропустить вечеринку.

В течение следующих пятнадцати минут они продвигались вперед довольно быстро. Спуск стал более пологим, и Финдли удалось найти тропу, ведущую к шахте. Ближе к подножию чахлая растительность стала гуще, камни – меньше и более рыхлыми, идти стало легче.

К тому же стих ветер и почти прекратился мокрый снег. В облаках, плотно закрывавших небо, появились прорехи, в которых иногда виднелись звезды. Теперь на мир можно было взирать и без защитных очков.

Когда из темноты материализовалась внушительная груда рудных отходов, Финдли почувствовал себя совсем уверенно. Он обошел ее и вывел свой небольшой отряд на узкоколейку, по которой они и направились во мглу.

Он уже было открыл рот, чтобы радостно завопить: «Мы на месте!» – когда его неожиданно прервали. Питт вдруг выскочил вперед, схватил Финдли за воротник и дернул назад так сильно, что у бедолаги земля ушла из-под ног и он со всего размаху шлепнулся на задницу. Он еще падал, когда Питт выхватил у него из руки фонарик и погасил его.

– Какого черта?

– Тихо! – резко выдохнул Питт.

– Ты что-нибудь слышишь? – тихо спросил Ганн.

– Нет, но чувствую знакомый запах.

– Запах чего?

– Барашка. Кто-то жарит на огне баранью ногу.

Все начали усиленно принюхиваться.

– Боже милостивый, ты прав! – оживился Джордино. – Я действительно чувствую запах барашка на гриле.

Питт помог Финдли подняться.

– Кажется, кто-то забрался на вашу территорию.

– Не знаю, кто это, но они зря теряют время. Рудник здесь полностью выработан.

– Не думаю, что они ищут цинк.

Джордино придвинулся к Питту:

– До того как ты погасил фонарик, я видел, как здесь что-то блеснуло. – Он пошарил ногой по снегу сбоку от тропы и наткнулся на нечто твердое. Наклонившись, он поднял находку и, повернувшись так, чтобы стоять к шахте спиной, осветил ее фонариком. – «Шато Марго» тысяча девятьсот шестьдесят шестого года. Должен признать, у этих шахтеров изысканный вкус.

– Странно, – протянул Финдли. – Не знаю, кто здесь, но они пришли сюда не работать.

– Ягненок и бордо могли попасть сюда с «Леди Флэмборо», – заключил Ганн.

– Как далеко мы от того места, где ледник встречается с фьордом? – спросил Питт у Финдли.

– Сам ледник в пятистах метрах к северу отсюда. Стена, выходящая на фьорд, примерно в двух километрах.

– Каким образом вывозили руду?

Финдли махнул рукой в сторону фьорда:

– По узкоколейке. Вагоны шли от шахты к дробилке, а оттуда к причалу, где руду грузили на суда.

– Вы ничего не говорили о причале!

– Так ведь никто не спрашивал. – Финдли недоуменно пожат плечами. – Там маленький погрузочный пирс. Сваи забиты в небольшой бухте чуть в стороне от ледника.

– Примерное расстояние до судна?

– Игрок в дальней части поля, обладающий хорошим ударом, без труда добросит туда мяч.

– Я должен был предвидеть, – сокрушенно прошептал Питт. – Я упустил этот момент, его все упустили.

– О чем вы? – спросил Финдли.

– О вспомогательной команде террористов, – ответил Питт. – Похитителям, находящимся на судне, нужна база для отхода. Они не могли покинуть «Леди Флэмборо» в море, не будучи обнаруженными и схваченными, если в их распоряжении не было подводной лодки, которую невозможно раздобыть без официального участия законного правительства. Заброшенная шахта – идеальное укрытие для вертолетов. А для сообщения с фьордом очень подходит узкоколейка.

– Холлис, – сказал Ганн. – Лучше ему об этом сообщить.

– Никак не можем, – отрапортовал Джордино. – Наш дружелюбный полковник наотрез отказался снабдить нас средствами связи.

– Что же мы можем сделать? – вмешался Ганн.

– Ничего. – Питт устало пожал плечами. – А впрочем, мы можем ему помочь, обнаружив и выведя из строя их вертолеты. Таким образом, террористы окажутся привязанными к своему лагерю в шахте и не смогут помешать Холлису и его команде.

– Их там может быть человек пятьдесят, – запротестовал Финдли, – а нас только четверо.

– Они не приняли мер безопасности, – сказал Ганн. – Кроме того, они не ожидают нападения со стороны необитаемого острова, да еще в шторм.

– Руди прав, – вмешался Джордино. – Если бы они были настороже, нас бы уже обнаружили. Бьюсь об заклад, мы справимся с ублюдками.

– На нашей стороне внезапность, – продолжил Питт. – Если мы будем соблюдать осторожность и не высовываться, можно сделать очень многое.

– А если они нападут на нас? – вопросил Финдли. – Мы закидаем их камнями?

– Я всегда придерживался основного правила бойскаутов, – ответил Питт.

Он и Джордино синхронно опустились на колени и открыли сумки. Джордино начал доставать пуленепробиваемые жилеты, а Питт – оружие.

Клейтону Финдли он дал полуавтоматический дробовик:

– Вы сказали, что когда-то охотились, Клейтон. Тут у меня есть для вас небольшой рождественский подарок. Это называется «Бенелли супер 90».

Глаза Финдли заблестели.

– Мне нравится! – Он провел рукой по стволу. Его пальцы касались металла легко и нежно, словно он гладил бедро любимой женщины. – Да, мне это определенно нравится! – Потом он заметил, что Ганн и Джордино вооружились автоматами «кехлер-кох» с глушителями. – По-моему, все это не продается в магазине металлической галантереи на углу. Где вы раздобыли такие сокровища?

– У спецназовцев, – беспечно поведал Джордино. – Мы позаимствовали оружие, когда Холлис и Диллинджер отвернулись.

Финдли был еще более удивлен, увидев в руках Питта старый пулемет-автомат Томпсона с круглым барабаном.

– Вы, должно быть, увлекаетесь антиквариатом.

– Преклоняюсь перед искусством старых мастеров, – сказал Питт и снова посмотрел на часы. До начата атаки оставалось шесть минут. – Без моей команды не стрелять. Мы не должны мешать нашему доблестному спецназу. У них и так слишком мало шансов на внезапность.

– А как насчет ледника? – спросил Финдли. – Если начнется стрельба, это не вызовет обрушение стены?

– На таком расстоянии – нет, – заверил его Ганн. – Наш огонь на судне будет слышен как отдаленный фейерверк.

– Помните, – вмешался Питт, – мы должны как можно дольше воздерживаться от стрельбы. Наша главная задача – вертолеты.

– Жаль, что у нас нет взрывчатки, – посетовал Джордино.

Питт дал Финдли несколько секунд, чтобы определиться с направлением. Потом геолог кивнул, и группа медленно двинулась вперед, укрываясь за стенами старых, заброшенных домов, стараясь держаться в тени и ступать как можно тише. Шорох шагов по сыпучему гравию заглушался свистом ветра, который возобновился и снова принялся вольготно разгуливать по склону горы.

Здания вокруг шахты в основном были построены из деревянных стоек, покрытых листами гофрированного металла, на котором уже явственно виднелись пятна коррозии. Здесь были и маленькие хибарки, и массивные трех-четырехэтажные строения, стены которых растворялись в окружающем мраке. Только запах жареного ягненка отличал это место от американских городов-призраков.

Финдли резко остановился в тени длинного одноэтажного сооружения и поднял руку, сделав знак, чтобы остальные подошли. Он дважды заглянул за угол, после чего обратился к Питту.

– В нескольких шагах отсюда справа находится здание столовой, – прошептал он. – Я слышу потрескивание, а сквозь плотные шторы пробивается свет.

Джордино втянул носом воздух:

– Они, должно быть, любят, чтобы мясо было хорошо прожарено.

– Часовых видели? – спросил Питт.

– Все вокруг выглядит абсолютно пустынным.

– Где они могли спрятать вертолеты?

– Главная шахта представляет собой вертикальную штольню, уходящую вниз на шесть уровней. Это вряд ли подходящее место для парковки.

– Тогда где?

Финдли показал рукой в сторону. Там не было видно ничего, только кромешная мгла.

– Больше всего места в помещении дробилки. К тому же там имеются сдвижные ворота, используемые для въезда крупногабаритного транспорта. Если снять с вертушек винты, внутри прекрасно поместится три штуки.

– Значит, дробилка – это то, что нам надо, – резюмировал Питт.

Времени совсем не осталось. В любую минуту могла начаться совместная атака Холлиса и Диллинджера. Питт и его товарищи уже почти

миновали здание столовой, когда дверь неожиданно отворилась и луч света, с трудом пробившись сквозь темноту и дождь, осветил их ноги. Мужчины замерли, держа оружие наготове.

Фигура, появившаяся в дверном проеме, быстро шагнула за порог, выбросила что-то из тарелки на землю и юркнула обратно. Спустя несколько мгновений Питт и остальные добрались до здания дробилки.

– Как мы можем проникнуть внутрь? – едва слышным шепотом спросил Питт у Финдли.

– Через отверстия в стене проходят конвейерные ленты, по которым руда перемещается непосредственно к дробилке и обратно в вагон в измельченном состоянии. Единственная проблема – они располагаются довольно высоко над нашими головами.

– Внизу есть двери?

– Ворота для крупногабаритного оборудования и главный вход. – Голос Финдли был также едва слышен. – Если я не ошибаюсь, здесь имеется еще лестница, ведущая в офис.

– Дверь в который конечно же закрыта, – добавил Джордино.

– Блестящая догадка, – съязвил Питт. – Ладно, тогда остается главный вход. Никто там внутри не ждет появления незнакомцев. Мы войдем открыто и спокойно, как свои. Никакого внезапного нападения. Просто трое их товарищей возвращаются из столовой.

– Бьюсь об заклад, дверь скрипит, – пробормотал Джордино.

Мужчины не торопясь повернули за угол здания дробилки и беспрепятственно вошли внутрь. Дверь открылась и закрылась совершенно бесшумно.

– Черт бы меня побрал, – прошипел Джордино сквозь стиснутые зубы.

Помещение было огромным. Впрочем, таким оно и должно было быть. В центре располагалась внушительных размеров машина, от которой в разные стороны уходили конвейерные ленты, шланги и электрические кабели. Она была похожа на гигантского осьминога, протянувшего щупальца в поисках добычи. Собственно дробильная установка представляла собой массивный, расположенный горизонтально цилиндр, начиненный стальными шарами разных размеров, которые и превращали руду в порошок.

Вдоль одной стены располагалось танки для флотации. Сюда поступала руда после измельчения. Высоко над головой располагались рабочие помосты для обслуживающего персонала. К ним вели стальные

лестницы. С ограждения помостов свисали гирлянды электрических лампочек. В углу натужно пыхтел миниатюрный генератор.

Питт ошибся. Он был уверен, что здесь спрятано два, а может быть, даже три вертолета для эвакуации террористов. В помещении находился только один вертолет, большой британский «вестленд коммандо», несколько устаревшее, но исключительно надежное транспортное средство, предназначенное для перевозки войск и грузов. Он мог вместить тридцать и более пассажиров, согласных путешествовать без особого комфорта. Рядом с ним на высокой стойке стояли двое в военной форме. Они копались в двигателе и были настолько поглощены работой, что не обратили внимания на столь ранних визитеров.

Питт медленно и осторожно двинулся вперед – к центру помещения. Финдли шел справа, Джордино – слева, а Ганн прикрывал тыл. Механики продолжали работать. В это время Питт заметил беспечного охранника, который сидел на перевернутом ящике и, надо полагать, мечтал о чем-то приятном.

Питт сделал знак Джордино и Финдли обойти вертолет с другой стороны и посмотреть, нет ли там других террористов. Охранник, почувствовав дуновение холодного воздуха, вызванное открытием и закрытием двери, обернулся посмотреть, кто пришел.

Питт не спеша направился прямо к охраннику, одетому в черный комбинезон. Лыжная маска на голове у стража была сдвинута на лоб. Приблизившись, Питт приветливо улыбнулся и сделал приветственный жест рукой.

Охранник оторопело воззрился на странного посетителя и что-то спросил по-арабски.

Питт, всем своим видом демонстрируя дружелюбие, пожал плечами и ответил ничего не значащей фразой, которую все равно нельзя было расслышать из-за тарахтения генератора.

Потом охранник сфокусировал взгляд на старом автомате Томпсона. Две секунды, прошедшие между удивлением и тревогой, обошлись ему недешево. Прежде чем он успел схватить оружие, приклад старичка Томпсона уже впечатался ему в лоб как раз под черной лыжной маской.

Питт поймал обмякшее тело, снова усадил его на ящик и прислонил к стене. Может же человек в кои-то веки подремать. Потом он нырнул под фюзеляж вертолета и крадучись направился к механикам. Подойдя к стойке, он, не мудрствуя лукаво, сильно дернул ее на себя.

Механики взлетели в воздух. Они были настолько ошарашены, что даже не успели закричать. Они только раскинули руки в отчаянной попытке ухватиться за воздух и рухнули на твердый деревянный пол. Один

сильно ударился головой и сразу лишился сознания. Другой упал на бок, и его правая рука с довольно громким треском сломалась. Вопль боли не успел вырваться из уст поверженного террориста, поскольку его заглушил точный удар прикладом автомата Томпсона в висок.

– Отличная работа, – признал возникший из тени Финдли.

– Стараемся, – скромно ответил Питт.

– Надеюсь, это все?

– Не совсем. У Ала еще четверо за вертушкой.

Финдли осторожно пролез под фюзеляжем и с удивлением уставился на Джордино, вальяжно расположившегося на складном стуле. У его ног лежали четверо террористов, упакованных в спальные мешки.

– У тебя всегда была страсть к аккуратным упаковкам, – сказал Питт.

– А ты любишь пошуметь, – не остался в долгу Джордино. Он ни на секунду не сводил глаз со своих пленников. – Что там был за грохот?

– Два механика неудачно упали со стойки.

– Бывает... Сколько их мы уже уложили?

– Семерых.

– Четверо из них, насколько я понимаю, экипаж вертолета.

– Пилот, второй пилот, два механика... они основательно подготовились.

Финдли показал на одного из механиков:

– Кажется, он приходит в себя.

Питт повесил автомат на плечо.

– Думаю, нам следует на некоторое время лишить их возможности ходить. Окажите мне услугу, Клейтон, свяжите этих людей и заткните им рты. Полагаю, здесь найдутся необходимые средства. Ал, следи за ними. А мы с Руди осмотримся снаружи.

– Мы обеспечим их полную иммобилизацию, – тоном завзятого бюрократа объявил Джордино.

– Вам лучше отнестись к этому посерьезнее, иначе они вас убьют.

Питт сделал знак Ганну, и они быстро сняли верхнюю одежду с двоих пленников. А Питт еще стянул с пребывающего в беспамятстве охранника черный свитер и лыжную маску. Почувствовав запах давно не стиранной одежды, он сморщил нос, но тем не менее надел ее на себя.

Потом они открыто вышли на улицу, не стараясь оставаться незамеченными. Они уверенно зашагали по самому центру дороги, идущей между зданиями. Возле столовой они спрятались в тени и сквозь щель между шторами заглянули в окно.

– Их здесь не меньше дюжины, – прошептал Ганн. – Вооружены до зубов. Непохоже на загородный пикник.

– Чертов Холлис, – в сердцах выругался Питт. – Ну почему он не снабдил нас средствами связи!

– Сейчас все равно уже слишком поздно.

– Поздно?

– На часах пять двенадцать, – ответил Ганн. – Если операция началась по расписанию, Холлис и его команда сейчас уже летят к судну.

Ганн был прав. Но шума вертолетов десантников слышно не было.

– Давай-ка найдем поезд, на котором перевозили руду, – сказал Питт. – Было бы неплохо вывести его из строя. Таким образом мы прервем связь между шахтой и судном.

Ганн кивнул, и они молча двинулись вдоль стены столовой, пригибаясь под окнами и останавливаясь на углах, чтобы осмотреться. Затем они перебежками преодолели открытое пространство, достигли узкоколейки и резво побежали по шпалам.

Питт не отставал от Ганна, но чувствовал, что его охватывает отчаяние. Он изо всех сил стиснул руками автомат, чувствуя, как по спине бегут ручейки холодного пота. Ветер стих, дождь прекратился, и появившиеся звезды быстро таяли в восточной части небосвода.

Что-то пошло неправильно.

55

Холлису казалось, что с момента начала операции прошло уже много часов.

Первый этап прошел без сучка без задоринки. Компактные «голубки», летящие очень низко над изрезанной береговой линией, доставили его команду на маленький остров в устье фьорда. Спуск на воду надувных лодок тоже прошел нормально, но приливно-отливное течение, скорость которого составляла четыре узла, оказалось значительно сильнее, чем ожидал Холлис.

Через десять минут после начала плавания по совершенно непонятной причине заглох бесшумный электромотор на ведущей лодке. Пока люди

расчехляли весла и отчаянно гребли, стараясь успеть приблизиться к «Леди Флэмборо» до первых лучей рассвета, ценное время было упущено.

Ситуация еще более осложнилась из-за сбоя связи. К своему полнейшему смятению, Холлис не смог связаться ни с Диллинджером, ни с кем бы то ни было из его людей. У него не было способа узнать, попал ли Диллинджер на судно или же вместе со своей командой сгинул на леднике.

Холлис ожесточенно работал веслами и с каждым гребком поминал недобрым словом подлый мотор, течение и Диллинджера. Его продуманный, составленный с точностью до минуты план полетел ко всем чертям. В назначенное время атака не началась, и Холлис не мог рисковать, отменив ее вообще.

Он надеялся только на морозную дымку. Финдли описал ее весьма точно. Она курилась вокруг маленьких лодок и сидящих в них людей, окутывая их защитным одеялом.

Туман и темнота ограничивали видимость всего лишь несколькими метрами. Холлис направлял лодку и наблюдал за своим небольшим флотом через инфракрасный прибор ночного видения. Лодки двигались плотной группой и не удалялись друг от друга дальше чем на три метра. При таком расстоянии, если одна из них сбивалась с курса, ее легко можно было направить в нужном направлении с помощью миниатюрной рации.

Он направил прибор ночного видения в сторону «Леди Флэмборо». Изящное судно выглядело как нелепая ледяная скульптура, плавающая перед потрескавшейся фарфоровой стенкой некой античной ванны. По прикидкам Холлиса, до судна оставалось еще около километра.

Вдоволь наигравшись со своей жертвой, течение неожиданно начало ослабевать, и его скорость очень быстро снизилась до одного узла. Но только облегчение пришло слишком поздно. Холлис видел, как устали его люди от долгой энергичной гребли. Его люди были хорошо тренированы и находились в прекрасной физической форме. Их четкими, отточенными движениями можно было бы залюбоваться, если бы Холлис не видел наметанным глазом, что каждое движение веслами уже дается им с трудом.

Да и стелющийся по воде туман начал таять. Холлис понял, что, если и дальше туман будет рассеиваться с такой скоростью, лодки уже через несколько минут превратятся в отличные мишени. Его уверенность таяла вместе с морозной дымкой. Он посмотрел вверх. Через разрывы в мутной пелене было видно, что небо быстро светлеет, становясь из черного голубым.

Лодки находились в самой середине фьорда. Ближайший берег, способный обеспечить хотя бы какое-то подобие укрытия, находился на полкилометра дальше, чем «Леди Флэмборо».

– Поднатужьтесь, ребята, – сказал он. – Мы на финишной прямой. Осталось совсем немного.

Усталые гребцы, очевидно почувствовав второе дыхание, увеличили длину и скорость гребков. Холлису казалось, что лодки летят над водой. Он отложил в сторону прибор ночного видения и сам приналег на весла.

Но где Диллинджер? Что случилось с десантниками на леднике? Не думать об этом Холлис не мог.

* * *

Диллинджер быстро почувствовал, что предстоящая ему прогулка по леднику далека от увеселительной. Он представлял себе ситуацию еще более смутно, чем его начальник. Сразу после прыжка с С-140 парашютистов разбросало во все стороны сильным ветром, к тому же постоянно меняющем направление.

Оказавшись в воздухе, Диллинджер начал оглядываться, чтобы увидеть, как справляются его люди. У каждого был маленький фонарик, горевший синим светом, но при таком сильном мокром снеге эта мера предосторожности оказалась бесполезной. Как только парашют раскрылся, Диллинджер потерял из виду даже тех своих людей, которые были совсем близко.

Он потянулся вниз и нажал кнопку на маленькой черной коробочке, закрепленной на ноге. Потом заговорил в микрофон передающего устройства.

– Это майор Диллинджер. Нам предстоит семикилометровое скольжение, поэтому старайтесь держаться ближе ко мне. После приземления двигайтесь ко мне.

– Нам очень повезет, если мы попадем на остров в этой гнусной жиже, – послышался чей-то недовольный голос.

– Прекратить разговорчики в эфире! – прикрикнул Диллинджер. – Радио использовать только в случае крайней необходимости.

Он взглянул вниз и не увидел ничего, кроме тюка со снаряжением для выживания и оружием, болтающегося на двухметровом канате под его снаряжением. Направление он определил по специальному прибору, являющемуся комбинацией компаса и альтиметра и закрепленному у него на лбу как зеркало у врача-отоларинголога.

Не имея наземных ориентиров и огней, заранее установленных в зоне приземления – такую роскошь нельзя было себе позволить, слишком велик был риск предупредить тем самым террористов о своем прибытии, – Диллинджеру приходилось лететь в полном смысле наугад, а угол скольжения и расстояние прикидывать на глазок.

Он опасался, что в таких условиях может пролететь край ледника и оказаться во фьорде. Поэтому он принял меры, чтобы ускорить приземление, и перестарался – можно было скользить в воздухе еще километр.

Из темноты материализовался ледник, и Диллинджер увидел, что спускается прямо над трещиной. Неожиданный боковой порыв ветра подхватил квадратное полотнище его парашюта и начал раскачивать. Диллинджер начал работать стропами, чтобы унять качку, и приземлился на ноги в двух метрах от ледяного разлома. Тюк со снаряжением оказался на самом краю трещины.

Освободившись от парашюта, он оставил его на льду. Не было времени скатывать его или прятать для обеспечения отхода. Налогоплательщикам придется пережить потерянный парашют.

– Это Диллинджер. Я внизу. Идите на меня.

Он вытащил из недр кармана пластиковый свисток и принялся дуть в него каждые десять секунд, поворачиваясь в разные стороны. В течение первых нескольких минут никто не появился.

Потом люди начали собираться. Их довольно сильно разбросало ветром, а продвижение по неровной поверхности ледника оказалось процессом куда более медленным, чем мог предположить Диллинджер.

Постепенно подошли все. У одного из десантников был перелом плеча, другой вывихнул лодыжку. Сержант держался за запястье, которое, как подозревал Диллинджер, тоже было сломано, но вел себя так, словно слегка поцарапался. А он был слишком необходим Диллинджеру, чтобы тот мог списать его со счетов.

Командир обратился к раненым бойцам:

– Вы не сможете успеть за остальными, но идите строго по нашему следу, чтобы не сбиться с пути. – Потом он повернулся к сержанту Джеку Фостеру: – Готовься, сержант. Дальше пойдем в связке. Я буду ведущим.

Фостер кивнул и приступил к выполнению своих непосредственных обязанностей – проверять готовность людей.

Передвижение по покрытой предательскими трещинами поверхности ледника никак нельзя было назвать приятной прогулкой. Диллинджер

не боялся свалиться в трещину. Канат вокруг его пояса был привязан к такому количеству плоти и мускулов, которое способно было сдвинуть с места саму «Леди Флэнборо». Дважды он останавливался, чтобы проверить направление, после чего движение возобновлялось.

Десантники переползали через зазубренные ледяные хребты, а одна широкая трещина едва не сорвала всю операцию. Семь минут ушло на то, чтобы перебросить ледяную кошку на другую сторону, а потом самый легкий парень из команды переправился через разлом по канату на руках, чтобы убедиться, что кошка надежно закреплена. Еще десять минут потратили на переправу.

Диллинджер очень беспокоился. Его команда потеряла двоих человек, и они все больше выбивались из графика. Он вспомнил, что гневно отверг совет Джордино удвоить время на движение по леднику, и горько пожалел, что не принял его.

Он горячо молился о том, чтобы команда пловцов не прибыла раньше и не заледенела в воде у борта «Леди Флэмборо». Он периодически пытался связаться с Холлисом и сообщить полковнику о тяжелой ситуации, но ответа ни разу не получил. Небо впереди заметно посветлело – занимался рассвет. Появилась возможность рассмотреть окружающий пейзаж. Поверхность ледника была совершенно пустынна. Местность вокруг казалась пугающе странной, в ней было нечто чуждое человеческой природе. Диллинджер увидел впереди слабое мерцание фьорда и неожиданно понял, почему отсутствовала связь.

* * *

Холлис теперь отчетливо видел судно невооруженным глазом. И если кто-нибудь из террористов с хорошим зрением в эту минуту смотрел в нужном направлении, он наверняка видел силуэты надувных лодок на фоне темно-серой поверхности воды. Расстояние между судном и лодками неумолимо сокращалось, и Холлис помимо воли затаил дыхание.

Несмотря ни на что, Холлис не прекращал попыток связаться с Диллинджером:

– «Акула», пожалуйста, ответьте «Соколу».

Он как раз собрался сделать сотую попытку, когда услышат в наушниках голос Диллинджера:

– «Сокол» слушает.

– Вы опоздали, – прошипел Холлис – И почему вы не отвечали на мои вызовы?

– Только сейчас вошли в зону. Мы находились вне пределов горизонтальной видимости. Наши сигналы не могли проникнуть сквозь стену льда.

– Вы на месте?

– Нет, – спокойно сообщил Диллинджер. – Мы попали в деликатную ситуацию, и потребуется время, чтобы ее исправить.

– Какую ситуацию вы называете деликатной?

– Цепь взрывчатых зарядов в ледяной трещине, тянущейся вдоль края ледника. Они полностью готовы ко взрыву по радиосигналу.

– Сколько времени уйдет на разминирование?

– Только на то, чтобы все их обнаружить, потребуется не меньше часа.

– У вас есть пять минут, – быстро сказал Холлис – Больше ждать нельзя, иначе мы здесь погибнем.

– Мы все погибнем, если ледяная стена рухнет на судно.

– Будем надеяться на внезапность и на то, что террористы не успеют взорвать заряды. Поторопитесь. Мои лодки могут быть обнаружены в любую минуту.

– Я уже вас вижу.

– Вы идете первыми, – приказал Холлис – Уже светает, и, чтобы попасть на судно, нам необходимо, чтобы кто-то отвлек внимание террористов.

– Встретимся на прогулочной палубе и выпьем по коктейлю, – сказал Диллинджер.

– Я оплачу счет, – ответил Холлис – Удачи!

* * *

Ибн-Тельмук их увидел.

Он стоял на старом пирсе, с которого раньше грузили руду. Рядом с ним находились Аммар, четверо заложников и двадцать террористов-египтян. Он смотрел в бинокль на фигуры в черном, выскакивающие на край ледника. Он видел, как они сбрасывают канаты, рассекают пластиковый покров и исчезают под ним.

Ибн-Тельмук опустил бинокль ниже и сфокусировал его на надувных лодках, подошедших к корпусу судна. Не веря своим глазам, он наблюдал, как они забрасывают на борт крюки и по канатам забираются на главную палубу.

– Кто они? – спросил стоявший рядом Аммар. Он тоже смотрел в бинокль.

– Точно сказать не могу, Сулейман Азиз. Похоже на какую-то элитную команду. Я не слышал ни одного выстрела. Их оружие, судя по всему, снабжено очень мощными глушителями. Насколько я могу судить, это далеко не дилетанты.

– Я тоже так думаю. Ни Язид, ни Топильцин не могли найти хороших профессионалов так быстро.

– Полагаю, это американский спецназ.

Аммар кивнул:

– Скорее всего, ты прав. Но как, ради аллаха, они смогли отыскать нас так быстро?

– Мы должны убраться отсюда, пока не прибыла их группа поддержки.

– Ты уже сообщил, чтобы за нами выслали поезд?

– Он вот-вот прибудет и отвезет нас на рудник.

– Что это? – спросил президент Де Лоренцо. – Что происходит?

Аммар отмахнулся от мексиканского президента. Его голос впервые дрогнул – террориста охватило дурное предчувствие.

– Мы исключительно вовремя покинули судно. Нападающие понятия не имеют о том, что мы находимся здесь.

– Через тридцать минут остров будет наводнен американскими военными, – спокойно проговорил сенатор Питт. – Вероятно, вам предложат сдаться.

Аммар резко обернулся и злобно уставился на сенатора:

– Не думаю, сенатор. Кстати, вы совершенно напрасно надеетесь, что сюда явится кавалерия и выручит вас. Но если она здесь и появится, спасать уже будет некого.

– Почему же вы не убили нас на судне? – храбро спросила Гала.

Губы Аммара скривились в отвратительной улыбке, и он не снизошел до ответа женщине. Вместо этого он кивнул Ибн-Тельмуку:

– Взрывай заряды!

– Какие заряды? – спросил сенатор. – О чем вы говорите?

– Мы говорим о тех зарядах, – любезно объяснил Аммар, – которые мы заложили в трещине за стеной ледника. Ибн-Тельмук, поторопись, пожалуйста.

Сохраняя абсолютное бесстрастие, тот достал из кармана куртки радиопередатчик и направил его в сторону ледника.

– Ради всего святого! – взмолился сенатор. – Не делайте этого!

Ибн-Тельмук вопросительно взглянул на Аммара.

– На судне сотни людей, – сказал президент Хасан, не в силах скрыть ужас, – у вас нет никаких причин их убивать!

– Я не должен ни перед кем оправдываться.

– За ваши зверства ответит Язид, – проговорила Гала, едва сдерживая ярость.

– Спасибо, что напомнили. – Аммар улыбнулся и слегка поклонился, в то время как на лице Галы отразилось удивление и непонимание. – Вы, сами того не подозревая, облегчили мне принятие решения. Хватить тянуть, действуй.

Не слушая протестов заложников, Ибн-Тельмук включил передатчик и нажал кнопку, приводящую в действие детонаторы.

56

Взрыв прозвучал как глухой, отдаленный удар грома. Ледник угрожающе затрещал. Но больше ничего не произошло. Ледяная масса осталась на месте, незыблемая, как и раньше.

Заряды должны были сдетонировать в восьми разных местах внутри трещины, но майор Диллинджер и его люди сумели найти и обезвредить все заряды, кроме одного.

Взрыв произошел как раз в тот момент, когда Питт и Танн осторожно приближались к двоим террористам, разжигавшим топку старенького паровоза, раньше таскавшего поезда с рудой. Террористы на мгновение прервали работу, прислушались, обменялись несколькими фразами по-арабски и снова вернулись к делу.

– Чем бы ни был вызван этот взрыв, – прошептал Ганн, – он не был неожиданным для этих парней. Они его явно ждали.

– Похоже, взрыв был небольшой силы, – так же тихо ответил Питт.

– Определенно одно: ледник не сдвинулся. Мы бы почувствовали.

Питт молча рассматривал маленький локомотив, к которому был прицеплен угольный тендер и пять вагонов. Такие часто использовали на плантациях, промышленных предприятиях и при разработке полезных ископаемых. Небольших размеров, но крепкий и очень надежный, с высокой трубой и круглыми окошками, он был похож на паровозик из мультфильма. Он мерно пыхтел и был готов тронуться в путь.

– Давай устроим машинисту и кочегару хорошие проводы, – едва слышно шепнул Питт. – Они хорошо поработали и заслужили это.

Ганн с сомнением взглянул на Питта, потом озадаченно потряс головой, пригнулся и побежал в конец состава. Мужчины разделились и начали приближаться к кабине машиниста с разных сторон. В кабине было очень светло – ее освещало пламя из открытой топки. Питт поднял руку, призывая Ганна подождать.

Араб, выполнявший функции машиниста, был занят. Он деловито поворачивал выключатели и следил за датчиками давления пара в системах. Второй лениво подбрасывал лопатой уголь в топку. Отправив очередную порцию в яростно гудящее пламя, он вытер пот с лица и с помощью лопаты захлопнул дверцу. Кабина погрузилась в полутьму.

Питт показал Ганну на машиниста. Ганн махнул рукой, показывая, что все понял, ухватился за поручни и запрыгнул в кабину.

Но Питт все же оказался в ней первым. Он спокойно подошел к кочегару и очень приветливо сказал:

– Хороший день, не правда ли?

Прежде чем совершенно сбитый с толку араб сообразил, что происходит, Питт спокойно взял у него из рук лопату и стукнул черенком по голове.

Машинист повернулся навстречу Ганну и получил сильный удар в челюсть увесистым глушителем, надетым на короткое дуло «кехлера-коха». Араб рухнул как подкошенный.

Пока Ганн стоял на стреме, чтобы не пропустить приближение врагов, Питт установил потерявших сознание террористов так, что они наполовину свешивались из боковых окон кабины. Потом он принялся с интересом изучать хитросплетение труб, рычагов, кнопок и переключателей.

– У тебя ничего не получится, – с большим сомнением заявил Ганн.

– Между прочим, – возмутился Питт, – я умею запускать и вести «Стенли Стимер».

– А что это такое?

– Очень старый автомобиль, один из первых, – ответил Питт. – Открой-ка топку, мне нужен свет, чтобы видеть показания датчиков.

Ганн сделал то, что его просили, и принялся греть руки у открытого огня.

– Тебе лучше поторопиться, – сказал он, – а то мы тут поджаримся.

Питт потянул длинный рычаг, и паровозик слегка дернулся вперед.

– Понятно, это тормоз. Думаю, я понял, какой переключатель для чего. Когда мы проедем мимо дробилки, прыгай и сразу укройся внутри.

– А что будет с поездом?

– Экспресс «Пушечное ядро», – ухмыльнулся Питт, – проследует без остановок.

Питт подвинул рычаг хода, открыл дроссельную заслонку, и локомотив медленно, словно неуверенно, дернулся вперед под аккомпанемент клацающих вагонов. Рычаг дроссельной заслонки он передвинул до упора. Ведущие колеса несколько раз провернулись, прежде чем вошли в сцепление со ржавыми рельсами. Поезд покатился вперед.

Паровозик, набирая скорость, пропыхтел мимо здания столовой. Открылась дверь, и вышел один из террористов. Он поднял руку в приветственном жесте, но тут же отпрянул, заметив свесившиеся из окон тела. Очень быстро, словно растаяв в воздухе, он скрылся внутри здания, громко выкрикивая что-то по-арабски. Питт и Ганн выпустили по автоматной очереди по двери и окнам здания, а паровозик вез их дальше к дробилке. Питт посмотрел на несущуюся назад землю и прикинул, что скорость паровозика где-то между пятнадцатью и двадцатью километрами в час.

Питт потянул на себя рычаг подачи гудка и привязал его, оторвав от своей лыжной куртки завязку. Рвущийся через медный свисток пар резал воздух как бритва.

– Приготовься прыгать! – крикнул он Ганну.

Ганн не ответил. Он взирал на мелькающую внизу насыпь, словно собирался прыгать с реактивного самолета.

– Пошел! – крикнул Питт.

Они коснулись земли и побежали, спотыкаясь, скользя, но все же удерживаясь на ногах. Не было времени ни сомневаться, ни даже перевести дыхание. Они бежали вдоль поезда к двери дробилки, подбежав к которой оба синхронно споткнулись о порог, влетели в помещение и приземлились на пол.

Первым, кого увидел Питт, был возвышающийся над ним Джордино, держащий наготове автомат.

– Я видел, как вас выбрасывали из пивнушки, – мрачно сообщил он, – но впервые наблюдаю, как вас сбросили с поезда.

– Это небольшая потеря, – беззаботно сказал Питт, с трудом поднимаясь на ноги, – там все равно не было мягкого вагона.

– Мы слышали огонь. Это вы или они?

– Мы.

– Были попутчики?

– Как взбесившиеся осы из разоренного гнезда, – ответил Питт. – У нас осталось немного времени, чтобы подготовиться к осаде.

– Им лучше стрелять поосторожнее, иначе их вертолет может сломаться.

– Мы максимально используем это преимущество.

Финдли как раз закончил связывать охранника и механиков, находившихся в самом центре зала.

– Куда их?

– Оставьте там, где они есть. Они там в такой же безопасности, как в любом другом месте, – ответил Питт. Он внимательно оглядел интерьер помещения, в середине которого находилась дробильная установка. – Ал, ты и Финдли, возьмите всю мебель или оборудование, которое сможете сдвинуть с места, и превратите дробильную установку в форт. Руди и я задержим террористов сколько сможем.

– Форт в форте, – сказал Финдли.

– Для обороны здания такой величины необходимо не меньше двадцати человек, – объяснил Питт. – У террористов есть единственная надежда получить свой вертолет в целости – это взорвать главный вход и всем скопом ворваться внутрь. Мы подстрелим из окон скольких сможем, а потом отступим в сооруженный вами форт. Это будет последний рубеж обороны.

Финдли и Джордино, не теряя времени, приступили к возведению укрепления, а Питт и Ганн заняли места возле окон в противоположных углах здания. Солнце уже осветило первыми лучами склон горы. Наступил день.

Питт очень беспокоился. Они могли не дать уйти арабам, которые быстро окружали здание, но, если террористам на судне удастся

справиться со спецназовцами и они придут на помощь, у его до смешного маленького отряда не будет никаких шансов.

Он посмотрел в окно на паровозик, совершающий свой последний путь. Он продолжал набирать скорость. Из-под колес летели искры, за трубой тянулся длинный шлейф темного дыма. Вагоны раскачивались и подпрыгивали на узких рельсах. Пронзительный свист гудка превратился в жалобный стон мечущейся в аду души. Прошло несколько минут – и паровозик исчез вдали.

57

Осознав, что стена ледника устояла, Аммар едва справился с гневом и разочарованием. Он резко повернулся к Ибн-Тельмуку.

– Что произошло? – требовательно вопросил он дрожащим от ярости голосом. – Мы должны были услышать несколько взрывов.

Лицо Ибн-Тельмука оставалось бесстрастным.

– Ты меня хорошо знаешь, Сулейман Азиз. В таких делах я не допускаю ошибок. Заряды должны были сдетонировать. Должно быть, спецназовцы, которых мы видели на леднике, нашли и обезвредили их.

Аммар трагично воздел к небу руки и снова уронил их. Его губы скривились в зловещей улыбке.

– Еще не все потеряно. Мы заставим ледник рухнуть на судно. Когда наш вертолет взлетит, мы пролетим над ледником и забросаем его ручными гранатами.

Ибн-Тельмук тоже улыбнулся.

– Аллах не покинул нас, – благоговейно сказал он. – Не забывай, мы находимся на берегу в полной безопасности, а мексиканцы сейчас сражаются на судне с американцами.

– Ты прав, мой старый друг, мы в неоплатном долгу у Аллаха за наше своевременное бегство. – Он бросил презрительный взгляд в сторону судна. – Посмотрим, как ацтекские боги помогут капитану Мачадо.

– Он был с большими причудами, этот… – Неожиданно Ибн-Тельмук замолчал и прислушался. – Я слышу стрельбу со стороны рудника.

Аммар тоже замер, но услышал нечто другое – далекий звук гудка. Звук был постоянным и быстро становился громче. Потом вдали появился дымок. Аммар недоуменно уставился на поезд, который на высокой скорости слетел с горы и, едва не опрокидываясь на поворотах, выскочил на финишную прямую, ведущую к причалу.

– Что эти идиоты делают? – вскричал Аммар, оторопело глядя, как поезд, не снижая скорости, несется к причалу, оглашая окрестности пронзительным воплем гудка.

Ни террористы, ни заложники не были подготовлены к невероятному зрелищу, развертывающемуся перед их глазами. Они замерли в оцепенении, следя за надвигающимся на них многотонным монстром.

– Спаси нас, Аллах! – прохрипел кто-то.

– Сам спасайся! – выкрикнул Ибн-Тельмук, первым пришедший в себя. Он заметался меж людьми, прогоняя их с рельсов. Начался форменный бедлам. Люди прыгали с узкоколейки и разбегались в стороны, а состав вагонов, ведомый локомотивом, двигатель которого уже давно пошел вразнос, вылетел на пирс.

Деревянные сваи и не слишком прочное покрытие содрогнулись от мощного напора. Последний вагон сошел с рельсов, но продолжат волочиться следом за составом, как капризный ребенок, которого тащит за ухо строгая няня. Стальные колеса грохотали по рельсам, высекая тучи искр. Потом колея закончилась – и паровозик, увлекая за собой вагоны, воспарил в воздух.

Поезд, казалось, целую минуту летел по воздуху, после чего нырнул в темную воду фьорда. По счастливой случайности котел не взорвался, когда его перегревшиеся стенки соприкоснулись с ледяной водой. Паровозик исчез в глубине, оставив после себя лишь облако пара. За ним последовали вагоны, огласив окрестности скрежетом и треском сминаемого металла.

Аммар и Ибн-Тельмук подскочили к краю пирса и беспомощно уставились на пузыри и пар, поднимающиеся из воды.

– Из окон свисали тела наших людей, – сказал Аммар. – Ты их видел?

– Да, Сулейман Азиз.

– А минуту назад мы слышали стрельбу! – воскликнул Аммар. – Наши люди на шахте, должно быть, тоже подверглись атаке. И все же у нас есть шанс уйти, если мы поторопимся и поможем им не допустить повреждения вертолета.

Аммар отдал приказ одному из своих людей привести пленников и быстро, почти бегом, устремился вдоль узкоколейки в сторону шахты. Остальные террористы потянулись за ним.

Аммар был в смятении. Впервые в жизни он почувствовал страх. Если вертолет уничтожен, им не удастся спастись. На безжизненном, пустынном острове спрятаться негде. Спецназовцы перестреляют их по

одному, а может быть, не станут возиться и бросят их умирать от голода и холода.

А ведь Аммару во что бы то ни стало нужно было выжить. У него появилась в жизни цель – убить Язида и найти того хитроумного дьявола, который пробрался на остров Санта-Инес и разрушил его замечательный план.

Звуки боя стати слышнее. Аммар задыхался – как-никак идти приходилось в гору, но он, стиснув зубы, ускорил шаг.

Капитан Мачадо услышал приглушенный звук взрыва на леднике, находясь в штурманской рубке. Он на мгновение замер, но больше ничего не услышал, кроме громкого тиканья часов, висевших над окном рубки.

Внезапно он побледнел. Ледник! Он может вот-вот рухнуть.

Мачадо поспешил в радиорубку. Один из его людей молча смотрел на телетайп.

Он вопросительно взглянул на вошедшего Мачадо:

– Мне показалось, я слышал взрыв.

Страшное подозрение заставило мексиканского капитана внутренне содрогнуться.

– Ты видел египетского радиста?

– Я никого из них не видел.

– Здесь вообще не было арабов?

– Во всяком случае, в течение последнего часа сюда никто не заходил. Я никого не видел, с тех пор как ушел из салона и заступил на вахту. Арабы, наверное, охраняют пленных и патрулируют открытые палубы. Они сами вызвались этим заниматься.

Мачадо задумчиво уставился на пустой стул радиста:

– Может быть, они не так глупы, как я думал.

Он подошел к окну перед штурвалом и заглянул в прорези в пластике, сделанные специально для обзора. Уже рассвело и он отчетливо видел всю носовую часть судна.

Его взгляд наткнулся на широкие прорехи в пластике. А канаты, тянущиеся с вершины ледника прямо в прорехи, он заметил слишком поздно. И объявить по судовому радио тревогу он уже не успел.

Он бросился к микрофону, но остановился, увидев в дверном проеме человека.

Человек был одет в черное, даже руки и некоторые части лица, видневшиеся под лыжной маской, были черными. На шее у него висели очки для ночного видения. На нем был массивный пуленепробиваемый жилет с несколькими карманами и зажимами, на которых висели осколочные и шумовые гранаты, несколько грозного вида ножей и разные другие приспособления для убийства.

Взгляд, которым его одарил Мачадо, был далек от дружелюбия.

– Кто ты? – спросил он, отлично понимая, что смотрит в лицо собственной смерти.

Молниеносным движением он выхватил из наплечной кобуры девятимиллиметровый автоматический пистолет и выстрелил.

Стрелял Мачадо хорошо. Он попал непрошеному гостю точно в центр груди.

Старые пуленепробиваемые жилеты плохо защищали, поэтому сила удара могла сломать ребра и даже остановить сердце. Жилеты, которые носили американские спецназовцы, были самой современной конструкции и способны были распределить силу удара так, что на теле оставался только небольшой синяк.

Диллинджер слегка отпрянул назад и в следующую секунду нажал на спусковой крючок своего «кехлера-коха».

На Мачадо тоже был бронежилет, но старой модели. Выпущенные Диллинджером пули легко проделали в нем отверстия и прошили грудную клетку мексиканца. Его спина на мгновение выгнулась, словно натянутый лук, потом он рухнул на палубу, попутно повалив капитанский стул.

Мексиканский охранник рванулся в сторону, поднял руки и завопил:

– Не стреляйте! Я не вооружен!

Еще одна пуля Диллинджера, попавшая ему в горло, оборвала отчаянный вопль террориста. Он рухнул на нактоуз[46] компаса и повис на нем как старая тряпичная кукла.

– Не двигаться, буду стрелять, – с некоторым опозданием сказал Диллинджер.

Сержант Фостер обошел майора и посмотрел на мертвого террориста:

– Он мертв, сэр.

– Я предупреждал его, – небрежно сказал Диллинджер и вставил новую обойму.

Фостер поддел ногой тело и сбросил его на палубу. Из недр одежды террориста выскользнул длинный нож и со стуком упал на пол.

– Интуиция, майор? – полюбопытствовал сержант.

– Я никогда не доверяю человеку, утверждающему, что он не вооружен.

Неожиданно Диллинджер остановился и прислушался:

– Что за черт?

– Если бы это было лет за тридцать до моего рождения, я бы сказал, что это гудок паровоза.

– Похоже, он спускается с горы от старой шахты.

– Я считал, что она давно заброшена.

– Там должны были ждать окончания операции люди из НУМА.

– Зачем они вернули к жизни старый локомотив?

– Понятия не имею! – Диллинджер секунду помедлил, после чего неуверенно проговорил: – Если только... если только они не хотят что-то нам сообщить.

* * *

Взрыв на леднике застал Холлиса и его команду в салоне. Только что завершилась ожесточенная перестрелка.

Пловцы прорезали отверстие в пластике и обнаружили узкий проход между фальшивыми контейнерами. Они бесшумно проникли в пустой бар и гостиную рядом с пассажирским салоном, разделились, взяли под контроль трап и два лифта и внезапно напали на мексиканских террористов Мачадо.

Все, кроме одного террориста, лежали на полу. Только один стоял на том же месте, где его настигла пуля. Потом его тело обмякло и опустилось на пол, испачкав кровью светлый ворс ковра.

Холлис и его люди двигались осторожно, обходя и переступая через тела. Вызванное взрывом сотрясение прокатилось по судну, заставив зазвенеть уцелевшие бутылки в баре.

Спецназовцы тревожно переглянулись, но не дрогнули.

– Должно быть, команда майора Диллинджера не нашла один заряд, – спокойно сообщил Холлис.

– Здесь нет заложников, – сказал один из бойцов. – Только террористы.

Холлис внимательно всмотрелся в безжизненные лица. Ни один из погибших не был похож на выходца с Ближнего Востока. Это, должно быть, команда «Генерала Браво», подумал Холлис.

Он отвернулся, достал из кармана подробный план «Леди Флэмборо» и уже в который раз начат внимательно изучать. Одновременно он проговорил в микрофон:

– Майор, доложите обстановку.

– Пока встретили только легкое сопротивление четверых террористов. Заняли мостик и освободили около ста членов судовой команды, которые были заперты в багажном трюме. Сожалею, что мы не нашли все заряды.

– Отличная работа. Вы сделали достаточно, чтобы не дать стене ледника расколоться. Я направляюсь в каюты, чтобы освободить пассажиров. Пусть механики вернутся в машинное отделение и восстановят энергоснабжение судна. Мы не должны оставаться под ледяным утесом ни минуты дольше, чем это необходимо. Мы вывели из строя шестнадцать террористов, все латиносы. На судне должно быть еще двадцать арабов.

– Они могут быть на берегу, сэр.

– Почему вы так считаете?

– Пару минут назад мы слышали гудок паровоза. Я приказал одному из своих людей забраться на радарную мачту и посмотреть, что происходит на берегу. Он видел поезд, катящийся с горы как взбесившийся шар для боулинга. Этот поезд свалился с пирса, на котором стояло две дюжины террористов.

– Забудьте пока об этом. Сначала мы спасем заложников и обеспечим безопасность судна, а уж потом разберемся, что происходит на берегу.

– Понял.

Холлис провел своих людей по просторной лестнице наверх, в холл, разделявший каюты пассажиров. Они двигались совершенно бесшумно. Неожиданно заработал лифт, и бойцы замерли в ожидании. Из-под палубы медленно выплыл пассажирский лифт, дверь отворилась, и из него спокойно вышел террорист, не ведавший о том, что остался в одиночестве. Он открыл рот, но не успел издать ни одного звука, получив сильный удар в голову дулом автомата.

Невероятно, но никакой охраны у кают не было. Бойцы начали врываться в каюты и нашли там египетских и мексиканских советников

и представителей администрации президентов обеих стран, но никаких признаков ни Хасан, ни Де Лоренцо обнаружено не было.

Холлис выбил последнюю дверь и оказался лицом к лицу с пятью моряками в офицерской форме. Один из них сделал шаг вперед и сказал с явным презрением в голосе:

– Вы могли ее открыть, воспользовавшись дверной ручкой.

– Вы капитан Оливер Коллинз?

– Да, я капитан Оливер Коллинз, если вы до сих пор этого не знали.

– Извините за сломанную дверь. Я полковник Мортон Холлис, силы специального назначения.

– Великий боже, американец! – воскликнул старший помощник Фини.

Лицо Коллинза просветлело, он почти бегом бросился вперед и принялся изо всех сил трясти руку Холлиса.

– Бога ради, простите, полковник. Я подумал, что вы один из бандитов. Знали бы вы, как все мы рады вас видеть.

– Сколько на борту террористов? – спросил Холлис.

– После появления команды «Генерала Браво» около сорока человек.

На лице Коллинза отразилась мука. Он был очень изнурен, но тем не менее продолжал держаться очень прямо.

– Вы освободили президентов, сенатора Питта и мисс Камиль?

– Нет, мы их не нашли.

Коллинз оттолкнул его в сторону и бросился к двери:

– Они занимали апартаменты напротив!

Холлис удивленно отступил и проговорил ему в спину:

– Там никого нет! Мы уже обыскали эту палубу.

Коллинз вбежал в пустую каюту, но увидел только смятую постель и обычный легкий беспорядок, остающийся после пассажиров. Он был настолько потрясен, что даже ссутулился. Таким его еще никто и никогда не видел.

– Они забрали их с собой.

Холлис проговорил в микрофон:

– Майор Диллинджер!

Ответ майора раздался через пять секунд:

– Да, полковник. Мы продолжаем зачистку.

– Были контакты с противником?

– Нет, во всяком случае пока нет.

– Около двадцати террористов и ВИП-пассажиры пока не найдены. Они могут быть на судне?

– Нет.

– Ладно, заканчивайте работать, и пусть механики отводят судно подальше от ледника во фьорд.

– Не получится, – ответил Диллинджер.

– Проблемы?

– Террористы славно похозяйничали в машинном отделении. Здесь разбито все, что можно было разбить. Потребуется не меньше недели, чтобы вернуть судно к жизни.

– Вы хотите сказать, что двигатели и генератор запустить нельзя?

– Мне очень жаль, полковник, но с этими двигателями мы далеко не уедим. И генераторы все разбиты, даже вспомогательные.

– Тогда придется высадить пассажиров в спасательные шлюпки.

– И с этим проблемы, капитан. Мы имеем дело с настоящими изуверами. Спасательные шлюпки выведены из строя все до единой.

Доклад Диллинджера был прерван глухим грохотом, идущим со стороны ледника. Он прокатился по судну как барабанная дробь. На этот раз вибрации не было, только леденящее душу громыхание. Звук длился около минуты, потом стих.

И полковник Холлис, и капитан Коллинз были людьми отважными, этот факт никто бы не стал предавать сомнению, однако у обоих в глазах появился страх.

– Ледник готовится к отделению очередного айсберга, – мрачно сообщил Коллинз. – Наша единственная надежда – перерубить якорные цепи и молиться, чтобы течение вынесло нас во фьорд.

– Поверьте мне, на протяжении следующих восьми часов отлива не будет, – сказал Холлис – К сожалению, я это точно знаю.

– Вы просто добрый вестник, полковник.

– Звучит не слишком обнадеживающе, я понимаю.

– Не слишком обнадеживающе? – возмутился Коллинз. – И это все, что вы можете сказать? На борту «Леди Флэмборо» более двухсот человек! Их необходимо немедленно эвакуировать!

– К сожалению, я не имею возможности взмахнуть волшебной палочкой и заставить ледник исчезнуть, – спокойно сказал Холлис – Я могу вывезти нескольких человек на надувных лодках и выслать сюда наши вертолеты, чтобы эвакуировать по воздуху остальных. Но на это уйдет много времени.

Голос Коллинза дрожал от нетерпения.

– Тогда я предлагаю вам поторопиться с выполнением вашего плана, пока мы все еще живы и… – Он прервал свою эмоциональную речь, поскольку Холлис резко поднял руку, призывая к молчанию.

На физиономии Холлиса явственно проступило замешательство, когда в его наушниках неожиданно раздался незнакомый голос:

– Полковник Холлис, я на вашей частоте? Отвечайте.

– Кто это, черт побери?

– Говорит капитан Фрэнк Стюарт с «Саундера». Я и мое судно в вашем распоряжении. Может быть, вас надо куда-нибудь подвезти?

– Стюарт! – выдохнул Холлис. – Где вы?

– Если бы вы могли видеть сквозь тряпки, висящие на вашей надстройке, то уже давно заметили бы меня во фьорде справа по борту от вас.

Холлис облегченно вздохнул и кивнул Коллинзу.

– К нам идет исследовательское судно. Ваши инструкции?

В первый момент Коллинз онемел, не в силах поверить в столь счастливый исход. Обретя способность говорить, он радостно завопил:

– Конечно! Скажите, пусть он возьмет нас на буксир!

* * *

Развив лихорадочную деятельность, матросы Коллинза выбрали кормовой и носовой якоря и приготовили швартовы.

Проявив незаурядное мастерство, Стюарт за один заход сумел подвести корму «Саундера» к носу «Леди Флэмборо». Матросы круизного лайнера перекинули своим коллегам на «Саундере» два толстых швартова, которые немедленно были закреплены на палубных кнехтах

исследовательского судна. Это была не слишком надежная буксирная сцепка, но судам не предстояло, к счастью, преодолевать большие расстояния, находясь в бушующем море. Зато временное приспособление для буксировки было сооружено в течение нескольких минут.

Стюарт дал команду «малый вперед», и «Саундер» начал медленно выбирать слабину буксирных тросов. Потом Стюарт постепенно увеличил скорость до «полного», постоянно переводя взгляд с ледника на круизный лайнер. Оба винта «Саундера» – на носу и на корме – молотили воду, а мощный дизель стонал от напряжения.

Тоннаж его был вдвое меньше, чем «Леди Флэмборо», к тому же научно-исследовательское судно изначально не предназначалось для буксировки. Но маленький «Саундер» старался изо всех сил, как тягловая лошадь, стремящаяся сдвинуть с места нагруженный сверх всякой меры воз, и выдыхал из трубы облака черного дыма.

В первые минуты ничего не произошло. Потом очень медленно вокруг форштевня «Саундера» начала появляться белая пена. Судно двигалось, волоча за собой упирающийся круизный лайнер. «Саундер» вытаскивал «Леди Флэмборо» из тени смертоносного ледника.

Несмотря на опасность, пассажиры, команда и находившиеся на борту спецназовцы сорвали пластиковый камуфляж и столпились на верхней палубе, наблюдая за медленным продвижением вперед маленького трудяги «Саундера». Десять метров… двадцать метров… сто… Расстояние между «Леди Флэмборо» и ледником увеличивалось очень медленно.

Но все-таки настал момент, когда люди смогли облегченно перевести дух. «Леди Флэмборо» оказалась в безопасности.

Пассажиры круизного лайнера и команды двух судов издали восторженный крик, прокатившийся над водой фьорда. Позже капитан Коллинз не без юмора назвал его радостным воплем, сломавшим хребет верблюду.

Оглушительный треск заглушил ликующие человеческие голоса. Он перерос в громкий, рокочущий гул. Людям, стоявшим на палубах, показалось, что воздух мгновенно наполнился электричеством. Затем передняя часть ледяной скалы откололась и с грохотом обрушилась в воду фьорда. Впечатление было такое, словно со скалы сбросили гигантский нефтяной танкер. Вода взволновалась, забурлила, в месте падения поднялась десятиметровая волна и покатилась по поверхности воды. Она легко подняла оба судна, словно это были ореховые скорлупки, и величаво удалилась в открытое море.

Только что родившийся чудовищный айсберг вынырнул на поверхность. Его ледяная поверхность сверкала и переливалась под утренним солнцем огромной россыпью розовых алмазов. Гул эхом отразился от склона горы и снова вернулся к застывшим на палубах людям, которые все еще не могли осознать, что чудом остались живы.

58

Сначала была паника, много криков и беспорядочной стрельбы. Египтяне не знали, кто открыл огонь по ним из поезда и каковы силы нападавших. Они погасили все огни и вели огонь по теням, появившимся вместе с первыми лучами утреннего солнца, пока не сообразили, что тени не отвечают.

Над грунтовыми дорожками, соединявшими деревянные строения, повисло зловещее молчание. В течение нескольких минут египетские террористы не делали попыток покинуть здание столовой.

Затем неожиданно из дома выскочили шесть человек: двое из передней двери и четверо из боковой. Соблюдая все меры предосторожности, они направились к углам здания. Заняв позицию, они начали огнем прикрывать остальных бойцов, следующих за ними.

Их предводителем был очень высокий человек, который отличатся от остальных черным тюрбаном на голове. Приказы он отдавал с помощью жестов и пронзительного свиста.

После довольно удачного начала Питт быстро понял, что команда террористов олицетворяла все то, чего он больше всего опасался. Это были отлично тренированные, умелые и жестокие профессионалы. Когда пришла пора применить тактику уличных боев, все они оказались на высоте. Следовало отдать должное и умелому командованию. Террорист в черном тюрбане был человеком методичным.

Они обыскивали здание за зданием, постепенно приближаясь к помещению дробилки, и в конце концов взяли его в полукольцо. Они не бросались очертя голову на штурм, как доморощенные киллеры Аммара. Эти люди знали, что делали.

Их командир что-то громко выкрикнул по-арабски. Поскольку ответа не последовало, подал голос террорист, находившийся совсем в другой стороне. Они зовут своего охранника и механиков, догадался Питт.

Террористы находились слишком близко, чтобы стоило расковать, показываясь в окне. Поэтому он снял одежду террориста и брезгливо отшвырнул ее в сторону, потом пошарил в карманах собственной куртки и достал зеркальце на длинной узкой ручке. Он осторожно установил зеркало над окном, поворачивая ручку как перископ.

Вскоре он обнаружил цель, которую высматривал. Она была скрыта на девяносто процентов, но все же видна достаточно, чтобы произвести точный выстрел.

Питт перевел переключатель с автоматического огня на одиночные выстрелы, потом тщательно прицелился и нажал курок.

Старый «томпсон» выплюнул пулю. «Черный тюрбан» сделал два или три неуверенных шага вперед, явив миру свою побледневшую и донельзя изумленную физиономию, потом рухнул лицом вперед и больше не двигался.

Питт пригнулся, опустил автомат и снова стал смотреть в зеркальце. Террористов не было видно. Они все попрятались за расположенными по соседству строениями или ржавеющим на открытом воздухе оборудованием. Питт отлично понимал, что они не остановятся. Они были совсем рядом, неустрашимые и опасные, и ждали приказов от заместителя командира. Ганн понял замысел Питта и выпустил короткую очередь по деревянной двери строения на другой стороне дороги. Дверь открылась под тяжестью вывалившегося наружу тела.

Террористы не стреляли. Теперь, когда они поняли, что им противостоят не превосходящие силы, а маленькая группа людей, они решили взять тайм-аут, чтобы принять правильное решение.

Они также прекрасно понимали, что неизвестные, напавшие на них, захватили вертолет и прячутся в помещении дробилки.

Питт низко пригнулся, перебежал в другой угол и опустился на пол возле Ганна.

– Как обстоят дела с твоей стороны?

– Все о'кей. Они ведут себя вполне пристойно. Не хотят повредить свой вертолет.

– Я думаю, они собираются подорвать дверь главного входа, а потом ворваться через боковую.

Ганн кивнул:

– Что ж, звучит логично, и к этому времени нам лучше убраться от окон и найти более надежное укрытие. Куда отправляться мне?

Питт взглянул на узкие мостки, тянущиеся почти под потолком. Он указал на ряд световых люков, окружавших небольшую лебедку.

– Полезай туда и смотри в оба. Когда они начнут атаку, крикни нам, встреть их хорошей очередью и сразу же тащи свою задницу вниз. Они не станут колебаться, стрелять или не стрелять над вертолетом.

– Я пошел.

Питт обошел боковой офис, потом остановился в дверном проеме и спросил у Джордино и Финдли:

– Как идут дела?

Джордино на секунду прервал свою работу: он как раз перекидывал лопатой кучу рудных отходов к баррикаде.

– Форт Джордино будет закончен точно в срок.

Финдли тоже прекратил работу и свысока взглянул на Джордино.

– Буква «эф», – заявил он, – в алфавите раньше «джи», так что мы строим форт Финдли.

Джордино пристально взглянул на коллегу и примирительно заявил:

– Давай решим так: форт Финдли, если мы проиграем, но форт Джордино, если выиграем. – После этого он вернулся к работе.

Покачав головой, Питт мысленно поблагодарил Бога за то, что с ним рядом такие замечательные друзья. Ему захотелось сказать им что-нибудь, выразить свои чувства, безмерную благодарность за то, что они рискуют жизнью, чтобы остановить банду подонков, хотя имели полное право спрятаться и подождать, пока прибудет полковник Холлис со своей командой. Но он знал: таким людям не нужны ни поощрение, ни похвала. Они всегда добросовестно делали свою работу, и если для этого приходилось брать в руки оружие, значит, они без лишних слов именно это и делали. Питту оставалось надеяться, что никто не погибнет напрасно.

– Доспорите позже, – сказал он, – и подготовьте встречу, если наши гости пройдут мимо меня.

Он вернулся в мрачный, пахнущий плесенью офис, проверил автомат и отложил его в сторону. Быстро соорудив укрытие из двух перевернутых столов, металлического шкафа для хранения документов и тяжелой, пузатой печки, он лег на пол и стал ждать.

Долго ждать ему не пришлось. Уже через минуту он услышал донесшийся снаружи легкий шорох гравия. Звук прекратился, потом возник снова, тихий, но четкий. Питт поднял автомат, упер рукоять в металлический шкаф и приготовился.

Ганн подал сигнал о начале штурма, но было слишком поздно. Почти одновременно с его криком во фрамугу над дверью влетел предмет и завертелся по полу. За ним последовал второй. Питт бросился на пол и

попытался вжаться в стальной шкаф, проклиная себя за недальновидность.

Обе гранаты взорвались с оглушительным грохотом. В небольшом помещении офиса началось сущее светопреставление из ломающейся мебели и разлетающихся осколков. Внешняя стена вывалилась наружу, потолок угрожающе провис.

Питт получил легкую контузию. Ему еще никогда не доводилось находиться так близко от места двойного взрыва, и он был ошеломлен происшедшим.

Металлическое брюхо печки приняло на себя основной удар шрапнели и, хотя сохранило форму, сплошь покрылось рваными дырами. Шкаф погнулся, полки в нем покорежились, но единственное видимое повреждение, которое Питт обнаружил на себе, это глубокая царапина на левом бедре, ну и еще пятисантиметровый порез на щеке.

Офис прекратил свое существование, превратившись в груду дымящихся осколков. В какой-то момент Питту показалось, что он угодил в огненную ловушку, однако он быстро успокоился. Старое, пропитанное дождевой влагой дерево, из которого было построено здание, в нескольких местах шипело, но так и не загорелось.

Усилием воли Питт вернул себя к действительности, перевел рычаг на автоматический огонь и направил дуло автомата туда, где раньше была входная дверь. Кровь струйкой стекала по его лицу и убегала за воротник. Он не успел моргнуть, как попал под огневой навес, созданный четверыми террористами.

Питт не чувствовал ни раскаяния, ни страха, выпустив длинную очередь по нападавшим, которая разбросала их в разные стороны. Выронив оружие и взмахнув руками, словно танцоры, исполняющие какой-то безумный танец, они покатились по усыпанному обломками полу.

За первой волной пришла вторая, в ней было три террориста, и они тоже были безжалостно остановлены Питтом. Впрочем, остановлены были все, кроме одного, среагировавшего непостижимо быстро и успевшего укрыться за дымящимся кожаным диваном.

Внезапно прямо возле уха Питта грянули три оглушительно громких выстрела, больше напоминающих пушечные. Это Финдли, упав на колени рядом с Питом, трижды выстрелил по нижней части дивана. Вверх полетели куски кожи, дерева и джутовой набивки, а потом из-за гнутой ножки дивана безвольно упала и осталась лежать на полу рука террориста.

Из дыма материализовался Джордино. Он ухватил Питта под руки, поволок назад к дробильной установке, устроил в относительной безопасности за старым вагоном и трагическим голосом вопросил:

– Ну почему с тобой всегда проблемы? – Он внимательно осмотрел Питта и, старательно скрывая тревогу, но уже более мягко поинтересовался: – Ты серьезно ранен?

Питт вытер кровь с лица и уставился на внушительную дыру на брюках, через которую была видна кровоточащая рана на ноге.

– Что за черт! – воскликнул он. – Пропали совсем новые лыжные штаны. Где я найду другие?

Финдли опустился на колени, разрезал штанину и принялся бинтовать рану.

– Вы легко отделались. После такого взрыва всего несколько царапин – это большая удача.

– Я идиот, даже не подумал о гранатах, – сокрушенно заявил Питт.

– Какой смысл себя винить? – пожал плечами Джордино. – В конце концов, мы работаем совсем в другой сфере. Питт огляделся по сторонам.

– Нам лучше приготовиться, если мы хотим оставаться на ногах, когда прибудут наши бравые спецназовцы.

– Террористы больше не пойдут с этой стороны, – сказал Финдли. – Взрывом снесло наружную лестницу. Они не станут делать из себя мишени, карабкаясь десять футов по сломанным бревнам. – Возможно, именно сейчас настал момент сжечь, ко всем чертям, вертолет и устроить здесь ад? – без всякого энтузиазма добавил он.

– У меня плохие новости, – сообщил Ганн, спрыгивая с лестницы. – Я видел еще человек двадцать, несущихся вдоль железной дороги. Они появятся здесь минут через семь-восемь.

Джордино подозрительно взглянул на Ганна.

– Сколько их?

– Я сбился на пятнадцати и больше не считал.

– Кажется, будет жарко, – пробормотал Финдли.

– А что Холлис и его люди?

Ганн покачал головой:

– Не видно. – Он сделал паузу, глубоко вдохнул, потом повернулся к Питту. – За террористами следуют четверо заложников с двумя охранниками. Я сумел довольно хорошо рассмотреть их в бинокль. Один из них – твой отец, Питт. Он и женщина помогают идти еще двоим мужчинам.

– Гала Камиль, храни ее Бог! – с облегчением улыбнулся Питт. – Как я рад, что мой старик жив!

– А кто двое других? – поинтересовался Джордино.

– Вероятнее всего, президенты Де Лоренцо и Хасан.

– Полагаю, они мечтают об отставке, – улыбнулся Финдли и закрепил бинт на повязке Питта.

– Террористы оставили в живых сенатора и остальных только для того, чтобы обеспечить себе отход, – сказал Питт.

– И без колебаний перестреляют их по одному, если мы не отдадим им вертолет, – не без оснований предположил Ганн.

Питт кивнул:

– Это не подлежит сомнению. Но если мы сдадимся, все равно нет никакой гарантии, что они не убьют заложников. Они уже дважды пытались убить Галу Камиль и наверняка хотели бы видеть мертвым также и президента Хасана.

– Они потребуют перемирия и начнут переговоры.

Питт посмотрел на часы.

– Они не станут долго торговаться, понимают, что их время уходит. Но мы сможем выгадать несколько дополнительных минут.

– Итак, каков план? – спросил Джордино.

– Мы сопротивляемся столько, сколько сможем. – Питт посмотрел на Ганна. – Заложники были окружены террористами?

– Нет, они находились метрах в двухстах позади от основной группы, – ответил Ганн. – Их сопровождали только два террориста. – Он в упор взглянул на Питта, и в его глазах зажглись искры понимания. – Ты хочешь, чтобы я убрал охранников и взял на себя защиту сенатора и остальных до подхода Холлиса и его людей?

– Ты самый миниатюрный и самый быстрый из нас, Руди. Если кто и сможет выбраться из здания незамеченным и обойти террористов, пока мы будем их отвлекать, то только ты.

Ганн картинно вытянулся и опустил руки по швам.

– Благодарю за доверие. Надеюсь, что смогу его оправдать.

– Сможешь.

– Но тогда вас остается только трое, чтобы удерживать форт.

– Придется потрудиться. – Питт неуверенно поднялся на ноги и дохромал до лежащей на полу одежды террориста, которую незадолго до этого сбросил. – Надень это. Они подумают, что ты один из них.

Ганн все никак не мог сдвинуться с места. Ему очень не хотелось оставлять товарищей в таком сложном положении.

Джордино пришел ему на помощь. Положив увесистую лапу на плечо своего куда менее крупного товарища, он подтолкнул его к проложенному под полом ходу для ремонтных рабочих. По нему можно было выбраться из здания.

– Выход здесь, – улыбаясь, сказал он. – Подожди, пока обстановка накалится, и прорывайся.

Не успев возразить, Ганн оказался наполовину под полом. Он бросил последний взгляд на Питта, надежного, несокрушимого Дирка Питта. Тот весело помахал ему рукой. Затем Ганн покосился на Джордино, старого и верного друга, который, как всегда, скрывал свою озабоченность под маской бесшабашной веселости. За ним настала очередь Финдли, который тоже улыбнулся и поднял вверх оба больших пальца. Эти люди были частью самого Руди Ганна, и у него болезненно сжималось сердце, поскольку он не знал, увидит ли их живыми.

– Парни, будьте здесь, когда я вернусь, – крикнул он, – вы меня слышите?

С этими словами он юркнул под пол и исчез.

59

Холлис накручивал круги вокруг посадочной площадки размером с почтовую марку, которую матросы «Леди Флэмборо» поспешно соорудили поверх плавательного бассейна. На нее как раз и опустилась «голубка». Небольшая команда бойцов ожидала команду на посадку.

Холлис на секунду замер, услышав, что перестрелка на шахте снова усилилась. С его лица не сходило выражение тревоги.

– Поторопитесь и взлетайте, – махнул он Диллинджеру. – Там еще остался кто-то живой и ведет бой.

– Должно быть, на шахте террористы оборудовали свою базу, именно там и приготовили все необходимое для отхода, – сказал подошедший капитан Коллинз.

– А благодаря мне Дирк Питт и его коллеги попали прямо в змеиное логово, – вздохнул Холлис.

– Но вы же успеете спасти их и заложников, не так ли? – спросил Коллинз.

Холлис мрачно сплюнул и с сомнением покачал головой:

– Боюсь, что нет. Мне очень жаль, но по моему мнению, у них нет ни одного шанса уцелеть.

* * *

Руди Ганн был благодарен неожиданно хлынувшему ливню. Пока он полз, прячась за рядом старых вагонов, подальше от здания дробилки, дождь явился довольно надежной зашитой. Удалившись на некоторое расстояние от строений, он спустился по склону горы ниже шахты, а потом повернул обратно.

Обнаружив узкоколейку, он пошел по шпалам. Пелена дождя была не только защитой, она еще снижала видимость, ограничивая ее лишь несколькими метрами. Однако, сделав всего несколько шагов по шпалам, Руди замер. Впереди он различил неясные силуэты. Четыре человека сидели, а двое стояли над ними.

Перед Ганном возникла дилемма. Он предполагал, что сидящие люди – это заложники, они отдыхают, а стоящие – охранники. Но он не мог сначала выстрелить, а уж потом проверить правильность своего предположения. Поэтому решил, положившись на одежду террориста, подойти как можно ближе, чтобы с полной уверенностью отличить друга от врага.

Единственным препятствием, которое, впрочем, могло стоить ему жизни, было то, что он знал только три слова по-арабски.

Ганн глубоко вдохнул и двинулся вперед. По пути он совершенно спокойным голосом трижды повторил Salaam.

При ближайшем рассмотрении выяснилось, что стоящие люди – действительно террористы. В руках они держали автоматы, правда, их дула были опущены к земле.

Один из них ответил, но Ганн, разумеется, не понял, что именно. Он мысленно скрестил пальцы и искренне понадеялся, что террорист произнес арабский эквивалент фразы «Кто идет?».

– Магомет, – пробормотал он, полагая, что имя мусульманского пророка поможет ему избежать неприятностей. Его автомат висел на груди, дуло было повернуто в сторону.

Увидев, что оба террориста синхронно опустили оружие и вновь обратили свое внимание на заложников, Ганн мысленно поблагодарил чужого пророка за любезность. Он двигался спокойной, небрежной походкой и как бы случайно повернулся так, чтобы на линии огня оказались только террористы.

Потом, не сводя глаз с несчастных людей, сидевших на земле между рельсами, и не глядя на охранников, он нажал на спусковой крючок.

* * *

Добравшись до шахты, Аммар и его люди находились на грани полного изнеможения. Непрекращающийся ливень промочил их одежду, сделал ее холодной и очень тяжелой. Они прошли мимо внушительной груды отбросов и со вздохом облегчения вошли в просторное помещение, где раньше хранилось оборудование.

Аммар рухнул на деревянную скамью и опустил голову. Он тяжело дышал, из груди то и дело вырывался хрип. Заметив, что к нему приближается Ибн-Тельмук еще с каким-то человеком, он с трудом поднял голову.

– Это Мустафа Осман, – сообщил Ибн-Тельмук. – Он говорит, что группа вооруженных десантников убила их командира и забаррикадировалась в помещении дробилки, где находится наш вертолет.

Лицо Аммара позеленело от злобы.

– Как вы это допустили?

В черных глазах Обмана появилось паническое выражение.

– Мы... не знати... не ожидали... – забормотал он. – Они спустились с горы, обезвредили охранников, захватили поезд и обстреляли нас в здании столовой, где мы жили. Когда мы организовали контратаку, они засели в помещении дробилки и дали нам отпор.

– Потери? – холодно спросил Аммар.

– Нас осталось семеро.

Кошмар оказался даже страшнее, чем Аммар мог предположить.

– Сколько их?

– Человек двадцать – тридцать.

– Вы всемером держите в осаде тридцать человек? – с нескрываемым сарказмом хмыкнул Аммар, – Я спросил, сколько их, причем мне нужна правда! Ты слышишь? Правда! Иначе Ибн-Тельмук перережет твою лживую глотку.

Осман отвел глаза. От страха он не мог даже пошевелиться.

– Точно мы не знаем, – едва слышно прошептал он. – Думаю, их четверо или чуть больше.

– И все это натворили четыре человека? – Аммар был ошеломлен. Он кипел от гнева, но был слишком дисциплинированным человеком, чтобы позволить ярости вырваться наружу. – Что с вертолетом? Он поврежден?

Осман слегка оживился:

– Нет, мы соблюдали особую осторожность и не стреляли по той части здания, где находится вертолет. Могу поклясться, он цел.

– Это ведомо только Аллаху, – вздохнул Ибн-Тельмук. – Возможно, его повредили десантники.

– Мы все очень скоро встретимся с Аллахом, – сказал Аммар, – если не сможем его вернуть, причем в исправном состоянии. У нас один выход – нанести сильный удар одновременно со всех сторон и сокрушить защитников благодаря преимуществу в численности.

– Возможно, мы сможем поторговаться, – с надеждой проговорил Ибн-Тельмук. – Все-таки у нас есть заложники.

Аммар кивнул:

– Эту возможность тоже нельзя упускать. Американцы обычно дают слабину, когда дело доходит до угрозы смерти. Я поговорю с нашим неизвестным противником, а вы тем временем готовьтесь к штурму.

– Будь осторожен, Сулейман Азиз.

– Будьте готовы атаковать, как только я сниму маску.

Ибн-Тельмук слегка поклонился и немедленно начал отдавать приказы людям.

Аммар сорвал с одного из окон изодранную занавеску. Когда-то она была белой, но со временем сильно пожелтела. Ничего, сойдет, подумал он. Привязав ее к ручке от старой метлы, он вышел из здания.

Он прошел мимо вереницы домиков, в которых раньше жили шахтеры, стараясь, чтобы его не было видно из окон помещения дробилки.

Приблизившись, он выставил свой весьма потрепанный флаг перемирия на открытое пространство и принялся им энергично размахивать.

Выстрелов не последовало. Но больше ничего не произошло. Тогда Аммар крикнул по-английски:

– Мы хотим поговорить!

Через несколько секунд в ответ прозвучало:

– No hablo ingles[47].

Аммар остолбенел. Кто это может быть? Чилийская служба безопасности? К слову сказать, она оказалась значительно более профессиональной, чем он предполагал. Он хорошо говорил по-английски и мог объясняться по-французски, но испанского языка он почти не знал. Но сомнениям не было места в его душе. Он должен увидеть того, кто стоит на его пути к спасению.

Он поднял повыше свой самодельный флаг, выставил вперед свободную руку и вышел на открытое пространство перед дробилкой.

Он знал, что слово «мир» по-испански paz, его он и выкрикнул несколько раз. После томительной паузы открылась дверь – и на пороге показался высокий человек. Сильно прихрамывая, он сделал несколько шагов вперед.

Незнакомец был высок ростом и, казалось, полностью игнорировал несколько десятков дул винтовок и автоматов, глядящих на него из дверей и окон. Его проницательные зеленые глаза смотрели только на Аммара. Длинные вьющиеся черные волосы, загорелая кожа – очевидно, он много времени проводил на свежем воздухе, густые брови, кривящиеся в легкой усмешке губы – все это придавало его мужественному, хотя и не слишком красивому лицу обманчиво легкомысленное выражение. Только приглядевшись, можно было заметить холодную решимость во взгляде и твердые, будто высеченные из камня, черты лица.

На одной щеке у него виднелся глубокий порез, покрытый коркой свернувшейся крови, из разрезанной штанины проглядывал бинт, очевидно прикрывавший рану на бедре.

Относительно телосложения Аммар не мог сделать правильного вывода – под мешковатым лыжным костюмом мог скрываться и атлет, и тощий мозгляк. Одна рука была голой, но вторая в перчатке, которая виднелась из рукава лыжной куртки.

Трех секунд Аммару было достаточно, чтобы он точно понял: перед ним опаснейший противник. Покопавшись в памяти, он постарался

выстроить фразу «Можем ли мы поговорить?». Для начала, решил он, это как раз подойдет.

– Podemos hablar? – прокричал он.

Легкая усмешка сменилась широкой улыбкой:

– Porque no?

Последнее Аммар перевел как «Почему бы и нет?», и не ошибся.

– Hacer capitular usted?

– Послушайте, может быть, хватит? – Питт неожиданно перешел на английский. – Ваш испанский даже хуже, чем мой. Ответ на ваш вопрос – нет, мы не собираемся сдаваться.

Аммар был профессионалом, поэтому не позволил себе показаться выбитым из колеи столь резкими трансформациями. Но его чрезвычайно смущал тот факт, что собеседник, был одет не в военную форму, а в дорогой лыжный костюм, пусть и изрядно потрепанный. Первое, о чем он подумал – ЦРУ.

– Могу я узнать ваше имя?

– Дирк Питт.

– А я Сулейман Азиз Аммар.

– Мне глубоко наплевать, кто вы такой, – холодно сообщил Питт.

– Как угодно, мистер Питт, – спокойно ответствовал Аммар. Но, поразмыслив, он приподнял одну бровь. – Вы случайно не родственник сенатора Джорджа Питта?

– Я не вращаюсь в политических кругах.

– Но вы его знаете. Да и я отчетливо вижу внешнее сходство. Вероятно, вы его сын?

– Вы хотите обсудить мои родственные связи? Тогда я, пожалуй, вас оставлю. Мы только что открыли бутылку чертовски хорошего шампанского, и сейчас мои друзья ее приканчивают, а я вынужден вести с вами светские беседы под дождем.

Аммар расхохотался. Этот человек не переставал его удивлять.

– У вас есть кое-что принадлежащее мне. Я бы хотел получить это, причем в исправном состоянии.

– Вы говорите о вертолете без опознавательных знаков?

– Конечно.

– Ищите и обрящете. Если он вам так нужен, пойдите и заберите его.

Аммар в нетерпении сжимал и разжимал кулаки. Все шло не так, как ему хотелось. Поэтому он вкрадчиво проговорил:

– Если вы не отдадите мне вертолет, кое-кто из моих людей, возможно, умрет, но также умрете вы и ваш отец.

Питт и глазом не моргнул.

– Вы забыли внести в ваш список Галу Камиль, а также президентов Хасана и Де Лоренцо. Не вижу ни одной причины, почему бы не включить туда и вас. Вы станете прекрасным удобрением для местной флоры.

Аммар смотрел на Питта, стараясь подавить нарастающую в душе ярость.

– Я не могу понять вашего глупого упрямства. Что вы выиграете, пролив кровь?

– Избавлю мир от мерзавцев вроде вас, – резко ответил Питт. – Вам больше не удастся безжалостно и бессмысленно убивать женщин, детей и заложников, которые не могут дать вам отпор. Террор остановится здесь. Меня не связывают никакие законы, кроме моих собственных. За каждого убитого вами нашего человека мы убьем пятерых ваших.

– Я пришел сюда не для того, чтобы обсуждать политические противоречия, – повысил голос Аммар, все еще пытаясь сдержать рвущийся наружу гнев. – Скажите, вертолет поврежден?

– Что вы! На нем нет ни царапины. Могу добавить, что ваши пилоты все еще живы. Это вас обнадеживает?

– С вашей стороны было бы разумней сложить оружие и отдать мне вертолет и его команду.

– Ха-ха-ха!

Аммар был потрясен. Он ни минуты не сомневался, что ему удастся запугать Питта, и теперь он был крайне разочарован явной неудачей.

– Сколько у вас людей? – холодно полюбопытствовал он. – Четверо? Пятеро? Наше численное превосходство – восемь к одному.

Питт кивнул на тела, лежащие возле стены.

– Мне кажется, что изрядную часть вашего отряда составляют покойники. – Потом, будто что-то вспомнив, он добавил: – Да, пока я не

забыл. Могу дать вам слово чести, что мы пальцем не тронем ваш вертолет. Он ваш со всеми потрохами, если только вы сумеете его взять. Если же вы причините вред хотя бы одном заложнику, я без промедления взорву его, ко всем чертям. Это единственное, о чем вы можете со мной договориться.

– Это ваше последнее слово?

– Совершенно верно.

В этот момент на Аммара снизошло озарение, и он поспешил поделиться своим открытием.

– Это ты! – брызгая слюной, завопил он. – Ты привел сюда американских спецназовцев!

– Мне просто повезло, – честно признался Питт. – После того как я нашел затонувший контейнеровоз «Генерал Браво» и потерянный рулон пластика, все стало на свои места.

В течение минуты Аммар не мог произнести ни слова, потом все же пришел в себя:

– Вы приуменьшаете силу своего интеллекта, мистер Питт. Могу признать, что койот перехитрил лису.

– А вот вы себе льстите, мистер Аммар, – в тон ему отвечал Питт. – Быть может, вы имели в виду не лису, а личинку мухи?

Глаза Аммара сузились.

– Я лично убью тебя, Питт, – прошипел он, – и, уверяю тебя, получу большое удовольствие, видя, как твое тело будет разорвано на куски. Что ты на это скажешь?

В глазах Питта не было ни ярости, ни ненависти. Он взирал на Аммара с удивлением и отвращением. Примерно таким взглядам смотрят на кобру за стеклом террариума.

– Передайте мои приветы Бродвею, – сказал он, повернулся к Аммару спиной и не спеша направился к двери дробилки.

Кипящий от гнева Аммар отбросил белый флаг и направился в противоположном направлении. По пути он незаметно вытащил из кармана свой американский полуавтоматический девятимиллиметровый «Ruger P-85».

Резко развернувшись, он сорвал маску, принял классическую позу для стрельбы, держа «ругер» двумя руками, и, как только увидел в прицеле спину Питта, шесть раз подряд нажал на спусковой крючок.

Он видел, как пули впились в лыжную куртку, оставляя на ней неровные дыры, и как человек, которого в данный момент он ненавидел больше всех на свете, споткнулся и налетел на стену здания.

Аммар ждал, чтобы Питт упал. Его противник, он знал это совершенно точно, был уже мертв, но все же ему хотелось видеть его поверженным наземь.

60

Прошло совсем немного времени, и Аммар понял, что Питт ведет себя совсем не так, как ему хотелось.

Прежде всего он не упал на землю бездыханным. Вместо этого он обернулся, и Аммар увидел на его лице улыбку – улыбку самого дьявола.

Выругавшись, Аммар осознал, что его перехитрили. Очевидно, Питт ожидал трусливой атаки в спину и защитил ее пуленепробиваемым жилетом, которого не было видно под мешковатым лыжным костюмом.

Парализованный шоком, Аммал увидел, что рука в перчатке, видневшаяся из рукава лыжной куртки, была ненастоящей. Старый трюк, но какой действенный! Из-под куртки появилась настоящая рука, сжимавшая кольт сорок пятого калибра.

Аммар снова поднял «ругер», но Питт выстрелил первым.

Одна пуля угодила Аммару в правое плечо и отбросила его в сторону. Вторая размозжила подбородок и нижнюю челюсть. Третья раздробила запястье – Аммар как раз поднял руку, чтобы защитить лицо. Четвертая прочертила глубокую борозду на лице.

Аммар покатился по гравию и упал на спину. Он уже не слышал оружейных выстрелов и свиста пуль, не знал, что Питт, целый и невредимый, успел проскочить в дверь дробилки еще до того, как террористы открыли огонь.

Он только почувствовал, что Ибн-Тельмук подхватил его под руки и куда-то тащит, как оказалось, в безопасное место – за массивную стальную емкость для воды. Он нащупал пальцами руку Ибн-Тельмука и цепко ухватил его за плечо.

– Я тебя не вижу, – прошептал он.

Тот нашел в висящем на поясе мешке индивидуальный пакет и начал бинтовать изуродованное лицо друга.

– Аллах и я позаботимся о тебе, – сказал он.

Аммар закашлялся, харкнул кровью и прохрипел:

– Я хочу, чтобы этот дьявол, Дирк Питт, и все заложники были немедленно уничтожены.

– Атака уже началась, – ответил Ибн-Тельмук, – им осталось жить считаные минуты.

– Если я умру... убей Язида.

– Ты не умрешь.

Аммар снова закашлялся и не сразу сумел заговорить:

– Неважно... Американцы, наверное, теперь уничтожат вертолет. Но ты должен найти способ выбраться с острова. Оставь, прошу тебя, оставь меня. Это моя последняя просьба.

Не говоря ни слова, Ибн-Тельмук поднял Аммара на руки и понес прочь с поля боя.

Когда он заговорил, его голос был хриплым, но звучал мягко, почти нежно:

– Крепись, Сулейман Азиз. Мы вернемся в Александрию вместе.

* * *

Питт успел проскочить в дверь, выдернуть два пуленепробиваемых жилета, закрепленных на спине, надеть один из них и отдать Джордино второй, когда террористы открыли яростный огонь. На деревянные стены обрушился град пуль.

– Жилет теперь совсем испорчен, – посетовал Питт, вжимаясь в пол.

– Ты бы уже стал грудой мертвой плоти, если бы он выстрелил тебе в грудь, – сказал Джордино, пытаясь лежа натянуть жилет. – Откуда ты знал, что он станет стрелять в спину?

– У него зловонное дыхание и глаза как бусинки.

Финдли начат перебегать от окна к окну, бросая в каждое гранату.

– Они здесь! – выкрикнул он.

Джордино перекатился по дощатому полу и открыл огонь, прячась за тачкой, полной руды. Питт поднял «томпсон» как раз вовремя, чтобы остановить двоих террористов, каким-то чудом забравшихся в разрушенный боковой офис.

Армия Аммара осаждала здание со всех сторон. Яростные атаки не прекращались ни на минуту. Террористы, казалось, были везде. В резкий треск малокалиберных АК-74, которыми были вооружены

террористы, вплетался громкий голос принадлежавшего Питту «томпсона» и глухое уханье винтовки Финдли.

Джордино прикрывал отход Питта и Финдли до тех пор, пока все трое не оказались под не слишком надежной защитой сооруженного ими форта. Террористы были весьма удивлены, не увидев противников, выходящих с поднятыми руками и молящих о снисхождении. Ворвавшись в здание, они ожидали моментально подавить засевшую там горстку людей своей численностью, а вместо этого попали под огонь «форта» и были вынуждены сами искать укрытие.

Питт, Джордино и Финдли отбили первую волну. Но арабы были фанатично храбры. Следующей атаке предшествовал интенсивный огонь и взрывы нескольких гранат – своего рода артиллерийская подготовка.

Тела погибших устилали пол, и арабы укрывались от пуль за трупами своих товарищей. Картина была ужасающей: свист пуль, грохот гранат, крики и проклятия на двух языках. Здание содрогалось. Пули и осколки высекали искры из металла. Воздух был наполнен запахом гари и пороха.

Кое-где уже виднелись языки пламени, но этот факт был проигнорирован обеими сторонами. Брошенная Джордино граната начисто снесла хвостовой винт вертолета. Но, лишившись последней надежды на спасение, арабы, вопреки всякой логике, усилили натиск.

Старый автомат Питта выплюнул последнюю пулю и затих. Дирк отбросил пустой барабан и поставил новый – последний. Им владела холодная решимость, какой он никогда не чувствовал раньше. Он, Джордино и Финдли, даже попав в отчаянное положение, не собирались выбрасывать белый флаг. Они уже миновали точку, за которой нет ни возврата, ни страха смерти. Они сражались за жизнь и были намерены идти до конца.

Арабские террористы трижды оказались отброшенными и трижды снова бросались вперед, не обращая внимания на убийственный огонь. Их уже осталось совсем немного, но тем не менее они снова бросились в самоубийственную атаку, сжимая кольцо вокруг защитников «форта».

Арабы не понимали свирепой ярости своих противников, не могли постичь, почему они до сих пор не сдались, по какой причине готовы умереть. Ведь общеизвестно, что американцы сражаются, только чтобы жить.

От дыма у Питта сильно слезились глаза – по щекам струились слезы. Дробильная установка, под защитой которой он находился, сильно вибрировала. Пули рикошетили от металлических поверхностей, словно

стая разозленных ос. Четыре пули разорвали рукав куртки и содрали кожу на руке.

Арабы бесстрашно бросились на штурм и начали преодолевать поспешно построенные баррикады. Стрельба понемногу стихла – две группы людей сошлись в рукопашной схватке.

Финдли, получив две пули в бок, упал, но, стоя на коленях, весьма успешно орудовал своей винтовкой как бейсбольной битой, сбивая противников с ног.

Джордино, неоднократно раненный, крушил врагов зажатым в правой руке увесистым куском руды. Левая рука свисала плетью после ранения в плечо.

Выстрелив последний патрон, Питт ударил автоматом в лицо неожиданно материализовавшегося рядом араба. Выхватив из-за пояса кольт", он стал пускать пулю за пулей в любую фигуру, выступавшую из дыма. У него сильно саднило шею, – очевидно, там тоже была рана. Патроны в кольте очень быстро закончились, и Питт стал орудовать тяжелым пистолетом как маленькой дубинкой. Он уже почувствовал горький вкус поражения.

Реальности больше не существовало. У Питта было ощущение, словно он наяву попал в жуткий ночной кошмар. Очередная граната взорвалась настолько близко, что Питт на какое-то время оглох. Откуда-то сверху на него свалилось тело, сбило его с ног и отбросило в сторону.

Питт ударился о стальную трубу и почувствовал, как в голове взорвался огненный шар. А потом накатила теплая волна и поглотила его.

61

Спецназовцы приземлились неподалеку от небольших холмов, образованных рудными отходами, которые скрыли их приближение к шахте. Они быстро вышли на исходные позиции и остановились в ожидании приказа двигаться вперед. Снайперы тоже заняли позиции и теперь наблюдали за происходящим на шахте через прицелы.

Холлис и Диллинджер забрались на вершину одного из холмов и стали осматривать место действия. Зрелище было безрадостным и больше всего напоминало братскую могилу.

Заброшенная шахта и сама по себе выглядела не слишком привлекательно, а на фоне голых, лишенных растительности гор и проливного дождя и вовсе представлялась весьма уместной для организации массовой бойни. Унылое, серое небо словно опускалось на разрушающиеся строения, и спецназовцам на мгновение показалось, что они попали на другую планету, где уже давно нет жизни.

Стрельба прекратилась. Два здания горели, и черный дым не поднимался в небо, а пеленой стлался по земле. У одного из зданий Холлис насчитал семь мертвых тел.

– Не хочется быть пессимистом, – сказал он, – но мне все это очень не нравится.

– Никаких признаков жизни, – подтвердил Диллинджер, изучая окрестности в маленький, но мощный бинокль.

Холлис еще пять минут рассматривал здания, потом тихо проговорил в микрофон:

– Вперед, ребята!

– Одну минуту, полковник, – раздался голос в наушниках.

– Подождите, парни.

– Это сержант Бейкер, сэр. Я нахожусь на правом фланге. У меня здесь пять неизвестных, они подходят по железнодорожной колее.

– Вооружены?

– Нет, все подняли руки вверх.

– Очень хорошо. Окружите их. Будьте осторожны, это может оказаться ловушкой. Майор Диллинджер и я сейчас подойдем.

Холлис и Диллинджер шли вдоль отвалов рудных отходов до тех пор, пока не наткнулись на узкоколейку, после чего пошли по ней в сторону фьорда. Пройдя семьдесят метров, они различили в дождевой пелене несколько человеческих фигур.

Появившийся сбоку сержант Бейкер доложил:

– У нас заложники и один террорист, полковник.

– Вы спасли заложников?! – воскликнул Холлис – Всех четверых?

– Да, сэр. Они очень измучены, но, в общем, в полном порядке.

– Отлично, сержант! – сказал полковник и с чувством потряс ему руку.

Оба офицера запомнили лица двоих президентов и Генерального секретаря ООН еще во время полета из Виргинии. А лицо сенатора Питта им было хорошо знакомо по газетам. Они поспешили вперед и с большим облегчением узнали четверых заложников.

Оба были нимало удивлены, обнаружив, что пленный террорист не кто иной, как Руди Ганн.

Сенатор Питт сделал шаг вперед и пожал руку Холлису, которого ему представил Руди.

– Если в вы знали, как мы рады вас видеть, полковник, – улыбаясь, проговорил он.

Гала обняла Холлиса, ее примеру последовали президенты Хасан и Де Лоренцо. Затем настала очередь Диллинджера, который покраснел как помидор.

– Может быть, вы расскажете, что происходит? – спросил Холлис у Руди Ганна.

Получив возможность сказать офицерам все, что он думал, Руди испытал некое мрачное удовлетворение.

– Похоже, вы доставили нас в самое удачное место, полковник. Мы обнаружили здесь два десятка террористов, а также спрятанный вертолет, на котором они намеревались покинуть остров. Вы не посчитали нужным снабдить нас связью, поэтому Питт, чтобы предупредить вас, пустил с горы поезд, который потом свалился во фьорд.

Диллинджер понимающе кивнул:

– Наличие вертолета объясняет, почему египетские террористы покинули судно, бросив мексиканцев на произвол судьбы.

– А поезд был готов доставить их с берега к шахте.

– Вы вчетвером вступили в схватку с сорока террористами? – недоверчиво спросил Диллинджер.

– Питт и остальные довольно уверенно сдерживали арабов, а меня отправили спасать заложников.

– И это при перевесе сил десять к одному! – констатировал Холлис.

– У них неплохо получалось, когда я уходил, – воинственно заявил Ганн.

Холлис и Диллинджер переглянулись.

– Пожалуй, нам лучше посмотреть, что там.

Вперед выступил сенатор Питт:

– Полковник, Руди сказал, что в шахте остался мой сын. Я пойду с вами.

– Извините, сенатор, но я не Могу вам этого разрешить. Сначала мы должны убедиться, что район безопасен.

Ганн обнял пожилого человека за плечи:

– Я обо всем позабочусь, сенатор. Не волнуйтесь о Дирке. Он нас всех переживет.

– Спасибо, Руди. Поверь, я очень ценю твою доброту.

Холлис не разделял уверенности Ганна.

– Чудес не бывает, – шепнул он Диллинджеру. – Их всех уже давно нет в живых.

Диллинджер понуро кивнул:

– Бессмысленно надеяться, что им удалось устоять против сорока обученных террористов.

Холлис отдал приказ, и его люди бесшумно, словно призраки, двинулись вперед. По мере приближения к зданию дробилки количество трупов стало угрожающим. На дороге и у стен в позах сломанных кукол лежало тринадцать мертвых тел.

Стены здания были изрешечены сотнями пулевых отверстий и более крупных пробоин – результатов взрывов гранат. Ни одно стекло не осталось в целости. Все входные двери превратились в груды щепок.

Холлис и пять человек осторожно проникли в здание через дыры в стенах, а Диллинджер и его команда прошли там, где когда-то был главный вход. В нескольких местах виднелись возгорания, но они еще не успели слиться воедино в один большой пожар.

На полу обнаружилось около двух дюжин мертвых тел, несколько трупов лежало перед дробильной установкой. Вертолет же на фоне всеобщей разрухи выглядел совершенно целым, он всего лишь лишился своего хвостового винта.

Среди этой кровавой бани три человека были еще живы. Их покрывали кровь и копоть, их одежда превратилась в лохмотья, но они были живы, и это главное. Один из них лежал на полу, его голова покоилась на коленях другого, рука которого была подвязана к шее грязной тряпкой. Еще один стоял, согнувшись и покачиваясь, явно пытаясь выпрямиться. Из ран на ноге, шее и голове струилась кровь.

Только приблизившись, Холлис наконец узнал человека, стоявшего перед ним. Узнал и остолбенел. Полковник был человеком рациональным и не видел объективных возможностей для того, чтобы трое вполне штатских людей уцелели в такой схватке.

Спецназовцы собрались вокруг, восхищенно взирая на победителей. Один лишь Руди Ганн радостно улыбался. Он был искренне, неподдельно счастлив. Холлис и Диллинджер стояли молча. Они не могли найти подходящих слов.

Дирку Питту все же удалось выпрямиться в полный рост, он разлепил губы и сказал:

– Вы немного опоздали, парни. Тут уже нечего делать.

Часть четвертая

РИМСКИЙ ЦИРК СЭМА

Вашингтон, округ Колумбия,

27 октября 1991 года

62

Дейл Николс и Мартин Броган ожидали на ступеньках Белого дома, пока президент выйдет из вертолета и пройдет по обширной лужайке.

– У вас есть что-нибудь для меня? – спросил президент после обмена рукопожатиями.

Николс не смог сдержать радостного возбуждения:

– Мы только что получили сообщение от генерала Доджа. Его спецназовцы захватили «Леди Флэмборо» на юге Чили. Сенатор Питт, Гала Камиль, президенты Хасан и Де Лоренцо спасены.

Лицо президента просветлело. Он даже позабыл об усталости после беспрерывных совещаний с канадским премьер-министром в Оттаве, откуда только что прибыл.

– Это действительно замечательная новость, – сказал он. – Слава богу! В ходе операции были жертвы?

– Два спецназовца легко ранены, но троим парням из НУМА досталось по полной программе, – сказал Броган.

– Там были люди из НУМА?

– Дирк Питт на одном из кораблей НУМА шел по следу «Леди Флэмборо». Именно он и еще три человека помешали террористом скрыться вместе с заложниками.

– Иными словами, он помог спасти своего отца?

– Ему принадлежит основная заслуга в успехе операции. Президент радостно потер руки:

– Уже почти полдень, господа. Почему бы нам не отметить это событие бутылочкой вина за ланчем? Вы расскажете мне все подробности.

Государственный секретарь Дуглас Оутс, советник президента по национальной безопасности Алан Мерсьер и Юлиус Шиллер тоже приняли участие в ланче. После десерта Алан Мерсьер раздал присутствующим копии отчета генерала Доджа.

Читая отчет, президент нервно вертел в руке вилку, когда же он поднял глаза, на его лице отразилась смесь удивления и торжества.

– Топильцин!

– Он завяз в этом деле по уши, – подтвердил Броган. – Топильцин предоставил судно для замены круизного лайнера и свою команду террористов.

– Значит, в деле похищения «Леди Флэмборо» он вступил в сговор со своим братом, – уверенно проговорил президент.

Николс кивнул:

– Факты указывают на это, но добыть неопровержимые доказательства будет очень сложно.

– Есть идеи относительно того, кто разработал и возглавил операцию?

– Да, – коротко ответил Броган. – Только у нас очень мало данных об этом человеке. Его зовут Сулейман Азиз Аммар. Здесь все, чем мы располагаем о нем. – Он протянул президенту тонкую папку. – Он загримировался под капитана судна во время его захвата, а потом надел маску, которую не снимал до самого конца. Позже Дирк Питт встретился с ним лицом к лицу во время переговоров, предшествовавших сражению. Он сам назвал свое имя – Сулейман Азиз Аммар.

– Странно, с чего бы этому Аммару называть свое настоящее имя, – удивился Шиллер. – Должно быть, он его только тогда и придумал.

Броган покачал головой:

– Имя вполне реальное, такой человек действительно существует. У нас есть на него некоторые данные, у Интерпола тоже. Аммар, скорее всего, не сомневался, что Питту остаюсь жить недолго, поэтому он ничего не терял, называя свое имя.

Глаза президента сузились.

– По вашим данным, он подозревается в убийстве более пятидесяти государственных деятелей. Разве это возможно?

– Сулейман Азиз Аммар считается одним из лучших в своей профессии.

– То есть террорист?

– Убийца, – поправил президента Броган. – Аммар специализируется на политических убийствах. Исключительно хладнокровен, гений маскировки и тщательного планирования. Как поется в известной песне, никто не делает этого лучше. Больше половины его преступлений выполнены просто идеально. Он мусульманин, но его нанимали немцы, французы и даже израильтяне. Очень высокооплачиваемый наемник. Сколотил изрядное состояние.

– Его поймали?

– Нет, сэр, – был вынужден признать Броган. – Его не обнаружили ни среди живых, ни среди мертвых.

– Он сумел сбежать? – Президент был неприятно удивлен.

– Даже если Аммар до сих пор жив, – заверил президента Броган, – он не мог уйти далеко. Питт считает, что ранил его по меньшей мере трижды. Сейчас на острове идут поиски. Выбраться оттуда все равно нельзя. Его найдут в течение нескольких ближайших часов.

– Мы бы оказались в большом выигрыше, если бы смогли заставить его заговорить, – сказал Николс.

– Генерал Додж уже предупредил своего полевого командира полковника Мортона Холлиса о необходимости взять Аммара живым. Но полковник считает, что, будучи загнанным в угол, этот человек застрелится.

Николс пожал плечами:

– Возможно, Холлис прав.

– Из террористов еще кто-нибудь уцелел? – спросил Броган а президент.

– Восьмерых мы допросили. Но они оказались платными наемниками Аммара и не входили в число фанатиков Язида.

– Нам понадобятся их показания, – без особого энтузиазма проговорил президент, – чтобы доказать: Аммар работал на Язида и Топильцина.

Шиллер не считал неудачей операции то обстоятельство, что главарь не схвачен.

– Взгляните на светлую сторону, господин президент. Судно и заложники спасены, никто не пострадал. Президент Хасан отлично знает, что Язид хотел его смерти и что именно он стоит за похищением. Теперь он отомстит Язиду.

Президент задумчиво взглянул на Шиллера, потом поочередно всмотрелся в лица каждого из присутствующих.

– Вы все так думаете, господа?

– Юлиус хорошо знает Хасана, – сказал Мерсьер. – Он может быть весьма опасным, если его как следует разозлить.

Даг Оутс кивнул, соглашаясь:

– Конечно, всего не предусмотришь, но думаю, Юлиус в основном прав. Возможно, Хасан не зайдет слишком далеко и не пойдет на риск, чтобы не вызвать бунта или даже революцию, арестовав Язида и обвинив его в предательстве. Но он наверняка сделает все, чтобы уничтожить доверие к Язиду.

– Язиду придется нелегко, – подтвердил Броган. – Египетские мусульманские фундаменталисты придерживаются умеренных позиций и не одобряют тактику террора. Они отвернутся от Язида, а парламент страны поддержит законного президента. Кроме того, полагаю, что военные наконец выберутся из своей башни из слоновой кости и подтвердят лояльность Хасану.

Президент сделал последний глоток вина и поставил стакан на стол.

– Должен признаться, мне нравится ход ваших рассуждений.

– Кризис в Египте далек от завершения, – предостерег Оутс – Язид, может быть, на некоторое время и окажется в стороне, но в отсутствие президента Хасана мусульманское братство фундаменталистов-фанатиков заключило союз с либеральной и социалистической рабочей партиями. Вместе они смогут тайно вредить Хасану и в итоге вернуть Египет к исламским законам, прекращению связей с Соединенными Штатами и ликвидации израильских мирных соглашений.

Президент повернул голову к Шиллеру:

– Вы подписываетесь под нарисованной Дагом картиной светопреставления, Юлиус?

– Да, – мрачно кивнул Шиллер.

– Мартин?

Выражение лица Брогана говорило само за себя.

– Неизбежное только отсрочено. Со временем правительство Хасана все равно падет. Сегодня у него есть поддержка военных, а завтра он вполне может ее лишиться. Наши ведущие аналитики в Лэнгли предсказывают относительно бескровную смену власти через восемнадцать – двадцать месяцев.

– Я голосую зг выжидательную позицию, господин президент, – сказал Оутс, – с одновременным изучением наших возможных взаимоотношений с другим исламским правительством.

– Вы предлагаете изоляционистский подход, – резюмировал президент.

– Возможно, нам пора занять именно такую позицию, – поддержал Оутса Шиллер. – Ведь ни одна из мер, предпринятая вашими предшественниками за последние двадцать лет, не оказалась действенной.

– Русские тоже не станут вмешиваться, – добавил Николс, – а мы сможем утешаться тем, что не позволили Полу Капестерре, или Ахмеду Язиду, довести дело до катастрофы, как это случилось в Иране. Он сделал бы все от него зависящее, чтобы минимизировать наши интересы на Ближнем Востоке.

– Я не вполне согласен в общей картиной, – сказал Броган, – но в оставшееся время мы еще можем успеть вырастить нового правителя Египта.

– Кого вы имеете в виду? – полюбопытствовал президент.

– Египетского министра обороны Абу Хамила.

– Вы считаете, что именно он станет во главе нового правительства?

– Когда придет время, безусловно, – пояснил Броган. – Его конечно же поддержат военные, и, кроме того, он имеет все основания рассчитывать на поддержку умеренных мусульманских фундаменталистов. По моему мнению, Абу Хамид будет на своем месте.

– Абу Хамид будет активно использовать те биллионы долларов, которые мы уже вложили в Египет, – пробормотал Оутс с улыбкой. – Он не принадлежит к людям, заглядывающим в зубы дареному коню. Конечно, он будет создавать шум, которого от него ждут религиозные фанатики, обвиняя Израиль и ругая Соединенные Штаты, но под слоем пустых разговоров он станет поддерживать с нами дружеские отношения.

– А тот факт, что он в добрых отношениях с госпожой Камиль, нам тоже не повредит, – добавил Николс.

Президент задумался, глядя в свой стакан с вином словно это был хрустальный шар. Потом поднял его.

– За дружеские отношения с Египтом!

– За дружбу, – хором сказали Мерсьер и Броган.

– За Египет, – провозгласил Оутс.

– И Мексику, – добавил Шиллер.

Президент взглянул на часы и встал. За ним поднялись все участники совещания.

– Извините, господа, но я вынужден вас покинуть. У меня встреча с группой охотников за сокровищами. Поздравьте и поблагодарите от моего имени всех участников спасательной операции. – Он сделал шаг в сторону двери, но по дороге обернулся к Оутсу: – Я хочу видеть вас и сенатора Питта, как только он вернется.

– Вы хотите узнать, о чем он сумел договориться с президентом Хасаном во время их вынужденного пребывания вместе?

– Я бы хотел услышать, что он узнал от президента Де Лоренцо относительно кризиса у наших южных границ. Египет в сравнении с Мексикой имеет для нас второстепенное значение. Мы можем спокойно пережить тот факт, что Ахмед Язид на некоторое время будет отправлен на скамейку запасных, но Топильцин продолжает оставаться реальной угрозой. Джентльмены, сконцентрируйте на нем свое внимание. Да поможет нам Бог, если мы не сумеем стабилизировать обстановку в Мексике.

63

Питт медленно, нехотя выплывал из черных глубин небытия на ярко освещенную поверхность сознания, а вернувшись, тут же почувствовал сильную боль. Он попытался вернуться обратно в милосердный мрак, но непроизвольно моргнул и открыл глаза. А значит, обратной дороги не было. Первое, что он увидел, было румяное, улыбающееся лицо.

– Так-так-та-ак, – жизнерадостно возвестил старший помощник Фини, – с возвращением! Я немедленно доложу капитану.

Когда Фини вышел, Питт, не поворачивая головы, скосил глаза и обнаружил маленького лысого человечка, сидящего на стуле возле его постели. Судовой доктор, вспомнил Питт, но его имя вылетело из головы Дирка.

– Просите, ради бога, доктор, но я не могу вспомнить ваше имя.

– Генри Уэбстер, – заулыбался человечек. – Если же вы не знаете, где находитесь, могу сообщить: вы в самых лучших апартаментах «Леди Флэмборо», которую в данный момент «Саундер» буксирует к Пунта-Аренас.

– Сколько времени я был без сознания?

– Пока вы беседовали с капитаном Холлисом, я занимался вашими ранами. Сразу же после окончания разговора я дал вам сильный седативный препарат. Вы спали около двенадцати часов.

– Неудивительно, что я умираю от голода.

– Я позабочусь, чтобы наш шеф-повар прислал вам что-нибудь особенное.

– А как дела у Джордино и Финдли?

– Воистину достойно восхищения то, что вы спрашиваете о ранах ваших друзей раньше, чем о своих. Джордино – парень крепкий. Я вынул из него четыре пули, слава богу, жизненно важные органы не задеты. К новогодней вечеринке он уже будет готов плясать. У Финдли положение серьезнее. Пули пробили правое легкое и почку. Я сделал для них все что смог здесь, на корабле, потом их вертолетом доставили в Пунта-Аренас, а оттуда – в Вашингтон. Финдли прооперируют лучшие специалисты по пулевым ранениям Медицинского центра Уолтера Рида. Если не будет осложнений, с ним все будет в порядке. Между прочим, ваш друг Руди Ганн решил, что нужен им больше, чем вам, и полетел вместе с ними.

Прежде чем Питт сумел вставить слово, доктор ловко сунул ему в рот градусник, извлек его обратно, прочитан показания и удовлетворенно кивнул:

– Что ж, мистер Питт, могу отметить, что вы идете на поправку. Как самочувствие?

– Как вам сказать… Думаю, триатлон мне сейчас был бы не под силу. Что же касается остального, если не считать шума в голове и жжения в области шеи, я в порядке.

– Вы счастливый человек. Ни одна из пуль не задела ни костей, ни внутренних органов, ни артерии. Я заштопал вам ногу и шею или, если быть более точным, трапециевидную мышцу. И наложил шов на порез на щеке. Позже пластический хирург уберет шрам, если, конечно, вы не сочтете, что он добавит вам привлекательности. Рентген не показал ни одного перелома, даже трещин нет. По моим прогнозам, не пройдет и трех месяцев, как вы будете плавать в Английском канале и играть на скрипке.

Питт расхохотался и сразу почувствовал, как со всех сторон подступила боль. Веселая улыбка Уэбстера сменилась искренним участием.

– Мне очень жаль. Боюсь, я не должен был вызывать у пациента слишком бурную реакцию.

Питт расслабился, и боль вскоре стихла. Ему нравился английский юмор. Он снова рассмеялся, правда соблюдая осторожность, и взглянул на Уэбестера с нескрываемым уважением. Он не сомневался, что доктор, несмотря на свою сдержанность, изрядно потрудился над ним.

– Если можно, – сказать Питт, – я бы хотел получить счет.

Теперь настала очередь доктора смеяться.

– Не сейчас, не хочу, чтобы моя кропотливая работа пошла насмарку.

Питт осторожно сел и протянул доктору руку:

– Я очень благодарен вам, доктор, за то, что вы сделали для всех нас.

Доктор встал и крепко пожал протянутую руку.

– Для меня большая честь, мистер Питт, лечить вас. Ну я ухожу. Вы сейчас самая популярная личность на корабле, и за дверью уже выстроилась целая очередь посетителей.

– До свидания, доктор, и еще раз спасибо.

Уэбстер подмигнул и слегка поклонился пациенту, потом открыл дверь и знаком пригласил стоявших там людей войти.

Первым порог переступил сенатор Питт, за ним шли Гала Камиль, полковник Холлис и капитан Коллинз. Мужчины обменялись рукопожатиями, а Гала наклонилась и поцеловала Питта.

– Надеюсь, вам понравилось обслуживание на нашем судне? – весело поинтересовался капитан Коллинз.

– Мне никогда еще не приходилось лежать в таком роскошном госпитале, – ответил Питт. – Жаль только, что я не смогу поваляться здесь еще месяц-другой.

– К сожалению, ваше присутствие уже завтра необходимо на севере, – сообщил Холлис.

– О нет! – простонал Питт.

– О да, – сказал сенатор, глядя на часы. – Через девяносто минут «Саундер» дотянет нас до Пунта-Аренас. Там уже ждет самолет, на котором ты, я и мисс Камиль полетим в Вашингтон.

Питт беспомощно всплеснул руками:

– Вот и закончился мой роскошный круиз.

Затем последовал ряд стандартных вопросов, касающихся состояния и ощущений Питта. А через несколько минут Холлис задал вопрос, интересовавший его больше всего:

– Вы узнаете Аммара, если снова его увидите?

– Конечно! Неужели вы его так и не нашли? Я же дат вам подробнейшее описание, прежде чем доктор Уэбстер послал меня в нокаут.

Холлис передал ему маленькую стопку фотографий.

– Здесь снимки всех террористов, сделанные и проявленные судовым фотографом. Тут и убитые, и те, кого взяли живыми. Среди них есть Сулейман Азиз Аммар?

Питт внимательно просмотрел все фотографии, особое внимание уделяя искаженным лицам мертвых. Во время сражения все они казались ему безликими. Отложив последнюю фотографию, он отрицательно покачал головой:

– Его нет ни среди живых, ни среди мертвых.

– Вы уверены? – вздохнул Холлис – Смерть меняет человеческие лица.

– Я видел его так же близко, как вижу вас, причем в обстоятельствах, которые довольно трудно забыть. Поверьте мне на слово, полковник, Аммара среди этих людей нет.

Холлис извлек из конверта фотографию большего формата и без слов передал Питту.

Через несколько секунд Питт вопросительно взглянул на полковника.

– Что вы хотите от меня услышать?

– Это Сулейман Азиз Аммар?

Питт вернул фотографию.

– Вы прекрасно знаете, что это он, иначе в вы не предъявили мне его фото, сделанное в другом месте и в другое время.

– Полагаю, полковник Холлис хочет сказать, – вмешался сенатор, – что Аммара или его останки еще предстоит найти.

– Возможно, его люди спрятали тело? – предположил Питт. – Я уверен, что не промахнулся. Он получил одну пулю в плечо и две в лицо. Я видел, как один из террористов тащил его в укрытие, когда Аммар упал.

– Действительно, возможно, что его похоронили свои же, – признал Холлис – Мы прочесали все, но не обнаружили его на острове.

– Значит, лиса все-таки не дала себя перехитрить, – протянул Питт, обращаясь к самому себе.

– Что ты имеешь в виду? – не понял сенатор.

– Аммар говорил о койоте и лисе, – задумчиво сказал Питт. Потом оживился и оглядел своих слушателей. – Бьюсь об заклад, он сумел улизнуть. Вы со мной не согласны?

Холлис угрюмо взглянул на Питта:

– Лучше бы нам всем надеяться, что он мертв. А если нет, Дирк Питт возглавит его следующий список.

Гала подошла к изголовью кровати Питта, и он поневоле залюбовался легкостью и грациозностью ее движений. На ней было легкий шелковый халат золотистого цвета. Она присела на край кровати и обняла раненого за плечи.

– Дирк очень слаб, – сказала она. – Ему необходимо хорошее питание и отдых. Давайте оставим его на часок одного.

Холлис аккуратно убрал фотографии в конверт, положил конверт в карман и встал:

– Я должен попрощаться. Меня ждет вертолет. Я возвращаюсь на Санта-Инес продолжать поиски Аммара.

– Передайте мой теплый привет майору Диллинджеру.

– Непременно. – Холлис секунду помедлил, словно не мог на что-то решиться, потом глубоко вздохнул и заговорил: – Я приношу свои извинения, Дирк, вам и вашим товарищам. Вынужден признать, что недооценил вас. Если захотите перейти из НУМА в спецназ, я первым подпишу рекомендацию.

– Ну это вряд ли, – не задумываясь, ответил Питт, – у меня аллергия на получение приказов.

– Это я понял, – невесело усмехнулся Холлис – Демонстрация была очень наглядной.

Подошел сенатор и сжал руку Питта:

– Увидимся на палубе.

– Я тоже попрощаюсь с вами там, – сказал капитан Коллинз.

Гала не произнесла ни слова. Она проводила мужчин к выходу и закрыла за ними дверь на защелку. Потом медленно пошла обратно. Ее

шелковое одеяние мягко струилось по смуглому телу. Питт понял, что под легким шелковым покровом нет никакого белья.

Женщина подтвердила его догадку, развязав пояс халата и сбросив его с плеч. Питт услышал легкое шуршание шелка, соскальзывающего с гладкой кожи. Она на мгновение застыла, словно бронзовая статуя: совершенной формы грудь, длинные, стройные ноги, изящные бедра. Она наклонилась и потянула одеяло.

– Я вам кое-что должна, – чуть охрипшим голосом прошептала она.

Питт взглянул на свое отражение в зеркале, висящем на закрытой двери каюты. На нем не было никакой одежды – только бинты. Голова была забинтована, шея и раненая нога тоже. Он неделю не брился, а белки глаз были еще красными. По его мнению, он больше всего походил на рухлядь, за ненадобностью выброшенную на помойку, которую любая уважающая себя нищенка побрезгует подобрать.

– Я сейчас не слишком похож на Дон Жуана, – пробормотал он.

– Для меня ты самый красивый мужчина на свете, – шепнула Гала. Она легла рядом, положила легкую ладошку ему на грудь и стала перебирать длинными тонкими пальцами волосы на его груди. – Мы должны поторопиться. У нас меньше часа.

Питт издал глубокий, протяжный вздох. Интересно, что скажет доктор Уэбстер, если от перенапряжения у пациента разойдутся швы? Он преисполнился искреннего сочувствия к Джеймсу Бонду. Нелегко, должно быть, было парню.

* * *

Проснувшись, Аммар увидел непроглядную темноту. Плечо болело, словно кто-то засунул в рану горячий уголь. Он попытался поднять руки к лицу, но одна рука буквально взорвалась адской болью. Аммар сразу вспомнил, как одна пуля впилась ему в плечо, а другая раздробила запястье. Он прикоснулся здоровой рукой к лицу, и пальцы нащупали бинт, окутавший лицо от лба до подбородка.

Он знал, что глаза уже не спасти. А жизнь слепого не для него. Он пошарил рукой в поисках оружия, но не обнаружил ничего, кроме мокрых, холодных камней.

Аммар пришел в отчаяние. Впервые в жизни он почувствовал страх и полную беспомощность. Он попытался встать, но не смог.

Его удержали крепкие руки.

– Не двигайся и не кричи, Сулейман Азиз, – очень тихо проговорил Ибн-Тельмук. – Американцы нас ищут.

Аммар стиснул здоровой рукой руку товарища и обрел некоторую уверенность. Он попытался заговорить, но с членораздельной речью дела обстояли совсем плохо. Из-под окровавленных бинтов, поддерживающих раздробленную челюсть, вырвались только горловые звуки, больше напоминающие речь животных.

– Мы находимся в маленькой камере внутри одного из тоннелей шахты, – тихо сказал Ибн-Тельмук. – Американцы прошли очень близко, но мне хватило времени, чтобы соорудить стену, скрывшую наше убежище.

Аммар кивнул. Он лихорадочно соображал, каким образом дать понять Ибн-Тельмуку, что он хочет сказать.

Создавалось впечатление, что в экстремальных условиях его друг обрел дар телепатии. Он сумел проникнуть в мысли Аммара:

– Ты хочешь умереть, Сулейман Азиз? Нет, ты не умрешь. Мы уйдем отсюда вместе, но только тогда, когда это будет угодно Аллаху, и ни секундой раньше.

Аммара охватило отчаяние. Еще никогда в жизни ему не доводилось чувствовать себя таким беспомощным, неспособным контролировать ситуацию. Боль была нестерпимой, а мысль провести остаток дней своих слепым калекой в безопасности тюремной камеры, сжигала душу, лишала способности мыслить здраво. Инстинкт самосохранения его покинул. Он не мог и подумать, что ежедневно и ежечасно будет от кого-то зависеть, пусть даже от преданного Ибн-Тельмука.

– Отдохни, брат, – мягко сказал Ибн-Тельмук. – Тебе понадобятся все твои силы, когда настанет пора покинуть остров.

Аммар, сделав неловкое движение, сполз с импровизированной лежанки, устроенной для него заботливым другом, на пол тоннеля. Он был неровным и мокрым, и вода начала быстро проникать сквозь одежду. Однако терзавшая Аммара боль была такой сильной, что он даже не почувствовал этого.

Его все больше охватывало ощущение безысходности. Он потерпел неудачу, обернувшуюся катастрофой. Находясь на грани между бредом и реальностью, он увидел стоящего над собой и презрительно ухмыляющегося Ахмеда Язида. Потом где-то в потаенных глубинах разума Аммара появился занавес, который медленно раздвинулся. Сначала в кромешном мраке возникло слабое свечение, которое постепенно усилилось и взорвалось ослепительной вспышкой. В этот момент он увидел будущее.

Он выживет, потому что обязан отомстить.

Аммар снова и снова мысленно повторял эту фразу и сумел все-таки обрести самоконтроль.

Первое решение, которое следовало принять, кто умрет от его собственных рук: Язид или Дирк Питт. Он не мог действовать один. Теперь, к несчастью, он не имел физической возможности убить обоих ненавистных ему людей собственными руками. Но он уже начал обдумывать план. Ему придется доверить осуществление миссии возмездия Ибн-Тельмуку.

Последнее Аммару не нравилось, но выбора все равно не было.

Ибн-Тельмук убьет койота, а Аммар раздавит гадюку.

64

Питт наотрез отказался лететь домой, лежа на носилках. Он расположился в удобном кресле, положив раненую ногу на другое кресло, находящееся перед ним, и смотрел в иллюминатор на покрытые шапками снега вершины Анд. Вдали виднелись зеленые плато – это начинались бразильские нагорья. Через два часа он заметил в отдалении серую туманную дымку – за нею был скрыт чрезвычайно перенаселенный город Каракас. Потом Питт долго смотрел на линию горизонта, где бирюза Карибского моря встречалась с кобальтовой голубизной неба. С высоты двенадцать тысяч метров волнующаяся поверхность воды выглядела как лист гофрированной бумаги.

Лайнер, предоставленный ВВС для перевозки ВИП-пассажиров, не отличался внушительными размерами – Пи-пне мог в нем выпрямиться во весь рост, – но был вполне комфортабелен, пожалуй, даже роскошен. Питт чувствовал себя так, словно его посадили внутрь дорогой игрушки.

Его отец не был расположен болтать. Почти все время полета он работал – читал какие-то бумаги, делал заметки для предстоящего разговора с президентом.

Короткий диалог, происшедший между Питтом и отцом, беседой назвать было нельзя. На вопрос Питта, как тот оказался на борту «Леди Флэмборо» в Пунта-дель-Эсте, сенатор, не отрываясь от бумаг, коротко ответил:

– Президентское поручение.

Эти слова были произнесены таким тоном, чтобы пресечь возможность дальнейших расспросов.

Гала тоже занялась делами. В ее распоряжение был предоставлен телефон, и она вовсю раздавала указания своим помощникам в нью-йоркской штаб-квартире. Случайно встретившись взглядом с

Питтом, она слабо улыбнулась, больше ничем не проявив своего особого к нему отношения.

Как быстро они обо всем забывают, подумал Питт.

Мысленно он уже вернулся к поискам сокровищ Александрийской библиотеки. Одно время он подумывал отобрать на некоторое время у Галы телефон, чтобы получить от Йегера отчет о состоянии дел, но утопил свое любопытство в сухом мартини и учтивой болтовне с не очень симпатичной стюардессой. В конце концов, здраво рассудил он, новости можно будет услышать от Лили и Йегера лично.

По какой реке плыл Венатор, прежде чем захоронить свой бесценный клад? Это может быть любая из тысяч рек, впадающих в Атлантику между рекой Святого Лаврентия в Канаде до аргентинской Рио-де-ла-Плата. Нет, не совсем так. Йегер предположил, что «Серапис» вставал на ремонт и заправлялся водой на месте будущего Нью-Джерси. Неизвестная река должна быть южнее, намного южнее рек, впадающих в Чесапикский залив.

Мог ли Венатор завести свой флот в Мексиканский залив и оттуда вверх по Миссисипи? Сегодня реки текут совсем не так, как шестнадцать веков назад. Возможно, он зашел в Ориноко в Венесуэле, которая могла быть судоходной на протяжении двухсот миль. Или в Амазонку?

Питт поневоле подумал об иронии происшедшего. Если будут обнаружены спрятанные сокровища Александрийской библиотеки и, таким образом, доказан факт путешествия Венатора к берегам Америк, учебники истории придется переписывать и добавлять новые главы. Бедолаги Лейф Йриксон[48] и Христофор Колумб переместятся в примечания.

Его мысли были прерваны все той же стюардессой, предложившей пассажиру пристегнуть ремень.

Уже смеркалось, когда самолет начал долгое скольжение к военно-воздушной базе Эндрюс. Под крылом остался Вашингтон, и очень скоро Питт, прихрамывая, спускался по ступенькам трапа, опираясь на тросточку. Ее изготовили из куска алюминиевой трубы и подарили Питту механики «Леди флэмборо». Он сошел на летное поле примерно в том же самом месте, что и после прибытия с Гренландии.

Гала тепло попрощалась с Питтом. Ей предстояло лететь дальше – в Нью-Йорк.

– Вы мое самое драгоценное воспоминание.

– Мы так и не договорились о дате ужина.

– В следующий раз, когда вы будете в Каире, ужин за мной.

Сенатор, услышав последнюю фразу, подошел:

– Каир, мисс Камиль? Разве не Нью-Йорк?

Гала улыбнулась ему улыбкой, которой позавидовала бы Нефертити.

– Я решила уйти с поста Генерального секретаря ООН и вернуться домой. В Египте умирает демократия. Я могу сделать больше, чтобы не дать ей погибнуть, оставаясь в своей стране со своим народом.

– А как же Язид?

– Президент Хасан дал клятву посадить его под домашний арест.

На лице сенатора появилась мрачная улыбка.

– Вам следует соблюдать осторожность. Язид все еще силен и чрезвычайно опасен.

– Если не Язид, найдется другой маньяк, поджидающий с ножом в кустах. – В ее огромных черных глазах отразился страх, все еще живший в ее сердце, но она улыбалась. – Скажите вашему президенту, что Египет не станет нацией безумных фанатиков.

– Я непременно передам ему ваши слова.

Гала снова повернулась к Питту. Она начала влюбляться в этого человека, но усилием воли пыталась справиться с зарождающимся чувством. Взяв его за руки и взглянув в лицо, она почувствовала дрожь в коленях. На мгновение она представила себя прижавшейся к его мускулистому телу, вспомнила, как ее пальцы ласкали его загорелую, обветренную кожу. Опомнившись, она изгнала из головы крамольные мысли. С ним ей было хорошо, как ни с кем другим, но она знала, что никогда не сможет ради любви к мужчине позабыть свой долг перед родиной.

Она крепко поцеловала Питта:

– Не забывай меня, ладно?

Прежде чем Питт успел ответить, она отвернулась и легко взбежала по ступенькам трапа. А он еще долго стоял и задумчиво смотрел ей вслед.

Сенатор, почувствовавший настроение сына, счел необходимым направить его мысли в другое русло:

– За воротами ожидает машина «скорой помощи», чтобы отвезти тебя в госпиталь.

– Госпиталь? – безучастно повторил Питт, не сводя глаз с пассажирского люка самолета, который только что закрыли. Взревели двигатели, и авиалайнер начал выруливать к взлетной полосе.

Питт сорвал бинты с головы и бросил их на бетон. Подхваченные воздушным потоком, они закрутились, словно воздушные змейки.

И только когда самолет оторвался от земли, он решительно заявил:

– Я не поеду ни в какой госпиталь!

– Тебе не кажется, что ты немного перегибаешь палку? – участливо спросил сенатор, хотя отлично понимал, что зря теряет время, пытаясь убедить в чем бы то ни было своевольного сынка.

– Как ты доберешься до Белого дома? – спросил Питт.

Сенатор кивнул в сторону вертолета, ожидавшего немного в стороне:

– Президент послал за мной эту вертушку.

– Подбросишь меня до НУМА?

Сенатор искоса взглянул на сына. В глазах его светилось лукавство.

– Я надеюсь, это фигуральное выражение.

Питт ухмыльнулся:

– Ты никогда не давал мне забыть, от кого мне передалось садистское чувство юмора.

Сенатор обнял Питта за плечи:

– Пошли, сын, я помогу тебе добраться до вертолета.

Стоя в лифте, поднимающем его в компьютерный центр НУМА, Питт почувствовал знакомое напряжение. Первым, кого он увидел, когда раздвинулись двери, была Лили.

Ее радостная улыбка исчезла при виде усталого, измученного лица, шрама на щеке, бугрящегося под высоким воротом свитера бинта и самодельной трости. Справившись с собой, она снова улыбнулась:

– Добро пожаловать домой, моряк.

Лили сделала два шага вперед и порывисто обняла его за шею. Питт не сумел сдержать стона. Девушка отдернула руки и даже отпрыгнула:

– Ой, извини, пожалуйста!

Питт сжал ее в объятиях.

– Не стоит извиняться, – пробормотал он и впился губами в ее губы. Его щетина царапала кожу, от него пахло джином и еще чем-то восхитительно мужским.

– Мужчине, который появляется дома раз в неделю, необходимо кое-что узнать, – сказала она.

– Женщине, которая ждет, тоже, – ответил он и отступил назад. – Ну рассказывай, что вы с Хайремом тут накопали, пока меня не было.

– Лучше самого Хайрема этого никто не сделает, – сказала Лили, взяла Питта под руку и повела через компьютерный зал.

Йегер вышел из своего кабинета. Проигнорировав приветствия и сочувствие по поводу ран Питта, он торжественно объявил:

– Мы нашли ее!

– Реку? – переспросил Питт.

– Не только реку. Думаю, я могу указать место, где спрятаны сокровища, с точностью до двух квадратных миль.

– Где?

– В Техасе. Это маленький пограничный городок под названием Рома. – Йегер самодовольно улыбался, как тираннозавр, только что пообедавший бронтозавром. – Он назван так из-за семи холмов, на которых стоит, как и Рим. Есть сообщения об артефактах, якобы найденных в этом районе. Известные археологи, разумеется, подняли на смех эту информацию.

– Значит, река…

– По-испански она называется Рио-Браво, – сказал Йегер. – У нас она известна под названием Рио-Гранде.

– Рио-Гранде, – медленно повторил Питт, словно пытаясь распробовать каждый слог на вкус. После долгих и мучительных поисков, ошибок, предположений и тупиков ему было нелегко смириться с тем, что ответ оказался так близко.

– Жалко, – неожиданно заявил Йегер.

– Почему? – удивился Питт.

Йегер угрюмо покачал головой:

– Представляешь, что начнется в Техасе, когда его жители узнают, что находилось у них под ногами в течение шестнадцати веков?

В полдень следующего дня после приземления на авиабазе города Корпус-Кристи адмирал Сэндекер, Питт и Лили были доставлены в океанский исследовательский центр НУМА. Сэндекер велел водителю остановиться у вертолета, стоящего на бетонной площадке в конце причала. На небе не было ни единого облачка. Солнце сияло в вышине в полном одиночестве. Температура была невысокой, но из-за большой влажности все тут же вспотели, как только вышли из машины.

Главный геолог НУМА, направлявшийся к ним навстречу, еще издалека начал приветственно махать руками. Он был невысокого роста, коренастый, имел блестящие черные волосы и продубленную, коричневую кожу, испещренную на щеках оспинами. Самыми примечательными деталями его одежды была бейсболка с эмблемой «Калифорнийских ангелов» и оранжевая рубашка, настолько яркая, что Питт продолжат ее видеть, даже зажмурившись.

– Доктор Гарза, – коротко поздоровался Сэндекер, – рад видеть вас снова.

– Я вас ждал, – приветливо отозвался Гарза. – Мы можем взлететь, как только вы подниметесь на борт. – Затем он представил летчика Джо Миффлина, не снимавшего солнечные очки «Смеющийся Джек», и мимоходом дружески хлопнул по плечу Питта, который не выразил восторга от прикосновения к ране.

Питт и Гарза работали вместе над одним из проектов у западного побережья Южной Африки.

– Сколько лет назад это было, Херб? – спросил Питт. – Три года? Четыре?

– Зачем считать? – ухмыльнулся Гарза. – Я очень рад снова оказаться с тобой в одной команде.

– Позволь представить тебе доктора Лили Шарп.

Гарза вежливо поклонился:

– Вы океанолог?

– Нет, я сухопутный археолог.

Гарза с любопытством уставился на Сэндекера.

– Разве нам предстоит не морской проект, адмирал?

– Нет. Жать, что вы не получили полной информации, но, боюсь, наши истинные цели нам придется еще немного подержать в секрете.

Гарза безразлично пожат плечами:

– Вы босс – вам решать.

– Мне необходимо знать направление, – подал голос Миффлин.

– Юг, – ответил Питт, – Рио-Гранде.

Они спустились вдоль судоходного фарватера, пролетели над роскошными отелями и кондоминиумами острова Саут-Падре. Потом Миффлин провел зеленый вертолет с буквами «НУМА» на борту под скоплением белых облаков и повернул на запад к городу Порт-Изабель, где Рио-Гранде вливается в Мексиканский залив.

Земля внизу представляла странное смешение пустынь и болот. Она была плоской как площадка для парковки, а среди высокой травы росли причудливые кактусы. Вскоре показался город Браунсвилл. Неподалеку от него русло реки сужалось, **и** в самом узком месте над ней высился мост, соединявший американский штат Техас и мексиканский – Матаморос.

– Вы можете мне сказать хотя бы в общих чертах, что мы собираемся исследовать? – спросил Гарза.

– Вы ведь выросли в долине Рио-Гранде, не так ли? – поинтересовался Сэндекер, не ответив на вопрос.

– Да, я родился и вырос здесь, на реке, в Ларедо. Учился в колледже в Браунсвилле. Мы только что пролетели над ним.

– Значит, вы знакомы с геологией в районе города Рома?

– Конечно, мне доводилось там работать.

– Как вы считаете, – включился в разговор Питт, – как текла эта река в первые века после Рождества Христова?

– Почти так же, – ответил Гарза. – То есть, конечно, русло сдвинулось, но вряд ли больше чем на несколько миль. А возможно, в следующие века оно вернулось в первоначальное положение. Главное изменение заключается в том, что река раньше была намного больше. До войны с Мексикой ее ширина колебалась от двухсот до четырехсот метров. Да и главный фарватер был значительно глубже.

– Когда ее впервые увидели европейцы?

– Алонсо де Пинеда вошел в устье реки в тысяча пятьсот девятнадцатом году.

– Как она в то время соотносилась с Миссисипи?

Гарза на минуту задумался.

– Рио-Гранде, скорее, была родственна Нилу.

– Нилу?

– Река берет свое начало в Скалистых горах Колорадо. Весной, когда идет активное таяние снегов, уровень воды сильно поднимается. Древние индейцы, как и египтяне, копали траншеи, отводя воду для орошения своих полей. Именно поэтому сегодня река не такая широкая, но более извилистая, чем первоначально. Когда на берегах стали возникать испанские и мексиканские поселения, а несколько позже сюда пришли американцы из Техаса, строительство ирригационных сооружений активизировалось. Появившиеся после Гражданской войны железные дороги доставили сюда еще больше фермеров и владельцев ранчо, которые тоже отводили для себя воду. К тысяча восемьсот девяносто четвертому году из-за многочисленных и чрезвычайно опасных мелей здесь прекратилась навигация. Если бы не ирригация, Рио-Гранде вполне могла стать техасской Миссисипи.

– Сейчас река судоходна? – спросила Лили.

– Когда началось развитие торговли, некоторое время поток судов был довольно велик. Колесные пароходы совершали регулярные рейсы из Браунсвилла в Ларедо в течение тридцати лет или даже больше. Сейчас, после постройки дамбы Фолкон, в низовьях можно увидеть только лодки с подвесными моторами.

– А раньше парусные суда могли доходить до города Рома? – спросил Питт.

– Запросто. Река была достаточно широкой для безопасного маневрирования. Парусному судну следовало только дождаться попутного ветра. Имеются сведения о килевом судне, дошедшем в тысяча восемьсот пятидесятом году до Санта-Фе.

Несколько минут все молчали, наблюдая, как Миффлин ведет вертолет вдоль извилистой реки. Впереди показались невысокие, покатые холмы. На мексиканской стороне виднелись небольшие города, расположившиеся здесь в пыльном уединении еще три века назад. Некоторые дома были построены из камня и кирпичей и покрыты красной черепицей. Другие были сооружены из самого разнообразного подручного материала и покрыты соломой или тростником.

В сельскохозяйственной части равнины цитрусовые рощи и поля с овощами уступили место зарослям мескитовых деревьев[49] и чертополоха. Питт ожидал увидеть грязную коричневую реку, но Рио-Гранде приятно удивила его чистой зеленовато-голубой водой.

– Сейчас мы подлетаем к городу Рома, – объявил Гарза. – Его близнец на другой стороне реки называется Мигель-Алеман. Это, в общем, не

совсем город, а скорее небольшой пограничный поселок на дороге в Монтеррей. Там располагается несколько магазинов для туристов, а больше он ничем не примечателен.

Миффлин набран высоту и провел вертолет над мостом, после чего опять опустился к реке. На мексиканской стороне люди мыли машины, раскладывали рыболовные сети, купались. Около берега в илистых лужицах лежали свиньи. На американской стороне на обрывистом берегу из желтого песчаника стояли дома. Они выглядели старыми и небогатыми, но весьма надежными.

– Здания, как мне кажется, построены довольно искусно, – задумчиво проговорила Лили. – Представляете, сколько исторических событий видели эти стены!

– Во время расцвета коммерческого и военного судоходства, – продолжал лекцию Гарза, – город Рома был крупным портом. Преуспевающие купцы нанимали крупных архитекторов для проектирования жилых домов и общественных зданий. Все они неплохо сохранились.

– Среди них есть известные? – спросила Лили.

– Известные? – Гарза рассмеялся. – Лично мне очень нравится дом, построенный в середине девятнадцатого века. Он использовался в фильме с Марлоном Брандо в главной роли, который снимался именно в нашем городе.

Сэндекер сделал знак Миффлину облететь город вокруг.

– Город назван в честь Рима, поскольку тоже стоит на семи холмах? – спросил он Гарзу.

– Точно этого никто не знает, – улыбнулся тот. – Да и чтобы различить эти семь холмов, придется проявить незаурядную наблюдательность. Только два имеют заметные вершины, остальные давно сровнялись с землей.

– Какая тут почва? – спросил Питт.

– В основном обломки меловых пород. Этот район когда-то был дном моря. Часто встречаются окаменелые раковины устриц. Находили раковины размером до полуметра. Здесь неподалеку есть карьер, где добывают гравий, и там можно наглядно увидеть разные геологические периоды. Если хотите, Джо посадит вертолет, мы выйдем и я расскажу вам об этом подробнее.

– Не сейчас, – сказал Питт. – В этом районе есть естественные пещеры?

– На поверхность не выходит ни одна. Но это не значит, что их нет под землей. Никто не знает, сколько пещер, сформированных древними морями, скрыто под верхним слоем. Если забраться достаточно глубоко, да еще в нужном месте, вы почти наверняка найдете известняковую пещеру весьма приличных размеров. Старые индейские легенды рассказывают о духах, обитающих там.

– Каких духах?

Гарза пожал плечами:

– Призраки предков, погибших в сражениях с демонами зла.

Лили непроизвольно сжала руку Питта.

– В районе Рома проводились археологические раскопки? Какие-нибудь артефакты находили?

– Несколько стрел, кремниевые дротики, каменные ножи и каменные лодки.

– Что такое каменные лодки? – спросил Питт.

– Полые камни в форме лодок, – ответила Лили с явно ощутимым волнением. – Их происхождение и назначение до сих пор неизвестно. Бытует мнение, что их использовали в качестве амулетов. Считалось, что они отводили зло, особенно если индеец опасался ведьм или заговора шамана. Символическое изображение ведьмы привязывали к каменной лодке и бросали в реку или озеро, таким образом навсегда уничтожая зло.

– Находили ли предметы, которые ставили археологов в тупик? Быть может, они не укладывались в привычный отрезок на исторической шкале?

– Да, но их считали подделками.

Лили оживилась:

– О каких именно предметах идет речь?

– Мечи, кресты, кусочки брони, древки копий, все в основном металлическое. Кроме того, я вспоминаю историю о старом каменном якоре, который откопали на берегу реки.

– Возможно, он был испанским по происхождению? – вмешался Сэндекер.

Гарза покачал головой:

– Не испанским и не римским. Наши музейные деятели отнеслись к нему скептически и посчитали мистификацией девятнадцатого века.

Пальцы Лили крепче сжали в руку Питта.

– Как вы считаете, у нас будет возможность все это увидеть? – нетерпеливо спросила она. – Или их забросили за ненадобностью в какой-нибудь университетский подвал?

Гарза показан через окно на дорогу, ведущую от города на север:

– Между прочим, все артефакты здесь. Их бережно хранит человек, который их нашел. Это коренной техасец по имени Сэм Тринити. Местные его зовут Безумным Сэмом. Он бродит по этому району уже пятьдесят лет и клянется, что здесь когда-то стояли лагерем римляне. Чтобы заработать на жизнь, он держит небольшую газозаправочную станцию. Устроил у себя в сарае склад, который гордо называет музеем античности.

Губы Питта расплылись в улыбке.

– Вы можете сесть рядом с его домом? – спросил он пилота. – Полагаю, нам есть о чем поговорить с этим человеком.

66

Перед съездом с шоссе стоял указатель длиной добрых девять метров. Гигантская доска опиралась на выгоревшие на ярком солнце и изрядно потрепанные непогодой столбы из стволов мескитовых деревьев, которые дружно завалились назад, словно с перепоя. Кричаще яркие красные буквы на поблекшем серебристом фоне сообщали: «РИМСКИЙ ЦИРК СЭМА».

Газовые насосы, находящиеся здесь же, были новенькими и блестящими. Хозяин качал ими метановое топливо по сорок девять центов за литр. Магазин был выстроен из кирпича и выглядел, как хижина аризонских индейцев. Внутри было чисто, а на полках аккуратно уложены предметы антиквариата, бакалейные товары и безалкогольные напитки. Это был один из тысяч маленьких уединенных оазисов человеческой деятельности, расположенных вдоль автомагистралей по всей стране.

Но хозяйство Сэма не вписывалось в общую в картину, как и он сам.

На нем не было бейсбольной шапочки с рекламой тракторов «катерпиллер». Не было ни высоких поношенных ковбойских сапог, ни широкополой соломенной шляпы, ни выцветших джинсов «левис». Сэм носил яркую зеленую рубашку, желтые слаксы и довольно дорогие

кожаные туфли. Его седые волосы были аккуратно подстрижены, а на макушке лихо топорщилась спортивная шапочка.

Сэм Тринити стоял в дверях своего магазина, до тех пор пока не улеглась поднятая винтами пыль, потом не торопясь прошествовал по асфальтовой дорожке и остановился метрах в шести от распахнувшейся двери вертолета, поигрывая двумя железными прутами.

Гарза спрыгнул на землю первым и направился к Сэму:

– Привет, старина, как живешь? Продолжаешь копаться в грязи?

Физиономия Тринити с толстой, больше подходящей теленку, чем человеку, кожей расплылась в широкой улыбке:

– Херб! Какими судьбами? Рад тебя видеть.

Он снял солнечные очки, явив миру голубые, блестевшие юношеским задором глаза, и сразу же сощурился: яркое солнце Южного Техаса приучает жителей защищать глаза. Подумав, он снова водрузил на нос очки. Сэм Тринити был очень высок, худ, как жердь, имел тонкие, длинные руки и узкие плечи, но зато звучный басовитый голос.

Гарза не представил гостей, но было ясно, что имена прибывших не представляют интереса для Сэма. Он сделал приглашающий жест рукой и сказал:

– Добро пожаловать в римский цирк Сэма. – Потом он окинул взглядом Питта и, заметив царапины на лице, хромоту и самодельную трость, полюбопытствовал: – Вы упали с мотоцикла?

Питт рассмеялся:

– Нет. Пострадал в небольшой потасовке в салуне.

– Кажется, вы мне нравитесь.

Сэндекер, державшийся чуть в стороне, спросил, кивнув на железные прутья:

– Где вы играете в гольф?

– Тут недалеко. Если пойдешь вниз по дороге, будет Рио-Гранде-Сити, – добродушно сообщил Тринити. – Я только что вернулся оттуда после короткой встречи со старыми армейскими корешами.

– Мы бы хотели осмотреть ваш музей, – сказал Гарза.

– Почту за честь. Смотрите. Не каждый день желающие взглянуть на мои артефакты прилетают на вертолете (он произносил слово «артефакт», растягивая звук "е"). Вы, наверное, хотите что-нибудь

выпить? Что? Кола, содовая, пиво? У меня есть кувшин с «Маргаритой» на леднике.

– «Маргарита» – это здорово, – сказала Лили, вытирая шею банданой.

– Проводи наших гостей в музей, Херб. Дверь не заперта. Через минуту я присоединюсь к вам.

На заправку заехал грузовик, за ним последовал трейлер, и Сэм остановился поболтать с водителями.

– Общительный парень, – пробормотал Сэндекер.

– Сэм может быть общительнее и дружелюбнее, чем жена владельца техасского ранчо, но если вы столкнетесь с его отрицательными сторонами, то поймете, что он бывает жестким, как бифштекс за девяносто центов.

Гарза провел гостей в кирпичное строение, расположенное сразу за магазином. Помещение не больше гаража на две машины. Здесь были стеклянные витрины, где на полках аккуратными рядами лежали сокровища Сэма, тут же стояли восковые фигуры в римских одеждах. В музее было очень чисто, на стеклах ни пылинки, а артефакты радовали глаз своей ухоженностью – очищены от ржавчины и отполированы.

У Лили был с собой портфель. Аккуратно пристроив его на одной из витрин, она достала толстую иллюстрированную книгу, напоминающую каталог, и начала сравнивать лежащие на полках предметы с изображенными на рисунках.

– Очень похоже, – проговорила она через несколько минут. – Мечи и наконечники в точности такие же, как у римлян четвертого века.

– Не спешите делать выводы, – серьезно сказал Гарза. – Сэм вполне мог сфабриковать все, что вы здесь видите, состарив предметы с помощью кислоты и солнца.

– Он ничего не фабриковал, – решительно заявил Сэндекер.

Гарза скептически ухмыльнулся:

– Как вы можете быть в этом уверены, адмирал? Нет никаких свидетельств, что залив до Колумба кто-то уже посещал.

– Уже есть.

– Это для меня новость.

– Это случилось в триста девяносто первом году нашей эры, – объяснил Питт, – Флот из полутора десятков судов поднялся вверх по Рио-Гранде до места, где сейчас находится город Рома. В одном из холмов за

городом римские наемники, рабы и египетские ученые спрятали обширную коллекцию артефактов из Александрийской библиотеки в Египте.

– Я знал это! – с порога завопил Сэм Тринити. Он был настолько взволнован, что едва не выронил поднос со стаканами и кувшином, который держат в руках. – Я был в этом уверен! Римляне действительно ступали по земле Техаса!

– Вы были правы, Сэм, – примирительно сказан Сэндекер, – а те, кто сомневались в этом, – нет.

– Все эти годы мне никто не верил, – ошеломленно бормотал Сэм. – Даже когда они прочитали надпись на камне, меня обвинили, что я выбил ее сам.

– Камень? Какой камень? – насторожился Питт.

– Тот, что стоит в углу. Я обращался к специалистам, чтобы ее перевели, ну и что вышло? Мне сказали: «Неплохо, Сэм, ты, оказывается, и латынь знаешь». Столько лет меня все считали лгуном!

– У вас есть копия перевода? – спросила Лили.

– Вон она, висит на стене. Я напечатал ее и повесил на видное место в застекленной рамке.

Лили оказалась быстрее всех. Она подошла к стене и начала читать вслух. Остальные столпились вокруг.

– "Этим камнем отмечен путь туда, где я приказал зарыть экспонаты из величайшей обители муз. Я уцелел после уничтожения нашего флота варварами и направился на юг, где местное племя приняло меня за пророка.

Я учил их всему, что знаю сам и что сам умею, но они почти не применяли полученные знания на практике. Они предпочитали поклоняться языческим богам и идти на поводу у невежественных волхвов, требующих человеческих жертв.

После моего прибытия прошло семь лет. Мое возвращение сюда наполнено болью из-за гибели моих бывших товарищей. Я позаботился об их погребении. Мое судно готово, и очень скоро я отправляюсь в Рим.

Если Феодосий еще жив, я буду казнен, но с радостью иду на этот риск, чтобы еще хотя бы раз увидеть мою семью. Тем, кто это читает: если я погибну, знайте, вход в хранилище находится под холмом. Стойте на северной стороне и смотрите на юг, на речной утес.

Юний Венатор,

десятое августа триста девяносто восьмого года".

– Значит, Венатор пережил гибель своей экспедиции только для того, чтобы через семь лет умереть, перед тем как вернуться в Рим, – сказал Питт.

– Или он вернулся, но был казнен, – предположил Сэндекер.

– Нет, Феодосий умер в триста девяносто пятом году, – сказала Лили. – Подумать только, этот камень простоял шестнадцать веков, и никто не обращал на него внимания.

Брови Тринити удивленно поднялись.

– Вы знаете этого парня, Венатора?

– Мы идем по его следу, – сообщил Питт.

– Вы искали хранилище? – спросил Сэндекер.

Тринити кивнул:

– Я перекопал здесь все что мог, но не нашел ничего, кроме того, что вы здесь видите.

– Глубоко копали?

– Лет десять назад я выкопал яму глубиной около шести метров, но обнаружил только сандалию – вон стоит на полке.

– Вы покажете нам площадку, где нашли камень и другие предметы? – спросил Питт.

Старый техасец вопросительно взглянул на Гарзу:

– Ты как считаешь, Херб?

– Поверь мне, Сэм, этим людям можно верить. Они не расхитители гробниц.

– Хорошо. – Сэм кивнул и начал энергично собираться. – Тогда давайте покатаемся. Можно поехать в моем джипе.

* * *

Тринити провел джип по грунтовой дороге мимо нескольких современных построек и остановился перед забором из колючей проволоки. Он вышел, открыл калитку, также обмотанную колючей проволокой, и отодвинул ее в сторону. Затем снова сел за руль, и джип покатил дальше. Дорога постепенно слилась с окружающим ландшафтом и стала почти незаметной.

Когда джип с четырьмя приводными колесами забрался на довольно крутой подъем, Сэм остановил машину и выключил зажигание.

– Итак, господа, мы находимся на холме Гонгора. Очень давно кто-то мне сказал, что его назвали в честь испанского поэта семнадцатого века. Почему эту груду земли назвали именем поэта, я не знаю.

Питт показал на низкий холм, поднимавшийся в четырехстах метрах к югу.

– Как называется тот холм?

– У него нет названия, во всяком случае, я его не знаю.

– Где вы обнаружили камень? – спросила Лили.

– Потерпите, это немного дальше.

Тринити снова завел двигатель и направил джип вниз по склону, объезжая мескитовые деревья и заросли низкого кустарника. Две минуты спустя он затормозил около неглубокого старого русла реки. Сэм вышел из машины, подошел к краю и заглянул вниз:

– В этом месте я увидел уголок камня, выступающий из земли.

– Это сухое русло, – заметил Питт, – тянется между Гонгорой и дальним холмом.

– Да. – Тринити кивнул. – Но камень никак не мог переместиться оттуда на склон Гонгоры, если, конечно, его не перетащили специально.

– Эта равнина вряд ли затопляется, – согласился Сэндекер. – Эрозия и дожди в столь длительный период могли переместить камень с вершины Гонгоры метров на пятьдесят ниже, но они никак не могли передвинуть его на полкилометра с другой вершины.

– А другие артефакты? – спросила Лили. – Где были они?

Тринити описал рукой дугу.

– Они были разбросаны по склону и дальше почти до центра города.

– Вы отметили место находки каждого?

– Извините, мисс, но я не археолог и не думал, что необходимо запоминать каждую яму.

Глаза Лили вспыхнули разочарованием, но она промолчала.

– Вы, должно быть, использовали металлоискатель? – спросил Питт.

– Сам сделал, – похвастался Сэм. – Он у меня достаточно чувствительный, чтобы найти пенни на глубине полуметра.

– Кому принадлежит земля?

– Двенадцать сотен акров этой земли принадлежит моей семье еще с тех пор, как Техас был республикой.

– Это упрощает наши взаимоотношения с законом, – одобрительно заметил Сэндекер.

Питт посмотрел на часы. Солнце уже собиралось скрыться за грядой холмов. Он попытался мысленно представить себе сражение между индейцами и римлянами, которые рвались к реке, где их ждали суда. Ему казалось, что он слышит крики, вопли боли, бряцание оружия. Он чувствовал, словно переместился во времени на шестнадцать столетий назад, в тот судьбоносный день. Голос Лили, продолжавшей засыпать Тринити вопросами, вернул его в день сегодняшний.

– Странно, что на поле сражения вы не нашли никаких костей.

– Первые испанцы, потерпевшие крушение на техасском побережье залива и прошедшие по этим местам до Веракрус и Мехико, рассказывали об индейцах-каннибалах, – ответил Гарза.

Лили скривилась от отвращения:

– Но не станете же вы утверждать, что всех погибших съели!

– Конечно нет, вероятнее всего, съели лишь некоторых. А останки, которые не растащили собаки и дикие животные, позже были преданы земле этим парнем – Венатором.

– Херб прав, – сказал Питт. – Кости, оставшиеся на поверхности земли, со временем превратились бы в пыль.

Лили застыла в напряжении. С почти мистическим благоговением она взирала на гребень холма Гонгора.

– Никак не могу поверить, что мы действительно находимся в нескольких метрах от сокровищ.

После этого на несколько минут замолчали все присутствующие. Первым не выдержал Питт:

– Шестнадцать веков назад здесь умерло много хороших людей, пожелавших сохранить для потомков огромный запас знаний. Думаю, нам пора его откопать.

На следующее утро бдительные охранники открыли перед адмиралом Сэндекером ворота, и он поехал по аллее, ведущей к коттеджу президента на плато Озарк в штате Миссури. Он оставил машину на аллее и достал из багажника портфель. Воздух был свеж и прохладен, что было особенно приятно после техасской парилки.

Президент сошел с крыльца и тепло поприветствовал гостя:

– Адмирал, спасибо, что приехали.

– О, господин президент, это мой долг.

– Как прошел перелет?

– Я его проспал.

– Извините меня, адмирал, что вам пришлось действовать в такой спешке.

– Я отлично понимаю срочность и важность вопроса.

Президент положил руку на плечо Сэндекера и повел его по ступенькам к двери коттеджа:

– Входите и позавтракайте. Дейл Николс, Юлиус Шиллер и сенатор Питт уже расправляются с вареными яйцами и копченой ветчиной.

– Решили провести мозговую атаку? – улыбнулся Сэндекер.

– Мы провели полночи в обсуждении политических последствий вашего открытия.

– Мне почти нечего добавить к тому, что было в официальном докладе, который я переправил с курьером.

– Но вы не включили в него предполагаемый график раскопок.

– Мне необходимо было его обдумать, – твердо заявил Сэндекер.

Решительность адмирала не произвела большого впечатления на президента.

– Вы нам все расскажете за завтраком.

Собеседники на несколько минут замолчали. Президент провел гостя в дом, и Сэндекер с любопытством огляделся. Дом был сложен из крупных бревен. Уютная гостиная была обставлена как современная жилая комната, а вовсе не как помещение охотничьего домика. В большом камине потрескивали дрова. Из гостиной президент и адмирал прошли в столовую, где Николс и Фишер, одетые как завзятые рыбаки, встали и обменялись рукопожатиями с адмиралом. Сенатор Питт, сидевший немного поодаль, приветственно помахал рукой.

Сенатор Питт и адмирал Сэндекер благодаря Дирку уже давно стали близкими друзьями. Мрачное выражение лица старшего Питта заставило Сэндекера насторожиться.

В столовой находился еще один человек, о котором президент не упомянул, – Хэролд Уисмер, закадычный друг и внештатный советник президента, пользовавшийся огромным влиянием. Сэндекер удивился, почему президент пригласил этого человека тоже.

Президент указал рукой на стол:

– Присаживайтесь, адмирал. Как вы относитесь к вареным яйцам?

– Я бы предпочел фрукты и стакан обезжиренного молока.

Официант в белой форме принял заказ и отправился на кухню.

– Так вот, значит, как вы поддерживаете фигуру, – сказал Шиллер.

– Ограничение в еде и физические упражнения, – ответствовал Сэндекер.

– Мы все хотим поздравить вас и ваших людей с замечательным открытием, – решительно начал Уисмер. Он смотрел на адмирала сквозь очки в тонкой оправе с розовыми стеклами. Густая борода почти полностью скрывала его тонкие губы. Он был лыс, как бильярдный шар, и имел широко расставленные, немного выпученные глаза. – Когда вы намерены приступить к раскопкам?

– Завтра, – ответил Сэндекер, подозревая, что вот-вот услышит что-то неприятное. Он достал из портфеля увеличенную карту окрестностей города Рома и рисунок холма, на котором были указаны места будущих раскопок. Все это он разложил на свободном участке стола, – Мы собираемся прокопать два разведывательных тоннеля в главном холме в восьмидесяти метрах от вершины.

– Речь идет о холме, носящем имя Гонгора?

– Да, тоннели начнутся на противоположных сторонах склона, выходящего на реку, и пойдут под углом друг к другу, но на разных уровнях. Один из них или оба так или иначе не минуют грота, описанного Юнием Венатором, а если повезет, то и на одну из входных шахт.

– Вы совершенно уверены, что сокровища Александрийской библиотеки находятся именно в этом месте? – спросил Уисмер, и у адмирала возникло впечатление, что вокруг него затягивается петля. – У вас нет никаких сомнений?

– Нет, – уверенно ответил Сэндекер. – Карта с римского корабля в Гренландии привела к артефактам, обнаруженным Сэмом Тринити. Все части головоломки прекрасно сложились.

– Но ведь, может быть…

– Нет, римские артефакты являются подлинными, это подтвердили специалисты, – перебил Уисмера Сэндекер. – Это не подделка, не мошенничество и не чьи-то происки. Единственный вопрос – обнаружение точного места захоронения.

– Мы вовсе не утверждаем, – поспешил вмешаться Шиллер, – что сокровищ Александрийской библиотеки не существует. Но вы должны понять, адмирал, что международные последствия открытия такого масштаба могут быть непредсказуемыми.

Сэндекер не мигая уставился на Шиллера.

– Я не понимаю, каким образом обладание знаниями античного мира может привести к Армагеддону. Кроме того, вам не кажется, что вы поздно спохватились? Гала Камиль уже объявила о поисках на весь мир.

– Существуют соображения, – сказал президент, – которые вам просто не приходили в голову. Президент Хасан может заявить, что все реликвии принадлежат Египту и должны быть ему возвращены. Греция наверняка потребует возврата золотого саркофага Александра Македонского, и один Бог знает, какие требования выдвинет Италия.

– Возможно, я действительно чего-то не понимаю, джентльмены, – сказал Сэндекер, – но, по-моему, мы собирались использовать это открытие как раз для поддержки президента Хасана и его правительства.

– Верно, – признал Шиллер, – но это было до того, как выяснилось, что клад находится в районе Рио-Гранде. Теперь на сцену выступает Мексика. Фанатик Топильцин вполне может заявить свои претензии, мотивируя их тем фактом, что место захоронения когда-то принадлежало Мексике.

– Этого действительно следует ожидать, – сказал Сэндекер, – но ведь закон есть закон, а по закону артефакты принадлежат тому, кому принадлежит и земля, в которой они найдены.

– Мистеру Тринити будет предложена значительная сумма за использование его земли и права на реликвии, – сказал Николс. – Могу добавить, что эта сумма будет освобождена от налогообложения.

Сэндекер не смог или не счел нужным скрыть свой скептицизм.

– Клад может стоить много сотен миллионов долларов. Не знал, что наше правительство располагает подобными средствами.

– Разумеется, нет, – поморщился Николс.

– А если Тринити откажется принять ваше предложение?

– В нашем распоряжении имеются самые разные методы убеждения, – холодно заявил Уисмер.

– С каких пор наше правительство занялось вопросами искусства?

– Произведения искусства, скульптуры и останки Александра Великого действительно представляют лишь исторический интерес, – сказал Уисмер. – А вот знания, хранящиеся в древних свитках, могут стать жизненно важными для всех.

– Ну это как посмотреть, – философски заявил Сэндекер.

– Информация, содержащаяся в научных записях, и в первую очередь информация геологическая, может кардинально повлиять на наши будущие отношения со странами Ближнего Востока, – упрямо продолжал Уисмер, – К тому же нельзя забывать о религиозных аспектах.

– Что вы имеете в виду? Греческий перевод оригинального иудейского текста Ветхого Завета был выполнен в библиотеке. Именно он является основой всех современных Библий.

– Но не Нового Завета, – не унимался Уисмер. – Под обычным техасским холмом могут обнаружиться исторические факты, которые способны поставить под сомнение основы христианства. Согласитесь, что таким фактам лучше оставаться на месте.

Сэндекер окинул Уисмера холодным взглядом, потом повернулся к президенту:

– Я чувствую, здесь какой-то заговор, господин президент, и я был бы вам очень признателен, если бы вы объяснили, зачем я здесь.

– Ничего дурного, уверяю вас. Но, думаю, все мы согласны, что эту масштабную и очень тонкую операцию следует вести в рамках строжайшей секретности и под соответствующим руководством.

Сэндекер мгновенно понял: ловушка захлопнулась. Он с самого начала знал, что произойдет.

– Значит, после того как НУМА… – он сделал паузу и в упор взглянул на сенатора Питта, – и в первую очередь ваш сын, сенатор, сделал всю грязную работу, вы хотите отодвинуть нас в сторону?

– Вы не можете не согласиться, адмирал, – официальным тоном сказал Уисмер, – что это задача не для правительственного агентства, чьи главные интересы сосредоточены под водой.

Сэндекер не обратил внимания на слова президентского советника.

– До сих пор мы вполне успешно справлялись, – сказал он, – и я не вижу причин, почему бы нам не довести проект до конца.

– Мне очень жаль, адмирал, – твердо заявил президент, – но я забираю у вас этот проект и передаю его Пентагону.

Сэндекер на мгновение замер в немом изумлении.

– Военным? – взорвался он. – Кому в голову могла прийти столь дикая идея?

В глазах президента мелькнула растерянность. Он непроизвольно повернул голову к Уисмеру, но быстро взял себя в руки и твердо заявил:

– Неважно, кто разработал новый план. Решение принял я.

– Мне кажется, вы кое-чего не понимаете, Джим, – подал голос сенатор Питт. – То, с чем вы сейчас столкнулись, – не обычная археология. Знания, хранящиеся под этим холмом, могут изменить мир.

– И это достаточно веская причина, чтобы мы засекретили эту операцию, – важно проговорил Уисмер. – Мы должны держать это открытие в тайне, пока все документы не будут классифицированы и досконально изучены.

– На это уйдет несколько десятков лет, а то и целое столетие, – заявил Сэндекер. – Все зависит от количества свитков и их состояния.

– Сколько надо… – начал было президент.

Официант принес адмиралу молоко и фрукты, но тот напрочь лишился аппетита.

– Иными словами, – язвительно заявил он, – вам нужно время, чтобы подсчитать неожиданно свалившееся наследство. А потом начать политические торги за древние карты, показывающие месторождения нефти и других полезных ископаемых в Средиземноморье. Если же кости Александра еще не превратились в пыль, их можно будет продать Греции за продление срока аренды территорий наших военных баз. И все это скрывая правду от американского народа.

– Мы не можем допустить, чтобы информация о находке стала достоянием гласности, – терпеливо объяснил Шиллер, – пока мы не будем готовы к действиям. Вы не можете осознать, сколь велики

преимущества в области внешней политики, которые вы дали правительству. Мы не имеем права пренебречь ими ради любопытства общественности к историческим и культурным реликвиям.

– Я не столь наивен, как вы думаете, джентльмены, – сказал Сэндекер, – но, должен признаться, я действительно являюсь старым сентиментальным патриотом, который верит, что народ заслуживает большего, чем получает от правительства. Сокровища Александрийской библиотеки принадлежат не кучке политиканов, которые могут использовать их в своих сделках. Они принадлежат американскому народу по праву собственности. – Сэндекер не дал своим оппонентам ответить. Он сделал глоток молока, а потом извлек из портфеля газету и положил ее в центр стола. – Ваши помощники и советники мыслят исключительно масштабными категориями, поэтому и не обратили внимания на маленькую заметку, содержащую информацию агентства Рейтер, которая появилась сегодня в большинстве газет мира. Эту газету я купил на станции проката автомобилей в Сент-Луисе. Ознакомьтесь, я отметил интересующую нас заметку на третьей странице.

Уисмер взял газету и развернул ее. Он вслух прочитал сначала название, а потом и текст:

– «Римляне высадились в Техасе? По информации, полученной от высокопоставленных источников в Вашингтоне, поиски подземного хранилища античных реликвий из знаменитой Александрийской библиотеки завершились в Техасе – в нескольких сотнях метров к северу от реки Рио-Гранде, в городе Рома. Артефакты, которые на протяжении многих лет искал и хранил местный житель мистер Сэмюел Тринити, ведущими археологами нашей страны признаны подлинными. Поиски начались после находки во льдах Гренландии римского торгового судна, отнесенного к четвертому веку нашей эры…»

Уисмер даже задохнулся от злости:

– Утечка! Проклятая утечка!

– Но откуда? – в шоке пробормотал Николс. – Кто?!

– Высокопоставленные источники в Вашингтоне, – процитировал Сэндекер. – А это значит – в Белом доме. – Он посмотрел на президента, потом перевел взгляд на Николса. – Так что ищите источник среди своих людей, господа.

Шиллер нахмурился.

– Туда устремятся тысячи людей, – вздохнул он. – Господин президент, вы должны отправить туда военных.

– Юлиус прав, господин президент, – добавил Николс. – Охотники за сокровищами перероют все холмы в окрестностях города Рома, если их вовремя не остановить.

Президент кивнул:

– Хорошо, Дейл. Позвоните генералу Меткалфу из Объединенного комитета.

Николс поспешно перешел из столовой в кабинет, где работали агенты безопасности и связисты из Белого дома.

– И все же я настоятельно советую засекретить операцию, – снова заговорил Уисмер. – Мы можем заявить, что находка оказалась чьей-то глупой мистификацией.

– Это не слишком хорошая идея, господин президент, – сказал Шиллер. – Вашим предшественникам из-за этого пришлось пережить немало неприятных минут. Не стоит обманывать американский народ – это дорого обходится. Средства массовой информации все равно рано или поздно пронюхают правду и смешают вас с грязью.

– Я согласен с Юлиусом, – сказал Шиллер. – Закройте район, но раскопки надо продолжать, ничего не скрывая и информируя общественность. Поверьте, господин президент, ваша администрация от этого только выиграет.

Президент взглянул на Уисмера и развел руками:

– Извини, Хэролд, но, может быть, это к лучшему.

– Будем надеяться, – сухо проговорил Уисмер, не сводя глаз с газетной заметки. – Но мне даже не хочется думать, что произойдет, если лунатик Топильцин захочет урвать этот кусок.

68

Сэм Тринити внимательно наблюдал, как Питт соединяет два электрических провода, тянущихся из двух металлических ящиков, стоящих у заднего откидного борта его джипа. В одном из ящиков имелся небольшой монитор, а из широкой щели второго высовывался узкий и длинный лист бумаги.

– Интересная штуковина, – поделился своими наблюдениями Сэм. – Как она называется?

– О, название у нее довольно занятное. Это электромагнитная отражательная профильная система для проведения исследований под поверхностью, – ответил Питт, протягивая провода к причудливой конструкции с двумя горбами, четырьмя колесами и ручкой, чтобы ее

можно было толкать. – Попросту говоря, это зондирующий радар для поземных работ, первый георадар, изготовленный корпорацией «Ойо».

– Я и не знал, что радар может видеть сквозь землю и камни.

– Он дает довольно хорошую картину на глубине десять метров, а при идеальных условиях и до двадцати метров.

– Как он работает?

– Когда передвижной зонд движется по поверхности, передатчик посылает в землю электромагнитные импульсы. Отраженные сигналы поступают в приемник и передаются на процессор, а самописец записывает показания. Видите?

– Может быть, передатчик будет лучше чувствовать себя на буксире?

– Мне удобнее управлять им, перемещая его вручную.

– Что мы будем искать?

– Полость.

– Вы имеете в виду пещеру?

Питт ухмыльнулся и пожал плечами:

– Это одно и то же.

Тринити посмотрел через хребет холма, на котором они стояли, на вершину холма Гонгора, возвышающуюся в четырехстах метрах в стороне.

– Почему мы ведем поиски не на том холме?

– Я хочу провести испытания установки, прежде чем мы приступим к работе там, – сообщил Питт. – И потом, существует небольшая вероятность, что Венатор спрятал другие артефакты где-нибудь еще. – Он сделал паузу, помахал Лили, которая работала с теодолитом неподалеку, и крикнул: – Мы готовы!

Она подошла, держа в руках планшет с листом миллиметровки.

– Вот ваша решетка для поисков, – сказала она, указав карандашом на значки, проставленные на бумаге. Пограничные вешки уже установлены. Я буду идти за джипом и следить за показаниями приборов. Через каждые двадцать метров я буду ставить маленький флажок-указатель, чтобы контролировать движение по прямой.

Питт кивнул Тринити:

– Вы готовы, Сэм?

Тринити поерзал на водительском сиденье и включил зажигание:

– Жду команды.

Питт включил установку и покрутил ручку настройки. Потом он взялся за рукоятку передвижного зонда и сделан шаг вперед:

– Начали!

Тринити тронул джип с места, и мощная машина поползла вперед. Питт следовал примерно в пяти метрах за ней, толкая перед собой приемно-передающее устройство.

Легкая облачность уменьшила ослепительную яркость солнца, превратив его в тусклый желтый мяч. День был нежарким, и люди чувствовали себя вполне комфортно. Они утюжили взад-вперед намеченный участок, обходя деревья и кусты. Казавшееся бесконечным утро перешло в не менее бесконечный день. Эта тягучая монотонность, обычная спутница поисков, растянула время вне всяких мыслимых пропорций.

Они не стали прерываться на ланч, останавливаясь только по команде Лили для записи показаний приборов.

– Есть что-нибудь интересное? – спросил Питт, решивший несколько минут передохнуть в тенечке.

– Мы находимся на краю чего-то, что может оказаться интересным, – сказала Лили, занятая записями. – Может быть, это ложная тревога. После нескольких проходов станет яснее.

Тринити раздал всем участникам поисков бутылки с пивом, ожидавшие своего часа в автомобильном холодильнике. Именно во время короткого перерыва на отдых Питт обратил внимание на растущее число машин, стоящих у холма Гонгора. По склону начали бродить люди с металлоискателями.

Сэм тоже заметил всеобщее оживление.

– Похоже, на мои знаки «прохода нет» никто не обращает внимания, – пробурчал он. – И откуда их столько набежало Можно подумать, здесь обещали раздавать бесплатную выпивку.

– Кто это? – спросила Лили, – И откуда они узнали о нашем проекте?

Тринити внимательно осмотрел прибывших поверх своих темных очков.

– В основном это местные парни, – сообщил он. – Должно быть, кто-то проболтался. Но завтра здесь соберется народ со всех концов Соединенных Штатов.

В джипе требовательно зазвонил телефон. Тринити сказал несколько слов и через окно передал трубку Питту:

– Это вас. Адмирал Сэндекер.

– Слушаю, адмирал, – сказал Питт.

– Мы больше не в деле, – проинформировал его адмирал. – Советники президента внушили ему идею передать операцию Пентагону.

– Этого следовало ожидать, но лично я бы предпочел службу охраны заповедников. У них больше оборудования для подобных работ.

– Белый дом желает, чтобы сразу же после обнаружения хранилища оно было вскрыто, и оттуда как можно скорее были извлечены свитки для их подробного изучения. Наши политики опасаются, что на древние знания найдется слишком много претендентов.

Питт в досаде стукнул кулаком по крыше джипа:

– Черт бы их побрал! Дай им волю, они бы спустились вниз и покидали все свитки в грузовики как обычный утиль. Они же не понимают, что свитки, пролежавшие под землей шестнадцать веков, могут обратиться в пыль, если с ними неправильно обращаться.

– Президент взял на себя ответственность за эту авантюру.

– Прошлое не имеет приоритета перед современной политикой, это я уже понял.

– Есть еще одна проблема, – прервал Питта адмирал. – Кто-то в Белом доме слил информацию Международному агентству новостей. Слухи распространяются быстрее чумы.

– Здесь уже собираются толпы.

– Предприимчивый народ, ничего не скажешь. Они время зря не теряют.

– А как правительство собирается решить вопрос с собственностью на землю? Здесь все окрестности принадлежат Сэму.

– Сэм получит предложение, от которого не сможет отказаться, – со злостью ответил Сэндекер. – Президент и его свита разработали грандиозную схему получения политической выгоды от информации, содержащейся в свитках.

– Мой отец был с ними?

– Мне очень жаль, но это так.

– Кто именно будет вести работы?

– Группа армейских инженеров из Форт-Худа. Все они вместе со своим оборудованием следуют к месту раскопок на грузовиках. Силы безопасности вот-вот свалятся вам на голову. Их доставят на вертолете, чтобы быстро оцепить периметр.

– Вы можете использовать свое влияние, чтобы мы остались здесь?

– Дай мне убедительные доводы.

– Если не считать Хайрема Йегера, Лили и я знаем о поисках больше, чем кто бы то ни был. Настаивайте, чтобы мы остались здесь как консультанты проекта. Приведите в качестве довода академические звания и заслуги Лили. Скажите, что мы ведем поиски артефактов, которые могли остаться на поверхности. Короче, говорите что угодно, но убедите президента оставить нас здесь.

– Я посмотрю, что можно сделать. – Адмирал уже начат обдумывать свои аргументы в споре, не имея ни малейшего представления о соображениях Питта. – Самое серьезное препятствие – это Уисмер. Если сенатор окажет мне поддержку, думаю, мы с ним справимся.

– Дайте мне знать, если отец будет вам препятствовать. Я найду на него управу.

– Я буду поддерживать с вами связь.

Питт отдал трубку Тринити и улыбнулся Лили.

– Мы больше не принимаем в этом участия, – сообщил он. – Раскопки будет вести армия. Они будут увозить отсюда артефакты, как только смогут их забросить в кузова грузовиков.

Глаза Лили изумленно округлились.

– Свитки при неосторожном обращении будут уничтожены! – задыхаясь, произнесла она. – После шестнадцати веков, проведенных под землей, пергамент и папирус могут рассыпаться от резкой смены температуры, да и просто от неосторожного прикосновения!

– Ты же слышала, я говорил адмиралу то же самое. – Питт беспомощно развел руками.

Судя по лицу Тринити, он был совершенно сбит с толку.

– Ну и что мы будем делать?

Питт взглянул на вешки, отмечавшие внешние границы периметра, и задорно улыбнулся:

– Пока суд да дело, давайте закончим работу. Шоу кончается только тогда, когда оно действительно кончается.

69

У причала александрийского яхт-клуба остановился длинный лимузин. Шофер открыл дверь, и из машины вышел Роберт Капестерре. Он был одет в белый льняной костюм от превосходного портного и совершенно не походил на Топильцина.

Сбежав по каменной лестнице, он поднялся на борт ожидавшего его катера, который сразу же отошел от причала. Роберт Капестерре устроился в удобном кресле и получил возможность сполна насладиться поездкой по живописной гавани мимо того места, где когда-то стоял Александрийский маяк, одно из семи чудес света, грандиозное сооружение высотой 135 метров. К сожалению, от него осталось только несколько камней, встроенных в сооруженный на этом месте арабский форт.

Катер направился к большой яхте, бросившей якорь за пределами гавани напротив обширного песчаного пляжа. Капестерре уже приходилось на ней бывать. Он знал, что ее длина сорок пять метров и что она была построена в Голландии. Яхта имела очень изящные, обтекаемые обводы и могла развить скорость до тридцати узлов.

Замедлив ход, катер приблизился к спущенному трапу, и пассажир легко поднялся по удобным ступенькам. На палубе его ожидал человек, одетый в открытую шелковую рубашку, шорты и сандалии. Они обнялись.

– Добро пожаловать, брат, – сказал Пол Капестерре. – Давно не виделись.

– Прекрасно выглядишь, Пол. Ты, будучи Ахмедом Язидом, ощутимо прибавил в весе. Сколько ты набрал? Фунтов восемь?

– Двенадцать.

– Как-то странно видеть тебя без формы, – сказал Роберт.

Пол пожат плечами:

– Мне осточертела арабская одежда Ахмеда Язида, и особенно этот дурацкий тюрбан. – Он отступил на шаг и с улыбкой взглянул на брата: – Кстати, я ни разу не видел тебя в наряде ацтекского бога.

– У Топильцина каникулы, – ответил Роберт и показал на палубу. – Я смотрю, ты позаимствован яхту дяди Теодора.

– С тех пор как семья прекратила заниматься наркотиками, он ею, по-моему, ни разу не пользовался. – Пол повернулся и повел брата в пассажирский салон. – Пойдем, там уже накрыт стол к ланчу. Поскольку

я теперь знаю, что ты полюбил шампанское, я запасся бутылочкой из погребов дяди Теодора.

Роберт взял предложенный стакан:

– Я думал, что президент Хасан посадил тебя под домашний арест.

– Я купил свою виллу только потому, что в ней есть подземный ход длиной около ста метров, заканчивающийся в авторемонтной мастерской.

– Которая тоже принадлежит тебе?

– Конечно.

Роберт поднял стакан:

– За великий план папы и мамы!

Пол кивнул:

– Твои перспективы в Мексике на сегодняшний день выглядят более привлекательно, чем мои в Египте.

– Ты не виноват в том, что произошло с «Леди Флэмборо». Семья одобрила план. Никто не мог предположить, что американцы окажутся столь хитры.

– Во всем виноват этот идиот Сулейман Азиз Аммар, – злобно проговорил Пол. – Это он провалил операцию.

– Есть сведения об уцелевших?

– Агенты семьи сообщили, что большинство наших людей убито, в том числе Аммар и твой капитан Мачадо. Несколько человек попали в плен, но они ничего о нас не знают.

– Тогда можно считать, что мы легко отделались. Если Мачадо и Аммар мертвы, никто и никогда не сможет связать этот инцидент с нами.

– Президент Хасан довольно легко сложил два и два, иначе он не посадил бы меня под домашний арест.

– Конечно, – согласился Роберт, – но Хасан все равно ничего не сможет предпринять против тебя без солидных свидетельских показаний. Если он все же рискнет, твои фанатики поднимутся на защиту. Семья советует выждать некоторое время, потратив его на укрепление своей базы. Должен пройти по крайней мере год, прежде чем станет ясно, куда дует ветер.

– Сегодня ветер попутный для Хасана, мисс Камиль и Абу Хамила, – с ненавистью сказал Пол.

– Имей терпение. Рано или поздно движение исламских фундаменталистов само занесет тебя в египетский парламент.

Пол снова уставился на Роберта. В его глазах плескалась злоба.

– Обнаружение Александрийской библиотеки может ускорить процесс.

– Ты читал последние новости? – заинтересовался Роберт.

– Да, американцы утверждают, что нашли древнее хранилище в Техасе.

– Обладание древними геологическими картами принесло бы тебе немалую пользу. Если они указывают на богатые залежи нефти и минералов, ты сможешь говорить о поднятии египетской экономики на новую ступень.

– Я думал об этой возможности, – сказал Пол. – Если я правильно понимаю деятелей Белого дома, президент будет использовать артефакты и свитки в качестве аргументов для заключения разного рода сделок. И пока Хасан будет выпрашивать свою часть египетского наследства, я могу указать людям, что нарушается воля наших почитаемых предков. – Пол на несколько минут задумался. Потом, приняв решение, он продолжил: – В софистике[50] я силен, так что, думаю, я смогу повернуть мусульманские законы и слова Корана в нужном направлении и тем самым свергнуть египетское правительство.

Роберт рассмеялся:

– Постарайся выдержать соответствующее выражение лица, когда будешь говорить. Возможно, христиане и сожгли большинство свитков в триста девяносто первом году, но именно мусульмане в шестьсот сорок шестом году уничтожили библиотеку навсегда.

Подошел официант и подал шотландского копченого лосося и иранскую икру. Несколько минут братья ели в полном молчании.

Затем Пол снова заговорил:

– Надеюсь, ты понимаешь, что должен захватить эти артефакты?

Роберт задумчиво смотрел вдаль поверх стакана с шампанским, который держал в руке.

– Ты говоришь это мне или Топильцину?

Пол рассмеялся:

– Топильцину.

Роберт поставил стакан, медленно поднял вверх руки, словно собираясь молить о чем-то сидящую на потолке муху, и начал, слегка подвывая, вещать:

– Мы поднимемся все, нас будут десятки, сотни тысяч. Мы перейдем реку и возьмем то, что веками лежало в мексиканской земле, украденной у нас американцами. Многие будут принесены в жертву, но боги требуют: мы должны взять то, что по праву принадлежит Мексике. – Потом он уронил руки, усмехнулся и добавил: – Конечно, надо еще отрепетировать, но в общем это будет выглядеть так.

– Ты, похоже, позаимствовал мой сценарий, – сказал Пол, хлопая в ладоши.

– Какая разница? – пожал плечами Роберт. – Ведь мы семья. – Он доел копченого лосося и отложил вилку. – Очень вкусно. Я бы мог есть такую рыбу каждый день. – Он запил деликатес несколькими глотками шампанского и спросил: – Предположим, я захвачу сокровища, и что тогда?

– Мне нужны только карты. Все, что можно будет умыкнуть еще, останется в семье для хранения или пойдет на продажу богатым коллекционерам. Договорились?

Роберт секунду подумал и кивнул:

– Договорились.

Официант принес поднос со стаканами, бутылку бренди и коробку сигар.

Пол раскурил сигару и, выдохнув облачко сизого дыма, вопросительно взглянул на брата:

– Как ты собираешься захватить сокровища библиотеки?

– После прихода к власти я планирую массированное невооруженное вторжение в приграничные американские штаты. А сейчас выдается возможность провести генеральную репетицию. – Роберт задумчиво поболтал бренди в стакане и посмотрел сквозь янтарную жидкость на свет. – Когда я приведу машину в действие, городская беднота и крестьянство будут собраны вместе и доставлены в район севернее техасского города Рома. Я могу собрать триста, может быть, даже четыреста тысяч человек в течение четырех дней.

– А как насчет сопротивления американцев?

– Все солдаты, пограничники и шерифы Техаса не смогут остановить вторжение. Я планирую пустить вперед через мост женщин и детей. Американцы – народ сентиментальный. Они могли уничтожать целые деревни во Вьетнаме, но не устроят бойню мирного населения на пороге

своего дома. Можно также сыграть на боязни Белого дома вызвать нежелательный международный резонанс. Президент не осмелится дать приказ стрелять. А людская волна, которая прокатится по городку и месту раскопок, запросто сметет пассивное сопротивление.

– И Топильцин ее возглавит?

– И я ее возглавлю.

– Как долго ты сможешь продержаться? – спросил Пол.

– Достаточно долго, чтобы мои специалисты по древним языкам нашли нужные нам свитки с информацией о давно забытых месторождениях.

– На это уйдут недели. Тебе не хватит времени. Американцы подтянут дополнительные силы и вытеснят тебя и твоих людей обратно в Мексику.

– Нет, если я пригрожу сжечь свитки и уничтожить все произведения искусства. – Роберт аккуратно промокнул губы салфеткой. – Мой самолет, полагаю, уже заправлен. Пожалуй, мне лучше поторопиться обратно в Мексику, чтобы начать подготовку к операции.

На лице Пола отразилось уважение к изобретательности брата.

– Если американцев припереть к стенке, у них не останется выхода и придется договариваться. Мне это нравится!

– Еще больше мне нравится возможность напустить на американцев орду фанатиков, равной которой история еще не знала.

70

В первый день они прибывали тысячами, в следующие – десятками тысяч. Население всех северных провинций Мексики, взвинченное истеричными бреднями Топильцина, съезжалось на машинах, переполненных автобусах и грузовиках. В пыльный мексиканский городок Мигель-Алеман многие приходили пешком. Асфальтовые дороги из Монтеррея, Тампико и Мехико были забиты транспортом.

Президент Де Лоренцо попробовал остановить людскую лавину, приближающуюся к границе. Он отдал приказ мексиканской армии блокировать дороги. Но с таким же успехом можно было пытаться остановить разлив бурной, полноводной реки. В окрестностях Гваделупе взвод солдат, который едва не смела людская волна, открыл огонь по толпе. Сорок четыре человека были убиты, в основном женщины и дети.

Так президент Де Лоренцо, не желая того, сыграл на руку Топильцину. Именно на такое развитие событий и рассчитывал Роберт Капестерре. В Мехико начались стихийные бунты. Президент понял, что ему придется

отступить, иначе в стране вспыхнет революция. Он отправил послание в Белый дом, в котором принес свои искренние извинения за то, что не сумел остановить поток, после чего отозвал солдат, многие из которых дезертировали и присоединились к «крестовому походу».

Никем не сдерживаемая многолюдная толпа докатилась до Рио-Гранде.

Семья Капестерре наняла профессионалов, и для приверженцев Роберта-Топильцина на площади пять квадратных километров был разбит палаточный городок и организовано питание. Туда же были доставлены туалеты, регулярно подвозилась вода. Все было предусмотрено. Многие из бедняков, наводнивших район, никогда так хорошо не жили и не получали столь качественной пищи. Только с клубящейся над дорогами пылью и зловонными выхлопными газами ничего нельзя было поделать.

На мексиканской стороне реки появилось множество транспарантов с надписями: «Американцы украли нашу землю!», «Мы хотим вернуть землю наших предков!», «Античные реликвии принадлежат Мексике!». Люди скандировали лозунги на английском и испанском языках, а также на науатле. Топильцин постоянно находился в гуще толпы, доводя ее своими речами до такой степени исступления, которое редко встречается за пределами Ирана.

Эти демонстрации снимали многочисленные бригады телевизионщиков. Камеры, от которых змеились кабели к двум дюжинам передвижных полевых установок, стояли на американском берегу реки и фиксировали все, что происходило на противоположной стороне.

Неутомимые корреспонденты, без устали сновавшие в толпе, не знали, что интервью, которые им давали крестьянские семьи, были заранее написаны и отрепетированы. В большинстве случаев оборванные нищие оказывались профессиональными актерами, отлично говорившими по-английски, но тем не менее объяснявшимися с ужасным акцентом. Высказанное ими слезное желание постоянно жить в Калифорнии, Аризоне, Нью-Мексико или Техасе вызвало всплеск сочувствия среди их соотечественников. Интервью и репортажи с места событий транслировались по всем мексиканским телевизионным канатам.

Невозмутимыми оставались только американские пограничники. До сего момента картина массового вторжения через границу могла им привидеться разве что в ночном кошмаре. Теперь они были готовы к тому, чтобы увидеть худшие из своих страхов наяву.

Пограничники очень редко применяли огнестрельное оружие. С нелегальными эмигрантами они обходились вполне гуманно и вежливо, заботясь лишь о том, чтобы переправить их через границу домой. Они

видели, что на американской стороне реки появляются солдаты, в камуфляжной форме. Пограничники понимали, что автоматическое оружие, которым вооружена армия, так же как и двадцать танков, дула которых направлены в сторону Мексики, несут только смерть и разрушения.

Солдаты были молоды и хорошо обучены. Но их готовили к сражениям с вооруженным противником, поэтому они чувствовали себя неловко, оказавшись лицом к лицу с толпой мирных жителей.

Их командир, бригадный генерал Кертис Чандлер, перегородил мост танками и бронетранспортерами, но Топильцин это предусмотрел. Мексиканский берег реки был усеян самыми разнообразными лодками, большими и маленькими деревянными плотами. Были подготовлены канатные мосты, которые оставалось только перебросить через реку.

По данным армейской разведки первая волна составит примерно двадцать тысяч человек, если не считать пловцов, количество которых учесть было попросту невозможно. Одна из женщин агентов сумела проникнуть в трейлер помощников Топильцина и выяснила, что нашествие начнется поздним вечером, после того как ацтекский мессия доведет толпу до очередного приступа безумия, однако ей не удалось узнать, на какой именно вечер запланировано это мероприятие.

Чандлер отслужил три срока во Вьетнаме, поэтому он знал не понаслышке, что такое убивать фанатиков – женщин и детей, которые нередко неожиданно выскакивали из джунглей. Он дал приказ, когда начнется движение через реку, вести огонь над головами толпы.

Если же предупредительный огонь не произведет желаемого эффекта, а Чандлер не мог не учитывать этого, он, будучи солдатом, намеревался исполнить свой долг. Если поступит приказ, войска под его командованием откроют огонь по толпе и остановят мирное вторжение, независимо от того, какой кровью придется за это заплатить.

* * *

Питт стоял на балконе второго этажа магазина Сэма Тринити и смотрел в телескоп, которым техасец пользовался, чтобы любоваться звездами. Солнце уже скрылось за грядой холмов на западе. День клонился к завершению, зато на противоположной стороне Рио-Гранде, похоже, спектакль только начинался. Повсюду зажглись разноцветные прожекторы. Одни шарили яркими лучами по темнеющему небу, другие были направлены на высокую белую башню, возведенную в самом центре палаточного городка.

Он навел телескоп на небольшую фигурку, облаченную в длинный белый балахон и цветной головной убор, стоящую на узкой платформе

на вершине башни. Судя по энергичным взмахам рук и судорожным телодвижениям, человек произносил зажигательную речь.

– Интересно, – протянул Питт, – кто этот субъект в маскарадном костюме, будоражащий местное население?

Адмирал Сэндекер вместе с Лили был занят изучением изображения подземного профиля, полученного в процессе работы.

– Возможно, это Топильцин, – пробормотал он.

– Он хорошо управляет толпой, это видно даже отсюда, – заметил Питт.

– Они собираются переправиться сегодня? – нервно спросила Лили.

Питт отошел от телескопа и покачал головой.

– Они заняты строительством флота для переправы, но я сомневаюсь, что у них что-нибудь получится в течение ближайших сорока восьми часов. Топильцин не даст команду выступать, если не будет абсолютно уверен в успехе.

– Топильцин – это, можно сказать, его псевдоним, – сообщил Сэндекер. – Настоящее имя этого парня Роберт Капестерре.

– Он неплохо преуспел.

Сэндекер поднял руку и на дюйм развел большой и указательный пальцы:

– Капестерре осталось вот столько до захвата власти в Мехико.

– Если я правильно понимаю происходящее на противоположном берегу реки, он нацелился также и на американский юго-запад.

Лили встала и с наслаждением потянулась.

– Я больше не могу сидеть сложа руки! – воскликнула она. – Мы сделали всю работу, а слава достанется армейским инженерам. Как это грубо с их стороны – удалить нас с раскопок. В конце концов, эта земля все еще принадлежит Сэму. – Лили принялась нервно жевать кончик ручки: – Почему молчит сенатор? Он уже должен был дать о себе знать.

– Не знаю. – Сэндекер пожал плечами. – После того как я передал ему слова Дирка, он обещал как-нибудь уладить дело.

– Жаль только, мы не знаем, что он делает, – пробормотала Лили.

На ступеньках появился Тринити, украсивший себя цветастым фартуком:

– Как вы относитесь к порции знаменитого чили Тринити?

Лили покосилась на хозяина с подозрением:

– Очень острое?

– Маленькая леди! Я могу сделать его мягким, как зефир, и острым, как аккумуляторная кислота. Какой вариант вы предпочитаете?

– Зефир меня устраивает больше, – ни секунды не колеблясь, решила Лили.

Прежде чем Питт и Сэндекер успели сделать свой выбор, Тринити насторожился и направил все свое внимание в ночную тьму, которую как раз в этот момент прорезали лучи фар.

– Должно быть, идет еще один армейский конвой. Здесь полностью прекратилось движение, после того как генерал перекрыл дорогу и стал поворачивать весь транспорт на север.

Вскоре они насчитали пять грузовиков, впереди которых шел «хаммер» – машина, заменившая старый добрый джип. Грузовик, замыкавший колонну, тащил трейлер, на котором лежало какое-то оборудование, укрытое брезентом. Конвой не свернул с дороги в сторону лагеря инженеров на холме Гонгора и не проехал дальше, к центру города Рома. Грузовики вслед за «хаммером» повернули на подъездную аллею, ведущую к «Римскому цирку Сэма», и остановились между заправкой и магазином. Из «хаммера» выбрались пассажиры и принялись оглядываться.

Питт сразу же узнал знакомые лица. Двое из прибывших были в военной форме, а третий – в обычном свитере и хлопчатобумажных брюках.

Питт перелез через ограждение балкона и, ухватившись за вертикальные прутья, начал сползать вниз, а затем спрыгнул на землю. Он весьма эффектно приземлился перед группой прибывших гостей, правда, не смог сдержать стона – нога все еще болела.

– Ты откуда свалился? – спросил Джордино, расплывшись в широкой улыбке. Он был бледен, рука все еще болталась на перевязи, но во всем остальном итальянец выглядел как обычно.

– То же самое я хотел спросить у тебя.

Вперед выступил полковник Холлис:

– Я не думал, что мы снова встретимся так быстро.

– Я тоже, – добавил майор Диллинджер.

Питт, пожимая руки прибывшим, почувствовал огромное облегчение.

– Сказать, что я просто рад вас видеть, было бы не совсем верно. Я счастлив как мальчишка, получивший в подарок свой первый велосипед. Как вы сюда попали?

– Ваш отец очень постарался убедить Объединенный комитет начальников штабов, – пояснил Холлис – Я еще не успел закончить отчет о нашей миссии на «Леди Флэмборо», когда поступил приказ собрать отряд и направляться сюда наземным транспортом, используя объездные пути. Все это очень непонятно. Мне было сказано, что полевой командир не будет извещен о нашем прибытии, пока я не доложу ему сам.

– Генерал Чандлер? – спросил Питт.

– Да, генерал Чандлер. Я служил под его начатом восемь лет назад в войсках НАТО. Он до сих пор думает, что одно только оружие может решить исход войны. Вот, значит, кому поручили грязную работу – защищать мост!

– Какие вы получили приказы? – спросил Питт.

– Помогать вам и доктору Шарп в той работе, которую вы выполняете. Адмирал Сэндекер будет являться связующим звеном между сенатором и Пентагоном. Это все, что я знаю.

– Никаких упоминаний о Белом доме?

– Ничего определенного.

Он повернулся, увидев выходящих из дома Лили и адмирала. Путь по внутреннем лестницам у них занял больше времени, чем у Питта, зато был более безопасным. Пока Лили обнимала Джордино, а Диллинджер представлялся адмиралу, Холлис отвел Питта в сторону.

– Что, черт возьми, здесь происходит? – шепотом спросил он. – Цирк какой-то.

Питт ухмыльнулся:

– Вы даже себе не представляете, насколько вы близки к истине.

– Какая роль будет отведена силам специального назначения?

– Когда здесь начнется всеобщая вакханалия, – сказал Питт, став совершенно серьезным, – вы взорвете склад.

71

Ковшовый экскаватор, доставленный отрядом спецназа из Виргинии, был огромен. Опираясь на широкие покрышки, он вполз по склону на площадку, которую Лили отметила флажками. После десятиминутного

инструктажа и небольшой тренировки Питт запомнил функции рычагов и принялся управлять стальным монстром без посторонней помощи. Он поднял 2,5-метровый ковш и опустил его, словно гигантскую когтистую лапу, на твердую землю. Ковш громко лязгнул.

Меньше чем через час по склону холма протянулась траншея глубиной шесть метров и длиной двадцать метров. На этой стадии раскопки были прерваны появлением «шевроле» и грузовика с вооруженными солдатами.

«Шевроле» еще продолжал двигаться, когда из него выпрыгнул капитан, державшийся настолько прямо, что Питт сразу понял, к кому относится выражение «проглотить аршин». В глазах капитана светилась фанатичная преданность воинской дисциплине.

– Это закрытая зона, – довольно вежливо сообщил он. – Я вас персонально предупреждал два дня назад больше здесь не появляться. Вы должны немедленно вывезти оборудование и убраться отсюда сами.

Питт безразлично пожал плечами, спрыгнул на землю, обошел офицера, словно его и не существовало, и заглянул в траншею.

Капитан покраснел и рявкнул сержанту:

– Сержант О'Хара, выделите людей, чтобы вывезти этих гражданских лиц за пределы зоны оцепления.

Питт медленно обернулся и улыбнулся самой приятной улыбкой, на которую он был способен:

– Извините, но мы остаемся.

Капитан тоже улыбнулся, правда, его улыбка вышла несколько кривой.

– У вас есть три минуты, чтобы уйти и прихватить с собой вашу автоматическую лопату.

– Быть может, вы хотите посмотреть бумаги, разрешающие нам пребывание здесь?

– Если они не подписаны генералом Чандлером, они не имеют силы.

– Они выданы более высоким командованием, чем ваш генерал.

– У вас три минуты, – резко повторил капитан. – После этого я удалю вас силой.

Лили, Джордино и адмирал, сидевшие в позаимствованном у Тринити джипе, вышли, чтобы лучше видеть шоу. На Лили был только бюстгальтер от купальника и обтягивающие шорты. В таком виде она нахально прошлась взад-вперед перед строем солдат.

Женщины, никогда не работавшие уличными проститутками, не умеют ходить, зазывно покачивая бедрами, и чтобы походка при этом казалась естественной. Когда же они пытаются подражать такой походке, обычно получается грубый фарс. Лили не была исключением, но мужчинам было абсолютно все равно. Они поедали ее глазами.

Питт начал злиться. Очень уж ему не нравились тупые солдафоны.

– В вашем распоряжении двенадцать человек, капитан, двенадцать инженеров, почти не имеющих боевого опыта, У меня сорок человек, из них любые два могут расправиться со всеми вашими вояками голыми руками, затратив на это не более тридцати секунд. Я вас не прошу, я приказываю, проваливайте отсюда.

Капитан совершил оборот вокруг своей оси, но никого не увидел, кроме Лили, завлекающей его солдат, адмирала Сэндекера, спокойно попыхивающего сигарой, и еще одного человека с перевязанной рукой. Последний стоял, прислонившись к борту джипа, и, казалось, дремал.

Капитан снова взглянул на Питта. Но тот не проявлял никаких эмоций. Тогда капитан сделал знак рукой и завопил:

– Сержант, уберите отсюда этих людей, ко всем чертям!

Прежде чем его люди успели сделать два шага, рядом с ними, словно из воздуха, материализовался полковник Холлис. Камуфляжная форма, раскрашенные лицо и руки позволили ему удивительным образом слиться с окружающим пейзажем. Он находился за кустами всего лишь в пяти метрах от места действия, оставаясь практически невидимым.

– У нас проблемы? – спросил Холлис, глядя на капитана не более дружелюбно, чем кот на мышь.

У капитана непроизвольно открылся рот, а его люди замерли в немом изумлении. Капитан сделал несколько шагов к Холлису, внимательно осмотрел его, но не заметил никакого намека на ранг.

– Кто вы? – выдохнул он. – Ваше звание?

– Полковник Мортон Холлис, силы специального назначения.

– Капитан Луис Крэнстон, сэр, четыреста восемьдесят шестой инженерный батальон.

Военные обменялись приветствиями. Холлис кивнул на замерших в строю инженеров, державших оружие наготове:

– Полагаю, капитан, вы можете скомандовать вашим людям «вольно».

Крэнстон не был уверен, должен ли он слушаться незнакомого полковника, возникшего из ниоткуда.

– Могу я спросить, полковник, что здесь делает офицер спецназа?

– Слежу, чтобы этим людям, ведущим здесь археологические раскопки, никто не мешал.

– Я должен напомнить вам, сэр, гражданским людям не позволено находиться в закрытой военной зоне.

– Кажется, я вам уже сказал, что они имеют право здесь находиться.

– Извините, полковник. Но у меня есть прямой приказ генерала Чандлера. Он выразился вполне определенно. Ни один человек, это относится и к вам, сэр, не входящий в состав батальона, не должен находиться...

– Должен ли я понимать, – ухмыльнулся Холлис, – что вы и меня собираетесь выбросить отсюда?

– Если вы не можете предъявить приказ, подписанный генералом Чандлером и разрешающий ваше присутствие здесь, – нервно проговорил Крэнстон, – я буду следовать полученным мной инструкциям.

– Ваше упрямство может только повредить вам, капитан. Советую передумать.

Крэнстон прекрасно понимал, что полковник с ним играет как кошка с мышкой, и это ему не нравилось.

– Пожалуйста, не создавайте проблем, полковник.

– Грузите своих людей в машины и возвращайтесь на базу, – сказал Холлис – И не думайте оглядываться.

Питт искренне наслаждался словесной дуэлью, но все же решил, что пора заняться делом. Он нехотя отошел, спустился в траншею и начал изучать грунт на дне. Джодино и Сэндекер лениво приблизились к краю траншеи, чтобы посмотреть, чем занят их товарищ.

Крэнстон пребывал в сомнении. Перед ним был старший по званию, но у капитана был прямой приказ. Он решил держаться твердо, а в случае каких-либо неприятностей генерал Чандлер его прикроет.

Он еще только раскрывал рот, чтобы приказать своим людям очистить район, как Холлис достал из кармана свисток и дважды громко свистнул.

Сорок человек со всех сторон поднялись из кустов, словно мертвецы в фильме ужасов, восставшие из могил. Они молча окружили капитана Крэнстона и его людей.

В глазах Холлиса отразилась откровенная насмешка:

– Пиф-паф, вы убиты.

– Вы звали, босс? – спросил близлежащий куст голосом Диллинджера.

Крэнстон сломался.

– Я… должен… доложить генералу Чандлеру, – пробормотал он.

– Так, сделайте это, и побыстрее, – холодно проговорил Холлис – Вы также можете сообщить ему, что я действую по приказу генерала Клейтона Меткалфа из Объединенного комитета начальников штабов. Если он свяжется с Пентагоном, то без труда получит подтверждение. Эти люди и мой отряд не собираемся мешать вашим раскопкам на холме Гонгора или вмешиваться в операции генерала на берегу реки. Наша задача – найти и сохранить римские артефакты, которые могут находиться вблизи поверхности земли, прежде чем они будут утеряны или украдены. Вы все поняли, капитан?

– Да, сэр, – пробормотал капитан Крэнстон, глядя на окруживших его бесстрастных людей, лица которых почему-то казались ему угрожающими.

– Есть еще один! – завопил Питт из траншеи.

Сэндекер помахал рукой, подзывая остальных к траншее:

– Он что-то нашел!

Противостояние моментально было забыто. Инженеры наперегонки со спецназовцами бросились к краю траншеи. Питт стоял на коленях, счищая руками грязь с продолговатого металлического предмета.

Он извлек находку и очень осторожно передал Лили.

Куда только подевалось ее легкомыслие? Внимательно осмотрев металлический предмет, она сказала:

– Меч четвертого века с явно выраженными признаками принадлежности к Римской империи. Почти невредим, вижу лишь несколько пятен коррозии.

– Можно посмотреть? – спросил Холлис.

Лили передала находку полковнику. Он стиснул рукоятку и поднял меч над головой.

– Подумать только, – пробормотал он, – что последним человеком, державшим в руках эту игрушку, был римский легионер! – Он протянул меч Крэнстону. – Как бы вам понравилось, капитан, вступить в бой с этим вместо автомата?

Крэнстон поспешно отступил назад.

– Мне кажется, лучше уж получить пулю, – задумчиво изрек он, – чем быть разрубленным на куски.

* * *

Когда инженеры вместе с командиром отбыли восвояси, Питт с чувством пожал руку Холлису.

– Примите мои комплименты по поводу маскировки, полковник. Я смотрел очень внимательно, но заметил только троих из вашего отряда.

– Было очень странно, – сказала Лили, – точно знать, что вы здесь, и никого не видеть.

Холлис выглядел несколько смущенным.

– Мы больше привыкли маскироваться в лесу или джунглях. Маскировка в полупустыне для нас неплохая тренировка.

– Будем надеяться, генерал Чандлер купится на доклад капитана Крэнстона, – ухмыльнулся Джордино.

– Полагаю, он его и слушать не станет, – сказал Питт. – Генерал сейчас до крайности озабочен миллионами мексиканцев, которые вот-вот хлынут через границу и захватят сокровища библиотеки. Ему не до нас.

– А откуда здесь римский меч? – поинтересовался Холлис.

– Из коллекции Сэма.

Холлис удивленно посмотрел на Питта:

– Значит, вы не в траншее его нашли?

– Нет, конечно.

– А зачем вы здесь копаетесь?

Питт словно не слышал Холлиса. Он поднялся на вершину холма и посмотрел в сторону Мексики. Палаточный городок разросся и стал в два раза больше, чем был накануне. Все начнется завтра, подумал Питт. Завтра вечером Топильцин начнет штурм. Потом он повернул голову налево и взглянул на холм Гонгора.

Армейские инженеры копали в точности там, где Лили четыре дня назад поставила вешки. Они вели раскопки в двух местах. Во-первых, они

прокапывали тоннель, предусмотрительно снабжая его крепежными стойками, во-вторых, сооружали открытую шахту – кратер на склоне холма. Работа шла медленно, поскольку генерал Чандлер использовал часть инженеров на охране границы.

Питт вернулся к Холлису и спросил:

– Кто у вас лучший эксперт по взрывам?

– Майор Диллинджер – лучший взрывник в наших войсках.

– Мне нужно двести килограммов нитрогеля С-6.

Холлис искренне удивился:

– Двести килограммов С-6? Зачем, ради всего святого? Десяти килограммов достаточно, чтобы превратить в пыль целый линкор! Вы понимаете, о чем просите? Смесь нитрогеля взрывается при малейшем сотрясении.

– И еще побольше прожекторов, – продолжал Питт, – Их можно позаимствовать у какой-нибудь рок-группы. Прожекторы и хорошее аудио-оборудование. – Потом он обратился к Лили. – А тебе я доверяю найти плотника, который в состоянии сколотить ящик.

– Зачем тебе все это? – Лили взирала на Питта широко открытыми от удивления глазами.

– Я позже объясню, – отмахнулся Питт.

– Тебе лучше этого не знать, – простонал Джордино.

– Все это кажется мне форменным безумием, – задумчиво констатировала девушка.

Она права, подумал Питт, но только отчасти. Его план был куда безумнее, чем она могла вообразить. Но он предпочел пока никому об этом не сообщать.

72

Зеленое такси «вольво» остановилось у подъездной аллеи, ведущей к вилле Язида в пригороде Александрии. Египетские охранники, поставленные туда по личному указанию президента Хасана, настороженными взглядами следили за машиной, из которой никто не вышел.

Аммар сидел на заднем сиденье, его лицо было закрыто толстым слоем бинтов. На нем был голубой шелковый халат и маленький красный тюрбан. После успешного побега с Санта-Инес ему оказал первую медицинскую помощь хирург, практикующий на задворках

Буэнос-Айреса и не задающий никаких вопросов. Затем был зафрахтован небольшой самолет, доставивший его и Ибн-Тельмука через океан в маленький аэропорт, расположенный далеко за пределами города.

Аммар не чувствовал боли в пустых глазницах. Сильные лекарства сделали свое дело. Но говорил он из-за раздробленной челюсти с большим трудом. Он ощущал странное чувство покоя, даже умиротворения, но его ум был изобретателен и безжалостен, как и раньше.

– Приехали, – сказал Ибн-Тельмук с водительского сиденья.

Аммар видел виллу Язида мысленным взором, отлично представляя каждую деталь.

– Я знаю, – ответил он.

– Ты не должен этого делать, Сулейман Азиз.

– У меня больше нет ни надежд, ни страхов, – очень медленно проговорил Аммар, преодолевая боль. – На все воля Аллаха.

Ибн-Тельмук вышел из машины, открыл заднюю дверь, помог Аммару выйти и повернул его лицом к воротам, у которых стояли охранники.

– Ворота в пяти метрах от тебя, – тихо произнес он, старательно сдерживая рвущиеся наружу эмоции. Он на мгновение обнял Аммара. – Прощай, Сулейман Азиз, мне будет тебя не хватать.

– Сделай то, что обещал, мой верный друг, и мы обязательно встретимся в садах вечности.

Ибн-Тельмук поспешно отвернулся и почти бегом устремился к машине. Аммар стоял без движения, пока звук мотора не стих вдалеке. Потом двинулся к воротам.

– Стой где стоишь, слепой человек, – приказал охранник.

– Я пришел навестить моего племянника Ахмеда Язида, – сказал Аммар.

Охранник кивнул другому, который быстрыми шагами направился в небольшое сторожевое помещение и сразу же вышел оттуда, держа в руке список, в котором было около двадцати имен.

– Дядя, говоришь? Как тебя зовут?

Аммар наслаждался своим последним спектаклем. Он напомнил одному полковнику из министерства обороны Абу Хамида, что за тем числится некий должок, получил список тех, кому разрешен доступ на виллу Язида, и выбрал имя человека, с которым невозможно связаться сразу.

– Мустафа Макфуз.

– Твое имя есть в списке. Но я должен проверить удостоверение личности.

Охранник внимательно изучил поддельное удостоверение, тщетно пытаясь сравнить фотографию с виднеющимися из-под бинтов небольшими участками лица.

– Что случилось с твоим лицом?

– На базаре в Эль-Мансуре взорвалась бомба, и меня ранило осколками.

– Мне очень жаль, – сказал охранник с искренним сочувствием, – но винить в этом нужно твоего племянника. Это его люди занимаются подобными вещами. – Затем он обратился к другому охраннику: – Если он пройдет металлоискатель, отведи его в дом.

Аммар поднял руки, ожидая, что его обыщут.

– Нет никакой необходимости в личном обыске, Макфуз. Если у тебя есть оружие, аппарат его почувствует.

Металлоискатель ничего не нашел и потому не издал ни звука.

Подойдя к главному входу на виллу, Аммар испытал злорадное наслаждение. Поднимаясь по ступенькам, он сожалел только о том, что не сможет увидеть лицо Язида, когда они встретятся. В последний раз он входил на виллу именно через главный вход, а не через боковую дверь, как обычно.

Его провели в помещение, которое, судя по гулкому эху, вызванному звуком шагов охранника, было просторным. Вероятно, это была большая гостиная. Аммара подвели к каменной скамье, и он сел.

– Жди здесь.

Аммар слышал, как охранник сказан кому-то несколько неразборчивых слов и вышел – надо полагать, вернулся на пост. Прошло несколько минут, и снова послышались шаги, а потом раздался громкий, презрительный голос:

– Ты Мустафа Макфуз?

Аммар сразу узнал голос.

– Да, – небрежно ответил он. – Я тебя знаю?

– Мы не встречались. Я Халед Фаузи, председатель революционного совета Ахмеда.

– Я слышал о тебе много хорошего. – Невежественный осел, подумал Аммар. Он не узнал меня под бинтами и из-за медленной речи. – Рад встретиться с тобой.

– Пошли, – сказал Фаузи и взял Аммара за руку. – Я отведу тебя к Ахмеду. Он думает, что ты еще выполняешь его поручение в Дамаске, и не знает о твоем ранении.

– Это результат покушения, состоявшегося три дня назад, – важно сообщил Аммар. – Я только сегодня утром вышел из госпиталя и сразу прилетел сюда.

– Ахмед будет рад тебя видеть, хотя, безусловно, огорчится из-за твоих ран. К сожалению, ты пришел не совсем вовремя.

– Я его не увижу?

– Он молится, – сказал Фаузи.

Несмотря на боль, Аммар мысленно расхохотался. Он явственно ощутил присутствие еще одного человека в комнате.

– Очень важно, чтобы мы встретились.

– Ты можешь говорить со мной совершенно свободно, Мустафа Макфуз. – Имя было произнесено с отчетливым сарказмом. – Я все передам Ахмеду.

– Скажи, что речь идет о его союзнике.

– О каком еще союзнике? – не понял Фаузи.

– О Топильцине.

Произнесенное имя, казалось, на неопределенное время повисло в воздухе. Через некоторое время затянувшееся молчание было прервано новым голосом.

– Ты должен был остаться на острове и сдохнуть там, Сулейман, – злобно выкрикнул Ахмед Язид.

Спокойствие не покинуло Аммара. Он поставил все на карту ради этого момента и не был намерен упустить свой шанс. Он не собирался ожидать смерти. Он хотел пойти к ней навстречу и заключить ее в свои объятия. Жизнь слепого калеки не для него. Месть станет его избавлением.

– Я не мог умереть, – спокойно ответил он, – не поговорив с тобой в последний раз.

– Прекрати болтать и сними эти ужасные бинты. Ты теряешь форму, Аммар. Макфуза ты сыграл бездарно, тем более для человека твоей квалификации.

Аммар не ответил. Он медленно размотал бинт и бросил его на пол.

Взглянув на то; что осталось от лица Аммара, Язид чуть слышно охнул. Зато в жилах Фаузи текла кровь садиста. Он во все глаза всматривался в уродливую личину, получая от этого извращенное наслаждение.

– Это плата за мою службу, – отметил Аммар.

– Как тебе удалось выжить? – спросил Язид, причем его голос заметно дрожат.

– Мой преданный друг Ибн-Тельмук сначала двое суток прятал меня от американцев, а потом, когда они покинули остров, построил плот. Мы на нем дрейфовали почти десять часов, прежде чем нас подобрати чилийские рыбаки и доставили на берег возле небольшого аэропорта в Пуэрто-Уильямсе. Там мы украли самолет и перелетели в Буэнос-Айрес, где я зафрахтован другой самолет, доставивший нас в Египет.

– Смерти не так-то легко заполучить тебя, – пробормотал Язид.

– Ты же понимаешь, что подписан себе смертный приговор, явившись сюда, – взвизгнул Фаузи.

– Я не ждал ничего другого, – невозмутимо подтвердил Аммар.

– Сулейман Азиз Аммар, – задумчиво проговорил Язид, – величайший убийца своего времени, человек, которого знали и опасались ЦРУ и КГБ, разработчик и исполнитель самых громких преступлений, закончит свою жизнь грязным уличным попрошайкой.

– О чем ты говоришь, Ахмед? – удивился Фаузи.

– Этот человек уже мертв, – с ощутимым удовлетворением сказал Язид. – Наши финансовые эксперты позаботятся о том, чтобы все его состояние перешло ко мне. А потом он будет вышвырнут на улицу, причем специально приставленные охранники будут круглосуточно следить, чтобы он оставался в трущобах. Он проведет остаток дней своих, выпрашивая на улицах подаяние. Это куда хуже, чем быстрая и легкая смерть.

– Ты сам убьешь меня, когда услышишь то, что я скажу, – сказал Аммар.

– Я слушаю, – заинтересовался Язид.

– Я надиктован полный отчет о похищении «Леди Флэмборо», включая имена и даты. Он занял тридцать страниц. В него я включил свои

соображения по поводу роли мексиканцев в этой авантюре, а также о возможной связи между тобой и Топильцином. В данный момент его читают сотрудники разведывательных управлений шести стран и международных информационных агентств. Так что с тобой, Язид, покончено!

Он замолчал, вскрикнув от боли, которой взорвалась его голова. Фаузи, сверкая глазами и скрипя зубами от злости, нанес ему удар по лицу. Строго говоря, удар был довольно слабым. Обладая взрывным темпераментом, Фаузи не мог похвастать физической силой. Но он пришелся по раненой челюсти Аммара.

Будучи в хорошей физической форме, Аммар не заметил бы удара, но сейчас он едва не лишился сознания от адской боли.

Он отшатнулся назад и попытался защитить лицо от наскакивающего на него Фаузи. Одновременно он прилагал максимум усилий, чтобы вернуть себе ясность мыслей.

– Прекрати! – крикнул Язид. – Неужели ты не видишь, что этот человек ждет легкой смерти. Он, скорее всего, врет, надеясь, что мы убьем его здесь и сейчас.

Аммару удалось обрести самоконтроль, и он почти успокоился, прислушиваясь к отрывистому дыханию беснующегося Фаузи и громкому голосу Язида. Теперь перед ним стояла самая трудная задача – определить, кто из них где находится.

Он вытянул вперед левую руку, сделал несколько маленьких шажков вперед и коснулся правой руки Язида. Свободная рука Аммара метнулась за шею, где в верхней части спины справа от позвоночника с помощью специальной ленты был приклеен графитовый нож.

Сделанный специально для тайных операций, этот нож не определялся ни одним металлоискателем.

Отлепив восемнадцатисантиметровое лезвие от своей спины, Аммар с размаху всадил его в грудь Язида.

Сильнейший удар сбил с ног лидера мусульманских революционеров. Глаза Пола Капестерре потемнели от ужаса, он попытался кричать, но смог издать лишь сдавленный хрип.

– Прощай, подонок, – прошептал Аммар, с трудом шевеля разбитой челюстью.

Выдернув нож, он снова взмахнул им, описав широкую дугу в ту сторону, где, по его предположениям, стоял Фаузи. Этот нож не предназначался

для рубяших ударов, однако Аммар почувствовал, что задел истеричного юнца, очевидно, раскроив ему щеку.

Аммар знал, что Фаузи был правшой и всегда носил пистолет – старый девятимиллиметровый люгер в кобуре под левой рукой. Он бросился в сторону Фаузи, отчаянно стараясь достать фанатика, размахивая ножом перед собой.

Но он был слепым и далеко не таким ловким, как раньше.

Фаузи успел вытащить люгер, приставить его к животу Аммара и дважды нажать на курок, прежде чем нож вонзился в его сердце. Он сделал несколько неуверенных шагов в сторону и с изумленным любопытством взглянул на торчащий из его груди нож, потом глаза его закатились, и Халед Фаузи рухнул на пол всего лишь в метре от своего командира.

Аммар очень медленно опустился на выложенный плиткой пол и перевернулся на спину. Он больше не чувствовал боли. Перед его мысленным взором замелькали странные, причудливые видения. Он чувствовал, как жизнь вытекает из него.

Его судьбу решил человек, которого он встретил лишь однажды, высокий человек с зелеными глазами и насмешливой ухмылкой на губах. На мгновение его захлестнула волна ненависти, которая на удивление быстро схлынула. Дирк Питт – это имя огненными буквами горело в умирающем сознании Аммара.

В последний момент он почувствовал радостное удовлетворение. Он знал, что Ибн-Тельмук позаботится о Питте. И тогда миссия Сулеймана Азиза Аммара на земле будет завершена.

73

Президент сидел в кожаном кресле и смотрел на четыре телевизионных монитора. Три были настроены на главные каналы, а на четвертый передавались сведения прямо от армейских связистов, работавших в городе Рома. Президент выглядел усталым, но его глаза горели от напряжения. Он переводил взгляд с одного монитора на другой и непроизвольно хмурился.

– Не могу поверить, что так много людей удалось собрать на такой маленькой площади! – заметил он.

– У них кончается продовольствие, – сказал Шиллер, читающий оперативный отчет ЦРУ, – начались перебои с питьевой водой, да и санитарные условия существенно ухудшились.

– Это произойдет сегодня или никогда, – устало изрек Николс.

Президент спросил:

– Сколько там народу, хотя бы примерно?

– Если верить компьютерным подсчетам, основанным на данных аэрофотосъемки, около четырехсот тридцати пяти тысяч, – ответил Шиллер.

– И все они собираются влиться в коридор шириной не более километра, – мрачно добавил Николс.

– Черт бы побрал этого ублюдка! – Президент иногда позволял себе проявлять эмоции. – Неужели он не понимает, что, даже если не последует ни одного выстрела, только при прорыве будут убиты или утонут тысячи людей!

– Причем большинство из них женщины и дети, – добавил Николс.

– Семья Капестерре никогда не славилась милосердием и благородством, – язвительно сказал Шиллер.

– Еще не поздно его убрать. – Это была реплика директора ЦРУ Мартина Брогана. – Убийство Топильцина было бы сравнимо с убийством Гитлера в тысяча девятьсот тридцатом году.

– Если, конечно, ваш стрелок сумеет подобраться достаточно близко, – ухмыльнулся Николс, – и согласился с тем, что после выстрела его разорвет в клочья обезумевшая толпа.

– Я думал о выстреле из мошной винтовки с четырехсот метров.

Шиллер решительно покачал головой:

– Неразумное решение. Выстрелить можно только с возвышения на нашей стороне реки. Мексиканцы сразу же поймут, кто виноват в гибели их кумира. И тогда события могут пойти по еще более опасному сценарию. Вместо мирных жителей на людей генерала Чандлера обрушится обезумевшая толпа. Они начнут штурм города Рома, вооружившись тем, что попадет под руку, – винтовками, ножами, камнями и бутылками. Вот тогда мы получим настоящую войну.

– Я согласен, – заявил Николс – Генералу Чандлеру придется обороняться, пустив в ход все имеющиеся силы и средства, хотя бы для того, чтобы спасти своих людей и американских граждан, находящихся в том районе.

Президент стукнул кулаком по ручке кресла:

– Неужели мы ничего не можем сделать, чтобы предотвратить бойню?

– Куда ни кинь, всюду клин, – философски заметил Николс.

– Может быть, стоит махнуть рукой на сокровища Александрийской библиотеки и отдать их президенту Де Лоренцо? Так мы, по крайней мере не дадим им попасть в грязные руки Топильцина.

– Бессмысленный жест, – сказал Броган. – Топильцин использует артефакты только как повод для конфронтации. Наши источники сообщают, что он готовит аналогичные вторжения из Байи в Южную Качифорнию и из Ногалеса в Аризону.

– Если бы мы только смогли остановить это безумие, – пробормотал президент.

Зазвонил один из четырех телефонов, и Николс снял трубку:

– Это генерал Чандлер, господин президент. Шифратор включен.

Президент тяжело вздохнул:

– Посмотреть в глаза человеку, которому я, возможно, отдам приказ убить десятки мирных жителей, это самое малое, что я могу сделать.

Монитор на мгновение погас, но потом засветился снова, и на экране появилось лицо человека, которому уже давно перевалило за четвертый десяток. Он имел резко очерченные черты лица и густые, хотя и изрядно посеребренные сединой волосы. Тот факт, что жизнь его никто бы не рискнул назвать спокойной, подтверждали глубокие морщины, избороздившие лоб и залегшие вокруг глаз.

– Доброе утро, генерал, – поприветствовал его президент. – Мне жаль, что я вас вижу, а вы меня нет, но на этом конце линии нет камеры.

– Я понимаю, господин президент.

– Какова ситуация?

– Только что начался сильный дождь, для бедняг на том берегу это воистину подарок Господа. Они смогут пополнить запасы пресной воды, немного уляжется пыль, да и зловоние, идущее от отхожих мест, уменьшится.

– Были провокации?

– Обычное скандирование и транспаранты. Пока обошлось без насилия.

– Скажите, с того места, где вы сейчас находитесь, не заметно ли групп людей, которые бы уходили домой?

– Нет, сэр, – сказал Чандлер. – Даже наоборот, их энтузиазм еще более увеличился. Они уверены, что их ацтекский мессия вызвал дождь, а он бьет себя в грудь, чтобы закрепить их веру в эту чепуху. В толпе появились католические священники, умолявшие людей вернуться в

лоно церкви и разойтись по домам, но приспешники Топильцина быстро выдворили святых отцов.

– Мартин Броган считает, что они выступят сегодня ночью.

– Моя разведка согласна с предположением мистера Брогана. – Генерал немного помедлил, но все-таки решился задать главный вопрос: – Вы не изменили приказ, господин президент? Я должен остановить их любой ценой?

– Если я не отдам другой приказ, генерал.

– Должен сказать, сэр, что вы поставили меня в очень сложное положение. Я не могу гарантировать, что мои люди станут стрелять в женщин и детей, даже получив приказ.

– Я вас прекрасно понимаю, генерал. Но если мы не удержимся в районе города Рома, миллионы бедных мексиканцев воспримут это как предложение беспрепятственно перебираться в Соединенные Штаты.

– С этим трудно спорить, господин президент, но, если мы откроем огонь по полумиллионной толпе мирных жителей, нас обвинят в преступлении против человечества.

Слова Чандлера воскресили в памяти президента ужасы нацизма, но он остался тверд.

– И тем не менее, генерал, – торжественно проговорил президент, – наше бездействие обернется катастрофой. Мои эксперты по национальной безопасности предсказывают: страну охватит истерия, на местах начнут стихийно появляться военизированные формирования, призванные остановить поток нелегальных эмигрантов. Никто не будет в безопасности. Смерть соберет обильный урожай и среди мексиканцев, и среди американцев. Консерваторы потребуют от конгресса проголосовать за объявление войны Мексике. А о том, что будет дальше, мне даже думать не хочется.

Все присутствующие в комнате имели возможность видеть всю гамму сомнений и эмоций, отразившуюся на лице генерала. Но когда он заговорил, его голос был тверд и спокоен:

– Я вас почтительно прошу, господин президент, поддерживать со мной постоянную связь в этом режиме.

– Конечно, генерал, – сказал президент. – Скоро соберутся мои советники по безопасности.

– Благодарю вас, господин президент.

На экране появилась баржа на катках, которую сталкивали в воду не меньше ста человек.

– Что ж, господа, – сказал Шиллер и потряс головой, словно стараясь отогнать наваждение, – мы сделали все что могли, чтобы предотвратить взрыв, но потерпели неудачу. Теперь осталось только ждать.

74

Они пошли через час после наступления темноты.

Мужчины, женщины и дети, некоторые только начали ходить, – все держали в руках зажженные свечи. Низкие облака, затянувшие небо после ливня, окрасились в оранжевый цвет из-за волнующегося океана мерцающих огней.

Они приблизились к берегу, напевая протяжную песню древних. Мощный звук прокатился над рекой и заставил вибрировать стекла в окнах домов Ромы.

Беднейшие крестьяне и городская беднота, отверженные, покинувшие свои покосившиеся хибары и грязные дома, выступили единым фронтом. Они были воодушевлены обещанием Топильцина нового расцвета некогда могущественной империи ацтеков на бывших землях, теперь принадлежавших Соединенным Штатам. Это были отчаявшиеся люди, давно перешагнувшие черту бедности, ведомые вперед надеждой на лучшую жизнь.

Они двигались очень медленно, направляясь к ожидавшим у берега лодкам. Они шли по грязным и скользким после дождя дорогам. Маленькие дети заходились в крике, когда матери несли или вели их на ненадежные плоты, покачивающиеся у берега.

Толпа напирала, и те, кто шел в первых рядах, палата в реку. Повсюду раздавались испуганные крики, потому что первыми жертвами, как водится, стали дети. Одни тонули сразу, другие держались на воде, и их относило течением, причем спасти почти никого не удавалось, поскольку сильные мужчины остались далеко позади.

Очень медленно лодки и плоты отходили от берега и начинали двигаться на противоположную сторону реки.

Прожекторы американских солдат и многочисленных телевизионщиков ярко освещали мятущуюся орду, переплывающую реку. Солдаты с нелегким чувством наблюдали разворачивающуюся перед ними человеческую трагедию, в которой им в самом ближайшем будущем предстояло принять участие.

Генерал Чандлер стоял на крыше полицейского участка города Ромы – оттуда все было видно как на ладони. Его лицо посерело, глаза горели отчаянием. Происходящее оказалось хуже его самых страшных ожиданий.

– Вы все видите, господин президент? – спросил он, повернувшись к маленькому микрофону, закрепленному на воротнике мундира.

Президент не сводил воспаленных от переутомления глаз с огромного монитора.

– Да, генерал, изображение совершенно отчетливое. – Он сидел в конце длинного стола для совещаний в окружении своих ближайших советников, членов кабинета и двоих из четверых членов Объединенного комитета начальников штабов. Все смотрели на невероятный спектакль, причем стереозвук и яркие краски многократно усиливали эффект.

Первые лодки уже пристали к берегу, и люди начали выбираться на песок. Но они не спешили. Только когда все плавсредства первой волны доставили людей на берег и направились обратно за второй партией, толпа сплотилась и двинулась вперед. Несколько мужчин, переправившихся с первой волной, бегали по берегу со свистками, подгоняя вперед женщин и детей.

Сжимая в руках свечи и ведя за собой детей, женщины устремились вверх по пологим тропинкам, огибающим обрывистый берег, продолжая тянуть заунывный ацтекский напев. Они походили на армию муравьев, на пути которой попался камень, и она, разделившись, обтекала его, чтобы вновь соединиться на другой стороне.

Камеры показали испуганные лица детей и их матерей, когда они оказались перед направленными на них дулами винтовок. Впрочем, испуг женщин был недолгим. Топильцин заверил людей, что его божественная сила защитит их от пуль, и они фанатично ему верили.

– Боже мой! – воскликнул Даг Оутс, не в силах поверить своим глазам. – В первой волне только женщины и малые дети!

Комментариев не последовало. Высшие государственные чиновники США с ужасом наблюдали, как еще одна толпа женщин с фанатичным блеском в глазах, волоча за собой орущих детей, пошла по мосту навстречу танкам и бронетранспортерам.

– Генерал, – обратился президент к Чандлеру, – вы можете дать залп над их головами?

– Конечно, сэр. Я уже приказал моим людям зарядить холостые. Если использовать боевые, слишком высок риск для людей.

– Правильное решение, – одобрил генерал Меткалф. – Кертис знает, что делает.

Генерал Кертис Чандлер обратился к одному из своих помощников:

– Прикажите дать залп холостыми.

Помощник – боевого вида майор – рявкнул в передатчик:

– Холостыми – огонь!

Ночь озарилась яркими вспышками, сопровождающимися оглушительным грохотом. От сотрясения воздуха, как от порыва ветра, задуло свечи в толпе. Грохот пушечных выстрелов, тарахтенье автоматов и винтовок разнеслось по всей долине.

Всего десять секунд прошло между командами «огонь» и «прекратить огонь». Некоторое время еще было слышно эхо, отразившиеся от низких холмов Ромы.

А потом наступила тишина. Воздух был наполнен резким запахом кордита[51]. Толпа оцепенела.

А потом тишину нарушили крики женщин и визг насмерть перепуганных детей. Одни попадали на землю, прикрывая головы руками, другие застыли, парализованные ужасом. Вопли послышались и на противоположном берегу реки. Там женщины второй волны, опасающиеся, что упавшие на американском берегу убиты или ранены, удерживали своих мужчин от дальнейших действий.

На обоих берегах реки царил кромешный ад, и на какое-то время казалось, что нашествие эмигрантов остановлено.

Но тут снова зажглись прожекторы на мексиканском берегу и осветили фигуру в белых одеждах, стоящую на платформе, которую несли мужчины в белых туниках.

Топильцин распростер руки, являя собой жалкую пародию на Христа, и вопил в громкоговоритель, повелевая женщинам, в страхе Жавшимся к земле, вставать и идти вперед. Шок постепенно прошел, и люди наконец заметили, что нигде не видно ни мертвых, ни окровавленных тел. Многие женщины, обнаружившие, что они не ранены, начинали истерически хохотать. Толпа воспряла духом. Люди ошибочно посчитали, что от пуль и снарядов их защитила божественная сила Топильцина.

– Он нас переиграл, – сказал Юлиус Шиллер.

Президент грустно вздохнул:

– Как уже не раз происходило в нашей отечественной истории, наш гуманизм обернулся против нас.

– Теперь все зависит от Чандлера, – сказал Николс.

Генерал Меткалф кивнул:

– Ему сейчас не позавидуешь.

Настало время принимать решение. Больше ждать было нельзя. А президент, сидящий в своем кресле в Белом доме, молчал. Он ловко передал самую грязную работу военным, возложив всю ответственность на генерала Чандлера.

Президент не мог позволить армии иностранцев, пусть даже невооруженных, вторгнуться в свою страну, но вместе с тем и не мог отдать прямой приказ Чандлеру стрелять в женщин и детей.

Никогда еще президент не чувствовал себя таким беспомощным.

* * *

Поющие женщины с детьми находились уже в нескольких метрах от засевших в окопах солдат. Те же, кто шел во главе колонны, двигающейся по мосту, приблизились настолько, что могли заглянуть в дула пушек.

За плечами у генерала Кертиса Чандлера была долгая и славная военная карьера. Ему было что вспомнить, но абсолютно нечего было ждать, кроме всепоглощающего чувства вины. Его жена умерла, детей не было. Став бригадным генералом, он достиг вершины карьеры, и ему не к чему было стремиться, кроме как к отставке, которая была уже не за горами. И теперь он стоял на возвышенности, наблюдая, как сотни тысяч нелегальных эмигрантов направляются в его страну, и недоумевал, чем он заслужил такое наказание.

На его помощнике в полном смысле слова не было лица, когда он подошел к Чандлеру.

– Сэр, приказ открыть огонь.

Чандлер вглядывался в лица маленьких детей, испуганно жавшихся к матерям. В тусклом свете свечей их глазенки казались огромными и очень черными.

– Генерал, каково будет ваше решение?

Чандлер что-то пробормотал, но помощник не расслышал. Заунывное пение было слишком громким.

– Извините, генерал, вы сказали «огонь»?

Чандлер резко обернулся, его глаза мрачно блестели.

– Пусть идут.

– Сэр?

– Это мой приказ, майор. Пусть идут. Черт меня подери, но я не желаю на исходе дней моих стать детоубийцей. И бога ради, даже не произносите слов «не стрелять». Какой-нибудь тупой ротный может не расслышать.

Майор кивнул и поспешно заговорил в передатчик:

– Всем командирам, генерал Чандлер приказал не предпринимать никаких враждебных действий и позволить эмигрантам пройти через наши позиции. Повторяю, пусть идут.

С огромным облегчением американские солдаты опустили оружие. Прошло совсем немного времени, и они уже вовсю флиртовали с женщинами, играли с детьми и, опустившись на колени, вытирали с чумазых мордашек слезы испуга.

– Простите меня, господин президент, – сказал генерал Чандлер, глядя прямо в камеру. – Мне очень жаль, что я вынужден закончить свою военную карьеру, не подчинившись прямому приказу главнокомандующего, но я считаю, что при данных обстоятельствах…

– Не беспокойтесь, – перебил его президент, – вы оказались на высоте. – Он повернулся к генералу Меткалфу и сказал: – Я не знаю, какое место занимает генерал Чандлер в вашей табели о рангах, но прошу вас позаботиться, чтобы он получил еще одну Белую звезду.

– С большим удовольствием, господин президент.

– Браво, – господин президент, – сказал Шиллер. – Вы по-прежнему уверены в своих кадрах.

На губах президента появилась слабая улыбка:

– Я служил вместе с Кертисом Чандлером в Корее, когда мы оба были артиллерийскими лейтенантами. Он мог бестрепетно вести огонь по беснующейся вооруженной толпе, но ни за что на свете не обидел бы ни ребенка, ни женщину.

– Но дело еще не закончено, – напомнил генерал Меткалф.

Президент кивнул:

– Теперь мне предстоит держать ответ перед американцами за то, что на их землю хлынула масса нелегальных эмигрантов.

– Зато ваша сдержанность станет весомым аргументом в будущих переговорах с президентом Де Лоренцо и другими лидерами центральноамериканских стран, – успокоил его Дуглас Оутс.

– А тем временем, – добавил Мерсьер, – наши военные и дипломаты будут спокойно собирать обманутых Топильцином людей и без шума выдворять их за пределы страны.

– Эта операция должна производиться как можно более гуманно, – твердо заявил президент.

– Мне кажется, господин президент, вы кое-что забыли, – сказал генерал Меткалф.

– Вы о чем?

– Об Александрийской библиотеке. Теперь ничто не помешает Топильцину завладеть артефактами.

Президент устремил взор на сенатора Питта.

– Что скажете, Джордж? Теперь на вас вся надежда. Может быть, вы введете нас в курс своего плана?

Сенатор, не поднимая глаз, упорно смотрел в стол. После долгого молчания он произнес:

– Мой сын Дирк придумал обманный ход. Если все пойдет хорошо, Роберт Капестерре, он же Топильцин, не сможет наложить руки на сокровища древних. Но если план Дирка не сработает, что тоже нельзя исключить, Капестерре будет править Мексикой, а сокровища будут утрачены навсегда.

75

Благодарение богу, религиозный фанатизм и маниакальное стремление к власти Топильцина не привели к кровопролитию. Во время шествия никто не погиб. Единственными жертвами стали утонувшие при первой переправе.

Никем не сдерживаемся толпа прошла через армейские позиции, потом по улицам города к холму Гонгора. Пение прекратилось. Люди выкрикивали лозунги на ацтекском языке, которые ни американцы, ни большинство мексиканцев не понимали.

Топильцин возглавил триумфальное паломничество. Земное воплощение ацтекского бога, он тщательно спланировал свою роль освободителя. Захват египетских сокровищ дал бы ему необходимое влияние и денежные средства для свержения популярной в народе партии президента Де Лоренцо, не подвергая себя неудобствам и

неожиданностям свободных выборов. Всего четыреста метров отделяло семью Капестерре от обладания Мексикой.

До него еще не дошли новости о смерти его брата в Египте. Ближайшие помощники Топильцина во время всеобщего ликования покинули машину связи и не получили это важное известие. Они следовали за платформой, на которой несли Топильцина, ведомые любопытством и желанием первыми увидеть артефакты.

Топильцин стоял, выпрямившись во весь рост, в белых одеждах и накидке из шкуры ягуара, высоко подняв флаг с изображением орла и змеи. На него были направлены переносные прожекторы, заливая ацтекского мессию разноцветными лучами света. Яркий свет раздражат его, и Топильцин приказан направить часть прожекторов на склон.

На холме стояло несколько тяжелых машин, но людей видно не было. Раскопки казались покинутыми. Ни возле кратера, ни возле тоннеля не было ни одного армейского инженера. Это Топильцину не понравилось. Он простер руки, повелевая толпе остановиться. Приказ был повторен многочисленными помощниками с использованием громкоговорителей, и через некоторое время толпа остановилась. Все лица обратились к Топильцину. Люди почтительно ожидали приказа своего божества.

Неожиданно на вершине холма раздался леденящий душу вопль. Он становился все громче и громче, и в конце концов мексиканцы были вынуждены прикрыть уши руками.

Потом в небе вспыхнули фейерверки и бешено заплясали лучи прожекторов. Толпа замерла, привлеченная невиданным зрелищем.

Световое шоу длилось довольно долго и сопровождалось все тем же воплем, вызывавшем в памяти сказки о привидениях-плакальщиках. Причем крик, разнесшийся далеко вокруг, продолжал нарастать.

Неожиданно прожекторы погасли – и безумная пляска огней в небе прекратилась. Крик тоже оборвался, и на толпу обрушилась тишина.

Еще целую минуту после наступления тишины у людей звенело в ушах, а в глазах мелькали огни. А потом невидимый источник света выхватил из темноты одинокую фигуру, стоящую на вершине холма. Эффект был потрясающим. Лучи света отражались от металлических доспехов, окутывая его своеобразным ореолом.

Когда свет стал ярче, удивленные люди ясно увидели, что на холме стоит римский легионер в боевом облачении.

Под отполированным до блеска нагрудником виднелась туника цвета бургундского вина. Шлем на голове и наголенники, защищавшие ноги,

тускло блестели. Гладиус, пристегнутый к кожаной перевязи, висел на боку. В левой руке воина был овальный щит, в правой – копье.

Топильцин взирал на все происходящее с искренним любопытством. Игра? Шутка? Театральное представление? Что задумали американцы? Орда его приверженцев потрясенно затихла, с опаской взирая на легионера, которого они сочли призраком. Потом их лица вновь обратились к Топильцину. Люди ждали, что скажет мессия.

Это обычный блеф, порожденный отчаянием, решил он. Американцы разыграли свой последний козырь, рассчитывая запугать его невежественных, суеверных поклонников. Страх вполне мог удержать этих людей от захвата сокровищ.

– Это может быть трюк, – сказал один из помощников Топильцина, – чтобы захватить вас в качестве заложника.

Топильцин немного подумал и презрительно усмехнулся:

– Конечно, трюк, но не похищение. Американцы прекрасно знают, что толпа впадет в неистовство, если моя священная особа окажется под угрозой. Их хитрость очевидна. Если не считать посланника, кожу которого я вернул в Вашингтон, я отвечал неизменным отказом на все предложения переговоров с официальными деятелями Госдепартамента. Это театральное действо есть не что иное, как последняя неуклюжая попытка поговорить со мной один на один. Интересно будет узнать, что они хотят мне предложить.

Не говоря больше ни слова и не обращая внимания на предостережения советников, он знаком приказал опустить платформу на землю и сошел с нее. Пока он в высокомерном одиночестве поднимался на холм, за ним следили прожекторы. Его ног не было видно под балахоном, поэтому создавалось впечатление, что он не идет, а плывет.

Он шел медленно и уже успел нащупать висящий на ремне под одеждами кольт «Питон-357». В другой руке он сжимал дымовую гранату, при взрыве испускавшую густой дым оранжевого цвета, которая вполне могла потребоваться при отходе.

Приблизившись, Топильцин отчетливо увидел, что римский легионер – обычный манекен, наряженный в музейные одежды. На его лице была намалевана безжизненная улыбка, а нарисованные глаза не выражали ничего. Пластиковые руки и ноги были потерты и покрыты щербинами.

Любопытство, приведшее Топильцина на вершину холма, постепенно уступило место беспокойству. Рассматривая манекен, он сильно вспотел, и его божественное одеяние покрылось пятнами влаги.

Потом из тени мескитовых деревьев выступил человек в высоких ботинках, хлопчатобумажных брюках и белом свитере. Он неторопливо прошествовал вперед и остановился за манекеном. Его пронзительные зеленые глаза были холодны, как арктический лед.

Топильцин решил, что имеет определенное преимущество. Не теряя времени, он заговорил на чистейшем английском языке:

– Зачем вы устроили это представление?

– Чтобы привлечь ваше внимание.

– Примите мои комплименты. Вам это удалось. А теперь, будьте так любезны, изложите мне предложения вашего правительства.

Незнакомец окинул мессию долгим внимательным взглядом:

– Вам кто-нибудь говорил, что ваше одеяние напоминает простыню, да к тому же не слишком чистую?

Глаза Топильцина потемнели.

– Ваш президент решил оскорбить меня, отправив на встречу клоуна?

– Думаю, здесь уместно будет сказать, что каждый получает по заслугам.

– У вас есть одна минута, чтобы изложить ваше дело, – Топильцин обернулся и показал на толпу, – прежде чем я прикажу своим людям возобновить шествие.

Питт тоже повернул голову и посмотрел вдаль, где за холмами тянулась многокилометровая равнина.

– И куда же вы намерены шествовать?

Топильцин проигнорировал вопрос.

– Вы можете начать со своего имени, титула и должности в американском бюрократическом аппарате.

– Меня зовут Дирк Питт, мой титул – мистер Питт, а должность – добросовестный налогоплательщик. Так что вы можете убираться к черту.

Глаза Топильцина угрожающе сверкнули.

– Люди умирали ужасной смертью, выказывая неуважение человеку, который говорит с богами.

На лице Питта появилась дьявольская улыбка, которому стало скучно слушать угрозы проповедника.

– Если вы хотите поговорить, лучше будет с самого начала расставить точки над "и". Вы можете обманывать невежественную мексиканскую бедноту, устраивая театральные представления и обещая новую жизнь, которую вы не можете им обеспечить. Вы мошенник с головы до ног. Поэтому смените тон и прекратите вешать свысока. Я не принадлежу к числу ваших поклонников-мусорщиков. Да и преступники вашего ранга, мистер Роберт Капестерре, никогда не вызывали у меня уважения.

Капестерре открыл рот и забыл его закрыть. Он отшатнулся, не в силах скрыть изумление и боясь поверить собственным ушам.

Довольно долго он смотрел на Питта округлившимися от удивления глазами, потом с трудом вернул себе способность говорить и хрипло прошептал:

– Что вам известно?

– Вполне достаточно, – ответил Питт. – Деятельность семьи Капестерре в настоящее время является предметом тщательного изучения в Вашингтоне. Когда же там узнали о кончине вашего братца, я имею в виду того, который объявил себя мусульманским пророком, в Белом доме открыли не одну бутылку шампанского. Согласитесь, символично, что он принял смерть от террориста, которого сам же нанял, чтобы похитить «Леди Флэмборо» и убить пассажиров.

– Мой брат… – Капестерре на какое-то время снова онемел, – мертв? Я вам не верю!

– Как! Разве вы не знали? – искренне удивился Питт.

– Я разговаривал с ним двадцать четыре часа назад! Пол… Ахмед Язид жив и отлично себя чувствует.

– Быть может, ходячий труп – его новое амплуа? – усмехнулся Питт.

– Чего ваше правительство хочет добиться, используя такую гнусную ложь?

Питт холодно взглянул на Капестерре:

– Я рад, что вы сами затронули этот вопрос. Суть заключается в том, чтобы спасти сокровища Александрийской библиотеки, а мы это сделать не сможем, если вы спустите с поводка свою свору и она ринется в хранилище. Ваши люди украдут те артефакты, которые, как им покажется, могут быть проданы или же обменяны на еду, и уничтожат остальные только потому, что они выглядят неприглядно. А книги и древние свитки им наверняка покажутся неприглядными.

– Они не войдут в хранилище, – твердо сказал Капестерре.

– Вы считаете, что сможете их остановить?

– Мои последователи делают только то, что я велю.

– Книги и произведения искусства должны быть каталогизированы и осмотрены опытными археологами и историками, – сказал Питт. – Если вы рассчитываете на уступки Вашингтона, то должны гарантировать, что будете относиться к сокровищам библиотеки как к научному проекту.

Капестерре смотрел и слушал Питта очень внимательно. Он уже успел взять себя в руки и для пущей внушительности демонстративно расправил плечи и выпрямился в полный рост. Но все равно он был сантиметров на десять ниже Питта. Самозваный мессия стоял, слегка покачиваясь, как кобра, готовящаяся к прыжку. Когда же он заговорил, в его голосе звучала неприкрытая угроза:

– Я не собираюсь давать никаких гарантий, мистер Питт. Не будет никаких сделок и уступок. Ваша армия оказалась несостоятельной и не смогла повернуть назад моих людей у реки. Я победил. Египетские сокровища принадлежат мне. Все юго-западные штаты, – в глазах Капестерре снова вспыхнул маниакальный огонь, – станут моими. Мой брат Пол будет правителем Египта. Наш младший брат когда-нибудь возглавит правительство Бразилии. Вот почему я здесь. Вот почему вы здесь – одинокий посланник мировой супердержавы, делающей последнюю, отчаянную попытку договориться. Но вашему правительству нечего мне предложить. Если будут предприняты шаги с целью воспрепятствовать вывозу сокровищ в Мексику, я прикажу все здесь сжечь.

– Отдаю вам должное, Капестерре, мыслите вы масштабно. Жаль только, что человечек вы ничтожный, – презрительно сказал Питт. – Но в психушке вы вполне смогли бы претендовать на роль Наполеона.

На физиономии Капестерре проступило раздражение.

– Прощайте, мистер Питт, вы злоупотребили моим терпением. Я бы с удовольствием принес вас тоже в жертву богам и отправил вашу кожу в Белый дом.

– Вы уж простите, что я не позаботился украсить себя татуировками.

Спокойное безразличие Пита до крайности раздражало Капестерре. С ним никто и никогда не позволял себе разговаривать столь неуважительно. Он отвернулся и поднял руку, призывая затихшую толпу к вниманию.

– А вы не хотите сначала посмотреть на свое новое богатство, – будничным тоном полюбопытствовал Питт, – прежде чем отдать его

толпе? Подумайте, что скажет мировая общественность, если вы позволите своим босякам растащить на куски золотой саркофаг Александра Великого?

Рука Капестерре опустилась.

– Что вы сказали? – дрогнувшим голосом спросил он. – Гроб Александра Великого существует?

– Разумеется, и останки Александра тоже. – Питт кивнул в сторону тоннеля. – Пойдемте, я поработаю немного экскурсоводом, а уж потом вы отдадите артефакты обожающей вас толпе.

Капестерре кивнул. Стоя спиной к своим почитателям, он вытащил из-за пояса кольт и зажал в руке, прикрыв длинным рукавом. В другой руке он продолжат держать дымовую гранату.

– Учтите, если я замечу хотя бы малейшую опасность для себя, вы получите пулю в спину.

– Зачем мне подвергать вас опасности? – насмешливо удивился Питт.

– Куда подевались люди, работавшие на раскопках?

– Все умеющие держать в руках оружие были отправлены на реку.

Ложь, казалось, удовлетворила Капестерре.

– Поднимите рубашку и спустите брюки.

– Перед этими людьми? – улыбнулся Питт.

– Я хочу убедиться, что у вас нет оружия и микрофонов.

Питт молча выполнил требование. Никакого оружия или передатчиков на теле не обнаружилось.

– Вы удовлетворены? – поинтересовался он.

– Да, – ответствовал Капестерре и махнул револьвером в сторону входа в шахту. – Идите вперед, я последую за вами.

– Не возражаете, если я перенесу манекен внутрь? Его оружие и одеяние – подлинные артефакты.

– Вы можете оставить все это в тоннеле у входа. – Затем Капестерре обернулся и сделал знак своим помощникам, что все в порядке.

Тоннель был высотой не более двух метров, поэтому при входе внутрь Питту пришлось пригнуть голову, чтобы не удариться о поддерживающие бревна. Он положил меч и копье, но оставил себе шит

и поднял его над головой, как будто собирался защищаться от падающих камней.

Понимая, что картонный шит не защитит его противника от пули, Топильцин не стал возражать.

Тоннель плавно опускался вниз на двенадцать метров, после чего шел ровно. Проход был освещен гирляндой лампочек, свисающих с бревен перекрытия. Военные хорошо поработали, поэтому идти было легко. Единственным неудобством был спертый воздух, да и пыль, клубящаяся под ногами, не радовала.

* * *

– Вы принимаете звук и картинку, господин президент? – спросил генерал Чандлер.

– Да, генерал, я отчетливо слышу беседу, но, войдя в тоннель, они оказались вне поля видимости камеры.

– Вы их снова увидите в помещении, где стоит гроб. Там тоже есть камера.

– Где у Питта спрятан микрофон? – спросил Мартин Броган.

– Микрофон и передатчик вмонтированы в старый шит.

– Питт вооружен?

– Нет.

Все присутствующие в кабинете президента молча обратили взоры на другой монитор, показывавший изображение пещеры в скале. Камера была направлена на золотой саркофаг, стоявший в самом центре на возвышении.

Но не все взгляды были направлены на второй монитор. Одна пара глаза еще смотрела на первый.

– Кто это был? – удивленно спросил Николс.

Глаза Брогана сузились.

– Что вы имеете в виду?

Николс указал на монитор, передающий изображение с камеры, направленной на вход в тоннель.

– Мимо камеры мелькнула тень и вошла в тоннель.

– Я ничего не видел, – сказал генерал Меткалф.

– Я тоже, – сказал президент и придвинул микрофон, стоящий перед ним. – Генерал Чандлер!

– Да, господин президент.

– Дейл Николс клянется, что кто-то вошел в тоннель следом за Питтом и Топильцином.

– Один из моих помощников тоже что-то заметил.

– Значит, мне не померещилось, – констатировал Николс.

– Как вы считаете, кто это может быть?

– Кто бы это ни был, – озабоченно проговорил генерал Чандлер, – он не из наших людей.

76

– Я вижу, вы хромаете, – сказал Капестерре.

– Это память о безумном плане вашего брата убить президента Хасана и Галу Камиль.

Капестерре взглянул на Питта вопросительно, ожидая объяснений, но тот не стал вдаваться в подробности. Впрочем, Капестерре не настаивал. Он внимательно следил за каждым движением Питта, одновременно постоянно озираясь по сторонам.

Немного дальше тоннель расширялся и переходил в круглую пещеру. Питт замедлил шаг и остановился перед саркофагом, опирающимся на четыре ножки, вырезанные в форме китайских драконов. Свет здесь был достаточно ярким, чтобы заставить величественное сооружение сверкать, испуская вокруг себя золотое сияние.

– Александр Великий, – сообщил Питт. – Произведения искусства и свитки в соседнем помещении.

Капестерре боязливо приблизился. Он нерешительно протянул руку и коснулся крышки гроба. После чего резко отдернул руку, а его лицо исказила гримаса ярости.

– Это обман! – завопил он, и его голос разнесся гулким эхом далеко под сводами тоннеля. – Этому гробу не две тысячи, лет. На нем краска даже не высохла!

– Греки обладали самыми передовыми технологиями…

– Заткнись! – взвизгнул он, брызгая слюной. – Хватит разговоров, мистер Питт, – сказал он, взяв себя в руки. – Где сокровища, отвечайте!

– Дайте мне время, – попросил Питт, – Мы еще просто не дошли до главного хранилища.

Он попятился от гроба, всячески демонстрируя, что испытывает страх. Пятился он до тех самых пор, пока не уперся спиной в стену, на которой были развешаны старинные копья и мечи. Его глаза метнулись к гробу, словно он ожидал, что крышка откроется и его обитатель придет на помощь.

Капестерре перехватил взгляд противника и понимающе ухмыльнулся. Он указал револьвером на гроб, после чего четыре раза подряд нажал на курок. На одной его стороне появилось четыре аккуратных дырочки, зато с другой стороны пули проделали четыре больших рваных отверстия. Выстрелы прозвучали глухо, словно стреляли под гигантским колоколом.

– Там, конечно, был ваш помощник, мистер Питт, – прошипел он. – Как это, однако, недальновидно с вашей стороны.

– Его больше негде было спрятать, – с искренним сожалением проговорил Питт. В его зеленых глазах не было страха, да и голос оставался спокойным.

Капестерре отбросил крышку и со злорадным любопытством заглянул внутрь. И сразу же его физиономия мертвенно побледнела, а с губ сорвался жалобный крик. Он выронил из рук крышку, которая с глухим стуком опустилась на место.

– Нет! – простонал он.

Питт слегка сдвинулся в сторону так, чтобы щит прикрывал движение его правой руки. Он потихоньку перемещался до тех пор, пока не оказался лицом к левому боку Капестерре. Потом он украдкой посмотрел на часы. Он уже почти перешагнул запретную черту.

Капестерре сделал шаг к гробу и снова дрожащей рукой поднял крышку. На этот раз он распахнул ее полностью. Потом он заставил себя заглянуть внутрь.

– Пол! Это действительно Пол… – в шоке прошептал он.

– Мне сказали, что президент Хасан не разрешил поклонникам Ахмеда Язида похоронить его как святого мученика. Поэтому труп переслали сюда, где вы можете лежать вдвоем.

Капестерре стоял неподвижно, вглядываясь в мертвое лицо брата, и постепенно на смену шоку пришло горе. Едва сдерживая рыдания, он тихо спросил:

– Какова ваша роль во всем этом?

– Я возглавлял команду, которая обнаружила ключ к сокровищам Александрийской библиотеки. Это было нелегко. Затем ваш брат нанял террористов, которые попытались убить меня и моих друзей, но сумели только изуродовать мою коллекционную машину. Это была большая ошибка. Потом вы и ваш брат взяли моего отца в заложники на «Леди Флэмборо». Вы знаете, о чем я говорю. Это была еще более грубая ошибка. Но я решил остановить вас. Вы умрете, Капестерре, не пройдет и нескольких минут, как вы будете лежать такой же недвижный и холодный, как ваш брат. И это крайне малая плата за тех людей, чьи сердца вы вырывали из груди, и за детей, которые утонули во время переправы через реку из-за вашей безумной жажды власти.

Капестерре, похоже, тут же забыл о горе.

– Но не раньше, чем я убью вас! – воскликнул он.

Питт был готов к атаке и поднял над головой меч, который схватил со стены. Не медля ни секунды, он обрушил его на противника.

Капестерре судорожно сжал рукоять кольта. Дуло мощного пистолета еще только поднималось, чтобы оказаться на одном уровне с головой Питта, но сверкающее лезвие опустилось, и револьвер вместе со сжимающей его рукой взлетел в воздух. Несколько раз перевернувшись, кольт упал на пол, причем мертвые пальцы так и не разжались.

Рот Капестерре открылся, и из него вырвался тонкий, пронзительный визг. Ацтекский мессия упал на колени, тупо уставившись на уродливый обрубок правой руки, не в силах поверить, что она стала заметно короче, и не замечая хлещущей из обрубка крови.

Раскачиваясь из стороны в сторону, он стоял на коленях и вследствие шока почти не чувствовал боли. Потом поднял потрясенные глаза на Питта и спросил:

– Почему так? Почему не пуля?

– Небольшая плата за человека по имени Гай Ривас.

– Вы знали Риваса?

Питт покачал головой:

– Нет, но его друзья рассказали, что вы с ним сделали и как его семья стояла у могилы, не зная, что в гробу лежит только кожа.

– Друзья? – непонимающе переспросил Капестерре.

– Мой отец и еще один человек из Белого дома, – холодно объяснил Питт. Он снова взглянул на часы. – Мне очень жаль, – сказал он, хотя на его лице не было сожаления, – но я не могу больше здесь оставаться.

Надо бежать. – С этими словами он отвернулся и быстрыми шагами направился к выходу из тоннеля.

Правда, далеко уйти ему не удалось, потому что дорогу ему преградил невысокий коренастый человек, одетый в потрепанную военную форму. Он стоял посреди тоннеля, держа в руках пистолет, дуло которого было направлено в живот Питта.

– Не торопитесь, мистер Питт, – с резким акцентом проговорил он, – никто никуда отсюда не уйдет.

77

Люди, следившие в Белом доме за развитием событий, знали, что в тоннель вошел кто-то третий, однако появление незнакомца перед камерой явилось для них полнейшей неожиданностью. Им ничего не оставалось делать, как только беспомощно наблюдать за тем, что происходит в глубине холма Гонгора.

– Генерал Чандлер! – воскликнул президент. – Кто, черт возьми, этот человек?

– Мы видим пришельца на наших мониторах, господин президент, но единственное, что можем предположить – это один из людей Топильцина, проникший с севера, где наша линия обороны сильно растянута.

– Он в военной форме, – проявил наблюдательность Броган. – Может быть, это все же кто-то из ваших людей?

– Нет, если только наш квартирмейстер не начал выдавать нашим людям форму израильской армии.

– Пошлите кого-нибудь вниз, – приказал генерал Меткалф, – надо помочь Питту.

– Сэр, если взвод моих людей появится поблизости от места раскопок, толпа решит, что мы хотим захватить Топильцина. Она сметет здесь все.

– Он прав, – вздохнул Шиллер. – Толпа проявляет нетерпение.

– Нарушитель пролез в тоннель под носом у толпы, – настаивал генерал Меткалф. – Почему же несколько человек не могут сделать то же самое?

– Это было возможно еще несколько минут назад, но в данный момент представляется совершенно нереальным, – ответил Чандлер. – Команда Топильцина хорошо сработала. Весь склон залит ярким светом. К месту раскопок не проскользнет незамеченной даже крыса.

– Площадка, где ведутся раскопки, выходит на юг, прямо на толпу, – объяснил сенатор Питт. – Других выходов нет.

– Это и хорошо, – сказал генерал Чандлер. – Выстрелы в тоннеле звучат как далекий гром, причем совершенно непонятно где.

Президент мрачно взглянул на сенатора Питта:

– Джордж, если толпа ринется вперед, нам придется завершить операцию раньше, чем твой сын сумеет спастись.

Сенатор закрыл лицо руками и кивнул. Потом он снова опустил руки и поднял глаза на монитор.

– Дирк справится, – уверенно ответил он.

Неожиданно Николс вскочил на ноги и закричал, указывая на монитор:

– Толпа! – воскликнул он. – Она движется!

Пока в двух с половиной тысячах километров от него самые разные люди обсуждали его шансы на выживание, у Питта не было времени подсчитывать вероятность того или иного развития событий. Его главной заботой было черное дуло пистолета, упершееся ему в живот. Он не сомневался, что оружие находится в руках человека, которому уже не раз приходилось убивать. Лицо его носило бесстрастное, пожалуй, даже скучающее выражение. Час от часу не легче, подумал Питт. Если его внутренности через секунду не разлетятся по стенам, то он все равно будет раздавлен многотонной массой земли. Третьего варианта не существовало.

– Не хотите ли сказать, кто вы такой? – полюбопытствовал Питт.

– Мое имя Ибн-Тельмук. Я близкий друг и слуга Сулеймана Азиза Аммара.

Точно, подумал Питт, вспомнив, что видел именно этого террориста на дороге возле здания дробилки.

– Чтобы отомстить, вы, ребята, преодолеваете внушительные расстояния.

– Я не мог не исполнить последней воли моего дорогого друга. Он хотел, чтобы я убил тебя.

Питт очень медленно опустил правую руку. Меч в его руке уткнулся в пол. Он выглядел человеком, понявшим и принявшим свое поражение. Питт немного расслабился, расправил плечи, согнул колени:

– Вы были на Санта-Инес?

– Да. Сулейман Азиз и я вернулись в Египет вместе.

Темные брови Питта в изумлении взлетели вверх. Он был уверен, что это невозможно. Он считал, что Аммар не мог прожить и нескольких часов после такого ранения. Боже, время уходило безвозвратно! Араб должен был застрелить его без слов, но, очевидно, решил поиграть напоследок. Взрыв, надо полагать, произойдет в середине следующего предложения.

Тянуть смысла не было. Питт взглянул на Ибн-Тельмука, прикинул расстояние и направление прыжка, затем поднял меч.

В это время Капестерре обмотал обрывками своего одеяния кровоточащий обрубок руки и, поскуливая от нестерпимой боли, выполз вперед, указывая окровавленной рукой на Питта.

– Убей его! – взвизгнул он. – Посмотри, что он со мной сделал! Стреляй сейчас же, я приказываю!

– Ты кто такой? – холодно спросил Ибн-Тельмук, не сводя глаз с Питта.

– Я Топильцин.

– Настоящее имя – Роберт Капестерре, – добавил Питт. – Мошенник.

Капестерре пополз к Ибн-Тельмуку и очень скоро оказался у ног араба.

– Не слушай его! – взмолился он. – Это обычный преступник.

Тот впервые позволил себе ухмыльнуться:

– Ну это вряд ли. Я внимательно изучил его досье. Мистера Питта ни в чем нельзя назвать обычным.

Это уже лучше, подумал Питт. Ибн-Тельмук на мгновение отвлекся на ацтекского мессию, и Питт, воспользовавшись этим, передвинулся на несколько сантиметров в сторону, постаравшись стоять так, чтобы Капестерре находился между ним и арабом.

– Где Аммар? – спросил Питт.

– Мертв. – Ухмылка на лице Ибн-Тельмука сменилась злобной гримасой. – Он умер после того, как убил эту грязную свинью – Ахмеда Язида.

Капестерре был ошеломлен. Он непроизвольно отшатнулся, а его взгляд метнулся к открытому гробу, в котором лежал его брат.

– Значит, вы тот человек, которого мой брат нанял, чтобы похитить судно? – прохрипел он.

Питт не стал напоминать, что уже говорил об этом, но передвинулся еще на сантиметр.

На бесстрастной физиономии Ибн-Тельмука отразилось непонимание.

– Ахмед Язид – твой брат?

– Два сапога пара, – молвил Питт. – Вы бы узнали Язида, увидев его?

– Конечно. Его внешность так же знакома всем, как лицо аятоллы Хомейни.

Питт на ходу изменил свой план. Теперь все зависело от того, насколько ему удастся предугадать реакцию киллера.

– Тогда загляните в гроб.

– Даже не думайте шевелиться, – предупредил его араб, сделав несколько шагов к саркофагу. Почувствовав, что его нога коснулась распахнутой крышки, он бросил быстрый взгляд внутрь и сразу же снова уставился на своего противника.

Питт не пошевелился. Он предположил, что после первого быстрого освидетельствования Ибн-Тельмук захочет более внимательно взглянуть на Язида. Тот так и поступил.

* * *

В командном пункте спецназа, расположенном в крытом кузове грузовика, который был припаркован в полукилометре к западу от места раскопок, Холлис, адмирал Сэндекер, Лили и Джордино не сводили глаз с телевизионного монитора, напряженно наблюдая за драматическими событиями, разыгравшимися в глубине холма Гонгора.

Лили стояла без движения, побелев как мел, а Сэндекер и Джордино беспокойно ходили взад-вперед, как пара тигров в клетке, которые чувствуют запах свежего мяса, но не могут его достать.

Холлис периодически также начинал мерить шагами тесное помещение. В одной руке он нервно сжимал маленький высокочастотный радиопередатчик, сигнал которого должен был привести к детонации заложенной в холме взрывчатки; в другой – телефонную трубку.

На другом конце трубки находился один из помощников генерала Чандлера, который в данную минуту выслушивал рык Мортона Холлиса:

– Черта с два я взорву заряд сейчас! Пусть сначала толпа минует опасный участок!

– Но они подошли слишком близко! – протестовала трубка в звании полковника.

– Не раньше чем через тридцать секунд, – отчеканил Холлис.

– Генерал Чандлер хочет, чтобы холм был взорван немедленно! – повысил голос помощник. – Это приказ самого президента!

– Для меня вы, полковник, только голос в трубке, – спокойно заявил Холлис – Я требую прямой связи с президентом.

– Вы попадете под трибунал!

– Ну это мне не впервой.

Сэндекер не скрывал тревоги:

– На этот раз Дирк ничего не сможет сделать.

– Ну тогда вы сделайте что-нибудь! – взмолилась Лили. – Поговорите с ним. Он же услышит вас через динамики, подсоединенные к телевизионной камере!

– Мы боимся ему помешать, – ответил вместо адмирала Холлис – Любая мелочь может нарушить хрупкое равновесие, и тогда араб выстрелит.

– Вот именно, – пробормотал донельзя обозленный Джордино. Он распахнул дверь фургона, спрыгнул на землю и побежал к джипу Сэма Тринити. Люди Холлиса и глазом моргнуть не успели, а грузовик уже несся по пыльной дороге к холму Гонгора.

* * *

Стремительным броском, словно гремучая змея, Питт метнулся к противнику, выставив вперед щит. И снова последовал резкий удар мечом.

Питт вложил в удар всю свою силу. Он слышал и чувствовал, как лезвие, звякнув по металлу, врезалось во что-то мягкое. Затем последовал выстрел, направленный, как показалось Питту, ему в лицо. Он отступил, когда очередной выстрел ударил в центр щита. Пуля рикошетом отлетела в потолок. Бронированное пластиковое покрытие, надетое на щит майором Диллинджером накануне вечером, было погнуто, но не пробито. После этого Питт нанес сильный удар мечом сбоку.

Ибн-Тельмук был очень быстр, однако шок, охвативший его при виде мертвого Язида, отнял у него несколько ценных секунд. Краем глаза он заметил нападение Питта и даже выстрелил, правда, не успев толком прицелиться, прежде чем лезвие меча выбило из его руки оружие и попутно отсекло несколько пальцев.

Ибн-Тельмук зарычал, словно раненое животное. Его револьвер упал на известняковый пол рядом с кольтом, все еще зажатым в отрубленной руке Капестерре. Но Ибн-Тельмук оправился достаточно быстро, чтобы уклониться от рубящего удара, и прыгнул на Питта.

Питт был готов к нападению. Он отпрянул в сторону, но его правая нога подломилась, и он понял, что не все пули попали в шит. Одна или две угодили в его раненую ногу.

Пока он соображал, как быть дальше, Ибн-Тельмук набросился на него, словно пантера. Черные глаза террориста сатанински блестели, зубы обнажились в отвратительном оскале. Рука Питта, державшая меч, на мгновение ослабла, и меч сразу отлетел в сторону, выбитый мощным ударом. Вторая рука запуталась во внутренних ремнях шита. И здоровая рука араба медленно сомкнулась на горле Пита.

– Убей его! – бесновался Капестерре. – Убей его!

Отчаянным усилием Питт высвободил руку, крутанулся на месте и нанес Ибн-Тельмуку удар в адамово яблоко. При переломе хряща гортани большинство людей задыхается или хотя бы теряет сознание. С арабом не произошло ни того ни другого. Он только схватился за горло, издал странный булькающий звук и отпрянул назад.

Питт мог опираться только на одну ногу, араб хватал разинутым ртом воздух, его покалеченная рука висела плетью. Они стояли друг против друга, набираясь сил для следующей схватки.

Но первое движение было сделано не ими. Капестерре неожиданно опомнился, бросился к кольту и стал разжимать здоровой рукой окоченевшие пальцы. Это ему удалось, и мертвая рука отлетела в сторону.

Это потребовало ответных действий и от араба, и от Питта. Позабыв о рукопашной, они огляделись в поисках оружия.

Питту не повезло. Револьвер оказался ближе к Ибн-Тельмуку. Впрочем, римский меч тоже. В шторм сгодится любой порт, подумал Питт. Он сгруппировался и нанес раненой ногой удар по ребрам Капестерре, едва сдержав при этом крик боли. Одновременно он с силой швырнул в араба щит, который угодил тому в живот и вышиб из него весь воздух.

Капестерре завопил и выронил кольт. Питт исхитрился поймать его еще в воздухе. Это был почти акробатический трюк. Он мертвой хваткой вцепился в скользкую от крови рукоятку, палец сам собой лег на спусковой крючок, и Питт выстрелил. Ибн-Тельмук, едва отдышавшись после удара щитом, еще только поднимал оружие, когда выпущенные одна за другой пули крупного калибра разорвали ему грудь. Его

отбросило на стену, возле которой он какое-то мгновение постоял и затем рухнул ничком на каменный пол.

Питт остановился, тяжело дыша сквозь стиснутые зубы. И только тогда услышал неистовый голос, доносящийся из динамиков телевизионной камеры.

– Убирайся оттуда! – орал Холлис – Ради Христа, беги!

Питт на мгновение потерял голову. Он был так поглощен схваткой с арабом, что забыл, какой проход ведет к выходу из тоннеля, а какой – к открытому кратеру. Он бросил последний взгляд на Капестерре.

Физиономия последнего была белой от потери крови, но Питт не заметил в его глазах страха. Они были переполнены ненавистью.

– Счастливого пули в преисподнюю! – сказал Питт.

Ответом ему была дымовая граната Топильцина. Ему каким-то непостижимым образом удалось выдернуть чеку. Подземелье сразу же наполнилось густым оранжевым облаком.

* * *

– Что произошло? – спросил президент, недоуменно глядя на оранжевый туман, появившийся на экране.

– Очевидно, у Капестерре был с собой какой-то дымовой прибор, – ответил Чандлер.

– Почему не взорвались заряды?

– Одну минуту, господин президент! – Чандлер отвернулся от камеры и обменялся несколькими словами со своим помощником. – Полковник Холлис из сил специального назначения настаивает на получении прямого приказа от вас, сэр.

– Это он отвечает за проведение взрыва? – спросил Меткалф.

– Да, генерал.

– Вы можете подключить его к нашей связи?

– Минутку.

Прошло четыре секунды, и физиономия Холлиса появилась на одном из мониторов.

– Я понимаю, что вы меня не видите, полковник, но вы наверняка узнали мой голос.

– Да, сэр.

– Как верховный главнокомандующий я приказываю вам взорвать холм, и сделать это немедленно.

– Толпа движется вверх по склону! – воскликнул Николс в состоянии, близком к панике.

Все глаза устремились на монитор, показывающий происходящее на холме. Огромная толпа двигалась вверх по склону, выкрикивая имя Топильцина.

– Если вы еще промедлите, то убьете кучу народу, – заорал Меткалф. – Бога ради, взрывайте!

* * *

Большой палец Холлиса лег на кнопку.

– Детонация! – проговорил он в передатчик.

Но на кнопку он так и не нажал. Холлис воспользовался старым как мир способом всех служивых людей: никогда не отказывайся выполнять приказ, иначе тебя обвинят в неподчинении, всегда отвечай утвердительно, а делай то, что считаешь нужным. Недостаточная эффективность – обвинение, которое тяжелее всего доказать в военном трибунале.

Он был преисполнен желания дать Питту еще несколько секунд.

* * *

Сдерживая дыхание, словно он плывет под водой, закрыв глаза, чтобы защитить их от едкого дыма, Питт заставлял себя двигаться, бежать, ползти, в общем, делать все, чтобы выбраться из подземелья, которое вот-вот могло стать его могилой. Он вошел в тоннель, понятия не имея, куда он ведет, к выходу или к кратеру. Не открывая глаз, он наощупь хромат, держась за стену.

Питт чувствовал страстное желание жить. Он не мог поверить, что умрет сейчас, успешно справившись с безнадежной ситуацией. В конце концов, он рискнул открыть глаза. Их сильно жгло, но видеть он мог. Он уже миновал то место, где дым был самым плотным, и теперь его окружал только легкий оранжевый туман.

Тоннель стал круто подниматься вверх. Питт почувствовал, что температура немного поднялась и подул легкий ветерок. И он вышел в ночь. В небе почти не было видно звезд, их затмевал яркий свет, заливавший холм.

Но Питт не был на свободе. В дыму он пошел не к выходу из тоннеля, а к кратеру, склоны которого сейчас и возвышались вокруг него на добрых пять метров. До спасения было так близко и так чудовищно далеко.

Питт начал карабкаться вверх, отчетливо понимая, что выбраться уже не успеет. Тем более что опираться он мог только на одну ногу, волоча другую за собой.

Холлис молчал. Полковнику больше нечего было сказать Питту. Тот и без лишних напоминаний осознавал, что взрыв, который они готовили вместе, похоронит его под тоннами земли. Питт понимал, что спасения нет, но упрямо продолжал карабкаться по крутому склону, не поддаваясь предательскому внутреннему голосу, который нашептывал ему, что пора отдохнуть.

А потом над кратером появилась темная фигура. Мощная рука ухватила Питта за воротник свитера и, словно щенка за шкирку, вытащила на поверхность.

С нечеловеческой легкостью Джордино забросил Питта в джип, прыгнул за руль и вдавил педаль акселератора в пол.

Они успели проехать метров пятьдесят, когда Холлис нажат на кнопку детонации. Высокочастотный сигнал взорвал двести килограммов нитрогеля С-6, спрятанного глубоко в недрах холма.

В какой-то момент показалось, что начинается извержение вулкана. Холм начал дрожать, а в его недрах зародился и стал быстро нарастать страшный гул. Последователи Топильцина, объятые ужасом, попадали на землю. Потом вершина холма Гонгора взлетела в воздух метров на десять, на секунду зависла, словно поддерживаемая невидимой рукой, а потом рухнула обратно, подняв гигантское облако пыли.

78

Рома, штат Техас

5 ноября 1991 года

Прошло пять дней. Около полуночи вертолет президента приземлился на небольшом аэродроме в нескольких милях от города Рома. Президента сопровождали сенатор Питт и Юлиус Шиллер. Как только винты остановились, к вертолету подошел адмирал Сэндекер и тепло поприветствовал гостей.

– Рад видеть вас, адмирал, – любезно проговорил президент. – Примите мои поздравления, вы прекрасно справились с работой, хотя я, признаюсь, думал, что вашему агентству это дело не по плечу.

– Благодарю вас, господин президент, – ответил Сэндекер, как всегда похожий на бойцового петуха. – Мы все вам благодарны за то, что вы поверили в наш безумный план и позволили воплотить его в жизнь.

– Прекрасно сработано. – Президент обернулся и взглянул на сенатора Питта. – Но вам следует особо поблагодарить сенатора. Он умеет быть очень убедительным.

Обменявшись несколькими словами с Шиллером, Сэндекер пригласил гостей в машину. Они поднялись по короткой лестнице и через потайную дверь забрались внутрь платформы гигантского десятиколесного грузовика.

Два агента президентской секретной службы, облачившись в рабочую одежду, заняли места в кабине рядом с водителем. Еще четверо загрузились в старый, потрепанный «додж», припаркованный неподалеку.

Внешне грузовик выглядел грязным и непрезентабельным, но внутри все было оборудовано вполне пристойно. В небольшом помещении уместился бар и шесть стульев. Потолок этой комнаты немного выступал над боковыми направляющими и для лучшей маскировки был засыпан двухсантиметровым слоем гравия.

Дверь закрыли, пассажиры уселись на удобных стульях и пристегнули ремни безопасности.

– Извините за необычный транспорт, господа, – сказал Сэндекер, – но пока мы не можем позволить себе раскрыть все тайны. Слишком уж много случайного люда снует вокруг.

– Я впервые путешествую в грузовике, посыпанном гравием, – заметил президент. – Здесь испытываешь совсем другие ощущения в сравнении с лимузином Белого дома.

– Мы переоборудовали шесть таких машин для секретных перевозок, – объяснил Сэндекер.

– Хороший выбор, – рассмеялся сенатор и постучал костяшками пальцев по металлической стенке. – Они же пуленепробиваемые.

Улыбка исчезла с лица президента.

– Вам удалось сохранить открытие в тайне?

Сэндекер кивнул:

– Во всяком случае, здесь у нас я не заметил никаких признаков, указывающих на утечку информации.

– На этот раз утечки в Белом доме не будет, – сказал Шиллер, поняв намек. – Крышка плотно захлопнута.

Президент несколько минут молчат.

– Нам чертовски повезло, – в конце концов проговорил он. – Орда Топильцина могла устроить здесь настоящий ад.

– Когда первый шок миновал, – сказал Сэндекер, – мексиканцы еще долго бродили вокруг холма, заглядывали в кратер, словно ожидая, что оттуда поднимется дух Топильцина. Присутствие женщин и детей явилось сдерживающим фактором, поэтому никто не жаждал крови. Кроме того, толпу никто не подстрекал. Ближайшие помощники Топильцина, разобравшись в ситуации, быстро улизнули обратно в Мексику от греха подальше. Оставшись без духовного лидера, усталые и голодные люди постепенно тоже потянулись обратно.

– По данным иммиграционной службы несколько тысяч человек ушли дальше на север, но треть из них уже отправили назад, – сказал Шиллер.

Президент вздохнул:

– Самое худшее уже позади. Если наш план помощи Латинской Америке будет одобрен конгрессом, наши южные соседи рано или поздно сумеют подняться на ноги.

– А что будет с семьей Капестерре? – поинтересовался Сэндекер.

– Департамент юстиции в настоящее время занимается их делом. – Лицо президента оставалось бесстрастным, но глаза горели холодным блеском. – Строго между нами, господа, полковник Холлис планирует проведение учений в Карибском море, тренировочное нападение на некий остров, пусть он останется пока безымянным. Если кто-нибудь из семейства Капестерре в этот момент окажется на острове, что ж... значит, им не повезет.

Сенатор Питт саркастически усмехнулся:

– Без Язида и Топильцина в наших международных отношениях воцарится тишь да гладь.

Шиллер решительно потряс головой:

– Вовсе нет. Мы заткнули только две дыры в плотине. Худшее еще впереди.

– Откуда столько пессимизма, Юлиус? – весело спросил президент. – В Египте ситуация пока стабильная. А когда президент Хасан уйдет в отставку по состоянию здоровья и передаст бразды правления министру обороны Абу Хамиду, исламские фундаменталисты окажутся под сильным давлением и решат отказаться от своих требований.

– Тот факт, что Гала Камиль дала согласие выйти замуж за Хамида, тоже не повредит ситуации, – подвел итог сенатор.

Беседа прервалась, поскольку грузовик остановился. Открылась дверь, к которой быстро приставили лестницу.

– Только после вас, господин президент, – улыбнулся Сэндекер.

Мужчины вышли и огляделись. Площадка была огорожена забором и освещена. Большая вывеска над въездными воротами гласила: «Песок и гравий. Компания Сэма Тринити». Людей, видно не было. На площадке стояло несколько погрузчиков, большой ковшовый экскаватор, самосвалы и трейлеры. Электронное оборудование, которого здесь было довольно много, было хорошо замаскировано и оставалось невидимым постороннему глазу.

– Я могу встретиться с мистером Тринити? – спросил президент.

– Боюсь, что нет, – ответил Сэндекер. – Сэм – прекрасный человек и настоящий патриот. Он добровольно подписал передачу всех прав на артефакты правительству и отбыл в большое кругосветное путешествие. Собирается изучать организацию работы самых известных в мире гольф-клубов.

– Надеюсь, мы выплатили ему компенсацию?

– Десять миллионов не облагаемых налогами американских долларов, – ответил Сэндекер. – Причем нам пришлось изрядно потрудиться, чтобы упросить его взять эти деньги. – Сэндекер повернулся и показал на углубление, расположенное в нескольких сотнях метров в стороне. – Перед вами, господа, все, что осталось от холма Гонгора. Теперь это просто карьер для добычи гравия. Так что наши манипуляции в конечном счете оказались даже прибыльными.

Президент заглянул в яму, и его лицо омрачилось.

– Вам удалось найти останки Топильцина и Язида?

Сэндекер кивнул:

– Два дня назад. Мы отправили их на хранение в одну из лабораторий ЦРУ.

Президент одобрительно кивнул.

– Где тоннель? – спросил Шиллер, озираясь по сторонам.

– Там. – Сэндекер показал в сторону потрепанного трейлера, переделанного под офис. Над одним из окон виделась табличка «диспетчер».

Четыре агента секретной службы, ехавшие в «додже», уже вышли из машины и приступили к патрулированию площадки. А те двое, что ехали в кабине, отправились проверить офис.

После того как гости вошли в помещение офиса, Сэндекер предложил им остановиться в середине комнаты и нажал на рычаг, торчавший из пола. Одновременно он помахал рукой в телекамеру, расположенную под самым потолком в углу. Пол трейлера начал медленно опускаться.

– Как здорово! – восхитился Шиллер.

– В самом деле, – пробормотал президент. – Теперь я понимаю, почему о ваших находках еще не прознали.

Лифт опустился по прорубленной в известняке шахте и остановился в тридцати метрах под поверхностью. Мужчины очутились в широком тоннеле, освещенном люминесцентными светильниками. Вдоль тоннеля стояли скульптуры.

Возле выхода из лифта гостей встретила женщина.

– Господин президент, – торжественно произнес Сэндекер, – позвольте вам представить доктора Лили Шарп, директора программы каталогизации.

– Доктор Шарп, мы все в неоплатном долгу перед вами.

Лили покраснела.

– Боюсь, моя роль не самая значительная, господин президент, – ответила она.

Поле знакомства с Шиллером Лили начала показывать гостям сокровища Александрийской библиотеки.

– Мы осмотрели и занесли в каталоги четыреста двадцать семь разных скульптур, – сказала она, – представляющих собой лучшие творения начала бронзового века, начиная с трехтысячного года до новой эры и заканчивая трансцендентальным стилем византийской эры начата четвертого века. Если не считать нескольких пятен, возникших из-за просачивания воды сквозь известняк, которые легко удалить химическими веществами, мраморные и бронзовые скульптуры сохранились превосходно.

Президент, лишившись дара речи, медленно брел по длинному тоннелю, часто останавливаясь, чтобы лучше рассмотреть великолепные классические скульптуры. Некоторым из них было уже по пять тысяч лет. Он был потрясен одним только их количеством. Каждый век, каждая династия и империя были представлены своими лучшими скульпторами.

– Неужели я действительно вижу и даже дотрагиваюсь до экспонатов музея Александрийской библиотеки! – прошептал он. – После взрыва я не мог поверить, что все это не пострадало.

– Сотрясение безусловно подняло здесь пыль, с потолка даже откололось несколько кусков известняка, – сказала Лили. – Но артефакты не пострадали. Вы видите скульптуры именно в том виде, в котором их оставил Юний Венатор в триста девяносто первом году.

После двухчасового созерцания этой необычной экспозиции Лили остановилась у последнего артефакта, находящегося перед входом в главную галерею.

– Перед вами золотой саркофаг Александра Великого, – понизив голос, сообщила она.

У президента возникло чувство, будто он сейчас предстанет пред ликом Божьим. Он нерешительно приблизился к золотому ковчегу, ставшему местом последнего упокоения величайшего властителя, и опасливо заглянул в хрустальное окно.

Македонцы уложили своего героя в гроб в его парадных доспехах. Кираса и шлем были из чистого золота. Персидский шелк, из которого была когда-то сшита туника, в основном истлел: почти двадцать четыре столетия – слишком большой срок для ткани. И не только для ткани. От великого Александра теперь остались только кости.

– Клеопатра, Юлий Цезарь, Марк Антоний, – рассказывала Лили, – все они, как и вы, стояли рядом с гробом и с почтением взирали на эти останки.

Постояв у гроба, гости пошли дальше. Лили повела их в главное хранилище.

Здесь работало около тридцати человек. Одни изучали содержимое деревянных клетей, уложенных в центре галереи. Картины, покрывшиеся грязью и пятнами, но вполне поддающиеся реставрации, а также тончайшие предметы, вырезанные из кости и мрамора или отлитые из золота, серебра и бронзы, заносились в каталоги и упаковывались в ящики для перевозки в музейный комплекс Мэриленда, где их будут реставрировать и хранить.

Большинство археологов, переводчиков и экспертов по реставрации и хранению произведений искусства с особым почтением обращались с бронзовыми цилиндрами, в которых хранились древние свитки. Они переводили надписи на бронзовых табличках с названиями и краткими содержанием. Контейнеры и их бесценное содержимое также упаковывалось для отправки в Мэриленд.

– Взгляните сюда, – взволнованно сказал Лили. – Нам удалось обнаружить все книги Гомера, многие труды греческих философов, считавшиеся утраченными, раннеиудейские манускрипты и историческую информацию, проливающую свет на истоки христианства. Карты, на которых отмечены ранее неизвестные гробницы древних правителей, расположение забытых торговых центров, таких как Таршиш и Саба, а также месторождения полезных ископаемых. Теперь удастся заполнить многие пробелы в наших знаниях относительно событий древности. История финикийцев, микенцев, этрусков, а также цивилизаций, о существовании которых до нас дошли лишь слухи, изложена в этих свитках со всеми подробностями. После реставрации картин мы получим возможность полюбоваться шедеврами, созданными несколько тысячелетий назад.

Президент потрясенно молчал. Ему попросту нечего было сказать. Он никак не мог постичь всей грандиозности находки. Однако только собрание произведений древнего искусства было бесценным, а стоимость знаний древних и вообще не поддавалась подсчету.

Наконец он заговорил, и его голос звучал глухо и хрипло:

– Когда вы намерены здесь закончить?

– Сначала мы вывезем свитки, потом картины и произведения искусства, – ответила Лили. – Скульптуры в последнюю очередь. Мы рассчитываем, что все артефакты окажутся в Мэриленде к Рождеству.

– Почти шестьдесят дней, – сказал Сэндекер.

– А как насчет хранения и перевода свитков?

Лили пожала плечами:

– Хранение древних текстов – процесс длительный и тонкий. Полагаю, потребуется от двадцати до пятидесяти лет, чтобы все перевести и осознать, чем мы обладаем. Многое, конечно, зависит от финансирования.

– О финансировании можете не беспокоиться, – пообещал президент. – Проект получит высший приоритет. Я об этом позабочусь.

– Мы не можем больше заставлять международную общественность считать, что все это уничтожено, – сказал Шиллер. – Придется сделать заявление, причем в самом ближайшем будущем.

– Это точно, – подтвердил сенатор. – Интерес нашего народа и правительств других государств к этой проблеме не иссяк.

– Рейтинг моей популярности и без того понизился на пятнадцать пунктов, – пробормотал президент. – Конгресс готов сожрать меня с

потрохами, а теперь еще и лидеры иностранных государств возжелали повесить мой скальп у себя над входной дверью.

– Если позволите, джентльмены… – нерешительно начала Лили. – Думаю, что мы могли бы дней за десять снять прекрасный фильм о главных сокровищах библиотеки.

Сенатор Питт взглянул на президента:

– Доктор Шарп совершенно права. Ваше выступление и документальный фильм – превосходная идея.

Президент с чувством пожал руку зардевшейся Лили:

– Спасибо, доктор, вы только что сделали мою жизнь намного легче.

– Вы уже решили дальнейшую судьбу артефактов? – спросил Сэндекер.

Президент широко улыбнулся:

– Если я смогу убедить конгресс выделить соответствующие фонды, а я думаю, мне это удастся, то на Вашингтон-Молл будет построена копия Александрийской библиотеки, в которой будет выставлен каждый артефакт, доставленный Юнием Венатором в Америку из Египта, а также артефакты, иллюстрирующие жизнь и быт древних жителей нашего континента. Если другие страны захотят показать это своим народам, мы с радостью будем представлять экспозицию, но она останется собственностью американцев.

Адмирал Сэндекер с чувством пожал руку президенту:

– Спасибо, сэр. Вы приняли правильное решение.

А Шиллер шепнул на ухо Лили:

– Позаботьтесь, чтобы информация, касающаяся месторождений, была переведена в первую очередь. Произведения искусства можно придержать, но знаниями придется поделиться с остальным миром.

Лили согласно кивнула.

После того как первые восторги утихли и поток вопросов заметно уменьшился, Лили проводила президентскую группу в небольшой закуток, где Питт и Джордино сидели за складным столиком вместе с переводчиком, изучающим ярлык на одном из цилиндров через увеличительное стекло.

Президент узнал сидящих и с улыбкой приблизился.

– Рад видеть вас живым и здоровым, Дирк, – тепло сказал он. – От имени благодарной нации я хочу сказать вам большое спасибо за этот удивительный подарок.

Питт встал, тяжело опираясь на трость.

– Я тоже очень рад, что все так благополучно завершилось. Если бы не мои друзья Алберт Джордино и полковник Холлис, я бы остался под холмом Гонгора.

– Может быть, все-таки раскроете нам тайну? – спросил Шиллер. – Как вы узнали, что сокровища библиотеки находятся именно под этим холмом, а не под холмом Гонгора?

– Должен признать, – сказал президент, – что вы заставили нас изрядно поволноваться. Мы все время думали: «А что, если мы взорвем не тот холм?»

– Приношу свои извинения за то, что не был точен, – сказал Питт. – Но вы же видели, что для длительных разъяснений времени не было. – Он сделал паузу и улыбнулся отцу. – Но я счастлив, что вы мне поверили. У меня не было никаких сомнений. Данное Юнием Венатором описание, высеченное на камне, который нашел Сэм Тринити, гласило: стойте на северной стороне и смотрите на юг, на речной утес. Когда я стоял к северу от холма Гонгора и смотрел в южном направлении, то обнаружил, что отвесный берег, на котором расположен город Рома, находится почти в полукилометре к западу справа от меня. Я переместился дальше на запад и немного к северу к первому холму, соответствующему указаниям Венатора.

– Как он называется? – спросил сенатор.

– Холм? – Питт беспомощно развел руками. – Насколько мне известно, у него нет названия.

– Теперь есть, – рассмеялся президент. – Как только доктор Шарп позволит мне объявить всему миру о величайшем открытии в истории человечества, мы станем именовать его Безымянным холмом.

Над рекой стелился предрассветный туман, уже ставший чуть розоватым от первых лучей восходящего солнца. Президент и его спутники вернулись в Вашингтон, все еще пребывая под впечатлением от увиденного.

Питт и Лили сидели на вершине Безымянного холма, наслаждались свежестью утра и любовались восходом, не менее прекрасным, чем на полотнах Гранта Вуда.

Лили улыбалась, заглядывая в глаза своего спутника. Из них исчезло напряжение, они стали ласковыми и теплыми. Утреннее солнце осветило лицо Питта, он чувствовал приятное тепло, но солнца не видел. Лили знала, что мысленно он находится в далеком прошлом.

Она знала, что этот мужчина никогда не будет принадлежать одной женщине безраздельно. Его любовь была чем-то призрачным, иллюзорным, уходящим далеко за горизонт, тайной, манящими звуками лиры, которые слышат только он. Он был человеком, которого женщина могла страстно желать, но не хотела бы выйти за него замуж. Она понимала, что их отношениям скоро придет конец, и хотела полностью использовать каждый оставшийся момент. Ведь очень скоро она проснется и обнаружит, что он ушел раскрывать новую тайну, ждущую его за следующим холмом.

Лили опустила голову на плечо Дирка.

– Что было написано на табличке?

– На какой табличке?

– Той, на свитке, которой ты и Ал заинтересовались.

– Дразнящий ключ к другим сокровищам, – спокойно ответил Питт, продолжая глядеть вдаль.

– Где?

– На дне моря. На ярлычке было написано: «Кораблекрушения при перевозке ценных грузов».

Лили подняла на Питта заинтересованный взгляд.

– Карта подводных сокровищ?

– Сокровищ на свете много, – ответил он почти отстранение.

– И ты хочешь их найти.

Питт ласково улыбнулся:

– Ну посмотреть-то никогда не мешает. К сожалению, дядя Сэм редко дает мне на это время. А ведь я еще не успел поискать Эльдорадо в бразильских джунглях.

Лили улыбнулась в ответ и легла на траву, глядя на тускнеющие в небе звезды.

– Интересно, где они похоронены?

Питт не сразу избавился от видения затопленного клада, но в конце концов все же спросил:

– Кто?

– Те, кто помогал Венатору спасти коллекцию Александрийской библиотеки.

Питт тряхнул головой:

– Юний Венатор – человек непредсказуемый, угадать его поступки очень сложно, почти невозможно. Он мог зарыть своих византийских коллег в любом месте на холмах, на берегу – где угодно.

Лили обняла Питта и привлекла его к себе. Из губы встретились, и на несколько секунд воцарилось молчание. В оранжевом небе над Ними закружил ястреб, но не обнаружил ничего интересного и полетел на юг, в Мексику. Лили открыла глаза и застенчиво потупилась:

– Как ты думаешь, они не будут возражать?

– Возражать против чего? – не понял Питт.

– Если мы займемся любовью на их могиле. Ведь вполне может оказаться, что они лежат как раз под нами.

Питт только крепче обнял Лили и прижал к груди. Потом он поднял голову, и на его губах заиграла задорная улыбка.

– Полагаю, что они не будут в претензии. Я бы, во всяком случае, точно не возражал.

Примечания

1

Александрийская библиотека – крупнейшее в древности собрание рукописных книг (от 100 до 700 тыс. томов). Основана в III веке до н. э. при Александрийском мусейоне. Часть ее сгорела в 47 году до н. э., часть уничтожена в 391 году н. э., остатки – в VII – VIII вв. – Здесь и далее, кроме указанных случаев, примеч. ред.

2

Феодосий I, Феодосий Великий Флавий (347 – 395) – римский император (379-395).

3

Так в тексте. В соответствии с английскими мерами длины (применяются в США, Канаде и других странах) миля морская (Великобритания) = 1853,2 м; миля морская (США) = 1852 м; миля уставная = 1609,344 м.

4

1 лига (статутная) = 3 (статутным) милям = 4,83 км. – Примеч. пер.

5

10,5 км.

6

Минус 58° по Цельсию.

7

Общее название североамериканских разновидностей дикого северного оленя.

8

В русском написании и прочтении – хи и ро соответственно.

9

То же, что высотомер.

10

NUMA (National Underwater&Marine Agency) – Национальное подводное и морское агентство.

11

Научно-исследовательское судно НУМА.

12

Город-порт в Гренландии.

13

Американский живописец (1912 – 1956). В сороковых годах выступил как глава «абстрактного экспрессионизма» – разновидности абстрактного искусства, основанного на интуитивности, не контролируемого разумом творчества. – Примеч. пер.

14

Тула (древнее название Толлан) – город в Мексике.

15

Название одного из ацтекских племен.

16

Топильцин – правитель Толлана и верховный жрец бога Кецалькоатля, поэтому полное имя – Топильцин Кецалькоатль.

17

Название партизанской войны в Испании и Латинской Америке.

18

Кецалькоатль, Уицилопочитль, Тескатлипока – древние боги ацтеков.

19

Теночтитлан – город, с XIV по XVI век столица государства ацтеков (на месте современного Мехико). Разрушен испанцами в 1521 году.

20

Питеас (Пифей) (IV в. до н. э.) – древнегреческий мореплаватель, астроном, математик и географ, между 350 и 320 годами до н. э. совершил плавание вдоль части северных и западных берегов Европы. Открыл острова Зеландия, Великобритания, Ирландия, моря Северное и Ирландское, пролив Каттегат и Бискайский залив.

21

Sweet pea – душистый горошек (англ.). – Примеч. пер.

22

Специальная конструкция из дерева в деревянном судне, расположенная под углом по отношению к килю и являющаяся как бы продолжением его в кормовой части судна.

23

Игра слов: scramble eggs – делать яичницу, scramble – шифровать (англ).

24

То же, что гуайява (гуаява, гуава, гойяба), крупный кустарник семейства миртовых, растущий в тропиках Америки.

25

Массивная часть судна, являющаяся продолжением киля и образующая носовую оконечность судна.

26

Бегучий такелаж – белые, несмоленые снаружи снасти, бывающие в частом движении, в передержке.

27

Константин I Великий (ок. 285 – 337), – римский император с 306 года. В 324 – 330 годы основал новую столицу – Константинополь – на месте города Византии. Константинополь (Царьград), столица Византийской империи, в 1453 году был взят турками и переименован в Стамбул.

28

Божество в эллинистическом Египте, культ которого был введен в IV веке до н. э. Египтяне отождествляли его с богом Осирисом, иногда с Аписом, греки – с Зевсом.

29

Древнеегипетское название страны в Восточной Африке. – видимо, на побережье Аденского залива. Объект грабительских походов египетских фараонов.

30

Государство в Южной Аравии в I тысячелетии до н. э. – первой половине I тысячелетия н. э.

31

Стратиграфия – раздел геологии, изучающий последовательность формирования горных пород. – Примеч. пер.

32

Обширная равнина на юго-востоке Палестины, где находились города Содом, Гоморра, а позже образовалось Мертвое море. До разрушения Содома и Гоморры эта долина, в недрах которой содержалась земляная смола, отличалась необычайной красотой и плодородием. – Примеч. пер.

33

Неточность автора. Аристофан жил за четыре столетия до Христа, то есть в 445 – 385 году до н. э. – Примеч. пер.

34

Каллимах (ок. 310 – ок. 240 г. до н. э.) писал в основном гимны, элегии и эпиграммы.

35

Древнегреческий историк и ритор второй половины I века до н.э.

36

В именительном падеже – Теотихуакан, Монте-Альбан, Тула, Чичен-Ица.

37

Обязательное безбрачие католического духовенства; узаконено папой Григорием VII (XI в.), практически утвердилось в XII веке.

38

Юнион флэг (Union flag), в просторечии Юнион Джек (Union Jack), -государственный флаг Соединенного Королевства.

39

Морское страховое регистрационное агентство США.

40

Гиппарх (ок. 180 или 190 – 125 до н. э.) – древнегреческий астроном, один из основоположников астрономии.

41

Дословный «перевод выражения: поставить себя на чье-либо место», то есть «влезть в его туфли». – Примеч. пер.

42

1 морская сажень = 1,8 метра. – Примеч. пер.

43

Дистанционно управляемый аппарат, подводная видеосистема ограниченного радиуса действия. Аббревиатура дана по английскому названию – Remote Operated Vehicle, – Примеч. пер.

44

Спасибо (исп.).

45

Известный голливудский актер.

46

Нактоуз (мор.) – деревянный шкафик цилиндрической или призматической формы, на верхнем основании которого устанавливается судовой компас.

47

Не говорю по-английски (исп.).

48

Эдуард-Йриксон Лейф (Счастливый) (ок.975 – ок.1022) – исланд. викинг. Ок. 1000 г. участвовал в христианизации гренландских переселенцев. В 1004 г. пересек прол. Дейвиса, проследил вост. берег п-ова Лабрадор и зимовал на о. Ньюфаундленд.

49

Мескито – род растений семейства бобовых. Колючие кустарники или деревья в тропиках и субтропиках обоих полушарий.

50

Преднамеренное применение ложных, обманчивых доводов; словесные ухищрения, вводящие в заблуждение.

51

Бездымный порох. – Примеч. пер.